УДК 81’27
ББК Ш100.621
П50

ISSN 1999-2629

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

POLITICAL LINGUISTICS

3(81)’2020

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2020. – Вып. 3 (81). – 269 с. – (Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81’27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Bud. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2020. – Issue 3 (81). – 269 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Благодарим РФФИ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 19-012-00465 А «Лингвополитическая персонология: когнитивный поворот».

We express our gratitude to the Russian Foundation for Basic Research for material support of the project within Grant № 19-012-00465 A “Linguopolitical personology: cognitive turn”.

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

3(81)’2020

Научный журнал

Учредитель: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); http://politlinguist.ru/
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich’s Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2020

Ministry of Education of the Russian Federation
Federal State Budgetary Higher Education Institution
“Ural State Pedagogical University”

POLITICAL LINGUISTICS

3(81)’2020

Scientific journal

Founder: FSB HEI “Ural State Pedagogical University”

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); http://politlinguist.ru/
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИНЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published

Ekaterinburg 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

Э. В. Будаев	Российский государственный профессионально-педагогический университет, Нижний Тагил, Россия
М. Б. Ворошилова	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

В. Н. Базылев	Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Ю. В. Богоявленская	Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
Р. Гусман Тирадо	Университет Гранады, Гранада, Испания
Е. В. Дзюба	Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
С. В. Иванова	Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
В. И. Карасик	Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия
Н. Н. Кошкарова	Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
Е. А. Нахимова	Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
Н. Б. Руженцева	Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
О. А. Солопова	Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
Д. Вайс	Университет Цюриха, Швейцария
А. де Лазари	Лодзинский университет, Польша
И. Иньиго-Мора	Севильский университет, Испания
Б. Ю. Норман	Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
П. Серио	Лозаннский университет, Швейцария
Й. Сипко	Прешовский университет, Словакия
П. Стейнер	Пенсильванский университет, США
У Айхуа	Пекинский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
Л. Цонева	Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария
Дж. Шарафутдинов	Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
Ян Кэ	Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: Д. О. Морозов

Заведующий отделом перевода: С. М. Поляков

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2020
© Политическая лингвистика, 2020

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev	Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhniy Tagil, Russia
M. B. Voroshilova	Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

V. N. Bazylev	Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Y. V. Bogoyavlenskaya	Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
R. Guzman Tirado	University of Granada, Spain
E. V. Dzyuba	Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
S. V. Ivanova	Leningrad State University named after Alexander Pushkin, St. Petersburg, Russia
V. I. Karasik	Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
N. N. Koshkarova	South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
E. A. Nakhimova	Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
N. B. Ruzhentseva	Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
O. A. Solopova	South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
D. Weiss	University of Zurich, Switzerland
A. de Lazari	University of Łódź, Poland
I. Iñigo-Mora	University of Seville, Spain
B. Yu. Norman	Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
P. Seriot	University of Lausanne, Switzerland
J. Sipko	University of Prešov, Slovakia
P. Steiner	University of Pennsylvania, USA
Wu Aihua	Beijing Foreign Studies University, China
L. Tsoneva	St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria
G. Sharafutdinov	Guangdong University of Foreign Studies, China
Yang Ke	Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

ISSN 1999-2629

© FSB HEI “Ural State Pedagogical University”, 2020
© Political Linguistics, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика» 10

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Базылев В. Н. Эротический автопортрет на фоне Кремля: Александра Коллонтай 12

Балашова Л. В. Речевая метафора как способ репрезентации образа России в современных оппозиционных массмедиа 23

Ильясова С. В. Словообразовательная игра: от лингвокреативности до лингвоциничности (на материале языка современных российских СМИ) 39

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Амурская О. Ю., **Егорова А. Д.** Прагматический анализ поликодового текста (плаката) в политике Австрийской Республики 20-х годов 46

Гаврилов Л. А., **Зарипов Р. И.** О массовой коммуникации, которая приручает и манипулирует 53

Гуляева Е. В., **Макарова М. В.**, **Никитина И. С.** Вербальные средства дискредитации образа политика в американском медиапространстве 61

Дубин П. П. Пространственные оппозиции на политической арене Великобритании 68

Каменева В. А., **Рабкина Н. В.** Метафорическое моделирование адресата политического дискурса с позиции уровневой референции 77

Купина Н. А., **Пикулева Ю. Б.** Аксиологическое содержание внутрисемейных разговоров о политике 84

Никифорова М. В., **Нахимова Е. А.** Актуализация региональной идентичности в индивидуальном дискурсе губернатора Свердловской области Е. В. Куйвашева (на материале программных статей 2014—2019 гг.) 94

Попова Т. Г., **Кокорина К. А.** Гендерный фактор женского политического дискурса (на материале публичных выступлений Т. Мэй) 103

Софронова Л. В. Дискурсивные и стилистические особенности президентской политической речи в зависимости от ее адресата 110

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Дзюба Е. В., **Еремина С. А.** Представление исторического прошлого и настоящего России в учебных материалах по русскому языку: зарубежный взгляд 119

Иванов Д. И. Пространство субъектных зон «Свои» и «Чужие» как феномен политического сознания персонажей (на материале кинотекста «Холодное лето пятьдесят третьего») 139

Минасян А. А. Политический дискурс как инструмент формирования менталитета этносоциума: лингвориторический подход (на примере Армении) 150

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Баранов А. Н.
Ерохина Л. А.
Унижение и оскорбление в дискурсивном измерении.....162

Будаев Э. В.
Из истории зарубежной судебной фонетики.....171

Воркачев С. Г.
Лингвокультурный концепт «мздоимство» в юридическом дискурсе.....182

Зуга О. В.
Проблемы восприятия и интерпретации сочинительных конструкций с союзами *и*, *или* в законодательных актах Российской Федерации.....189

Салихова Э. А.
Лингвоэкспертная диагностика степени «оскорбительности» лексических единиц, вовлеченных в правовой дискурс.....198

Токарева Е. А.
Золотайко А. И.
Вопросы терминологии в законодательстве об обеспечении пособиями семей с детьми.....209

Хоменко А. Ю.
Бенькович Е. Р.
Гайнутдинова Д. И.
Гасанова Л. Р. кызы
Костина А. А.
Мазунина З. О.
Николаева А. С.
Пимонова Е. В.
Автоматическая обработка текста и лингвистическое моделирование как способы решения проблем атрибуционной лингвистики.....215

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ли Сыци
Изучение политической коммуникации в Китае.....225

Палашевская И. В.
Аль-Саммаррайе С. Д. М.
Репрезентация травматических событий афроамериканской истории в текстовом пространстве культуры США.....231

Сяо Цзинъюй
Ян Кэ
Экология языка в странах Балтии: взгляд китайских русистов 241

Хуан Тяньдэ
О возможности создания психолингвистического словаря китайских политических терминов.....248

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Рахимжанов К. Х.
Акошева М. К.
Персоналии в науке: к 60-летию профессора З. К. Темиргазиной 255

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика» 262

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal "Political Linguistics" 10

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Bazylev V. N. Erotic Self-Portrait Against the Background of the Kremlin: Alexandra Kollontai 12

Balashova L. V. Genuine Metaphor as a Way of Representing Russia's Image in Modern Opposition Mass Media 23

Il'yasova S. V. A Word Building Game: From Linguocreativity to Linguocynicism (On the Material of Modern Russian Mass Media) 39

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Amurskaya O. U., **Egorova A. D.** A Pragmatic Analysis of the Polycode Text (Poster) in the Politics of the Republic of Austria in the 1920s 46

Gavrilov L. A., **Zaripov R. I.** About Mass Communication that Tames and Manipulates 53

Gulyaeva E. V., **Makarova M. V.**, **Nikitina I. S.** Verbal Means of Discrediting the Image of a Politician in the Media Space of the USA 61

Dubin P. P. Spatial Oppositions in the Political Arena of Great Britain 68

Kameneva V. A., **Rabkina N. V.** Metaphorical Modeling of the Recipient of Political Discourse from the Position of Level-Based Reference 77

Kupina N. A., **Pikuleva Y. B.** Axiological Content of Intra-Family Conversations on Political Issues 84

Nikiforova M. V., **Nakhimova N. A.** Regional Identity Representation in the Individual Discourse of the Governor of Sverdlovsk Region E. V. Kuyvashev (On the Material of Program Articles of 2014—2019) 94

Popova T. G., **Kokorina K. A.** Gender-Specific Features of Female Political Discourse (Based on the Material of Public Speeches by T. May) 103

Sofronova L. V. Discursive and Stylistic Characteristics of Presidential Political Speeches Depending on their Addressee 110

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Dziuba E. V., **Eremina S. V.** Interpretation of the Historical Past and the Present of Russia in Russian Language Teaching Materials: A View from Abroad 119

Ivanov D. I. The Space of the Subject Zones "Own" and "Alien" as a Phenomenon of Political Consciousness of Characters (Based on «The Cold Summer of 1953» Screenplay) 139

Minasyan A. A. Political Discourse as an Instrument of Formation of Mentality of a Multinational Society: Linguorhetorical Approach (On the Example of Armenia) 150

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Baranov A. N.
Erokhina L. A.
Humiliation and Insult in Discourse 162

Budaev E. V.
From the History of Foreign Forensic Phonetics 171

Vorkachev S. G.
Linguocultural Concept of “Bribery” in Juridical Discourse 182

Zuga O. V.
Problems of Comprehension and Interpretation of Coordinating Constructions with the Conjunctions *и* and *или* in Legislative Acts of the Russian Federation 189

Salikhova E. A.
Linguistic Expertise of the Degree of “Insulting Potential” of Lexical Units Used in Legal Discourse 198

Tokareva E. A.
Zolotaiko A. I.
Issues of Terminology in the Legislation on Providing Social Benefits for Families with Children 209

Khomenko A. Yu.
Ben'kovich E. R.
Gaynutdinova D. I.
Gasanova L. R. kyzy
Kostina A. A.
Mazunina Z. O.
Nikolaeva A. S.
Pimonova E. V.
Automatic Text Processing and Linguistic Modeling as Instruments for Solving Problems of Text Attribution 215

PART 5. FOREIGN EXPERIENCE

Li Siqi
Political Communication Studies in China 225

Palashevskaya I. V.
Al-Sammarraie S. J. M.
Representation of African American Traumatic Historic Events in the USA Culture Texts Space 231

Xiao Jingyu
Yang Ke
Ecology of Language in the Baltic Countries: A View of Chinese Specialists in Russian Studies 241

Huang Tiande
On the Possibilities of Creating a Psycholinguistic Dictionary of Chinese Political Terms 248

PART 6. REVIEWS. CHRONICLE

Rakhimzhanov K. H.
Akosheva M. K.
Personalities in Science: To the 60th Anniversary of the Birth of Professor Z. K. Temirgazina 255

Manuscripts Requirements 262

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (http://publicet.org/code/), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (http://publicationethics.org/resources/code-conduct) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru,* в Научной электронной библиотеке *E-library,* а также на сайте *cognitiv.narod.ru,* где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации как современных исследований зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru., shinkari@mail.ru.

Интернет-сайт: http://politlinguist.ru/

Группа в социальной сети «Фейсбук»: https://www.facebook.com/groups/296664587806086/

С уважением
и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42:811.161.1'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-006.23 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19*
DOI

В. Н. Базылев
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8952-9485 ☑

☑ ***E-mail:*** *v-bazylev@inbox.ru.*

Эротический автопортрет на фоне Кремля: Александра Коллонтай

АННОТАЦИЯ. *Статья написана в продолжение серии публикаций о советских политических деятелях. Она продолжает серию психополитического анализа автопортретов той эпохи. Предыдущие статьи автора были посвящены таким партийным и государственным деятелям, как Лазарь Каганович и Никита Хрущев, Леонид Брежнев и Михаил Горбачев, Андрей Громыко и Кирсан Илюмжинов, Леонид Кучма и Аскар Акаев. Данный материал посвящен ответу на вопрос, почему пропагандистский и художественный дискурс А. Коллонтай перестает быть идеологически и политически востребованным именно в 1922 году. Типовые комментарии в биографиях А. Коллонтай содержат следующие объяснения: простая констатация факта — «наступление на А. М. Коллонтай и ее идеи началось в 1923 году» либо указания на последствия дискуссии о профсоюзах с участием А. Коллонтай в так называемой рабочей оппозиции. Ни то, ни другое, с нашей точки зрения, не объясняет лингвокультурную ситуацию. Гипотеза и результаты исследования свидетельствуют, что идеологически востребованный образ новой советской женщины, которую А. Коллонтай «рисовала» с себя, опредмечивая свой автопортрет, входит в противоречие с новой идеологической политикой советской власти, находящей свое выражение в новом Уголовном кодексе и новом Кодексе о семье.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *автобиографии политиков; автобиографические материалы; художественно-пропагандистский дискурс; политический дискурс; лингвоперсонология; новая мораль; речевой портрет.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор Института иностранных языков им. Мориса Тореза, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; e-mail: v-bazylev@inbox.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Базылев, В. Н.* Эротический автопортрет на фоне Кремля: Александра Коллонтай / В. Н. Базылев // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 12-22. — DOI.

А. Вайль заметил, что «советская идеология, захватывая хорошие слова, присвоила себе любовную лексику <…> как в советском анекдоте об уроке полового воспитания: есть любовь мужчины к женщине — об этом вам знать еще рано, есть любовь мужчины к мужчине — об этом говорить стыдно, поговорим о любви к партии» [Вайль 2011: 68]. Огромное количество небольших по объему брошюр, написанных А. Коллонтай «о любви» до середины 20-х годов — о любви мужчины и женщины, о «любви втроем», о любви к партии, — это не только некий свод представлений новой политической силы России, партии большевиков, об основополагающих понятиях нравственности, морали, пола, семейных отношений. Это, не в меньшей степени, автопортрет видной общественной деятельницы первой четверти XX в., на котором легко прочитывается та система ценностей и идеалов, в соответствии с которыми предполагалось строить новое общество. В нем все должно быть иным, новым по сравнению с дореволюционным временем. В том числе женщина, ее роль и функции. В 1918 г. А. Коллонтай напишет: «…опору женщина должна научиться искать в другом месте, искать и получать ее не от мужчины, а от коллектива, от государства. На месте прежней семьи вырастает новая форма общения между мужчиной и женщиной: товарищеский союз двух свободных, зарабатывающих, равноправных членов коммунистического общества» [Коллонтай 1920а: 4]. Все, написанное А. Коллонтай о «новой любви», — это не только документальные свидетельства эпохи, но и определенный ключ, объясняющий истоки многих морально-психологических и социальных проблем советского и постсоветского времени.

О самой А. Коллонтай, правда, написано было немало — и у нас, и за рубежом. Писали по-разному, в зависимости от идеологической конъюнктуры эпохи: патетически официозно, как о славной большевичке и первой советской женщине-дипломате, биографически нейтрально со всеми подробностями личной жизни, наконец, скандально-разоблачительно, как о валькирии, блуднице революции и куртизанке [Иткина 1970; Ицелев 1987; Соколов 2014]. При этом авторов мало интересовал вопрос, почему в ее биографии переломным стал именно 1922 год. В научной литературе присутствуют два ти-

© Базылев В. Н., 2020

повых объяснения: простая констатация факта без интереса к причинам этого биографически важного события либо указание на связь с так называемой дискуссией о профсоюзах, развернувшейся после выступления Л. Троцкого, и участием А. Коллонтай в так называемой рабочей оппозиции. Ни то, ни другое, с нашей точки зрения, не является достаточным для объяснения ситуации.

Поэтому читать А. Коллонтай нужно и на фоне читательских ожиданий своего времени, и на фоне постоянно меняющейся, ищущей и мятущейся между новым и старым политики и идеологии «кремлевских мечтателей», как вслед за Г. Уэллсом можно назвать не только Ленина, но и Троцкого, и Сталина, и саму Коллонтай. Читать ее надо на фоне целой серии кремлевских контекстов. Читать ее надо, помимо прочего, для того, чтобы ответить на вопрос, почему пропагандистский дискурс о «новой любви» так неожиданно прерывается в публицистическом и художественном творчестве А. Коллонтай после 1922 года. С точки зрения исследования советского политического дискурса это представляет интерес, так как интертекстуальность этого события, в чем-то частного и сугубо личного, выводит нас на иной уровень понимания советского идеологического дискурса пореволюционной эпохи.

КОНТЕКСТ БИОГРАФИЧЕСКИЙ

Александра Михайловна Коллонтай (1872—1952) в той части жизнеописания, которое представляет для нас тематический интерес, вопреки воли родителей выдать ее замуж за адъютанта императора, вышла за дальнего родственника, выпускника Военно-инженерной академии, бедного офицера Владимира Коллонтая. Через пять лет она оставила мужа и сына, чтобы участвовать в революционном движении. Л. Млечин приводит фрагмент ее дневника: «Я хотела быть свободной. Маленькие хозяйственные и домашние заботы заполоняли весь день, и я не могла больше писать повести и романы… Как только маленький сын засыпал, я шла в соседнюю комнату, чтобы снова взяться за книгу Ленина» [Млечин 2013: 273]. В 1905 г. она познакомилась с В. И. Лениным. Во время Первой мировой выполняла его специальные поручения. В Россию вернулась после Февральской революции. Лично от Ленина получила пост народного комиссара общественного призрения в первом составе Совета народных комиссаров. При наркомате создала Отдел по охране материнства и младенчества и Коллегию по охране и обеспечению материнства и младенчества. Стала инициатором создания и заведующей (все до того же 1922 г.) женотделом ЦК РКП(б), целью которого была борьба за уравнение в правах женщин и мужчин, борьба с неграмотностью среди женского населения, информирование о новых условиях труда и организации семьи.

Так Кремль стал фоном всей ее жизни. Она много писала пропагандистских просветительских брошюр в стилистике того времени: «Как борются работницы за свои права», «Новая женщина», «Новая мораль и рабочий класс» [Коллонтай 1919а; Коллонтай 1919б; Коллонтай 1920д]. Именно эти пропагандистские брошюры, художественные по формату и пропагандистские по своей задумке и исполнению, повести и рассказы образуют для нас корпус исследовательских материалов. Поясним: вне зависимости от того, когда они были созданы по времени (многие из них были в первом варианте написаны еще до революции 1917 г.), важно то, что они массовыми тиражами печатались, переиздавались и распространялись уже в пореволюционную эпоху.

Еще раз укажем на следующую принципиальную для нашего исследования дату — 1922 год. Дата эта связана была не столько, как мы покажем далее, с «дискуссией о профсоюзах» в 1921 г., после которой А. Коллонтай была отправлена в своеобразную политическую ссылку до конца жизни, на дипломатическую работу, и тем самым выключена из активной «кремлевской» деятельности. Связана она была скорее с тем, что дискурсивный вакуум о сексуальности в Советском государстве, возникший после революции, наконец-то заполнился. В 1922 г. выходит первый большевистский Уголовный кодекс, на который в дальнейшем при минимальных изменениях будет ориентироваться позднеленинско-сталинский кодекс половой этики. После этого литературно-пропагандистская деятельность А. Коллонтай по созданию образа женщины нового типа, предполагающая воссоздание в ней автопортрета, перестает отвечать потребностям советского общественного строя. Кремль начинает «рисовать» иной фон общественной жизни. Интеллектуальный и идеологический фон, на котором жила, работала и «рисовала» себя А. Коллонтай, начинает меняться.

КОНТЕКСТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ

Будем объективны и непредвзяты. Не большевики в 1917-м, не пресловутый Серебряный век русской культуры, не российская интеллигенция начала XX в. начали расшатывание института брака и семьи. Вспомним хрестоматийные строки из грибоедовского «Горя от ума»: «Княгиня. Нет,

в Петербурге институт // Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут: // Там упражняются в расколах и в безверьи // Профессоры!! — у них учился наш родня, // И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи. // ***От женщин бегает, и даже от меня!*** // Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник, // Князь Федор, мой племянник» (д. III, явл. 21) [Базылев 2019].

Однако в обыденном сознании советского и постсоветского человека до сих пор проповедь новых моральный принципов и свободной любви, воззрений на семью и брак, помимо прочего, связывается с именем Александры Коллонтай. Это не совсем так. Об этом и после А. Коллонтай говорили многие. Например, Надежда Мандельштам пишет откровенно: «Я не понимала разницы между мужем и случайным любовником и, сказать по правде, не понимаю и сейчас… Мне иногда приходит в голову, что мое поколение напрасно разрушало брак, но все же я предпочла бы остаться одной, чем жить в лживой атмосфере серой семьи» [Мандельштам 2013: 78]. Вспомним: советская власть прибавила к эмансипации женщин физическое изъятие мужей и отцов — призыв на войну, на восстановление хозяйства и пр., а с ним и моральное обоснование иных воззрений на брак, семью и детей.

Брошюры А. Коллонтай, если ограничиться российским интеллектуальным контекстом первой четверти XX в., пронизаны сквозной темой — темой «про это». Именно так назовет свою поэму В. Маяковский, начавший писать ее в декабре 1922 г. и закончивший в феврале 1923 г. Обратим внимание на даты. С поэмы В. Маяковского «про это» началось преодоление всего российского интеллектуального наследия «новой любви»: В. Шкловский откроет полемику с В. Розановым на фоне публикации переписки Л. Толстого с женой; к 1922 г. в интеллектуальной атмосфере оформляется ирония по отношению к идеям Л. Карсавина — в журнале «Красная новь» выходит статья под заголовком «Кафедральная эротика»; в том же 1922 г. состоялось отплытие «философского парохода». Еще один фрагмент микроинтеллектуального контекста — это контекст литературных утопий. В нем, уже не актуальном для советской власти и общества начала 20-х, между «Философией общего дела» Н. Федорова и «Предполагаемым государственным устройством в будущем» П. Флоренского (он напишет его уже в застенках НКВД) весьма несвоевременным окажется фантастический рассказ А. Коллонтай «Скоро (через 48 лет)». Действие рассказа происходит 7 января 1970 г. Ячейкой нового общества является «коммуна». Семья уничтожена, а жилищный вопрос разрешается по казарменному типу: «…живут не семьями, а расселяются по возрастам. Дети — в „Дворцах ребенка“, юноши и девочки-подростки — в веселых домиках, окруженных садами, взрослые — в общежитиях, устроенных на разные вкусы, старики — в „Доме отдыхновения“» [Коллонтай 1922: 5—6]. Вопрос о том, откуда берутся дети, остается за рамками рассказа-утопии.

Мы говорим — несвоевременно, так как именно в этот момент из Кремля прозвучит разрешение на сатирическое отображение, прежде всего в кино и на сцене, искажений в понимании семьи и брака. «Деятели культуры» откликнутся на это «Мандатом» Н. Эрдмана или «Зойкиной квартирой» М. Булгакова. Чуть позже шквал сатиры завершится «Клопом» В. Маяковского. Сатирой на бездетные браки, в том числе. Эти вещи известны. Но было много вещиц «проходных», на злобу дня, актуальных только в ту конкретную эпоху. «Хочу ребенка» — так называлась пьеса драматурга и поэта Сергея Третьякова, в которой гротескно представлено желание некой Милды, агронома, родить ребенка, не вступая в брак. Пьеса, правда, не была поставлена, так как после читки она была признана чересчур физиологической, а публика была признана не готовой к ее правильному восприятию.

Смена дискурсивной практики в интеллектуальном аспекте завершается пародией — разрешенной пародией. По мнению М. Н. Золотоносова, таковым можно считать «Антисексус» А. Платонова. По его словам, это пародия и на сексуальные теории ранних пролетарских идеологов, и на многочисленные брошюры, среди которых, безусловно, выделяются брошюры А. Коллонтай, и на упомянутые выше социалистические утопии, и намеки на сексуальное поведение Маяковского, Брика и Шкловского, Авербаха, Гроссмана-Рощина, и конечно же на сексуальные прецеденты в рядах партийцев вплоть до ЦК ВКП (б), символами которого выступают Осинский и Землячка [Золотоносов 1999: 472, 494].

За всем этим, как фон, вставал Красный Кремль с его непоследовательной культурной политикой. В том же 1922 г. Ленин напишет статью «О значении воинствующего материализма». В ней он, напомним, обращается к проблеме распада семьи. Год спустя дело безнадежно к тому времени больного Ленина попытается продолжить Троцкий. Брошюра Л. Троцкого о новом быте вышла в 1923 г. Вот какие проблемы в коммунистической семье видит Л. Троцкий: «Муж-

коммунист живет активной общественной жизнью, растет вместе с ней и в этом находит смысл личной своей жизни. Но и жена, коммунистка, стремится принять участие в общественной работе, посещает собрания, работает в совете или в союзе. Семья либо незаметно сходит на нет, либо же конфликты на почве отсутствия семейного уюта накопляются, вызывают взаимное раздражение и — разрыв» [Троцкий 1923: 35—36].

Сложность семейного вопроса в Советской России, как видим, в 1923 г. достигает предельной остроты. Л. Троцкий не только проводит тогда серию совещаний с агитаторами-массовиками, но и публикует несколько брошюр, в которых приводит стенограммы острой полемики по обсуждаемым вопросам. Все это — на фоне идей Кремля о новом уголовном кодексе и кодексе о семье; на фоне брошюр Л. Троцкого, обозначающих повороты в социальной политике молодого Советского государства, и брошюр А. Коллонтай, пропагандирующих идеи уже устаревающие.

Тогда же началась дискуссия о новом брачном законодательстве, актуализированная на второй сессии ВЦИКа. Все это снова находит активное отражение в творчестве «деятелей культуры». А. Роом снимает «Третью Мещанскую» (другое название фильма — «Любовь втроем»). Сюжет подарил режиссеру В. Шкловский, вычитав его в газете 1923 г.: к одной женщине в роддом явились два друга-комсомольца, оба считались ее мужьями, и ничего антисоциального в том не видели. Но антисоциальность увидели в этом редакторы и «деятели культуры», ведь приближался первый год жизни советского народа по новому семейному кодексу. На этом фоне кремлевской новой идеологии пропагандистское и художественное творчество А. Коллонтай становится все менее актуальным.

К сожалению, сама А. Коллонтай этого не понимала. Даже несмотря на откровенные критические оценки и ее рассказов, и ее пьес. В том числе пьесы «Любовь пчел трудовых», которую попытался поставить Н. Крашенинников [Коллонтай 1923; Крашенинников]. В 1924 г. Ф. Буднев выступит с рецензией, по сути, на все художественное творчество А. Коллонтай в статье с говорящим названием «Половая революция». Он напишет: «Теперь о художественной ценности рассказов книги „Любовь пчел трудовых“. Как художник, А. Коллонтай чрезвычайно слаба. Краски ее палитры старомодны и, на удивленье, примитивны. Удовлетворительный рисунок ей удается, когда она ведет рассказ от первого лица. И уже совершенную беспомощность проявляет художник, когда пробует перешагнуть эти формальные рамки в рассказе-романе „Василиса Малыгина“. Роман страшно растянут, переполнен ненужными вводными эпизодами и сценами (утомительные описания завтраков, обедов, ужинов; описание посетителей и их разговоров в приемной секретаря губкома, и десятки других ненужных разговорных пустяков). Художник, что называется, потонул в мелочах и деталях. При сжатости и некотором изменении ритма в изложении, роман много выиграл бы. Кроме того, все рассказы пропитаны приторным сентиментализмом, часто граничащим с приторностью сусальной конфетки <…> По замыслу автора, Василиса Малыгина — женщина-партиец, вышедшая из рабочих низов. Она политический борец и борец со старыми половыми предрассудками. Она хочет понять физиологическую природу мужчины-мужа. Она опрокидывает старые понятия о муже, когда он ей изменяет с другими женщинами. Физиологической природой самца она оправдывает его измены. Она ценит в муже „не это“, а кое-что другое — любовь, основанную на одинаковости интересов борьбы, одинаковости классовых идеалов, сродства душ. Она хочет стать на голову выше современных общественных понятий о муже и жене. Она хочет стать героем новой половой морали. А благодаря напущенному в роман сентиментализму и привкусу сусальной конфетки, из закаленного борца Василисы Малыгиной получается самая обыкновенная, хнычущая интеллигентка; всех обнимающая, даже своих соперниц, и всех прощающая. Сплошное какое-то христианское смиренномудрие, аскетизм и всепрощение. С этой стороны все три рассказа Коллонтай — художественно слабы. Нет художественной монолитности. Везде сквозит какой-то художественный дуализм. Затем: во всяком художественном произведении ценно совпадение ритма жизни и ритма художественного языка. В рассказах Коллонтай — этого нет. Своим старомодным тягучим языком она не отразила бешенного темпа современной жизни. Это противоречие особенно бросается в глаза в «Василисе Малыгиной», занимающей 4/5 всей книги» [Буднев 1924: 243—248].

Пьеса, по понятным причинам, на сцене не пошла. А сама А. Коллонтай так и не поняла, что ее во многом автобиографически отрефлектированные сочинения на фоне принципов «новой жизни», декларируемых Кремлем, для читателя перестали представлять интерес. В стране стремительно менялся весь идеологический контекст.

КОНТЕКСТ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ

Выше мы упомянули об увлеченности молодой А. Коллонтай Лениным и о рабочих связях с ним в эмиграции. В духе эмансипационных настроений эпохи, повторимся, она активно писала статьи и призывала народ к сексуальной революции, пропагандировала так называемую теорию «стакана воды». По мнению Д. Хили, когда в октябре 1917 г. к власти пришли большевики, они унаследовали весь спектр либеральных и левацких взглядов на вставшую перед ними сексуальную революцию. Неудивительно, что их реакция на сексуальные вопросы как в правовом, так и в административном плане отразила все это многообразие. Казалось бы, возобладать должен был господствующий в русском марксизме аскетический подход к сексу и проникнутый рационализмом взгляд на человеческую сексуальную энергию как способную быть направленной на решение общественных задач. Но революционные идеалы оказались расцвеченными либертарианскими красками, что мотивировало тех, кто не только рассуждал, но практиковал весь спектр разрекламированных европейскими научными, культурными и социальным кругами представлений и возможностей сексуального поведения [Хили 2008: 142].

Вернемся, однако, к Владимиру Ильичу. На сексуальность Ленин вначале смотрел скорее с позиций рационализма, чем либертарианства. В 1915 г. в переписке с И. Арманд Ленин с прямолинейной ясностью высказал свое отношение к пониманию «свободы любви»: «Свобода от материальных и финансовых расчетов в деле любви — это наиважнейшее для пролетариев <…> в будущем любовь освободится от пут религиозных предрассудков, патриархального и социального уклада, закона, полиции, судов» [Ленин 1964: 51—52].

Но это было в 1915 г. А в 1920-м он встретится с Кларой Цеткин. Это уже Ленин стареющий. Из их беседы следует несколько иная оценка пореволюционной ситуации. Ленин говорил о том, что нельзя считать радости секса личным делом. Стенограмма фиксирует его слова: «Теория о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпись стакан воды, — это теория совершенно не марксистская и сверх того противообщественная» [Цеткин 1970: 22].

Из этой логики развития событий становится понятна ситуация, сложившаяся к началу 20-х гг.: Ленин начал говорить о том, что разрешение всех вопросов, связанных с понятием свободной любви, следует ожидать не раньше полной перестройки пролетариатом материального порядка. Эту мысль, зафиксированную в записных книжках той же К. Цеткин [Цеткин 1970: 58], можно считать косвенной реакцией на брошюру А. Коллонтай «Семья и коммунистическое государство», в которой проявляется агрессивное непонимание меняющейся на глазах ситуации в Советской России: «Откуда же берется это непростительное наше равнодушие к одной из существенных задач рабочего класса. Как объяснить себе то лицемерное отнесение „сексуальной проблемы“ к числу „дел семейных“, на которые нет надобности затрачивать коллективных сил и внимания? Как будто отношения между полами и выработка морального кодекса, регулирующего эти отношения, не являлось на всем протяжении истории одним из неизменных моментов социальной борьбы. Однако стоит говорить о „пролетарской этике“ и „пролетарской сексуальной морали“, чтобы натолкнуться на шаблонное возражение: пролетарская половая мораль — есть не более, как „надстройка“; раньше, чем изменится вся экономическая база, ей не может быть места. Весь опыт истории учит нас, что выработка идеологии социальной группы, а следовательно, и сексуальной морали, совершается в самом процессе многотрудной борьбы данной группы с враждебными социальными силами» [Коллонтай 1920а: 18—19].

Как видим, Кремль продолжал какое-то время после революции и во время Гражданской войны оставаться фоном ее литературно-пропагандистской работы. Однако дискурсивный вакуум, порожденный революцией и Гражданской войной, как мы уже говорили, постепенно заполнялся. Вектор изменений шел от переломного 1917 г., открывшего массу возможностей, к первому Уголовному кодексу Советской России 1922 г. — все того же 1922 г., эти возможности ограничившего и регулирующего. В Кремле начали вырабатывать своеобразный lex sexualis. Для этого была создана даже Центральная контрольная комиссия, своеобразное «сексуальное бюро» [Золотоносов 1999: 458]. Жизнь советского человека заполнялась внятным идеологическим дискурсом. Синкретизм интеллектуальных конструкций сменился позднеленинско-сталинской системой гендерных и семейных отношений. Сумбур в идеологических отношениях к сексуально-гендерной нестабильности в общественном сознании (в том числе периода НЭПа) сменился лозунгами и конкретностями первой пятилетки.

В. Беньямин в своем «Московском дневнике» писал: «Предпринята попытка приос-

тановить в государственной жизни динамику революционного процесса — желают того или нет, но начался процесс реставрации, однако несмотря на это революционную энергию стараются сохранить в молодежи, словно электроэнергию в батарее» [Беньямин 1997: 78]. Когда разрешено было сатирически отображать отдельные «перегибы» в строительстве нового общества, в упомянутом выше «Мандате» Н. Эрдмана прозвучат со сцены слова Надежды Петровны: «Да когда же настанет это старое время».

Сталинизм возродил и укрепил исконное представление о различиях между мужской и женскими формами сексуальности. Уголовный кодекс 1922 г. стал первым шагом на пути отказа советской власти от принципа сексуальной революции не на словах, а на деле. Дискурс перерос в практику. Вот как описывает этот процесс Д. Хили: «Предполагалось, что в конце концов пролетариат, гендер и город преобразятся, изгнав буржуазных дегенератов, затаившихся в тайных притонах и салонах, жизнь обновится. Женщинам в этом отводилась вновь особая роль. В производственной сфере эмансипация поощрялась. Тем временем движение общественниц пропагандировало фемининный идеал. Две тенденции сосуществовали в непростом моральном равновесии. Героизм личного самосовершенствования и достижений в труде, с одной стороны, и преисполненная долга забота о привнесении культуры во все сферы жизни — с другой. Культ материнства был вызван к жизни, чтобы устранить крайности маскулинизации. Опыт материнства объединял общественниц и женщин, работающих у станка» [Хили 2008: 248].

Сталинская семейная политика породила принудительную гетеросексуальность, которая сопровождалась призывами к повышению рождаемости на фоне демографического спада начала 20-х гг. и постоянно маячившей на горизонте новой войны. С 1922 г. зарождается новая дискурсивная практика: нормальным молодым девушкам постоянно напоминали слова Ленина о то, что их свобода любить не является свободой от серьезной любви, от деторождения, а культ материнства должен напоминать ей о цели ее сексуальности.

АВТОПОРТРЕТ КАК КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ КОЛЛАЖ

Итак, в 1922 г. жизнь начнет меняться. Пока же А. Коллонтай широкими мазками рисует с себя портрет новой женщины — современницы и женщины будущего. Она сама и женщина в ее брошюрах верят в счастливые социальные изменения. Зазвучит моральный пафос: надоело бесконечное упадническое и декадентское разочарование в человеке и мире. Нужен анализ зла — социального, исторического и политического. Он будет подробно дан в лекциях, прочитанных А. Коллонтай в университете им. Я. Свердлова: от роли и положения женщины при первобытном коммунизме до движения феминисток и участия работниц в классовой борьбе, от женского труда военного времени до революционного быта и революционных нравов и перспектив женского труда. «Революция не только вывела женщину на простор общественной жизни из замкнутой, душной атмосферы семьи, но и с невероятной быстротой привила ей чувство связи с коллективом» [Коллонтай 1922а: 183].

Вырисовывается обобщенное лицо «новой женщины», списанное с самой себя: «С момента образования Советов работницы и крестьянки являлись деятельными их членами. Во всероссийском масштабе женщина была членом Совнаркома, Народным Комиссаром Социального Обеспечения… Многие коммунистки состоят членами коллегии наркоматов, не говоря уже о заведующих советскими отделами. Таких работников нового, советского строя мог так поспешно выковать лишь молот коммунизма на жарком пламени революционной борьбы» [Коллонтай 1922а: 200].

В этой стилистике, списывая разнообразные женские образы и персонажей своих брошюр, той же Василисы Малыгиной, как будто с себя самой, А. Коллонтай будет писать постоянно [Коллонтай 1920в; Коллонтай 1920д; Коллонтай 1921а; Коллонтай 1921г].

«Мы — такие же борцы и гражданки, как наши товарищи-мужчины. Мы не боимся опасности ради великого дела освобождения рабочих. Нам бы винтовку на плечо, да на фронт. Работницам и крестьянкам, которые так рассуждают, нет запрета выполнить свое заветное желание» [Коллонтай 1919г: 26].

На этом фоне конструктивистики стирается дистанция между полами, принимая искривленное измерение.

«Семья перестает быть необходимостью, как для самих членов семьи, так и для государства. Прежняя форма семьи становится только обузой <…> Но не только семья, домашнее хозяйство тоже перестает быть необходимым <…> Да и воспитание детей — дело государства <…> На месте эгоистической замкнутой семейной ячейки вырастает большая всемирная трудовая семья, где все трудящиеся, мужчины и женщины, станут прежде всего братьями и товарищами. Вот какую форму общения должно будет принять в коммунистическом строе

общение между мужчиной и женщиной. Но именно эта форма гарантирует человечеству расцвет тех радостей свободной любви…» [Коллонтай 1920а: 9—10, 15, 24].

Если попытаться визуализировать мечты А. Коллонтай, речь идет, напомним, об автопортрете, то в памяти всплывают иллюстрации А. Родченко к упомянутой выше поэме В. Маяковского «Про это»: некий автопортрет в духе конструктивизма, но не живописный, а фотографический, в духе «нового видения», причем монохромного, в стилистике начала 20-х гг. С этого автопортрета на нас глядит женщина, которая выглядывает из-за бюста Ленина, на том же автопортрете — аллегории стертых метафор: свинцовые мерзости русской жизни, русская удаль. Автопортрет говорит со зрителем: жизнь еще слишком дика, чтобы ее образумить, но ее нужно, скорее, по-женски вобрать в себя, чем отвергнуть, с присущим русской культуре нетерпением.

Так это рельефно выступает из текста: «Женский мир, как и мир мужской, разделен на два лагеря: один <…> примыкает к классам буржуазным, другой тесно связан с пролетариатом <…> Цель феминисток — возможно лучше устроить женщин <…> определенной социальной категории в современном эксплуататорском мире <…> Цель пролетарок — заменить старое антагонистическое классовое общество новым светлым храмом труда и братской солидарности» [Коллонтай 1919в: 3, 9; Коллонтай 1920в: 8].

Такой виртуальный автопортрет полностью соответствует новой пореволюционной словесности. Напомним, что А. Коллонтай писала не только пропагандистские брошюры, но и литературные произведения, которые, правда, также преследовали пропагандистские цели: «Большая любовь», «Василиса Малыгина», «Сестры». В ее художественной словесности можно видеть усиление эротической стихии. Это станет стилистическим знаком времени. Женщина противопоставляет насилию эротического действия не целомудренность или скромность мифологемной тургеневской девушки, но перекодирование страсти на жизнетворчество.

«За последние недели у Наташи накопилось особенно много спешного дела, требовавшего внимания, напряжения всех сил. От его исхода многое зависело. Как всегда, вокруг живого дела сгруппировались и живые, преданные ему люди.

Рабочая деловая атмосфера стала давать Наташе новое удовлетворение. Она ощущала себя винтиком в общем, дружно завертевшемся механизме. Она была нужна. И эта нужность сказывалась в более теплом отношении к ней друзей-соратников. Наташа стала „оттаивать“, и смех ее неожиданно звонко несся вдоль темного коридора скучной, деловой квартиры. А соратники улыбались» [Коллонтай 1923: 97—98].

А. Коллонтай не даром прозвали валькирией — «валькирией революции». С автопортрета на нас смотрит охотница за душами. Душа молодой советской женщины заботит ее, что сопровождается недовольством сексуальной идеологией партии, застывшей на уровне западного Просвещения. Это прочитывается в брошюре «Проституция и меры борьбы с ней».

«Проституция в нашей советской трудовой республике — это прямое наследие буржуазно-капиталистического прошлого, где только незначительная часть женщин занята была производительным трудом на народное хозяйство, а громадное число, более половины женского населения, жило за счет труда мужа, или отца, кормильца-мужчины» [Коллонтай 1921б: 12].

Автопортрет предлагает зрителю-читателю расширение зоны созерцания: от конкретики деталей до концептуальных обобщений. В брошюре «Новая мораль и рабочий класс», изданной в 1919 г., А. Коллонтай будет воссоздавать образы женщин из произведений Г. Гауптмана и Т. Манна, Г. Мейзедь-Хесс и Т. Щепкиной-Куперник, примеряя их на себя. Обращаясь со своего автопортрета к читателю-зрителю на языке революции, А. Коллонтай объявит женщину равноправной, но не сможет сделать ее равноправной, объявит о пересмотре отношений между полами, но не сможет понять позднелениниско-сталинских политических и экономических реформ. Объявит о новых качествах, которые должна воспитать в себе «новая женщина»: побеждать свои эмоции и выработать внутреннюю самодисциплину; проявлять уважение к свободам и чувствам других, желать и искать бережного отношения к своей личности, к своей душе, не выносить проявления деспотизма. Вот лишь некоторые цитаты: «Современная, новая женщина не только не боится самостоятельности, но и научается ею дорожить по мере того, как интересы ее все шире и шире выходят за пределы семьи, дома, любви»https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%D0%B0 - cite_note-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C-6; «Новая женщина не скрывает своей сексуальности, она

против „двойной морали“ в отношении с мужчиной» [Коллонтай 1921: 3; Коллонтай 1920г: 21].

Однако упомянутые выше прообразы художественной словесности того времени свидетельствовали уже о несостоятельности авангардистской идентичности как modus vivendi. По сути это начало выпадения из новой культуры, выпадения, все чаще ассоциирующегося с русским авангардом — хармсовским «выпадением из окна старушек». По словам Ж. Жаккара, авангард в лице А. Коллонтай дошел до конца системы, выработанной в начале 20-х, но по дороге ценности посылок были опрокинуты, и ожидаемый амбициозный результат превратился в метафизический хаос [Жаккар 1995: 250]. Этого Кремль, разумеется, допустить не мог. «Хаос» должен был быть превращен в «космос», т. е. в новый порядок, что так чутко в свое время в ранних философских работах 20-х гг. отразил А. Ф. Лосев.

На этом фоне тексты А. Коллонтай, рисующей с себя портрет новой женщины, приобретают, как ни странно, некоторые архаические черты иллюстративности. Так происходит в брошюре «Общество и материнство»: «Необеспеченность миллионов женщин-матерей и отсутствие попечения о младенцах со стороны общества создают всю остроту современного конфликта о несовместимости профессионального труда женщины и материнства, конфликта, лежащего в основе всей материнской проблемы. Стонет работница под семейным ярмом, изнемогает она под тяжестью тройных обязанностей: профессиональной работницы, хозяйки и матери» [Коллонтай 1921в: 7].

То же касается и образа, вернее, автообраза «холостой женщины» с новым психологическим складом, с новыми запросами. Этим женщинам не чужды любовные переживания, более того, они постоянно находятся в поисках недостижимого идеала: гармонии страсти и душевной близости, совмещения любви со свободой, соединения товарищества с обоюдной независимостью [Коллонтай 1919б: 21].

Обычная жизнь, «жизнь как жизнь», которая проходит фоном на автопортрете за бюстом Ленина, приобретает все типовые черты мещанства: прикованность к домашнему быту, мечты о семье, забота о детях и их воспитании. Но это не все: на том же фоне возникает образ мужчины как коллективный образ вины. С немым вопросом: от кого рожать? Ведь мужчины перестают быть характерами, это теперь привилегия женщин.

«Лозунг, брошенный в широкие женские массы трудовой республикой: „Будь матерью и не только для своего ребенка, но и для всех детей рабочих и крестьян“ — должен научить трудящихся женщин *по-новому* подходить к материнству» [Коллонтай 1919а: 113].

Советские женщины пореволюционных годов, списывая свой образ с автопортрета «валькирии революции», быстро прошли стадию освобождения от табу. Выявили несостоятельность мужчин, заместили их по общественной функции, попробовали наркотики, научились ругаться матом. Тем самым реализовали вековечную мечту — они сравнялись с мужчинами. Прошел период раскрепощения. Но тут же выясняется, что проблема материнства — это проблема общественно значимая, от которой зависит состояние трудовых и военных ресурсов государства. Следовательно, материнство должно вменяться в обязанности женщин. Здесь речь идет, по сути, о создании системы государственного патриархата. Государство обязывает женщину рожать в интересах трудовой республики для обеспечения непрерывного притока свежих работников в будущем.

Лишь господствующий в те годы конструктивистский подход в живописи, фотографии и словесности позволяет А. Коллонтай поместить на автопортрете следующий «кусок» текста: «К вопросу обеспечения материнства Советская Россия подошла с точки зрения основной задачи трудреспублики: развития производительных сил страны, подъема и восстановления производства. <…> освободить возможно большее число трудовых сил от непроизводительного труда, умело использовать в целях хозяйственного воспроизводства все наличие рабочих рук; во-вторых, обеспечить трудовой республике непрерывный приток свежих работников в будущем… Трудовая республика подходит к женщине прежде всего как к трудовой силе, единице живого труда; функцию материнства она рассматривает как весьма важную, но дополнительную задачу, притом задачу не частно-семейную, а также социальную» [Колонтай 1920б: 10—11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках господствующей конструктивисткой эстетики и на фоне идеологических «колебаний линии партии», а именно Кремля, А. Коллонтай удавалось до начала 20-х моделировать действительность. Все бы ничего, если бы не новые контексты — идеологические, биографические и интеллектуальные. Становилось ясно: пока, по мысли Ленина, не будет завершена перестройка всего материального порядка, ничего изменить нельзя. На автопортрете А. Коллонтай «слева» материализуются фантомы

обманутых ожиданий. Становится видна Советская Россия, которую пока изменить нельзя. Всё на фоне — ближнем и дальнем — мечтает о самосохранении. На фоне автопортрета А. Коллонтай проступает групповой коллаж поколения с тоской в глазах по «старому новому времени». На отрывном календаре — 1922 год.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев, В. Н. Фамусов — исполнение мечты (фрагмент тотального комментария к грибоедовскому «Горю от ума») / В. Н. Базылев. — Текст : непосредственный // Русская словесность. — 2019. — № 2. — С. 42—55.
2. Беньямин, В. Московский дневник / В. Беньямин. — Москва : Ad Marginem, 1997. — 224 с. — Текст : непосредственный.
3. Буднев, Ф. Половая революция / Ф. Буднев. — Текст : непосредственный // На посту. — 1924. — № 1. — С. 243—248.
4. Вайль, П. Стихи про меня / П. Вайль. — Москва : Ко-Либри : Азбука-Аттикус, 2011. — 688 с. — Текст : непосредственный.
5. Жаккар, Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда / Ж.-Ф. Жаккар. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1995. — 471 с. — Текст : непосредственный.
6. Золотоносов, М. Н. Слово и тело. Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX—XX веков / М. Н. Золотоносов. — Москва : Ладомир, 1999. — 830 с. — Текст : непосредственный.
7. Иткина, А. М. Революционер, трибун, дипломат: страницы жизни А. М. Коллонтай / А. М. Иткина. — Москва : Политиздат, 1970. — 287 с. — Текст : непосредственный.
8. Ицелев, Л. И. Александра Коллонтай — дипломат и куртизанка: грезы пчелы трудовой / Л. И. Ицелев. — Тель-Авив : Зеркало, 1987. — 321 с. — Текст : непосредственный.
9. Коллонтай, А. М. Новая женщина / А. М. Коллонтай. — Петроград : [б. и.], 1919а. — 185 с. — Текст : непосредственный.
10. Коллонтай, А. М. Новая мораль и рабочий класс / А. М. Коллонтай. — Москва : Всерос. центр. испол. ком. сов. р. к. и к. д., 1919б. — 61 с. — Текст : непосредственный.
11. Коллонтай, А. М. Работница-мать / А. М. Коллонтай. — Тамбов : Тамбовское агентство В. Ц. И. К., 1919в. — 29 с. — Текст : непосредственный.
12. Коллонтай, А. М. Работницы, крестьянки и Красный фронт / А. М. Коллонтай. — Москва : В. Ц. И. К Совет Р.,С.,К. и К. Депут., 1919г. — 32 с. — Текст : непосредственный.
13. Коллонтай, А. М. Семья и коммунистическое государство / А. М. Коллонтай. — Москва : Гос. изд-во, 1920а. — 49 с. — Текст : непосредственный.
14. Коллонтай, А. М. За три года / А. М. Коллонтай. — Москва : Гос. изд-во, 1920б. — 16 с. — Текст : непосредственный.
15. Коллонтай, А. М. Работница за год революции / А. М. Коллонтай. — Одесса : Губ. отд. печати, 1920в. — 16 с. — Текст : непосредственный.
16. Коллонтай, А. М. К истории движения работниц в России / А. М. Коллонтай. — Одесса : Изд. Губернского отдела печати, 1920г. — 32 с. — Текст : непосредственный.
17. Коллонтай, А. М. Как борются работницы за свои права / А. М. Коллонтай. — Ташкент : Туркестанск. гос. изд-во, 1920д. — 30 с. — Текст : непосредственный.
18. Коллонтай, А. М. Из моей жизни и работы / А. М. Коллонтай. — Одесса : Всеукраинское гос. изд-во, 1921а. — 55 с. — Текст : непосредственный.
19. Коллонтай, А. М. Проституция и меры борьбы с ней / А. М. Коллонтай. — Москва : Гос. изд-во, 1921б. — 23 с. — Текст : непосредственный.
20. Коллонтай, А. М. Общество и материнство / А. М. Коллонтай. — Москва : Гос. изд-во, 1921в. — 18 с. — Текст : непосредственный.
21. Коллонтай, А. М. Работница и крестьянка в Советской России / А. М. Коллонтай. — Петроград : Междунар. секретариат по работе среди женщин при Исполкоме Коминтерна, 1921г. — 48 с. — Текст : непосредственный.
22. Коллонтай, А. М. Положение женщины в эволюции хозяйства: лекции, читанные в Университете имени Я. М. Свердлова / А. М. Коллонтай. — Москва : Гос. изд-во, 1922а. — 208 с. — Текст : непосредственный.
23. Коллонтай, А. М. Скоро (через 48 лет) / А. М. Коллонтай. — Омск : Изд-во Сиббюро Ц. К. Р. К. С. М., 1922б. — 12 с. — Текст : непосредственный.
24. Коллонтай, А. М. Любовь пчел трудовых / А. М. Коллонтай. — Москва : Госиздат, 1923. — 120 с. — Текст : непосредственный.
25. Крашенинников, Н. А. Вася: Любовь пчел трудовых: Пьеса из совр. жизни в 4 действ. с прологом и эпилогом по роману А. М. Коллонтай и Н. А. Крашенинникова / Н. А. Крашенинников. — Москва : Теакинопечать, [б.г.]. — 101 с. — Текст : непосредственный.
26. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 49 / В. И. Ленин. — Изд. 5-е. — Москва : Политиздат, 1964. — 560 с. — Текст : непосредственный.
27. Мандельштам, Н. Я. Мой муж — Осип Мандельштам / Н. Я. Мандельштам. — Москва : АСТ, 2013. — 480 с. — Текст : непосредственный.
28. Млечин, Л. М. Коллонтай / Л. М. Млечин. — Москва : Молодая гвардия, 2013. — 478 с. — Текст : непосредственный.
29. Соколов, Б. В. Александра Коллонтай. Валькирия и блудница революции / Б. В. Соколов. — Москва : Вече, 2014. — 280 с. — Текст : непосредственный.
30. Троцкий, Л. Д. Вопросы быта / Л. Д. Троцкий. — Москва : Красная Новь, 1923. — 163 с. — Текст : непосредственный.
31. Хили, Д. Гомосексуальное влечение в революционной России. Регулирование сексуально-гендерного диссидентства / Д. Хили. — Москва : Ладомир, 2008. — 620 с. — Текст : непосредственный.
32. Цеткин, К. Воспоминания о Ленине. В 5 т. Т. 5 / К. Цеткин. — Москва : Политиздат, 1970. — 240 с. — Текст : непосредственный.

V. N. Bazylev
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8952-9485 ☑

☑ ***E-mail:*** *v-bazylev@inbox.ru.*

Erotic Self-Portrait Against the Background of the Kremlin: Alexandra Kollontai

ABSTRACT. *The article is written as a continuation of a series of publications about Soviet political figures. It continues a series of psychopolitical analyses of self-portraits of that era. Previous articles by the author were devoted to such party and state figures as Lazar Kaganovich and Nikita Khrushchev, Leonid Brezhnev and Mikhail Gorbachev, Andrey Gro-*

myko and Kirsan Ilyumzhinov, Leonid Kuchma and Askar Akayev. This article is devoted to the answer to the question: why does the propaganda and fiction discourse of A. Kollontai cease to be ideologically and politically demanded in 1922? Typical comments in the biographies of A. Kollontai contain the following explanations: a simple statement of the fact — "the attack on A. Kollontai and her ideas began in 1923", or the consequences of the discussion about trade unions and the participation of A. Kollontai in the so-called labor opposition. Neither, from the point of view of the author, explains the linguocultural situation. The hypothesis and the results of the study indicate that the ideologically popular image of the new Soviet woman, whom A. Kollontai "drew" from herself, objectifying her self-portrait, contradicts the new ideological policy of the Soviet government, which is expressed in the new Criminal Code and the new Family Code.

KEYWORDS: *autobiographies of politicians; autobiographical materials; artistic propaganda discourse; political discourse; linguopersonology; new morality; speech portrait.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Bazylev Vladimir Nikolaevich, Professor, Doctor of Philology, Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Bazylev, V. N.* Erotic Self-Portrait Against the Background of the Kremlin: Alexandra Kollontai / V. N. Bazylev // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 12-22. — DOI.

REFERENCES

1. Bazylev, V. N. Famusov — the Fulfillment of a Dream (fragment of a total commentary on Griboedov's "Woe from Wit") / V. N. Bazylev. — Text : unmediated // Russian Literature. — 2019. — No. 2. — P. 42—55. [Famusov — ispolnenie mechty (fragment total'nogo kommentariya k griboedovskomu «Goryu ot uma» / V. N. Bazylev. — Tekst : neposredstvennyy // Russkaya slovesnost'. — 2019. — № 2. — S. 42—55]. — (In Rus.)

2. Ben'yamin, V. Moscow Diary / V. Benjamin. — Moscow : Ad Marginem, 1997. — 224 p. — Text : unmediated. [Moskovskiy dnevnik / V. Ben'yamin. — Moskva : Ad Marginem, 1997. — 224 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Budnev, F. Sexual Revolution / F. Budnev. — Text : unmediated // At the post. — 1924. — No. 1. — P. 243—248. [Polovaya revolyutsiya / F. Budnev. — Tekst : neposredstvennyy // Na postu. — 1924. — № 1. — S. 243—248]. — (In Rus.)

4. Vayl', P. Poems about Me / P. Vayl'. — Moscow : Colibri : ABC-Atticus, 2011. — 688 p. — Text : unmediated. [Stikhi pro menya / P. Vayl'. — Moskva : KoLibri : Azbuka-Attikus, 2011. — 688 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

5. Jacquard, J.-F. Daniil Kharms and the End of the Russian Avant-garde / J.-F. Jacquard. — St. Petersburg : Academic Project, 1995. — 471 p. — Text : unmediated. [Daniil Kharms i konets russkogo avangarda / Zh.-F. Zhakkar. — Sankt-Peterburg : Akademicheskiy proekt, 1995. — 471 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

6. Zolotonosov, M. N. Word and Body. Sexual Aspects, Universals, Interpretations of the Russian Cultural Text of the 19th — 20th Centuries / M. N. Zolotonosov. — Moscow : Ladomir, 1999. — 830 p. — Text : unmediated. [Slovo i telo. Seksual'nye aspekty, universalii, interpretatsii russkogo kul'turnogo teksta XIX—XX vekov / M. N. Zolotonosov. — Moskva : Ladomir, 1999. — 830 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

7. Itkina, A. M. Revolutionary, Stands, Diplomat: Pages of Life of A. M. Kollontai / A. M. Itkina. — Moscow : Politizdat, 1970. — 287 p. — Text : unmediated. [Revolyutsioner, tribun, diplomat: stranitsy zhizni A. M. Kollontay / A. M. Itkina. — Moskva : Politizdat, 1970. — 287 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

8. Itselev, L. I. Alexandra Kollontai — Diplomat and Courtesan: Dreams of a Labor Bee / L. I. Itselev. — Tel Aviv : The Mirror, 1987. — 321 p. — Text : unmediated. [Aleksandra Kollontay — diplomat i kurtizanka: grezy pchely trudovoy / L. I. Itselev. — Tel'-Aviv : Zerkalo, 1987. — 321 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

9. Kollontay, A. M. New Woman / A. M. Kollontai. — Petrograd : [b. and.], 1919a. — 185 p. — Text : unmediated. [Novaya zhenshchina / A. M. Kollontay. — Petrograd : [b. i.], 1919a. — 185 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

10. Kollontay, A. M. New Morality and the Working Class / A. M. Kollontai. — Moscow : All-Russian Centre of executive com. of Soviet R. K. and K.D., 1919b. — 61 p. — Text : unmediated. [Novaya moral' i rabochiy klass / A. M. Kollontay. — Moskva : Vseros. tsentr. ispol. kom. sov. r. k. i k. d., 1919b. — 61 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

11. Kollontay, A. M. Worker-mother / A. M. Kollontai. — Tambov : Tambov Agency V. Ts. I.K., 1919v. — 29 p. — Text : unmediated. [Rabotnitsa-mat' / A. M. Kollontay. — Tambov : Tambovskoe agentstvo V. Ts. I. K., 1919v. — 29 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

12. Kollontay, A. M. Workers, Peasant Women and the Red Front / A. M. Kollontai. — Moscow : V. Ts. I. K. Council R., S., K. and K. Deput., 1919. — 32 p. — Text : unmediated. [Rabotnitsy, krest'yanki i Krasnyy front / A. M. Kollontay. — Moskva : V. Ts. I. K Sovet R.,S.,K. i K. Deput., 1919g. — 32 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Kollontay, A. M. Family and the Communist State / A. M. Kollontai. — Moscow : State Publishing House, 1920a. — 49 p. — Text : unmediated. [Sem'ya i kommunisticheskoe gosudarstvo / A. M. Kollontay. — Moskva : Gos. izd-vo, 1920a. — 49 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. Kollontay, A. M. For Three Years / A. M. Kollontai. — Moscow : State Publishing House, 1920b. — 16 p. — Text : unmediated. [Za tri goda / A. M. Kollontay. — Moskva : Gos. izd-vo, 1920b. — 16 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. Kollontay, A. M. A Worker for the Year of Revolution / A. M. Kollontai. — Odessa : Gov. Dep. of Print, 1920. — 16 p. — Text : unmediated. [Rabotnitsa za god revolyutsii / A. M. Kollontay. — Odessa : Gub. otd. pechati, 1920v. — 16 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Kollontay, A. M. On the History of the Movement of Women Workers in Russia / A. M. Kollontai. — Odessa : Ed. Provincial Press Department, 1920. — 32 p. — Text : unmediated. [K istorii dvizheniya rabotnits v Rossii / A. M. Kollontay. — Odessa : Izd. Gubernskogo otdela pechati, 1920g. — 32 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

17. Kollontay, A. M. How Workers Fight for Their Rights / A. M. Kollontai. — Tashkent : Turkestan State Publishing House, 1920d. — 30 s. — Text : unmediated. [Kak boryutsya rabotnitsy za svoi prava / A. M. Kollontay. — Tashkent : Turkestansk. gos. izd-vo, 1920d. — 30 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

18. Kollontay, A. M. From my Life and Work / A. M. Kollontai. — Odessa : All-Ukrainian State Publishing House, 1921a. — 55 p. — Text : unmediated. [Iz moey zhizni i raboty / A. M. Kollontay. — Odessa : Vseukrainskoe gos. izd-vo, 1921a. — 55 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

19. Kollontay, A. M. Prostitution and Measures to Combat It / A. M. Kollontai. — Moscow : State Publishing House, 1921b. — 23 p. — Text : unmediated. [Prostitutsiya i mery bor'by s ney / A. M. Kollontay. — Moskva : Gos. izd-vo, 1921b. — 23 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

20. Kollontay, A. M. Society and Motherhood / A. M. Kollontai. — Moscow : State Publishing House, 1921. — 18 p. — Text : unmediated. [Obshchestvo i materinstvo / A. M. Kollontay. — Moskva : Gos. izd-vo, 1921v. — 18 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

21. Kollontay, A. M. A Worker and a Peasant Woman in Soviet Russia / A. M. Kollontai. — Petrograd : Intern. Secretariat for Work among Women at the Executive Committee of the Comintern, 1921. — 48 p. — Text : unmediated. [Rabotnitsa i krest'yanka v Sovetskoy Rossii / A. M. Kollontay. — Petrograd : Mezhdunar. sekretariat po rabote sredi zhenshchin pri Ispolkome Kominterna, 1921g. — 48 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

22. Kollontay, A. M. The Position of Women in the Evolution of the Economy: Lectures Given at the Ya. M. Sverdlov University / A. M. Kollontai. — Moscow : State Publishing House, 1922a. — 208 p. — Text : unmediated. [Polozhenie zhenshchiny v evolyutsii khozyaystva: lektsii, chitannye v Universitete imeni Ya. M. Sverdlova / A. M. Kollontay. — Moskva : Gos. izd-vo, 1922a. — 208 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

23. Kollontay, A. M. Soon (after 48 years) / A. M. Kollontai. — Omsk : Publishing House of the Sibburo Ts. K.R.K. S.M., 1922b. — 12 p. — Text : unmediated. [Skoro (cherez 48 let) / A. M. Kollontay. — Omsk : Izd-vo Sibbyuro Ts. K. R. K. S. M., 1922b. — 12 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

24. Kollontay, A. M. Love of Labor Bees / A. M. Kollontai. — Moscow : State Publishing House, 1923. — 120 p. — Text : unmediated. [Lyubov' pchel trudovykh / A. M. Kollontay. — Moskva : Gosizdat, 1923. — 120 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

25. Krasheninnikov, N. A. Vasya: The Love of Labor Bees: A play from contemporary life in 4 acts with a prologue and epilogue based on the novel by A. M. Kollontai and N. A. Krasheninnikov / N. A. Krasheninnikov. — Moscow : Theatcinemaprint, [s. a.]. — 101 p. — Text : unmediated. [Vasya: Lyubov' pchel trudovykh: P'esa iz sovr. zhizni v 4 deystv. s prologom i epilogom po romanu A. M. Kollontay i N. A. Krasheninnikova / N. A. Krasheninnikov. — Moskva : Teakinopechat', [b.g.]. — 101 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

26. Lenin, V. I. Complete Works. V. 49 / V. I. Lenin. — Ed. 5th. — Moscow : Politizdat, 1964. — 560 p. — Text : unmediated. [Polnoe sobranie sochineniy. T. 49 / V. I. Lenin. — Izd. 5-e. — Moskva : Politizdat, 1964. — 560 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

27. Mandel'shtam, N. Ya. My Husband is Osip Mandelstam / N. Ya. Mandel'shtam. — Moscow : AST, 2013. — 480 p. — Text : unmediated. [Moy muzh — Osip Mandel'shtam / N. Ya. Mandel'shtam. — Moskva : AST, 2013. — 480 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

28. Mlechin, L. M. Kollontai / L. M. Mlechin. — Moscow : Young Guard, 2013. — 478 p. — Text : unmediated. [Kollontay / L. M. Mlechin. — Moskva : Molodaya gvardiya, 2013. — 478 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

29. Sokolov, B. V. Alexandra Kollontai. The Valkyrie and the Harlot of the Revolution / B. V. Sokolov. — Moscow : Veche, 2014. — 280 p. — Text : unmediated. [Aleksandra Kollontay. Val'kiriya i bludnitsa revolyutsii / B. V. Sokolov. — Moskva : Veche, 2014. — 280 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

30. Trotsky, L. D. Issues of Life / L. D. Trotsky. — Moscow : Krasnaya Nov, 1923. — 163 p. — Text : unmediated. [Voprosy byta / L. D. Trotskiy. — Moskva : Krasnaya Nov', 1923. — 163 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

31. Healy, D. Homosexual Attraction in Revolutionary Russia. Regulation of Sexual-Gender Dissidentism / D. Healy. — Moscow : Ladomir, 2008. — 620 p. — Text : unmediated. [Gomoseksual'noe vlechenie v revolyutsionnoy Rossii. Regulirovanie seksual'no-gendernogo dissidentstva / D. Khili. — Moskva : Ladomir, 2008. — 620 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

32. Tsetkin, K. Memoirs of Lenin. In 5 vol. Vol. 5 / K. Tsetkin. — Moscow : Politizdat, 1970. — 240 p. — Text : unmediated. [Vospominaniya o Lenine. V 5 t. T. 5 / K. Tsetkin. — Moskva : Politizdat, 1970. — 240 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19*
DOI

Л. В. Балашова
Саратовский национальный исследовательский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *sarteorlingv@yandex.ru.*

Речевая метафора как способ репрезентации образа России в современных оппозиционных массмедиа

АННОТАЦИЯ. *В статье в когнитивном и лингвистическом аспектах исследуются речевые метафоры, используемые в современном политическом массмедиа-субдискурсе. Материалом для анализа послужили 375 переносных употреблений, не зафиксированных в лексикографических источниках, которые были выявлены в результате сплошной выборки из 120 публикаций (75 000 слов), посвященных характеристике общественно-политической, социально-экономической ситуации в России, ее положения в мире и опубликованных в 2017 г. в интернет-изданиях оппозиционных общественно-политических газет коммунистической, национально-патриотической и либеральной направленности. Методологической базой исследования стало представление о метафоре как о когнитивном и моделируемом феномене, играющем важную роль в репрезентации языковой картины мира; в декларации и пропаганде взглядов, соответствующих идеологическим установкам субъектов речи. Цель статьи — выявить когнитивные принципы формирования речевых метафор в соотношении с языковыми моделями метафоризации, прагматические функции данных метафор. При анализе применяется комплексная методика системного семантического и когнитивного анализа языковых явлений. В работе устанавливаются типы речевых метафор на основе их креативности; выявляется система языковых концептуальных моделей, на базе которых формируются речевые переносы; анализируется роль речевых метафор в репрезентации языковой картины мира авторов публикаций. Отмечается, что во всех анализируемых массмедиа предпочтение отдается относительно креативным переносам, тем самым доступность восприятия и понимания адресатом текста ставится выше его эксклюзивности. Подчеркивается, что речевые метафоры в большинстве случаев расширяют сферы действия таких языковых концептуальных моделей метафоризации, как горизонтальная пространственная, вещественная, натуралистическая и артефактная. Характерной особенностью формирования речевых метафор становится совмещение в рамках одного контекста и одного значения нескольких концептуальных моделей, за счет чего усиливается экспрессия и воздейственность переносов. Обнаруживается определенная системность в такого рода контаминациях. С такой же целью регулярно используется актуализация внутренней формы / прямого значения у метафорического употребления. Подчеркивается, что в концептуальном аспекте продуктивностью отмечены те части когнитивных моделей метафоризации, которые связаны с негативной характеристикой социально-экономической, политической, морально-нравственной ситуации в России и ее положения в мировом сообществе. В заключение делается вывод о том, что в целом функционирование речевых метафор в оппозиционной прессе достаточно адекватно отражает идеологию авторов публикаций и их представление о развитии России в 2017 году.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *речевые метафоры; концептуальные модели; языковая картина мир; политическая метафорология; метафорическое моделирование; метафорические модели; когнитивная лингвистика; образ России; политический дискурс; Интернет; интернет-дискурс; медиадискурс; медиатексты; лексикография.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83; e-mail: sarteorlingv@yandex.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Балашова, Л. В.* Речевая метафора как способ репрезентации образа России в современных оппозиционных массмедиа / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 23-38. — DOI.

0. ВВЕДЕНИЕ

Одной из традиционно отмечаемых особенностей языка массмедиа и политического дискурса является постоянное взаимодействие экспрессии и стандарта [Алешина, Бронзова 2018; Грушевская, Самарская 2011; Костомаров 1971; Шейгал 2004], поскольку «стандартность высказываний обеспечивает доступность их восприятия для самого широкого круга читателей и слушателей»; «экспрессивность высказываний предполагает максимальное использование выразительных средств, что делает текст интересным для адресата, придает сообщению эстетическую значимость» [Чудинов 2012: 58]. Данные характеристики ярко проявляются в употреблении метафор в широкой их трактовке (включая стертые, частичные переносы и идиомы, формируемые на метафорической основе) — способа смыслопроизводства [Арутюнова1990; Балашова 2015; Блэк 1990; Гак 1988], основанного на «категориальном сдвиге» [Падучева 2004: 158], ориентированном «на внутреннее соглашение

© Балашова Л. В., 2020

между субъектом речи и адресатом принять данное условие фиктивности» [Телия 1988: 48]. Такого рода переносы играют важную роль в формировании картины мира [Арутюнова 1998; Балашова 2014в; Зализняк 2006; Лакофф, Джонсон 2004], с помощью которой в политической коммуникации, СМИ [Баранов, Караулов 1994; Будаев, Чудинов 2006; Шейгал 2004] автор косвенно, но доступно декларирует и продуцирует позицию по тому или иному вопросу [Аникин, Будаев, Чудинов 2015; Балашова 2014б; 2017а; 2018; Будаев, Курейко 2016; Лакофф 2006]. Когнитивная функция метафор отчетливо проявляется в современных общественно-политических СМИ, совмещающих в себе признаки массмедиа и политического дискурса [Шейгал 2004: 26] (политического массмедиа-субдискурса), или медийной разновидности политической коммуникации [Чудинов 2012].

В частности, как показывает анализ публикаций под рубриками «Политика», «Экономика», «Общество» из современных российских общественно-политических СМИ [Балашова 2009; 2010; 2013; 2014а; 2017б], именно метафоры, формируемые по достаточно устойчивым концептуальным моделям, играют важную роль в репрезентации образа России, ее места в мировом сообществе. Показательно, что действие такого рода моделей распространяется на все типы переносов (генетические и образные, узуальные и окказиональные), хотя главенствующее положение в этом процессе, безусловно, занимают языковые метафоры, т. е. закрепившиеся в языке и, как следствие, зафиксированные в толковых словарях современного русского литературного языка. Доля речевых метафор [1], т. е. не отраженных в словарях метафорических лексико-семантических вариантов, согласно нашим исследованиям, относительно невелика и обычно не превышает 15—20 % от общего числа переносов. Исследователи же акцентируют внимание на значимости именно этого рода переносов как в создании экспрессивности текста, так и в репрезентации авторской картины мира (ср.: [Бородулина, Макеева 2018; Золотайко 2019; Новикова 2016; Чудинов 2003]). Поэтому представляется актуальным проанализировать когнитивные принципы формирования основных типов речевых метафор в современном общественно-политическом газетном тексте, их роль в репрезентации позиционируемого и продуцируемого автором речи (журналистом, политиком) образа России (в сопоставлении с языковыми метафорами).

Материалом исследования послужили 120 публикаций (75 000 слов) за 2017 г. из интернет-изданий оппозиционной прессы различной политической (коммунистической, либеральной, национально-патриотической) ориентации: «Правда» (далее — Пр.; *https://kprf.ru/pravda/issues/2017/*); «Новая газета» (далее — НГ; *https://www.novayagazeta.ru//2017/*); «Завтра» (далее — Зв.; *http://zavtra.ru/archive/2017*). Выбор данного объекта для анализа обусловлен тем, что именно оппозиционная пресса в борьбе за лидерство, голоса избирателей стремится активно и решительно воздействовать на электорат, его политическое сознание, используя в том числе яркие, эмоционально-экспрессивные вербальные средства. Выявленные на основании сплошной выборки из данных источников 375 метафорических употреблений исследованы с применением комплексной методики системного контекстного, семантического и когнитивного анализа языковых явлений.

1. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ И ФУНКЦИИ РЕЧЕВЫХ ПЕРЕНОСОВ, СПОСОБЫ ИХ ВКЛЮЧЕНИЯ В КОНТЕКСТ

Наибольшее число речевых метафор (более 45 % всего исследуемого материала) фиксируется в газете «Завтра»; в меньшем количестве они представлены в газете «Правда» (примерно 35 %) и «Новой газете» (около 20 %). Показателен статистический анализ использования различных типов переносов в зависимости от степени окказиональности (креативности).

Лишь 10 % всего исследуемого материала составляют эксклюзивные индивидуально-авторские метафоры, а также близкие к ним окказиональные значения, число употреблений которых в газетных СМИ XXI в. не превышает 5 примеров [2]: [Исторические традиции, опыт народа] *старались стереть, их пытались* ***соскоблить зубилом*** [3], *как соскабливают с двигателей угнанных автомобилей номера* (А. Проханов. Зв. 28.03.2017); *У нас появились форменные* ***моджахеды*** *антисоветизма, для них ненависть к Советской власти сакральна* (А. Замостьянов. Пр. 03.11.2017); *Ключевой проблемой для издания стало „****пересечение двойной сплошной****“. … Под* ***пересечением*** *понимались расследования в отношении приближенных Путина и предполагаемых членов его семьи* (К. Мартынов. НГ. 13.04.2017); *Но „****растяжка****“* ***поставлена*** [о тайной угрозе для РФ] — *и очередная „фейковая“ новость в номере The New York Times от 15 февраля о якобы нарушении Россией договора РСМД 1987 года это подтверждает* (Н. Коньков. Зв. 23.02.2017). Такое положение представляется нам впол-

не закономерным, поскольку чрезмерная креативность метафор может препятствовать доступности восприятия авторского образа читателями СМИ.

Значительно чаще (примерно в 20 % случаев) в анализируемых текстах фиксируются относительно креативные речевые метафоры, те, что достаточно регулярно используются в современных СМИ (не более 20 употреблений в ГП НКРЯ XXI в.), но сохранили яркую образность и экспрессивность: *Но на территории прежнего Советского Союза после 1991 года распространялись „**метастазы**“ острейших конфликтов, межнациональных и гражданских войн* (В. Грызлов. Пр. 29.12.2017); *Страну упорно **кормят манной кашей** и держат за **детсад**. … И кандидатов в мэры-губернаторы-президенты подбирают* (А. Тарасов. НГ. 04.12.2017). Однако следует отметить, что столь же распространенные в исследуемых СМИ метафоры-клише (от 20 до 40 употреблений в ГП НКРЯ), типичные для массмедиа, но не отмеченные в словарях, обычно сохраняют образность и экспрессивность (*Но до ума довели эти замечательные прожекты большевики. … Без предрассудков и без **запасных аэродромов** в виде недвижимости за рубежом* (А. Замостьянов. Пр. 03.11.2019)). Но такие переносы, безусловно, составляют периферию исследуемого феномена и лишь формально могут быть отнесены к речевой метафоризации.

Аналогичную позицию в анализируемом материале (около 15 %) занимают социолектные (прежде всего молодежные, арготические, сленговые) метафоры. В словарях литературного языка они не фиксируются, хотя некоторые из них достаточно устойчиво функционируют в литературной разговорной речи и/или в СМИ. Вместе с тем именно внелитературный характер такого рода переносов обусловливает сохранение у них хотя бы относительной образности и экспрессивности, напр.: *Наблюдатели* [на выборах] *стали серьезной общественной силой. Их боятся, **прессуют**, бьют* (Т. Васильчук. НГ. 11.12.2017); [О позиции либерального политика И. Пономарева] *Если ты, Навальный, срочно не вступишь в коалицию со всеми либеральными лузерами…, мы ославим тебя как **мурзилку*** (в жаргоне ‘независимый журналист или политик, скрытно работающий на власть’) (Ю. Латынина. НГ. 10.07.2017). Кроме того, степень креативности таких метафор в тексте часто усиливается за счет авторской формальной и семантической трансформации социолектных идиом: *Генетическая школа в СССР была мощнейшая. Это сегодня она **утрамбована в асфальт*** (К. Семин. Зв. 26.10.2017; исходный вариант идиомы: *закатать в асфальт*).

Такого же рода характеристики присущи речевым переносам, источником которых становятся метафорически переосмысленные (с возможным подключением синекдохи) прецедентные феномены: названия книг и фильмов, имена исторических личностей, героев книг и фильмов, отдельные фразы из речи популярных персонажей или реальных личностей (около 10 % исследуемого материала). Многие подобные метафоры достаточно широко распространены в современной речи (в противном случае доступность восприятия текста была бы затруднена), что снижает их креативность, но их образность и экспрессивность обычно сохраняются, ср.: *Свидетели **второй свежести**. Что правительство России собирается противопоставить ЮКОСу в Апелляционном суде Нидерландов* (В. Челищева. НГ. 11.12.2017; на базе реплики из романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова: «Вторая свежесть — вот что вздор! Свежесть бывает только одна — первая, она же и последняя. А если осетрина второй свежести, то это означает, что она тухлая!»); [Иностранные инвесторы] *в нашем коллективном бессознательном играют роль дивной помеси варягов **со Штольцем**. … Промышленность, построенная **„Штольцами“**, — это будет их промышленность. А нам нужна — наша* (Т. Воеводина. Зв. 09.02.2017); *В их* [либеральных оппонентов Навального] *текстах звучит нешуточная обида **российских Сальери** на политика, который смог там, где они не смогли. … Они хотят **ходить по воде**, но **на кресте висеть** не хотят* (Ю. Латынина. НГ. 10.07.2017). Показательно, что в анализируемых СМИ подобные переносы активно формируются у номинаций популярных персонажей из книг, фильмов в жанрах фэнтези, триллера и т. п., напр.: *В сети расплодились толпы **орков**, воюющих друг с другом на почве дичайших теорий* (Д. Перетолчин. Зв. 25.08.2017).

В таком же количестве (10 %) представлены речевые метафоры, развиваемые словообразовательными дериватами лексем с языковыми переносами. Степень образности и экспрессивности данных речевых метафор напрямую зависит от образности и экспрессивности мотивирующих языковых метафор: *Сейчас парламент быстро **проштампует** поручения президента* (А. Хачатуров. НГ. 04.12.2017; ср. в языке: *штамповать* (перен., разг.) ‘делать что-л. по готовым, избитым образцам’); [Прослеживается установка] *на искажение революции… На ее*

умаление и ***демонизацию*** (А. Замостьянов. Пр. 03.11.2017; ср. в языке: *демон* (перен., разг.) ‘олицетворение какой-л. страсти, увлечения, порока’).

Наконец, достаточно распространенными в исследуемых массмедиа (примерно 15 %) являются речевые метафоры, представляющие собой последовательное речевое развертывание одной или нескольких языковых метафор, где окказиональностью отмечены зависимые члены словосочетаний, однородные члены и т. п. Креативность таких переносов относительно невелика, но они обычно отмечены образностью и экспрессивностью благодаря семантико-синтаксическому расширению языковых метафор, напр.: *Артема Шейнина, ведущего ток-шоу „Время покажет“, который … устроил постыдный балаган, пытаясь максимально унизить выскочку-кандидатку Собчак, на пресс-конференции* [президента РФ] *нет. Это логично. „**Коверному**“, в роли коего он выступил во время эфира с Ксенией Собчак, **примеривая клоунские носы** и **свистя в** клоунскую **дудку**, не место на серьезном мероприятии государственного масштаба* (И. Петровская. НГ. 14.12.2017).

В функциональном и когнитивном аспектах практически все речевые метафоры, независимо от степени их окказиональности и политической ориентации издания, служат средством актуализации, интенсификации смысла, привлечения внимания к поставленной автором публикации проблеме, формирования образа России, соответствующего идеологическим и политическим взглядам конкретного автора речи (журналиста и/или цитируемого политика, политолога и т. п.), конкретного издания.

Выявляется определенная система в использовании, введении в текст таких речевых значений. Наиболее частотным является употребление языковых и речевых метафор, формируемых по единым концептуальным моделям, в одном контексте, за счет чего не только усиливается экспрессия, но и актуализируется когнитивный принцип метафорической трансформации: *Стержнем советской политической системы была КПСС. Партия выполняла роль **шампура**, на который были **нанизаны** государственные структуры и общественные организации. **Выдернув шампур**, антисоветчики добились, что … были нарушены субординация и координация государственных органов и общественных организаций и по вертикали, и по горизонтали* (В. Грызлов. Пр. 29.12.2017); *Впрочем, „новые политические“* [заключенные] *— это **деликатес**, система питается в основном простым народом, и вполне себе сыта* (От ред. НГ. 24.05.2017). Реже речевые метафоры включаются в состав заголовка. Это вполне логично, поскольку окказиональность переносов может препятствовать доступности восприятия смысла читателями. Не случайно такие заголовки обычно сопровождаются пояснительным контекстом, где прямо характеризуется именуемый речевыми метафорами феномен; степень креативности данных речевых переносов также обычно невелика. Вместе с тем именно речевые метафоры в такой позиции становятся концептуальным центром публикации в целом: *Разворот **за двойной сплошной**. РБК может получить нового владельца и радикально изменить редакционную политику* (НГ. К. Мартынов. 13.04.2017); *Горькое **послевкусие** выборов. … Избирательная кампания стала самой скандальной за всю историю республики* (С. Кожемякин. Пр. 13.10. 2017). Наконец, реже всего речевые метафоры не поддерживаются в тексте языковыми метафорами, формируемыми по аналогичным моделям. В этом случае обычно используются переносы со сниженной креативностью, формируемые по наиболее устойчивым в языке моделям метафоризации: *Официальные соболезнования* [по поводу крушения самолета 26.12.2016] *поступали почти от всех стран мира — разумеется, за предсказуемым исключением украинских „**небратьев**“* (И. Коротченко. Зв. 12.05.2017 — родственная модель). Кроме того, для акцентирования внимания на окказиональном характере речевых переносов авторы публикаций часто используют кавычки. Этот способ выделения речевых метафор фиксируется и в двух других случаях (см. примеры выше и ниже).

2. РЕГУЛЯРНЫЕ МОДЕЛИ МЕТАФОРИЗАЦИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ РЕЧЕВЫХ ПЕРЕНОСОВ

Как показал анализ, формирование абсолютного большинства речевых метафор, характеризующих социально-экономическую, политическую, нравственно-этическую ситуацию в современной России, ее положение в мире, ее прошлое и будущее, ориентируется на общеязыковые концептуальные модели метафоризации. В употреблении конкретных моделей можно выделить определенную систему.

В частности, из разнообразных и сложно организованных моделей **пространственной языковой макромодели**, согласно которой реалии непредметного мира осмысляются сквозь призму пространственной системы координат [Балашова 2014в] (около

30 % исследуемого материала), наиболее востребованной оказывается **горизонтальная пространственная модель**: движение в определенном направлении ассоциируется с целенаправленной деятельностью, развитием; достижение конечной точки движения — с успешным решением поставленной задачи, неспособность достичь эту точку, движение без перемещения и состояние покоя — с отсутствием успеха, прогресса, со стагнацией, движение в обратном направлении — с регрессом; изменение вектора движения — с изменением целеустановки; избранная траектория, маршрут и способ перемещения — с удачной/неудачной, правильной/неправильной стратегией и тактикой решения проблемы и т. п. Данная модель — одна из самых устойчивых в общественно-политическом массмедиа-субдискурсе в целом [Балашова 2017а].

Характерной особенностью исследуемых СМИ является то, что при формировании речевых метафор, как и языковых, преимущественно используется та часть когнитивной матрицы модели, с помощью которой позиционируется негативный образ современной России и мирового сообщества, подчеркивается необходимость кардинальных перемен экономического и политического характера для преодоления внутрироссийского и международного кризиса, успешного развития страны в будущем, напр.: *Его* [Евразийского экономического сообщества] *создание во многом напоминало „**бег на месте**“. Политические аспекты объединения, в конечном счете, были отвергнуты* (В. Грызлов. Пр.29.12.2017); *Нет никаких гарантий, что при нынешней коррупционной модели „развития“ страны технологический рывок, обещанный ЦСР, покажет лучшие результаты по сравнению с медведевским. К нанореволюции мы по-прежнему идем **наношагами*** (С. Путилов. Пр. 17.01. 2017); [О президентских выборах:] *Какую-нибудь очередную Собчак все-таки возведут на подготовленный для нее пост или трон и все закрутится по-прежнему, **по старой** известной нам **ельцинской траектории*** (К. Семин. Зв. 26.10.2017); *Современный мир уже **проскочил** эту **развилку в** прошлом* [о возможности всеобъемлющего сотрудничества РФ и мирового сообщества]. *… На развалинах старого мира, человечеству и откроется та **неприметная**, казалось бы, **боковая тропинка**, по которой можно идти в будущее. … **Легкой прогулки в** грядущее никто не* обещает (А. Анпилогов. Зв. 12.05.2017). Примеров же использования позитивной части когнитивной матрицы относительно немного, причем в ее употреблении прослеживается избирательность идеологического плана. Такого рода переносы устойчиво характеризуют советское прошлое страны в коммунистической газете «Правда», реже — в национально-патриотической газете «Завтра», напр.: *Благодаря этому* [революции 1917 г.] *страна буквально в десять лет **запрыгнула в** будущее* (К. Семин. Зв. 26.10.2017). В либеральной «Новой газете» эта часть матрицы фиксируется только в иронических контекстах: *Страна шла **в разных направлениях**, но всегда — **заре навстречу*** (Б. Бронштейн. НГ. 07.11.2017).

Не менее частотно (это демонстрирует около 30 % анализируемого материала) фиксируются речевые метафоры на базе **натуралистической макромодели**, объединяющей «разнообразные типы переноса, которые репрезентируют непредметную сферу через физические характеристики и состояния живых и неживых объектов, через восприятие мира органами чувств и оценку внешнего мира с точки зрения благоприятных или неблагоприятных для жизнедеятельности человека условий» [Балашова 2014в: 102]. Концептуально значимым представляется выбор авторами публикаций конкретных моделей при формировании речевых метафор. В частности, ядерную позицию среди них занимают антропоморфная и зооморфная биологические модели.

Среди **антропоморфных** метафор наиболее востребованными оказываются характеризующие смерть, болезни, невозможность полноценно удовлетворить потребность в пище и т. п., что позволяет сделать акцент на негативных тенденциях в развитии страны в прошлом и настоящем, на стратегических и тактических ошибках власти, политических оппонентов и т. п.: *Россия не колония. Нам нужно срочное и безусловное освобождение от **родовой травмы** ГУЛАГа* (От ред. НГ. 24.05.2017); *Почему же западная капиталистическая цивилизация охотнее всего **пускала метастазы** на окраине* [Российской] *империи, среди „убогих чухонцев“, а не в сердце земли русской?* (К. Галеев. НГ. 03.05.2017); *Евроатлантическая элита пребывает в некоем **летаргическом сне**, подлинные угрозы в ее сознании подменены мнимыми* (А. Нагорный. Зв. 12.12.2017); *Эта болезнь* [нравственное перерождение правящей элиты] — *не **сыпь**, не **чесотка**, а **страшная опухоль**. Это смерть России, смерть государства Российского* (А. Проханов. Зв. 23. 03.2017). Примечательно, что аналогичная часть матрицы оказывается востребованной среди менее частотных **флористических**

речевых метафор: *Банковская система:* ***реформа перезрела*** (ср. в языке: *перезреть* (перен., разг.) ‘выйти из возраста, обычного для какого-л. положения, состояния’) (Т. Куликова. Пр. 06.10.2017); *Опасно, что у нас* ***пожухла*** ***вера в человека****, которую 26 лет назад отменили „сверху“* (А. Замостьянов. Пр. 03.11.2017).

Зооморфные речевые метафоры активно формируются в оппозиционных массмедиа на базе двух вариантов модели. Когнитивную основу первой составляет противопоставление человека (носителя духовного, интеллектуального начала) и фауны (бездуховного, интеллектуально неполноценного начала). Тем самым любое уподобление представителей социальных, экономических и иных институтов животному обычно связано с желанием подчеркнуть их морально-нравственную и иную ущербность: *По доморощенной методике, разработанной еще „демократами“ ельцинского* ***помета****, … у нас менее 850 тысяч безработных* (В. Трушков. Пр. 13.01.2017). Во втором варианте критикуемые субъектом речи социально-экономические, политические силы и их представители (прежде всего властные структуры, чиновники, политические оппоненты или зарубежные государства, организации, враждебно настроенные по отношению к РФ) ассоциируются с хищниками, жертвами которых становятся простые граждане, идеологические соратники или Россия в целом. Подобные переносы зафиксированы в основном в газетах «Правда» и «Завтра», напр.: *Гибельное для страны воровство, стяжательство тех, кто призван руководить государством и кто рассматривает Россию как* ***добычу****, кто* ***рвет ей поджилки****, чтобы она не сбежала, а потом* ***перегрызает артерию*** (А. Проханов. Зв. 23.03.2017); *Сегодня „большой бизнес“* ***проглотил*** *самые жирные куски и теперь* ***рыщет*** *в поисках того, что еще можно* ***вырвать из менее хищных ртов*** (Ю. Мелитонян. Пр. 10.07.2017); *Этот процесс* [разобщение независимых режимов] *подталкивается крупнейшими империалистическими хищниками. Можно даже сказать, что происходит „****пережёвывание****“* (ср. в языке: *пережевать* (перен.) ‘нудно, надоедливо говорить или писать об одном и том же’) *Западом новых „независимых“ государств, предпринимаются попытки проглотить добычу* (В. Грызлов. Пр. 29.12.2017).

Характерной особенностью речевых переносов на базе **социальной метафорической макромодели** (около 15 % исследуемого материала) является разнообразие используемых конкретных языковых моделей метафоризации [Балашова 2014б]. Достаточно регулярными среди них оказываются несколько моделей.

Во-первых, это **социально-иерархическая модель**, согласно которой современные социальные отношения уподобляются отношениям в государствах прошлых эпох с недемократическими (монархическими, диктаторскими) режимами. Тем самым авторы публикаций подчеркивают отсутствие черт подлинной демократии в критикуемых социальных феноменах. Примечательно, что для негативной оценки властной элиты используются номинации представителей не только привилегированных, но и низших слоев социума. Но в последнем случае это наименования тех групп, которые прислуживают власть имущим. Примеры: [Навальный:] *Мне часто говорят …: ты хочешь дать больше власти на местах, а это приведет к развалу России, потому что губернаторы опять станут царьками,* ***князьями*** *и* ***ханами*** (Ю. Белов. Пр. 06.10.2017); *Было бы странно, если „****новые дворяне****“* [российская элита] *решили праздновать событие* [столетие Октябрьской революции], *когда таким же воздалось по заслугам* (К. Семин. Зв. 26.10.2017); *Чтобы власти не зачислили их в экстремисты…,* [простые люди] *воспитывают в себе покорность и почтение к нынешним „****их величествам****“*… (А. Сперанский. Пр. 13.01.2017); ***Дворня****. Пресс-секретарь президента не понимает, зачем отмечать столетие русской революции* (К. Семин. Зв. 26.10.2017).

Во-вторых, это **военная** модель, согласно которой внутрироссийская и внешнеполитическая ситуации воспринимаются как боевые действия непримиримых противников, напр.: *Россия стала мишенью для целой серии ударов, [санкций США]. Кремль подталкивают к негласной* ***сдаче*** *Тегерана в обмен на некоторые уступки, а развернутый „****артобстрел****“ Москвы должен сделать российское руководство более сговорчивым* (С. Кожемякин. Пр. 03.03.2017); *В политическом пространстве России к середине октября* ***нейтральной полосы*** *уже не оставалось* (В. Трушков. Пр. 17.10. 2017); *Команда* [Собчак] — *это не единственный отряд, который будет* ***введён в бой****. … Следует ожидать напряжения от волнений* ***по всем фронтам*** (К. Семин. Зв. 26.10.2017). Примечательно, что менее «агрессивная» **состязательная (спортивная) модель**, продуктивно развивающаяся в русском языке XXI в. (в том числе и под влиянием английского языка) [Балашова 2014б], в анализируемых текстах фиксируется преимущественно в прозападной «Новой газе-

те»: *История — не* ***чемпионат****, тем более не отдельный* ***матч****, размер жертв здесь имеет значение. Проиграв подготовку и начало* [о Великой Отечественной войне], ***тренер*** [Сталин] *вынудил команду сражаться и с противником, и со своими же ошибками.* ***Игру*** *спасли, отправив на тот свет лучшую часть команды, а опустевшую „****скамейку****“ оставив забитой, измотанной и голодной*. (А. Рубцов. НГ. 12.07.2017). Исключение составляют метафоры, формируемые на базе карточной терминологии — они фиксируются во всех исследуемых массмедиа, напр.: *Образно говоря, нам* [России] *просто* ***„поперла карта“****, но период такого везения может завершиться в любой момент*; [Мадлен Олбрайт заявила], *что „у Путина* ***на руках плохие карты, но*** *он достаточно* ***грамотно их*** *разыгрывает“*; *„Команда Обамы“ пыталась разыграть против России еще* ***худшие карты*** (А. Нагорный. Зв. 12.05.2017).

Наконец, **экономическая модель**, в которой политические реалии ассоциируются с деятельностью экономической организации, финансовыми отношениями, также наиболее активно используется авторами либеральной «Новой газеты», напр.: *Цена таких побед* [победы социализма за счет террора] *говорит … о банальной неспособности „эффективного* ***менеджера****“* [Сталина — в трактовке современных его защитников] *делать результат иначе как немыслимыми тратами. Чтобы выжить,* ***предприятию*** [государству] *пришлось вовсе отказаться от средств* ***жизни*** *ради арсеналов* ***смерти****. …* ***Фирму*** [государство] *поставили на грань банкротства, а затем „спасли“ ее, изведя цвет коллектива и оставив выживших* ***штатными*** *рабами. И до сих пор* ***предприятие*** *работает на спасение* ***конторы*** [властных структур] (А. Рубцов. НГ. 12.07.2017).

С такой же активностью (более 15 % исследуемого материала) авторы всех анализируемых массмедиа используют **артефактную макромодель**, согласно которой реалии непредметной сферы ассоциируются с созданными и используемыми человеком инструментами, механизмами и т. п. [Жуйкова 2018; Зуева 2016; Нагорная 2012]. По нашим наблюдениям [Балашова 2014б; 2014в], такие переносы в языке в целом характеризуют «центробежную» тенденцию, т. е. когнитивный принцип их метафорической трансформации ориентирован на другие макромодели (пространственную, натуралистическую, социальную). Отчасти подобного рода характеристики присущи артефактным переносам в анализируемых изданиях. Однако специфической особенностью речевых метафор является то, что именно семантика первичных артефактных значений во многих случаях становится концептуальным ядром когнитивной матрицы и вовлекает в свою орбиту метафоризацию других членов описываемой ситуации.

В частности, авторы публикаций (независимо от идеологических и политических установок) регулярно воспринимают ситуацию в стране как работу сложного механизма, агрегата, автоматической линии и т. п. Такое восприятие современной жизни представляется нам принципиально значимым. Не менее принципиальным кажется и тот факт, что все авторы указывают на необходимость «бесперебойной» работы России-механизма, хотя в реальности, подчеркивают они, с одной стороны, степень надежности и отлаженности агрегата оставляет желать лучшего, а с другой — данный механизм может сам по себе нести угрозу для окружающих, поскольку управляют им силы, интересы которых не совпадают с интересами страны. Данная когнитивная матрица объединяет как языковые, так и речевые метафоры в одно целое. Наиболее ярко это проявилось в развернутых, текстообразующих метафорах в текстах двух авторов газеты «Завтра»: *В 1991 году, когда сломалась красная эра и был* ***остановлен русский реактор****, народ потерял всю свою энергию… . Путин вновь* ***запустил остановленный русский реактор****. Осторожно,* ***без перегрева изношенных элементов****, стал создавать государство. … Но постепенно* ***запущенный русский реактор*** *стал* ***остывать****. … Путин, как опытный* ***диспетчер, управляющий этим реактором****, не даст ему* ***остыть****. … Он неуклонно … управляет этой огромной* ***мегамашиной,*** *имя которой — государство Российское* (А. Проханов. Зв. 08.02.2017); *Господь просветит президента и откроет ему, семнадцать лет назад* ***включившему*** *русский* ***реактор****, откроет причины* ***остановки*** *этого* ***реактора****, и президент вновь,* ***перебирая*** *зыбкие* ***клавиши****,* ***запустит*** *неиссякаемый источник русских энергий* (А. Проханов. Зв. 23.03.2017); *Ведь если … у вас все получается, возникает … стремление „испытывать судьбу“ на еще более „****закритических режимах****“, с неизбежным — рано или поздно — выходом вообще* ***за пределы возможностей системы.*** *А* ***такие пределы*** *всегда существуют, и выходить за них нельзя. В 2016 году мы отметили 30-летие „перестройки“ и Чернобыльской катастрофы, а также 25-летие развала Советского Союза. И в каждом из этих*

*случаев без труда можно увидеть одну и ту же схему перехода в „**закритический**“ для системы **режим, осуществленного руками людей**, которые плевали на объективные **системные ограничения, на предел возможностей систем**, которыми взялись управлять. В этом смысле … трагедии 19 и 25 декабря могут рассматриваться и как свидетельства начала перехода в „**закритический режим**“. Тем более что … эта система … работает уже **на пределах своего запаса прочности**. … Одним из признанных его* [Путина] *качеств является как раз постоянный „**запас прочности**“* (А. Нагорный. Зв. 12.05.2017).

Такого рода развернутые метафоры, формируемые на базе нескольких взаимосвязанных концептуальных моделей, служат средством усиления когнитивной, воздействующей и экспрессивной функций РМ.

3. КОНТАМИНАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ РЕЧЕВЫХ МЕТАФОР

В целом совмещение в рамках одного контекста блока речевых метафор (обычно в сочетании с языковыми) или единичных речевых метафор, формируемых на базе разных, но объединенных в одну когнитивную матрицу моделей переноса, — характерная особенность анализируемых текстов (ср. приведенные выше артефактные метафоры, а также отдельные примеры пространственных, натуралистических и социальных переносов). В такого рода контаминациях обнаруживается определенная системность.

В частности, **пространственная модель развития** (как ядро матрицы) регулярно вовлекает в сферу своего действия артефактную транспортную модель (с возможной контаминацией с вещественной и антропоморфной моделями). В этом случае качественные изменения в социально-экономической, политической ситуации в России и ее внешних связях ассоциируются с движением транспортного средства или человека на нем по земле, воздуху и воде. Природные условия (обычно неблагоприятные); особенности рельефа и трассы (качество дороги, рытвины, ухабы, овраги, болота, горы, пропасти, искусственные преграды и т. п.); вспомогательные средства ориентации (карта, компас и т. п.); уровень квалификации управляющего транспортным средством и его команды оказывают влияние на скорость и возможность достижения поставленной цели. Данная когнитивная матрица может осложняться соревновательной моделью: при движении нескольких объектов в одном направлении победы, успеха достигает тот, кто первым добирается до конечной точки (цели развития). При контаминации моделей авторы публикаций преимущественно используют негативную часть осложненной матрицы (транспортные аварии, катастрофы, сопровождающие их человеческие жертвы). Исключение составляет оценка советского прошлого в коммунистической и национально-патриотической прессе: *Обычно это* [необъективные статистические данные] *плохо заканчивается — **неправильные замеры глубин**, как правило, приводят к крушению **государственного корабля на кризисных рифах и скалах*** (В. Катасонов. Зв. 30.03.2017); [Установка на забвение Октябрьской революции] *не только лживая, но и вредная. В том числе и для будущих поколений. Нам предлагают двигаться по **фальшивому** компасу, не учитывая исторической реальности. Октябрь — это … начало великого пути. А строительство социализма — это … **взлетная полоса**, уклад, в котором заинтересовано большинство из нас. Только революция смогла решить те неумолимые задачи, без решения которых страна сползала **в пропасть**, к распаду. … Для миллионов людей во всём мире залп „Авроры“ стал символом движения к справедливому будущему. … Мы и сегодня живём в новом, послереволюционном мире, но сами себя **загнали на** его **периферию**. … В той картине мира, которая получается после перечеркивания Октября, мы остаемся вечными аутсайдерами. … Революцию не удастся ни перечеркнуть, ни проклясть, если вместе с памятью о „красной империи“ не **пустить под откос** всю нашу страну, насквозь пропитанную советским духом. … Другого направления нет и быть не может. … В прошлое **поезда не ходят**, а дорогу в будущее осилят товарищи, а не господа* (А. Замостьянов. Пр. 03.11.2017).

Не менее активно используется контаминация **антропоморфной биологической модели** (как ядра матрицы) с различными типами социальной и/или натуралистической макромоделей. Самой частотной оказывается следующая когнитивная разновидность метафорической трансформации. Социально-экономическое, политическое, информационное и морально-нравственное неблагополучие в российском обществе ассоциируется с гибелью, болезнями, эпидемиями, вызванными опасными вирусами, бактериями, неправильным и асоциальным образом жизни, неблагоприятными внешними факторами или физическим, психологическим насилием над человеком. Позитивные или негативные тенденции в дальнейшем развитии

страны, ее политических сил и институтов ассоциируются с успешным или безуспешным лечением болезни, которое во многом зависит от квалификации «медиков» (властных структур, элиты), используемых методов лечения, лекарственных средств и медицинского оборудования. Наиболее развернутые и экспрессивные речевые метафоры (в сочетании с языковыми) этого типа фиксируются в газете «Завтра»: *Это* [ликвидация СССР] *мощнейший* ***геополитический теракт****. Вокруг этой даты произошли три трагических события. …. Все они — следствия того* ***теракта****, который трое* ***забулдыг*** [в языке: *забулдыга* (прост.) ‘беспутный, опустившийся человек’] *осуществили в декабре 1991 года. Потому с версией* ***теракта****, который осуществили Ельцин, Шушкевич и Кравчук, я согласен…. Все это — последствия* ***теракта****, развалившего Советский Союз* (Л. Ивашов. Зв. 12.05. 2017); *Бардак в сознании — это не хаос, а* ***бордель****… То, что творится в нашем информационном поле, похоже на* ***общагу с неподмытым общаговским блудом****, как сказал поэт В. Вишневский. Людей бросают в некую среду, где их* ***насилуют без всяких презервативов*** *все, кто хочет их* ***изнасиловать****. В итоге общество превратилось в толпу* ***душевнобольных, переживших изнасилование и тронувшихся мозгами*** *на этой почве, но вместо* ***психотерапевта*** *получившего* ***глумливо ухмыляющуюся бордельную мадам****, советующую нам* ***подмыться*** *и посидеть на диванчике в холле в* ***ожидании нового клиента*** (Д. Перетолчин. Зв. 25.08.2017); [Собчак как кандидат в президенты] *кому-то хотелось использовать в качестве* ***кардиостимулятора****, в качестве* ***инъекции адреналина*** *для нашего безжизненного,* ***гемофиличного*** *предвыборного организма. Эта* ***инъекция****, конечно, может сработать, но она же действительно может оживить* ***Франкенштейна****. Поскольку в зачаточном виде хранится эмбрион, хранится вирус* ***ельцинизма****. Для него даже отстроена* ***специальная лаборатория****, специальный* ***виварий****. … По задумке авторов проекта Собчак — это* ***легкий*** *вирус, небольшая* ***прививочка****, с помощью которой нас с вами „****печат****“* [в данном случае используется контаминация двух переносных значений — литературного ‘восстанавливать силы, душевное равновесие, покой и т. п.’ и жаргонного ‘обманывать’]. *… То есть прививка вроде бы как работает — все возбудились, там, где ещё вчера еле теплилась жизнь, сегодня закипели какие-то страсти. Но от этой* ***прививочки*** *вполне может развиться самая настоящая, нормальная* ***гангрена****. Тот, кто первоначально казался сам себе хитрым манипулятором и искусным врачом-****иммунологом****, в конечном счёте может пасть жертвой собственной заразы, которую просто не удержат в заданных рамках* (К. Семин. Зв. 26.10.2017).

4. АКТУАЛИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ РЕЧЕВЫХ МЕТАФОР

Регулярным приемом усиления экспрессии и воздействующей силы когнитивной матрицы модели становится также актуализация внутренней формы, т. е. совмещение метафорического (речевого и/или языкового) и прямого значений в рамках одной лексемы или идиомы, формируемой по метафорическому образцу; например:

● *А потом* [Гайдар и его правительство] ***расстреляли*** *Конституцию, которой противоречили их преступные действия*; *Но едва управление страной оказалось в их* [либералов 1990-х годов] *вороватых руках, они растоптали и* ***расстреляли*** *право и Основной Закон* (Г. Зюганов. Пр. 03.10.2017; в данном случае биолого-социальная речевая метафора (убийство как грубое нарушение правовых норм) совмещается с намеком на реальное историческое событие — расстрел танками Белого дома в 1993 году);

● *Вот тогда вместо Киселева с Соловьевым, этих* ***скрипучих*** *флюгеров кремлевской пропаганды образца нулевых, понадобятся тысячи … озлобленных и богоносных агитаторов* (Ф. Владимиров. Зв. 02.08. 2017; в данном случае авторская характеристика популярных, поддерживающих власть тележурналистов как людей без собственных убеждений (языковая метафора *флюгер* ‘о человеке, меняющем свои взгляды, убеждения’) усиливается эпитетом ***скрипучий***, что позволяет актуализировать внутреннюю форму метафоры (ржавый флюгер издает неприятные звуки при изменении положения под воздействием воздушного потока) и подчеркнуть неприятное воздействие на слушателей/зрителей неискренних, по мнению автора публикации, речей журналистов);

● *Свое название поселок* [Великооктябрьский] *получил от* ***стекольного*** *завода Великий Октябрь. В 2010-м все хрустальные мечты жителей разбились в одночасье. Завод дал трещину, которую не просто будет склеить* (Ю. Мелитонян. Пр. 03.11. 2017; в данном случае речевое развертывание языковых метафор и идиом, формируемых в рамках артефактно-вещественной модели (деструкция изделия из стекла как деградация, упадок в экономическом и соци-

альном развитии общества) совмещается с указанием на реальный тип производства — работу стекольного завода);

● *Пыль в глаза.* ***Угольная.*** *Три года шахтеры трех соседних городов Ростовской области … требуют погашения долгов по заработной плате и выдаче* ***пайкового угля*** (А. Хорошилов. Пр. 10.01.2017; в данном случае речевое развертывание части идиомы (*пускать пыль в глаза* (разг., неодобр.) ‘какими-либо поступками создавать ложное (обычно лучшее) впечатление о себе; обманывать’), образуемой на базе сенсорно-вещественной модели (пыль как вещество, которое, попадая в глаза, нарушает возможность адекватно воспринимать и оценивать увиденное), совмещается с указанием на реальные угольные брикеты, формируемые из отходов основного производства, в том числе угольной пыли);

● *Формула капиталистических кризисов, в соответствии с которой … российские олигархи наживаются особо нагло, известна у нас давно. Она и сегодня* ***работает, как швейцарские часы на их руках****, мало к чему полезному пригодных* (С. Сидоренко. Пр. 19.01.2017; в данном случае расширение устойчивого сравнения *как часы (работать, действовать)* ‘точно, бесперебойно’ прилагательным ***швейцарские*** позволяет совместить метафорический смысл сочетания с указанием на реальный дорогой артефакт как обязательный атрибут успешного человека в современной России).

6. ВЫВОДЫ

Комплексный (лингвистический и когнитивный) анализ публиковавшихся в 2017 г. интернет-версий оппозиционных газет коммунистической, национально-патриотической и либеральной направленности показывает, что, хотя речевые метафоры (не отраженные в словарях современного русского литературного языка метафорические значения) используются в публикациях общественно-политической тематики значительно реже языковых метафор, в их употреблении выявляются определенные закономерности лингвистического и концептуального характера.

Во-первых, бóльшая или меньшая насыщенность текста речевыми метафорами зависит не от политической ориентации издания, а от идиостиля конкретного автора. Однако в большинстве случаев авторы публикаций в своем стремлении к экспрессивности и эмоциональной насыщенности текста все же отдают предпочтение относительно креативным переносам (речевые метафоры, зафиксированные в ГП НКРЯ XXI в. не более 20 раз; социолектные метафоры; переносы, основанные на прецедентных текстах; образные контексты, формируемые за счет речевого развертывания языковых и, возможно, речевых метафор). Доля же индивидуально-авторских метафор и тяготеющих к ним окказиональных переносов (до 5 употреблений в ГП НКРЯ XXI в.) не превышает 10 %. Тем самым субъект речи доступность восприятия и понимания адресатом текста ставит выше его креативности. Вместе с тем нельзя не отметить, что некоторые речевые метафоры, причем не только клишированные, имеют явную тенденцию к закреплению в литературном языке (ср.: *раковая опухоль*, *метастазы*, *послевкусие*, *деликатес*, *вторая свежесть* и т. п.) и поэтому должны получить отражение в толковых и фразеологических словарях.

Во-вторых, едиными для исследуемых изданий являются текстообразующие и концептуальные функции речевых метафор: они становятся средством актуализации, интенсификации смысла, привлечения внимания к поставленной автором публикации проблеме, в конечном счете — для формирования образа России, соответствующего идеологическим и политическим взглядам конкретного автора речи (журналиста и/или цитируемого политика, политолога и т. п.) и конкретного издания. Принципиальным кажется также то, что данные функции речевые метафоры обычно выполняют в единстве с используемыми языковыми переносами.

В-третьих, лингвистическое и когнитивное единство языковых и речевых переносов ярко проявляется в ориентации речевых метафор (независимо от политической позиции издания) на наиболее востребованные в современных общественно-политических массмедиа общеязыковые модели метафоризации (пространственные, натуралистические, социальные), на расширение сферы действия таких моделей. Как специфическую особенность анализируемых СМИ можно отметить частотность применения артефактной макромодели, особенно в изданиях коммунистической и национально-патриотической ориентации. Для усиления экспрессии, воздействующей силы речевых метафор, сформированных на базе общеязыковых концептуальных моделей, во всех исследуемых изданиях активно используется контаминация нескольких моделей, а также актуализация внутренней формы таких переносов.

В-четвертых, при формировании речевых метафор, как и языковых, во всех анализируемых массмедиа преимущество отдается тем частям когнитивных матриц общеязыковых моделей, которые позволяют сделать акцент на негативных сторонах в жизни

современной России, в действиях властных структур и политических противников авторов публикаций. Это вполне соответствует оппозиционной ориентации «Новой газеты», «Правды», «Завтра». «Позитивные» части когнитивных матриц обычно используются авторскими коллективами коммунистического и национально-патриотического изданий при характеристике советского прошлого страны, что соответствует идеологии этих массмедиа.

Таким образом, картина мира, репрезентируемая с помощью речевых метафор, достаточно адекватно отражает идеологические установки авторов публикаций, их представления о прошлом и актуальном состоянии внутри- и внешнеполитического курса России в 2017 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Противопоставление языковых и речевых метафор в современной лингвистике неоднозначно, а их онтологические признаки весьма неоднородны, неопределенны (ср.: языковые метафоры — «устойчивые», «привычные», «стертые», «генетические»; речевые метафоры — «менее устойчивые», «художественные», «индивидуально-авторские» и т. п.) [Емельянова 2005: 176—178; Москвин 2007: 399—401; Скляревская 2004: 21—24; Филатов 2015: 56—66]. Вследствие этого мы посчитали возможным основным критерием устойчивости переноса признать наличие этого значения в словарях современного русского литературного языка [БАС 1948—1965; БАС 2004—2017; Ефремова 2000; Лопатин 1998; МАС 1981—1984; Ожегов, Шведова 2008; РСС 1998—2007; Шведова 2011]; соответственно речевыми в статье называются переносы, не отмеченные в этих лексикографических источниках.

[2]. Для определения степени креативности, окказиональности выявленных речевых метафор использовались данные газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (2003—2019 гг., далее — ГП НКРЯ): *http://www.ruscorpora.ru/new/*.

[3]. Языковые метафоры выделены с помощью простого подчеркивания, речевые — подчеркивания и жирного шрифта. Для сокращения текста при цитировании указывается только автор и издание без уточнения названия публикации.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. А. С. Герд. — Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2004 — 2017 (БАС 2004 — 2017). — Т. 1 — 24. — Текст : непосредственный.

2. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2000. — Текст : непосредственный.

3. Лопатин, В. В. Русский толковый словарь / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. — Москва : Русский язык, 1998. — 834 с. — Текст : непосредственный. — (Лопатин 1998).

4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : ИТИ Технологии, 2008. — 944 с. — Текст : непосредственный. — (Ожегов, Шведова 2008).

5. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. — Москва : Азбуковник, 1998—2007. — Т. 1—4. — Текст : непосредственный. — (РСС 1998 — 2007).

6. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Русский язык, 1981—1984. — Текст : непосредственный. — (МАС 1981—1984).

7. Словарь современного русского литературного языка. — Москва ; Ленинград : АН СССР, 1948—1965. — Т. 1—17. — Текст : непосредственный. — (БАС 1948—1965).

8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2007. — 1174 с. — Текст : непосредственный. — (Шведова 2011).

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

9. Анпилогов А. Зв. 12.05.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/authors/6798. — Текст : электронный.

10. Белов Ю. Пр. 06.10.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/111-30608-6-9-oktyabrya-2017-goda/proekt-navalnyy/. — Текст : электронный.

11. Бронштейн Б. НГ. 07.11.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/11/07/74466-na-puti-k-doroge. — Текст : электронный.

12. Васильчук Т. НГ. 11.12.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/12/11/74874-kurs-na-absolyutnuyu-legitimnost. — Текст : электронный.

13. Владимиров Ф. Зв. 02.08.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/o_politicheskih_privichkah. — Текст : электронный.

14. Воеводина Т. Зв. 09.02.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/den_patriotizma_ili_den_truda. — Текст : электронный.

15. Галеев К. НГ. 03.05.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/05/03/72358?print=true. — Текст : электронный.

16. Грызлов В. Пр. 29.12.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/146-30643-29-31-dekabrya-2017-goda/feniks-po-imeni-sssr-eshchye-vozroditsya/. — Текст : электронный.

17. Замостьянов А. Пр. 03.11.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/123-30620-3-8-noyabrya-2017-goda-/nasha-rodina-revolyutsiya. — Текст : электронный.

18. Зюганов Г. Пр. 03.10.2017. — URL: http://zakprf44.ru/smi/statya-gennadiya-zyuganova-v-gazete-pravda. — Текст : электронный.

19. Ивашов Л. Зв. 12.05.2017. — URL: https://dom-knig.com/read_391387-3. — Текст : электронный.

20. Катасонов В. Зв. 30.03.2017. — URL: https://nemaloknig.com/read-342853/?page=4. — Текст : электронный.

21. Кожемякин С. Пр. 03.03.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/22-30519-3-6-marta-2017-goda-/novye-kontury-chertyat-krovyu/. — Текст : электронный.

22. Кожемякин С. Пр. 13.10.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/115-30612-17-18-oktyabrya-2017-goda/gorkoe-poslevkusie-vyborov/. — Текст : электронный.

23. Коньков Н. Зв. 23.02.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/kavardak. — Текст : электронный.

24. Коротченко И. Зв. 12.05.2017. — URL: https://nice-books.ru/books/dokumentalnye-knigi/publicism/page-3-220655-gazeta-zavtra-gazeta-zavtra-1-1205-2017.html. — Текст : электронный.

25. Куликова Т. Пр. 06.10.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/111-30608-6-9-oktyabrya-2017-goda/bankovskaya-sistema-reforma-perezrela. — Текст : электронный.

26. Латынина Ю. НГ. 10.07.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/07/08/73057-yuliya-latynina-liberalnye-kotiki-i-the-real-thing. — Текст : электронный.

27. Мартынов К. НГ. 13.04.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/04/13/72142-razvorot-za-dvoynoy-sploshnoy. — Текст : электронный.

28. Мелитонян Ю. Пр. 03.11.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/123-30620-3-8-noyabrya-2017-goda-/my-nash-my-novyy-/. — Текст : электронный.

29. Мелитонян Ю. Пр. 10.07.2017. — URL: https://kprf.ru/pravda/issues/2017/72/article-58730/. — Текст : электронный.

30. Нагорный А. Зв. 12.05.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/zasadi_vizovi_ugrozi. — Текст : электронный.

31. Нагорный А. Зв. 12.12.2017. — URL: https://www.rulit.me/books/gazeta-zavtra-8-1212-2017-read-465472-8.html. — Текст : электронный.

32. От ред. НГ. 24.05.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/05/24/72540-rossiya-ne-koloniya. — Текст : электронный.

33. Перетолчин Д. Зв. 25.08.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/aleksandr_haldej_liberal_nie_dogmi_kak_oruzhie_unichtozheniya_natcii. — Текст : электронный.

34. Петровская И. НГ. 14.12.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/12/14/74913-babay-i-zhenschiny-v-krasnom. — Текст : электронный.

35. Проханов А. Зв. 23.03.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/pokajtes_ehidni. — Текст : электронный.

36. Проханов. А. Зв. 28.03.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/kodi_vechnoj_zhizni. — Текст : электронный.

37. Проханов А. Зв. 08.02.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/putin_-_russkij_mechtatel. — Текст : электронный.

38. Путилов С. Пр. 17.01.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/4-30501-17-18-yanvarya-2017-goda/lzheprorok-v-svoyem-otechestve/. — Текст : электронный.

39. Рубцов А. НГ. 12.07.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/07/12/73086-stalin-umer-zavtra. — Текст : электронный.

40. Семин К. Зв. 26.10.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/authors/8721. — Текст : электронный.

41. Сидоренко С. Пр. 19.01.2017. — URL: https://kprf.ru/pravda/issues/2017/5/article-57270/. — Текст : электронный.

42. Тарасов А. НГ. 04.12.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/12/02/74779-izotop-molchaniya. — Текст : электронный.

43. Трушков В. Пр. 13.01.2017. — URL: https://kprf.ru/pravda/issues/2017/3/article-57225/. — Текст : электронный.

44. Хачатуров А. НГ. 04.12.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/12/04/74781-mladentsy-na-dotatsiyah. — Текст : электронный.

45. Хорошилов А. Пр. 10.01.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/1-30498-10-11-yanvarya-2017-goda/pyl-v-glaza-ugolnaya/?sphrase_id=85611. — Текст : электронный.

46. Челищева В. НГ. 11.07.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/12/10/74865-svideteli-vtoroy-svezhesti. — Текст : электронный.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

47. Алешина, О. И. Анализ способов передачи экспрессии в современном политическом дискурсе / О. И. Алешина, Л. И. Бронзова. — Текст : непосредственный // Современные проблемы права, экономики и управления. — 2018. — № 1 (6). — С. 236—242.

48. Аникин, Е. Е. Архетипы и инновации в диахронической динамике метафорических систем в политической коммуникации / Е. Е. Аникин, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — № 1. — С. 5—12.

49. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова. — Текст : непосредственный // Теория метафоры. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 5—32.

50. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — 896 с. — Текст : непосредственный.

51. Балашова, Л. В. Властные структуры сквозь призму социоморфной литературной и сленговой метафоры (сопоставительный аспект) / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Политика в зеркале языка и культуры. — Москва : Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2010. — С. 10—18.

52. Балашова, Л. В. Горизонтальная модель пространственной метафоры в медийном образе России (жанры аналитического обзора и экспертного мнения) / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Quaestio Rossica. — 2017а. — Т. 5. — № 4. — С. 1178—1196.

53. Балашова, Л. В. Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. — 2015. — № 2(76). — С. 166—169.

54. Балашова, Л. В. Медицинская концептуальная метафора в политическом медиадискурсе XX—XXI вв. (динамический аспект) / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2018. — №2. — С. 10—17.

55. Балашова, Л. В. Образ России в зеркале концептуальной метафоры (на материале политического телешоу «К барьеру») / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Современная политическая коммуникация. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2009. — С. 53—56.

56. Балашова, Л. В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2013. — Вып. 2 (44). — С. 11—23.

57. Балашова, Л. В. Реализация концептов «СВОЙ — ЧУЖОЙ» в российском политическом дискурсе начала XXI в. / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2014а. — Вып. 1 (47). — С. 40—51.

58. Балашова, Л. В. Русская метафора. Прошлое. Настоящее. Будущее / Л. В. Балашова. — Москва : Языки славянских культур, 2014б. — 496 с. — Текст : непосредственный.

59. Балашова, Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI — XXI вв. / Л. В. Балашова. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014в. — 632 с. — Текст : непосредственный.

60. Балашова, Л. В. Экономика России в современном политическом дискурсе сквозь призму концептуальной метафоры / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017б. — № 1 (61). — С. 21—31.

61. Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва : Помовский и партнеры, 1994. — 396 с. — Текст : непосредственный.

62. Блэк, М. Метафора / М. Блэк. — Текст : непосредственный // Теория метафоры. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 153—172.

63. Бородулина, М. Ю. Прагматический аспект метафор, используемых в СМИ / М. Ю. Бородулина, Н. М. Макеева. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2018. — № 4 (32). — С. 75—81.

64. Будаев, Э. В. Метафорическая репрезентация кризиса на Украине в русскоязычных комментариях новостных порталов / Э. В. Будаев, В. В. Курейко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — Вып. 4 (58). — С. 93—99.

65. Будаев, Э. В. Зарубежная политическая лингвистика : учебное пособие / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. — 252 с.

66. Гак, В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак. — Текст : непосредственный // Метафора в языке и тексте. — Москва : Наука, 1988. — С. 11—26.

67. Грушевская, Т. М. Политический газетный дискурс сквозь призму языковых средств представления информации / Т. М. Грушевская, Т. Б. Самарская. — Текст : электронный // Сфера услуг: инновации и качество. — 2011. — № 2. — 16 с. — URL: http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2011_2_16.pdf.

68. Емельянова, О. Н. Метафора / О. Н. Емельянова. — Текст : непосредственный // Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты : энциклопедический словарь-справочник. — Москва : Флинта : Наука, 2005. — С. 176—178.

69. Жуйкова, О. В. Артефактные метафоры как вербальные средства объективации концепта «Язык» в философском дискурсе В. фон Гумбольдта / О. В. Жуйкова. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2018. — № 3. — С. 177—186.

70. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — 672 с. — Текст : непосредственный.

71. Золотайко, А. И. Метафорическое моделирование образа полиции в дискурсе общественного мнения США (сфера-источник — зоонимы) / А. И. Золотайко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 65—71.

72. Зуева, Т. А. Человек сквозь призму артефактной метафоры в русской идиоматике / Т. А. Зуева. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. — 2016. — № 2. — С. 102—110.

73. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе / В. Г. Костомаров. — Москва : Изд-во МГУ, 1971. — 267 с. — Текст : непосредственный.
74. Лакофф, Дж. Метафора и война: система метафор для оправдания войны в Заливе / Дж. Лакофф. — Текст : непосредственный // Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. — С. 61—73.
75. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — Текст : непосредственный.
76. Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь / В. П. Москвин. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. — Текст : непосредственный.
77. Нагорная, А. В. Орудийная метафора как средство объективации внутрителесного опыта / А. В. Нагорная. — Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2012. — № 2. — С. 84—96.
78. Новикова, В. П. Метафорическое отражение проблем миграции в публицистическом тексте / В. П. Новикова. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2016. — № 3 (48). — С. 141—147.
79. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 608 с. — Текст : непосредственный.
80. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. — Изд. 2-е. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2004. — 166 с. — Текст : непосредственный.
81. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия. — Текст : непосредственный // Метафора в языке и тексте. — Москва : Наука, 1988. — С. 26—52.
82. Филатов, К. С. Метафора как способ развертывания журналистского текста : дис. … канд. филол. наук / Филатов К. С. — Санкт-Петербург, 2015. — 153 с.
83. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 53—59.
84. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. — 251 с. — Текст : непосредственный.
85. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 326 с. — Текст : непосредственный.

L. V. Balashova
Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *sarteorlingv@yandex.ru.*

Genuine Metaphor as a Way of Representing Russia's Image in Modern Opposition Mass Media

ABSTRACT. *The article explores cognitive and linguistic aspects of genuine metaphors used in the modern political mass media subdiscourse. The author has analyzed 375 metaphorical uses, not recorded in lexicographic sources, singled out by means of continuous sampling of 120 publications (75,000 words), dealing with the characteristics of the socio-political and socio-economic situation in Russia and its position in the world as described in various materials published in 2017 in online editions of oppositional social and political newspapers of communist, national-patriotic and liberal orientation. The methodological basis of the study rests on the idea of the metaphor as a cognitive and modeled phenomenon playing an important role in the representation of the linguistic worldview and in the declaration and promotion of views corresponding to the ideological preferences of communication subjects. The purpose of the article is to identify the pragmatic functions of genuine metaphors and the cognitive principles of their formation in relation to language models of metaphorization. The analysis uses a complex method of systemic contextual, semantic and cognitive analysis of language phenomena. The paper establishes the types of genuine metaphors according to their creativity; reveals the system of linguistic conceptual models of genuine transfer of meaning; analyzes the role of genuine metaphors in the representation of the linguistic worldviews of the publication authors. It is noted that in all mass media under analysis, preference is given to relatively creative transfers, thus preferring the accessibility and comprehensibility of the text by the addressee rather than its exclusivity. It is emphasized that genuine metaphors in most cases extend the scope of such linguistic conceptual models of metaphorization as horizontal spatial, material, biological and artifact ones. A characteristic feature of the formation of genuine metaphors is the combination within one context and one meaning of several conceptual models, thereby increasing the expressiveness and the manipulative function of the transfer of meaning. There is a certain consistency in this kind of contamination. For the same purpose, actualization of the inner form / direct meaning in a metaphorical usage is regularly used. It is emphasized that conceptually, productivity marks those parts of cognitive models of metaphorization, which are associated with a negative characteristic of the socio-economic, political, or moral situation in Russia and its position in the world community. In conclusion, it is argued that in general, the functioning of genuine metaphors in the opposition press adequately reflects the ideology of the authors of publications and their understanding of the development of Russia in 2017.*

KEYWORDS: *genuine metaphors; conceptual models; linguistic worldview; political metaphorology; metaphorical modeling; metaphorical models; cognitive linguistics; Russia's image; political discourse; Internet; Internet discourse; media discourse; media texts; lexicography.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Balashova Lyubov' Viktorovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.*

FOR CITATION: *Balashova, L. V.* Genuine Metaphor as a Way of Representing Russia's Image in Modern Opposition Mass Media / L. V. Balashova // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 23-38. — DOI XXXXXXXXXXXXXXX.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Great Academic Dictionary of the Russian Language / Ch. ed. A. S. Gerd. — Moscow ; St. Petersburg : Science, 2004—2017 (BAS 2004—2017). — Vol. 1—24. — Text : unmediated. [Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka / gl. red. A. S. Gerd. — Moskva ; Sankt-Peterburg : Nauka, 2004 — 2017 (BAS 2004 — 2017). — T. 1 — 24. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

2. Efremova, T. F. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and educational : in 2 volumes / T. F. Efremova. — Moscow : Russian language, 2000. — Text : unmediated. [Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyy : v 2 t. / T. F. Efremova. — Moskva : Russkiy yazyk, 2000. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Lopatin, V. V. Russian Explanatory Dictionary / V. V. Lopatin, L. E. Lopatin. — Moscow : Russian Language, 1998. — 834 p. — Text : unmediated. — (Lopatin 1998). [Russkiy tolkovyy slovar' / V. V. Lopatin, L. E. Lopatina. — Moskva : Russkiy yazyk, 1998. — 834 s. — Tekst : neposredstvennyy. — (Lopatin 1998)]. — (In Rus.)

4. Ozhegov, S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. — Moscow : ITI Technologies, 2008. — 944 p. — Text : unmediated. — (Ozhegov, Shvedova 2008). [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. — Moskva : ITI Tekhnologii, 2008. — 944 s. — Tekst : neposredstvennyy. — (Ozhegov, Shvedova 2008)]. — (In Rus.)

5. Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings. — Moscow : Azbukovnik, 1998—2007. — V. 1—4. — Text : unmediated. — (RCC 1998—2007). [Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovannyy po klassam slov i znacheniy. — Moskva : Azbukovnik, 1998—2007. — T. 1—4. — Tekst : neposredstvennyy. — (RSS 1998 — 2007)]. — (In Rus.)

6. Dictionary of the Russian language : in 4 volumes / ed. A. P. Evgenieva. — 2nd ed., rev. and add. — Moscow : Russian language, 1981—1984. — Text : unmediated. — (MAS 1981—1984). [Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoy. — 2-e izd., ispr. i dop. — Moskva : Russkiy yazyk, 1981—1984. — Tekst : neposredstvennyy. — (MAS 1981—1984)]. — (In Rus.)

7. Dictionary of Modern Russian Literary Language. — Moscow ; Leningrad : USSR Academy of Sciences, 1948—1965. — Vol. 1—17. — Text : unmediated. — (BAS 1948-1965). [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. — Moskva ; Leningrad : AN SSSR, 1948—1965. — T. 1—17. — Tekst : neposredstvennyy. — (BAS 1948—1965)]. — (In Rus.)

8. Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words / resp. ed. N. Yu. Shvedova. — Moscow : Azbukovnik, 2007. — 1174 p. — Text : unmediated. — (Shvedova 2011). [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / otv. red. N. Yu. Shvedova. — Moskva : Azbukovnik, 2007. — 1174 s. — Tekst : neposredstvennyy. — (Shvedova 2011)]. — (In Rus.)

MATERIALS

9. Anpilogov A. Zv. 12.05.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/authors/6798. — Text : electronic. — (In Rus.)

10. Belov Yu. Pr. 06.10.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/111-30608-6-9-oktyabrya-2017-goda/proekt-navalnyy/. — Text : electronic. — (In Rus.).

11. Bronshteyn B. NG. 07.11.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/11/07/74466-na-puti-k-doroge. — Text : electronic. — (In Rus.).

12. Vasil'chuk T. NG. 11.12.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/12/11/74874-kurs-na-absolyutnuyu-legitimnost. — Text : electronic. — (In Rus.).

13. Vladimirov F. Zv. 02.08.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/o_politicheskih_privichkah. — Text : electronic. — (In Rus.).

14. Voevodina T. Zv. 09.02.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/den_patriotizma_ili_den_truda. — Text : electronic. — (In Rus.).

15. Galeev K. NG. 03.05.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/05/03/72358?print=true. — Text : electronic. — (In Rus.).

16. Gryzlov V. Pr. 29.12.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/146-30643-29-31-dekabrya-2017-goda/feniks-po-imeni-sssr-eshchye-vozroditsya/. — Text : electronic. — (In Rus.).

17. Zamost'yanov A. Pr. 03.11.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/123-30620-3-8-noyabrya-2017-goda-/nasha-rodina-revolyutsiya. — Text : electronic. — (In Rus.).

18. Zyuganov G. Pr. 03.10.2017. — URL: http://zakprf44.ru/smi/statya-gennadiya-zyuganova-v-gazete-pravda. — Text : electronic. — (In Rus.).

19. Ivashov L. Zv. 12.05.2017. — URL: https://dom-knig.com/read_391387-3. — Text : electronic. — (In Rus.).

20. Katasonov V. Zv. 30.03.2017. — URL: https://nemaloknig.com/read-342853/?page=4. — Text : electronic. — (In Rus.).

21. Kozhemyakin S. Pr. 03.03.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/22-30519-3-6-marta-2017-goda-/novye-kontury-chertyat-krovyu/. — Text : electronic. — (In Rus.).

22. Kozhemyakin S. Pr. 13.10.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/115-30612-17-18-oktyabrya-2017-goda/gorkoe-poslevkusie-vyborov/. — Text : electronic. — (In Rus.).

23. Kon'kov N. Zv. 23.02.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/kavardak. — Text : electronic. — (In Rus.).

24. Korotchenko I. Zv. 12.05.2017. — URL: https://nice-books.ru/books/dokumentalnye-knigi/publicism/page-3-220655-gazeta-zavtra-gazeta-zavtra-1-1205-2017.html. — Text : electronic. — (In Rus.).

25. Kulikova T. Pr. 06.10.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/111-30608-6-9-oktyabrya-2017-goda/bankovskaya-sistema-reforma-perezrela. — Text : electronic. — (In Rus.).

26. Latynina Yu. NG. 10.07.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/07/08/73057-yuliya-latynina-liberalnye-kotiki-i-the-real-thing. — Text : electronic. — (In Rus.).

27. Martynov K. NG. 13.04.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/04/13/72142-razvorot-za-dvoynoy-sploshnoy. — Text : electronic. — (In Rus.).

28. Melitonyan Yu. Pr. 03.11.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/123-30620-3-8-noyabrya-2017-goda-/my-nash-my-novyy-/. — Text : electronic. — (In Rus.).

29. Melitonyan Yu. Pr. 10.07.2017. — URL: https://kprf.ru/pravda/issues/2017/72/article-58730/. — Text : electronic. — (In Rus.).

30. Nagornyy A. Zv. 12.05.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/zasadi_vizovi_ugrozi. — Text : electronic. — (In Rus.).

31. Nagornyy A. Zv. 12.12.2017. — URL: https://www.rulit.me/books/gazeta-zavtra-8-1212-2017-read-465472-8.html. — Text : electronic. — (In Rus.).

32. Ot red. NG. 24.05.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/05/24/72540-rossiya-ne-koloniya. — Text : electronic. — (In Rus.).

33. Peretolchin D. Zv. 25.08.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/aleksandr_haldej_liberal_nie_dogmi_kak_oruzhie_unichtozheniya_natcii. — Text : electronic. — (In Rus.).

34. Petrovskaya I. NG. 14.12.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/12/14/74913-babay-i-zhenschiny-v-krasnom. — Text : electronic. — (In Rus.).

35. Prokhanov A. Zv. 23.03.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/pokajtes_ehidni. — Text : electronic. — (In Rus.).

36. Prokhanov. A. Zv. 28.03.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/kodi_vechnoj_zhizni. — Text : electronic. — (In Rus.).

37. Prokhanov A. Zv. 08.02.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/putin_-_russkij_mechtatel. — Text : electronic. — (In Rus.).

38. Putilov S. Pr. 17.01.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/4-30501-17-18-yanvarya-2017-goda/lzheprorok-v-svoyem-otechestve/. — Text : electronic. — (In Rus.).

39. Rubtsov A. NG. 12.07.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/07/12/73086-stalin-umer-zavtra. — Text : electronic. — (In Rus.).

40. Semin K. Zv. 26.10.2017. — URL: http://zavtra.ru/blogs/authors/8721. — Text : electronic. — (In Rus.).

41. Sidorenko S. Pr. 19.01.2017. — URL: https://kprf.ru/pravda/issues/2017/5/article-57270/. — Text : electronic. — (In Rus.).

42. Tarasov A. NG. 04.12.2017. — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/12/02/74779-izotop-molchaniya. — Text : electronic. — (In Rus.).

43. Trushkov V. Pr. 13.01.2017. — URL: https://kprf.ru/pravda/issues/2017/3/article-57225/. — Text : electronic. — (In Rus.).

44. Khachaturov A. NG. 04.12.2017. — URL: https://novaya gazeta.ru/articles/2017/12/04/74781-mladentsy-na-dotatsiyah. — Text : electronic. — (In Rus.).

45. Khoroshilov A. Pr. 10.01.2017. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/1-30498-10-11-yanvarya-2017-goda/pyl-v-glaza-ugolnaya/?sphrase_id=85611. — Text : electronic. — (In Rus.).

46. Chelishcheva V. NG. 11.07.2017. — URL: https://novaya gazeta.ru/articles/2017/12/10/74865-svideteli-vtoroy-svezhesti. — Text : electronic. — (In Rus.).

REFERENCES

47. Aleshina O. I., Bronzova L. I. Analiz sposobov peredachi ekspressii v sovremennom politicheskom diskurse [Analysis of the methods of expression transfer in modern political discourse] // Sovremennyye problemy prava, ekonomiki i upravleniya [Modern problems of law, economics and management]. — 2018. — Nr. 1 (6). — P. 236—242. — (In Rus.)

48. Anikin Ye. Ye., Budayev E. V., Chudinov A. P. Arkhetipy i innovatsii v diakhronicheskoy dinamike metaforicheskikh sistem v politicheskoy kommunikatsii [Archetypes and innovations in the diachronic dynamics of metaphorical systems in political communication] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. — Nr 1. — 2015. — P. 5—12. — (In Rus.)

49. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse] // Teoriya metafory [Theory of metaphor]. — Moscow : Progress, 1990. — P. 5—32. — (In Rus.)

50. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the world of man]. — Moscow : Yazyki russkoy kul'tury, 1998. — 896 p. — (In Rus.)

51. Balashova L. V. Obraz Rossii v zerkale kontseptual'noy metafory (na materiale politicheskogo teleshou «K bar'yeru») [The image of Russia in the mirror of a conceptual metaphor (based on the material of the political television show “Towards a Barrier”)] // Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya [Modern Political Communication]. — Yekaterinburg : Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta, 2009. — P. 53—56. — (In Rus.)

52. Balashova L. V. Vlastnyye struktury skvoz' prizmu sotsiomorfnoy literaturnoy i slengovoy metafory (sopostavitel'nyy aspekt) [Power structures through the prism of a sociomorphic literary and slang metaphor (comparative aspect)] // Politika v zerkale yazyka i kul'tury [Politics in the mirror of language and culture]. — Moscow : In-t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2010. — P. 10—18. — (In Rus.)

53. Balashova L. V. Politicheskiy 2012 god v zerkale kontseptual'noy metafory [Political year 2012 in the mirror of a conceptual metaphor] // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2013. — No. 2 (44). — P. 11—23. — (In Rus.)

54. Balashova L.V. Realizatsiya kontseptov «SVOY — CHUZHOY» v rossiyskom politicheskom diskurse nachala XXI v. [Realization of the concepts “OWN — ALIEN” in the Russian political discourse of the beginning of the XXI century] // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2014a. — No 1 (47). — P. 40—51. — (In Rus.)

55. Balashova L. V. Russkaya metafora. Proshloye. Nastoyashcheye. Budushcheye [Russian metaphor. Past. The present. Future]. — Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2014b. — 496 p. — (In Rus.)

56. Balashova L. V. Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitii: XI — XXI vv. [Russian metaphorical system in development: XI — XXI centuries]. — Moscow : Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi : Znak, 2014v. — 632 p. — (In Rus.)

57. Balashova L. V. Dinamicheskaya kontseptsiya metafory: ot Aristotelya do sovremennoy kognitivnoy lingvistiki [The dynamic concept of metaphor: from Aristotle to modern cognitive linguistics] // Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of the Omsk University]. — 2015. — Nr 2(76). — P. 166—169. — (In Rus.)

58. Balashova L. V. Gorizontal'naya model' prostranstvennoy metafory v mediynom obraze Rossii (zhanry analiticheskogo obzora i ekspertnogo mneniya) [The horizontal model of spatial metaphor in the media image of Russia (genres of analytical review and expert opinion)] // Quaestio Rossica. — V. 5. — 2017a. — Nr 4. — P. 1178—1196. — (In Rus.)

59. Balashova L. V. Ekonomika Rossii v sovremennom politicheskom diskurse skvoz' prizmu kontseptual'noy metafory [The Russian economy in modern political discourse through the prism of a conceptual metaphor] // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2017b. — Nr 1 (61). — P. 21—31. — (In Rus.)

60. Balashova L. V. Meditsinskaya kontseptual'naya metafora v politicheskom mediadiskurse XX—XXI vv. (dinamicheskiy aspekt) [Medical conceptual metaphor in the political media discourse of the 20th — 21st centuries (dynamic aspect)] // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2018. — Nr 2. — P. 10—17. — (In Rus.)

61. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor [Dictionary of Russian political metaphors]. — Moscow : Pomovskiy i partnery, 1994. — 396 p. — (In Rus.)

62. Black M. Metafora [Metaphor] // Teoriya metafory [Theory of metaphor]. — Moscow : Progress, 1990. — P. 153—172. — (In Rus.)

63. Borodulina M. Yu., Makeyeva N. M. Pragmaticheskiy aspekt metafor, ispol'zuyemykh v SMI [The pragmatic aspect of metaphors used in the media] // Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. — 2018. — Nr. 4 (32). — P. 75—81. — (In Rus.)

64. Budayev E. V., Kureyko V. V. Metaforicheskaya reprezentatsiya krizisa na Ukraine v russkoyazychnykh kommentariyakh novostnykh portalov [Metaphorical representation of the crisis in Ukraine in Russian-language commentary on news portals] // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2016. — Vyp. 4 (58). — P. 93—99. — (In Rus.)

65. Budayev E. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika: Uchebnoye posobiye [Foreign Political Linguistics: Textbook]. — Yekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2006. — 252 p. — (In Rus.)

66. Gak V. G. Metafora: universal'noye i spetsificheskoye [Metaphor: universal and specific] // Metafora v yazyke i tekste [Metaphor in language and text]. — Moscow : Nauka, 1988. — P. 11—26. — (In Rus.)

67. Grushevskaya T. M., Samarskaya T. B. Politicheskiy gazetnyy diskurs skvoz' prizmu yazykovykh sredstv predstavleniya informatsii [Political newspaper discourse through the prism of language means of presenting information] // Sfera uslug: innovatsii i kachestvo [Services: innovation and quality]. — 2011. — Nr 2. — URL: http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2011_2_16.pdf.

68. Yemel'yanova O. N. Metafora [Metaphor] // Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nyye sredstva russkogo yazyka i rechevyye oshibki i nedochety [Encyclopedic Dictionary. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings]. — Moscow : Flinta : Nauka, 2005. — P. 176—178. — (In Rus.)

69. Zhuykova O. V. Artefaktnyye metafory kak verbal'nyye sredstva ob"yektivatsii kontsepta «YAzyk» v filosofskom diskurse V. fon Gumbol'dta [Artifact metaphors as verbal means of objectification of the “Language” concept in the philosophical discourse of V. von Humboldt] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo State University]. — 2018. — Nr. 3. — P. 177—186. — (In Rus.)

70. Zaliznyak A. A. Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby yeye predstavleniya [Ambiguity in the language and ways of representing it]. — Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. — 672 p. — (In Rus.)

71. Zolotayko A. I. Metaforicheskoye modelirovaniye obraza politsii v diskurse obshchestvennogo mneniya SSHA (sfera-istochnik — zoonimy) [Metaphorical modeling of the image of the police in the discourse of public opinion in the USA (source-sphere — zoonyms)] // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2019. — Nr. 1 (73). — P. 65—71. — (In Rus.)

72. Zuyeva T. A. Chelovek skvoz' prizmu artefaktnoy metafory v russkoy idiomatike [Man through the prism of an artifact metaphor in Russian idiomatics] // Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa [Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics creative]. — 2016. — Nr. 2. — P. 102—110. — (In Rus.)

73. Kostomarov V. G. Russkiy yazyk na gazetnoy polose [Russian language on the newspaper page]. — Moscow : Izd-vo MGU, 1971. — 267 p. — (In Rus.)

74. Lakoff G. Metafora i voyna: Sistema metafor dlya opravdaniya voyny v Zalive [A system of metaphors to justify a war in the Gulf] // Budayev E. V., Chudinov A. P. Sovremennaya politicheskaya lingvistika [Modern political linguistics]. — Yekaterinburg : Izd-vo Ural. gos. pedagog. un-ta, 2006. — P. 61—73. — (In Rus.)

75. Lakoff G., Johnson M. Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. — Moscow : Yeditorial URSS, 2004. — 256 p. — (In Rus.)

76. Moskvin V. P. Vyrazitel'nyye sredstva sovremennoy russkoy rechi. Tropy i figury. Terminologicheskiy slovar' [Expressive means of modern Russian speech. Trails and figures. Terminological dictionary]. — Rostoy-na-Donu : Feniks, 2007. — (In Rus.)

77. Nagornaya A. V. Orudiynaya metafora kak sredstvo ob"yektivatsii vnutritelesnogo opyta [The weapon metaphor as a means of objectification of internal experience] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University n.a. A.S.Pushkin]. — 2012. — Nr. 2. — P. 84—96. — (In Rus.)

78. Novikova V. P. Metaforicheskoye otrazheniye problem migratsii v publitsisticheskom tekste [Metaphorical reflection of migration problems in a journalistic text] // Voprosy kognitivnoy lingvistiki [Questions of cognitive linguistics]. — 2016. — Nr. 3 (48). — P. 141—147. — (In Rus.)

79. Paducheva Ye. V. Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. — Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. — 608 p. — (In Rus.)

80. Teliya V. N. Metafora kak model' smysloproizvodstva i yeye ekspressivno-otsenochnaya funktsiya [Metaphor as a model of meaning production and its expressive-evaluative function] // Metafora v yazyke i tekste [Metaphor in language and text]. — Moscow : Nauka, 1988. — P. 26—52. — (In Rus.)

81. Sklyarevskaya G. N. Metafora v sisteme yazyka. Izd. 2-ye [Metaphor in the language system. Ed. 2nd]. — St.-Petersburg : Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, 2004. — 166 p. — (In Rus.)

82. Filatov K. S. Metafora kak sposob razvertyvaniya zhurnalistskogo teksta : Dis. … kand. filol. nauk [Metaphor as a way to deploy journalistic text : Cand. philol. sci. thesis diss]. — St.-Petersburg, 2015. — 153 p. — (In Rus.)

83. Chudinov A. P. Diskursivnyye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii [Discursive characteristics of political communication] // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2012. — Nr 2 (40). — P. 53—59. — (In Rus.)

84. Chudinov A.P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy. kommunikatsii [Metaphorical mosaic in the modern political. communications]. — Yekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2003. — 251 p. — (In Rus.)

85. Sheygal Ye. I. Semiotika politicheskogo diskursa [The semiotics of political discourse]. — Volgograd : Peremena, 2000. — 367 p. — (In Rus.)

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55 *ГСНТИ 16.21.45; 16.21.61* *Код ВАК 10.02.19; 10.01.10*
DOI

С. В. Ильясова
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *Ilyasova_rnd@mail.ru.*

Словообразовательная игра: от лингвокреативности до лингвоциничности (на материале языка современных российских СМИ)

АННОТАЦИЯ. *В статье на репрезентативном материале прослежены основные черты словообразовательной игры (СИ) в языке российских СМИ начала XXI века. Результатом усиления личностного начала стало преобладание в текстах СМИ «затейливых» неодериватов, отражающих стремление автора поиграть с читателем. В то же время стремление к броскости находит выражение в появлении «вычурных» слов, которые мы считаем неудачным языковым экспериментом. Неоправданное использование экспрессивных средств для выражения оценочности оборачивается появлением слов эпатажных, противоречащих нормам морали и нравственности. Реализация потенциала словотворчества в узком понимании этого термина происходит с опорой на сложившиеся приемы словообразовательной игры: создание слова по конкретному образцу, контаминация, тмезис. Также наблюдается гибридизация как общий принцип создания неодериватов. Словообразовательные шутки, в которых юмор не осложнен оценкой, стали очень редким явлением в языке современных СМИ, то есть СИ направлены не на развлечение, а на оценку, как правило, на осмеяние, уничижение, СИ стала одним из ярких и эффективных способов выражения социальной оценочности. Для оценки используются разные пласты лексики, в том числе сниженная лексика, стилистически маркированные аффиксы, что зачастую приводит к проявлению речевой агрессии. Особую тревогу вызывает проявление лингвоцинизма — циничного обыгрывания запретных для осмеяния тем: памяти об историческом прошлом, о Великой Отечественной войне, гибели людей в мирное время.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *язык СМИ; СМИ; средства массовой информации; журналистика; медиалингвистика; медиадикурс; медиатексты; российские СМИ; когнитивная лингвистика; словообразовательная игра; словотворчество; речевая агрессия; лингвоцинизм.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ильясова Светлана Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42; e-mail: Ilyasova_rnd@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Ильясова, С. В.* Словообразовательная игра: от лингвокреативности до лингвоциничности (на материале языка современных российских СМИ) / С. В. Ильясова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 39-45. — DOI.

Словообразовательная игра (далее — СИ), исследованию которой на материале языка российских СМИ конца XX — начала XXI в. мы посвятили монографию [Ильясова 2002], за почти двадцатилетний период наблюдения за нею претерпела значительные изменения, которые позволяют говорить об **актуальности** исследования, проведенного на материале российской прессы начала XXI в. — газет «Комсомольская правда» (КП), «Аргументы и факты» (АиФ), «Наша версия» (НВ). Последняя относится к оппозиционному типу изданий, что позволяет журналистам проявлять большую свободу в выборе экспрессивных средств в выражении оценки.

Цель исследования — дать многоаспектный анализ СИ.

Для достижения поставленной цели были использованы метод лингвистического наблюдения, описательный метод с применением приемов сопоставления, обобщения и классификации.

Представим основные черты СИ.

Экспрессию новообразований связывают с усилением личностного начала: «Возрастание личностного начала проявляется в усилении игровой составляющей в текстах современных российских СМИ» [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2014: 185].

Для достижения экспрессивного эффекта в языке современных СМИ используется ряд игровых приемов: заменительная деривация, создание слова по конкретному образцу (в нашей терминологии «предсказамус-прием»), контаминация, «фокус-покус-прием», тмезис и др.

Вместе с тем само выделение и попытка систематизации перечисленных способов в неологии вовсе не означает, что все неодериваты могут быть с уверенностью типологизированы, определен прием их создания. Окказиональное словообразование тем и отличается от узуального, что новые слова «часто не имеют аналогов даже среди окка-

© Ильясова С. В., 2020

зионализмов» [Попова, Рацибурская, Гугунава 2005: 56], что, на наш взгляд, вовсе не означает некий хаос, царящий на поле окказиональности, а скорее свободу в реализации творческого начала, которое и является показателем лингвокреативности языка современных СМИ. Результатом усиления личностного начала стало преобладание в текстах СМИ *затейливых* неодериватов, отражающих стремление автора поиграть с читателем. В то же время следует заметить, что стремление к броскости находит выражение в появлении *вычурных слов*, которые мы считаем неудачным языковым экспериментом. Неоправданное использование экспрессивных средств для выражения оценочности оборачивается появлением слов *эпатажных*, противоречащих законам морали и нравственности.

Рассмотрим особенности неодериватов в предложенном порядке.

Продуктивным современным способом окказионального словообразования считается *заменительная деривация*. Действительно, сложные неодериваты, созданные путем замены одного из компонентов, очень распространены в языке современных СМИ, они «становятся экспрессивным средством выражения иронии, негативной оценки, служат для создания комического эффекта» [там же: 104], так как в них происходит замена исходного компонента на компонент с ингерентной или адгерентной коннотацией. Замене могут подвергаться финальные фрагменты слова, что рождает эффект обманутого ожидания, напр.: *Импортозавещание* (НВ, 2016, № 17); *Импортоизвращение* (НВ, 2017, № 9); *Налогоудушение* (НВ, 2018, № 18); *Здравозахоронение* (НВ, 2019, № 44). Объектом игры на снижение становятся ключевые слова текущего момента — *налогообложение*, *импортозамещение.*

Мощный экспрессивный эффект рождается и в том случае, если замене подвергается начальный фрагмент, а финальный легко распознается, соотнося неодериват с его «прародителем», напр.: *Нефтематство* (НВ, 2019, № 15); *Вонепровод* (НВ, 2009, № 49); *Хлоропровод* (НВ, 2019, № 17).

В результате подобной замены могут появляться антонимы, напр.: *Доброумышленники* (АиФ, 2019, № 18-19). Этот пример нетипичен для языка современных СМИ с его подчеркнутой игрой на снижение.

Близким по механизму к заменительной деривации является прием создания неодеривата по конкретному образцу («предсказамус-прием» — термин наш). Неодериваты, «созданные по образцу отдельного слова типовой структуры, слова с уникальным аффиксом или с остаточной основой» [там же: 61], всегда экспрессивны, так как здесь тоже действует эффект обманутого ожидания, особенно при трансформации финальной части слова-прообраза, ср.: *Эрдогад* (НВ, 2015, № 7); *Индокидай* (НВ, 2018, № 40).

Подобная игра также направлена на выражение негативной оценки, ср.: *Кривономика* (АиФ, 2015, № 41), реже — шутки, напр.: *Кипланетянин* (КП, 10—17.04.2019).

В результате использования «предсказамус-приема» могут появляться антонимы, порой достаточно необычные, ср.: *Алло, мы ищем молперов* (Известия. 11.09.2015; слово-прообраз — *старперы*); *Старобранцы* (НВ, 2017, № 13).

На узнаваемость слова-прообраза «работают» следующие показатели:

1) уникальность копируемого фрагмента, напр.: *Соснобыль* (НВ, 2018, № 38); *Бравоспектива* (НВ, 2018, № 44); *Добро пожаловать в Зомбиленд* (АиФ, 2019, № 45);

2) присутствие слова-прообраза в минимальном контексте — в заголовке, напр.: *Переименуют ли казахов в назарбахов*? (АиФ, 2019, № 13); *От брексита до руксита* (НВ, 2019, №140; *К брекситу добавится Mercut* (КП, 15—22.01.2020);

3) обыгрывание прецедентного феномена, напр.: *Мамаево Кокорище* (АиФ, 2018, № 42).

Полагаем, что актуализация (включение слова-прообраза в минимальный контекст) нужна журналисту для того, чтобы «подсказать» читателю, с каким словом соотносится новое, а вовсе не для того, чтобы подталкивать его к распознаванию приема СИ. Последнее интересно для лингвиста, но даже знание приемов СИ, как уже было отмечено, не всегда позволяет с уверенностью определить, какой механизм был использован при создании неодеривата. Так, предметом для дискуссии может стать такое новообразование: *Наспехтуция* (НВ, 2020, № 6). Какой прием использован при создании этого слова? Прием создания слова по конкретному образцу? В приведенном неодеривате явно усматривается фрагмент слова *конституция*, ставшего в настоящее время ключевым в связи с внесением поправок в Конституцию РФ. В то же время с полным правом можно усмотреть здесь и контаминацию — «объединение языковых единиц в одну на основе их равноправного участия в формировании звуковой оболочки и значения гибрида» [Гридина 1996: 17].

Рассмотрим такую пару неодериватов: *Пугаловирус* (НВ, 2020, № 11) и *Коровавирус* (АиФ, 2020, № 13). Казалось бы, оба они соотнесены с ключевым словом текущего момента и, следовательно, созданы по его образцу, но в первом случае слово-прообраз

присутствует в расширенном контексте — подзаголовке, ср.: *Коронавирус поможет одним заработать, другим — набрать очки.* Во втором примере поводом для обыгрывания стало высказывание председателя партии «Яблоко» Н. Рыбакова, ср.: *Обвалить курс валюты, чтобы снизить рентабельность добычи сланцевой нефти в США, — это как „Пусть у меня корова сдохнет, лишь бы у соседа корова не отелилась*“. Журналисты еженедельника «АиФ» мгновенно отреагировали созданием броского заголовка.

Вместе с тем присутствие в контексте слова-аналога считается и «своеобразным признаком контаминации» [Намитокова 2015: 186], что можно увидеть в примере рождения антропонима: *Что за олигарх **Дерибабкин**?*

К. Бабкин, председатель совета ТПП: *Дерипаска одной ногой стоял на прозападной платформе, другой — на патриотической. И когда они начали разъезжаться, ему пришлось сесть на шпагат.*

Ред. АиФ: *Между прочим, какая говорящая фамилия получается из смешения этих двух видных бизнесменов — **Дерибабкин*** (АиФ, 2018, № 17).

Говорящая фамилия явно создана здесь способом контаминации.

Механизм образования других неодериватов может стать предметом для дискуссий, напр.: *Выход из нищетаемости* (АиФ, 2020, № 6); *Увековеркали* (НВ, 2018, № 41); *Банкрабство* (АиФ, 2018, № 43); *Удаленушка* (АиФ, 2020, № 13).

Т. А. Гридина использует для обозначения подобных новообразований термины *гибрид*, *гибридное образование*. А. П. Сковородников — словообразовательные контаминации, образованные способом *словообразовательного коллажа* [Сковородников 2003: 272].

Считаем терминологическое сочетание *словообразовательный коллаж* одновременно и выразительным, и точным, как нельзя лучше подходящим к оценке таких гибридов, как *наспехтуция* и др.

К словообразовательным контаминациям автор относит довольно широкий круг явлений: *междусловное наложение*, *словообразование по аналогии*, *внутрисловные вставки* [там же]. Последний вид словотворчества получил в лингвистике название *тмезиса* — «*вторжение* аффикса (или целого слова — чаще служебного) внутрь слова (обычно композита)» [Намитокова 2015: 192], что можно проиллюстрировать такими примерами: *Евроненавидение* (КП. 24.03. 2017); *ЕвроВДВвидение* (АиФ, 2019, № 9); *Авианедоносец* (НВ, 2019, № 26); *Иноукропланетяне* (АиФ, 2018, № 51). Неодериваты такого типа с полным правом можно охарактеризовать и как гибридные.

О палитре СИ свидетельствуют и единичные, но тем не менее очень яркие примеры «фокус-покус-приема» — «эхо-конструкций», которые в языке СМИ также нацелены на выражение социальной оценочности, ср.: *Тверская-Взрывская* (КП. 11. 07.2003); *Марксизм-кризисизм* (Известия, 24.03.2010); *Грешники-ЕГЭшники* (АиФ-на-Дону, 2012, № 28). В известной монографии «Русская разговорная речь» дана характеристика как структурных, так и функциональных особенностей «приема экспрессивного рифмованного удвоения». Важным считаем замечание о том, что эхо-конструкции создаются не только в целях шутки, но и для выражения «пренебрежения к предмету речи» [Русская разговорная речь 1983: 193]. Вступая в дискуссию с авторами названной монографии о шутливом характере отзвучий, В. З. Санников замечает, что приведенный в монографии «материал говорит о том, что в абсолютном большинстве это конструкции *снижающие*» [Санников 1999: 168]. Для нашего исследования СИ особую значимость приобретает добавление утверждения о направленности снижения на «дискредитацию самих понятий» [Санников 1999: 168], что можно увидеть, напр., в конструкции *марксизм-кризисизм*.

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что языковая игра (и словообразовательная как самая представительная ее разновидность) в языке современных СМИ, по сути дела, перестала быть игрой в первоначальном смысле этого слова — чертой «непринужденного общения в интеллигентской среде» [Крысин 2003: 494].

Продолжая размышления на эту тему, заметим, что словообразовательные шутки в языке современных СМИ, в которых юмор не осложнен оценкой, стали очень редким явлением — шутку можно усмотреть, напр., в заголовке статьи о рождении квартета младенцев: *Четверняшки* (КП, 20—27.11.2019).

Да, весь разнообразный арсенал СИ, а также новые игры — игры с графикой и орфографией — направлены не на развлечение, а на оценку, СИ стала одним из ярких и эффективных способов выражения социальной оценочности.

Реализации этой функции СИ с успехом служат и выделенные Е. А. Земской в качестве особого способа порождения окказионализмов *каламбурные и паронимические «игры» со словом.* Это, например, слова, «рожденные в период перестройки: *прихватизация* и *прихватизатор*, *дерьмокрады* (ср. *дерьмократы*)…» [Земская 2007: 187].

В языке СМИ подобные игры направлены на осмеяние, на уничижение, так как происходит деформация узуального слова, а покушение на форму всегда сопряжено с оценкой содержания, ср.: *Невазные дела* (НВ, 2012, № 9 — о ВАЗе); *Врачные перспективы* (НВ, 2012, № 48 — об обеспеченности квартирами врачей); *Обтурили* (НВ, 2018, № 43 — о деятельности Ростуризма); *Школьное пытание* (НВ, 2018, № 14 — о питании в школах); *Дронуться можно* (НВ, 2018, № 22 — о запрете дронов); *Думдом с ремонтом* (НВ, 2019, № 2 — о ремонте в Государственной думе); *Трудни* (НВ, 2017, № 11); *На грани кадастрофы* (Коммерсантъ, 17.10.2019 — о взимании налога с кадастровой стоимости недвижимости).

Острота проблемы становится толчком к так называемому *лавинообразному словотворчеству*: *Погазуха* (НВ, 2012, 30); *Погазная решимость* (НВ, 2011, № 35); *Погазное хамство* (НВ, 2012, № 19); *Газачок* (НВ, 2019, № 24).

Создается впечатление, что в написании слова допущена ошибка, опечатка, это не трансформация слова с целью игры и оценки. Ассоциируясь с известным словом, новое в то же время представляет загадку, требующую решения с опорой на текст публикации. При отсутствии пояснений возникает опасность коммуникативной неудачи.

В погоне за броскостью авторы часто нарушают критерий понятности (ясности), что Д. В. Соловьева рассматривает как предпосылку для возникновения коммуникативного риска. В качестве примера она приводит новообразование *дронуться*, делая упрек журналисту в том, что он «не поясняет термин, мотивирующий неологизм, предполагая, что аудитории он известен» [Соловьева 2019 : 116].

Мощным способом привлечения внимания в языке российских СМИ служит сочетание разнообразных игр: СИ и графической игры (ГИ) *АвиаКОТастрофа* (НВ, 2019, № 44 — о том, что в самолет не пустили толстого кота); СИ, ГИ и игры с прецедентными феноменами, напр.: *ВАДская кухня* (КП, 18—25.12.2019).

В погоне за экспрессивизацией текста журналисты используют сниженную лексику, напр.: *Эпоха ожлобления* (АиФ, 2015, № 39); *Космодрын* (НВ, 2016, № 18 — о строительстве космодрома); *Трындеция, однако* (АиФ, 2016, № 22); *Поддыхский край* (АиФ, 2018, №39 — вместо Приморский край). Такие заголовки, как *ПравоохрЕнительные органы* (АиФ, 2009, № 45), *Налогооблажание* (НВ, 2011, № 13), *Висякосный год* (НВ, 2014, № 25), стали привычными для языка российских СМИ.

В неодеривацию вовлекаются маркированные аффиксы, напр.*: Танкерня* (НВ, 2019, № 22). Весьма частотны на страницах СМИ новообразования на *-ец.* К уже упоминавшимся в наших работах (*рецессец, витаминЕц, бензец, хрустец, песнец, криздец, крымздец, крымец, трампец, наградец*) добавляются новые с подчеркнуто негативным зарядом, напр.: *Дамбец* (НВ, 2019, № 25 — о наводнении в Тулуне); *Персец* (НВ, 2020, № 1 — о конфликте Ирана и США).

Использование маркированных аффиксов, сниженной лексики для создания новообразований оценочного характера является разновидностью *речевой агрессии*, под которой понимается «осуществляемое экспрессивными реч. средствами навязывание адресату определенной точки зрения на предмет речи» [Медиалингвистика в терминах и понятиях 2020: 45].

Особую тревогу, на наш взгляд, вызывает такое проявление речевой агрессии, когда на страницах СМИ появляются *лингвоцинизмы*, или *языковые цинизмы* — «слова, обороты речи и целые высказывания, в которых нашел отражение цинизм индивидуального или группового мышления, мировоззрения. В данном случае цинизм понимается как такое отношение к окружающему миру, которое вольно или невольно демонстрирует отсутствие ориентации на нормы нравственности, а часто и намеренное их нарушение» [Экология русского языка 2017: 124].

Результатом циничного отношения к науке стало такое новообразование, как *Бандидаты наук* (АиФ, 2013, № 11), к состоянию армии — *Пидороты и гейбаты* (АиФ, 2014, № 38); к основному закону страну — *Наспехтуция* (НВ, 2020, № 5); к проблеме вымирания населения — *Российские вымираты* (НВ, 2019, № 25); к народу России — *Народ-блохоносец* (НВ, 2015, № 46).

Не остаются без внимания и события, происходящие за рубежом, ср.: *Нотр-дам-де-гори* (АиФ, 2019, № 17), *Уханьдохали* (НВ, 2020, № 5).

Трагедию с крушением лайнера в Ростове-на-Дону журналисты обозначили *УБОИНГ* (НВ, 2016, № 12), видимо, позабыв о том, что на жаргоне *убойный* означает «отличный, замечательный» и именно в этом значении имеет активное хождение в речи молодежи. Можно, конечно, увидеть здесь и контаминацию слов *убой* и *боинг,* но это также не делает чести создателю неодеривата, так как *убой* относится к животным и означает их умерщвление.

Не может оставить равнодушным и другой пример: *Мавзолей Генин* (АиФ, 2012, № 16). Так «удачно» журналисты ежене-

дельника пошутили вслед за В. Ф. Жириновским, предложившим после смерти Г. А. Зюганова похоронить его в Мавзолее и сделать надпись: «Ленин. Зюганов».

Как показывают результаты исследований, циничное отношение к сакральным темам получило распространение и в интернет-коммуникации: «Контент социальных сетей нацелен, как правило, на молодежную аудиторию. Лингвоцинизмы в нем функционируют в ситуациях, относящихся к темам, которые являются сакральными в русской культуре. Например, тема смерти» [Ляшева 2017: 109].

Никак не может оставить равнодушным такое циничное отношение к нашему прошлому, которое можно увидеть в появлении и тиражировании неодерината *ленинопад*, ср.: *Но, несмотря на это, с мыслью снести памятники Ленину согласны лишь 14 % опрошенных, 79 % — против* ***ленинопада*** (КП, 21.04.2017). Модель на *-пад*, как мы уже отмечали, стала ключевой для нашего времени, ср.: *губернаторопад, мостопад, золотопад, самолетопад* и др. И, тем не менее, есть вечные ценности, которые не могут упасть, подобно курсу рубля.

К таким ценностям, без всякого сомнения, относится и победа в Великой Отечественной войне, поэтому очевиден цинизм новообразований в таких контекстах: *В оккупаях Сталинграда* (Известия, 30.09.2013); *День поебды гей-оргиевская ленточка* (КП, 14.05.2013). И в том, и в другом случае журналисты, очевидно, хотели привлечь внимание к острым социальным проблемам необычными заголовками, но эффект получился прямо противоположный — ерничание, стеб, совершенно недопустимые в отношении нашего прошлого. Видя подобные «эффектные» слова, хочется напомнить журналистам о том, что «идеей консолидации социума является и ***идея патриотизма»*** [Клушина 2018: 106].

Мы полностью разделяем позицию тех исследователей, которые считают, что «при создании нового „эффектного“ слова журналист всегда должен знать меру и считаться не только с юридическими, но и с нравственными законами» [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2014: 195].

Проведенный в статье анализ неодериваций в языке современных российских СМИ позволяет сделать следующие выводы.

1. Активное стремление к словотворчеству за счет реализации накопленного в современном русском языке опыта окказионального словообразования (приемы заменительной деривации, создания слова по конкретному образцу, контаминации, тмезиса, фокус-покус-приема и др.) позволяет говорить об усилении лингвокреативности в языке современных российских СМИ.

2. Очевидно, что весь арсенал словотворчества, языковой игры направлен не на развлечение читателя, а на вовлечение его в оценку происходящих в стране процессов. Оценка, осуществляемая в игровой форме, завуалирована и в умелых руках более эффективна. Но использование сниженной лексики, маркированных аффиксов переводит ее в речевую агрессию, снижая тем самым роль творческого, собственно игрового начала.

3. Недопустимым считаем использование игровых способов и приемов для ерничания, цинизма в отношении нравственных ценностей, веками складывавшихся в нашем обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская, Е. А. Игровое словообразование / Е. А. Земская. — Текст : непосредственный // Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина. — Москва : Языки славянской культуры, 2007. — С. 185—193.

2. Ильясова, С. В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ / С. В. Ильясова. — Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 2002. — 360 с. — Текст : непосредственный.

3. Клушина, Н. И. Медиастилистика : монография / Н. И. Клушина. — Москва : Флинта, 2018. — 184 с. — Текст : непосредственный.

4. Крысин, Л. П. Речевой портрет представителя интеллигенции / Л. П. Крысин. — Текст : непосредственный // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — С. 483—495.

5. Ляшева, М. Н. Лингвоцинизмы в современном интернет-дискурсе: функциональный аспект / М. Н. Ляшева. — Текст : непосредственный // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2017. — № 1. — С. 108—112.

6. Намитокова, Р. Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале русской поэзии второй половины XX века) / Р. Ю. Намитокова. — Майкоп : Изд-во АГУ, 2015. — 359 с.

7. Попова, Т. В. Неология и неография современного русского языка : учеб. пособие / Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Д. В. Гугунава. — Москва : Флинта : Наука, 2005. — 168 с. — Текст : непосредственный.

8. Рацибурская, Л. В. Новые тенденции в современном медийном словотворчестве / Л. В. Рацибурская, Н. А. Самыличева, А. В. Шумилова. — Текст : непосредственный // Новые тенденции в русском языке начала XXI века : коллект. монография. — Москва : Флинта : Наука, 2014. — С. 134—221.

9. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. — Москва : Наука, 1983. — 239 с. — Текст : непосредственный.

10. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — Москва : Языки русской культуры. — 544 с. — Текст : непосредственный.

11. Сковородников, А. П. Контаминация словообразовательная / А. П. Сковородников. — Текст : непосредственный // Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник. — Москва : Флинта : Наука, 2003. — С. 272—274.

12. Соловьева, Д. В. Медийные новообразования как фактор рискогенности текстов общественно-политической прессы начала XXI века : дис. … канд. филол. наук / Соловьева Д. В. — Нижний Новгород, 2019. — 270 с. — Текст : непосредственный.

13. Экология русского языка : словарь лингвоэкологических терминов / авт.-сост. д-р филол. наук, проф. А. П. Сковородников. — Москва : Флинта : Наука, 2017. — 384 с. — Текст : непосредственный.

S. V. Il'yasova
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *Ilyasova_rnd@mail.ru.*

A Word Building Game: From Linguocreativity to Linguocynicism (On the Material of Modern Russian Mass Media)

ABSTRACT. *The article traces the main features of the word building game (WBG) in the language of the Russian mass media of the early 21st century in a representative corpus of examples. As a result of enhancement of the role of the journalist, mass media texts started to abound in "witty" derived neologisms reflecting the author's desire to play with the reading audience. At the same time, the pursuit of originality finds expression in the emergence of "ostentatious" words which may be considered unsuccessful language experiment. Overindulgence in the use of expressive means, aimed to indicate evaluation, results in the emergence of provocative words contradicting the norms of morality and decency. The realization of the word building potential in the narrow sense of the term is accompanied by the use of the popular word building game technique: word formation according to a model, contamination, and tmesis. Hybridization is also used as a general principle of creation of derived neologisms. Word building jokes, in which humor is not complicated with evaluation, have become very rare in the language of the modern mass media, which means that the word building game is not oriented towards entertainment but focuses on evaluation, such as ridicule or humiliation, and has become one of the radical and efficient means of expressing social evaluation. Social evaluation is expressed by various vocabulary layers, and specifically low colloquial words and stylistically marked affixes, which often leads to the manifestation of verbal aggression. The emergence of linguocynicisms – cynical references to sacred themes: historical memory about the past, the Great Patriotic War, and death of people in the time of peace – is a matter of serious concern.*

KEYWORDS: *mass media language; mass media; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; Russian mass media; cognitive linguistics; word building game; word creation; verbal aggression; linguocynicism.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Il'yasova Svetlana Vasil'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language for Foreign Students, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

FOR CITATION: *Il'yasova, S. V.* A Word Building Game: From Linguocreativity to Linguocynicism (On the Material of Modern Russian Mass Media) / S. V. Il'yasova // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 39-45. — DOI XXXXXXXXXXX.

REFERENCES

1. Zemskaya, E. A. Play Derivation / E. A. Zemskaya. — Text : unmediated // Language in Motion: on the 70th Anniversary of L. P. Krysin. — Moscow : Languages of Slavic Culture, 2007. — P. 185—193. [Igrovoe slovoobrazovanie / E. A. Zemskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk v dvizhenii: k 70-letiyu L. P. Krysina. — Moskva : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2007. — S. 185—193]. — (In Rus.)

2. Il'yasova, S. V. Word-building Play as a Phenomenon of the Language of Modern Media / S. V. Il'yasova. — Rostov-on-Don : Publishing house of Rost. University, 2002. — 360 p. — Text : unmediated. [Slovoobrazovatel'naya igra kak fenomen yazyka sovremennykh SMI / S. V. Il'yasova. — Rostov-na-Donu : Izd-vo Rost. un-ta, 2002. — 360 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Klushina, N. I. Media History : monograph / N. I. Klushina. — Moscow : Flinta, 2018. — 184 p. — Text : unmediated. [Mediastilistika : monografiya / N. I. Klushina. — Moskva : Flinta, 2018. — 184 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

4. Krysin, L. P. Speech Portrait of a Representative of the Intelligentsia / L. P. Krysin. — Text : unmediated // Modern Russian Language: Social and Functional Differentiation. — Moscow : Languages of Slavic Culture, 2003. — P. 483—495. [Rechevoy portret predstavitelya intelligentsii / L. P. Krysin. — Tekst : neposredstvennyy // Sovremennyy russkiy yazyk: sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya. — Moskva : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003. — S. 483—495]. — (In Rus.)

5. Lyasheva, M. N. Linguocinisms in the Modern Internet Discourse: Functional Aspect / M. N. Lyasheva. — Text : unmediated // Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences. — 2017. — No. 1. — P. 108—112. [Lingvotsinizmy v sovremennom internet-diskurse: funktsional'nyy aspekt / M. N. Lyasheva. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. — 2017. — № 1. — S. 108—112]. — (In Rus.)

6. Namitokova, R. Yu. Authors' Neologisms: Structure and Functioning (based on Russian poetry of the second half of the 20th century) / R. Yu. Namitokova. — Maykop : ASU Publishing House, 2015. — 359 p. [Avtorskie novoobrazovaniya: struktura i funktsionirovanie (na materiale russkoy poezii vtoroy poloviny KhKh veka) / R. Yu. Namitokova. — Maykop : Izd-vo AGU, 2015. — 359 s.]. — (In Rus.)

7. Popova, T. V. Neology and Neography of the Modern Russian Language: teaching aid / T. V. Popova, L. V. Ratsiburskaya, D. V. Gugunava. — Moscow : Flinta : Nauka, 2005. — 168 p. — Text : unmediated. [Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka : ucheb. posobie / T. V. Popova, L. V. Ratsiburskaya, D. V. Gugunava. — Moskva : Flinta : Nauka, 2005. — 168 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

8. Ratsiburskaya, L. V. New Trends in Modern Media Writing / L. V. Ratsiburskaya, N. A. Samylicheva, A. V. Shumilova. — Text : unmediated // New Trends in Russian at the Beginning of the 21st Century : collective monograph. — Moscow : Flinta : Science, 2014. — P. 134—221. [Novye tendentsii v sovremennom mediynom slovotvorchestve / L. V. Ratsiburskaya, N. A. Samylicheva, A. V. Shumilova. — Tekst : neposredstvennyy // Novye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka : kollekt. monografiya. — Moskva : Flinta : Nauka, 2014. — S. 134—221]. — (In Rus.)

9. Russian Colloquial Speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture. — Moscow : Science, 1983. — 239 p. — Text : unmediated. [Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest. — Moskva : Nauka, 1983. — 239 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

10. Sannikov, V. Z. Russian Language in the Mirror of a Language Game / V. Z. Sannikov. — Moscow : Languages of Russian Culture. — 544 p. — Text : unmediated. [Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry / V. Z. Sannikov. — Moskva : Yazyki russkoy kul'tury. — 544 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

11. Skovorodnikov, A. P. Word-building Contamination / A. P. Skovorodnikov. — Text : unmediated // Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary-reference book. — Moscow : Flinta : Science, 2003. — P. 272—274. [Kontaminatsiya slovoobrazo-

vatel'naya / A. P. Skovorodnikov. — Tekst : neposredstvennyy // Kul'tura russkoy rechi : entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. — Moskva : Flinta : Nauka, 2003. — S. 272—274]. — (In Rus.)

12. Solov'eva, D. V. Media Neoplasms as a Risk Factor of Texts of the Socio-political Press of the Beginning of the XXI Century : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Solovieva D. V. — Nizhny Novgorod, 2019. — 270 p. — Text : unmediated. [Mediynye novoobrazovaniya kak faktor riskogennosti tekstov obshchestvenno-politicheskoy pressy nachala XXI veka : dis. … kand. filol. nauk / Solov'eva D. V. — Nizhniy Novgorod, 2019. — 270 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Ecology of the Russian Language: a Dictionary of Linguo-environmental Terms / ed. Dr. of Philol. Sciences, Prof. A. P. Skovorodnikov. — Moscow : Flinta : Science, 2017. — 384 p. — Text : unmediated. [Ekologiya russkogo yazyka : slovar' lingvoekologicheskikh terminov / avt.-sost. d-r filol. nauk, prof. A. P. Skovorodnikov. — Moskva : Flinta : Nauka, 2017. — 384 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.112.2'42
ББК Ш43.24-51 *ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33* *Код ВАК 10.02.19*
DOI

О. Ю. Амурская
Казанский федеральный университет, Казань, Россия
ORCID ID: 0000-0003-2623-0018 ☑

А. Д. Егорова
Казанский федеральный университет, Казань, Россия
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *oksana2181@mail.ru; p180378e@yandex.ru.*

Прагматический анализ поликодового текста (плаката) в политике Австрийской Республики 20-х годов

АННОТАЦИЯ. *Прагматика — сравнительно современная отрасль лингвистики, которая отражает философскую сторону языка. Она, как отрасль семиотики, наравне с синтаксисом и семантикой является наукой, которая изучает отношения языка-объекта к субъекту. Интерес к прагматике как науке возник во второй половине XX века. Прежде всего это проявилось в поздних работах Л. Витгенштейна и теории речевых актов Дж. Остина. В рамках прагматики постулируется, что высказывания автоматически вызывают определенные ожидания у индивида, и эти ожидания направляют адресата к тому, что он намеревается сказать. При рассмотрении социокультурной коммуникации исследователей всегда привлекал ее социокультурный аспект. Кроме того, в последние годы интерес у лингвистов вызывает резкий скачок популярности невербальных текстов. Все эти актуальные научные направления определили цель нашей работы — ответ на вопрос: как мультимодальные жанры способны повлиять на социум? Во времена политических столкновений и формирования политических партий в Третьем рейхе и Австрии возрастала популярность креолизованных текстов. Поликодовый текст был одним из основных средств межкультурной коммуникации. На улицах городов можно было встретить плакаты с карикатурным изображением или сатирические плакаты, гротескно изображающие людей, принадлежащих к разным партиям. Такого рода креолизованные тексты выполняли аттрактивную функцию, воздействуя на общество, призывая народ к войне. Изображения часто были юмористическими; это объясняется трудностью для индивида задачи понять и серьезно воспринять картину происходящих в стране событий, что относится и к периоду Первой и Второй мировых войн. Предметом исследования нашей работы является прагматическая составляющая поликодовых текстов и их когнитивная функция. В работе использованы метод лингвистического анализа креолизованных текстов и метод прагматического анализа. Мы изучим плакат с точки зрения внешней структуры, рассмотрим компоненты иконической части и их особенности. Применение прагматических знаний на практике помогло нам глубже понять элементы приложенного креолизованного текста и установить, как он воздействует на мышление человека. Анализируя плакаты как модели мультимодальных жанров с точки зрения их структуры и назначения, можно понять, какую функцию выполняют креолизованные тексты в политическом дискурсе Третьего рейха во время двух мировых войн и какие типы речевых актов вербализуются.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *межкультурные коммуникации; креолизованные тексты; поликодовые тексты; паралингвистические средства; речевые акты; плакаты; политический дискурс.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Амурская Оксана Юрьевна, доцент кафедры романо-германской филологии, Казанский федеральный университет; 420021, Россия, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2, к. 429; e-mail: oksana2181@mail.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Егорова Ангелина Денисовна, студентка Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет; 420021, Россия, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2; e-mail: p180378e@yandex.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Амурская, О. Ю.* Прагматический анализ поликодового текста (плаката) в политике Австрийской Республики 20-х годов / О. Ю. Амурская, А. Д. Егорова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 46-52. — DOI.

Поликодовые тексты составляют особую группу паралингвистических текстов. Г. В. Ейгер и Л. Юхт утверждали, что «к поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т. п.)» [Ейгер, Юхт 1976: 107]. Следует разграничить понятия «мультимодальность», «креолизация» и «поликодовость». Мультимодальность — это сочетание различных семиотических моделей в коммуникативном артефакте или событии [Леувен 2005: 28]. Термин начал приобретать популярность с XXI в., с развитием цифровых технологий, хотя и до этого вре-

© Амурская О. Ю., Егорова А. Д., 2020

мени межкультурная коммуникация была мультимодальной, о чем свидетельствуют, например, фильмы, плакаты и т. д. Креолизованные тексты — это «такие тексты, в структурировании которых наряду с вербальными применяются иконические средства, а также средства других семиотических кодов (цвет, шрифт и др.)» [Анисимова 2003: 17]. Таким образом, термин «мультимодальность» относится к сочетанию вербальных технологических компонентов в современном мире, а креолизованный текст предназначен для восприятия визуальной информации. Лингвистические термины «поликодовость» и «креолизация» являются синонимами. Под первым, как ясно из внутренней формы слова, мы понимаем соединение разных семиотических кодов, т. е. вербальных и невербальных компонентов. Этими тремя понятиями мы будем пользоваться в данной статье. В каждом креолизованном тексте зашифровывается «послание», которое привлекает внимание реципиента. Политические плакаты могут представлять собой как тексты с частичной креолизацией, так и тексты с полной креолизацией. Так, во время предвыборной агитации на плакатах в качестве изобразительного компонента мы видим фотографию кандидата, а под ней подпись: «Сделайте правильный выбор!» Здесь вербальная часть не может существовать отдельно, иначе смысл высказывания будет неясным. Если изображение выступает в качестве главного компонента, значит, перед нами поликодовый текст с полной креолизацией [Анисимова 2003: 15]. На одном агитационном немецком плакате 1930-х гг. представлена карикатура, которая выступает в качестве вспомогательного компонента, а его вербальная часть: «Голосуйте за христианско-социалистическую партию!» — является доминантным компонентом. В тексте заключен основной смысл обращения к людям, который понятен без иконической части.

После распада Австро-Венгерской империи в 1918 г. в Первой Австрийской республике началась борьба между двумя политическими силами — социал-демократами и христианами-социалистами. Будучи основной действующей политической силой в то время, последняя партия призывала избегать евреев и ориентировалась на католическую церковь. Много антисемитских карикатурных плакатов было создано в поддержку правой партии. Так, например, иудеи были представлены в образе Кукольника (напоминающего Манджафоко из сказки Коллоди «Приключения Пиноккио»), а германский народ — марионеток. Это своего рода отсылка к сказке Карло Коллоди. Корреляция между героем-злодеем и евреями устанавливается при помощи метафорического переноса с одного образа на другой. Также было очень много плакатов, которые включали в себя такой художественный прием, как гротеск. Таким образом, плакат содержит комические и трагические мотивы, отражающие жизненные отношения посредством реального и фантастического элементов. В антисемитском плакате, который использовался в 1920 г. на выборах партии в Вене, изображен герб Австрии — орел с короной на голове и со щитом. Его душит змей, который в оскорбительной форме изображает евреев, что понятно по кипе на голове у чудовища. В плакате представлен ряд символических образов (змей, орел, кровь).

В указанном антисемитском плакате наиболее выражена апеллятивная функция. Воздействие на субъекта достигается при помощи иконического изображения и написанного текста. Изображение выполняет функцию привлечения внимания адресата, призвано заинтересовать его в происходящем [Анисимова 2003: 51]. И действительно, необычный подход к иллюстрированию двух противоборствующих партий с использованием символов способен воздействовать на перципиента. Символическая функция изображения заключается в его назначении выражать посредством наглядных, чувственно воспринимаемых образов абстрактные понятия и идеи [Анисимова 2003: 51]. Изображение имеет следующие символы-образы:

а) красный змей;
б) человеческая голова змея;
в) герб Австрии — орел;
г) кровь.

Данные символы предопределяют несколько интерпретаций (см. таблицу 1).

Как мы видим из схемы, некоторые графические средства вступают в синонимические отношения. Красный змей и орел имеют по отношению друг к другу антонимичные значения (добро противопоставлено злу, правая партия противоположна левой). Плакаты политического характера являлись призывом к действиям, к борьбе, поэтому они оказывали мощное воздействие на индивидов.

Таблица 1. Интерпретация образов-символов в плакате

Символ	Значение 1	Значение 2	Значение 3
Красный змей	Евреи	Левая партия	Зло
Человеческая голова змея	Евреи	Враги	—
Погибающий орёл	Австрия	Христианско-социалистическая партия	Добро
Кровь	Умирающее государство	Война	Смерть

Таблица 2. Значение цветов в плакате

Цвет	Семантическое значение 1	Семантическое значение 2
Красный	Социал-демократы	Кровавая бойня в стране
Черный	Смерть	Трудная ситуация в стране

Таблица 3. Функции языка в различных типах дискурсов

Модель органона	Функции	Виды коммуникативного акта
Символ	Информация	Информативный дискурс
Симптом	Выражение	Поэтический дискурс
Сигнал	Воздействие	Аргументативный дискурс

Изображение также выполняет здесь сатирическую функцию. Комический эффект достигается за счет использования такого жанра изобразительного искусства, как карикатура. Красный змей душит орла, который представляет герб Австрии. Орел напоминает образ Иисуса Христа, распятого на кресте. Ассоциации с христианской темой возникают вследствие ориентации политической партии, подготовившей плакат, на католичество.

При анализе политического мультимодального дискурса также важную роль играет цвет. Цвет — один из важнейших элементов креолизованного текста [Анисимова 2003: 59]. Красный свидетельствует о неприязни к евреям и социал-демократам. В политическом контексте цвет выполняет символическую и аттрактивную функцию. Красный цвет в плакате привлекает внимание перципиента. Сочетание черного и красного позволяет сделать плакат более ярким и запоминающимся. Такие цвета с точки зрения когнитивного аспекта сразу воздействуют на сознание перципиента и вызывают у него определенные ассоциации. Так, красный цвет ассоциируется прежде всего с войной и смертью, черный — со злом и негативными явлениями. Световая семантика отличается чрезвычайным разнообразием и богатством [Анисимова 2003: 60]. Черный цвет здесь также указывает на социальные явления и на принадлежность к правой партии. Значения цветов указаны в таблице 2.

Язык с точки зрения лингвистики текста предстает перед нами в разных формах выражения. Согласно «модели органона», составленной лингвистом К. Бюлером, язык предполагает участие трех сторон: предмета речи, говорящего (адресанта) и слушающего (адресата) [Ренкема 2004: 59]. Итак, возможны следующие функции языковой единицы:

а)знак как символ-высказывание, ориентированное на передачу сообщения адресату. В таком случае действует так называемая репрезентативная функция языка;

б)знак как симптом, в случае когда главной функцией становится передача эмоций и отношения адресату. Отсюда название соответствующей функции языка — экспрессивная;

в)знак как сигнал, когда главной функцией языка является влияние или воздействие на перципиента. В этом случае функция языка называется аппелятивной.

В зависимости от преобладания той или иной функции, различные типы дискурсов могут относиться к разным знакам-символам (см. таблицу 3).

Из теории лингвистики текста очевидно, что на практике язык редко демонстрирует только одну из вышеназванных функций. Тексты часто включают в себя все три аспекта. Паралингвистические активные тексты также не являются исключением из этой закономерности.

Рассматривая функцию вербального текста с точки зрения прагматики, следует заметить, что политические плакаты чаще всего призывают общество к действиям, т. е. влияют на дальнейший ход событий в государстве или стране. Значит, данный текст, который призывает выполнять действие, можно рассматривать как речевой акт. Лингвист и философ Джон Остин первым заметил, что такие предложения, в отличие от утвердительных, не содержат истину или ложь [Остин 1975: 123]. И действительно, текст на плакате: «Сохраните Австрию!» —

не содержит утверждения или отрицания, он призывает перципиента к совершению действия. У такого высказывания есть определенная цель. На этом этапе реализуется иллокутивная составляющая речевого акта, т. е. коммуникативное намерение говорящего за счет директивных (перформативных) глаголов «защитите», «выбирайте». Джон Остин выделил три составляющих речевого акта: локуцию, иллокуцию и перлокуцию [Юль 1996: 47—49]. Локуция — это высказывание «в чистом виде», иллокуция — это цель говорящего, перлокуция — это ожидаемая со стороны адресанта реакция адресата. Следовательно, перлокутивный акт в данном плакате связан с ожиданием голосов в пользу христианско-социалистической партии. Джон Остин утверждал, что для осуществления перформативного речевого акта необходимо:

а) чтобы меня кто-нибудь услышал;

б) чтобы этому лицу была понятна сила моего речевого акта;

в) в некоторых случаях — согласие другого лица на осуществление действия.

В нашем плакате вербальная часть включает в себя следующие речевые акты:

а) локутивный акт — само высказывание;

б) иллокутивный акт — приказ. Осуществляется за счет таких глаголов, как «защитите», «выбирайте»;

в) перлокутивный акт — убеждение голосовать за соответствующую партию.

Чаще всего в рамках политического дискурса представлены перформативные высказывания. Смысловой глагол стоит в первом лице единственного числа, но в данном случае, как исключение, глаголы «защищайте» и «выбирайте» стоят во втором лице множественного числа. Это тоже возможный вариант перформатива, который должен обладать следующими характеристиками [Хуанг 2007: 94—97]:

a) глагол совершает действие, а не описывает его;
b) перформативное высказывание не может быть истинным или ложным;
c) перформативное высказывание должно подходить к настоящей ситуации;
d) глагол стоит в первом лице единственного числа.

В нашем случае все условия, кроме d, для перформативного высказывания выполняются. Высказывание, где глагол не стоит в форме 1-го лица единственного числа, являются имплицитно выраженными перформативами [Хуанг 2007: 97]. Высказывание можно перестроить так, чтобы перформативный глагол был явно выражен: «Призываем (призываю) вас защитить Австрию и выбирать христиан-социалистов».

С точки зрения теории риторических структур У. Манна и С. Томпсон, данный дискурс предстает перед нами как иерархическая структура изображения и текстовых сегментов [Манн, Томпсон 1987: 1]. Согласно их теории, существуют 3 основных вида структуры текста:

а) суперструктура;

б) структура связей;

в) синтаксическая структура.

Первая зависит от внешней организации текста и его жанровой принадлежности. Сюда можно отнести расположение предложений на бумаге, разбивку текста на главы и абзацы, участие паралингвистических средств в создании общего культурного артефакта. Если мы проанализируем рассматриваемый плакат с точки зрения суперструктуры, его модель будет такой:

подпись
↓
изображение/ подпись
↓
подпись

Структуры а) и б) относятся непосредственно к вербальному тексту.

На основании представленного выше прагматического анализа можно убедиться в том, что поликодовые политические тексты часто используются для привлечения внимания адресата к существующей проблеме и для убеждения его в выполнении какого-либо действия, например голосования за партию или кандидата, присоединения к какому-либо политическому течению. На это может указывать прямой речевой акт. Смешение таких модусов, как язык, рисунок и графика, называют мультимодальностью. В теории дискурса существуют схемы, на основании которого можно анализировать мультимодальные тексты. А так как мультимодальность — это использование различных модусов, то такой жанр, как политический плакат, тоже представляет собой мультимодальный текст [Гюнтер 2010: 92]. Схема для анализа креолизованных текстов была впервые представлена Джуди Делин и Джоном Батеманом [Ренкема 2004: 76].

Авторы предлагают анализировать невербальные тексты на 5 уровнях:

1) структура содержания;
2) риторическая структура;
3) структура положения текста;
4) навигационная структура;
5) лингвистическая структура.

В нашем случае такой жанр, как политический плакат, можно проанализировать на 1, 3 и 5 уровнях. Рассмотрим для примера только эти аспекты.

Структура содержания описывает смысловую цепочку, связывающую части текста, не затрагивая графические и лингвистические аспекты. Схема в нашем примере может быть следующей.

Внешняя структура плаката состоит из заголовка, изображения и подписи к нему. Как уже говорилось ранее, важную роль в данном креолизованном тексте играет сам вербальный текст, поэтому его можно назвать доминантным компонентом, а иконическую часть — сигнификатом. Она имеет символическую функцию. Самая важная для адресата информация расположена над изображением, наверху плаката. Но остается неясным, почему верхняя и нижняя фразы написаны разными цветами и почему после верхней фразы не стоит восклицательный знак, ведь это такой же призыв к действию, как и императив «Защитите Австрию!».

Таким образом, поликодовые тексты, в частности плакаты, образуются в результате взаимодействия иконической и вербальной части, где главный смысл несет графически написанный текст, а изображение выполняет важную символическую функцию и метафорически изображает политическую ситуацию в государстве. Такие паралингвистические средства, как цвет рисунка и шрифта, также играют важную роль. Они вызывают определенные ассоциации у человека и отсылают к цветам, присущим тем или иным политическим предметам (партиям, флагам, гербам). Поэтому такие модусы, как язык, изображение и оформление, являются основными в визуальном тексте.

Данный креолизованный текст можно анализировать с точки зрения мультимодальности на уровнях содержания внешней, внутренней и лингвистической структуры. На основе данного анализа можно сделать вывод, что тексты к плакатам были не длинными по объему, выражали главную суть, а центральным компонентом для привлечения внимания было изображение, за которым стояли сложные политические отношения между противоборствующими сторонами. Относительно лингвистического содержания следует упомянуть, что глагол стоит в форме императива, который выражает строгое намерение убедить перципиента сделать что-то. Данная форма является распространенной в политическом дискурсе.

Итак, взаимодействие вербальных и невербальных элементов в поликодовых текстах воздействует на мыслительный процесс человека и направляет его к созданию определенных образов. Благодаря применению теории речевых актов и подробному анализу иконической и вербальной части плаката, мы можем сделать вывод о назначении поликодовых плакатов политического характера. Восприятие информации улучшается за счет наличия в текстах политического содержания символических образов и ассоциаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Австрия. Новейшая история. Рабочее и коммунистическое движение. — Москва : РАН, 1988. — Текст : непосредственный.

2. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учебное пособие / Е. Е. Анисимова. — Москва : Академия, 2003. — Текст : непосредственный.

3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — Текст : непосредственный.

4. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. — Москва : Прогресс, 1993. — Текст : непосредственный.

5. Ватлин, А. Ю. Австрия в XX веке : учебное пособие / А. Ю. Ватлин. — Москва : Дрофа, 2006. — Текст : непосредственный.

6. Вацлавик, П. Прагматика человеческих коммуникаций. Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / П. Вацлавик, Дж. Бивин, Д. Джексон ; пер. с англ. А. Суворовой. — Москва : Апрель-Пресс : Эксмо Пресс, 2000. — 320 с. — Текст : непосредственный.

7. Воцелка, К. История Австрии: культура, общество, политика / К. Воцелка. — Москва : Весь мир, 2007. — Текст : непосредственный.

8. Григорьева, Е. Эмблема: структура и прагматика / Е. Григорьева. — Тарту : Tartu Ulikooli Kirjastus, 2000. — Текст : непосредственный.

9. Ейгер, Г. В. К построению типологии текстов / Г. В. Ейгер, В. Л. Юхт. — Текст : непосредственный // Лингвистика текста : материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. — Москва, 1974.

10. Знание: семантика и прагматика : сб. науч. тр. / под ред. В. К. Нишанова. — Фрунзе : Изд-во Киргиз. гос. ун-та, 1991. — Текст : непосредственный.

11. Разина, И. Г. Механизмы деривационного порождения текста: семантика — синтактика — прагматика : автореф. дис. … канд. филол. наук / Разина И. Г. — Томск, 2005. — Текст : непосредственный.

12. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — 1986. — Вып. 17.

13. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — Текст : непосредственный.

14. Bateman, J. Discourse across Semiotic Modes / J. Bateman. — Text : unmediated // Discourse, of Course. — 2009. — P. 56—66.

15. Bateman, J. Text and Image. A Critical Introduction to the Visual/Verbal Divide / J. Bateman. — London ; New York : Routledge, 2014. — 276 p. — Text : unmediated.

16. Huang, Y. Pragmatics / Y. Huang. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2007. — Text : unmediated.

17. Kress, G. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication / G. Kress. — London : Routledge, 2010. — 212 p. — Text : unmediated.

18. Leeuwen, V. T. Introducing social semiotics / V. T. Leeuwen. — London : Routledge, 2005. — Text : unmediated.

19. Peccei, J. Pragmatics / J. Peccei. — London : Routledge, 1999.

O. U. Amurskaya
Kazan Federal University, Kazan, Russia
ORCID ID: 0000-0003-2623-0018 ☑

A. D. Egorova
Kazan Federal University, Kazan, Russia
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *oksana2181@mail.ru; p180378e@yandex.ru.*

A Pragmatic Analysis of the Polycode Text (Poster) in the Politics of the Republic of Austria in the 1920s

ABSTRACT. *Pragmatics is a relatively modern branch of linguistics that reflects the philosophical side of language. As a branch of semiotics, it is a science that studies, along with syntax and semantics, the relations between language as an object and its subjects. Special interest in pragmatics as a science arose in the second half of the 20th century. This fact was marked by the later works of L. A. Wittgenstein and the theory of speech acts of J. Austin. The pragmatic theory postulates that utterances automatically arouse certain expectations in the individual, and these expectations direct the recipient to what they intend to say. The socio-cultural aspect has always been attractive for the scholars concerned with cross-cultural communication. In addition, a surge in popularity of nonverbal texts has definitely aroused the interest of linguists lately. All these urgent research areas have determined the aim of the given study – to answer the question: How can multimodal genres influence the society? At the time of political clashes and the formation of political parties, interest in creolized texts increased in the country of the third Reich and Austria. The polycode text was one of the main means of cross-cultural communication. In the city streets, one could find posters with caricature images or satirical posters grotesquely depicting people belonging to different parties. This kind of creolized text performed an attractive function by influencing the society and calling the people to war. The images were often humorous and sometimes it was difficult for an individual to understand and take the picture seriously in a country during the First and Second world wars. The given study focuses on the pragmatic component of polycode texts and their cognitive function. The paper uses the method of linguistic analysis of creolized texts and the method of pragmatic analysis. The authors study the poster from the point of view of external structure and consider the components of the iconic part and their specific features. The application of pragmatic knowledge in practice helped them better understand the elements of the attached creolized text and see how it affects human thinking. By analyzing posters as models of multi-modal genres in terms of their structure and purpose, it is possible to understand what function creolized texts perform in the political discourse of the Third Reich during the two world wars, and what types of speech acts are verbalized.*

KEYWORDS: *cross-cultural communications; creolized texts; polycode texts; paralinguistic means; speech acts; posters; political discourse.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Amurskaya Oksana Yur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romance and Germanic Philology, Kazan Federal University, Kazan, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Egorova Angelina Denisovna, Student of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, Kazan, Russia.*

FOR CITATION: *Amurskaya, O. U.* A Pragmatic Analysis of the Polycode Text (Poster) in the Politics of the Republic of Austria in the 1920s / O. U. Amurskaya, A. D. Egorova // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 46-52. — DOI.

REFERENCES

1. Austria. The Contemporary History. Labor and Communist Movement. — Moscow : RAS, 1988. — Text : unmediated. [Avstriya. Noveyshaya istoriya. Rabochee i kommunisticheskoe dvizhenie. — Moskva : RAN, 1988. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Anisimova, E. E. Linguistics of the Text and Intercultural Communication (Based on Creolized Texts) : a training manual / E. E. Anisimova. — Moscow : Academy, 2003. — Text : unmediated. [Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) : uchebnoe posobie / E. E. Anisimova. — Moskva : Akademiya, 2003. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
3. Arutyunova, N. D. The Language and the World of Man / N. D. Arutyunova. — Moscow : Languages of Russian Culture, 1999. — Text : unmediated. [Yazyk i mir cheloveka / N. D. Arutyunova. — Moskva : Yazyki russkoy kul'tury, 1999. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
4. Buhler, K. Theory of Language. Representative Function of Language / K. Buhler. — Moscow : Progress, 1993. — Text : unmediated. [Teoriya yazyka. Reprezentativnaya funktsiya yazyka / K. Byuler. — Moskva : Progress, 1993. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Vatlin, A. Yu. Austria in the XX Century: a Training Manual / A. Yu. Vatlin. — Moscow : Bustard, 2006. — Text : unmediated. [Avstriya v XX veke : uchebnoe posobie / A. Yu. Vatlin. — Moskva : Drofa, 2006. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Vatslavik, P. Pragmatics of Human Communications. The Study of Patterns, Pathologies and Paradoxes of Interaction / P. Vatslavik, J. Bivin, D. Jackson ; transl. from English by A. Suvorova. — Moscow : April-Press : Eksmo Press, 2000. — 320 p. — Text : unmediated. [Pragmatika chelovecheskikh kommunikatsiy. Izuchenie patternov, patologiy i paradoksov vzaimodeystviya / P. Vatslavik, Dzh. Bivin, D. Dzhekson ; per. s angl. A. Suvorovoy. — Moskva : Aprel'-Press : Eksmo Press, 2000. — 320 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
7. Votselka, K. History of Austria: Culture, Society, Politics / K. Votselka. — Moscow : The whole world, 2007. — Text : unmediated. [Istoriya Avstrii: kul'tura, obshchestvo, politika / K. Votselka. — Moskva : Ves' mir, 2007. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Grigor'eva, E. Emblem: structure and pragmatics / E. Grigor'eva. — Tartu : Tartu Ulikooli Kirjastus, 2000. — Text : unmediated. [Emblema: struktura i pragmatika / E. Grigor'eva. — Tartu : Tartu Ulikooli Kirjastus, 2000. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Eyger, G. V. Toward the Construction of a Typology of Texts / G. V. Eyger, V. L. Yuht. — Text : unmediated // Linguistics of the Text: materials of a scientific conference at MGPII named after M. Torez. — Moscow, 1974. [K postroeniyu tipo-

logii tekstov / G. V. Eyger, V. L. Yukht. — Tekst : neposredstvennyy // Lingvistika teksta : materialy nauchnoy konferentsii pri MGPIIYa im. M. Toreza. — Moskva, 1974]. — (In Rus.)

10. Knowledge: Semantics and Pragmatics : collected scientific works / ed. V. K. Nishanova. — Frunze : Publishing House of Kyrgyz State University, 1991. — Text : unmediated. [Znanie: semantika i pragmatika : sb. nauch. tr. / pod red. V. K. Nishanova. — Frunze : Izd-vo Kirgiz. gos. un-ta, 1991. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

11. Razina, I. G. Mechanisms of Derivational Generation of Text: Semantics — Syntactics — Pragmatics : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Razina I. G. — Tomsk, 2005. — Text : unmediated. [Mekhanizmy derivatsionnogo porozhdeniya teksta: semantika — sintaktika — pragmatika : avtoref. dis. … kand. filol. nauk / Razina I. G. — Tomsk, 2005. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

12. Searle, J. R. Indirect Speech Acts / J. R. Searle. — Text : unmediated // New in Foreign Linguistics. — 1986. — Vol. 17. [Kosvennye rechevye akty / Dzh. R. Serl'. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — 1986. — Vyp. 17]. — (In Rus.)

13. Yartseva, V. N. Linguistic Encyclopedic Dictionary / ed. V. N. Yartseva. — Moscow : Soviet Encyclopedia, 1990. — Text : unmediated. [Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / pod red. V. N. Yartsevoy. — Moskva : Sovetskaya entsiklopediya, 1990. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. Bateman, J. Discourse across Semiotic Modes / J. Bateman. — Text : unmediated // Discourse, of Course. — 2009. — P. 56—66.

15. Bateman, J. Text and Image. A Critical Introduction to the Visual/Verbal Divide / J. Bateman. — London ; New York : Routledge, 2014. — 276 p. — Text : unmediated.

16. Huang, Y. Pragmatics / Y. Huang. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2007. — Text : unmediated.

17. Kress, G. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication / G. Kress. — London : Routledge, 2010. — 212 p. — Text : unmediated.

18. Leeuwen, V. T. Introducing social semiotics / V. T. Leeuwen. — London : Routledge, 2005. — Text : unmediated.

19. Peccei, J. Pragmatics / J. Peccei. — London : Routledge, 1999.

УДК 81'38
ББК Ш105.551.55 *ГСНТИ 19.21.07; 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19*
DOI

Л. А. Гаврилов
Военный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия
ORCID ID: — ☑

Р. И. Зарипов
Военный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *lieutenant-en-chef@ya.ru.*

О массовой коммуникации, которая приручает и манипулирует

АННОТАЦИЯ. *Целью настоящей статьи ставится исследование ключевых понятий теории СМИ, политической лингвистики, журналистики и других научных и прикладных областей — информации и массовой коммуникации. Феномен информации рассматривается в ее двух основных ипостасях: как любых данных и сообщений, доходящих до адресата, и как ценных, действительно необходимых человеку сведений в его повседневной, профессиональной деятельности, а также требующихся для формирования и укрепления его морально-нравственных качеств. Выделяются основные типы и виды информации, объясняются различия между коммуникативным и инструментальным поведением ее отправителя.*

Авторами также предпринят анализ функционирования средств массовой информации сквозь призму контента, который они транслируют аудитории. Подчеркивается, что массовая коммуникация направлена на реализацию определенного интереса субъекта информирования и нередко ведет к сознательному и бессознательному обману адресата.

В исследовании используются описательный, синхронический, ономасиологический («внеязыковое содержание — языковая форма») и функциональный методы. Результаты работы раскрывают соотношение и взаимосвязь видов информации в политическом и других видах дискурса, а также основные тенденции и скрытые последствия работы печатных, вещательных и сетевых медиа. Выводы исследования позволяют говорить о том, что в процессе коммуникации воздействие на реципиента осуществляется комплексно: как собственно лингвистическими, так и паралингвистическими и экстралингвистическими средствами. В свою очередь, отправитель сообщения комплексно использует различные виды информации с целью выполнения коммуникативной задачи. Однако более значимым представляется то, что процесс распространения информации как передачи знаний и высоких идеалов в настоящее время все более превращается в процесс ниспровержения моральных, духовных и нравственных ценностей. Статья предназначена для лингвистов, политологов, журналистов и широкого круга читателей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *язык СМИ; СМИ; средства массовой информации; журналистика; медиалингвистика; медиадикурс; медиатексты; массовая коммуникация; коммуникативное поведение; инструментальное поведение; виды информации.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Гаврилов Лев Алексеевич, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры французского языка, Военный университет Министерства обороны РФ; 111033, Россия, г. Москва, ул. Волочаевская, д. ¾.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Зарипов Руслан Ирикович, кандидат филологических наук, начальник группы Центра (лингвистического Министерства обороны РФ) Военного университета, Военный университет Министерства обороны РФ; 111033, Россия, г. Москва, ул. Волочаевская, д. ¾; e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Гаврилов, Л. А.* О массовой коммуникации, которая приручает и манипулирует / Л. А. Гаврилов, Р. И. Зарипов // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 53-60. — DOI XXXXXXXXXXXX.

Массовая коммуникация представляет собой процесс распространения информации с помощью технических средств (печати, радио, телевидения, Интернета) на численно большие, рассредоточенные аудитории с целью информирования и оказания воздействия на оценки, мнения и поведение соответствующих групп населения.

Содержание передаваемой информации определяется коммуникатором (субъектом информации). Его поведение можно квалифицировать как коммуникативное или инструментальное [Словарь философских терминов, 2004: 257]. В первом случае (*коммуникативное поведение*) он стремится к взаимопониманию с целевой аудиторией и коммуникация оказывается направленной на создание устойчивых отношений между коммуникантами. Чаще всего это характерно для распространения и разъяснения знаний, духовных ценностей, моральных и нравственных норм и т. п. Гораздо реже такая ситуация характерна для средств массовой информации, поскольку им в общем и целом уже достаточно давно не присуща нейтральность в изложении сведений и фактов в соответствии с классическими нормами журналистики. Более того, ведущие источники

© Гаврилов Л. А., Зарипов Р. И., 2020

информации и не могут себе позволить быть непредвзятыми, поскольку преследуют коммерческие цели и стремятся любыми путями «подороже продать» свой информационный продукт. Практически все из них, особенно массовые и тиражные, находятся в зависимости от определенных коммерческих кругов, политических элит и властных структур, имеющих свои интересы. К этому следует добавить и общий неблагоприятный геополитический фон, выражающийся в форме информационно-психологической войны, ведущейся акторами международных, внутригосударственных, общественных и межличностных отношений друг против друга. В этих условиях оставаться беспристрастным при освещении действительности практически невозможно. Таким образом, находясь в состоянии перманентной борьбы за аудиторию, СМИ обрекли бы себя на поражение, банкротство и исчезновение, если бы не следовали правилу: «товар в обмен на деньги». С возможными поправками на детали, человеческий и другие факторы в целом именно тот, кто финансирует, и решает, какова будет редакционная политика издания. Свежим примером, подтверждающим этот тезис, является скандал в редакции газеты «Ведомости» после перепродажи этого издания и назначения нового исполняющего обязанности главного редактора, заявившего о готовности дать новым владельцам возможность редактировать заметки в газете. Кроме того, им был заменен заголовок к публикации о продаже «Роснефтью» активов в Венесуэле на противоположный по смыслу, снята колонка одного из авторов об этой компании и введен запрет на упоминание «Левада-центра» [Кремль прокомментировал конфликт в редакции «Ведомостей»].

Инструментальное поведение предполагает, что коммуникация направлена на реализацию определенного интереса субъекта информации и нередко (но не всегда) ведет к сознательному или бессознательному обману адресата. Сознательный обман связан с манипулированием информацией с целью введения аудитории в заблуждение и достижения результатов, выгодных коммуникатору. К такой манипуляции можно отнести дезинформацию, мифотворчество и другие приемы. Примером бессознательного (или несознательного, а в юридических терминах — непреднамеренного) обмана аудитории могут служить не соответствующие действительности панические сообщения в сети Интернет, способные дезориентировать коммуникантов (как адресата, так и даже самого коммуникатора).

Инструментальное поведение СМИ не связано с обманом аудитории, когда, например, необходимо нейтрализовать действие каких-либо информационных вбросов, фейков или разъяснить ей действительное положение вещей в сложной информационной обстановке. Так, весной 2014 г. российские проправительственные источники освещали адресату истинное положение вещей в Крыму и поясняли ему юридически правомерный характер возвращения полуострова в состав России, одновременно раскрывая несправедливость и бесполезность введения санкций. Другими примерами дезавуирования не соответствующей действительности информации являются выступления официального представителя МИД России М. Захаровой.

Употребленное выше понятие «информация» неоднозначно. В одном случае под информацией понимают любые сведения, данные, сообщения и известия разного рода, доходящие до адресата. Подобная трактовка присутствует и в законодательстве РФ: «Информация — сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» [Федеральный закон]. В другом случае «информация» обозначает только такие сведения или данные, которые реально способны оптимизировать дальнейшую деятельность человека и общества, в частности, снижать риски и неопределенность при решении каких-то проблем и повышать качество тех шагов, которые опираются на полученную информацию [Тондл, 1975: 391].

В этой связи вопрос о том, какую информацию мы получаем по каналам массовой коммуникации, нам представляется совсем не риторическим. Во всяком случае не все сведения могут быть полезны для решения тех или иных конкретных задач. Более того, они способны дезориентировать реципиента, уводить его в сторону от насущных проблем. Это касается, например, досужих сплетен и слухов, способных удовлетворить разве что праздное любопытство. Все это не случайно. Дело в том, что СМИ являются высокотехнологичными производствами, удовлетворяющими спрос населения на самую разнообразную медийную продукцию. Отказ от производства и распространения некоторых ее видов может снизить прибыль, и наоборот, разнообразие передаваемой информации эту прибыль, естественно, увеличивает. Игнорирование этих обстоятельств оказывается для бизнеса контрпродуктивным, а их учет невольно способствует примитивизации медийных сообщений. Вместо того чтобы ориентироваться на продвинутую аудиторию, на ее культурные и интеллектуальные слои, медийная информация

оказывается рассчитанной на непритязательные вкусы и примитивные запросы. В конечном счете все это приводит к сужению социального горизонта аудитории и подмене социальных критериев сексуальными, расовыми, этническими и др. В результате вместо того чтобы знакомиться с продуктами рационального мышления, необходимого как воздух для нормального обсуждения общественных и других проблем, человек имеет дело с разрозненными носителями примитивного юмора, антиобщественных настроений, зоологических инстинктов. Кроме того, у каждого из них нередко оказывается излишне эмоциональный, неуравновешенный склад характера, сформировавшийся опять-таки под влиянием той самой «информации», культивирующей асоциальную модель поведения, и исключающий всякий конструктив в общении. Отсюда и роль современных информационных источников, в которых наряду с серьезными темами встречается большое количество материалов пошлого и скандального характера.

Подобные тенденции проявляются не только на телевидении и в Интернете, но и в случае с многотиражной прессой. Параллельно с ней важное место в системе современных СМИ занимают отдельные издания, выражающие стратегию и позицию компаний, корпораций и даже государства. Они активно участвуют в выработке общенациональных идей и во внешнеполитической пропаганде, а также в информационно-психологической войне Запада против России. Во Франции к таким изданиям можно отнести «Le Monde», в США — «The Washington Post», в Британии — «The Times», в России — «Независимую газету». К материалам, опубликованным в этих источниках, можно относиться по-разному: соглашаться или нет. Однако не принимать во внимание того, что они публикуют, невозможно.

Для всех печатных изданий характерно использование некоторых общих правил при подготовке к выпуску в свет. Имевший опыт работы в западноевропейских газетах писатель Н. М. Долгополов в этих правилах подчеркнул следующее: «Давать на полосу верные статьи. Установить точный баланс между убийствами, наркоманами, любимым футболом и политической составляющей. Понятно, из какой партии должен быть премьер…» [Долгополов 2020: 277]. Отмечал он и положение журналиста: «…слуга общества, которое он обслуживает, выполняя поставленную владельцем издания задачу. А тот исполняет приказ высшего руководства. Высшее руководство стелется перед наивысшим» [Там же: 279]. Где во всех этих правилах можно обнаружить свободу слова журналиста, непонятно. Зато, как констатирует писатель, такой характер работы издания оказался достаточно эффективным: «…выращены послушные верующие, которые внимают, доверяют и, кризис не кризис, покупают приручившую их газету» [Там же: 276].

Все это в еще большей степени оказывается характерно для вещательных каналов, охват которых на порядок шире. «Прирученная аудитория» обычно ждет от своего коммуникатора не только определенную гамму сообщений, но и их соответствующего стилистического оформления. Отсюда речевое многообразие материалов, которые получает целевой адресат. Оно приводит к появлению в массовой коммуникации разнообразных видов информации. В зависимости от того, отражает ли данная информация внешний по отношению к коммуникатору мир или его внутреннее состояние (чувства, эмоции, волеизъявление), различают два ее типа. К первому типу обычно относят:

– фактологическую информацию, отражающую действительность предметно (конкретно);

– обобщенную информацию, отражающую мир обобщенно;

– логико-понятийную информацию, отражающую действительность абстрагированно;

– образно-метафорическую информацию, отражающую внешний мир образно.

Ко второму типу относится:

– субъективно-оценочная информация, выражающая личностную оценку предметов и явлений окружающего мира;

– модально-императивная информация, передающая волевое отношение коммуникатора к действительности;

– информация, выражающая эмоциональное состояние коммуникатора [Гаврилов 2004: 26].

Стоит отметить, что четкого разделения между двумя типами информации быть не может, и часто они могут пересекаться между собой или друг с другом сочетаться. Нами зафиксирована лишь общая тенденция, которая позволяет очертить некоторые условные границы в теоретическом смысле. Образно-метафорическая информация и вовсе является в указанном ряду едва ли не системообразующей, поскольку применяется как в первом случае, так и потенциально выступает основой для субъективно-оценочной, модально-императивной и эмоциональной информацией.

Фактологическая информация служит для описания фрагментов реальности, выступающих объектами человеческой деятельности или познания [Словарь философ-

ских терминов 2004: 610]. Довольно часто для стандартного изложения фактов используются трафаретные слова, штампы и т. п. Учитывая силу воздействия фактологической информации, ее постоянно «фильтруют», установив за ней жесткий контроль. Предпочтение отдается таким фактам, которые являются приоритетными с точки зрения коммуникатора и становятся важным подспорьем в его аргументации, другие же в ряде случаев намеренно замалчиваются или искажаются.

Обобщенная информация, как правило, отражает переход от частного к общему. Она всегда направлена на выражение определенных выводов, обобщение различных сведений и т. п. Вместе с тем в жизни не всегда наблюдается консенсус относительно проблем, стоящих перед обществом и государством. Скорее, наоборот, наблюдаются разброс и даже борьба мнений. Средства массовой информации активно участвуют в обсуждении различных проблем, защищают или отвергают те или иные точки зрения и стремятся навязать своей аудитории свои выводы и обобщения.

Что же касается логико-понятийной информации, то она прежде всего характерна для аналитических материалов, в которых обычно исследуются различные проблемы, события или явления. Однако в силу специфики и ограниченной доходчивости (или даже просто ее недоступности для части аудитории) ее распространение в массовой коммуникации ограничено. В ряде случаев логико-понятийная информация передается в научно-популярном изложении. С другой стороны, в СМИ часто встречаются статьи, написанные в аналитическом стиле лишь с тем, чтобы придать предлагаемому материалу, не несущему при этом значительной ценности для реципиента или являющемуся дезинформацией, бóльшую убедительность.

Ориентация на экспрессию является одним из конструктивных принципов языка массовой коммуникации. Для выражения экспрессии используется самая разнообразная образно-метафорическая информация, одна из основных функций которой заключается в воздействии на реципиента, особенно когда логических доводов и аргументов коммуникатору не хватает. С другой стороны, употребление уместных образно-метафорических выражений отражает грамотность и коммуникабельность субъекта речи, его умение проводить наглядные аналогии, богатство его языка. Вместе с тем использование экспрессии осуществляется коммуникатором, как правило, дозированно, поскольку по отношению к объему стилистически нейтрального изложения она должна находиться в меньшинстве, иначе у адресата может сложиться впечатление об излишней эмоциональности и несерьезности автора и, как следствие, недостаточной убедительности сообщения. Образно-метафорическая информация подается точечно, подкрепляя основную аргументацию, выгодно выделяется и дополняет ее, словно «вишенка на торте»: «На текущей неделе МИД России вернул коллегам в МИД Украины две ноты. В первой Киев выразил протест в связи с археологическими раскопками и земляными работами в Крыму. Во второй потребовал отчета о мерах, принимаемых Россией по борьбе с коронавирусом в Крыму и Донбассе.

Подобные шаги украинской дипломатии не перестают удивлять. В то время, когда в стране свирепствует пандемия, а в Чернобыле бушуют пожары, когда российские самолеты вывозят из третьих стран украинских граждан, а российские дипломаты помогают им вернуться на родину, — в это время МИД Украины направляет все силы на *„бомбардировку“ „государства-агрессора“*, как они нас называют, *грозными* нотами протеста.

Обращаюсь к украинским коллегам, МИДу Украины: *экономьте на бумаге.* Создается ощущение, что киевские власти живут *в параллельной реальности.* Сначала отрезают Крым от воды и электричества, вводят блокаду Донбасса, а затем требуют отчета о том, как Россия защищает жителей этих регионов от коронавирусной инфекции. Напоминаем, что Киев имеет возможность прямого диалога с Донецком и Луганском, если украинские власти действительно озабочены судьбой и здоровьем проживающих там людей. Россия не является стороной конфликта на юго-востоке Украины и не осуществляет контроль над территорией Донбасса» [Брифинг официального представителя МИД России].

В качестве образно-метафорической информации широко используются самые различные изобразительные средства языка, выбор которых зависит «от темы, идеи, направленности, общей стилевой атмосферы текста, что в целом обусловлено единством формы и содержания» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003: 459]. Конкретным языковым материалом здесь чаще всего бывают всевозможные метафоры и метонимии, фразеологизмы, канцеляризмы, арготизмы, иронические, а также стилистически окрашенные разговорно-фамильярные и просторечные слова и выражения и т. п.

Часто все эти экспрессивные единицы оказывают значительное воздействие не

только на целевую аудиторию, но и на формирование общественного мнения по целому ряду вопросов. Влияние образно-метафорической информации на реципиента может оказаться даже более весомым, чем логические доводы. Обнаруживший парадоксальность этого наблюдения Г. Лебон писал: «Последовательность строгих суждений была бы абсолютно непонятна толпам, и именно поэтому допустимо говорить, что они мало рассуждают или рассуждают неверно и что они не поддаются воздействию рассудка. Нас порой при чтении удивляет неубедительность речей, оказавших колоссальное влияние на поведение толпы; но мы забываем, что они произносились для того, чтобы увлечь массы, а не для прочтения философами» [Лебон 1995: 67]. Конечно, восприятие толпы и аудитории массовой коммуникации имеют существенные различия. Тем не менее использование в СМИ образно-метафорической информации вместо логико-понятийной позволяет коммуникатору навязывать свои мысли и идеи столь же эффективно. Таким образом, образно-метафорическая информация оказывается в состоянии играть роль своеобразного катализатора, обеспечивающего такое понимание сообщения, которое было запрограммировано его автором [Зарипов 2016: 50].

Информация второго типа непосредственно связана с автором сообщения, выступающего, как правило, в роли представителя определенных общественных кругов, слоев или групп. В массовой коммуникации он выражает и озвучивает взгляды, позиции, точки зрения этого множества людей. Можно сказать, что информация, которую он передает, отражает его субъективные оценки, волевые установки и эмоциональное состояние, однако справедливости ради необходимо добавить, что она частично, хоть и субъективно, отражает также и окружающую действительность: «Большинство москвичей ведет себя очень ответственно, и это дает нам возможность не ужесточать те меры, которые принимаются в административном порядке. На сегодняшний день этот режим, на мой взгляд, оптимальный для той ситуации, которая есть в нашем городе» [Сергей Собянин: «Установленный в Москве режим самоизоляции является оптимальным»]. Нередко оценочные высказывания руководителей высокого ранга, медийных и авторитетных фигур имеют целью выдать массовой аудитории свои субъективные суждения за объективные.

Стилистически оценочные суждения можно отнести не только к эмоциональным («Поле [футбольное] хуже коронавируса», «Грех библейского Хама», «Пожизненно на шее народа» и др.), но и к нейтральным (рациональным), например: «Отличная игра», «Он поступил правильно» и т. п. Таким образом, субъективно-оценочная информация объединяет слова и выражения, обладающие оценочной семантикой и передающей определенное отношение (положительное, отрицательное или нейтральное) субъекта речи к тому, что он оценивает. Оценочные суждения, с которыми мы здесь сталкиваемся, персонифицируются, часто сводятся к лицу одного человека. «И поэтому влияние авторитетных людей во всех областях „общества спектакля“ становится ключевым. Влияние этих людей на массы, которые не имеют другого доступа к информации, высочайшее» [Кьеза 2016: 2].

Оценочность речи проявляется чаще всего в полемических заметках и выступлениях, в ходе дискуссий по актуальным вопросам, волнующим общественность (борьба с коронавирусом, искажение исторических фактов, события на Украине и пр.). Оценки тех или иных событий или политических деятелей, транслируемые радио, телевидением и Интернетом, часто воспринимаются адресатом как более выразительные и убедительные, чем распространяемые через печать, благодаря модуляции слов, силе их произнесения, расставляемым акцентам и интонации, сопровождающих речь и служащих передаче тех чувств, которые переживает или имитирует говорящий.

Модально-императивная информация, циркулирующая в массовой коммуникации, обычно выражает отношение коммуникатора (субъекта информации) к содержанию высказывания и призывает аудиторию к выполнению определенных действий, корректировке манеры поведения и т. д. Так, в период опасного распространения коронавируса весной 2020 г. многие сообщения в массовой коммуникации выражали требования к населению стран мира соблюдать домашний режим изоляции.

Для передачи императивности, побуждения и волеизъявления обычно используются предложения, сказуемое которых выражено глаголом в повелительном наклонении или инфинитиве. Для выражения волевого начала в сообщениях используются модальные слова со значением долженствования (*должен* соблюдать; *обязаны* выплатить и т. п.) и наречия, усиливающие категоричность высказывания (*незамедлительно* решить вопрос; носит *строго* обязательный характер; *категорически* запрещено и т. д.). Отметим также, что побуждение или волеизъявление могут содержать в кон-

кретном высказывании определенные оттенки (*жесткая* рекомендация, *прямая* директива, *настоятельная* просьба). Применительно к вещательным каналам массмедиа следует особо подчеркнуть роль модальной интонации, которая может значительно усиливать эмоционально-волевое воздействие говорящего лица на реципиента [Ахманова 1966: 181].

Учитывая специфику роли субъекта речи в массовой коммуникации, его называют собирательным субъектом информации. Обычно он является представителем определенных социальных кругов, позиции и взгляды которых выражает, хотя чаще всего выдает их за позиции и взгляды большинства адресатов в соответствующей целевой аудитории. Собирательный субъект информации особенно актуален в политическом дискурсе, и сказанное им, как правило, небезразлично аудитории. Его речь практически всегда затрагивает интересы других людей, так или иначе на них влияет, а потому вызывает с их стороны ответную реакцию. Чувства, переживания, эмоции выражаются не только в его речи, но и отражаются на его лице, в его жестах, его поведении в целом. Вместе с интонацией они играют важную роль в понимании сообщения реципиентом и дополняют визуальный ряд, демонстрируемый на экране.

Информация, выражающая эмоциональное (психическое) состояние коммуникатора, имеет в массмедиа свои особенности. Так, если в индивидуальной коммуникации собеседники меняются ролями — адресат, отвечая на реплику коммуникатора, сам становится коммуникатором, а последний — адресатом и т. д., то в массовой коммуникации подобной мены ролей, по крайней мере для адресата, не наблюдается [Земская 2004: 258]. Вместе с тем коммуникаторы в массовой коммуникации постоянно меняются, как бы оживляя разговор с адресатом и стремясь выдавать себя за людей из той же аудитории, к которой они обращаются. В других случаях они намеренно сохраняют дистанцию по отношению к адресату или даже подчеркивают свое превосходство над ним, демонстрируя бóльшую эрудированность, лучшее знание предмета обсуждения и т. п.

В свою очередь, характер адресата также учитывается коммуникатором, влияет на содержательные и стилистические характеристики его речи. «Ведь очевидно, что с детьми мы говорим иначе, чем со взрослыми; мужчины говорят иначе с мужчинами, чем с женщинами, с молодой хорошенькой женщиной иначе, чем с пожилой. На нас влияет возраст, пол, социальное положение, внешность, ролевая функция собеседника» [Земская 2004: 261]. Такое отношение к адресату характерно не только для индивидуальной коммуникации, но и для массовой, особенно в конфликтных типах речевого взаимодействия. Эмоциональное состояние, которое переживает или имитирует для аудитории субъект речи, меняется в зависимости от того, просит ли он прощения или угрожает, соглашается с приводимыми доводами или их отвергает как бессмысленные, хвастается или пытается кого-то ввести в заблуждение, выражает свое соболезнование или восторг и т. п. Во всех этих случаях можно наблюдать серьезные изменения в эмоциональном состоянии коммуникатора. Особенно это касается наблюдаемых адресатом невербальных компонентов коммуникации, таких как интонация, сила голоса, мимика, жесты, которые в определенной мере определяют нужное субъекту речи понимание сообщения аудиторией, делая более привлекательным, а иногда и обаятельным образ коммуникатора. Иначе говоря, этот процесс приводит к тому, что невербальные компоненты коммуникации «обобщают планы мысли, чувств и воли так же, как слово обобщает предметное содержание мысли» [Артемов 1961: 17].

Отсюда вывод: телевидение, радио и Интернет воздействуют на аудиторию не только с помощью речевого потока, но и с помощью паралингвистических и экстралингвистических компонентов сообщения.

Проведенный нами раздельный анализ типов и видов информации вовсе не означает, что и в коммуникации они используются раздельно. Наоборот, чаще всего они используются комплексно, позволяя тем самым субъекту информации ярче и убедительнее выражать свою мысль и воздействовать на реципиента. В качестве иллюстрации этого наблюдения приведем отрывок из передовой статьи А. А. Проханова в газете «Завтра»: «Десятилетиями население России осознанно растлевается ведущими телевизионными каналами, предлагающими зрителю образы распада, падения, высшей деструкции. Блистательные, бесподобные, неподражаемые проповедники нигилизма, иронии, высмеивающие и ниспровергающие все, что когда-то считалось ценным и незыблемым. Ксения Собчак или Андрей Малахов, что создали могучую многоцветную индустрию разложения и распада, вывели несколько поколений распущенных мещан, пошляков, нигилистов, для которых государство, в лучшем случае — абстракция, но чаще — враг, с которым нужно находиться в непрерывной борьбе и схватке» [Проханов 2020: 1].

Процесс распространения информации как передачи знаний и высоких идеалов в настоящее время стремительно превращается в процесс ниспровержения моральных, духовных и нравственных ценностей. В этой связи тревога А. А. Проханова понятна и объяснима. Всегда было так: информирован — значит вооружен. Сегодня может быть и наоборот: информирован — значит приручен, приручен пошлыми, развратными и бездуховными манипуляторами, то есть, в конечном счете, разоружен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемов, В. А. Тон и интонация / В. А. Артемов. — Текст : непосредственный // IV Международный конгресс по фонетическим знаниям (Хельсинки, 4—9 сентября 1961). — Москва : Просвещение, 1961. — 6 с.

2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : Советская энциклопедия, 1966. — 607 с. — Текст : непосредственный.

3. Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 23 апреля 2020 года / Министерство иностранных дел Российской Федерации. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4105092 (дата обращения: 23.04. 2020). — Текст : электронный.

4. Гаврилов, Л. А. Стилистика французского языка : учебное пособие / Л. А. Гаврилов. — Москва : Военный университет, 2004. — 196 с. — Текст : непосредственный.

5. Долгополов, Н. М. Из блокнота Николая Долгополова. От Франсуазы Саган до Абеля. — Москва : Молодая гвардия, 2020. — 441 с. — Текст : непосредственный.

6. Зарипов, Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе : монография. — Москва : Р. Валент, 2016. — 220 с. — Текст : непосредственный.

7. Земская, Е. А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. — Москва : Язык славянской культуры, 2004. — 688 с. — Текст : непосредственный.

8. Кремль прокомментировал конфликт в редакции «Ведомостей» // Ведомости. — URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/04/23/828783-kreml-prokommentiroval-konflikt-v-redaktsii-vedomostei (дата обращения: 23.04. 2020). — Текст : электронный.

9. Кьеза, Дж. Я — патриот Европы / Дж. Кьеза. — Текст : электронный // Завтра. — URL: http://zavtra.ru/blogs/ya-patriot-evropyi (дата обращения: 19.04.2020).

10. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. — Санкт-Петербург : Макет, 1995. — 311 с. — Текст : непосредственный.

11. Проханов, А. А. Мобилизация или смерть / А. А. Проханов. — Текст : электронный // Завтра. — URL: http://zavtra.ru/blogs/mobilizatciya_ili_smert (дата обращения: 19.04.2020).

12. Сергей Собянин: «Установленный в Москве режим самоизоляции является оптимальным» // Официальный сайт Мэра Москвы. — URL: https://www.mos.ru/mayor/themes/18299/6460050/ (дата обращения: 24.04.2020). — Текст : электронный.

13. Словарь философских терминов / научная редакция профессора В. Г. Кузнецова. — Москва : Инфра-М, 2004. — 731 с. — Текст : непосредственный.

14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. — Москва : Флинта : Наука, 2003. — 696 с. — Текст : непосредственный.

15. Тондл, Л. Проблемы семантики / Л. Тондл. — Москва : Прогресс, 1975. — 484 с. — Текст : непосредственный.

16. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 03. 04.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения: 19.04. 2020). — Текст : электронный.

L. A. Gavrilov
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID ID: — ☑

R. I. Zaripov
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *lieutenant-en-chef@ya.ru.*

About Mass Communication that Tames and Manipulates

ABSTRACT. *The goal of the present article is to study the key notions of the mass media theory, political linguistics, journalism and other scientific and applied fields: information and mass communication. The phenomenon of information is considered in its two main forms: as any data or messages delivered to the recipient and as valuable knowledge, really necessary to an individual in their every-day and professional activity, as well as important for the formation and consolidation of their moral personality traits. The article defines the main types and kinds of information and explains the difference between the communicative and instrumental behavior of its sender.*

The authors also analyze the functioning of mass media through the lens of the content translated to the audience. It is emphasized that mass communication is aimed to realize a certain interest of the information subject and often causes a deliberate or fortuitous deceit of the recipient.

The study uses the descriptive, synchronic, onomasiological ("extralinguistic content — linguistic form") and functional methods. The research results reveal the balance and relationships between different kinds of information in political and other types of discourse, as well as the main tendencies and implicit consequences of the work of the printed, broadcasting and online media. The conclusions allow arguing that the impact upon the recipient in the process of communication is exercised in a complex manner: both by purely linguistic and by paralinguistic and extralinguistic means. In their turn, the message sender uses different kinds of information in order to achieve the communication goal. However, it seems more significant that the process of information dissemination as translation of knowledge and high ideals increasingly turns nowadays into the process of overturning moral, spiritual and intellectual values. The article is designed for linguists, politologists, journalists and a wide range of readers.

KEYWORDS: *mass media language; mass media; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass communication; communicative behavior; instrumental behavior; kinds of information.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gavrilov Lev Alekseevich, Candidate of Philology, Professor, Professor of Department of French, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Zaripov Ruslan Irikovich, Candidate of Philology, Head of the Linguistic Center of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.*

FOR CITATION: *Gavrilov, L. A.* About Mass Communication that Tames and Manipulates / L. A. Gavrilov, R. I. Zaripov // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 53-60. — DOI.

REFERENCES

1. Artemov, V. A. Tone and Intonation / V. A. Artemov. — Text : unmediated // IV International Congress on Phonetic Knowledge (Helsinki, September 4–9, 1961). — Moscow: Enlightenment, 1961. — 6 p. [Ton i intonatsiya / V. A. Artemov. — Tekst : neposredstvennyy // IV Mezhdunarodnyy kongress po foneticheskim znaniyam (Khel'sinki, 4—9 sentyabrya 1961). — Moskva : Prosveshchenie, 1961. — 6 s.]. — (In Rus.)

2. Akhmanova, O. S. Dictionary of Linguistic Terms / O. S. Akhmanova. — Moscow : Soviet Encyclopedia, 1966. — 607 p. — Text : unmediated. [Slovar' lingvisticheskikh terminov / O. S. Akhmanova. — Moskva : Sovetskaya entsiklopediya, 1966. — 607 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Briefing by Russian Foreign Ministry Spokesman M.V. Zakharova, Moscow, April 23, 2020 / Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. [Brifing ofitsial'nogo predstavitelya MID Rossii M. V. Zakharovoy, Moskva, 23 aprelya 2020 goda / Ministerstvo inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii]. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4105092 (date of access: 23.04. 2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

4. Gavrilov, L. A. Stylistics of the French language: a Training Manual / L. A. Gavrilov. — Moscow : Military University, 2004. — 196 p. — Text : unmediated. [Stilistika frantsuzskogo yazyka : uchebnoe posobie / L. A. Gavrilov. — Moskva : Voennyy universitet, 2004. — 196 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

5. Dolgopolov, N. M. From the Notebook of Nikolai Dolgopolov. From Francoise Sagan to Abel. — Moscow : Young Guard, 2020. — 441 p. — Text : unmediated. [Iz bloknota Nikolaya Dolgopolova. Ot Fransuazy Sagan do Abelya. — Moskva : Molodaya gvardiya, 2020. — 441 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

6. Zaripov, R. I. Metaphorical Modeling of the Image of Russia in Modern French Political Discourse : a monograph. — Moscow : R. Valent, 2016. — 220 p. — Text : unmediated. [Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v sovremennom frantsuzskom politicheskom diskurse : monografiya. — Moskva : R. Valent, 2016. — 220 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

7. Zemskaya, E. A. Language as an Activity. Morpheme. Word. Speech. — Moscow : Language of Slavic Culture, 2004. — 688 p. — Text : unmediated. [Yazyk kak deyatel'nost'. Morfema. Slovo. Rech'. — Moskva : Yazyk slavyanskoy kul'tury, 2004. — 688 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

8. The Kremlin Commented on the Conflict in the Editorial Office of "Vedomosti" // Vedomosti. [Kreml' prokommentiroval konflikt v redaktsii «Vedomostey» // Vedomosti]. — URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/04/23/828783-kreml-prokommentiroval-konflikt-v-redaktsii-vedomostei (date of access: 23.04.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

9. Chiesa, J. I am a Patriot of Europe / J. Chiesa. — Text : electronic // Tomorrow. [Ya — patriot Evropy / Dzh. K'eza. — Tekst : elektronnyy // Zavtra]. — URL: http://zavtra.ru/blogs/ya-patriot-evropyi (date of access: 19.04.2020). — (In Rus.)

10. Lebon, G. Psychology of Peoples and Masses / G. Lebon. — St. Petersburg : Layout, 1995. — 311 p. — Text : unmediated. [Psikhologiya narodov i mass / G. Lebon. — Sankt-Peterburg : Maket, 1995. — 311 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

11. Prokhanov, A. A. Mobilization or Death / A. A. Prokhanov. — Text : electronic // Tomorrow. [Mobilizatsiya ili smert' / A. A. Prokhanov. — Tekst : elektronnyy // Zavtra]. — URL: http://zavtra.ru/blogs/mobilizatciya_ili_smert (date of access: 19.04.2020). — (In Rus.)

12. Sergei Sobyanin: "The Self-isolation Regime Established in Moscow is Optimal" // Official Website of the Mayor of Moscow. [Sergey Sobyanin: «Ustanovlennyy v Moskve rezhim samoizolyatsii yavlyaetsya optimal'nym» // Ofitsial'nyy sayt Mera Moskvy]. — URL: https://www.mos.ru/mayor/themes/18299/6460050/ (date of access: 24.04.2020). — Text : electronic.

13. Dictionary of Philosophical Terms / Scientific Edition of Professor V. G. Kuznetsov. — Moscow : Infra-M, 2004. — 731 p. — Text : unmediated. [Slovar' filosofskikh terminov / nauchnaya redaktsiya professora V. G. Kuznetsova. — Moskva : Infra-M, 2004. — 731 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language / ed. M. N. Kozhina. — Moscow : Flinta : Nauka, 2003. — 696 p. — Text : unmediated. [Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoy. — Moskva : Flinta : Nauka, 2003. — 696 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. Tondl, L. Problems of Semantics / L. Tondl. — Moscow : Progress, 1975. — 484 p. — Text : unmediated. [Problemy semantiki / L. Tondl. — Moskva : Progress, 1975. — 484 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on April 3, 2020) "On Information, Information Technologies and the Protection of Information" // ConsultantPlus. [Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 03.04.2020) «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» // Konsul'tantPlyus]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (date of access: 19.04.2020). — Text : electronic.

УДК 811.111'42:811.111'38
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19*
DOI

Е. В. Гуляева
Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1605-8576 ☑

М. В. Макарова
Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия
ORCID ID: 0000-0002-8160-9517 ☑

И. С. Никитина
Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия
ORCID ID: 0000-0002-2977-0178 ☑

☑ ***E-mail:*** *guevgenia@yandex.ru; makarova-mw@yandex.ru; ir-rina07@mail.ru.*

Вербальные средства дискредитации образа политика в американском медиапространстве

АННОТАЦИЯ. *Рассматриваются способы и приемы формирования негативного политического имиджа на примере статей о Д. Трампе в американских средствах массовой информации. Выявлены стратегии, наиболее часто используемые для дискредитации американского президента в СМИ: обвинение (прямое указание на совершенные политиком ошибки и критика его деятельности; манипулятивные тактики: использование мнения авторитетных лиц, так называемых экспертов; использование фраз и предложений, предрекающих удручающее будущее вследствие проводимой президентом политики), навешивание ярлыков (наделение Трампа наименованиями, как правило, негативными, например: расист — racist, сексист — sexist, лжец — liar, худший президент — The worst president), повторение одних и тех же идей, а именно уличение в связях с Россией (популярность стратегии связана с активным формированием в общественном сознании американских граждан негативного образа России), а также ирония и высмеивание (использование противоречий и противопоставлений; прием олицетворения; гиперболизация; языковая игра). Также были установлены и проанализированы вербальные средства реализации данных стратегий. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в информационном поле американских СМИ имидж президента Д. Трампа имеет ярко выраженную отрицательную оценку. Описанные манипулятивные тактики и стратегии, применяемые в американских СМИ, обнаруживают неэтичную подачу информации, тем самым служат для формирования негативного общественного мнения.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *язык СМИ; СМИ; средства массовой информации; журналистика; медиалингвистика; медиадикурс; медиатексты; американские СМИ; политический дискурс; речевая агрессия; политический имидж; языковая игра; ирония; стратегии манипуляции; общественное мнение; манипуляции сознанием; манипулятивное воздействие; политические деятели; политические образы.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Гуляева Евгения Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; 400131, Россия, Волгоград, ул. Гагарина, 8; e-mail: guevgenia@yandex.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Макарова Мария Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; 400131, Россия, Волгоград, ул. Гагарина, 8; e-mail: makarova-mw@yandex.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Никитина Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; 400131, Россия, Волгоград, ул. Гагарина, 8; e-mail: ir-rina07@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Гуляева, Е. В.* Вербальные средства дискредитации образа политика в американском медиапространстве / Е. В. Гуляева, М. В. Макарова, И. С. Никитина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 61-67. — DOI.

Политический дискурс всегда носит прагматический характер, поскольку одной из основных задач, стоящих перед политиком, является завоевание как можно большего числа голосов электората. В условиях конкурентной борьбы очень часто бывает недостаточно только рациональных (логических) аргументов, служащих для убеждения. Поэтому в современную эпоху политических технологий и информационно-психологических войн [об этом см.: Сковородников, Колпина 2016: 40] получают широкое распро-

© Гуляева Е. В., Макарова М. В., Никитина И. С., 2020

странение все возможные инструменты воздействия на избирателей, манипулирования общественным мнением и сознанием. Можно констатировать тот факт, что реализация прагматических установок оппонентов сопровождается речевой агрессией во всех ее проявлениях и тиражируется средствами массовой информации в обществе [об этом см.: Шаховский 2019: 1—12; Сиротинина 2019: 43—44].

Кроме того, используя предложенную С. Н. Плотниковой терминологию, можно сделать вывод о том, что «дискурсивное конструирование», при котором репрезентируется не реальная, а сконструированная журналистом действительность, используется чаще всего для продвижения определенных политических взглядов и формирования у массового читателя установок в отношении различных социальных групп, государств, а также отдельных политических персон [Плотникова 2018: 50].

По мнению Е. Г. Борисовой, для современных средств массовой информации, являющихся орудием в информационных войнах, характерно такое явление, как «фрейминг — отражение реальности, формируемое лексическим значением всех составляющих какого-либо высказывания» [Борисова 2016: 63].

В представленной работе мы рассмотрели основные способы, используемые СМИ для дискредитации образа политика. В частности, нами выявлены и проанализированы вербальные средства, направленные на негативное освещение деятельности Д. Трампа в американском медиапространстве. Выбор политической персоны обусловлен, с одной стороны, показательным многообразием приемов и тактик, используемых СМИ в отношении американского президента, с другой — интересом к политической фигуре Дональда Трампа, славящегося ораторскими способностями и умением участвовать в конфликтных речевых ситуациях, а иногда и провоцировать их [Богатырев 2017: 4].

В большинстве работ, посвященных речевой агрессии в политическом и медийном дискурсе, внимание авторов сосредоточено на дискурсивном портрете политиков, умении вести диалог с журналистами, избирателями, выступать на дебатах. Отмечаются характерные для каждого деятеля тактики ведения спора, стратегии речевого поведения в конфликтных ситуациях. Однако проведенный нами контент-анализ популярных американских медиаизданий позволяет сделать вывод о том, что эксплицитные и имплицитные стратегии и тактики речевой агрессии применяются также в отношении Д. Трампа и направлены на дискредитацию политика, формирование его негативного имиджа у избирателя.

Э. Н. Егорова, анализируя российские печатные издания, отмечает, что одной из самых сильных конфликтных стратегий речевого поведения является стратегия дискредитации, которая реализуется посредством различных тактик: обвинения, разоблачения, обнародования негативных фактов, оскорбления (косвенного оскорбления, когда пытаются «бросать тень на кого-либо»), намека, драматизации, иронии (насмешки, издевки) [Егорова 2015: 69—75].

Проведенный нами анализ позволил выделить стратегии, наиболее часто используемые для дискредитации американского президента в СМИ: обвинение, навешивание ярлыков, повторение одних и тех же идей, а также ирония и высмеивание. В ходе исследования были также установлены и проанализированы вербальные средства реализации данных стратегий.

1. Наиболее широко в СМИ применяется **стратегия обвинения.** На наш взгляд, самым простым способом дискредитации образа политика в глазах избирателей является прямое указание на совершенные им ошибки и критика его деятельности — подобное в отношении действующего президента часто наблюдается в американских СМИ :

Трамп предложил непопулярные законопроекты и политические меры, большинство из которых были отклонены либо палатой представителей, либо сенатом, либо судебной системой. Он разгневал множество людей, солгал общественности, раскрыл национальные тайны из-за своего тщеславия и, несмотря на то, что много говорил, не сдержал ни одного из своих (непопулярных) обещаний. — Trump has proposed unpopular bills and policies — most of which have been rejected by either the House, Senate, or the judicial system. He has angered plenty of people, lied to the public, disclosed national secrets in order to brag, and, despite talking a lot, has backed up none of his (unpopular) promises [O'Conner URL]. Для усиления негативного ощущения у читателя автор статьи использует гиперболизированные выражения, утверждая, что президент ***разгневал множество*** *людей*, ***не сдержал ни одного*** *из своих обещаний*, а также эпитет: ***непопулярные*** *законопроекты*, ***непопулярные*** *обещания*, который больше отражает отношение самого автора к деятельности Трампа, а не неоспоримый факт.

Следует отметить, что немногочисленные позитивные статьи о политике Д. Трампа непременно встречают опровержение и волну

критики со стороны СМИ. Так, например, на сайте Белого дома было опубликовано сообщение о решении Трампа в отношении автомобильной политики: *Президент Дональд Трамп делает Америку лучшей страной в мире по производству и покупке автомобилей <…>: администрация Трампа предпринимает меры, чтобы сделать американские автомагистрали более безопасными, а наши автомобили — более доступными. — President Donald J. Trump is Making America the Best Country in the World to Build and Buy Cars (…): The Trump Administration is taking action to make America's highways safer and our cars more affordable* [President Donald J. Trump is Making America the Best Country in the World to Build and Buy Cars URL]. Однако данное сообщение было раскритиковано большинством СМИ.

Чтобы поставить под сомнение целесообразность политики президента и убедить адресата в несостоятельности принимаемых Трампом решений, авторы статей прибегают к следующим манипулятивным тактикам:

– **использование мнения авторитетных лиц**, так называемых экспертов: *…эксперты отрасли говорят, что политика президента Трампа может в конечном итоге сделать американскую автомобильную промышленность намного менее конкурентоспособной в мире, который движется к более экономичным автомобилям. — …industry experts say that President Trump's policy could ultimately make the American car industry much less competitive in a world that is moving towards more fuel-efficient vehicles*;

– **использование фраз и предложений, предрекающих удручающее будущее вследствие проводимой президентом политики**: *…эта политика в конечном счете станет „катастрофой для инновационных зеленых рабочих мест в США“ и потенциально оставит американских производителей позади Китая, который вкладывает значительные средства в электромобили. — …the policy will ultimately be a "disaster for having innovative green jobs in the U.S." and potentially leave the U.S. manufacturers behind China, which is investing heavily in electric cars*;

Губернатор Калифорнии Гэвин Ньюсом пообещал принять законные меры против изменений: „Я уверен, что в конце концов мы победим. Это займет годы, годы и годы, больше неопределенности, больше беспокойства“. — California Gov. Gavin Newsom has promised to take legal action against the changes: "I'm confident we will prevail eventually. It will take years and years and years, more uncertainty more anxiety.

2. Второй популярной стратегией является **навешивание ярлыков.** Американские СМИ наделяют Д. Трампа различными наименованиями, в абсолютном своем большинстве негативными, порой грубыми и не всегда подкрепленными фактами. Среди самых частотных характеристик американского президента можно выделить следующие:

– расист («Racist»): *Президент Трамп — ужасный расист / President Trump is a horrendous racist* [Milibank 2019]; *Расист в Белом доме / A Racist in the White House* [Remnick 2019]; *Фирменный ярлык, который вызывает ярость Трампа: „расист, расист, расист“ / The brand label that stokes Trump's fury: "Racist, racist, racist"* [Rucker, Parker 2019];

– сексист («Sexist»): *Берни Сандерс назвал президента Трампа расистом, сексистом, гомофобом и религиозным фанатиком. / Bernie Sanders calls Pres. Trump 'a racist, a sexist, a homophobe and a religious bigot'* [Chasarik 2019]; *Расист, сексист, гомофоб, ксенофоб, исламофоб — называйте, как хотите / The racist, sexist, homophobic, xenophobic, Islamophobic — you name it* [Ford 2019];

– лжец («Liar»): *Он демагог, ксенофоб, сексист, невежда и лжец / He is a demagogue, a xenophobe, a sexist, a know-nothing, and a liar* [Epps 2019]; *…Трамп, главный лжец нации… / … Trump, the nation's liar in chief…* [Robinson 2019]; *Берни Сандерс назвал Трампа „патологическим лжецом“ / Sen. Bernie Sanders slams Trump as "pathological liar"* [Edelman 2020];

– худший президент («The worst president»): *Многие люди находятся под впечатлением, что Дональд Трамп худший президент за всю историю, и, честно говоря, у них есть веские основания так думать. / Many people are under the impression that Donald Trump is the worst president ever, and, in all honesty, they have good reason to feel that way* [O'Conner URL]; *Трамп входит в историю как худший президент из когда-либо бывших. / …Trump goes down in history as the worst president ever* [Collins 2019].

Американские СМИ нередко употребляют инвективную лексику в отношении американского президента, что придает дополнительную экспрессию и усиливает негативный образ Трампа, складывающийся в сознании читателей: *A dreadful leader plus a greedy crook / Ужасный лидер плюс жадный мошенник* [Collins 2019].

3. Стратегия **уличения в связях с Россией.**

«Связи с Россией» — одно из самых распространенных обвинений в отношении

Трампа, которое можно встретить в американском медиапространстве. СМИ США активно формируют в общественном сознании своих граждан негативный образ России. Безусловно, президент, имеющий связи со страной, предстающей в новостных сообщениях в виде «политического врага» Америки, будет вызывать неодобрение и недовольство общественности. Более того, американские СМИ регулярно повторяют новостные сообщения о связях Трампа с Россией и российской поддержке кандидатуры действующего президента на предстоящих выборах. Постоянное повторение одних и тех же идей регулярно используется СМИ как один из основных инструментов воздействия на адресата. Этот способ помогает закрепить в сознании аудитории необходимую для отправителя информацию, навязать выгодную точку зрения. По мнению психологов, постоянное повторение идентичных идей в СМИ формирует стереотипное мышление у целевой аудитории, заставляет адресата думать в заданном направлении.

Так, например, CNN выпускает новостные сообщения о связях Д. Трампа с Россией ежедневно, иногда по несколько раз в день:

● **21 февраля 2020:** *…разведывательное сообщество считает, что Россия уже предпринимает шаги по вмешательству в выборы 2020 года с целью помочь президенту Дональду Трампу выиграть… / … the intelligence community believes Russia is already taking steps to interfere in the 2020 election with the goal of helping President Donald Trump win…* [Acosta, Cohen, Bash, Herb 2020];

● **22 февраля 2020:** *В то время как разведывательное сообщество предупредило о вмешательстве России, президент обвинил демократов в организации новой охоты на ведьм. / While the intelligence community he oversees has warned of Russian interference, the President accused Democrats of ginning up a new witch hunt* [Wolf 2020];

● **23 февраля 2020:** *Разведывательное сообщество США пришло к выводу, что Россия вмешается в выборы 2020 года и что Россия рассматривает Трампа как лидера, с которым они могут работать. / The US intelligence community has assessed that Russia is interfering in the 2020 election and has separately assessed that Russia views Trump as a leader they can work with* [Diamond, Cohen 2020].

4. Ирония, высмеивание, сарказм. Для достижения своей коммуникативной задачи — дискредитации деятельности президента США в глазах общественности — американские журналисты часто отдают предпочтение использованию иронии и даже сарказма в новостных сообщениях о Д. Трампе.

Проанализированный материал позволяет выделить различные стилистические приемы и изобразительно-выразительные средства языка, лежащие в основе ироничной критики американских СМИ.

Одним из распространенных способов выражения иронии является использование противоречий и противопоставлений, как в следующем примере: *…есть вещи, которые Трамп* ***сделал успешно*** *— например,* ***разрушил*** *Агентство по охране окружающей среды, снял защиту для ЛГБТ-американцев,* ***попытался угрозами заставить*** *других политиков, штаты и города следовать своей политике. / …there are the things Trump* ***did successfully do*** *— like devastate the Environmental Protection Agency, remove protections for LGBTQA Americans, and attempt to bully other politicians, states, and cities into following his policies* [O'Conner URL].

В данном примере совершенно очевиден речевой парадокс. Словосочетанию ***сделал успешно*** противоречат негативно окрашенные глагольные выражения (*разрушил*, *снял защиту*, *попытался угрозами заставить*), что не оправдывает ожидания адресата увидеть информацию о позитивной политике американского лидера и в очередной раз убеждает читателя в несостоятельности Трампа в качестве президента США.

В следующем примере для достижения комического эффекта авторы используют **прием олицетворения**:

Война Трампа с туалетами (а также раковинами, душем и посудомоечными машинами): борьба Трампа с давлением воды является частью общей войны, которую Трамп вел против неодушевленных объектов — от ветряных мельниц до лампочек — на протяжении всего своего президентства. / Donald Trump's war on toilets (and sinks and showers and dishwashers): Trump's war on water pressure is of a piece with other battles he has fought against inanimate objects during his presidency — from windmills to lightbulbs.

Гиперболизацию (*одержимость Трампа туалетами*) использует автор следующего отрывка из статьи, акцентируя внимания читателя на том, что политические интересы американского президента сосредоточены вокруг несущественных и второстепенных проблем: *Нынешняя одержимость Трампа туалетами, раковинами, душевыми и посудомоечными машинами (О боже!) зародилась, кажется, на круглом столе с владельцами малого бизнеса в Белом доме в декабре. / The beginning of Trump's current obsession in toilets, sinks, showers and dish-*

washers (oh my!) appears to be at a White House roundtable with small business owners in December.

Языковая игра использована автором следующего фрагмента как прием для высмеивания политика: сначала он обвиняет Трампа в краже денег из фонда, но потом фразой *„украл“ — это довольно жестко* будто признает свою ошибку, тем самым создавая эффект обманутых ожиданий у читателей, надеющихся увидеть оправдание действий президента: *Трамп выложил 2 миллиона долларов, которые он украл из своего фонда. Ладно, „украл“ — это довольно жестко. Как бы вы назвали то, если бы кто-то основал благотворительный фонд, а затем использовал большую часть пожертвований других людей, чтобы купить свои портреты — один высотой в шесть футов, — купить спортивные сувениры и оплатить юридические счета за свой частный бизнес? Все еще жду этого слова… / Trump has coughed up $2 million to repay money he stole from his foundation O.K., “stole” is pretty harsh. What would you call it if somebody established a charity and then used a large chunk of other people’s donations to buy portraits of himself — one six feet tall — purchase sports memorabilia and pay off legal settlements for his private businesses? Still waiting for the word…* [Collins 2019].

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о том, что в информационном поле американских СМИ имидж президента Д. Трампа носит ярко выраженную отрицательную оценку. В ходе проведенного исследования были выделены стратегии и тактики, при помощи которых формируется негативный образ политика: навешивание ярлыков, обвинение, высмеивание, намеренное многократное транслирование одной и той же информации по разным каналам с целью формирования определенного мнения в обществе. Вербализация этих стратегий осуществляется при помощи стилистически сниженной лексики или прямых оскорблений (лжец, худший президент, расист и т. д.). Описанные манипулятивные тактики и стратегии, применяемые в американских СМИ, обнаруживают неэтичную подачу информации, тем самым служат для формирования негативного общественного мнения.

ИСТОЧНИКИ

1. Acosta, J. Russia is looking to help Trump win in 2020, election security official told lawmakers / Jim Acosta, Zachary Cohen, Dana Bash, Jeremy Herb. — Text : electronic // CNN. — 2020. — 21 Feb. — URL: https://edition.cnn.com/2020/02/20/politics/trump-russia-intelligence-2020/index.html.
2. Chasarik, K. Bernie Sanders calls Pres. Trump 'a racist, a sexist, a homophobe and a religious bigot' / Krisann Chasarik. — Text : electronic / ABC News. — 2019. — 3 June. — URL: https://abc7news.com/politics/sanders-calls-trump-racist-sexist-homophobe-religious-bigot/5326904/.
3. Collins, G. Let Trump Have a Miserable Little Christmas / Gail Collins. — Text : electronic // The New York Times. — 2019. — 11 Dec. — URL: https://www.nytimes.com/2019/12/11/opinion/trump-worst-president.html.
4. Diamond, J. US intelligence briefer appears to have overstated assessment of 2020 Russian interference / Jeremy Diamond, Zachary Cohen. — Text : electronic // CNN. — 2020. — 23 Feb. — URL: https://edition.cnn.com/2020/02/23/politics/intelligence-briefer-russian-interference-trump-sanders/index.html.
5. Edelman, A. Sen. Bernie Sanders slams Trump as 'pathological liar' / Adam Edelman. — Text : electronic // NBC News. — 2020. — 10 Jan. — URL: https://www.nbcnews.com/politics/2020-election/sen-bernie-sanders-slams-trump-pathological-liar-n1113416.
6. Epps, G. The Self-Pardoning President / Garrett Epps. — Text : electronic // The Atlantic. — 2019. — 13 Jan. — URL: https://www.theatlantic.com/unthinkable/#article-group-10.
7. Ford, M. Trump and His Deplorables / Matt Ford. — Text : electronic // The New Republic. — 2019. — 16 July. — URL: https://newrepublic.com/article/154481/trump-racist-tweet-alexandria-ocasio-cortez-ilhan-omar.
8. Milibank, D. Trump is a racist. Democrats should stop calling him one / D. Milibank. — Text : electronic // The Washington Post. — 2019. — 14 Sept. — URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/trump-is-a-racist-democrats-should-stop-calling-him-one/2019/09/13/991881da-d63a-11e9-9343-40db57cf6abd_story.html.
9. O’Conner, M. Is Donald Trump the Worst President Ever? / Miranda O’Conner. — Text : electronic // Swamp. — URL: https://vocal.media/theSwamp/is-donald-trump-the-worst-president-ever.
10. President Donald J. Trump is Making America the Best Country in the World to Build and Buy Cars. — 2019 Sept. — URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-making-america-best-country-world-build-buy-cars/. — Text : electronic.
11. Remnick, D. A Racist in the White House / D. Remnick. — Text : electronic // The New Yorker. — 2019. — 16 July. — URL: https://www.newyorker.com/news/daily-comment/a-racist-in-the-white-house-donald-trump-tweets-ocasio-cortez-tlaib-omar-pressley.
12. Robinson, E. To lie or not to lie. The answer is easy for the GOP / Eugene Robinson. — Text : electronic // The Washington Post. — 2019. — 14 Jan. — URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/trump-and-the-gop-are-harnessing-the-power-of-lies/2020/01/13/5fdb9bd8-3642-11ea-9541-9107303481a4_story.html.
13. Rucker, P. The brand label that stokes Trump’s fury: ‘Racist, racist, racist’ / Philip Rucker, Ashley Parker. — Text : electronic // The Washington Post. — 2019. — 11 Aug. — URL: https://www.washingtonpost.com/politics/the-brand-label-that-stokes-trumps-fury-racist-racist-racist/2019/08/11/fd5573d2-bad9-11e9-b3b4-2bb69e8c4e39_story.html.
14. Wolf, Z. B. Russian meddling was out of a spy novel in 2016. It's turning 2020 into a horror movie // Zachary B. Wolf. — Text : electronic // CNN. — 2020. — 22 Feb. — URL: https://edition.cnn.com/2020/02/22/politics/what-matters-february-21/index.html.

ЛИТЕРАТУРА

15. Богатырев, В. Р. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии и ее роль в формировании дискурсивного портрета Дональда Трампа (на материале выступлений Д. Трампа в ходе предвыборной кампании 2016 года) / В. Р. Богатырев. — Текст : непосредственный // Гуманитарный трактат. — 2017. — № 12. — С. 4—8.
16. Борисова, Е. Г. Лексическая номинация в информационных войнах / Е. Г. Борисова. — Текст : непосредственный // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2016. — № 1. — С. 61—65.
17. Егорова, Э. Н. Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций) / Э. Н. Егорова. — Текст : непосредственный // Язык и текст. — 2015. — Т. 2. — № 3. —С. 69—75.

18. Плотникова, С. Н. Дискурсивное конструирование России в современных западных СМИ / С. Н. Плотникова. — Текст : непосредственный // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2018. — № 1. — С. 50—59.
19. Сиротинина, О. Б. Факторы, влияющие на эффективность коммуникации / О. Б. Сиротинина. — Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 1. — С. 39—47.
20. Сковородников, А. П. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия / А. П. Сковородников, Г. А. Колпина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 1 (55). — С. 42—50.
21. Шаховский, В. И. Современные СМИ: ответственность журналиста / В. И. Шаховский. — Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 1. — С. 1—12.

E. V. Gulyaeva
Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia
ORCID ID: 0000-0003-1605-8576 ☑

M. V. Makarova
Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia
ORCID ID: 0000-0002-8160-9517 ☑

I. S. Nikitina
Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia
ORCID ID: 0000-0002-2977-0178 ☑

☑ ***E-mail:*** *guevgenia@yandex.ru; makarova-mw@yandex.ru; ir-rina07@mail.ru.*

Verbal Means of Discrediting the Image of a Politician in the Media Space of the USA

ABSTRACT. *The article deals with the methods and techniques of formation of a negative political image on the basis of the articles about D. Trump in American mass media. The authors identify the strategies which are more often used to discredit the US President in mass media: blaming (direct indication of mistakes made by the president and criticism of his activity; manipulative tactics: reference to the opinion of competent persons – the so called experts; use of phrases and sentences predicting dismal future as a result of the policy pursued by the president), labeling (giving Trump names with negative connotations, for example: racist, sexist, liar, the worst president), reiteration of the same ideas, and specifically those disclosing ties with Russia (the popularity of the strategy is associated with the active formation of the negative image of Russia in the social consciousness of American citizens), as well as irony and ridicule (use of contradictions and antitheses; the technique of personification; hyperbolization; language game). The article also determines and analyzes the verbal means of realization of these strategies. The analysis carried out makes it possible to make the conclusion that the image of President Trump in the information space of American mass media has a saliently negative evaluation. The manipulative strategies and practices described, used in American mass media, demonstrate non-ethical presentation of information and thus serve the purpose of formation of a negative public opinion.*

KEYWORDS: *mass media language; mass media; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media in the USA; political discourse; verbal aggression; political image; language game; irony; manipulation strategies; public opinion; manipulation of consciousness; manipulative impact; politicians; political images.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gulyaeva Evgeniya Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd Institute of Management-branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Makarova Mariya Valer'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd Institute of Management-branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Nikitina Irina Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd Institute of Management-branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia.*

FOR CITATION: *Gulyaeva, E. V.* Verbal Means of Discrediting the Image of a Politician in the Media Space of the USA / E. V. Gulyaeva, M. V. Makarova, I. S. Nikitina // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 61-67. — DOIXXXXXXXXXXXXXXXXXXX.

MATERIALS

1. Acosta, J. Russia is looking to help Trump win in 2020, election security official told lawmakers / Jim Acosta, Zachary Cohen, Dana Bash, Jeremy Herb. — Text : electronic // CNN. — 2020. — 21 Feb. — URL: https://edition.cnn.com/2020/02/20/politics/trump-russia-intelligence-2020/index.html.
2. Chasarik, K. Bernie Sanders calls Pres. Trump 'a racist, a sexist, a homophobe and a religious bigot' / Krisann Chasarik. — Text : electronic / ABC News. — 2019. — 3 June. — URL: https://abc7news.com/politics/sanders-calls-trump-racist-sexist-homophobe-religious-bigot/5326904/.
3. Collins, G. Let Trump Have a Miserable Little Christmas / Gail Collins. — Text : electronic // The New York Times. — 2019. — 11 Dec. — URL: https://www.nytimes.com/2019/12/11/opinion/trump-worst-president.html.
4. Diamond, J. US intelligence briefer appears to have overstated assessment of 2020 Russian interference / Jeremy Diamond, Zachary Cohen. — Text : electronic // CNN. — 2020. —

23 Feb. — URL: https://edition.cnn.com/2020/02/23/politics/intelligence-briefer-russian-interference-trump-sanders/index.html.

5. Edelman, A. Sen. Bernie Sanders slams Trump as 'pathological liar' / Adam Edelman. — Text : electronic // NBC News. — 2020. — 10 Jan. — URL: https://www.nbcnews.com/politics/2020-election/sen-bernie-sanders-slams-trump-pathological-liar-n1113416.

6. Epps, G. The Self-Pardoning President / Garrett Epps. — Text : electronic // The Atlantic. — 2019. — 13 Jan. — URL: https://www.theatlantic.com/unthinkable/#article-group-10.

7. Ford, M. Trump and His Deplorables / Matt Ford. — Text : electronic // The New Republic. — 2019. — 16 July. — URL: https://newrepublic.com/article/154481/trump-racist-tweet-alexandria-ocasio-cortez-ilhan-omar.

8. Milibank, D. Trump is a racist. Democrats should stop calling him one / D. Milibank. — Text : electronic // The Washington Post. — 2019. — 14 Sept. — URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/trump-is-a-racist-democrats-should-stop-calling-him-one/2019/09/13/991881da-d63a-11e9-9343-40db57cf6abd_story.html.

9. O'Conner, M. Is Donald Trump the Worst President Ever? / Miranda O'Conner. — Text : electronic // Swamp. — URL: https://vocal.media/theSwamp/is-donald-trump-the-worst-president-ever.

10. President Donald J. Trump is Making America the Best Country in the World to Build and Buy Cars. — 2019 Sept. — URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-making-america-best-country-world-build-buy-cars/. — Text : electronic.

11. Remnick, D. A Racist in the White House / D. Remnick. — Text : electronic // The New Yorker. — 2019. — 16 July. — URL: https://www.newyorker.com/news/daily-comment/a-racist-in-the-white-house-donald-trump-tweets-ocasio-cortez-tlaib-omar-pressley.

12. Robinson, E. To lie or not to lie. The answer is easy for the GOP / Eugene Robinson. — Text : electronic // The Washington Post. — 2019. — 14 Jan. — URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/trump-and-the-gop-are-harnessing-the-power-of-lies/2020/01/13/5fdb9bd8-3642-11ea-9541-9107303481a4_story.html.

13. Rucker, P. The brand label that stokes Trump's fury: 'Racist, racist, racist' / Philip Rucker, Ashley Parker. — Text : electronic // The Washington Post. — 2019. — 11 Aug. — URL: https://www.washingtonpost.com/politics/the-brand-label-that-stokes-trumps-fury-racist-racist-racist/2019/08/11/fd5573d2-bad9-11e9-b3b4-2bb69e8c4e39_story.html.

14. Wolf, Z. B. Russian meddling was out of a spy novel in 2016. It's turning 2020 into a horror movie // Zachary B. Wolf. — Text : electronic // CNN. — 2020. — 22 Feb. — URL: https://edition.cnn.com/2020/02/22/politics/what-matters-february-21/index.html.

REFERENCES

15. Bogatyrev, V. R. Discrimination Strategy as a Way of Implementing Speech Aggression and its Role in the Formation of a Discursive Portrait of Donald Trump (based on D. Trump's speeches during the 2016 election campaign) / V.R. Bogatyrev. — Text : unmediated // Humanitarian Treatise. — 2017. — No. 12. — P. 4—8. [Strategiya diskreditatsii kak sposob realizatsii rechevoy agressii i ee rol' v formirovanii diskursivnogo portreta Donal'da Trampa (na materiale vystupleniy D. Trampa v khode predvybornoy kampanii 2016 goda) / V. R. Bogatyrev. — Tekst : neposredstvennyy // Gumanitarnyy traktat. — 2017. — № 12. — S. 4—8]. — (In Rus.)

16. Borisova, E. G. Lexical Nomination in Information Wars / E. G. Borisova. — Text : unmediated // Vestnik MGPU. Series "Philology. Theory of language. Language education". — 2016. — No. 1. — P. 61—65. [Leksicheskaya nominatsiya v informatsionnykh voynakh / E. G. Borisova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie». — 2016. — № 1. — S. 61—65]. — (In Rus.)

17. Egorova, E. N. Speech Aggression and the Strategy of Discredit (on the example of analysis of newspaper publications) / E. N. Egorova. — Text : unmediated // Language and Text. — 2015. — Vol. 2. — No. 3. — P. 69—75. [Rechevaya agressiya i strategiya diskreditatsii (na primere analiza gazetnykh publikatsiy) / E. N. Egorova. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk i tekst. — 2015. — T. 2. — № 3. —S. 69—75]. — (In Rus.)

18. Plotnikova, S. N. Discursive Construction of Russia in Modern Western Media / S. N. Plotnikova. — Text : unmediated // Bulletin of MGPU. Series "Philology. Theory of Language. Language Education". — 2018. — No. 1. — P. 50—59. [Diskursivnoe konstruirovanie Rossii v sovremennykh zapadnykh SMI / S. N. Plotnikova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie». — 2018. — № 1. — S. 50—59]. — (In Rus.)

19. Sirotinina, O. B. Factors Affecting the Effectiveness of Communication / O. B. Sirotinina. — Text : unmediated // Ecology of Language and Communicative Practice. — 2019. — No. 1. — P. 39—47. [Faktory, vliyayushchie na effektivnost' kommunikatsii / O. B. Sirotinina. — Tekst : neposredstvennyy // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. — 2019. — № 1. — S. 39—47]. — (In Rus.)

20. Skovorodnikov, A. P. Linguistics of the Information-psychological War: to the Justification and Definition of the Concept / A. P. Skovorodnikov, G. A. Kolpina. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2016. — No. 1 (55). — P. 42—50. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya / A. P. Skovorodnikov, G. A. Kolpina. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 1 (55). — S. 42—50]. — (In Rus.)

21. Shakhovskiy, V. I. Modern Media: the Responsibility of a Journalist / V. I. Shakhovsky. — Text : unmediated // Ecology of Language and Communicative Practice. — 2019. — No. 1. — P. 1—12. [Sovremennye SMI: otvetstvennost' zhurnalista / V. I. Shakhovskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. —2019. — № 1. — S. 1—12]. — (In Rus.)

Дубин П. П. Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 68—76.

УДК 811.111'42:811.111'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-006.23 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.20*
DOI

П. П. Дубин
Сургутский государственный университет, Сургут, Россия
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *duba39@yandex.ru.*

Пространственные оппозиции на политической арене Великобритании

АННОТАЦИЯ. *Данную статью необходимо рассматривать в рамках комплексного сопоставительного исследования ориентационных метафор британского политического дискурса начала XX и начала XXI веков, выполненного на материале официальных политических выступлений. В основу настоящей работы положен принцип дискретности, т. е. отрывистое диахроническое исследование метафор обозначенных периодов (разные года в пределах 1905—1920 гг. и 2010—2020 гг.). Причиной для выбора данных временных отрезков является значимость сопоставительного исследования ориентационных метафор в рамках идеологических различий политической власти Великобритании: начало XX века (1905—1922) было обозначено правлением Либеральной партии, а начало XXI века (2010 — настоящее время) — Консервативной партии. Актуальность данного исследования базируется на сопоставительной метафорологии политического дискурса как активно развивающегося направления современной лингвистики, целью которой является изучение ментальных представлений человека через призму языкового ресурса. Целью работы является выявление сходств и расхождений в употреблении ориентационных метафор идеологически разнонаправленных политических деятелей с временным шагом в сто лет. Так как концепты ориентационных метафор архетипичны, поскольку берут за основу пространственное положение человека в окружающем мире, они служат первоисточником при изучении человеческого мышления. Исходя из смысловых различий их употребления в разные временные отрезки в политическом контексте можно судить о национальной картине мира, что, в свою очередь, покажет нам, как менялся человеческий менталитет или мышление на протяжении времени. Для проведения сопоставительного исследования и выявления временных трансформаций были использованы следующие методы: метод диахронического анализа, метод компонентного анализа, метод лингвистического описания, метод сплошной выборки, метод метафорического моделирования, когнитивно-дискурсивный метод. В статье показана конфронтация и корреляция значений архетипичных и вариативных метафорических моделей, проанализирована идеологическая дифференциация употребления ориентационных метафор. Данная работа представляет интерес для отечественных и зарубежных специалистов в области политической метафорологии, когнитивной лингвистики, политологии, истории.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *концептуальные метафоры; политическая метафорология; политические метафоры; политический дискурс; метафорическое моделирование; метафорические модели; политическая позиция; английский язык; концепты; ориентационные метафоры; сопоставительное языкознание; дискретный анализ.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Дубин Павел Павлович, аспирант второго курса Сургутского государственного университета; специалист управления протокола ПАО «Сургутнефтегаз»; 628404, Россия, г. Сургут, ул. Григория Кукуевицкого, 1, корп. 1; e-mail: duba39@yandex.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Дубин, П. П.* Пространственные оппозиции на политической арене Великобритании / П. П. Дубин // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 68-76. — DOI.

Согласно отечественным и зарубежным исследованиям, политические метафоры отражают и воспроизводят превалирующие в среде определенных обществ ориентиры, оказывают значительное влияние на осмысление политической действительности, служат руководством к принятию решений и действию (А. Н. Баранов, М. Джонсон, Дж. Лакофф, А. Мусолфф, А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова).

Изучение ориентационных метафор в политическом дискурсе с точки зрения диахронического анализа является одним из интенсивно развивающихся направлений современной лингвополитической метафорологии. Оно в первую очередь направлено на выявление традиционных значений (архетипов) метафор и актуальных значений (вариаций). Такой подход, в свою очередь, помогает ученым-лингвистам выявить тенденции развития человеческого мышления и обозначить наиболее актуальные политические события, которые могут иметь какое-либо влияние на него. Диахронический анализ, представленный в данной работе, основан на принципе дискретности в силу нецелесообразности и большой трудоемкости применения принципа континуальности к обозначенным временным отрезкам в рамках исследовательской статьи.

Принцип стабильности гласит, что метафорическая картина мира имеет архетип, у которого и в Античности, и в Средневековье, и в современном мире одна, общая структура, поскольку базисные понятия человеческого мышления меняются очень медленно или не меняются вообще.

© Дубин П. П., 2020

Среди российских исследователей подробно архетипичность концептов ориентационных метафор рассмотрела Л. Н. Федосеева [Федосеева 2012: 11].

Слова отражают свойственные данному народу ценности, образуя концептосферу данного языка. Локативность участвует в формировании концептосферы пространства. Так, одна из важнейших оппозиций в пространстве — «верх — низ». В основе данной оппозиции лежит архаичное представление о верхнем и нижнем мирах в мифологической модели (мифы о верхней и нижней сторонах вещи, поступка, явления). У славян существовал миф о борьбе Перуна, живущего вверху, на небе, на вершине Мирового дерева, с Велесом, божеством нижнего мира, «скотьим богом», стада которого — души умерших.

Оппозиция «верх — низ» запечатлелась в целом ряде фразеологизмов: *на верху блаженства* (испытывать крайнее удовольствие, удовлетворение), *с верхом* (больше нормы или больше обещанного), *по верхам* (легко и поверхностно, невнимательно), *ниже своего достоинства* (унизительно, оскорбительно), *ниже всякой критики* (неудовлетворительно, без выполнения элементарных требований), *низвергнуть в прах* (развенчать, растоптать), *низринуть в прах* (убить, уничтожить).

По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004, 1981: 6, 15], ориентационные метафоры придают концепту пространственную ориентацию: например, *happy is up* — счастье соответствует верху. То, что концепт «счастье» ориентирован на «верх», проявляется в английских фразах по типу *I'm feeling up today*.

Такие метафорические ориентации не произвольны. Они основаны на нашем физическом и культурном опыте. Хотя полярные противопоставления «верх — низ», «внутри — снаружи» и т. п. являются физическими, основанные на них ориентационные метафоры различаются от культуры к культуре. Например, в некоторых культурах будущее находится как бы впереди нас, в других оно за нами. Для каждого случая существует приблизительное объяснение того, как метафорический концепт мог возникнуть на основе физического и культурного опыта:

1. *Счастье соответствует верху, печаль — низу*

I'm feeling up (я чувствую себя на подъеме). *That boosted my spirits* (это подняло мое настроение). *My spirits rose* (мой дух воспрял). *You're in high spirits* (вы в хорошем настроении). *I fell into a depression* (я впал в депрессию). *My spirits sank* (я упал духом). Физическая основа: склоненная поза человека обычно соотносится с печалью и депрессией, прямая поза — с позитивным эмоциональным состоянием.

2. *Сознание ориентировано наверх, бессознательное состояние — вниз*

Get up (поднимайся). *Wake up* (проснись). *I'm up already* (я уже встал). *He rises early in the morning* (он встает рано утром). *He fell asleep* (он заснул). *He dropped off to sleep* (он отошел ко сну). *He's under hypnosis* (он под гипнозом). Физическая основа: люди и большинство других млекопитающих спят лежа и встают, когда просыпаются.

3. *Здоровье и жизнь ориентированы наверх, боль и смерть — вниз*

He's at the peak of health (он на пике здоровья). *Lazarus rose from the dead* (Лазарь восстал из мертвых). *He's in top shape* (он в лучшей форме). *As to his health, he's way up there* (что касается здоровья, то он выздоравливает). *He fell ill* (он заболел). *He came down with the flu* (он свалился с гриппом). *His health is declining* (он чахнет). *He dropped dead* (он умер). Физическая основа: серьезные болезни заставляют нас лежать. Мертвый падает, лежит в могиле и т. п.

Согласно работам В. Г. Гака [Гак 2000: 3], человек ставит себя в центр мироздания. Во всех языках наименования частей тела используются для обозначения направлений или местоположения частей предметов. Например, *«голова»* — верх, верхняя часть предмета или его передняя часть: голова колонны, поезда. *Сердце* часто символически соотносят с серединной позицией, что, впрочем, подтверждается и этимологией слова *середина*, *посреди*. *Внутри* этимологически связано со словом *утроба*. От слова *ноги* произошло *подножье*. Части тела являются мерой: *локоть*, *палец*, *стопа*; расстоянием: *выше на голову*, *глаза в глаза*, *на полкорпуса*.

Лексемы, использующиеся для обозначения умственных способностей человека, также служат для наименования пространственных понятий, в частности меры. Слово *dimension* восходит к корням, изначально обозначавшим *соображать*, *оценивать*. Обозначения расстояния часто связаны с действиями, осуществляемыми человеком: *в двух часах езды*, *в пяти минутах ходьбы.* Пространственные значения нередко восходят к наименованиям предметов, созданных человеком или замеченных им: *иголка*, *ось* — центр; *пояс* — зона [Карасик 2002: 5].

В основу метафоры для передачи образа легли базовые понятия образа места, предмета и пространства. Вышесказанное

примечательно в целом ряде отношений. Во-первых, различны способы их языковой объективации: в то время как концепты места и предмета образуют концептуальные основания такой части речи, как существительное, концепт пространства, формируя основу предлогов и некоторых других частиц, получает в языке широкое отражение и на других уровнях существования языка, и в разных классах языковых явлений. Во-вторых, указанные понятия вряд ли могут считаться равноценными: понятия пространства и субстанции (предмета, материи) входят в число главных категорий бытия, притом понятие пространства рассматривается как основная форма существования материи. Наконец, само определение изучаемых концептов зависит от того, в каком ракурсе мы их рассматриваем — собственно языковом, когда хотим дать им дефиниции как отдельным словам, или же концептуальном, когда стремимся разъяснить, каким оперативным единицам нашего сознания или же ментальным в нем репрезентациям они соответствуют [Паули 2011: 7].

Неудивительно, что фундаментальные понятия нашего мира ярко отражены в языке. Описание пространства занимает значительную часть письменных и устных текстов. Нам важны его характеристики, такие как протяженность, трехмерность, симметрия/асимметрия. Главным образом отражению пространства в языке служат ориентационные, или, как их еще иногда называют, пространственные метафоры. Отметим, что в этой статье используется данное Г. Н. Скляревской определение метафоры, т. е. она трактуется как вторичная косвенная номинация при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента [Скляревская 1993: 8]. Это означает, что примеры, взятые для анализа, содержат метафору в лингвистическом понимании, а не стилистическом. Главное в политических речах — это пробуждение образного восприятия у слушателей, поэтому нам больше важен лингвистический характер данного языкового явления.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что ориентационные метафоры разделяются в рамках трехмерного пространства на следующие оппозиции: верх — низ, лево — право, спереди — сзади. Примечательно, что и зарубежные, и отечественные лингвисты придают позициям «верх», «право» и «спереди» архетипично «хорошие» коннотации, а позициям «лево», «низ» и «сзади» — архетипично «плохие».

В качестве примеров для анализа ориентационных метафор XXI в. (2010 г. — настоящее время) политиков Консервативной партии мы использовали речи У. Хейга, Т. Мэй.

Основой для анализа ориентационных метафор деятелей XX в. (1905—1922) от Либеральной партии послужили речи Г. Асквита, Г. Кэмпбелла-Баннермана.

Причиной для выбора выступлений именно этих политических деятелей послужило их иерархическое положение в своих партиях. Все вышеуказанные представители являлись в свое время либо лидерами политического объединения, либо премьер-министрами. С помощью метода сплошной выборки, который охватил 5 официальных выступлений британских политиков, было найдено и подробно проанализировано 20 примеров употребления ориентационных метафор.

Первыми будут сравниваться речь Уильяма Хейга, министра иностранных дел Великобритании с 2010 по 2014 г., которую он произнес на конференции Консервативной партии в 2014 г., и речь Герберта Асквита, премьер-министра Великобритании от Либеральной партии с 1908 по 1916 г., произнесенная в Бирмингеме в 1908 г. [Conservatives URL; Political Speech Archive URL].

У. Хейг (XXI век; говоря о Консервативной партии): *…and have now gone onto to transform a failing education system and a bloated welfare state, <…>* ***brought down*** *unemployment in every part of Britain, cut the European budget for the first time in history. / …и теперь взялась за трансформацию умирающей образовательной системы и обрюзгшего государства всеобщего благоденствия, <…>* ***привела к снижению безработицы*** *в каждой части Британии, сократила европейское финансирование впервые в истории.*

Г. Асквит (XX век): *…you have two Ministries in power recruited largely, indeed mainly, from those who only a few years ago were bearing arms against us in the field, and whose loyalty no one now ventures to impeach,* ***under whose wise and statesmanlike rule*** *racial divisions are rapidly being obliterated… / …у вас теперь есть два министра во главе, которых избрали по большей части, в основной части, те, кто до недавних пор поднимал оружие против нас на полях сражений, и чью верность сейчас никто не осмелится подвергнуть сомнению,* ***под чьим мудрым и подобающим правлением*** *расовые различия все быстрее исчезают…*

Анализируя приведенный пример из выступления У. Хейга, можем заметить, что ориентационные метафоры с пространственным значением «низ», выражающие, со-

гласно многим ученым-лингвистам, пороки, несчастье, смерть и упадок, и представленные в данном случае в виде фразового глагола *to bring down*, вступая в корреляцию с отрицательно-маркированной лексикой вроде *unemployment*, часто меняют свое коннотативное значение на противоположное.

В примере, взятом из выступления Г. Асквита, представлена ориентационная метафора с пространственным значением «низ», которая выражена в виде предлога «under». Данная метафора несет в себе типичное значение подчинения чьему-либо руководству, правилам. Отметим, что, вопреки сложившимся традиционным представлениям, здесь нет негативной коннотации, а наоборот, в корреляции с позитивно окрашенной лексикой и соответствующим контекстом освобождения от расистских предубеждений, развития национальной идеи партии, смысл предложения приобретает положительную коннотацию. Это, как нам известно, не типично для ориентационных метафор с пространственным значением «низ».

У. Хейг (XXI век): *…I am going to tour the constituencies, help* ***raise the money****, fight for our excellent candidates… / …я посещу избирательные округа,* ***помогу в привлечении денежных средств****, буду бороться за наших блестящих кандидатов…* (букв. «поднять деньги»).

Г. Асквит (XX век; говоря о сторонниках протестантских реформ): *While our over-sea trade was booming they were, to use a homely expression,* ***down in the dumps****. / Пока наша внешняя торговля процветала, они, говоря по-простому,* ***упали духом.***

Видные члены парламента не могут проигнорировать употребление пространственного значения «верх» при попытке заверить общественность в успешной реализации своих политических кампаний. Использование ориентационной метафоры, выраженной в виде глагола движения *to raise*, совместно с нейтральной лексемой *money* действует на слушателя с оказанием положительного эффекта, помогая убедить его в том, что эту партию необходимо поддерживать, что именно она заботится о состоянии граждан страны.

В речи Г. Асквита употреблены сразу две ориентационные метафоры, работающие на контрастном противопоставлении традиционных значений оппозиции «верх — низ». Этот пример репрезентативен с точки зрения подтверждения того, что пространственная позиция «верх» представляет собой хорошие явления, смысл процветания. Тем не менее необходимо отметить, что сама коннотация словосочетания *over-sea trade* нейтральна, положительной ее делает глагол в Past Continuous *was booming*, употребленный для усиления значения. Так, в сочетании с другим контекстом или глаголом *to fall* коннотация могла бы стать отрицательной. Интересно также употребление типичного значения позиции «низ», представляющей собой бедность или пороки общества. В нашем примере это значение выражено с помощью фразеологизма *down in the dumps*.

У. Хейг (XXI век): *It is a staggering achievement that at a time when other European economies are flat or struggling we have more people in work than ever before, that* ***unemployment is falling faster*** *than for a quarter of a century, <…> and that at the same time we have capped welfare spending,* ***cut immigration and brought down crime. /*** *Это потрясающее достижение. В то время как экономика других стран Европы переживает стагнацию или находится в тяжелом положении, у нас создается больше рабочих мест, чем когда-либо,* ***показатели безработицы идут на убыль*** (букв. «безработица падает») *быстрее, чем когда-либо за эту четверть века, <…> мы также достигли небывалого финансирования социальной сферы,* ***сократили иммиграцию и уменьшили число преступлений*** (букв. «направили вниз»).

Г. Асквит (XX век): *Mr. Balfour has not wholly committed himself, apparently to the Protective side of Tariff Reform, but he has a formula of his own, a very simple one, today, a lot of small duties, but they are not to be put on raw material — not, for instance, upon hops — and* ***they are not to increase the burden on the poor****, or the cost of the necessaries of life. / Господин Бальфур, по всей видимости, не до конца был приверженцем протекционистской реформы, но у него был свой подход, очень простой подход: ввести множество незначительных пошлин, которыми не должно облагаться сырье — хмель, к примеру, — и они не должны* ***отягощать жизнь бедным слоям населения*** *или увеличивать стоимость средств первой необходимости* (букв. «увеличивать бремя для бедных»).

В первых двух случаях на практике можно пронаблюдать, насколько вариативен и сложен язык. Выделенное значение «низ», которое представлено ориентационной метафорой с глаголом движения *to fall*, интенсифицированной временной формой глагола Present Continuous и сравнительной степенью прилагательного *fast*, тем не менее нарушает принятую категоризацию из-за сопутствующего слова с отрицательной конно-

тацией *unemployment*. Относительно второго примера отметим, что бедность, порочность и безработица маркируются благодаря человеческим когнициям относительно этих понятий, т. е. в ходе мыслительного, ментального восприятия и эмпирического анализа бедность и пороки характеризуются в пространственном значении как «низ». Отсюда популярные речевые обороты: низшее общество, низкий социальный уровень, низкие поступки.

В случае с сегментом, взятым из речи Г. Асквита, становится понятно, что само по себе значение ориентационной метафоры, выраженной в данном примере глаголом *to increase*, остается нейтральным до тех пор, пока не попадет в рамки того или иного контекста. Так, в указанном выше отрезке мы видим, что коннотация ориентационной метафоры *to increase the burden on the poor* приобретает негативный оттенок именно из-за стоящих рядом лексем, отмеченных отрицательным значением. Данный пример отражает увеличение тягот и бремени, которые могут вследствие социальных реформ лечь на бедные слои населения.

Таким образом, мы можем наблюдать конфронтацию исходного (традиционного) и фактического значения оппозиции «верх — низ» при анализе вышеуказанных примеров.

У. Хейг (XXI век): *If the giants of Labour's post-war idealism, if Attlee and Bevan could* ***look down on*** *the Labour leadership today, they would first not believe their eyes… / Если гиганты лейбористского послевоенного идеализма, если Эттли и Бивен* ***посмотрели бы с небес*** (букв. «посмотрели бы вниз на») *на руководство сегодняшней Лейбористской партии, то они сначала не поверили бы своим глазам…*

Г. Асквит (XX век): *Well, now,* ***looking back upon those three years****, I can only recall one measure introduced by us which could be described fairly or unfairly as coming within that category… / Теперь,* ***вспоминая последние три года****, я могу припомнить только одно предпринятое нами средство, которое можно, справедливо или нет, отнести под эту категорию…* (букв. «оглядываясь назад»).

В примере из речи У. Хейга представлена пространственная ориентация «низ». Несмотря на условную негативность значения, ориентационная метафора, выраженная фразовым глаголом *to look down on*, остается в рамках нейтрального семантического поля. Однако главная часть сложного предложения, идущая после придаточной, присоединенной подчинительной связью, имеет отрицательную стилистическую окраску. Такое взаимодействие порождает общий отрицательный эффект, куда традиционно попадает концепт, представленный подобным пространственным значением. Необходимо отметить, что в политическом дискурсе использование негативно маркированных концептов преобладает при описании неутешительных тенденций развития государства.

Во втором примере ориентационная метафора с пространственным значением «сзади», выраженная фразовым глаголом *to look back*, и имеющая оттенок пространственной ориентации «верх» за счет предлога *upon*, приобретает нетипичное, не представленное ранее в работах зарубежных и отечественных ученых-лингвистов значение прошлого, отнесения слушателя к уже прошедшим моментам.

У. Хейг (XXI век): *Don't anyone ever try to tell me that you have to be privileged <…> in order* ***to get to the top*** *in the Conservative party. / Даже не пытайтесь говорить мне о том, что нужно быть состоятельным, <…> чтобы* ***добиться успехов*** *в Консервативной партии* (букв. «дойти до вершины»).

Г. Асквит (XX век; говоря о сторонниках протестантских реформ): *But they are beginning to recover their spirits* ***under the stimulus of*** *a monthly decrease in the Board of Trade returns. / Однако они воспряли духом,* ***стимулируемые*** *ежемесячным уменьшением прибыли в Министерстве торговли* (букв. «находясь под стимулом»).

Концепт «власти» или «высокого социального статуса» имеет пространственное значение «верх». В первом примере ориентационной метафорой является единица языка *top* как объект высокого положения в иерархии Консервативной партии Великобритании. Наблюдается корреляция исходного и фактического значений ориентационной метафоры с позицией «верх» в политической коммуникации.

Во втором примере мы видим отражение традиционного значения бессознательного в ориентационной метафоре «низ». Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей работе «Метафоры, которыми мы живем» выделяли бессознательное состояние, которое ориентировано вниз, и сознание, которое ориентировано вверх. По мнению ученых, этому есть физическое обоснование: люди и большинство других млекопитающих спят лежа и встают, когда просыпаются.

Далее перейдем к анализу речи Терезы Мэй под заголовком «Leader's speech» (2016), которую бывший премьер-министр Великобритании и лидер Консервативной партии произнес в Бирмингеме. Для сравнения возьмем речь Генри Кэмпбелла-Баннермана, премьер-министра Великобри-

тании от Либеральной партии с 1905 по 1908 г., которую он произнес в 1907 г. в Плимуте [BritishPoliticalSpeech URL].

Т. Мэй (XXI век): *We've* ***brought the deficit down.*** */ Мы* ***снизили дефицит.***

Г. Кэмпбелл-Баннерман (XX век): *We have not idle hands; we have been working* ***overtime and at high pressure.*** */ Мы не сидим сложа руки; мы работаем* ***сверхурочно и под высоким давлением.***

В примере Т. Мэй выделяется вариант употребления ориентационной метафоры с пространственным значением «низ». Как было обозначено ранее, концептосфера «плохо» («бедность», «несчастье», «смерть») направлена вниз, о чем в данном случае свидетельствует слово *deficit*. Тем не менее мы видим, что, несмотря на архетипично негативную маркировку данной концептосферы, ориентационная метафора, выраженная фразовым глаголом *to bring down*, придает предложению прагматически положительный оттенок.

Здесь наблюдается та же самая парадигма, которую мы наблюдали выше в примере из XXI в. Ориентационные метафоры с пространственным значением «верх» маркируются положительными признаками, однако когда контекст предоставляет неоднозначный смыслообразующий фон, эти метафоры могут поменять свой вектор на противоположный. Более того, данное предложение эксплицируется лидером либералов с помощью глагола в Present Perfect Continuous, чтобы создать у слушателя понимание незаконченности, продолжительности момента.

Т. Мэй (XXI век): *Let's make clear that they* ***have given up the right*** *to call themselves the party of the NHS, the party of the workers, the party of public servants. / Давайте проясним момент того, что они* ***потеряли право*** (букв. «подбросили, отбросили») *называть себя партией Национальной службы здравоохранения, партией рабочих, партией чиновников.*

Г. Кэмпбелл-Баннерман (XX век): *I can honestly say so,* ***looking back over the months passed*** *since the General Election… / Могу честно вам сказать,* ***вспоминая те месяцы****, прошедшие с момента всеобщих выборов…* (букв. «оглядываясь назад на»).

В первом примере отчетливо видна ориентационная метафора с пространственным значением «верх», но, выступая частью фразового глагола *to give up*, она принимает отрицательную коннотацию, так как связана с лексемой *right*, которая также отражает позицию «право». Следует отметить, что ориентация «право» характеризует правильность, справедливость и оправданность осуществляемых действий. Отсюда следует, что корреляция с вышеупомянутым фразовым глаголом маркирует целое высказывание как негативное.

Как было указано ранее, использование ориентационных метафор с пространственным значением «сзади» в контексте отнесения слушателя к прошлому — это вариативное значение метафор, которое прежде не описывалось. Обычно это значение связано с концептом отставания, проигрыша. Это базируется на том, что в спортивном мире проигравшие находятся сзади. Интересно, что пространственная оппозиция «спереди — сзади» вообще мало освещена в работах лингвистов. Тем не менее приведенный пример далеко не первый, когда в речи представителей либералов наблюдается подобный прием.

Т. Мэй (XXI век): *And if you're one of those people <…> who finds themselves out of work or* ***on lower wages*** *because of* ***low-skilled immigration****… / И, если вы один из тех людей, <…> кто потерял работу или у кого* ***низкая зарплата*** *из-за* ***непрофессиональных иммигрантов*** (букв. «с низким профессионализмом»).

Г. Кэмпбелл-Баннерман (XX век): *…it is imperative that the Government must insist on cutting down with rigour all superfluous expenditure. / …первостепенная задача в том, чтобы правительство открыто настояло на* ***сокращении*** *чрезмерных затрат* (букв. «срезании под корень»).

Изобилие ориентационных метафор с пространственным значением «низ» — признак наличия соответствующих концептов, отвечающих за несчастья, бедность, низкий социальный уровень. Негативная семантика метафор переходит и на сопутствующие им слова типа *wages*, *immigration*, *expenditure*, должным образом создавая отрицательно направленный заряд в сознании реципиента. Обе метафоры (и XXI, и XX в.) функционируют в одинаковом контексте с одинаковыми признаками.

Т. Мэй (XXI век): *Because if we don't respond — if we don't take this opportunity to deliver the change people want —* ***resentments will grow.*** */ Потому что, если мы не ответим — если мы не воспользуемся возможностью, чтобы осуществить изменение, которое необходимо людям —* ***возмущение возрастет.***

Г. Кэмпбелл-Баннерман (XX век): *It will be remembered in the years to come as a Budget which began the process of melting down our cast-iron system of Income-tax… / В будущем это вспомнят как бюджетную программу, с которой начался* ***процесс***

плавки нашей отлитой в железе системы *подоходного налога…*

Иногда из общего ряда примеров вычленяются те, которые изменяют привычную парадигму. Ориентационные метафоры со значением «верх», как правило, находят свою реализацию в целой концептосфере архетипично позитивных, положительных для человека понятий. В то время как пространственное значение «низ» выступает антонимом первого. Данные примеры противоречат привычной для анализа точке зрения. В первом случае за счет лексемы *resentment*, которая имеет отрицательную коннотацию, все речевое высказывание приобретает характер негативной формулировки. Во втором случае исходя из перевода становится понятно, что *процесс плавки нашей отлитой в железе системы подоходного налога* — это скорее позитивный момент, который говорит о разрушении устаревших, неактуальных экономических канонов и необходимости изменений.

Т. Мэй (XXI век): *A country that boasts three of* ***the top ten universities*** *in the world. / Страна, которая гордится тремя из* ***десяти лучших университетов*** *мира* (букв. «находящихся на вершине»).

Г. Кэмпбелл-Баннерман (XX век): *…****drive the electors in a fit of disgust back into the fold*** *where for twenty long years they have been shepherded and fleeced. / …****с отвращением повести избирателей обратно в стадо****, где их уже двадцать долгих лет пасут и стригут.*

Отличительной чертой политического выступления является предоставление и ведение различных списков, куда заносятся страны-лидеры. Эти списки формируют огромное поле для реализации ориентационных метафор. В данном случае мы имеем дело с пространственным значением «верх». Выражая целый ряд концептов, такие метафоры служат средством наглядной передачи информации, одновременно выполняя одну из главных функций языка.

В примере из речи Г. Кэмпбелл-Баннермана избиратели сравниваются со стадом овец, которых необходимо пасти и стричь, к которым обладающие властью политики относятся с омерзением. Эта анималистическая метафора подкрепляется ориентационной метафорой с отрицательным зарядом «сзади».

Проанализировав эти примеры, взятые из политического дискурса Великобритании XX и XXI вв., можно говорить о тенденции к повышению роли контекста в придании коннотации тому или иному значению. В некоторых случаях было установлено, что ориентационные метафоры действительно отражают архетипичные значения, описанные многими лингвистами, представленные и в нашей работе, однако также было выявлено, что в зависимости от контекста эти значения могут менять свою коннотацию на противоположную.

Говоря о сходствах и различиях, выявленных при диахроническом анализе ориентационных метафор в политическом дискурсе Великобритании XX и XXI вв., отметим, что для обоих временных отрезков характерны нетипичные репрезентации, идущие вразрез с привычной парадигмой. Например, употребление пространственного значения «низ» для выражения положительных изменений в обществе: *the process of melting down our cast-iron system*, — а также употребление пространственного значения «верх» и «право» для выражения отрицательных концептов: *have given up the right.* Данные приемы характеры для речей политиков, представляющих и консерваторов, и либералов.

Тем не менее в речах либералов стал прослеживаться концепт прошлого, который ранее в работах лингвистов не упоминался: *looking back over the months passed.*

Представленных примеров, конечно, недостаточно, чтобы делать какой-либо однозначный вывод, но, как было сказано выше, мы уже можем судить о формировании контекстуальных значений ориентационных метафор, о сильном влиянии окружающей лексики на окончательное коннотативное значение. Данная работа ведется в рамках комплексного сопоставительного исследования ориентационных метафор британского политического дискурса XX и XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев, Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2010. — № 1 (31). — С. 9—23.

2. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе : моногр. / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. — 216 с. — Текст : непосредственный.

3. Гак, В. Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак. — Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Языки пространств. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 127—135.

4. Кубрякова, Е. С. О понятиях места, предмета и пространства / Е. С. Кубрякова. — Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Языки пространств. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 84—92.

5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — Текст : непосредственный.

6. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — Текст : непосредственный.

7. Паули, Ю. С. Язык политического дискурса как способ формирования политического института / Ю. С. Паули. —

Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 8. — С. 389—391.

8. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская ; Институт лингвистических исследований. — Санкт-Петербург : Наука, 1993. — 152 с. — Текст : непосредственный.

9. Солопова, О. А. Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: исследование моделей будущего в политическом дискурсе / О. А. Солопова. — Челябинск : Изд-во Центр ЮУрГУ, 2013. — 175 с. — Текст : непосредственный.

10. Солопова, О. А. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-Day / О. А. Солопова, А. П. Чудинов. — DOI 10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2018. — Т. 22. — № 2. — С. 313—337.

11. Федосеева, Л. Н. Локативность как одна из важнейших категорий русской лингвокультуры / Л. Н. Федосеева. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2012. — № 2. — С. 43—49.

12. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.

13. BritishPoliticalSpeech. — URL: http://www.britishpoliticalspeech.org/index.htm (date of access: 20.04.2020).

14. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : The University of Chicago Press, 1981. — 242 p. — Text : unmediated.

15. Conservatives.com / The Conservative Party. — URL: http://press.conservatives.com (date of access: 14.04.2020).

16. Landtsheer, Ch. De. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratifi cation Approach / Ch. De Landtsheer. — Text : unmediated // Communication and Cognition. — 1991. — Vol. 24 (3/4). — P. 299—342.

17. Musolff, A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe / A. Musolff. — Palgrave Macmillan, 2004. — 220 p. — Text : unmediated.

18. Political Speech Archive : Over 6,000 speeches on British Politics. — URL: http://www.ukpol.co.uk (date of access: 15.04.2020).

P. P. Dubin
Surgut State University, Surgut, Russia
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *duba39@yandex.ru.*

Spatial Oppositions in the Political Arena of Great Britain

ABSTRACT. *This article is a part of a complex comparative study of orientation metaphors in British political discourse in the early 20th and 21st centuries. The study has been carried out on the basis of official political speeches. The article is based on discrete analysis of spatial metaphors within the periods of 1905-1920 and 2010-2020. These time periods were chosen in order to analyze two ideologically different centuries of political power in Great Britain: the beginning of the 20th century is characterized by the rule of the Liberal party, the beginning of the 21st century is associated with the rule of the Conservative party. The urgency of the article stems from the use of comparative metaphorology as an actively developing area of modern linguistics, the purpose of which is studying mental concepts of the people through the prism of language resources. The purpose of this work is to find out similarities and differences in the use of orientation metaphors by politicians of radically different conservative and liberal ideologies within one-hundred-year period. Since the concepts of orientation metaphors are archetypical, because they are based on spatial orientation of people in this world, they represent a good basis for a study of human mind. Proceeding from the semantic differences of their usage in the political contexts of different periods of time, it is possible to make a conclusion about the national worldview, which, in its turn, may allow the researcher to understand how people's way of thinking changes in the course of a century. The following methods were used to conduct a comparative study and to identify temporal transformations in this article: diachronic analysis, component analysis, linguistic description, continuous sampling, metaphorical modeling, and cognitive-discursive method. The article demonstrates the confrontation and correlation of the meanings of archetypical and variable metaphorical models and analyzes the ideological differentiation of the usage of orientation metaphors. This work might be of interest to Russian and foreign specialists in the field of political metaphorology, cognitive linguists, politology and history.*

KEYWORDS: *conceptual metaphors; political metaphorology; political discourse; metaphorical modeling; metaphorical models; political position; English; concepts; orientation metaphors; comparative linguistics; discrete analysis*.

AUTHOR'S INFORMATION: *Dubin Pavel Pavlovich, Second Year Post-Graduate Student of Surgut State University, Protocol Division Expert, "Surgutneftegas" PJSC, Surgut, Russia*.

FOR CITATION: *Dubin, P P.* Spatial Oppositions in the Political Arena of Great Britain / P. P. Dubin // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 68-76. — DOI.

REFERENCES

1. Budaev, E. V. Political Metaphorology: Perspectives of Comparative Analysis / E. V. Budaev. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2010. — No. 1 (31). — P. 9—23. [Politicheskaya metaforologiya: rakursy sopostavitel'nogo analiza / E. V. Budaev. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2010. — № 1 (31). — S. 9—23]. — (In Rus.)

2. Budaev, E. V. Metaphor in Political Interdiscourse : monograph. / E. V. Budaev, A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2006. — 216 p. — Text : unmediated. [Metafora v politicheskom interdiskurse : monogr. / E. V. Budaev, A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2006. — 216 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Gak, V. G. Space Outside Space / V. G. Gak. — Text : unmediated // Logical Analysis of the Language. Languages of Spaces. — Moscow : Languages of Russian Culture, 2000. — P. 127—135. [Prostranstvo vne prostranstva / V. G. Gak. — Tekst : neposredstvennyy // Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv. — Moskva : Yazyki russkoy kul'tury, 2000. — S. 127—135]. — (In Rus.)

4. Kubryakova, E. S. About the Concepts of Place, Object and Space / E. S. Kubryakova. — Text : unmediated // Logical Analysis of the Language. Languages of Spaces. — Moscow : Languages of Russian Culture, 2000. — P. 84—92. [O ponyatiyakh mesta, predmeta i prostranstva / E. S. Kubryakova. — Tekst : neposredstvennyy // Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv. — Moskva : Yazyki russkoy kul'tury, 2000. — S. 84—92]. — (In Rus.)

5. Karasik, V. I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse / V. I. Karasik. — Volgograd : Change, 2002. — 477 p. —

Text : unmediated. [Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs / V. I. Karasik. — Volgograd : Peremena, 2002. — 477 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

6. Lakoff, J. Metaphors we Lived by : transl. from English / J. Lakoff, M. Johnson ; under the editorship with the foreword of A. N. Baranov. — Moscow : URSS editorial, 2004. — 256 p. — Text : unmediated. [Metafory, kotorymi my zhivem : per. s angl. / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson ; pod red. i s predisl. A. N. Baranova. — Moskva : Editorial URSS, 2004. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

7. Pauli, Yu. S. Language of Political Discourse as a Way of Forming a Political Institution / Yu. S. Pauli. — Text : unmediated // Theory and Practice of Social Development. — 2011. — No. 8. — P. 389—391. [Yazyk politicheskogo diskursa kak sposob formirovaniya politicheskogo instituta / Yu. S. Pauli. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. — 2011. — № 8. — S. 389—391]. — (In Rus.)

8. Sklyarevskaya, G. N. Metaphor in the Language System / G. N. Sklyarevskaya ; Institute of Linguistic Studies. — St. Petersburg : Science, 1993. — 152 p. — Text : unmediated. [Metafora v sisteme yazyka / G. N. Sklyarevskaya ; Institut lingvisticheskikh issledovaniy. — Sankt-Peterburg : Nauka, 1993. — 152 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

9. Solopova, O. A. Cognitive-discursive Retrospection: a Study of Models of the Future in Political Discourse / O. A. Solopova. — Chelyabinsk : Publishing house Center SUSU, 2013. — 175 p. — Text : unmediated. [Kognitivno-diskursivnaya retrospektsiya: issledovanie modeley budushchego v politicheskom diskurse / O. A. Solopova. — Chelyabinsk : Izd-vo Tsentr YuUrGU, 2013. — 175 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

10. Solopova, O. A. Diachronic Analysis of Metaphors in the British Text Corpus: Victory Bells and Russia's V-Day / O. A. Solopova, A. P. Chudinov. — DOI 10.22363 / 2312-9182-2018-22-2-3-313-337. — Text : unmediated // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics. — 2018. — V. 22. — No. 2. — P. 313—337. [Diakhronicheskiy analiz metafor v britanskom korpuse tekstov: kolokola pobedy i Russia's V-Day / O. A. Solopova, A. P. Chudinov. — DOI 10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika. — 2018. — T. 22. — № 2. — S. 313—337]. — (In Rus.)

11. Fedoseeva, L. N. Locativity as One of the Most Important Categories of Russian Linguistic Culture / L. N. Fedoseeva. — Text : unmediated // Bulletin of RUDN. Series: Linguistics. — 2012. — No. 2. — P. 43—49. [Lokativnost' kak odna iz vazhneyshikh kategoriy russkoy lingvokul'tury / L. N. Fedoseeva. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika. — 2012. — № 2. — S. 43—49]. — (In Rus.)

12. Chudinov, A. P. Russia in a Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor (1991—2000) : monograph / Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2001. — 238 p. — Text : unmediated. [Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. — 238 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. BritishPoliticalSpeech. — URL: http://www.britishpolitical speech.org/index.htm (date of access: 20.04.2020).

14. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : The University of Chicago Press, 1981. — 242 p. — Text : unmediated.

15. Conservatives.com / The Conservative Party. — URL: http://press.conservatives.com (date of access: 14.04.2020).

16. Landtsheer, Ch. De. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratifi cation Approach / Ch. De Landtsheer. — Text : unmediated // Communication and Cognition. — 1991. — Vol. 24 (3/4). — P. 299—342.

17. Musolff, A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe / A. Musolff. — Palgrave Macmillan, 2004. — 220 p. — Text : unmediated.

18. Political Speech Archive : Over 6,000 speeches on British Politics. — URL: http://www.ukpol.co.uk (date of access: 15.04.2020).

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55 *ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55* *Код ВАК 10.02.19*
DOI

В. А. Каменева
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8146-9721 ☑

Н. В. Рабкина
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ORCID ID: 0000-0002-6623-6679 ☑

☑ ***E-mail:*** *russia_science@mail.ru; nrabkina@mail.ru.*

Метафорическое моделирование адресата политического дискурса с позиции уровневой референции

АННОТАЦИЯ. *В работе представлены результаты анализа метафоризации политического дискурса в соответствии со стереотипным представлением об адресате. Материалом исследования послужили выступления российских политиков В. И. Матвиенко и Д. А. Медведева 2015—2020 гг.: официальные блоги политиков, интервью, совещания с представителями общественности и политическими деятелями. Методика анализа включала: 1) отбор языкового материала; 2) идентификацию метафор политического дискурса политиков; 3) выявление метафор политического дискурса политиков; 4) выявление доминантных метафор; 5) соотнесение полученных данных; 6) разработку матрицы соотнесения метафор с уровнями развития личности адресата. Показано, что в речи политика среди метафор доминируют те, которые стереотипно соотносимы с актуальным уровнем развития личности адресата. Под стереотипом понимается эмоционально окрашенное, широко распространенное в обществе представление об объекте, функционирующее как схема, с помощью которой идет процесс кодирования и декодирования информации в коммуникации. Обозначены компоненты метафорического моделирования в зависимости от приписываемого стереотипного уровня развития адресата политического дискурса: на уровне физического развития адресата это физиологическая, морбиальная, сексуальная, зооморфная и фитоморфная метафоры, определенный социальный уровень позволяет апеллировать к таким метафорам, как метафора родства, криминальная, милитарная, спортивная, игровая, дома (жилищная), механизма, интеллектуальный уровень допускает обращение к научной метафоре, духовный уровень развития адресата предполагает референцию к сакральной, театральной, кинематографической и живописной метафоре.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс; политическая метафорология; метафорическое моделирование; метафорические модели; политические метафоры; лингвоперсонология; политические деятели; политическая риторика; политические речи.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 5; e-mail: russia_science@mail.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Рабкина Надежда Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и лингвистики, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 5; e-mail: nrabkina@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Каменева, В. А.* Метафорическое моделирование адресата политического дискурса с позиции уровневой референции / В. А. Каменева, Н. В. Рабкина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 77-83. — DOI.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект».

Моделирование адресант-адресатных отношений занимает центральное место в дискурсивных исследованиях современных лингвистов в целом и в политической лингвоперсонологии в частности. Наибольшее внимание уделяется коммуникативным стратегиям, стратегиям текстообразования и лингвокогнитивным средствам, позволяющим создать модель адресата, модель адресанта, модель их устной или письменной интеракции. Наиболее разработанным можно считать моделирование адресанта (коммуницирующей лингвоперсоны) [Галинская 2014; Голев 2012; Демидова 2017; Кишина, Пыхтина 2010; Курьянович 2016; Сухотерина 2017; Цуциева 2012]. Специфика адресата, обусловливающая формирование и функционирование дискурса, лишь недавно стала объектом научных исследований [Бец 2013; Потапова 2018]. До недавнего времени тщательно исследовалась только специфика воздействия дискурса на адресата [Тупикова 2013 и др.], при этом вне пристального научного внимания оставалось то, что личность адресата дискурса, с одной стороны, предопределяет специфику кодирования дискур-

© Каменева В. А., Рабкина Н. В., 2020

са, а с другой, дает ключи к его корректному декодированию. Все вышесказанное определяет новизну и актуальность предпринятого исследования.

Как представляется, один из наиболее информативных ресурсов для моделирования адресата политического дискурса — метафоры, используемые политиком в его профессиональной коммуникации [Каменева 2012; Каменева 2019; Пименова 2012; Пименова 2015]. Известно, что метафоры — важный инструмент познания мира человеком. Они играют ключевую роль в декодировании информации [MacCormac 1985]. Мы воспринимаем и себя, и собеседников с помощью метафор, и метафорами же мы руководствуемся, декодируя поступающую информацию [Lakoff 1980]. «Во всех сферах жизни мы определяем реальность на языке метафор, а затем начинаем действовать в соответствии с ними. Мы выводим следствия, определяем цели, принимаем обязательства, реализуем планы — и все это на основе частичного структурирования опыта, осознанно или неосознанно осуществляемого нами посредством метафор» [Lakoff 1980]. Соответственно, в процессе кодирования информации также невозможно обойтись без метафор.

В данной работе мы выдвигаем гипотезу о том, что политик использует широкий спектр метафор, но доминировать будут только те, которые стереотипно соотносимы с актуальным уровнем развития личности адресата: физическим, интеллектуальным, духовным или социальным.

Стереотип — «механизм категоризации поступающей извне информации» [Quasthoff 1989: 184]. В наш информационный век человек вынужден перерабатывать огромные объемы данных, что делает для него ориентацию в окружающем мире задачей более сложной, чем когда-либо в истории, а стереотипное мышление позволяет несколько упростить и ускорить этот процесс. Когнитивный механизм стереотипирования позволяет делать быстрые выводы на основе шаблонных представлений. Это метонимический процесс, отсекающий определенные качества референта [Lakoff 1987] и позволяющий воспринимать мир упорядоченными категориями [Fowler 1991]. Стереотип в этом смысле выступает как некое автоматизированное средство, регулирующее поступающую информацию и таким образом защищающее сознание от перегрузок [Маслова 1990: 15].

Однако категоризация людей или объектов только по одному признаку нивелирует их индивидуальные черты и зачастую приводит к ложному или предвзятому восприятию реальности [Tannen 1994]. И в этом смысле стереотип можно трактовать как когнитивную категорию или схему восприятия реальности, которая на поверхностном уровне выражается как распространенное мнение о том, что члены определенных социальных групп обладают одинаковыми качествами [Берн 2001: 215—216].

Стереотип рождается в социуме. Это эмоционально окрашенный и устойчивый образ-схема, который выражает привычное отношение человека к какому-либо объекту действительности или явлению, сложившееся под влиянием социального и индивидуального опыта [Тер-Минасова 2000]. Как социальный феномен, стереотип обусловлен социокультурными механизмами [Кирилина 1999]. Стереотип программирует поведение индивида в социуме, и в этом плане стереотип можно трактовать как программу поведения, которая реализуются в поведенческом тексте [Прокудина 2002].

Стереотипы могут быть выражены вербально или же иметь неязыковой характер [Щепанская 1991], фиксируясь семиотическим кодом кинесики или зрительных образов [Кирилина 1999: 97].

Функции стереотипов можно свести к двум основным: регулятивная связана с участием стереотипов в процессе познания, а воздействующая функция направлена на изменение поведения адресата путем коррекции его картины мира [Quasthoff 1989; Tannen 1994].

Принимая во внимание вышеизложенное, под стереотипом будем понимать эмоционально окрашенное, широко распространенное в обществе представление об объекте, функционирующее как схема, с помощью которой идет процесс кодирования и декодирования информации в коммуникации.

Для верификации гипотезы был проведен анализ выступлений российских политиков В. И. Матвиенко и Д. А. Медведева в период с 2015 по 2020 г. Для анализа привлекался материал официальных блогов политиков, интервью, совещаний с различными общественными и политическими деятелями.

Методика анализа включала: 1) отбор языкового материала; 2) идентификацию метафор политического дискурса политиков; 3) выявление метафор политического дискурса политиков; 4) выявление доминантных метафор; 5) соотнесение полученных данных; 6) разработку матрицы соотнесения метафор с уровнями развития личности адресата.

Обратимся к материалу нашего исследования — материалам совещаний, выступлений, официальных блогов политиков за

период с 2019 по 2020 г. (все примеры взяты со следующих интернет-ресурсов: сайта Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, сайта Правительства Российской Федерации и сайта РИА «Новости»).

Анализ политического дискурса В. И. Матвиенко и Д. А. Медведева подтвердил выдвигаемую гипотезу.

Так, рассуждая о работе учителей, В. И. Матвиенко чаще всего прибегает к научной метафоре — средству, стереотипно подходящему для кодирования и декодирования информации текстов, предназначенных для людей данной профессии. Отметим, что под научной метафорой в данной работе понимается метафоричный перенос на сферу-мишень из сферы-источника, включающей различные научные дисциплины: географию, физику, математику, экономику и др. Приведем несколько примеров:

1) *В противном случае он будет неинтересен нынешним ученикам, для которых гаджеты, интернет, плавание по океанам информации — родная стихия* (4.10.2019);

2) *В развитии общеобразовательной школы мы на правильном пути. Напомню, на реализацию национального проекта „Образование“ направляется более 784 млрд рублей, основная их часть — из федерального бюджета* (4.10.2019).

На встрече с деятелями культуры и искусства, занимающими руководящие должности, Д. А. Медведев также отдает предпочтение научной метафоре со сферой-источником из таких научных дисциплин, как география и экономика. Приведем несколько примеров:

1) *Хочу вас проинформировать об одном из решений, которое я специально приготовил и сюда привез. Мы пойдем двумя путями. Первый — мы, безусловно, должны привести в порядок, если говорить о региональных центрах, материальную базу театров* (15.11.2019);

2) *У нас таких театров около 50. И если их привести в порядок, то это будет, по сути, визитная карточка каждого из регионов* (15.11.2019);

3) *Вы же имели в виду, что это совсем штучный продукт, а не просто человек подумал и решил второе образование получить. Ну молодец, пусть он тогда сам планирует это и оплачивает. Но какие-то особые ситуации точно возможны* (15.11.2019).

Как представляется, научная метафора может использоваться в политических текстах, обращенных к адресату, который стереотипно воспринимается как личность, имеющая высокий интеллектуальный уровень развития. К такому стереотипному адресату можно отнести учителей, ученых, деятелей различных областей, занимающих руководящие должности.

По нашему мнению, такие метафоры, как сакральная, театральная, кинематографическая, живописная, могут использоваться для референции к адресату, который в обществе стереотипно воспринимается как личность, имеющая высокое духовное развитие. По нашему мнению, к такому стереотипному адресату можно отнести деятелей культуры и искусства, людей почтенного возраста, как правило, наделяемых такими стереотипными характеристиками, как мудрость, духовное богатство, зрелость суждений. Так, например, в своем официальном блоге В. И. Матвиенко, рассуждая о пожилых людях, обращается к метафоре со сферой-источником «искусство», стереотипно соотносимой с духовным уровнем развития: *Сегодня во многих странах, прежде всего в тех, которые принято называть развитыми, передовыми, картина качественно иная. И связано это с тем, что растущие технологические, экономические, социальные достижения современной цивилизации государство направляет на улучшение жизни пожилых людей* (01.10.2015).

В подробном интервью, которое В. И. Матвиенко дала РИА «Новости», четко определяется адресат — рядовой гражданин, которого волнуют проблемы, связанные со своим благополучием, вопросы, связанные с развитием отдельных отраслей экономики страны, совершенствованием правовой системы страны, взаимоотношениями России с соседними странами и ролью страны на мировой арене. По нашему мнению, данному адресату соответствует приоритет социального уровня развития личности. Как представляется, для кодирования и декодирования политических текстов, предназначенных для указанного адресата, эффективными средствами являются такие метафоры, как семейная метафора (или метафора родства); криминальная; милитарная; спортивная; игровая; жилищная метафора (или метафора дома); механическая метафора (или метафора механизма).

Как показал анализ указанного интервью, В. И. Матвиенко использует широкий спектр метафор, но доминирующей является жилищная. Это можно объяснить понятностью этой сферы — источника метафорической экспансии для данного адресата. Приведем несколько примеров:

1) *За последние восемь лет реально было сделано очень много. Я помню, что поначалу авторитет верхней палаты был, как*

говорится в народе, ниже плинтуса. Каких только ярлыков на нас не навешивали! Мы должны были сделать выводы, и мы их сделали (27.09.2019);

2) *Для нас это был и остается братский народ. Поэтому мы не должны закрывать — я не могу уже сказать „дверь“, но „форточка“ еще осталась, — „форточку возможностей“ в наших отношениях. Мы не должны ее захлопывать. Мы должны проявлять терпение, выдержку, взвешенность и пытаться убеждать новые власти Украины в необходимости жесткого выполнения Минских соглашений* (27.09.2019).

Анализ материала исследования и детальный обзор научных работ, затрагивающих вопросы кодирования и декодирования информации в политическом дискурсе при помощи метафор, позволили сформировать модель, в которой метафоры разделены на группы в зависимости от приписываемого адресату политического дискурса стереотипного уровня развития. Оговоримся, что перечень метафор, соотносимых с четырьмя уровнями развития адресата, не окончательный. Этот перечень требует корректировки после тщательной проработки и проведения исследований на материале выступлений политиков других стран.

Метафорическая модель стереотипного уровня развития адресата политического дискурса:

– уровень физического развития адресата требует референции к таким метафорам, как физиологическая, морбиальная, сексуальная, зооморфная и фитоморфная;

– социальный уровень позволяет апеллировать к следующим метафорам: семейная метафора (метафор родства); криминальная; милитарная; спортивная; игровая; жилищная метафора (метафора дома); механическая метафора (метафора механизма);

– интеллектуальный уровень предполагает обращение к научной метафоре;

– духовный уровень развития адресата требует референции к таким метафорам, как сакральная, театральная, кинематографическая и живописная.

Метафора — не только универсальное средство воздействия на адресата политического дискурса, но и эффективное средство подачи информации, позволяющее политическому деятелю очень точно подбирать понятные и привычные сферы-источники метафорической экспансии, объясняя сложные политические процессы и явления для адресата понятным ему языком.

ИСТОЧНИКИ

1. Сайт Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. — URL: http://council.gov.ru. — Текст : электронный.

2. Сайт Правительства Российской Федерации. — URL: http://government.ru.

3. РИА «Новости». — URL: https://ria.ru/20190927/1559204546.html. — Текст : электронный.

ЛИТЕРАТУРА

4. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. — 2-е изд. — Москва : Олма-Пресс, 2001. — 320 с. — Текст : непосредственный.

5. Бец, М. В. Роль языковой личности в процессе организации виртуальной коммуникации в рамках информационно-дискуссионного портала NEWSLAND / М. В. Бец. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2013. — № 25. — С. 247—252.

6. Галинская, Т. Н. Корпусный подход в реконструкции медиаобраза языковой личности политика / Т. Н. Галинская. — Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2014. — № 2 (30). — С. 114—124.

7. Голев, Н. Д. Некоторые аспекты типологии языковой личности (к проблеме взаимоотношения языкового и персонного пространства) / Н. Д. Голев. — Текст : непосредственный // Коммуникация. Мышление. Личность : материалы Международной научной конференции, посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. — 2012. — С. 499—516.

8. Демидова, Д. Г. Понятие национальной идентичности в политическом дискурсе Великобритании (на материале текстов публичных выступлений парламентариев-консерваторов в 2010—2016 годах) / Д. Г. Демидова. — Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные знания. — 2017. — Т. 3. — № 1. — С. 76—80.

9. Каменева, В. А. Доминантные сферы-источники метафорической экспансии в речах Б. Обамы / В. А. Каменева, А. А. Перевалова. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 17 (271). — С. 80—86.

10. Каменева, В. А. Оценочные метафоры предвыборного дискурса (лингвоперсонологический подход) / В. А. Каменева, Е. А. Иванова. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2019. — № 6 (428). — С. 63—70.

11. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. — Москва : Ин-т социологии РАН, 1999. — 189 с. — Текст : непосредственный.

12. Кишина, Е. В. Речевой портрет регионального журналиста (по материалам кузбасских СМИ) / Е. В. Кишина, Т. Л. Пыхтина. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2010. — № 2 (42). — С. 99—102.

13. Курьянович, А. В. Эпистолярно-медийная языковая личность как HOMO VERBO AGENS, или Человек, действующий словом / А. В. Курьянович. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2016. — № 10 (175). — С. 41—47.

14. Маслова, Е. В. Сознание и бессознательное и их роль в психической деятельности человека : автореф. дис. … канд. филос. наук : спец. 09. 00. 01 / Маслова Е. В. ; Моск. гос. ун-т. — Москва, 1990. — 20 с.

15. Пименова, М. В. Власть и политика: метафоры в дискурсе СМИ / М. В. Пименова. — Текст : непосредственный // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. — 2012. — № 17. — С. 147—153.

16. Пименова, М. В. Модели политических метафор в дискурсе СМИ 2005 года / М. В. Пименова. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2015. — № 1 (17). — С. 51—61.

17. Потапова, Н. В. Вариативность структуры англоязычных новостных электронных гипотекстов в зависимости от возраста целевой аудитории / Н. В. Потапова, В. А. Каменева. — Текст : непосредственный // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2018. — № 2. — С. 113—120.

18. Прокудина, О. Н. Гендерный дискурс — анализ речевых стратегий женской языковой личности: (на материале русской и английской диалогической речи) : автореф. дис. …

канд. филол. наук : спец. 10. 02. 19 / Прокудина О. Н. ; Кемер. гос. ун-т. — Кемерово, 2002. — 19 с.
19. Сухотерина, Т. П. Лингвоперсонема автора текстов экстремистского содержания / Т. П. Сухотерина, А. С. Кузнецова. — Текст : непосредственный // Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия : материалы Международной научной конференции / под ред. А. П. Чудинова, Сунь Юйхуа. — 2017. — С. 175—177.
20. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово, 2000. — 261 с. — Текст : непосредственный.
21. Тупикова, А. М. Идеологическая деконструкция немецкоязычной рекламы для детей с позиции гендерного стереотипизирования / А. М. Тупикова, В. А. Каменева. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2013. — № 2-2 (54). — С. 178—183.
22. Цуциева, М. Г. Изучение дискурса языковой личности политика в аспекте лингвоперсонологии / М. Г. Цуциева. — Текст : непосредственный // Научное мнение. — 2013. — № 12. — С. 116—120.
23. Щепанская, Т. Б. Женщина, группа, символ : (на материале молодежной субкультуры) / Т. Б. Щепанская. — Текст : непосредственный // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. — Санкт-Петербург : Наука, 1991. — С. 17—29.
24. Fowler, R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press / R. Fowler. — London ; New-York : Routledge, 1991. — 254 p. — Text : unmediated.
25. Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. — Chicago : Chicago University Press, 1987. — 614 p. — Text : unmediated.
26. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1980. — 242 p. — Text : unmediated.
27. MacCormac, E. R. A Cognitive Theory of Metaphor / E. R. MacCormac. — Cambridge, Mass. : MIT Press, 1985. — 254 p. — Text : unmediated.
28. Quasthoff, U. M. Social Prejudice as a Recourse of Power / U. M. Quasthoff // Language, Power and Ideology // R. Wodak (eds.). — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamin Pub. Co., 1989. — P. 181—196. — Text : unmediated.
29. Tannen, D. Gender and Discourse / D. Tannen. — New York : Oxford University Press, 1994. — 203 p. — Text : unmediated.

V. A. Kameneva
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8146-9721 ☑

N. V. Rabkina
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6623-6679 ☑

☑ ***E-mail:*** *russia_science@mail.ru; nrabkina@mail.ru.*

Metaphorical Modeling of the Recipient of Political Discourse from the Position of Level-Based Reference

ABSTRACT. *The article presents the results of an analysis of metaphorization of political discourse in accordance with the stereotypical vision of the addressee. The research material includes speeches of the Russian politicians V. I. Matvienko and D. A. Medvedev in 2015 – 2020: official blogs of the politicians, interviews, meetings with representatives of various social groups and with political leaders. The complex method includs: 1) selection of language material; 2) identification of the political discourse metaphors of the politicians; 3) detection of the political discourse metaphors of the politicians; 4) detection of the dominant metaphors; 5) comparison of the data obtained; 6) design of the matrix of comparison of metaphors with the levels of development of the addressee's personality. The article shows that in the politician's speech, there dominate the metaphors which can be stereotypically coordinated with the real level of development of the addressee's personality. The stereotype is interpreted as an emotionally colored, widely known image of an object, functioning as a scheme, with the help of which the process of information encoding and decoding takes place in communication. The authors outline the components of metaphorical modeling in accordance with the predicted stereotypical level of development of the political discourse addressee: on the level of physical development of the addressee, it can be a physiological, morbial, sexual, zoomorph and phytomorph metaphor. A certain social level allows appealing to such metaphors as kinship, criminal, military, sport, game, home and mechanism metaphors. The intellectual level admits of the use of the scientific metaphor; and the spiritual level of development of the addressee allows reference to the sacred, theater, cinema and painting metaphor.*

KEYWORDS: *political discourse; political metaphorology; metaphorical modeling; metaphorical models; political metaphors; linguopersonology; politicians; political rhetoric; political speeches.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kameneva Veronika Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance-Germanic Philology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Rabkina Nadezhda Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Translation Studies and Linguistics, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

FOR CITATION: *Kameneva, N. V.* Metaphorical Modeling of the Recipient of Political Discourse from the Position of Level-Based Reference / V. A. Kameneva, N. V. Rabkina // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 77-83. — DOI.

ACKNOWLEDGMENTS. Research has been accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within scientific project No. 19-012-00522 «Legitimization in Political Discourse: A Linguopersonological Approach».

MATERIALS

1. Website of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. — URL: http://council.gov.ru. — Text: electronic. [Sayt Soveta Federatsii Federal'nogo sobraniya Rossiyskoy Federatsii]. — URL: http://council.gov.ru. — (In Rus.)

2. Website of the Government of the Russian Federation. — URL: http://government.ru. [Sayt Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii]. — (In Rus.)

3. RIA "News". [RIA «Novosti»]. — URL: https://ria.ru/20190927/1559204546.html. — Text : electronic. — (In Rus.)

REFERENCES

4. Bern, S. Gender Psychology / S. Bern. — 2nd ed. — Moscow : Olma-Press, 2001. — 320 p. — Text : unmediated. [Gendernaya psikhologiya / Sh. Bern. — 2-e izd. — Moskva : Olma-Press, 2001. — 320 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

5. Bets, M. V. The Role of the Linguistic Personality in the Process of Organizing Virtual Communication in the Framework of the Information and Discussion Portal NEWSLAND / M. V. Bets. — Text : unmediated // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. — 2013. — No. 25. — P. 247—252. [Rol' yazykovoy lichnosti v protsesse organizatsii virtual'noy kommunikatsii v ramkakh informatsionno-diskussionnogo portala NEWSLAND / M. V. Bets. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. — 2013. — № 25. — S. 247—252]. — (In Rus.)

6. Galinskaya, T. N. The Corpus Approach in the Reconstruction of the Media Image of the Linguistic Personality of a Politician / T. N. Galinskaya. — Text : unmediated // News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanitarian Sciences. — 2014. — No. 2 (30). — P. 114—124. [Korpusnyy podkhod v rekonstruktsii mediaobraza yazykovoy lichnosti politika / T. N. Galinskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki. — 2014. — № 2 (30). — S. 114—124]. — (In Rus.)

7. Golev, N. D. Some Aspects of the Typology of a Linguistic Personality (to the Problem of the Relationship Between Linguistic and Personal Space) / N. D. Golev. — Text : unmediated // Communication. Thinking. Personality : materials of the International Scientific Conference Dedicated to the Memory of Professors I. N. Gorelov and K. F. Sedov. — 2012. — P. 499—516. [Nekotorye aspekty tipologii yazykovoy lichnosti (k probleme vzaimootnosheniya yazykovogo i personnogo prostranstva) / N. D. Golev. — Tekst : neposredstvennyy // Kommunikatsiya. Myshlenie. Lichnost' : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professorov I. N. Gorelova i K. F. Sedova. — 2012. — S. 499—516]. — (In Rus.)

8. Demidova, D. G. The Concept of National Identity in the Political Discourse of Great Britain (based on the texts of public speeches of conservative parliamentarians in 2010—2016) / D. G. Demidova. — Text : unmediated // Social and Humanitarian Knowledge. — 2017. — Vol. 3. — No. 1. — P. 76—80. [Ponyatie natsional'noy identichnosti v politicheskom diskurse Velikobritanii (na materiale tekstov publichnykh vystupleniy parlamentarievkonservatorov v 2010—2016 godakh) / D. G. Demidova. — Tekst : neposredstvennyy // Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya. — 2017. — T. 3. — № 1. — S. 76—80]. — (In Rus.)

9. Kameneva, V. A. Dominant Spheres-sources of Metaphorical Expansion in the Speeches of B. Obama / V. A. Kameneva, A. A. Perevalova. — Text : unmediated // Bulletin of Chelyabinsk State University. — 2012. — No. 17 (271). — P. 80—86. [Dominantnye sfery-istochniki metaforicheskoy ekspansii v rechakh B. Obamy / V. A. Kameneva, A. A. Perevalova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2012. — № 17 (271). — S. 80—86]. — (In Rus.)

10. Kameneva, V. A. Evaluation Metaphors of Pre-election Discourse (Linguistic-personal Approach) / V. A. Kameneva, E. A. Ivanova. — Text : unmediated // Bulletin of Chelyabinsk State University. — 2019. — No. 6 (428). — P. 63—70. [Otsenochnye metafory predvybornogo diskursa (lingvopersonologicheskiy podkhod) / V. A. Kameneva, E. A. Ivanova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2019. — № 6 (428). — S. 63—70]. — (In Rus.)

11. Kirilina, A. V. Gender: Linguistic Aspects / A. V. Kirilina. — Moscow : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 1999. — 189 p. — Text : unmediated. [Gender: lingvisticheskie aspekty / A. V. Kirilina. — Moskva : In-t sotsiologii RAN, 1999. — 189 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

12. Kishina, E. V. Speech Portrait of a Regional Journalist (based on materials from the Kuzbass mass media) / E. V. Kishina, T. L. Pykhtina. — Text : unmediated // Bulletin of the Kemerovo State University. — 2010. — No. 2 (42). — P. 99—102. [Rechevoy portret regional'nogo zhurnalista (po materialam kuzbasskikh SMI) / E. V. Kishina, T. L. Pykhtina. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2010. — № 2 (42). — S. 99—102]. — (In Rus.)

13. Kur'yanovich, A. V. Epistolary-media Linguistic Personality as HOMO VERBO AGENS, or the Person Acting with the Word / A. V. Kuryanovich. — Text : unmediated // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. — 2016. — No. 10 (175). — P. 41—47. [Epistolyarno-mediynaya yazykovaya lichnost' kak HOMO VERBO AGENS, ili Chelovek, deystvuyushchiy slovom / A. V. Kur'yanovich. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. — 2016. — № 10 (175). — S. 41—47]. — (In Rus.)

14. Maslova, E. V. Consciousness and the Unconscious and Their Role in Human Mental Activity : synopsis of thesis ... of cand. of Philos. Sciences : special. 09.00.01 / Maslova E. V. ; Moscow State Univ. — Moscow, 1990. — 20 p. [Soznanie i bessoznatel'noe i ikh rol' v psikhicheskoy deyatel'nosti cheloveka : avtoref. dis. … kand. filos. nauk : spets. 09. 00. 01 / Maslova E. V. ; Mosk. gos. un-t. — Moskva, 1990. — 20 s.]. — (In Rus.)

15. Pimenova, M. V. Power and Politics : Metaphors in the Media Discourse / M. V. Pimenova. — Text : unmediated // Linguistic Paradigm : Theoretical and Applied Aspects. — 2012. — No. 17. — P. 147—153. [Vlast' i politika: metafory v diskurse SMI / M. V. Pimenova. — Tekst : neposredstvennyy // Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty. — 2012. — № 17. — S. 147—153]. — (In Rus.)

16. Pimenova, M. V. Models of Political Metaphors in the Media Discourse of 2005 / M. V. Pimenova. — Text : unmediated // Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics. — 2015. — No. 1 (17). — P. 51—61. [Modeli politicheskikh metafor v diskurse SMI 2005 goda / M. V. Pimenova. — Tekst : neposredstvennyy // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. — 2015. — № 1 (17). — S. 51—61]. — (In Rus.)

17. Potapova, N. V. Variability of the Structure of English-language News Electronic Hypotheses Depending on the Age of the Target Audience / N. V. Potapova, V. A. Kameneva. — Text : unmediated // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. — 2018. — No. 2. — P. 113—120. [Variativnost' struktury angloyazychnykh novostnykh elektronnykh gipotekstov v zavisimosti ot vozrasta tselevoy auditorii / N. V. Potapova, V. A. Kameneva. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. — 2018. — № 2. — S. 113—120]. — (In Rus.)

18. Prokudina, O. N. Gender Discourse — Analysis of the Speech Strategies of a Female Linguistic Personality: (based on Russian and English dialogical speech) : synopsis of thesis of ... cand. of Philol. Sciences : special. 10.02.19 / Prokudina O. N. ; Kemerov State Univ. — Kemerovo, 2002. — 19 p. [Gendernyy diskurs — analiz rechevykh strategiy zhenskoy yazykovoy lichnosti: (na materiale russkoy i angliyskoy dialogicheskoy rechi) : avtoref. dis. … kand. filol. nauk : spets. 10. 02. 19 / Prokudina O. N. ; Kemer. gos. un-t. — Kemerovo, 2002. — 19 s.]. — (In Rus.)

19. Sukhoterina, T. P. Linguopersonema of the Author of Texts of Extremist Content / T. P. Sukhoterina, A. S. Kuznetsova. — Text : unmediated // One Belt — One Way. Linguistics of Interaction : materials of the International Scientific Conference / ed. A. P. Chudinova, Sun Yuhua. — 2017. — P. 175—177. [Lingvopersonema avtora tekstov ekstremistskogo soderzhaniya / T. P. Sukhoterina, A. S. Kuznetsova. — Tekst : neposredstvennyy // Odin poyas — odin put'. Lingvistika vzaimodeystviya : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / pod red. A. P. Chudinova, Sun' Yuykhua. — 2017. — S. 175—177]. — (In Rus.)

20. Ter-Minasova, S. G. Language and Intercultural Communication / S. G. Ter-Minasova. — Moscow : Slovo, 2000. — 261 p. —

Text : unmediated. [Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya / S. G. Ter-Minasova. — Moskva : Slovo, 2000. — 261 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

21. Tupikova, A. M. Ideological Deconstruction of German-language Advertising for Children from the Perspective of Gender Stereotyping / A. M. Tupikova, V. A. Kameneva. — Text : unmediated // Bulletin of the Kemerovo State University. — 2013. — No. 2-2 (54). — P. 178—183. [Ideologicheskaya dekonstruktsiya nemetskoyazychnoy reklamy dlya detey s pozitsii gendernogo stereotipizirovaniya / A. M. Tupikova, V. A. Kameneva. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2013. — № 2-2 (54). — S. 178—183]. — (In Rus.)

22. Tsutsieva, M. G. The Study of the Discourse of the Linguistic Personality of a Politician in the Aspect of Linguopersonology / M. G. Tsutsieva. — Text : unmediated // Scientific Opinion. — 2013. — No. 12. — P. 116—120. [Izuchenie diskursa yazykovoy lichnosti politika v aspekte lingvopersonologii / M. G. Tsutsieva. — Tekst : neposredstvennyy // Nauchnoe mnenie. — 2013. — № 12. — S. 116—120]. — (In Rus.)

23. Shchepanskaya, T. B. Woman, Group, Symbol: (based on the material of the youth subculture) / T. B. Schepanskaya. — Text : unmediated // Ethnic Stereotypes of Male and Female Behavior. — St. Petersburg : Science, 1991. — P. 17—29. [Zhenshchina, gruppa, simvol : (na materiale molodezhnoy subkul'tury) / T. B. Shchepanskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya. — Sankt-Peterburg : Nauka, 1991. — S. 17—29]. — (In Rus.)

24. Fowler, R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press / R. Fowler. — London ; New-York : Routledge, 1991. — 254 p. — Text : unmediated.

25. Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. — Chicago : Chicago University Press, 1987. — 614 p. — Text : unmediated.

26. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1980. — 242 p. — Text : unmediated.

27. MacCormac, E. R. A Cognitive Theory of Metaphor / E. R. MacCormac. — Cambridge, Mass. : MIT Press, 1985. — 254 p. — Text : unmediated.

28. Quasthoff, U. M. Social Prejudice as a Recourse of Power / U. M. Quasthoff // Language, Power and Ideology // R. Wodak (eds.). — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamin Pub. Co., 1989. — P. 181—196. — Text : unmediated.

29. Tannen, D. Gender and Discourse / D. Tannen. — New York : Oxford University Press, 1994. — 203 p. — Text : unmediated.

УДК 811.161.1'42:811.161'38
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.01; 10.02.19*
DOI

Н. А. Купина
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-4154-7323 ☑

Ю. Б. Пикулева
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1948-3594 ☑

☑ ***E-mail:*** *natalia_kupina@mail.ru, pik@bk.ru.*

Аксиологическое содержание внутрисемейных разговоров о политике

АННОТАЦИЯ. *В статье исследуются записанные в 2018—2019 гг. внутрисемейные разговоры о политике. Коммуниканты, с разрешения которых осуществлены записи, — открыто выражающие гражданскую позицию жители Екатеринбурга, состоящие в отношениях родства: пенсионеры (в недавнем прошлом рабочий, работница и инженер), представители среднего поколения (рабочий, школьный учитель, преподаватель вуза). Объект анализа — аксиологическое содержание фрагментов диалогического и полилогического взаимодействия, характеризующихся тематической определенностью. В центре внимания коммуникативных партнеров — факты и события внутренней и внешней политики. Взвешенное и одновременно неравнодушное отношение к политической действительности позволяет сделать вывод о том, что политика становится органической составляющей аксиологии повседневности. В соответствии с целевой установкой, направленной на выявление и обобщение аксиологических ориентиров, определяющих отношение российских граждан к политике, для специального лингвоаксиологического анализа выделяются номинации базовых ценностей, оценочные слова и словосочетания,* **я**-*высказывания, транслирующие аксиологические установки и суждения о политике. Установлено, что рационально-аналитический подход к советскому прошлому и постсоветскому настоящему, реалистическое отношение к законодательным инициативам сочетаются с ментально заданными эмоциональными реакциями, гиперболизацией последствий внешнеполитических событий. В ходе анализа выделены «руководящие» ценности:* ***человек***, ***семья***, ***дети***, ***работа****; базовые ценности, составляющие основу социально ориентированной политики (экономической, энергетической, демографической):* ***справедливость***, ***качество жизни***, ***трудовая солидарность***, ***гражданская активность****; собственно политические ценности:* ***гражданский долг***, ***стабильность***, ***независимость***, ***обороноспособность***, ***опережающее развитие страны***, ***многополярный мир.*** *Не подавляет чувства гражданской общности выявленная тенденция к усилению персонализма.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *аксиологический выбор; аксиология повседневности; гражданский долг; общие идеи; персонализм; разговоры о политике; риторика; устная речь; жители городов.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Купина Наталия Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, каб. 312; e-mail: natalia_kupina@mail.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Пикулева Юлия Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, каб. 312; e-mail: pik@bk.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Купина, Н. А.* Аксиологическое содержание внутрисемейных разговоров о политике / Н. А. Купина, Ю. Б. Пикулева // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 84-93. — DOIXXXXXXXXXXXXXX.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382/18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города».

Современный политический язык не является самостоятельной функциональной разновидностью общелитературного языка, хотя и располагает системой маркированных средств, предназначенных для обозначения и оценки реалий, связанных с деятельностью государственной власти, партийным строительством, внутренними проблемами страны и регионов, а также международными отношениями. Новости политики активно обсуждаются не только в СМИ — «едва ли не каждый гражданин страны стремится осмыслить российскую социальную действительность» [Чудинов 2001: 6] и события международного значения. Обвальная деполитизация тоталитарного языка советской эпохи [Мокиенко 1998], сформировавшего коллективное «дисциплинированное мышление» [Клемперер 1998: 243], способствовала освобождению «**я** аксиологического», обусловила особую «комбинацию ценностей как составляющих сознание отдельного субъекта» [Гайда 2016: 19].

© Купина Н. А., Пикулева Ю. Б., 2020

Независимая политическая позиция, субъективные оценки, которые говорящий свободно вербализует в доверительном межличностном общении, по понятным причинам остаются за пределами непосредственного объекта политической лингвистики. Представляется, что при условии разграничения политических текстов [См.: Теория и методика лингвистического анализа политического текста 2016] и текстов о политике целесообразно изучать последнюю разновидность для выявления особенностей отражения политических событий в обыденном сознании.

В статье анализируются расшифрованные аудиозаписи разговоров родственников, связанных ощущением органической семейной близости, которая поддерживается многолетними коммуникативными контактами, взаимопомощью, неформальным участием в жизни друг друга, бережным сохранением памяти об умерших (семейный архив включает документы, дневники, письма, фотографии). Общий объем записей, сделанных в 2018—2019 гг. с разрешения информантов, — около 10 часов.

Диалоги и полилоги характеризуются свойственной разговорной речи политематичностью: «< > доминируют темы, связанные с информированием … о жизни и делах друг друга» [Байкулова 2014: 14], однако не остаются без внимания текущие политические события. Непосредственный объект исследования — «ценностные тематические фрагменты, в которых оценивание направлено на внекоммуникативное содержание разговора» [Матвеева 2018: 94]. Специально выделяются реплики и двуреплики, задающие обсуждение актуальных политических вопросов.

Участники диалогов и полилогов — жители Екатеринбурга: **А.** — женщина, 42 года, преподаватель вуза; **П.** — отец **А.,** 68 лет, пенсионер, в недавнем прошлом рабочий завода; **М.** — мать **А.,** 68 лет, пенсионерка, в недавнем прошлом инженер-конструктор; **Т.** — тетя **А.,** сестра **П.,** 66 лет, пенсионерка, в недавнем прошлом работница фабрики; **С.** — двоюродная сестра **А.,** племянница **М.,** 32 года, учитель средней школы; **Н.** — двоюродный брат **А.,** племянник **М.,** 38 лет, рабочий комбината.

В беседах, непременной участницей которых является **А.,** выражают свое отношение к политической жизни представители старшего поколения, пенсионеры, трудовая жизнь которых была связана с заводами и фабриками Екатеринбурга, а также представители среднего поколения: рабочий, учитель, преподаватель вуза. «Субъектно-субъектный» принцип кооперативного диалогического взаимодействия [См.: Винокур 1993: 160], которого придерживаются коммуниканты, обеспечивает свободную реализацию права на выражение личной позиции, толерантное отношение к противоположной точке зрения.

Для пенсионеров главным источником информации о политических событиях являются телевизионные передачи. Телевизор, вытеснивший печатную прессу, не выключают даже на даче. Политика становится органической составляющей аксиологии повседневности:

А. *Ты газеты вообще сто лет не читал //*

П. *Да зачем газеты? Целый день эта политика //*

А. *А-а / ну понятно //*

М. *Мы вообще не выключаем телевизор //*

П. *У меня и здесь идет / и там идет //*

М. *Я на огороде заскочила тут / все новости узнала / опять убежала //*

А. *Погружены в процесс?*

М. *Не отстаем от жизни / обсуждаем //*

Освещение политических новостей телеведущими воспринимается критически. Осуждается излишняя пафосность и тенденциозность. Эти оценки, как свидетельствует разговор **А.** с матерью, разделяют работающие люди среднего возраста:

М. *Мы «Россию 1» смотрим //*

А. *О-о-о…*

М. *Там Скобеева с Поповым только что //*

А. *О боже!*

М. *Ещё это / потом…*

А. *Истерят в очередной раз?*

М. *Соловьев потом сразу //*

А. *О боже! Ещё один //*

В достоверности политической информации и объективности ее освещения сомневаются пользователи Интернета — учитель школы (**С.**) и вузовский преподаватель (**А.**):

С. *… а ты понимаешь / что в Интернете / ну опять же одну и ту же информацию можно подать / и с позитивом и с негативом // То есть он* (о муже **С.**) *нашел такую // Нуу не знаю /*

А. (перебивает) *информацию / просто Интернет подкидывает такие же информации // Они же понимают / там же анализатор-то / стоит.*

С недоумением оценивает **С.** идеологическую позицию мужа, который, будучи активным пользователем Интернета, увлекся идеями сторонников оппозиционера А. Навального:

С. *Он видишь / как-то / ведётся на / всяких вот этих Навальных там и так далее / прямо серьёзно ведется // При том что как бы ну* (подбирает слова) *// Если сейчас всё поломать / и заново пытаться строить / будет ещё хуже / по моему пониманию //*

А. *Ну //*

С. *А ему как бы / а он вот эти вот как бунтарство / как отец вот его / как отец //*

А. *Угу //*

С. *Сам себя накручивает // Боюсь чтобы он каким-нибудь диагнозом не закончил из-за этого / потому что / ему это не нравится / это не нравится / то не нравится / всё не нравится // Вот // Такая вот штука //*

А. *Ну да //*

Бунт, разрушение исключаются из системы персональных ценностей. «Опыт очевидности» [Ильин 1994, т. 3: 500; 543], основанный на аналитическом подходе к недавнему историческому прошлому и проживаемому настоящему, мотивирует аксиологический выбор ***политической стабильности***. Для **С.** не характерно приукрашивание действительности. Она четко формулирует ценностную установку: *Если сейчас всё поломать / и заново пытаться строить / будет ещё хуже.* Непродуктивным, с ее точки зрения, является политический радикализм: уничижительная маркированность сопровождает употребление имени собственного в форме множественного числа (*Навальные*). Отторгаемое *бунтарство* понимается как наследственная черта характера (*он … как отец вот его / как отец*), которая чревата психическими отклонениями (*Боюсь чтобы он каким-нибудь диагнозом не закончил из-за этого*). Аксиологические предпочтения — следствие независимого взгляда на внутриполитическую ситуацию. В рассуждениях **С.** проявляются «три основные характеристики ценностей — их смысловая природа, мотивационная обусловленность и ориентационный вектор» [Карасик 2019: 7].

Отличительная черта персонального восприятия политической действительности — вербальные «формы проявления национальной ментальности» [Колесов 2006: 437]. Как личная драма воспринимаются недружественные отношения между Россией и Украиной, способствующие возникновению межличностного разлада. Некоторые из родственников (в их числе двоюродная сестра **А.** и **Н.** Татьяна) являются гражданами Украины. Судьба родных, проживающих в соседней стране, не безразлична россиянам вообще и в частности **Н.** — 38-летнему уральскому рабочему. Фрагмент диалогизированного монолога, который приводится ниже, содержит не только прямооценочные номинации, но и эмоционально-экспрессивную лексику, свидетельствующую о душевных переживаниях **Н.** Ср.: *не люблю, не нравится, очень неприятно* и *очень переживаю, прям на нервах, нервничаю, обида берет, я в шоке был, меня напрягло*. Эмоциональное напряжение связано с разным пониманием родственниками позиций России и Украины в газовом конфликте. Характерно, что и **Н.,** и Татьяна отстаивают «позицию коллективной личности» [Бахтин 1979: 159]. Сквозной является оппозиция ***мы — они***, способствующая охлаждению межличностных родственных отношений:

Ю. *Давай за политику поговорим //*

Н. *А чо за политику / за политику поговорим? // Чо / чо поговорить за политику? //* (вздыхает) *Не люблю предателей // Хохлов / те которые / <неразб.> посчитали нас за ненужных // Их / для них / для них всё постаралися сделать / знаешь // А они ведут себя / как будто мы ничего им там не даём // Вот это мне не нравится //* (вздыхает) *Очень переживаю за это дело // Прям на нервах / вот реально / нервничаю что-то // Я не боюсь что там знаешь что-то / ни войны / не боюсь там / ничего // А вот именно / обида берёт за людей // Ребята / мы же с вами так жили хорошо! Постоянно всё для вас // Родня смотрит / блин / родня / родня отвернулась // Это что такое? Я вообще в шоке был вот // Татьяна // Меня конечно напрягло в свое время когда она / приехала и сказала // А почему вы газ нам так дорого продаете? Я ей тогда ответил / Татьяна / Ты извини // Мы за газ платим дороже чем вы // Мы дороже покупаем газ здесь / а вы еще хотите / чтобы мы его вам дарили что ли? Она похоже этого так и не поняла.*

Использование неофициального этнонима (*хохлы*) мотивировано категорическим неприятием предательства, которое, как полагает **Н.,** проявляется в демонстративном дистанцировании украинцев от россиян (*посчитали нас за ненужных*), в очевидной меркантильности (***они*** *ведут себя / как будто* ***мы*** *ничего им там не даем*). Крик души (*Ребята / мы же с вами так жили хорошо!*) таит надежду на возрождение братских контактов, органичных в недавнем прошлом.

Аргументация правоты российской стороны основана на ощущении несправедливости (*Мы за газ платим дороже чем вы // Мы дороже покупаем газ здесь / а вы еще хотите / чтобы мы его вам дарили что ли?*). **Н.** чувствует себя причастным к энергетической политике страны. Он понимает, что

щедрость (хотя Россия и щедрая душа) имеет определенные пределы. Разумные доводы, однако, не убеждают двоюродную сестру (*Она похоже этого так и не поняла*). Близкие люди стали заложниками большой политической игры (*родня отвернулась*), а разобщение родных страшнее войны (*войны не боюсь*). Именно ***семья*** — большая и дружная — мыслится в идеале как не подлежащая разрушению базовая ценность.

Н. — сознательный гражданин, признающий иерархию ценностей. Выше блага личного оказывается обороноспособность страны, ее могущество и превосходство. Инновации, опережающее развитие, мощное вооружение — вот что определяет чувство гордости за свое отечество. Оправдывая государственную политику в целом, он в то же время возражает против *резкого* повышения налогов, ибо общенародной ценностью остается ***качество жизни***:

Н. <…> *Мне не нравится / что у нас налоги подняли // Но мне нравится политика наша // Хотя я прекрасно понимаю / что эти налоги им надо было поднять просто / для того чтобы элементарно / обороноспособность поднять // Нужны деньги все равно на многое // То есть мы столько лет молчали / столько лет ничего не делали / ничего не предпринимали // Двадцать лет мы грубо говоря / сидели и хвастались старьём // нашим старым вооружением / старыми / историческими фактами / которые / практически все уже забылись // Гордилися вот этим вот / сейчас надо както… просто я / мне не понравилось / как все это резко происходит // Я считаю так / что надо / прежде чем налоги поднимать нужно поднять уровень жизни / чтоб у человека уровень жизни остался на прежнем уровне //*

Задача государства, с точки зрения **Н.,** — наращивать мощь страны, не снижая *уровня жизни* людей. Лексема *человек* выступает как аксиологема — концепт, «который воспринимается носителями языка (точнее лингвокультуры) как абсолютная ценность» [Кретов, Стародубцева 2016: 140]. **Я**-высказывания оформлены как аксиологические суждения патриота России, который гордится ее достижениями, но считает себя вправе критически относиться к имеющимся перегибам.

Отрицательно, хотя и не без иронии, члены семьи относятся к пенсионной реформе и ее освещению в СМИ. Собравшись на даче, они дружно обсуждают социальный аспект актуальной проблемы. «Языковая рефлексия» [Вепрева 2002] обнаруживает общность в оценках:

А. *Сейчас начались передачи все / настолько оправдывающие эту реформу пенсионную //*

Все. *О-о-о…*

Т. *Долбят нам //*

А. (передразнивает героя телепередачи) *Я же / да мне же дали пенсию по старости / я же чувствую себя оскорбленной что меня назвали «по старости» //*

М. *Мы тоже хохотали / но мы радовались //*

А. (перебивает) *Дайте деньги / назовите как угодно // Дайте деньги* (смеется) */ смешные //*

Т. *Если бы они давали //*

А. *Это…*

Т. (продолжает фразу) *нам пенсию двадцать пять тысяч / я бы согласилася.*

Пропагандистские технологии (*долбят нам*), манипулятивная игра номинированными концептуальными смыслами (*старость, деньги, пенсия*) вызывает аксиологическое сопротивление.

Не понаслышке знающие, что значит ***полный рабочий день***, ***самоотверженный труд***, ***зарплата бюджетника***, мыслящие люди высмеивают беспомощную агитацию, открыто выражают трудовую солидарность с работающими на заводах, в шахте, в учебных заведениях, больницах. ***Почему люди работают?*** Фальшивым признается ответ на поставленный вопрос, преувеличивающий значимость увлеченности работой, погруженности в процесс и акцентирующий несущественность для профессионала фактора денежного вознаграждения. Аксиологическую маркированность получает вербализованное в полилоге сопоставление (*Денег не хватает — Потребность у них* (работающих) *такая / вкалывать*), в границах которого формируется коллективная точка зрения.

М. *Люди работают из-за того что…*

А. *денег не хватает! Конечно!*

П. *А они понимают что / люди работают потому что /* (издевательским тоном) *ну не могут они не работать //*

А. (говорит одновременно с **П.**) *Дома сидеть не могут //*

П. (с иронией) *Ну не могут // Потребность у них такая / вкалывать //*

М. *Ой!*

Т. *Правильно // Они там у Думе сидят / им там всем по семьдесят лет //*

М. *А сидеть-то чо / правда?*

Т. *Они думают / у станков тоже сидят //*

М. *И вот именно ведь //*

А. (неуверенно) *Не… ну льготы там ведь остаются? Для тяжелых-то / на тяжелых работах?*

М. *Пожилые-то ведь останутся на работах которые это //*

Т. *Если эта пенсия изменится / значит и ту / подвинут //*

М. *Ну мы почему-то…*

А. (перебивает) *Не ну про забой-то уже / наверное уже не поднимут* (о пенсионном возрасте) */ чо уж там люди подбиваются / про забой / шахтеры //*

М. *Да / там да с вредностью // Рентгенологи вот эти вот знаете / даже врачи вот многие / которые вот это //*

А. *Меня волнуют педагоги //*

М. *Педагоги всегда были в школе на привилегированном / Они же на пенсию-то уходят рано //*

А. *Ну вот меня волнуют педагоги //*

М. *А ты-то не педагог!*

А. *Я не педагог / я вообще в принципе / я за / за смежную специальность болею / Потому что / это же адская работа //*

Оппозиция ***они — мы*** (разработчики проекта пенсионной реформы — трудящиеся) вскрывает ироническое отношение к тем, кто не знает ничего, кроме сидячей работы, со стороны тех, кто занят работой, требующей физических и морально-нравственных усилий. Дистанцированность от народа, непонимание специфики жизни человека труда — причина разработки спущенных сверху несправедливых реформ. Языковая игра (*Они там* ***у Думе сидят*** *<…> / Они* ***думают*** */* ***у станков*** *тоже* ***сидят***) смягчает критику власти. Признается, что *льготы … остаются* и можно было бы согласиться с поздним выходом на пенсию, *если бы* ***они*** *давали* ***нам*** *<…> пенсию двадцать пять тысяч*. Прослеживается устойчивость идеологемы единения, солидарной готовности людей труда к конструктивному обсуждению законодательных инициатив.

Отдельная предметная тема — основы демографической политики. Например, беседуя с тетей, **А.** рассматривает семейные фотографии и интересуется судьбой рано умершей прабабушки, которая родила дочку в сорок два года. «Всеохватное понятие „память“ оживляет „жизневремя“» [Прозоров 2019: 66]. Пожилая женщина, изнутри знающая нормы и законы советской жизни, мотивирует вынужденные поздние роды демографической политикой государства, направленной на *восполнение населения*. С пониманием женщины относятся к *налогу на бездетность*:

Т. *Вот // А тогда-то / как говорится / раз / забеременела / если есть возможность воспитывать / то воспитывай / тогда же приветствовалось после войны //*

А. *Угу //*

Т. *Больше / чем больше детей тем лучше // После войны же много же…*

А. *Ну да //*

Т. *Детей погиб… / не детей а вообще / людей погибло //*

А. *Восполнение населения / да //*

Т. *Населения // Поэтому ведь / платили же деньги за бездетность / я ещё платила деньги за бездетность //*

А. *Ну-ну-ну //*

Т. *Это уже вообще / поздным-поздно уже совсем это как ее самое / я по-моему еще / уже на фабрике работала / отменили / бездетность //*

А. *Отменили потом?*

Т. *Да-а-а //*

А. *Да? Прям официально?*

Т. *Да / такого налога не стало // Ну там до сколькú / до сколькú-то лет / я не помню //*

А. *А-а! Ну в смысле //*

Т. *До сорока по-моему / у женщин // По-моему у женщин до сорока //*

А. *Понятно //*

Т. *А у мужчин по-моему или [пи]десят / по-моему у мужчин [пи]десят // Определенный возраст был // Вот // А у нас сейчас видишь какие мужики? И в шестьдесят рожают* (смеется) *//*

А. *Дак и в семьдесят!*

Т. *И в семьдесят.*

Гендерно значимые проблемы репродуктивного возраста, содержания и воспитания ребенка интерпретируются на шкале времени. *Налог на бездетность* трактуется как осознанная необходимость.

Устойчивым является осознание гражданского долга. Так, в день всенародных выборов Президента РФ родные обсуждают посещение избирательных участков. Личное участие в голосовании одобряется. Сквозной является охваченная модальностью долженствования установка: *Надо пойти проголосовать*. Уклонение от участия в выборах осуждается:

С. *Сходила проголосовала / а Андрюха* (о муже) *не ходит не голосует прямо / не хочется на выборы ему прямо /* (рычит, демонстрируя сильное возмущение) А-а-а *//*

А. *М-м…*

С. *А в чем смысл? Ну не пришел ты на выборы? За тебя взяли проголосовали кто-нибудь еще //*

А. *Угу //*

С. *Ну в крайнем случае / или / ну чо / или никто не проголосовал / то есть меньше явка / да? Как бы никакого / ни жарко ни холодно / по-моему // Надо пойти проголосовать уже ну / выразить свое мнение / ну даже против всех //*

Персонализм проявляется в признании права на собственное мнение, не исключающее возможности голосования *против всех*. Отметим, что аксиологическое содержание как данного, так и других проанализированных диалогов и полилогов позволяет выявить общую тенденцию: в XXI веке преодолевается характерное для советских людей «заблуждение: все должны думать одинаково» [Мустайоки 2012: 142], однако всенародные акции признаются обязательными для каждого.

Избиратели ревностно следят за явкой. Низкая явка вызывает озабоченность; высокая — одобрение:

П. *Ну у нас очередь была / нормально как-то // А вот шестьдесят девятый дом / шестьдесят девятый дом тот не очень //*

А. *Я в принципе посмотрела там / по подписям-то / где мы расписывались / ну посмотрела по подписям // Так-то народу еще немного проголосовало / ну мы были в одиннадцать //*

П. *Ну / подтянутся / выспятся / всяко разно и / пойдут //*

А. *Понятненько //*

Одобрительно оцениваются новейшие компьютерные технологии, польза которых выходит далеко за пределы процедуры голосования.

П. *И Люба* (голосующая не по месту жительства невестка **П.**) *что ли там голосовала?*

А. *Да-да-да // Она прямо к председателю этой комиссии //*

П. *Ну она там чо-то типа открепительного талона брала //*

А. *Да-да-да // Вот умеют люди! / Они зарегистрировались на этой системе госуслуги-то //*

П. *Ну //*

А. *И они умеют / надо вот мне тоже зарегистрироваться // А ты не регистрировался / не помнишь?*

П. *Нет //*

А. *Там ведь можно / прямо / информацию получать / и по / налогам / и по / штрафам / и по / там записываться к врачу и так далее //*

Гражданская активность проявляется в добровольном голосовании за муниципальные проекты, направленные на благоустройство города. В беседе с матерью, которую близкие любовно называют *Мана́дей*, **А.** рассказывает о своем осознанном выборе (в ее речевую партию органически включаются вербальные сигналы топонимии Екатеринбурга):

А. *Там на входе / ну как бы не на входе / на входе в рекреацию / стояли два молодых человека / и / предлагали там можно было проголосовать за / э-э-э / проекты благоустройства / то есть там какой-то «Зеленую рощу» / предлагают какой-то проект благоустройства //*

М. *Где? У нас здесь?*

А. *Ну да / прямо там на этом / на избирательном участке // Ну там просто в другой рекреации / по ходу / там где лестница // Потом чо-то там набережная реки / когда идешь там //*

М. *А-а / ну //*

А. *Малышева-Куйбышева / там еще что-то //*

М. *Так видишь / мы же не знаем это вообще тот район //*

А. *Мы любопытные / мы зашли / посмотрели //*

М. *И чо там?*

А. *Там на картинках нарисовано типа как это будет // Ну пошли проголосовали // Ну там как бы на выбор были четыре проекта / и можно было поддержать один два или три //*

М. *Ага //*

А. *Ну я поддержала те / которые находятся / в зонах / моей / шаговой доступности или там где я хожу // Там вот например Зеленая роща она для меня совершено незнакомая территория / я уже не стала ее голосовать / А сквер около Оперного театра / дак конечно я за // Что уж\ //*

Включенность в решение проблем градоустройства, экологии — одно из типичных проявлений персонального аксиологического выбора.

Активное участие членов семьи в процедуре голосования подтверждается шутливой тональностью двуреплики:

М. *Все / проголосили?*

А. *Ой проголосили-проголосили //*

Из аксиологического содержания разговоров о голосовании на всероссийских выборах следует, что неравнодушные горожане ощущают себя активными гражданами большой страны, которых объединяет ***общая идея*** гражданского долга.

Гражданская позиция проявляется в беседах о широко обсуждаемых в СМИ событиях, связанных с внешней политикой. Таково, например, «дело Скрипалей», обострившее отношения России и Великобритании. Спор, возникший между дочерью и отцом, обнаруживает ментальную склонность к укрупнению проблемы и глобальному прогнозированию. В этой связи отметим отсутствие в речевых партиях говорящих наведенного ситуацией ключевого слова «*Новичок*». Не обсуждаются происхождение ядовитого вещества и факт отравления. В центре внима-

ния — ***мировое закулисье***, претензии на мировое господство, ответные шаги России и всех стран, направленные против реализации концепции однополярного мира:

А. (реагирует на включенный телевизор) *О [h]осподи опять там чо-то это / в новостях //*

П. *А-а-а / Манадя тут чо-то смотрит //*

А. *Угу // Меня вообще умиляет / меня потрясает просто вот это / э-э // Сначала всех собак спустили / побомбили-побомбили а теперь как бы / все нормально // И главное больше никто ничего не говорит //*

П. *Кого?*

А. *Да эти [h]осподи / Скрипали // ё мое!*

П. *А-а / уроды блин / они их куда-то спрятали на хрен / ваще //*

А. *И главное я не понимаю почему мир вообще не учится /*

П. (перебивает) *А-а мир…*

А. *на своих ошибках?!*

П. *Они боятся слово сказать / потому как / америкашки / их всех затюкали //*

А. *Мне кажется знаешь что / вообще как бы серый кардинал все-таки Британия // Они там это //*

П. *Ну //*

А. *Рулят //*

П. *Там все они хороши //*

А. *Да // Понятно.*

Субъективные эмоциональные реакции **А.** (*меня умиляет, меня потрясает*) вызваны противоречивостью, недостоверностью освещения событий западными СМИ (*Сначала всех собак спустили … теперь как бы / все нормально*). На сформулированный дочерью глобальный вопрос, содержащий скрытое осуждение (*… почему мир вообще не учится … на своих ошибках?!*), отец отвечает автоматически: *Они боятся слово сказать / потому как / америкашки / их всех затюкали*. Оживают пропагандируемый советской государственной идеологией образ врага и контактный стереотип ***Враг должен быть уничтожен***:

П. *Куда они этих Скрипалей девали хрен его знает / Надо мир поднимать / разыскивать / чо за дела-то?*

А. *Главное цинизм с котором все это происходит / меня просто потрясает //*

П. *Это / это вообще / их уничтожать надо на хрен // У-нич-то-жать!*

А. не может понять и принять идеологический максимализм, непримиримость, догматизм отца. Она пытается его урезонить, снизить накал страстей, перевести спор в рациональное русло. Межпоколенческий конфликт поддерживают имплицитные суждения: ***Американцы правят миром, поэтому необходимы крайние меры, вплоть до уничтожения США и подвластной им Британии*** (позиция **П.,** мировоззрение которого сформировала советская идеология). Ср.: ***Необходимо развивать новое политическое мышление, искать компромиссы, добиваться согласия*** (позиция **А.,** ценностные предпочтения которой сформировались в постсоветскую эпоху):

А. *Ну ладно пап! / Ты чо так это //*

П. *Две страны / Британию и США // И в мире будет споко-ойствие и тишина //*

А. *Пап ну / это слишком крайние меры //*

П. *Нет это нор… нормальные меры //*

А. *Нет // Там надо воспитывать новых политиков //*

П. *Не-ет / Там бесполезняк //*

А. *Ну пап…*

П. *Их надо просто с лица земли к едрене фене и все дела // И сразу в мире наступит / мир миру как говорится //*

А. *Не дай бог / не дай бог вот ну / как бы стоит ввязаться / будет третья мировая //*

П. *Ну ак чо ж //*

А. (передразнивает) *К чо ж к чо ж //*

П. *Хорошо не жили и не хрен начинать / как говорится //*

А. *Нет / у нас два мальчика подрастают // Я хочу чтобы они жили в мире //*

П. *Ну и / когда нам давали жить-то спокойно? Ты вот сама подумай / Историю-то так вот прикинь //*

А. *Ну по крайней мере как бы…*

П. *Ну были там лет пять-шесть / потом опять //*

А. *Но ваше поколение по крайней мере как бы вот / в активных войнах-то не участвовало собственно // Не / конечно был Афганистан но как бы / это уже другое поколение / Чечня была //*

П. *Афганистан / Чечня // Ты чо? Все было // Мы вон / только успевали отмахиваться // Чернобыль / И всяко разно / У-у-у // Елки-палки / чо было / Никогда нас в покое не оставят / пока мы их блин в землю не закопаем //*

А. *Ой папа!*

П. *Это точно //*

А. *Да ладно…*

П. *Да ладно все / хватит //*

А. *Все / мир миру.*

Возможность третьей мировой войны трактуется **П.** с опорой на аксиологию истории как осознанная необходимость. Мысль о том, что Россия — страна, победившая фашизм, страна, которой удалось преодолеть непреодолимое, — кажется ему невыносимой. Единственный выход — *Их надо просто с лица земли … и все дела.* **А.** твердо

уверена: необходимо сделать все, чтобы избежать развязывания третьей мировой войны ради детей (*… у нас два мальчика подрастают // Я хочу чтобы они жили в мире*). Многополярный мир, равноправие стран, антимилитаристская политика, предполагающая поиски компромисса ради благополучия детей — ценностные ориентиры постсоветского общественного сознания.

Срезовый анализ внутрисемейных разговоров о политике позволяет не согласиться с мнением о том, что социально-экономические процессы и сопровождающая их деидеологизация языка «ампутировали» у россиян «вместилище для общих идей» [Аверинцев 2003: 148]. Представляется, что по сравнению с советским временем иными стали «руководящие ценности» [Бахтин 1979: 142]. Сегодня это ценности семьи и работы. Не утратился человекоцентризм мировосприятия, обусловливающий ценностное отношение к текущей политике. Не случайно в фокусе внимания оказываются оцениваемые сквозь призму социальной справедливости законодательные инициативы государственной власти, влияющие на уровень жизни российской семьи.

Аксиологическое содержание откровенных разговоров о политике позволяет судить о сохранении общей идеи гражданского долга. Этому выводу не препятствует отсутствие в речевых партиях коммуникантов лексемы гражданин, употребление которой долгое время сопровождалось меной аксиологической маркированности [Левонтина, Шмелев 2019: 166—171]. Не вызывает сомнения наличие у говорящих неравнодушной гражданской позиции. О сохранении «вместилища для общих идей» свидетельствует также аксиологическая перекличка (***родня / Россия / Украина***), вселяющая надежду на возрождение братских отношений между странами. Не исчезает желание видеть свою страну могучей передовой державой, которой можно гордиться. В целом возросшая тенденция к персонализму сопровождается осознанным аксиологическим выбором общих идей, на которых базируется духовная культура народа. Опора на эти идеи необходима для осуществления социально ориентированной государственной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев, С. Несколько мыслей о «евразийстве» К. С. Трубецкого / С. Аверинцев. — Текст : непосредственный // Новый мир. — 2003. — № 2. — С. 137—149.

2. Байкулова, А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан / А. Н. Байкулова. — Саратов : Наука, 2014. — 216 с. — Текст : непосредственный.

3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1979. — 424 с. — Текст : непосредственный.

4. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 380 с. — Текст : непосредственный.

5. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. — Москва : Наука, 1993. — 172 с. — Текст : непосредственный.

6. Гайда, С. Стиль как вызов / С. Гайда. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы стилистики. — 2016. — № 22. — С. 13—22.

7. Клемперер, В. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / В. Клемперер. — Москва : Прогресс-Традиция, 1998. — 384 с. — Текст : непосредственный.

8. Ильин, И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. — Текст : непосредственный // Собрание сочинений. — Москва : Русская книга, 1994. — Т. 3. — С. 383—560.

9. Карасик, В. И. Языковые мосты понимания / В. И. Карасик. — Москва : Дискурс, 2019. — 524 с. — Текст : непосредственный.

10. Колесов, В. В. Слово и ментальность как национальное своеобразие / В. В. Колесов. — Текст : непосредственный // Обретение смысла : сб. статей, посвященный юбилею д-ра филол. наук, проф. К. А. Роговой. — Санкт-Петербург : Осипов, 2006. — С. 421—440.

11. Кретов, А. А. Русские аксиологемы МАСа-2 / А. А. Кретов, Ю. А. Стародубцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 2 (56). — С. 140—154.

12. Левонтина, И. Б. Либеральный лексикон / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — 184 с. — Текст : непосредственный.

13. Матвеева, Т. В. О методе выявления ценностной информации разговорного диалога / Т. В. Матвеева. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2018. — № 10. — С. 89—101.

14. Мокиенко, В. П. Толковый словарь языка Совдепии / В. П. Мокиенко. — Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. — 704 с. — Текст : непосредственный.

15. Мустайоки, А. Жанры речи и риски коммуникативных неудач / А. Мустайоки. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — Саратов ; Москва : Лабиринт, 2012. — Вып. 8 : Памяти Константина Федоровича Седова. Жанр и творчество. — С. 123—140.

16. Прозоров, В. В. Диалог с самим собой: дневник как бесценный лирический жанр / В. В. Прозоров. — Текст : непосредственный // Русский язык в центре Европы 19. — Братислава : Ассоциация русистов Словакии, 2019. — С. 66—74.

17. Теория и методика лингвистического анализа политического текста : моногр. / отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016. — 303 с. — Текст : непосредственный.

18. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.

N. A. Kupina
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-4154-7323 ☑

Y. B. Pikuleva
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-1948-3594 ☑

☑ ***E-mail:*** *natalia_kupina@mail.ru, pik@bk.ru.*

Axiological Content of Intra-Family Conversations on Political Issues

ABSTRACT. *The article examines intra-family conversations about politics recorded in 2018-2019. The communicants with whose permission the recordings were made are related residents of Yekaterinburg who openly express their civil position. They are pensioners (in the recent past, a worker, an employee and an engineer) and representatives of the middle generation (a worker, a school teacher, a University teacher). The object of analysis is the axiological content of fragments of dialogic and polylogic interaction on concrete themes. The communication partners focus on the facts and events of domestic and foreign policy. A balanced and at the same time not indifferent attitude to the political reality allows one to conclude that politics becomes an organic component of the axiology of everyday life. In accordance with the purpose of the given research, aimed at identifying and generalizing axiological benchmarks determining the attitude of the Russian citizens to politics, the authors have collected nominations of the basic values, evaluative words and statements, and* ***I****-statements, which translate axiological attitudes and judgments about politics, for a special linguo-axiological analysis. It has been established that a rational and analytical approach to the Soviet past and the post-Soviet present, and a realistic attitude to legislative initiatives are combined with mentally pre-set emotional reactions and hyperbolization of the consequences of foreign policy events. The analysis highlights the "guiding" values:* ***man, family, children, work****; the main values that form the basis of socially oriented policy (economic, energetic, demographic):* ***justice, quality of life, labor solidarity, civil activity****; political values proper:* ***civil duty, stability, independence, defense capability, advanced development of the country, a multipolar world****. The revealed tendency to strengthen personalism does not suppress the sense of civil community.*

KEYWORDS: *axiological choice; axiology of everyday life; civil duty; common ideas; personalism; conversations on political issues; rhetoric; oral speech; city dwellers.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kupina Nataliya Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Pikuleva Yuliya Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Kupina, N. A.* Axiological Content of Intra-Family Conversations on Political Issues / N. A. Kupina, Y. B. Pikuleva // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 84-93. — DOI.

ACKNOWLEDGMENTS. Research has been accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within scientific project No. 18-012-00382/18 «Talking in the Family: Axiological Reality and Research Methods (on the material of real conversation of the Urals city dwellers)».

REFERENCES

1. Averintsev, S. A Few Thoughts on "Eurasianism" by K. S. Trubetskoy / S. Averintsev. — Text : unmediated // New World. — 2003. — No. 2. — P. 137—149. [Neskol'ko mysley o «evraziystve» K. S. Trubetskogo / S. Averintsev. — Tekst : neposredstvennyy // Novyy mir. — 2003. — № 2. — S. 137—149]. — (In Rus.)
2. Baykulova, A. N. Oral Informal Communication and Its Varieties: Everyday Speech of the Townspeople / A. N. Baykulova. — Saratov : Science, 2014. — 216 p. — Text : unmediated. [Ustnoe neofitsial'noe obshchenie i ego raznovidnosti: povsednevnaya rech' gorozhan / A. N. Baykulova. — Saratov : Nauka, 2014. — 216 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
3. Bakhtin, M. M. Aesthetics of Verbal Creativity / M. M. Bakhtin. — Moscow : Art, 1979. - 424 p. — Text : unmediated. [Estetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Bakhtin. — Moskva : Iskusstvo, 1979. — 424 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
4. Vepreva, I. T. Language Reflection in the Post-Soviet Era / I. T. Vepreva. — Yekaterinburg : Publishing House of Ural University, 2002. — 380 p. — Text : unmediated. [Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu / I. T. Vepreva. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2002. — 380 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Vinokur, T. G. Speaker and Listener: Variants of Speech Behavior / T. G. Vinokur. — Moscow : Science, 1993. — 172 p. — Text : unmediated. [Govoryashchiy i slushayushchiy: varianty rechevogo povedeniya / T. G. Vinokur. — Moskva : Nauka, 1993. — 172 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Gayda, S. Style as a Challenge / S. Gaida. — Text : unmediated // Actual Problems of Stylistics. — 2016. — No. 22. — P. 13—22. [Stil' kak vyzov / S. Gayda. — Tekst : neposredstvennyy // Aktual'nye problemy stilistiki. — 2016. — № 22. — S. 13—22]. — (In Rus.)
7. Klemperer, V. Language of the Third Reich. Notebook of the Philologist / V. Klemperer. — Moscow : Progress-Tradition, 1998. — 384 p. — Text : unmediated. [Yazyk Tret'ego reykha. Zapisnaya knizhka filologa / V. Klemperer. — Moskva : Progress-Traditsiya, 1998. — 384 s. — Tekst : neposredstvennyy].
8. Il'in, I. A. The Path to Evidence / I. A. Ilyin. — Text : unmediated // Collected Works. — Moscow : Russian Book, 1994. — V. 3. — P. 383—560. [Put' k ochevidnosti / I. A. Il'in. — Tekst : neposredstvennyy // Sobranie sochineniy. — Moskva : Russkaya kniga, 1994. — T. 3. — S. 383—560]. — (In Rus.)
9. Karasik, V. I. Language Bridges of Understanding / V. I. Karasik. — Moscow : Discourse, 2019. — 524 p. — Text : unmediated. [Yazykovye mosty ponimaniya / V. I. Karasik. — Moskva : Diskurs, 2019. — 524 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Kolesov, V. V. Word and Mentality as a National Identity / V. V. Kolesov. — Text : umediated // Making Sense : collection of articles dedicated to the anniversary of Dr. Filol. sciences, prof.

K. A. Rogovaya. — St. Petersburg : Osipov, 2006. — P. 421—440. [Slovo i mental'nost' kak natsional'noe svoeobrazie / V. V. Kolesov. — Tekst : neposredstvennyy // Obretenie smysla : sb. statey, posvyashchennyy yubileyu d-ra filol. nauk, prof. K. A. Rogovoy. — Sankt-Peterburg : Osipov, 2006. — S. 421—440]. — (In Rus.)

11. Kretov, A. A. Russian Axiological Patterns of MAS-2 / A. A. Kretov, Yu. A. Starodubtseva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2016. — No. 2 (56). — P. 140—154. [Russkie aksiologemy MASa-2 / A. A. Kretov, Yu. A. Starodubtseva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 2 (56). — S. 140—154]. — (In Rus.)

12. Levontina, I. B. Liberal Lexicon / I. B. Levontina, A. D. Shmelev. — St. Petersburg : Nestor-History, 2019. — 184 p. — Text : unmediated. [Liberal'nyy leksikon / I. B. Levontina, A. D. Shmelev. — Sankt-Peterburg : Nestor-Istoriya, 2019. — 184 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Matveeva, T. V. On the Method of Revealing the Value Information of Conversational Dialogue / T. V. Matveeva. — Text : unmediated // Scientific dialogue. — 2018. — No. 10. — P. 89—101. [O metode vyyavleniya tsennostnoy informatsii razgovornogo dialoga / T. V. Matveeva. — Tekst : neposredstvennyy // Nauchnyy dialog. — 2018. — № 10. — S. 89—101]. — (In Rus.)

14. Mokienko, V. P. Explanatory Dictionary of the Language of the Soviets / V.P. — St. Petersburg : Folio Press, 1998. — 704 p. — Text : unmediated. [Tolkovyy slovar' yazyka Sovdepii / V. P. Mokienko. — Sankt-Peterburg : Folio-Press, 1998. — 704 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. Mustayoki, A. Speech Genres and Risks of Communicative Failures / A. Mustajoki. — Text : unmediated // Speech Genres. — Saratov ; Moscow : Labyrinth, 2012. — Issue. 8 : In Memory of Konstantin Fedorovich Sedov. Genre and Creativity. — P. 123—140. [Zhanry rechi i riski kommunikativnykh neudach / A. Mustayoki. — Tekst : neposredstvennyy // Zhanry rechi. — Saratov ; Moskva : Labirint, 2012. — Vyp. 8 : Pamyati Konstantina Fedorovicha Sedova. Zhanr i tvorchestvo. — S. 123—140]. — (In Rus.)

16. Prozorov, V. V. Dialogue with Oneself: a Diary as an Invaluable Lyrical Genre / V.V. Prozorov. — Text : unmediated // Russian in the Center of Europe 19. — Bratislava : Slovak Association of Russianists, 2019. — P. 66—74. [Dialog s samim soboy: dnevnik kak bestsennyy liricheskiy zhanr / V. V. Prozorov. — Tekst : neposredstvennyy // Russkiy yazyk v tsentre Evropy 19. — Bratislava : Assotsiatsiya rusistov Slovakii, 2019. — S. 66—74]. — (In Rus.)

17. Theory and Methodology of Linguistic Analysis of a Political Text: monograph. / resp. ed. A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Yekaterinburg, 2016. — 303 p. — Text : unmediated. [Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta : monogr. / otv. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2016. — 303 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

18. Chudinov, A. P. Russia in a Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor (1991—2000) / A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Yekaterinburg, 2001. — 238 p. — Text : unmediated. [Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) / A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. — 238 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19*
DOI

М. В. Никифорова
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0635-7065 ☑

Е. А. Нахимова
Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-4908-632 ☑

☑ ***E-mail:*** *armada29@yandex.ru; nakhimova@gmail.com.*

Актуализация региональной идентичности в индивидуальном дискурсе губернатора Свердловской области Е. В. Куйвашева (на материале программных статей 2014—2019 гг.)

АННОТАЦИЯ. *Актуальная для современной гуманитарной науки проблема региональной идентичности рассматривается на примере дискурса губернатора Свердловской области Е. В. Куйвашева. Материалом для исследования послужили программные статьи главы региона, опубликованные в «Областной газете» с 2014 по 2019 г. Ключевым методом исследования, используемым при интерпретации текстового материала, послужил когнитивно-дискурсивный анализ в его линвоаксиологическом варианте, который представляет собой анализ аксиологически заряженных речевых контекстов, эксплицитно или имплицитно репрезентирующих образы и ценностные установки, формирующие пространство региональной идентичности в дискурсе политика.*

В результате анализа авторами сделан вывод о том, что аксиологическим фокусом в дискурсе главы региона становится историческая «особость» Урала как «опорного края державы», которая, в свою очередь, детерминирует и другие транслируемые губернатором образы — территории с высоким уровнем экономического и социального развития, региона-труженика, региона — лидера России. Образ «опорного края державы» обусловливает и комплекс транслируемых губернатором ценностей, среди которых историческая память, национальная гордость, народное единство, доверие власти, экономическая и социальная стабильность, готовность к труду и ориентация на успех. Пространство региональной идентичности осмысляется губернатором Свердловской области исключительно в контексте идентичности общероссийской.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *язык СМИ; СМИ; средства массовой информации; журналистика; медиалингвистика; медиадикурс; медиатексты; региональные СМИ; губернаторы; региональная идентичность; дискурс-анализ; лингвоаксиологический анализ; политические деятели; региональные органы власти; политическая метафорология; метафорическое моделирование; метафорические модели; политический дискурс.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Никифорова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет; 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62, к. 454; e-mail: armada29@yandex.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: nakhimova@gmail.com.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Никифорова, М. В.* Актуализация региональной идентичности в индивидуальном дискурсе губернатора Свердловской области Е. В. Куйвашева (на материале программных статей 2014—2019 гг.) / М В. Никифорова, Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 94-102. — DOIXXXXXXXXXXXXX.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00465 «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот».

ВВЕДЕНИЕ

Проблема регионального самосознания является актуальным объектом исследования различных наук и направлений — экономики, истории, политологии, социальной психологии, лингвистики и др. Повышенный интерес к данному феномену представляется вполне закономерным. С одной стороны, современный человек живет в эпоху глобализации и свободного доступа к различного рода информации. Мы — люди мира, часть мировой цивилизации. С другой стороны, именно в эпоху размывания экономико-географических и социально-культурных границ человек все отчетливее ощущает принадлежность конкретной территории, отождествляя себя с ее историей, ее материальными и духовными ценностями. Все большую значимость в контексте социального бытия человека приобретает вопрос регионального самосознания.

Исследование экспликации региональной идентичности в сфере политической

© Никифорова М. В., Нахимова Е. А., 2020

коммуникации также представляется весьма перспективным, ведь политика — это сфера человеческой деятельности, где борьба за ценности ощущается особенно остро. В своих выступлениях политики не просто отражают векторы происходящих в социуме аксиологических сдвигов, но и в определенной мере задают эти векторы, интерпретируя содержание тех или иных ценностей в собственных интересах. Политическая речь носит априори манипулятивный характер, а потому представляется интересным проследить, какие элементы современной аксиосферы, в том числе сопряженные с формированием регионального самосознания, транслируются конкретными политическими акторами, как соотносятся эксплицируемые политиками ценностные установки с региональной и общенациональной политической повесткой и т. д.

Настоящая статья посвящена анализу средств репрезентации региональной идентичности в дискурсе руководителя Свердловской области Е. В. Куйвашева. Фактическим материалом для анализа послужили программные статьи главы региона, опубликованные в «Областной газете» (издается в Екатеринбурге и отражает позицию администрации Свердловской области) в период с 2014 по 2019 г. Цель исследования — посредством интерпретации аксиологически значимых суждений выявить ключевые ценностные установки, ориентиры и представления, формирующие пространство региональной идентичности в индивидуальном дискурсе политика.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Современные исследователи — как отечественные, так и зарубежные — отмечают, что феномен региональной идентичности не может рассматриваться исключительно как продукт рационально-рассудочной деятельности человека — осознание жителем региона (носителем региональной идентичности) принадлежности определенной территории; безусловно, пространство региональной идентичности гораздо шире и глубже. Анализ литературы свидетельствует о том, что в зависимости от фокуса исследования и методологической базы ученые дифференцируют или, напротив, объединяют в качестве родственных понятий различные компоненты в структуре региональной идентичности: природно-географический, духовно-нравственный, материальный, эмоциональный, этнический, историко-культурный и др. Так, историк Е. Ю. Казакова-Апгеримова отмечает, что региональная идентичность, представляющая собой социальную идентичность индивида, наряду с когнитивным компонентом (осознание соотнесения личности с определенной территорией) предполагает аффективные (эмоционально-психологические переживания, чувство общности с другими людьми) и регулятивные компоненты (готовность соблюдать выработанные правила и уважительно относиться к духовным ценностям) [Казакова-Апгеримова 2013: 83].

Л. А. Максимова, Р. А. Валиев, Н. Б. Руженцева и Т. В. Валиева, исследующие специфику формирования региональной идентичности с позиций психологии и психолингвистики, делают акцент на безусловной эмоциональной составляющей. По их определению, «под региональной идентичностью понимается личностная связь жителя региона с территорией проживания <…>, носитель региональной идентичности конструирует для себя „образ региона“ проживания, соотнося при этом внутренний мир своей личности с внешней средой» [Максимова, Валиев и др. 2019: 83].

Социолог А. Э. Мурзин отмечает, что региональная идентичность относится к числу базовых элементов, формирующих отношение человека к себе и окружающему миру. Она обнаруживает себя в существующем в регионе человеческом типе, особенностях мироощущения, ценностных ориентирах, стиле поведения, установках в межэтническом общении, осознании индивидом связи с историческим прошлым края [Мурзин 2016: 60].

Зарубежные исследователи региональной идентичности также рассматривают ее как разновидность коллективной идентичности, при этом особое внимание уделяется проблеме формирования региональной идентичности в контексте национальной и европейской интеграции и дезинтеграции [Paasi 2009; Uszkai 2015; Zimmermann-Steinhart 2005].

Проблема региональных идентичностей в России все чаще привлекает внимание специалистов по лингвистике [Ильина, Каблуков 2019; Чибисова 2017; Шалина, Пикулева 2016; Шушарина 2018 и др.]. Сложность объекта анализа, которым является коллективное самосознание некоторой исторически сложившейся общности, обусловливает использование различных методов и методологических установок, а также применение межрегиональных исследовательских подходов.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА АНАЛИЗА

В нашем исследовании мы исходим из того, что региональная идентичность являет собой элемент современной аксиосферы, некую совокупную ценность, которая фор-

мируется рядом устойчивых представлений, презумпций и установок и может быть вербализована в дискурсе в виде отдельных суждений или целых текстовых фрагментов. Очевидно при этом, что актуализация ценностного пространства региональной идентичности осуществляется как эксплицитно — посредством номинаций, в семантике которых закреплены ценностные смыслы, так и имплицитно — в виде суждений, интерпретация которых позволяет «опознать» отдельные элементы ценности и квалифицировать ценностное отношение. Ключевым методом исследования, используемым при интерпретации текстового материала, послужил когнитивно-дискурсивный анализ в его линвоаксиологическом варианте, понимаемый как анализ аксиологически заряженных речевых контекстов, «которые позволяют выявить представления о том, что является для коммуникантов должным, правильным, социально и личностно желанным, реконструировать презумпции и установки, которыми руководствуется человек или социальная группа» [Шалина, Пикулева 2016: 123].

Этап собственно лингвоаксиологического анализа предваряет так называемая «топикализация дискурса» [Серебренникова 2015: 131], понимаемая как вычленение «общих мест» в анализируемом речевом континууме. В этой связи в предпринятом анализе программных статей губернатора Свердловской области мы отталкиваемся не от готовой структуры региональной идентичности, вариантов которой в научной литературе немало, а от топиков дискурса. Такой подход позволит проследить, каким образом формируется пространство региональной идентичности, на конкретном текстовом материале.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Опубликованные в «Областной газете» программные статьи губернатора Е. В. Куйвашева написаны в формате своеобразного диалога с потенциальным читателем, перед которым глава региона «отчитывается» о результатах своей деятельности и рассказывает о планах и перспективах дальнейшего развития области и ее столицы — Екатеринбурга. Ключевые топики, выделенные при анализе статей, отражают административно-хозяйственный характер деятельности губернатора и охватывают такие вопросы экономического и социального развития, как промышленность и ВПК, сельское хозяйство, строительство нового жилья, областная и городская инфраструктура, местное самоуправление, строительство и ремонт школ и дошкольных учреждений, здравоохранение и демографическая ситуация, спорт и социальный комфорт жителей. В текстах статей немало исторических сводок, позволяющих в ретроспективе оценить отдельные экономические достижения области. Кроме того, в ряде контекстов дается оценка актуальным политическим событиям.

Предпринятый анализ контекстов позволил установить, что аксиологическим ядром, вокруг которого в речи политика формируется пространство региональной идентичности, является историческая «особость» Урала как региона горнодобывающей и металлургической промышленности, которая обусловила его статус «опорного края державы». Ср.: ***Наше дело — металлургия и передел металлов.*** *И в Полтавской битве, и в годы Великой Отечественной войны Россия воевала уральским оружием. И побеждала уральским оружием! А ведь между этими „промышленными революциями“ двести лет!* («Сохраним опорный край державы», 2014). Аксиологическая заряженность представленного фрагмента выражается как в общей патриотической тональности суждения, так и в отдельных вербальных знаках — аксиологически маркированных хрононимах *Полтавская битва* и *Великая Отечественная война*, метонимическом *Россия воевала и побеждала*, притяжательном местоимении *наше*, реализующем прием инклюзии — объединения адресанта и реципиента. Безусловной аксиологической маркированностью для жителей региона обладает и оттопонимический атрибутив *уральский*: при таком употреблении «уральский» означает «свой, связанный с родным краем, домом». Показательно, что обозначение «Свердловская область» губернатор использует значительно реже, чем «Урал».

Ярким примером репрезентации ценностного отношения в речи губернатора выступают метафорические номинации Урала — *опорный край державы*, *хребет России*, *промышленное сердце России*, *Седой Урал.* Заключенные в данных метафорах ассоциативно-семантические образы реализуют оценочно-ориентирующую функцию: они призваны воссоздать в коллективном сознании жителей положительное представление об Урале как о мощном промышленном регионе с особым геополитическим статусом, регионе-труженике — одном из ключевых в составе страны.

Активно эксплуатируемый губернатором исторически сложившийся образ Урала — региона-труженика обусловил актуализацию в дискурсе традиционных представлений об особом характере жителей региона. Так, губернатор Е. В. Куйвашев отмечает *командный дух и твердый характер уральцев*

(«Быть достойным Екатеринбурга», 2018), называет Свердловскую область *краем сильных, трудолюбивых, талантливых людей* («Основа успеха», 2019). В ряде фрагментов можно наблюдать косвенную оценку жителей региона. Ср: *На гербе Свердловской области начертаны слова русского поэта Александра Трифоновича Твардовского: „Опорный край державы“. А известный политик и писатель Александр Андреевич Проханов назвал Урал „хребтом России“. Здесь* ***усилиями людей, трудом уральцев уже три века воплощается извечная русская мечта о сильной, справедливой, свободной России*** («Не бояться мечтать. Вчера — мечта, сегодня — цель, завтра — реальность», 2019). Оценочные атрибутивы, используемые губернатором для характеристики России, — *сильная*, *справедливая*, *свободная* — в равной мере характеризуют и жителей Урала. Словосочетания *усилия людей* и *труд уральцев* репрезентируют в данном контексте такую важную ценность, как умение трудиться, готовность к трудовому подвигу.

Историческая и геополитическая «особость» Урала — образ «опорного края державы» — как некая ценность, разделяемая всеми жителями региона, проецируется губернатором на представление об экономической стабильности в создаваемом настоящем и планируемом будущем. Ср.: *Но* ***умение делать железо и оружие не подводили Урал и уральцев на протяжении веков.*** *И еще ой как долго понадобятся России* ***качественный металл и высокотехнологичное, современное оружие.*** *Сделанное уральцами на Урале* («Сохраним опорный край державы», 2014); *Уверен,* ***именно металлургия и оборонно-промышленный комплекс станут теми якорями, которые стабилизируют региональную экономику*** *и обеспечат ее дальнейшее развитие в будущем* («Сохраним опорный край державы», 2014). Прилагательные с положительно-оценочной семантикой, метафора якоря, общий патриотический фон приведенных контекстов призваны укрепить в сознании адресата мысль о надежности металлургии как базовой составляющей экономического благополучия региона и страны.

В контексте ретроспекции — сегодняшнего положительного видения прошлого опыта — применяются высказывания с маркерами нормативно-утилитарной оценки. Ср: *В середине 90-х было принято* ***верное*** *решение биться до последнего за промышленный характер Урала* («Сохраним опорный край державы», 2014); *Прошедший год подтвердил* ***правильность*** *нашей позиции: дело уральцев, призвание уральцев — металлургия и передел металлов* («Мобилизация на успех», 2015).

Экономическая стабильность как ценностная установка в речи главы региона перерастает в идею общего благополучия и ориентации на успех. Отметим, что идея успеха заявлена в названиях трех статей губернатора («Мобилизация на успех», «Мобилизация на успех: год 2016» и «Основа успеха») и эксплицируется во всех ключевых топиках дискурса. Губернатор акцентирует внимание адресата на качественных и количественных показателях роста экономики в сфере промышленности, сельского хозяйства, строительства жилья, программ здравоохранения и т. д. Вербальными репрезентантами успешности закономерно выступают положительно маркированные атрибутивы (*высокотехнологичные*, *наукоемкие*, *новейший*, *масштабный*, *сложнейшее*, *эффективное*), высказывания с модальностью возможности (*мы можем*, *мы умеем*, *мы справимся*), видовременные формы глаголов со значением перфектности (*смогли*, *достигли*, *построили*, *организовано*, *введено в эксплуатацию*), цифры, отражающие экономические успехи (*рост по сравнению с 2014 годом на 15 процентов*; *примерно на 100 км больше показателя 2015 года*), лексемы со значением уникальности и первенства (*единственный*, *уникальный*, *первый*, *передовой*, *опережающий*, *лидирующий*).

Акцентирование темы успеха, а впоследствии и темы лидирующего положения Свердловской области в масштабах страны позволяет губернатору Е. В. Куйвашеву формировать и транслировать не просто образ Урала как региона-труженика, а образ региона с высоким уровнем экономического развития и социального комфорта. Ср.: *Я убежден, что* ***верное планирование*** *и* ***точно расставленные приоритеты*** *приведут Свердловскую область к* ***успеху. Урал достоин быть лидирующим регионом России.*** *<…> Мы задумали „****Пятилетку развития****“ как* ***комплексную, сильную*** *и* ***понятную*** *людям* ***программу роста****, способную* ***вдохновить уральцев, объединить всех*** *благой и жизнеутверждающей целью — сделать Свердловскую область* ***одним из самых богатых, преуспевающих, успешных регионов России, поднять качество жизни уральцев на достойный уровень*** («Переломный момент», 2017). Применяемая губернатором тактика создания «светлого будущего» [Кондратьева, Жегло 2019] — это идеализированный образ Свердловский области в про-

спекции. Оценка в приведенном контексте выражается грамматически — посредством прилагательных в превосходной степени (*один из самых богатых, преуспевающих, успешных регионов России*) — и лексически, через мелиоративную семантику оценочного атрибутива (*достойный уровень*). Залогом достижения успеха и лидирующего положения области выступает единство народа, вербальными сигналами которого становятся оттопонимическое обозначение *уральцы*, глагол *объединить*, местоимение *всех*. А возможность реализации установки на успех закономерно связывается с деятельностью государственной власти, которая получает со стороны губернатора нормативно-утилитарную оценку: *верное планирование и точно расставленные приоритеты*, *«Пятилетка развития» как комплексная, сильная и понятная людям программа роста.*

Авторитетный специалист по политической лингвистике, обращаясь к анализу четвертой программной статьи губернатора «Мобилизация на успех: год 2016», приходит к выводу о том, что в качестве аксиологической доминанты текста выступает «социоцентрическая идея гражданской общности, предполагающая совершение действия для общего блага, совместно спланированного действия с установкой на успех» [Купина 2016: 21]. При этом, как отмечает исследователь, «государственная власть и самоуправление оказываются звеньями гражданской общности — аксиологической доминанты текста» [Там же: 24]. Предпринятый в настоящей статье анализ подтверждает и в определенной степени развивает выводы Н. А. Купиной. Эксплицируемая губернатором Е. В. Куйвашевым идея гражданской общности, основанная на идеалах справедливости, гражданского долга, готовности к трудовому подвигу, а также доверия к власти, органично вписывается в формируемое политиком ценностное пространство регионального самосознания и становится одним их ключевых аксиологических фокусов дискурса. Ср.*: Вся эта* ***деятельность невозможна без одной важной составляющей — доверия. Нам всем нужно больше доверять и помогать друг другу. Власть знает, что нужно предпринять*** *для достижения успеха, но* ***только объединение усилий всех жителей Свердловской обеспечит необходимый результат*** («Переломный момент», 2017). В данном фрагменте ценности народного единства и доверия власти как важные составляющие гражданской общности репрезентируются губернатором максимально эксплицитно — посредством помещения прямых номинаций ценности (существительное *доверие* и глагол *доверять* и дериват лексемы *единство* — *объединение*) в конструкции с модальностью долженствования.

Безусловной маркированностью во всех аксиологически значимых контекстах обладают используемые губернатором местоимение *мы* и его варианты *наш*, *нам*, *у нас*. В своих рассуждениях глава региона отождествляет себя с жителями Урала и использует прием инклюзии — объединения с адресатом, — позволяющий создать впечатление общности взглядов и устремлений, ощущение «психологического созвучия» [Паршина 2005: 50] автора и адресата. При этом в большинстве фрагментов высказывания носят откровенно лозунговый характер. Рассмотрим лишь некоторые из них.

1. *Сегодня меня не покидает ощущение, что* ***мы переживаем переломный момент.*** *Это время, когда* ***область находится на перепутье****, когда появляются реальные альтернативы траекторий развития. И* ***нам нельзя ошибиться в выборе верной <u>дороги</u>*** («Переломный момент», 2017). Используемая в приведенном фрагменте метафора пути, традиционная для политического дискурса, имплицирует важность принятия правильных решений в отношении дальнейшего развития Свердловской области, а коллективное *мы* позволяет губернатору не только продемонстрировать непосредственную причастность к происходящему в регионе, но и подчеркнуть идею всеобщей ответственности.

2. *Уверенно могу сказать:* ***с проблемами мы справимся и трудности преодолеем****. Более того, промышленность Урала, социальная сфера, малый и средний бизнес получат новое развитие. Но* ***лёгкой жизни и «блюдечка с голубой каёмочкой» нам никто не обещает*** («Мобилизация на успех», 2015). В данном фрагменте, помимо ценности народного единства, актуализируемой посредством коллективного *мы* и мелиоративных предикатов *справимся* и *преодолеем,* губернатором транслируется такая важная ценность коллективного сознания уральцев, как труд. Отрицательно-маркированный фразеологизм «блюдечко с голубой каёмочкой» актуализирует социальный стереотип «легко, без труда — значит плохо». Труд, таким образом, автоматически маркируется в сознании адресата как «хорошее», «ценное».

3. ***Урал был, есть и будет политической опорой Путина. По нам поэтому и бьют чаще и злее****, чем по остальным регионам России.* ***Бьют всегда по опоре. Но мы устоим.*** *Россию и Путина — не подведем!* («Сохраним опорный край державы»,

2014). Глава региона четко артикулирует собственную лояльность действующему президенту России В. В. Путину и демонстрирует установку на осмысление благополучия региона только в контексте благополучия страны. Метафора «опорного края державы», используемая губернатором в рамках тематических линий, посвященных металлургической и оборонной промышленности, в данном фрагменте получает новое прочтение — в политическом контексте: Уральский регион поддерживает государственную власть, и оппозиционным, антиправительственным настроениям здесь нет места.

«Опорный край державы» — это не только метафорическая номинация Урала, заключенная в названии первой из опубликованных губернатором статей, но и сквозной аксиологический мотив дискурса. Рассмотрим еще несколько фрагментов, реализующих потенциал данной метафоры.

1. *В одном уверен:* ***Урал по-прежнему будет называться Опорным краем державы, а на каком-нибудь суперлазере будет стоять клеймо „Сделано в России. Свердловская область“*** («Сохраним опорный край державы», 2014). Данный фрагмент косвенно репрезентирует такую ценность, как национальная/региональная гордость. Вектор оценки направлен в будущее, где Свердловская область не просто промышленный регион-труженик, а центр современных технологий и производств, на что указывает префикс *супер*, имеющий значение «высшее качество, повышенное, усиленное действие» [Супер URL].

2. *Уральцы* ***народ мудрый.*** *Мы хоть и «****хитрые мужики****», как сказал Путин, но свое дело знаем. А* ***наше дело — сохранить опорный край Державы. И мы его сохраним. Попытки развалить Россию через Урал не пройдут*** («Сохраним опорный край державы», 2014). В данном фрагменте метафора опорного края державы используется политиком для выражения ценностной установки на народное единство и межэтническую толерантность на территории Урала и в целом в России. Кроме того, обращает на себя внимание прием скрытой манипуляции: оценочный предикат *народ мудрый* (эмоционально-интеллектуальная оценка губернатора) усиливается через оценочный предикат *хитрые мужики* (оценка президента, которую разделяет губернатор). Таким образом, ценность единства и поддержки государственной власти транслируется в контексте эксплицитной положительной оценки народа со стороны власти.

3. *Безусловно, всё вышесказанное относится в целом к России. Но* ***у нас-то особая роль****! Урал и еще несколько таких регионов, как Урал,* ***определяют Россию как самостоятельное, сильное государство.*** *При всем уважении к нашим землякам из других регионов.* ***Девиз на нашем гербе „Опорный край державы“ действительно не ради красного словца появился*** («Мобилизация на успех», 2015). В приведенном контексте *особая роль* Урала раскрывается через оценочные характеристики России — *самостоятельное, сильное государство.* Оценочный потенциал заключен также в метатексте, демонстрирующем вербальную рефлексию адресанта: *Девиз на нашем гербе „Опорный край державы“ действительно не ради красного словца появился.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный материал позволил сделать следующие выводы о специфике пространства региональной идентичности в дискурсе губернатора Свердловской области.

1. Региональная идентичность выступает как некая совокупная ценность, которая репрезентируется в дискурсе в виде образов, метафор и ценностных установок; последние, в свою очередь, вербализуются посредством различных оценочных лексико-стилистических, грамматических и структурно-композиционных средств и приемов.

2. Ключевым аксиологическим фокусом, обусловливающим остальные значимые ориентиры и установки в дискурсе губернатора, становится историческая «особость» Урала как «опорного края державы». В ходе анализа отмечена аксиологическая многовекторность активно эксплуатируемой губернатором метафоры опорного края державы: Урал в дискурсе Е. В. Куйвашева — это и ключевой промышленный регион России, и регион с мощным человеческим потенциалом, и политически устойчивый регион, опора государственной власти и лично президента Российской Федерации.

3. Представление Свердловской области и Урала как «опорного края державы» детерминирует и другие актуализируемые губернатором образы (край с высоким уровнем экономического и социального развития, регион-труженик, занимающий лидирующее положение в России).

4. Образ «опорного края державы» обусловливает и комплекс транслируемых губернатором ценностных установок и ориентиров, среди которых ценность исторической памяти и национальной гордости, народного единства и доверия власти, экономической и социальной стабильности, готовности трудиться и ориентации на успех.

5. Пространство региональной (Свердловская область) идентичности осмысляется губернатором Е. В. Куйвашевым исключительно в контексте идентичности уральской и общероссийской, как соотношение частного и общего.

ИСТОЧНИКИ

1. Куйвашев, Е. В. Сохраним опорный край Державы / Е. В. Куйвашев. — Текст : электронный // Областная газета : сайт. — 2014. — 20 марта. — URL: https://www.oblgazeta.ru/politics/16647/.

2. Куйвашев, Е. В. Больше народовластия, больше дела / Е. В. Куйвашев. — Текст : электронный // Областная газета : сайт. — 2014. — 17 апр. — URL: https://www.oblgazeta.ru/politics/17272/.

3. Куйвашев, Е. В. Мобилизация на успех / Е. В. Куйвашев. — Текст : электронный // Областная газета : сайт. — 2015. — 26 февр. — https://www.oblgazeta.ru/politics/22061/.

4. Куйвашев, Е. В. Мобилизация на успех: год 2016 / Е. В. Куйвашев. — Текст : электронный // Губернатор Свердловской области : офиц. сайт. — URL: http://gubernator96.ru/article/show/id/195.

5. Куйвашев, Е. В. Переломный момент / Е. В. Куйвашев. — Текст : электронный // Областная газета : сайт. — 2017. — 24 янв. — URL: https://www.oblgazeta.ru/politics/31754/.

6. Куйвашев, Е. В. Быть достойным Екатеринбурга / Е. В. Куйвашев. — Текст : электронный // Областная газета : сайт. — 2018. — 30 авг. — URL: https://www.oblgazeta.ru/politics/sverdlovsk/39566/.

7. Куйвашев, Е. В. Не бояться мечтать. Вчера — мечта, сегодня — цель, завтра — реальность / Е. В. Куйвашев. — Текст : электронный // Областная газета : сайт. — 2019. — 18 окт. — URL: https://www.oblgazeta.ru/politics/100320/.

8. Куйвашев, Е. В. Основа успеха / Е. В. Куйвашев. — Текст : электронный // Областная газета : сайт. — 2019. — 24 дек. — URL: https://www.oblgazeta.ru/politics/sverdlovsk/103492/.

ЛИТЕРАТУРА

9. Ильина, О. В. Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе Свердловской области / О. В. Ильина, Е. В. Каблуков. — DOI 10.26170/pl19-02-14. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 119—131.

10. Казакова-Апкаримова, Е. Ю. Проблема региональной идентичности уральцев в публицистике и областной литературе конца XIX — начала XX века / Е. Ю. Казакова-Апкаримова. — Текст : непосредственный // Journal of new economy. — 2013. — № 2 (46). — С. 83—88.

11. Кондратьева, О. Н. Тактика создания «светлого будущего» региона в предвыборном дискурсе Кемеровской области / О. Н. Кондратьева, А. В. Жегло. — DOI 10.26170/pl19-02-05. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 55—61.

12. Купина, Н. А. Аксиологическая доминанта в тексте программной статьи губернатора Свердловской области Евгения Куйвашева «Мобилизация на успех: год 2016» / Н. А. Купина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — №. 1. — С. 20—25.

13. Максимова, Л. А. Региональная идентичность в юношеском возрасте как маркер личностной связи с территорией проживания / Л. А. Максимова, Р. А. Валиев, Н. Б. Руженцева, Т. В. Валиева. — DOI 10.17759/pse.2019240208. — Текст : непосредственный // Психологическая наука и образование. — 2019. — Т. 24. — № 2. — С. 82—92.

14. Мурзин, А. Э. Потенциал региональной идентичности в межнациональных отношениях / А. Э. Мурзин. — Текст : непосредственный // Человек в мире культуры. — 2016. — № 1. — С. 59—67.

15. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : 10.02.10 : дис. … д-ра филол.наук / Паршина О. Н. — Саратов, 2005. — 325 с. — Текст : непосредственный.

16. Серебренникова, Е. Ф. Аксиологическое измерение дискурса / Е. Ф. Серебренникова. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2015. — № 21 (732). — С. 128—137.

17. Супер // Грамота.ру : сайт. — URL: http://gramota.ru/slovari/dic/?word=супер+&all=x. — Текст : электронный.

18. Чибисова, О. В. Конструирование региональной идентичности районными газетами Хабаровского края / О. В. Чибисова. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 10 (76). — С. 73—76.

19. Шалина, И. В. К проблеме описания методики лингвоаксиологического анализа (на материале диалогического общения носителей просторечной лингвокультуры) / И. В. Шалина, Ю. Б. Пикулева. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2016. — № 11 (59). — С. 121—132.

20. Шушарина, Г. А. Языковая актуализация региональной идентичности (на материале интернет-ресурсов) / Г. А. Шушарина. — Текст : непосредственный // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2018. — № 1 (4). — С 224—232.

21. Paasi, A. The resurgence of the region and regional identity: Theoretical perspectives and empirical observation on regional dynamics in Europe / A. Paasi. — Text : unmediated // Review of International Studies. — 2009. — № 35. — P. 121—146.

22. Uszkai, A. Spatial Integration and Identity: Cases of Border Regions / A. Uszkai. — 2015. — URL: https://www.researchgate.net/publication/283490640_Spatial_Integration_and_Identity_Cases_of_Border_Regions (date of access: 28.04.2020). — Text : electronic.

23. Zimmermann-Steinhart, P. Creating regional identities? Theoretical considerations / P. Zimmermann-Steinhart. — Text : electronic // ECPR Joint Sessions of Workshops, Granada 14—19 April 2005. Societal Regionalism in Western and Eastern Europe. — URL: http://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/a8a65636-f467-4941-bc64-3ccbaac8638 (date of access: 01.05.2020).

M. V. Nikiforova
Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-0635-7065 ☑

N. A. Nakhimova
Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-4908-632 ☑

☑ ***E-mail:*** *armada29@yandex.ru; nakhimova@gmail.com.*

Regional Identity Representation in the Individual Discourse of the Governor of Sverdlovsk Region E. V. Kuyvashev (On the Material of Program Articles of 2014—2019)

ABSTRACT. *The article deals with the problem of regional identity in the discourse of the Governor of Sverdlovsk region E. V. Kuyvashev. The material under investigation includes the program articles of the head of the region published in the newspaper Oblastnaya Gazeta from 2014 to 2019. The key method of study used to interpret the textual material is cogni-*

tive-discursive analysis in its linguo-axiological dimension, which presupposes analysis of axiologically charged speech contexts representing, both explicitly and implicitly, the images and values, which form the space of the regional identity in the politician's discourse.

As a result of their analysis, the authors conclude that the axiological focus of the Governor's discourse rests on the historical "uniqueness" of the Urals as a "pillar of the power", which in its turn determines other images used by the Governor — a territory with a high level of economic and social development, a working region, a region with the leading position in Russia. The image of the "pillar of the power" also determines a complex of values explicated by the Governor, including historical memory, national pride, national unity, trust in the government, economic and social stability, readiness to work and pursuit of success. The regional identity space is interpreted by the Governor of Sverdlovsk region solely in the context of the all-Russian identity.

KEYWORDS: *mass media language; mass media; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; regional mass media; governors; regional identity; discourse analysis; linguo-axiological analysis; politicians; regional organs of power; political metaphorology; metaphorical modeling; metaphorical models; political discourse.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Nikiforova Marina Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Business Foreign Language, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Nakhimova Elena Anatol'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Nikiforova, M. V.* Regional Identity Representation in the Individual Discourse of the Governor of Sverdlovsk Region E. V. Kuyvashev (On the Material of Program Articles of 2014—2019) / M. V. Nikiforova, N. A. Nakhimova // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 94-102. — DOI.

ACKNOWLEDGMENTS. Research has been accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within scientific project No. 19-012-00465 «Linguopolitical Personology: A Discursive Approach».

MATERIALS

1. Kuyvashev, E. V. Save the Supporting Edge of the State / E. V. Kuyvashev. — Text : electronic // Regional Newspaper: website. — 2014. — March 20. [Sokhranim opornyy kray Derzhavy / E. V. Kuyvashev. — Tekst : elektronnyy // Oblastnaya gazeta : sayt. — 2014. — 20 marta]. — URL: https://www.oblgazeta.ru/politics/16647/. — (In Rus.)

2. Kuyvashev, E. V. More Democracy, More Work / E.V. Kuyvashev. — Text : electronic // Regional Newspaper: website. — 2014. — Apr 17. [Bol'she narodovlastiya, bol'she dela / E. V. Kuyvashev. — Tekst : elektronnyy // Oblastnaya gazeta : sayt. — 2014. — 17 apr.]. — URL: https://www.oblgazeta.ru/politics/17272/. — (In Rus.)

3. Kuyvashev, E. V. Mobilization for Success / E.V. Kuyvashev. — Text : electronic // Regional Newspaper: website. — 2015. — Feb 26. [Mobilizatsiya na uspekh / E. V. Kuyvashev. — Tekst : elektronnyy // Oblastnaya gazeta : sayt. — 2015. — 26 fevr.]. — URL: https://www.oblgazeta.ru/politics/22061/. — (In Rus.)

4. Kuyvashev, E. V. Mobilization for Success: Year 2016 / E. V. Kuyvashev. — Text : electronic // Governor of the Sverdlovsk Region: official. site. [Mobilizatsiya na uspekh: god 2016 / E. V. Kuyvashev. — Tekst : elektronnyy // Gubernator Sverdlovskoy oblasti : ofits. sayt]. — URL: http://gubernator96.ru/article/show/id/195. — (In Rus.)

5. Kuyvashev, E. V. Tipping Point / E. V. Kuyvashev. — Text : electronic // Regional Newspaper : website. — 2017. — Jan 24. [Perelomnyy moment / E. V. Kuyvashev. — Tekst : elektronnyy // Oblastnaya gazeta : sayt. — 2017. — 24 yanv.]. — URL: https://www.oblgazeta.ru/politics/31754/. — (In Rus.)

6. Kuyvashev, E. V. Be Worthy of Yekaterinburg / E.V. Kuyvashev. — Text : electronic // Regional Newspaper : website. — 2018. — Aug 30. [Byt' dostoynym Ekaterinburga / E. V. Kuyvashev. — Tekst : elektronnyy // Oblastnaya gazeta : sayt. — 2018. — 30 avg.]. — URL: https://www.oblgazeta.ru/politics/sverdlovsk/39566/. — (In Rus.)

7. Kuyvashev, E. V. Do not be Afraid to Dream. Yesterday is a Dream, Today is a Goal, Tomorrow is a Reality / E.V. Kuyvashev. — Text : electronic // Regional Newspaper : website. — 2019. — Oct 18. [Ne boyat'sya mechtat'. Vchera — mechta, segodnya — tsel', zavtra — real'nost' / E. V. Kuyvashev. — Tekst : elektronnyy // Oblastnaya gazeta : sayt. — 2019. — 18 okt.]. — URL: https://www.oblgazeta.ru/politics/100320/. — (In Rus.)

8. Kuyvashev, E. V. The Basis of Success / E. V. Kuyvashev. — Text : electronic // Regional Newspaper : website. — 2019. — Dec 24. [Osnova uspekha / E. V. Kuyvashev. — Tekst : elektronnyy // Oblastnaya gazeta : sayt. — 2019. — 24 dek.]. — URL: https://www.oblgazeta.ru/politics/sverdlovsk/103492/.

REFERENCES

9. Chibisova O. V. (2017). Developing Regional Identity by Regional Newspapers of Khabarovsk Territory // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. No 10-1 (76). Pp. 73 — 76 [Konstruirovanie-regionalnoy-identichnosti-rayonnymi-gazetami-habarovskogo-kraya // Filologicheskiye Nauki: Voprosy Teorii I Praktiki]. — (In Rus.).

10. Il'ina O. V., Kablukov E. V. (2019). Practices of Constructing Ural Identity in the Media Discourse of Sverdlovsk Region // Political Linguistics. No 2 (74). Pp. 119—131. [Praktiki-konstruirovaniya-uralskoy-identichnosti-v-mediadiskurse-sverdlovskoy-oblasti // Politicheskaya Lingvistika]. — (In Rus.). DOI 10.26170/pl19-02-14.

11. Kazakova-Apgerimovs Ye.Yu. (2013). The Problem of Regional Identity of the Urals'Population in the Political essays and Regional Literature of the Late XIX — early XX centuries. // Journal of new economy. No 2 (46). P. 83—88 [Problema-regionalnoy identichnosti-uraltsev-v-publitsistike-i-oblastnoy-literature-kontsa-XIX-nachala-XX-veka // Journal of new economy]. — (In Rus.).

12. Kondrat'eva O. N., Zheglo A. V. (2019). Tactics of Creation of "a Brighter Future" for the Region in the Pre-election Discourse of Kemerovo Oblast // Political Linguistics. No 2 (74). P. 55—61 [Taktika-sozdaniya-svetlogo-buduschego-regiona-v-predvybornom-diskurse-kemerovskoy-oblasti // Politicheskaya Lingvistika]. — (In Rus.). DOI 10.26170/pl19-02-05.

13. Kupina N. A. (2016). Axiological Dominant in the Text of the Program Article of Sverdlovsk Region Governor Evgeny Kuyvashev "Mobilization on Success: Year 2016"// Political Linguistics. No 1. P. 20—25 [aksiologicheskaya-dominanta-v-tekste-programmnoy-stati-gubernatora-sverdlovskoy-oblasti-evgeniya-kuyvasheva-obilizatsiya-na-uspeh-god 2016 // Politicheskaya Lingvistika]. — (In Rus.).

14. Maksimova L. A., Valiyev R. A., Ruzhentseva N. B., Valiyeva T. V. (2019). Conceptosphere of Regional Identity in Young People as Marker of Personal Relation with Territory of Residence // Psychological Science and Education. Vol. 24, no. 2. P. 82—92 [Regionalnaya-identichnost'-v-yunosheskom-vozraste-kak-marker-lichnostnoi-svyazi-s-territoriyei-prozhivaniya // Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye]. — (In Rus.). DOI 10.17759/pse.2019240208.

15. Murzin A. E. (2016). The Potential of Regional Identity in International Relations // A Human in the World of Culture.

No. 1. Pp. 59—67. [Potentsial-regionalnoy-identichnosti-v-mezhnatsionalnyh-otnosheniyah // Chelovek v mire kultury]. — (In Rus.).

16. Parshina O. N. (2005). Strategies and tactics of verbal behavior of the modern political elite of Russia: Diss…. doctor. filol.Sciences: 10.02.01 [Strategii i taktiki rechevogo povedenija sovremennoy politicheskoy elity Rossii]. Saratov. 325 p. — (In Rus.).

17. Serebrennikova E. F. (2015). Axiological Dimension of Discourse // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. No 21 (732). Pp. 128 — 137 [Aksiologicheskoe-izmerenie-diskursa // Vestnik Moskovskogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki]. — (In Rus.).

18. Shusharina G.A. (2018). Language Foregrounding of Regional Identity (on the material of Internet resourses) // Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatischev. Vol. 1. No. 4. P. 224—232 [Yazykovaya-aktualizatsiya-regionalnoy-identichnosti-na-materiale-internet-resursov // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatischeva]. — (In Rus.).

19. Shalina I. V., Pikuleva Y. B. (2016). On Problem of Description of Linguoaxiological Analysis Method (on Material of Dialogic Communication of Speakers of Vernacular Culture) // Scientific Dialogue. No 11(59). P. 121—132 [K-probleme-opisaniya-metodiki-lingvoaksiologicheskogo-analiza-na-materiale-dialogicheskogo-obscheniya-nositeley-prostorechnoy // Nauchnyy dialog]. — (In Rus.).

20. Super // Gramota.ru: site. — URL: http://gramota.ru/slovari/dic/?word=супер+&all=x. — Text : electronic. — (In Rus.)

21. Paasi, A. The resurgence of the region and regional identity: Theoretical perspectives and empirical observation on regional dynamics in Europe / A. Paasi. — Text : unmediated // Review of International Studies. — 2009. — № 35. — P. 121—146.

22. Uszkai, A. Spatial Integration and Identity: Cases of Border Regions / A. Uszkai. — 2015. — URL: https://www.researchgate.net/publication/283490640_Spatial_Integration_and_Identity_Cases_of_Border_Regions (date of access: 28.04.2020). — Text : electronic.

23. Zimmermann-Steinhart, P. Creating regional identities? Theoretical considerations / P. Zimmermann-Steinhart. — Text : electronic // ECPR Joint Sessions of Workshops, Granada 14—19 April 2005. Societal Regionalism in Western and Eastern Europe. — URL: http://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/a8a65636-f467-4941-bc64-3ccbaac8638 (date of access: 01.05.2020).

УДК 811.111'42:811.111'38
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55 *ГСНТИ 16.21.27; 16.21.29* *Код ВАК 10.02.19*
DOI

Т. Г. Попова
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-4365-6723 ☑

К. А. Кокорина
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *tatyana_27@mail.ru; smal.ksen@mail.ru.*

Гендерный фактор женского политического дискурса (на материале публичных выступлений Т. Мэй)

АННОТАЦИЯ. *Статья представляет собой анализ особенностей женского политического дискурса в британской лингвокультуре. Исследование построено на изучении материала публичных выступлений Терезы Мэй в должности премьер-министра Великобритании. Материал для исследования был отобран и проанализирован в соответствии с методами контекстуального, концептуального и компонентного анализов. Целью данной работы является рассмотрение лингвистических особенностей политического дискурса Терезы Мэй, выделяемых на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях. На лексическом уровне женщина-политик может не только идентифицировать себя с собеседником посредством употребления местоимения «we», проявляя стандартную для женского дискурса тактику, но и использовать так называемую дефеминизацию, то есть применение определенных стратегий, свойственных преимущественно маскулинному дискурсу, употребляя местоимение «I» в попытке показать свою доминирующую позицию. Также отмечено употребление лексики политической сферы (профессионализмов), устаревшей лексики, слов, выражающих уверенность, категоричность, оценочность, вводных слов и выражений. На синтаксическом уровне Тереза Мэй широко использует конструкции экспрессивного синтаксиса (риторические вопросы, сравнительные обороты, сложные адъективные конструкты), которые не являются приемами сугубо феминного дискурса. Среди стилистических средств и приемов обращают на себя внимание такие, как метафора, эмоционально окрашенная лексика, парцелляция, анафора, лексические повторы, обращение к фактам личной жизни. В исследовании подчеркивается важность манипулирования гендерным фактором для успешной реализации целей и задач политического дискурса.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс; политическая коммуникация; гендерные факторы; гендерная картина мира; гендер; женщины; английский язык; лингвоперсонология; политические деятели; женщины-политики; политическая риторика; языковая личность; публичные выступления; политические речи.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка, факультет иностранных языков, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; e-mail: tatyana_27@mail.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Кокорина Ксения Александровна, адъюнкт, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; e-mail: smal.ksen@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Попова, Т. Г.* Гендерный фактор женского политического дискурса (на материале публичных выступлений Т. Мэй) / Т. Г. Попова, К. А. Кокорина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 103-109. — DOI.

Политика перестала быть исключительно «мужским делом» и, следовательно, субъектами политической коммуникации все чаще выступают женщины. Присутствие женщин в политической системе страны, укрепление их политического статуса, участие в борьбе за политическую власть — все эти факторы говорят о прогрессивном состоянии общества. Поэтому можно сделать вывод о том, что политический дискурс обретает все более ярко выраженную агендерную маркированность. Исследование определенных гендерных стереотипов и маркеров, объективирующихся в политическом дискурсе, представляет особый интерес, так как они уже являются неотъемлемой частью политической культуры современного общества.

Изучением вопроса гендерных особенностей в дискурсе занимаются многие ученые, например, Н. В. Белая [Белая 2009], Т. А. ван Дейк [Дейк 1989], А. В. Кириллина [Кириллина 1999], Р. Лакофф [Лакофф 2001], Т. Г. Попова [Попова 2007] и многие другие исследователи. Необходимо подчеркнуть важность анализа гендерного феномена в коммуникации. Говоря другими словами, «антропоориентированный характер лингвистических исследований на современном этапе ее развития диктует необходимость учета гендерного аспекта коммуникации» [Попова 2006: 229].

© Попова Т. Г., Кокорина К. А., 2020

Одной из характерных черт политической коммуникации является антропоцентризм, помимо которого политической коммуникации присущи такие черты, как экспланаторность (способность объяснить исследуемые феномены), мультидисциплинарность (изучение тех или иных явлений с опорой на методологию разных наук) и функционализм (исследование функций языка в дискурсе) [Чудинов 2006: 7].

Под термином «гендер» понимается «социальный конструкт, результат воздействия на человека многообразных социальных инструментов» [Попова 2007: 43]. В этой связи необходимо отметить тот факт, что сам по себе гендер, будучи продуктом культурных традиций общества и социальных отношений, не является какой-либо лингвистической категорией. Однако именно с помощью анализа языковых структур раскрывается его содержание, фиксируются основные гендерные стереотипы, содержащиеся в сознании представителей той или иной лингвокультуры. Гендер способен конструироваться посредством системы социализации, разделения труда и принятых в обществе культурных норм, ролей и стереотипов.

На сегодняшний день в центре внимания гендерных исследований в политической коммуникации оказываются стереотипированные представления о мужских и женских особенностях продуцирования политического высказывания, а также различные социальные и психологические факторы, способствующие завоеванию и удержанию власти посредством половариативных языковых различий. Об отличии женского дискурса от мужского говорит Н. В. Белая [Белая 2009], выделяя в качестве особенностей женской коммуникации использование «ядра словаря», т. е. устоявшегося слоя лексики, идентификацию себя с собеседником, создание благоприятного психологического климата для общения.

Женской коммуникации присуще использование относительно малого по содержанию лексических единиц словаря, т. е. употребление более часто репрезентируемых в языке лексем, в отличие от мужской коммуникации, в которой изобилуют профессионализмы и присутствуют неологизмы. Для создания комфортных условий осуществления коммуникации женщинами часто используются определенные приемы поддержания беседы, в то время как мужчины предпочитают создавать атмосферу доминирования. Кроме того, женский стиль общения предполагает идентификацию себя с целевой аудиторией, иными словами «женщины немедленно сигнализируют партнеру о готовности встать на его место и оценить ситуацию с его позиций» [Белая 2009: 100].

В статье мы опишем гендерные особенности женского политического дискурса в английском языке на базе ряда публичных выступлений Терезы Мэй в должности премьер-министра Великобритании. Методологическая база исследования опирается на методы контекстуального, концептуального и компонентного анализов.

Нами были выделены следующие особенности речи бывшего премьер-министра Великобритании:

1. Употребление подлежащих, выраженных местоимениями*: **I** continue to believe **we** need to leave the EU, with a deal, as soon as possible* [PM statement to the House of Commons: 26 February 2019: gov.uk]. — ***Я** продолжаю верить, что **нам** нужно как можно скорее покинуть ЕС и заключить сделку*.

В приведенном ниже примере местоимение *we* формально служит для идентификации себя с целевой аудиторией и создает ощущение близости с реципиентом: ***We** have been clear all along that **we** don't want to go back to a hard border in Ireland* [In full: Theresa May's speech on future UK-EU relations: BBC News]. — ***Нам** все время было ясно, что **мы** не хотим возвращаться к жесткой границе в Ирландии*.

Эти примеры показывают, что в политическом дискурсе женщина может не только идентифицировать себя с собеседником, проявляя стандартную для женского дискурса тактику, но и использовать так называемую дефеминизацию, т. е. применение определенных стратегий, свойственных преимущественно маскулинному дискурсу, употребляя местоимение *I* в попытке показать свою доминирующую позицию.

2. Использование Терезой Мэй сугубо политической лексики, которая в данном типе дискурса выступает в качестве профессионализмов: *But we have a duty as politicians to find a way **to fulfil the democratic decision** of the **Referendum**, deliver Brexit and move our country forward* [PM statement to the House of Commons: 26 February 2019: gov.uk]. — *Но мы, как политики, обязаны найти способ **выполнить демократическое решение референдума**, поставить Брексит и продвинуть нашу страну вперед.*

3. Употребление с прагматической целью устаревших выражений, и книжной лексики: *A **fortnight** ago I committed to come back before the House today if the Government had not by now secured a majority for a Withdrawal Agreement and a Political Declaration* [PM statement on Brexit negotiations: 15 November 2018: gov.uk]. — ***Две недели** назад*

я взяла на себя обязательство вернуться сегодня перед выступлением в Палате, если правительство к настоящему времени не получило большинства для соглашения о выходе и политической декларации.

4. Использование слов, выражающих уверенность, категоричность, оценочность: *Now **of course**, for many young people, following the path to university is absolutely the right option* [PM speech at Augar Review launch: 30 May 2019: gov.uk]. — *Конечно, для многих молодых людей идти по пути в университет — абсолютно правильный выбор.* Как правило, данные средства позиционируются в начале предложения, что свидетельствует о намерении политика с первых слов заявить о своей уверенности по поводу сообщаемого.

5. Использование в речи вводных слов и выражений: ***Firstly,** I welcome the Council's approval of the legally-binding assurances in relation to the Northern Ireland backstop which I negotiated with President Juncker last week* [PM statement at the EU Council: 21 March 2019: gov.uk]. — ***Во-первых,** я приветствую утверждение Советом юридически обязывающих заверений в отношении поддержки Северной Ирландии, о которых я договаривалась с президентом Юнкером на прошлой неделе.*

***As I have said previously,** I believe strongly that it would be wrong to ask people in the UK to participate in these elections three years after voting to leave the EU* [PM statement at the EU Council: 21 March 2019: gov.uk]. — ***Как я говорила ранее**, я твердо верю, что было бы неправильно просить людей в Великобритании участвовать в этих выборах через три года после голосования, чтобы покинуть ЕС.*

При анализе синтаксического уровня политического дискурса Терезы Мэй нами было выявлено, что политик в своей речи широко использует конструкции экспрессивного синтаксиса.

Для бывшего премьер-министра Великобритании характерно:

1. Использование сложносочиненных предложений: *The innovators and entrepreneurs, the thinkers and the do-ers, who are working hand-in-hand with colleagues and counterparts on the other side of the world to grow our economies and, in doing so, help all our people grow too* [PM India Day speech: 16 July 2019: gov.uk]. — *Новаторы и предприниматели, мыслители и деятели, которые работают рука об руку с коллегами по всему миру, чтобы развивать нашу экономику, тем самым помогая развиваться всему нашему народу*.

2. Также употребление простых предложений: *This is the right deal for the UK. It delivers on the vote of the referendum. It brings back control of our borders, our money and our laws* [PM statement in Downing Street: 22 November 2018: gov.uk]. — *Это правильная сделка для Великобритании. Это реализуется на голосовании референдума. Это возвращает контроль над нашими границами, нашими деньгами и нашими законами.*

3. Использование сложных адъективных конструктов: *Your report is a **ground-breaking** piece of work, because it is one that sets out in compelling detail the challenges confronting all of us who care about post-18 education in all its forms* [PM speech at Augar Review launch: 30 May 2019: gov.uk]. — *Ваш доклад является **поистине прорывом,** потому что в нем подробно излагаются проблемы, с которыми сталкиваются те из нас, кому небезразлично образование после 18 лет во всех его формах*.

4. Сравнения и сравнительные обороты как часть синтаксической конструкции: *In its report, the Committee on Climate Change forecast significant benefits to public health and savings to the NHS from better air quality and less noise pollution, **as well as** improved biodiversity* [Prime Minister: We will end UK contribution to climate change by 2050: gov.uk]. — *В своем докладе Комитет по изменению климата прогнозировал значительные выгоды для общественного здравоохранения и сбережения для ГСЗ от улучшения качества воздуха и снижения уровня шума, **так же как и** улучшение биоразнообразия*.

5. Употребление риторических вопросов: *What kind of message would that send to the more than 17 million people who voted to leave the EU nearly three years ago now?* [PM statement on Brexit negotiations: 15 November 2018: gov.uk] — *Какого рода сообщение будет отправлено более 17 миллионам человек, которые проголосовали за то, чтобы покинуть ЕС почти три года назад?*

Приемы, использующиеся в политическом дискурсе Терезы Мэй, не являются приемами сугубо феминного дискурса, поскольку примеры использования экспрессивного синтаксиса также можно найти и в маскулинном политическом дискурсе. Таким образом, можно говорить о том, что на синтаксическом уровне женщины-политики используют те же приемы, что и политики-мужчины.

При анализе стилистического уровня нами было выявлено, что политик активно использует целый ряд стилистических приемов, что делает ее речь более яркой и выразительной. Проанализировав стилистиче-

ский уровень речи Терезы Мэй, мы пришли к выводу о том, что он репрезентируется следующими приемами.

1. Использование в речи метафоры: *The British people want this to be settled. They want a good deal that sets us on course for a* ***brighter future*** [May's statement about future relationship document: The Guargian]. — *Британцы хотят, чтобы это было решено. Они хотят заключить выгодную сделку, которая приведет нас к* ***светлому будущему.***

2. Употребление эпитетов в связке с эмоционально окрашенной лексикой: *I have been in contact this morning with Prime Minister Jacinda Ardern to express the UK's* ***deepest condolences*** *at the* ***horrifying terrorist attack*** *that took place at two mosques in Christchurch* [PM statement on the New Zealand attack: 15 March 2019: gov.uk]. — *Сегодня утром я связалась с премьер-министром Джасиндой Ардерн, чтобы* ***выразить глубочайшие соболезнования*** *Великобритании в связи* ***с ужасающим террористическим нападением****, совершенным в двух мечетях в Крайстчерче*.

3. Употребление парцелляции: *You are not just a part of British life — you are the guarantors of British life. The foundation of our freedom. The protectors of our democracy. And for that, we owe you a debt of gratitude* [PM speech at Northwood: 8 July 2019: gov.uk]. — *Вы не просто часть британской жизни, вы — гаранты британской жизни. Основа нашей свободы. Защитники нашей демократии. И за это мы в долгу перед вами.*

4. Использование анафоры: ***We have secured*** *the rights of the more than three million EU citizens living in the UK, and around one million UK nationals living in the EU.* ***We have agreed*** *a time-limited implementation period that ensures businesses only have to plan for one set of changes.* ***We have agreed*** *Protocols to ensure Gibraltar and the Sovereign Base Areas are covered by the Withdrawal Agreement.* ***And we have agreed*** *a fair financial settlement — far lower than the figures many mentioned at the start of this process* [PM statement on Brexit negotiations: 15 November 2018: gov.uk]. — ***Мы обеспечили*** *права более трех миллионов граждан ЕС, проживающих в Великобритании, и около одного миллиона граждан Великобритании, проживающих в ЕС.* ***Мы согласовали*** *ограниченный по времени период внедрения, который гарантирует, что предприятия должны планировать только один набор изменений.* ***Мы согласовали*** *протоколы, гарантирующие, что Гибралтар и районы суверенной базы будут охвачены соглашением о выводе средств.* ***И мы согласовали*** *справедливое финансовое урегулирование — намного ниже, чем цифры, упомянутые в начале этого процесса.*

5. Употребление лексических повторов с целью усиления эмфазы: *You are* ***always*** *there,* ***always*** *ready,* ***always*** *serving — and all so that we in the UK might sleep safely in our beds* [PM India Day speech: 16 July 2019: gov.uk]. — *Вы* ***всегда*** *здесь,* ***всегда*** *готовы,* ***всегда*** *служите — и все для того, чтобы мы в Великобритании могли спокойно спать в своих кроватях.*

Отдельно отметим такой частый для Терезы Мэй стратегический прием, как апеллирование к фактам личной жизни: *This year is the tenth anniversary of the death of the woman who introduced me to my husband, and who was known well to many of us in this United Nations* [Theresa May's speech to the UN General Assembly 2017: gov.uk]. — *В этом году исполняется десятая годовщина со дня смерти женщины, которая представила меня моему мужу и которая была хорошо известна многим из нас в Организации Объединенных Наций.*

Этот прием относится как к маскулинному, так и феминному приему политического дискурса.

Таким образом, проанализировав лексический, синтаксический и стилистический уровни женского политического дискурса, мы пришли к выводу о том, что каждый уровень характеризуется своими особенностями, которые свойственны как женскому, так и мужскому политическому дискурсу. Однако, как показывает анализ, женщина-политик в своих политических высказываниях часто прибегает к использованию так называемой стратегии дефеминизации, пытаясь создать у реципиента впечатление политически сильной личности.

Данные особенности и формируют образ политика в так называемой гендерной картине мира, которая представляет собой «стержень интеграции людей, средство гармонизации разных сфер человеческой жизнедеятельности, их связи между собой» [Попова 2003: 97]. Так, в процессе анализа материала нами был сделан вывод о том, что сам гендерный фактор в политическом дискурсе употребляется не только с целью определения тех или иных половариативных аксиологических особенностей самого дискурса, но и служит своеобразным мерилом статуса и положения политиков-женщин и политиков-мужчин в коридорах власти.

Приведенные нами особенности политического дискурса Терезы Мэй, реализующиеся на трех исследованных уровнях, служат доказательством того, что, используя

различные приемы достижения персуазивности и манипулятивности не только в плане лексики, но и в плане грамматического содержания, женщина-политик имеет успех на своем профессиональном поприще.

Будучи продуцентом политического дискурса, женщина-политик активно использует личное местоимение *I*, чтобы показать свой статус и влияние. В то же время с целью сблизиться с реципиентом и идентифицировать себя с целевой аудиторией в речи женщины-политика используется местоимение *we*. Самые различные стилистические приемы, находящие применение в речи женщины-политика, делают ее речь более выразительной и яркой, а такие приемы, как как анафора, парцелляция, риторические вопросы служат для создания эмфатической интонации, определенных переживаний и ощущений у адресанта.

Таким образом, умелое использование правильных приемов в той или иной ситуации может являться одним из компонентов успеха политика в продуцировании влиятельного дискурса, в то время как некорректное применение тех или иных приемов или неуместное смешение феминного и маскулинного компонента в дискурсе могут привести к незапланированной реакции реципиента. Таким образом, манипулирование гендерным фактором представляет собой сложный процесс, играющий немаловажную роль в реализации задач политического дискурса.

ИСТОЧНИКИ

1. In full: Theresa May's speech on future UK-EU relations // BBC News: site. — URL: https://www.bbc.com/news/uk-politics-43256183 (date of access: 25.02.2020). — Text : electronic.

2. May’s statement about future relationship document // The Guargian: site. — URL: https://www.theguardian.com/politics/blog/live/2018/nov/22/brexit-talks-theresa-may-eu-hancock-rejects-claims-talks-are-in-trouble-saying-last-minute-hitches-normal-in-eu-negotiations-politics-live?page=with:block-5bf6a77ce4b045afb4421a6b#block-5bf6a77ce4b045afb4421a6b (date of access: 25.02.2020). — Text : electronic.

3. PM India Day speech: 16 July 2019 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-india-day-speech-16-july-2019 (date of access: 28.02.2020). — Text : electronic.

4. PM speech at Augar Review launch: 30 May 2019 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-at-augar-review-launch-30-may-2019 (date of access: 28.02.2020). — Text : electronic.

5. PM speech at Northwood: 8 July 2019 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-at-northwood-8-july-2019 (date of access: 28.02.2020). — Text : electronic.

6. PM statement at the EU Council: 21 March 2019 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-at-the-eu-council-21-march-2019 (date of access: 01.03.2020). — Text : electronic.

7. PM statement in Downing Street: 22 November 2018 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-in-downing-street-22-november-2018 (date of access: 01.03.2020). — Text : electronic.

8. PM statement on Brexit negotiations: 15 November 2018 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-on-brexit-negotiations-15-november-2018 (date of access: 01.03.2020). — Text : electronic.

9. PM statement on the New Zealand attack: 15 March 2019 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/news/pm-statement-on-the-new-zealand-attack-15-march-2019 (date of access: 25.02.2020). — Text : electronic.

10. PM statement to the House of Commons: 26 February 2019 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-to-the-house-of-commons-26-february-2019 (date of access: 01.03.2020). — Text : electronic.

11. Prime Minister: We will end UK contribution to climate change by 2050 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/news/prime-minister-we-will-end-uk-contribution-to-climate-change-by-2050 (date of access: 25.02.2020). — Text : electronic.

12. Theresa May’s speech to the UN General Assembly 2017 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/speeches/theresa-mays-speech-to-the-un-general-assembly-2017 (date of access: 25.02.2020). — Text : electronic.

ЛИТЕРАТУРА

13. Белая, Н. В. О проявлении гендерных различий в языке / Н. В. Белая. — Текст : непосредственный // Rhema. Рема. — Москва, 2009. — С. 97—102.

14. Попова, Т. Г. Гендерные стереотипы как отражение речевого поведения / Т. Г. Попова. — Текст : непосредственный // Гендер и язык. — Москва, 2007. — С. 43—59.

15. Попова, Т. Г. Языковое сознание как основополагающий фактор общения / Т. Г. Попова. — Текст : непосредственный // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности : XV Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации, посвященный памяти А. А. Леонтьева и 40-летию первого, организованного им семинара по психолингвистике. — Москва, 2006.

16. Попова, Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков) : моногр. / Татьяна Георгиевна Попова ; Московский гос. обл. ун-т. — Москва : Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. — 145 с. — Текст : непосредственный.

17. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 254 с. — Текст : непосредственный.

18. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. — Москва : Ин-т социологии РАН, 1999. — 189 с. — Текст : непосредственный.

19. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Москва, 1989. — 312 с. — Текст : непосредственный.

20. Лакофф, Р. Язык и место женщины / Р. Лакофф. — Текст : непосредственный // Введение в гендерные исследования. — Харьков, 2001. — С. 784—798.

T. G. Popova
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-4365-6723 ☑

K. A. Kokorina
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *tatyana_27@mail.ru; smal.ksen@mail.ru.*

Gender-Specific Features of Female Political Discourse (Based on the Material of Public Speeches by T. May)

ABSTRACT. *The article presents an analysis of specific features of female political discourse in British linguoculture. The research is based on the study of the texts of public speeches of Theresa May as British Prime Minister. The research material has been selected and analyzed in accordance with the methods of contextual, conceptual and component analysis. The aim of the given study is to examine the linguistic peculiarities of the political discourse of T. May singled out on the lexical, syntactical and stylistical levels. On the lexical level, the woman-politician can not only identify herself with the interlocutor via using the pronoun "we", thus employing a tactic typical of female discourse, but can also use the so called defeminization, i.e. turn to certain strategies usually typical of male discourse, by using the pronoun "I" trying to show her dominant position. The study also notes the use of political vocabulary (professionalisms), archaic words, words denoting certainty, firmness and evaluation, and parentheses. On the syntactical level, T. May widely uses the constructions of expressive syntax (rhetorical questions, comparative constructions and complex adjectival constructs), which are not exclusively techniques of female discourse. The following stylistic means and techniques attract the researcher's attention first and foremost: metaphor, emotionally colored vocabulary, parcellation, anaphora, lexical recurrence and turning to facts from personal life. The study emphasizes the importance of manipulating the gender-specific factor for successful realization of the aims and tasks of political discourse.*

KEYWORDS: *political discourse. political communication; gender-specific factors; gender-based worldview; gender; women; English; linguopersonology; politicians; women-politicians; political rhetoric; linguistic personality; public speeches; political speeches.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Popova Tat'yana Georgievna, Doctor of Philology, Professor of the English Department of the Faculty of Foreign Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kokorina Kseniya Aleksandrovna, Adjunct, English Department of the Faculty of Foreign Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia*.

FOR CITATION: *Popova, T. G.* Gender-Specific Features of Female Political Discourse (Based on the Material of Public Speeches by T. May) / T. G. Popova, K. A. Kokorina // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 103-109. — DOI.

MATERIALS

1. In full: Theresa May's speech on future UK-EU relations // BBC News: site. — URL: https://www.bbc.com/news/uk-politics-43256183 (date of access: 25.02.2020). — Text : electronic.
2. May's statement about future relationship document // The Guargian: site. — URL: https://www.theguardian.com/politics/blog/live/2018/nov/22/brexit-talks-theresa-may-eu-hancock-rejects-claims-talks-are-in-trouble-saying-last-minute-hitches-normal-in-eu-negotiations-politics-live?page=with:block-5bf6a77ce4b045afb4421a6b#block-5bf6a77ce4b045afb4421a6b (date of access: 25.02.2020). — Text : electronic.
3. PM India Day speech: 16 July 2019 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-india-day-speech-16-july-2019 (date of access: 28.02.2020). — Text : electronic.
4. PM speech at Augar Review launch: 30 May 2019 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-at-augar-review-launch-30-may-2019 (date of access: 28.02.2020). — Text : electronic.
5. PM speech at Northwood: 8 July 2019 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-at-northwood-8-july-2019 (date of access: 28.02.2020). — Text : electronic.
6. PM statement at the EU Council: 21 March 2019 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-at-the-eu-council-21-march-2019 (date of access: 01.03.2020). — Text : electronic.
7. PM statement in Downing Street: 22 November 2018 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-in-downing-street-22-november-2018 (date of access: 01.03.2020). — Text : electronic.
8. PM statement on Brexit negotiations: 15 November 2018 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-on-brexit-negotiations-15-november-2018 (date of access: 01.03.2020). — Text : electronic.
9. PM statement on the New Zealand attack: 15 March 2019 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/news/pm-statement-on-the-new-zealand-attack-15-march-2019 (date of access: 25.02.2020). — Text : electronic.
10. PM statement to the House of Commons: 26 February 2019 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-to-the-house-of-commons-26-february-2019 (date of access: 01.03.2020). — Text : electronic.
11. Prime Minister: We will end UK contribution to climate change by 2050 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/news/prime-minister-we-will-end-uk-contribution-to-climate-change-by-2050 (date of access: 25.02.2020). — Text : electronic.
12. Theresa May's speech to the UN General Assembly 2017 // gov.uk: site. — URL: https://www.gov.uk/government/speeches/theresa-mays-speech-to-the-un-general-assembly-2017 (date of access: 25.02.2020). — Text : electronic.

REFERENCES

13. Belaya N. V. On the manifestation of gender differences in the language // Rhema. Rema. M., 2009 — P. 97—102. — Text : unmediated. [O proyavlenii gendernyh razlichij v yazyke // Rhema. Rema. M., 2009 — S. 97-102. . — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
14. Popova T. G. Gender stereotypes as a reflection of speech behavior // Gender and language. M., 2007. P. 43—59. — Text : unmediated. [Gendernye stereotipy kak otrazhenie rechevogo

povedeniya // Gender i yazyk. M., 2007. S. 43—59. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. Popova T. G. Linguistic consciousness as a fundamental factor in communication // Speech activity. Linguistic consciousness. Communicating Persons: XV Intern. symposium on psycholinguistics and communication theory, dedicated to the memory of A.A. Leontiev and the 40th anniversary of the first seminar he organized on psycholinguistics. M. 2006. — Text : unmediated. [Yazykovoe soznanie kak osnovopolagayushchij faktor obshcheniya / Rechevaya deyatel'nost'. Yazykovoe soznanie. Obshchayushchiesya lichnosti: XV Mezhdunar. simpozium po psiholingvistike i teorii kommunikacii, posvyashchennyj pamyati A.A. Leont'eva i 40-letiyu pervogo, organizovannogo im seminara po psiholingvistike. M. 2006. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Popova, T. G. National-cultural Semantics of the Language and Cognitive-sociocommunicative Aspects (based on English, German and Russian languages) : monograph / Tatyana Georgievna Popova ; Moscow State Reg. Univ. — Moscow : Publishing House of the MGOU “People's Teacher”, 2003. — 145 p. — Text : unmediated. [Natsional'no-kul'turnaya semantika yazyka i kognitivno-sotsiokommunikativnye aspekty (na materiale angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov) : monogr. / Tat'yana Georgievna Popova ; Moskovskiy gos. obl. un-t. — Moskva : Izd vo MGOU «Narodnyy uchitel'», 2003. — 145 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

17. Chudinov A. P. Political Linguistics: textbook/ Moscow : Flinta Publishing House, Science. 2006 . — 254 p. — Text : unmediated. [Politicheskaya lingvistika: Ucheb. posobie / Moskva. Izd-va «Flinta», «Nauka». 2006. — 254 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

18. Kirilina A. V. Gender: Linguistic Aspects / A. V. Kirilina. — M. : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 1999 . — 189 p. — Text : unmediated. [Gender: lingvisticheskie aspekty / A. V. Kirilina. — M.: In-t sociologii RAN, 1999. — 189 s. . — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

19. Dejk, T. A. Van. Language. Cognition. Communication / T.A. van Dyck. — M., 1989 . — 312 p. — Text : unmediated. [Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya / T. A. van Dejk. — M., 1989. — 312s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

20. Lakoff, R. Language and place of a woman / R. Lakoff // Introduction to gender studies. — Kharkov, 2001 . — P. 784-798. — Text : unmediated [Y**A**zyk i mesto zhenshchiny / R. Lakoff // Vvedenie v gendernye issledovaniya. — Har'kov, 2001. — S. 784—798. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

УДК 811.512.161'38:811.512.161'42
ББК Ш163.12-51+Ш163.21-55 *ГСНТИ 16.41.25* *Код ВАК 10.02.22; 10.02.19*
DOI

Л. В. Софронова
Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *lvs877@gmail.com.*

Дискурсивные и стилистические особенности президентской политической речи в зависимости от ее адресата

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматриваются дискурсивные и композиционно-стилистические особенности речей президента Турции перед различными по составу аудиториями: международная общественность, дипломаты, турецкий народ. Поднимаются вопросы специфики структуры текста, степени редукционизма и экспрессивности, использования лексики религиозного дискурса, метафорической образности в зависимости от адресата. Анализ политических речей позволяет выделить их отличительные особенности, а также общие черты, присущие данному оратору. Предпринятое исследование позволило прийти к следующим выводам. Простой по структуре, со строгим подчинением метафорической образности политически обоснованным акцентам, с отсутствием обращений к Богу, невысокой степенью редукционизма является речь, обращенная к мировой общественности. Речь перед дипломатическими работниками характеризуется более разветвленной структурой, редким использованием религиозно окрашенной лексики, традиционной для всех выступлений президента метафорической образностью, умеренной экспрессивностью, средней степенью редукционизма. Разветвленным по структуре, содержащим риторические вопросы, многочисленные обращения к аудитории, лозунги и призывы, стихотворные вставки, является выступление перед народом, которое характеризуется также наличием многочисленных фразеологизмов из религиозного дискурса, высокой степенью редукционизма и экспрессивности, яркой метафорической образностью с фольклорными корнями. Для индивидуального стиля оратора характерны построение речи от первого лица множественного числа, активное использование религиозной лексики и определенные формулы приветствия и концовки речей, варьирующиеся по своей полноте в зависимости от аудитории.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс; президентские речи; политические речи; структура текста; редукционизм; религиозная лексика; экспрессивность; политическая риторика; языковая личность; турецкие президенты; турецкий язык; политические деятели; персонология.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Софронова Лариса Владиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков, Дипломатическая академия МИД России; 119021, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр.1; e-mail: lvs877@gmail.com.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Софронова, Л. В.* Дискурсивные и стилистические особенности президентской политической речи в зависимости от ее адресата / Л. В. Софронова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 110-118. — DOI.

Политический дискурс, представляющий собой многогранное явление общественно-политической жизни, подверженное влиянию факторов различного характера, в наше время часто избирается в качестве объекта исследования. Особый научный интерес вызывают президентские выступления, так как «необходимость изучения выступлений руководителя страны обусловлена недостаточной изученностью речевых аспектов профессиональной деятельности политика, устных форм взаимодействия власти с народом, а также необходимостью разработки принципов лингвистического описания политического текста для мониторинга тенденций в сфере общественного сознания» [Гаврилова 2017: 55]. Политический язык определенного оратора как несет в себе индивидуальные черты, так и отражает глобальные тенденции в изложении актуальной повестки дня. Целью настоящей статьи является выявление характерных черт политической речи в зависимости от специфики аудитории, к которой обращается оратор. Материалом для нашего исследования послужили три речи президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, датируемые летом 2019 г., произнесенные перед разными по своему составу аудиториями: первая — это лидеры государств и представители средств массовой информации (выступление на пресс-конференции, проведенной в рамках саммита «Большой двадцатки» 29.06.2019 в г. Осака (Япония)) [Erdoğan 29.06.20]; вторая — турецкий народ (обращение к народу в аэропорту имени Ататюрка[1] 15.07.2019 по случаю третьей годовщины со дня предотвращения попытки государственного переворота 15.07.2016) [Erdoğan 15.07.19]; третья — по-

[1] Аэропорт имени Ататюрка в Стамбуле, начиная с апреля 2019 г., когда был открыт новый аэропорт «Стамбул», используется как выставочная площадка и место для организации различных форумов.

© Софронова Л. В., 2020

слы и дипломатические работники (выступление на 11-й конференции послов Турции 06.08.2019) [Erdoğan 06.08.19]. Отбор именно этих речей, на наш взгляд, является весьма репрезентативным, так как они произнесены в короткий временной отрезок, характеризующийся одинаковыми социально-политическими и экономическими условиями, и авторство в его понимании применительно к данному институциональному статусу оратора принадлежит одному и тому же лицу.

Тексты выступлений Р. Т. Эрдогана уже служили объектом исследования турецких и российских тюркологов. Тюрколог А. В. Штанов рассматривал вопрос об образности в политическом дискурсе в целом, без акцента на персонификацию материала [Штанов 2016]. Тюрколог А. А. Костюхин поднимал проблему использования арабских заимствований в речах президента Р. Т. Эрдогана [Костюхин 2018]. Турецкий исследователь Сюлейман Гюнгор с целью выявления характерных черт политического дискурса сопоставлял выступления перед партийными парламентскими группами лидеров основных политических партий Турции, среди которых был и Р. Т. Эрдоган как глава правящей Партии справедливости и развития [Güngör 2014]. Другой турецкий лингвист, Гекмен Кантар, используя методы дискурс- и контент-анализа, рассмотрел в своей работе выступления президента Р. Т. Эрдогана на партийных конгрессах и на основе количественных данных об использовании частей речи, категории времени глагола и отдельных ключевых слов пришел к выводу об отсутствии политической специфичности в языке президента при наличии индивидуальных имиджеобразующих особенностей [Kantar 2018]. Таким образом, впервые в настоящей статье поднимается вопрос о диверсификации политического языка оратора в зависимости от адресата.

Итак, мы выбрали собственно политическую коммуникацию для исследования, ее устный жанр — доклад в первом и третьем случае, и выступление на митинге во втором. В качестве методологической основы при исследовании политической коммуникации мы опираемся на работы известного специалиста по политической лингвистике, автора учебника по этой дисциплине, профессора А. П. Чудинова [Чудинов 2012], при анализе материала применяем описательный и сопоставительный методы. Субъектом речей является политик, президент Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоган. В силу его должности он выступает не как частное лицо, а как представитель своего государства на высшем уровне, поэтому рассматриваемая политическая коммуникация носит институциональный характер. Выбраны для рассмотрения вышеуказанные речи не только по причине их значимости, временной близости, но и из-за разных адресатов, т. е. целевой аудитории. Задача, которую мы ставим, приступая к анализу речей президента, заключается в выявлении общих и отличительных черт политического текста в зависимости от адресата. В первом и втором случае адресат массовый. В первой речи в Японии Р. Т. Эрдоган выступает перед журналистами, освещающими саммит «Большой двадцатки», поэтому в этом случае аудиторией является мировая общественность в целом, а не только участники пресс-конференции. Вторая речь в аэропорту обладает потенциалом стать ритуальной, т. е. основной ее задачей является «фиксация своей приверженности существующим правилам и подтверждение своей социальной роли» [Там же: 56]. Данное выступление происходит в третий раз в третью годовщину подавления попытки государственного переворота 15 июля 2016. Именно президент, придавая этому событию особо важное значение, настаивает на утверждении нового ритуала — поминовения павших и восхваления героизма народа, отстоявшего законную власть. Третья речь из выбранных нами адресована определенной, профессионально ограниченной группе людей — послам и дипломатическим работникам, поэтому является по характеру адресата групповой. Она ритуальна, президент выступает перед дипломатическим корпусом каждый год летом. В своей речи Р. Т. Эрдоган всегда затрагивает болевые точки международных проблем с точки зрения Турции и очерчивает основные задачи страны во внешней политике. Касаясь ритуальности как таковой в вышеупомянутых речах, необходимо отметить, что в первом случае трудно проследить фиксированные формулы и установки в силу того, что ее ритуальность только начала складываться, информативность же не является важной составляющей в данном контексте, поэтому она минимизирована. Во втором случае мы не наблюдаем неких фиксированных формальных признаков, кроме как в обращениях к аудитории, приветствии и концовке выступления, в то же время информативность является необходимым компонентом выступления, обусловленным характером адресата. Исходя из политической позиции, аудиторию этой речи можно охарактеризовать как политических единомышленников, а другие аудитории условно отнести к «избирателям», т. е. «не имеющим единой политической позиции» [Там же: 53].

Кратко остановимся на содержательном наполнении речей, обратив внимание на степень редукционизма, т. е. упрощения, сведения сложного к простому, что в политической коммуникации часто проявляется как безаппеляционность высказываний, «бинарность ценностных оппозиций или схематизация» [Там же: 57]. В своем обращении к международной аудитории в г. Осака президент Турции Р. Т. Эрдоган затронул ряд актуальных для мировой общественности и его страны вопросов, среди которых проблема беженцев и роль Турции в ее решении, борьба с терроризмом, озабоченность поощрением расизма и сокрытием преступлений со стороны ряда стран, иными словами — тема двойных стандартов в поведении западных стран, а также вопрос о расширении состава Совета Безопасности ООН. Наибольшей экспрессивностью и детальностью изложения выделяются темы беженцев, борьбы с терроризмом и расследования международных преступлений (смерть бывшего президента Египта М. Мурси и журналиста-саудита Кашогги). Оратор четко обозначает позицию своего государства по этим вопросам, желая привлечь внимание мировой общественности к нерешенным проблемам. В то же время эти темы используются президентом для демонстрации особой озабоченности Турции, характеризующей ее как важного политического актора, отстаивающего интересы стран Ближнего Востока в противовес политике двойных стандартов ЕС. В этих целях оратор и прибегает к редукционизму, четко очерчивая два противоположных подхода к этому кругу проблем.

В своем выступлении перед дипломатическими работниками Турции президент ожидаемо остановился на глобальной повестке дня, выведя на первое место как характерный признак новой эпохи бессистемность, двойные стандарты, социальные контрасты; он коснулся болевых точек планеты и политического курса Турции на международной арене, вопросов безопасности, в том числе борьбы с терроризмом, регионального и международного сотрудничества, борьбы против проявлений расизма и вопроса поддержки диаспоры за рубежом. Целью этой речи было еще раз акцентировать внимание на позиции руководства страны, и в частности правящей Партии справедливости и развития, по ряду актуальных вопросов международной повестки дня. Поэтому о редукционизме как таковом можно вести речь лишь в плане освещения международных последствий внутренней борьбы с оппозицией и с курдскими экстремистами, представленной в речи в черно-белых тонах и традиционно в обличительной манере.

Тема народного героизма, противостояния внутренним и внешним врагам, включая в первую очередь терроризм, является центральной в публичной речи в аэропорту, обращенной ко всему турецкому народу. Большое внимание уделено стойкости и непреклонности нации в этой конфронтации. К тому же отчетливо звучит тема идеологической борьбы политических партий, подразумевающая схватку с политическими противниками за власть и влияние в стране, в связи с этим актуальность приобретает соперничество за молодежь: какая из существующих сил на политической арене сумеет увлечь ее и повести за собой. Именно в этой речи редукционизм проступает со всей очевидностью, так как политические взгляды аудитории разнородны, оратор сосредоточен на привлечении как можно большего количества присутствующих на свою сторону. Используя черно-белый контраст в описании ситуаций, оппозицию «свои — чужие» в изложении деталей события 15 июля 2016 г., прибегая к обличительному пафосу в отношении политических противников, не скупясь на обвинения их в предательстве, президент достигает в этой речи кульминационной точки в своей экспрессивности.

Президенту Турции Р. Т. Эрдогану свойственны определенные формулы обращения к аудитории в начале и в конце речи. Выступление в аэропорту начинается традиционной формулой для президентских обращений к народу, например, во время избирательной кампании 2018 г.: «Сердечно приветствую вас с любовью и томлением» (*Sizleri en kalbi duygularımla, hasretle, muhabbetle selamlıyorum*). Заканчивается также весьма характерно для президентского стиля: «Выражаю свою благодарность за вашу любовь, энтузиазм, верность и одобрение. Вверяю вас Аллаху, будьте здоровы» (*Sizlere sevginiz, coşkunuz, ahde vefanız, kadirşinaslığınız için şükranlarımı sunuyorum. Sizleri Allah'a emanet ediyorum, kalın sağlıcakla*). Но финальным фразам предшествует расширенный абзац пожеланий, включающий упоминание о павших героях: «Завершая свою речь этими соображениями, еще раз желаю павшим героям 15 июля милости Божьей, приношу свои соболезнования их близким, а нашим ныне живущим героям желаю здоровья. С благодарностью вспоминаю всех героев, отдавших жизнь за независимость нашей родины» (*Bu düşüncelerle sözlerime son verirken bir kez daha 15 Temmuz şehitlerimize Allah'tan rahmet, yakınlarına başsağlığı, gazilerimize sıhhat ve afiyet diliyo-*

rum. Vatanımızın bağımsızlığı için can veren tüm kahramanları şükranla yad ediyorum). Далее следует пожелание всей нации не сталкиваться с подобными трагедиями: «Молю Господа не посылать более этому народу таких предательств, такой боли» (*Rabbimden bu millete bir daha böyle ihanetler, böyle acılar yaşatmasın diye niyazda bulunuyorum*). Структурно все речи делятся прямыми обращениями к аудитории на законченные в смысловом отношении части. К таким обращениям в данной речи относятся: «Дорогой мой народ! Любимые стамбульцы! Дорогие родственники павших героев и (ныне живущие) герои! Драгоценные мои братья и сестры!» (*Aziz Milletim, Sevgili İstanbullular, Değerli Şehit Yakınlarımız ve Gazilerimiz, Kıymetli Kardeşlerim*) — в ее начале, «Мои братья и сестры! Дорогие мои братья и сестры!» (*Kardeşlerim, Değerli Kardeşlerim*) — на протяжении всей речи. Привлекает внимание абзац в середине выступления, который содержит обращения с риторическими вопросами к аудитории (народу в целом) и разным социальным группам, выделенным из общей массы в соответствии с политическими предпочтениями президента: «Эй, мой народ, готов ли ты надежно защитить своих предков? Дамы, готовы ли вы воспитать поколение Асымов[1], достойное наследия всех павших и живых героев, (султанов) Алпарслана, Фатиха, Явуза? Молодежь, готова ли ты идти вместе со всем народом по зову ваших отцов? Эй, стамбульцы, готовы ли вы, как было все 566 лет, ответить на вызовы мира как город-символ вечного ислама и турецкого народа?» (*Şimdi ey milletim, ecdadın emanetine sıkı sıkıya sahip çıkmaya hazır mısın? Hanımlar; Alparslan'ın, Fatih'in, Yavuz'un, cümle şehitlerimizin, gazilerimizin mirasına layık Asım'ın nesillerini yetiştirmeye hazır mısın? Gençler, atanızdan işaret aldığınızda arkanızda tüm milletle birlikte yürümeye hazır mısın? Ey İstanbul, 566 yıldır olduğu gibi ilelebet İslam'ın ve Türk milletinin sembol şehri olarak dünyaya meydan okumaya hazır mısın?*). По своей экспрессии этот отрывок выступления президента является кульминационным, характеризуемым наибольшим эмоциональным подъемом, моментом единения аудитории и выступающего в общем духовном порыве, умело срежиссированном опытным оратором.

В международной речи президент обращается к «дорогим представителям прессы» (*Değerli Basın Mensupları*) и к «дорогим друзьям» (*Değerli Arkadaşlar*) в начале и в ходе всего выступления. Начальная формула выдержана в традиционном для оратора стиле, но в более сдержанном варианте: «Приветствую вас с любовью и уважением» (*Sizleri Sevgiyle, Saygıyla Selamlıyorum*), этой же фразой и завершается выступление в противовес обычным концовкам с пожеланием здоровья и божьего благословения, характерным для речей, произнесенных перед отечественной аудиторией. В выступлении перед дипломатами первым обращением является: «Драгоценные наши послы, глубокоуважаемые дамы и господа» (*Kıymetli büyükelçilerimiz, Saygıdeğer hanımefendiler, beyefendiler*); далее — «дорогие друзья» и «дорогие (иногда — драгоценные) наши послы», а вводная приветственная фраза звучит так: «Приветствую сердечно и с уважением всех вас!» (*Hepinizi en kalbi duygularımla, saygıyla selamlıyorum*). Как видим, это более сдержанный вариант, чем при обращении к народу, и более персонифицированный по сравнению с международным обращением. Завершение речи решено в традиционной стилистике данного оратора: «Желаю вам успехов, Бог вам в помощь, будьте здоровы!» (*Sizlere başarılar diliyorum, Rabbim yar ve yardımcımız olun, kalın sağlıcakla*). А предшествует этой фразе абзац, отражающий специфику целевой аудитории, содержащий краткие пожелания и наставления послам, но вводимый некой традиционной формулой, которая также была использована в речи в аэропорту в финальном абзаце: «Завершая свою речь этими соображениями, желаю, чтобы 11-я конференция послов послужила добру во имя нашей страны. Я верю, что вы сможете преодолеть все препятствия и в поле, и за столом (переговоров) благодаря вашему профессиональному опыту в качестве представителей нашего государства и президента за рубежом, вашей компетентности, самоотверженности и осознанию своего долга» (*Bu düşüncelerle sözlerime son verirken, 11. Büyükelçiler Konferansının ülkemiz için hayırlara vesile olmasını diliyorum. Devletimizin ve Cumhurbaşkanlığı'nın yurt dışındaki temsilcileri olarak mesleki tecrübeleriniz, yetkinliğiniz, özveriniz ve görev bilincinizle hem sahada, hem de masada her engeli aşacağınıza inanıyorum. Görev yaptığınız ülkelere ve halklara bizim ve milletimizin samimi dostluk, kardeşlik mesajlarını iletmenizi sizlerden rica ediyorum*).

Для выступлений Р. Т. Эрдогана как основателя и главы правящей Партии справедливости и развития умеренно исламского толка характерна насыщенность лексическими оборотами и понятиями из религиозного дискурса. Обращает на себя внимание большее, чем обычно, использование му-

[1] Асым — герой, отдавший жизнь за веру во времена пророка Мухаммеда.

сульманских образов в речи в аэропорту. Мы слышим в ней и святые для мусульманина имена: «Я говорю: пусть Бог все грядущие поколения этой страны наделит просвещенностью Асыма» (*Rabbim bu ülkenin gelecekteki tüm nesillerini de Asım şuuruna erenlerden eylesin diyorum*), «Как Акшемседдин[1], мы должны каждый день очищать свое сердце и быть нашему Богу овцами» (*Akşemseddin gibi her gün yüreğimizi pürü pak etmeli, Rabbimize ram olmalıyız*). А также весьма часто Р. Т. Эрдоган прибегает к так называемым фразеорефлексам с компонетом «бог»: «Благослави вас Бог» (*Rabbim hepinizden razı olsun*), «Не поддавайся унынию — Аллах с нами» ("*Lâ tahzen, innallahe meanâ*"), «слава Богу» (*hamdolsun*), «Бог (Аллах) даст» (*inşallah*), «с Богом» (*eyvallah*), «хвала Аллаху» (*elhamdülillah*). Сквозь всю речь проходит повтор «с позволения Аллаха» (*Allah'ın izniyle*). Так, в отношении погибших в ходе защиты власти во время попытки государственного переворота президент говорит: «Их гробницы светлы, а местом пребывания пусть станет рай, дай Бог» (*Kabirleri nur, mekânları Cennet olsun inşallah*); он также напрямую обращается к Богу: «Я молю Бога о милости к каждому из 251сынов родины, погибших в ту ночь. А для наших героев прошу у Всемогущего Аллаха здоровья и спасения (души)» (*O gece şehit verdiğimiz 251 vatan evladının her birine Rabbimden rahmet niyaz ediyorum. Gazilerimize Cenabı Allah'tan sıhhat ve afiyetler diliyorum*).

Совершенно закономерно, что упоминания бога полностью отсутствуют в выступлении в г. Осака. Президент говорит о глобальных вызовах, обращается и к главам государств, и к международному сообществу, которое многоконфессионально, и к тому же затрагиваемые проблемы носят светский характер. Что касается речи перед дипломатами, взываний к Аллаху и фразеорефлексов с компонентом «бог» почти нет, кроме единичных случаев употребления: «бог даст», «слава Богу», «боже сохрани», «молю о милости Божьей» (устойчивое выражение, когда говорят об усопших); и традиционных для президента обращений к Богу в начале речи: «молю Бога о…» и в ее конце: «Бог вам в помощь».

Останавливаясь на внутренней организации речей, мы видим, что в выступлении в аэропорту присутствуют лозунги: «Единая нация, единый флаг, единая родина, единое государство» (*Tek millet, tek bayrak, tek vatan, tek devlet*) и ритмические фразы для скандирования: «Мы будем одним целым, будем огромны, будем крепки, будем братьями, все вместе будем Турцией» (*Bir olacağız, iri olacağız, diri olacağız, kardeş olacağız, hep birlikte Türkiye olacağız*), риторические вопросы к нации, женщинам, молодежи, стамбульцам. Выступление чаще, чем другие, разбивается на части прямыми обращениями к аудитории, что облегчает восприятие заложенных в ней идей (десять частей против четырех в международной речи и пяти — в дипломатической). Причем к концу речи части имеют тенденцию к сокращению, что позволяет оратору наращивать экспрессивность и повышать эмоциональное воздействие на аудиторию. В текст обращения к народу также включены большие отрывки из стихотворений, создающие соответствующее настроение у аудитории: сопереживание павшим за правое дело героям, чувство ответственности за будущее и гордости за родину, отстоявшей свою независимость, веру в себя и чувство защищенности своих прав. В завершение своего выступления оратор приводит отрывок из стихотворения о светлом будущем, которое обязательно наступит. Практически вся речь выдержана в стиле обращения от первого лица множественного числа, что призвано подчеркнуть единство президента, правящей партии и народа, единство их судьбы и взглядов на прошлое и будущее. Весь эмоциональный пафос выступления направлен на создание у аудитории ощущения единства, равенства и братства всего народа, его силы и мощи перед лицом внутренних и внешних угроз.

В дипломатической речи президент не прибегает ни к восклицаниям, ни к риторическим вопросам, то есть эмоциональный фон речи более сдержанный и соответствует характеру аудитории, ее профессиональному и образовательному уровню. Следует отметить употребление наряду с архаично окрашенными арабо-персидскими заимствованиями, словами и словосочетаниями: «апокалиптическая совесть» — *mahşeri vicdan*, «проявление справедливости» — *adaletin tecellisi*, «со спокойствием» — *suhuletle*, «преступники» — *failler*, послелогами, стилистически характерными для профессионального дипломатического дискурса («вследствие» — *binaen,* «вновь» — *tekraren*, «по этому поводу» — *bu vesileyle*) и актуальной лексики, характеризующей сегодняшний день, в которой весомую часть составляют западноевропейские заимствования: «видение» — *vizyon*, «перспектива» — *perspektif*, «интегрироваться» — *entegre olmak*, «цифровизация» — *dijitalleşme*, «ожирение» — *obezite*. Министерство иностранных дел Р. Т. Эрдоган называет по-османски *'Hariciye Teşkilatımız'* — это название также использовалось

[1] Акшемседдин — мусульманский деятель, живший на рубеже XIV—XV веков.

в ранний республиканский период. Сочетание в одном выступлении архаично окрашенной лексики арабо-персидского происхождения с западноевропейскими заимствованиями призвано, на наш взгляд, создать у аудитории впечатление о сбалансированности мышления президента как руководителя страны, приверженного и традиционализму, подразумевающему преемственность, и новаторству, понимаемому как владение современной ситуацией и способность противостоять ее актуальным вызовам.

Девизом Конференции послов 2019 г. является «Сильная дипломатия на поле и за столом (переговоров)» (*sahada ve masada güçlü diplomasidir*) — эта формулировка рефреном проходит через всю речь, иногда в видоизмененной форме, в подтверждение тезиса оратора: «Пережитое в последнее время нами в Сирии еще раз продемонстрировало реалистичность высказывания: то, что не случилось на поле (боя), не произойдет и за столом» (*Son dönem de Suriye'de yaşadıklarımız bize sahada olmayan, masada olunamayacağı gerçeğini bir kez daha göstermiştir*). В речи много фраз от первого лица единственного и множественного числа. Президент говорит от первого лица, когда он подчеркивает свои ожидания от деятельности дипломатических работников и свою позицию. Местоимение «мы» подразумевает «мы-страна», то есть оратор озвучивает позицию правящей партии по международным проблемам и успехи на пройденном пути, и «мы-элита страны», тем самым акцентируется избранность аудитории, ее идеологическая общность с руководством страны.

Если говорить о структуре международной речи, то она построена без особых связующих звеньев между затрагиваемыми темами. Из вводных оборотов для привлечения внимания дважды использованы «знаете ли вы» (*Biliyorsunuz*) и единожды «хотел бы с огорчением отметить» (*Üzülerek belirtmek isterim ki*). В этом выступлении оратор сдержан, отстранен, воссоздает образ серьезного политика, скупо излагающего факты и делающего далеко идущие выводы из сложившейся международной ситуации. Элементом персонификации выступают фразы от первого лица множественного числа. Они призваны подчеркнуть включенность Турции в мировое сообщество, и, в частности, в двадцатку наиболее значимых государств мира, ее важную роль на мировой арене в решении актуальных задач современности. В то же время местоимение «мы» президент Турции использует и в отношении «мы-Турция», выражая позицию своей страны по ряду международных проблем.

В плане использования средств художественной выразительности минимализмом, т. е. большей степенью стандартизированности отличается речь перед международной аудиторией. В то же время она не лишена метафорической образности, используемой в целях придания экспрессивности выступлению во имя привлечения внимания к проблемам, волнующим страну, которую представляет на международном форуме президент. Он персонифицирует терроризм, называя его «врагом человечества и человеческих ценностей» (*Terör, tüm insanlığın, insani değerlerin düşmanıdır*), и использует сравнение со скорпионом: «Терроризм — точь-в-точь как скорпион, в конце концов пронзит руку, его вскормившую» (*Terör, tıpkı bir akrep gibi eninde sonunda kendini besleyen eli de sokacaktır*). Расизм, который Р. Т. Эрдоган трактует как исламофобию и неонацизм, сравнивает с ядовитым плющом, обвившим западный мир (*Batı dünyasını zehirli bir sarmaşık gibi saran ırkçılığın…*). Говоря о поведении западных государств по отношению к смерти бывшего президента Египта М. Мурси, употребляет фразеологизм «играть в три обезьяны» (*üç maymunu oynuyor*), т. е. не слышать, не видеть и не говорить. Но наибольшей экспрессией отличается освещение глобального миграционного кризиса, в решении которого Турция принимает непосредственное участие. Р. Т. Эрдоган считает себя вправе еще раз напомнить аудитории о случае гибели ребенка, тело которого было выброшено волной на турецкий берег: «Пока не будет выработана политика, ставящая во главу угла вместо предубеждений, связанных с беженцами, совесть, самые горькие проявления трагедии, переживаемые сотнями тысяч пассажиров надежды, и бездыханное тело младенца Айлана, выброшенное на берег, тогда продолжат умирать крошечные птенчики на берегах рек, и в частности на морских побережьях» (*Aylan bebeğin sahile vuran cansız bedenini, yüzbinlerce umut yolcusunun yaşadığı trajedinin en acı ifadesini mültecilerle ilgili önyargılar yerine vicdanı merkeze alan politikalar geliştirilmediği sürece minik yavrular nehir kenarlarında, özellikle deniz kıyılarında ölmeye devam edecektir*).

Речь перед дипломатами не насыщена яркими описаниями и развернутыми образами в силу специфики аудитории. Но отдельные меткие сравнения президент использует, тем самым акцентируя внимание на особо важных с его точки зрения проблемах: терроризм, палестинский вопрос и международные преступления, не получившие должного внимания общественности и непредвзятого расследования. Терроризм опи-

сывается автором с использованием олицетворения и выступает в его речи как живой организм: «структура, растущая как раковая клетка» (*kanser hücresi gibi büyüyen yapı*), «кровавое лицо терроризма» (*terörün kanlı yüzü*), «убийцы с окровавленными руками» (*elleri kanlı katiller)*, «нарыв» (*çıbanbaşı*), который следует удалить со всей решимостью, или некое природное явление, например болото, которое следует осушить (*terör bataklığını kurutmak*). Палестину оратор называет «кровоточащей раной нашего региона» (*bölgemizin kanayan yarası*), а Иерусалим в традиционном исламском ключе — «наша зеница ока, наша путеводная звезда» (*ilk kıblemiz, gözbebeğimiz*). Освещая вопрос смерти президента Египта М. Мурси и убийство журналиста Кашогги, президент называет эти события «лакмусовой бумагой» общества (*toplum açısından bir turnusol kağıdıdır*). Образы, к которым апеллирует оратор для частичной визуализации изложенных положений, весьма традиционны, не отличаются новизной. И наиболее эмоционально окрашенное описание явления терроризма, хотя и содержит новые черты, в целом демонстрирует доминирование в воссозданном президентом художественном полотне кровавых красок, столь свойственных его восприятию этого явления и тиражируемых во всех его речах.

Выступление в аэропорту ожидаемо решено в эмоционально-экспрессивном ключе. Президент обращается к событиям трехлетней давности, противостоянию зачинщикам государственного переворота. Повстанцы, которых президент именует головорезами (*caniler*), разрушили бомбардировкой с воздуха здание Управления безопасности города Анкары. В системе образов оратора это действие представлено как «обрили нам бороду» (*sakalımızı tıraş ettiler*). Далее он развивает этот художественный образ, дополняя другим устойчивым выражением: «мы обломали им руки», построив новое здание (*onların kolunu kanadını kırdık*), и подводит итог: «…обритая борода становится еще гуще, но отрезанную руку не пришьешь» (*tıraş edilen sakal daha gür biter, ama kesilen kol yerine gelmez*). Этот трагический эпизод, уже ставший недавней историей, сравнивается с ночью, в которой хотели похоронить Турцию. А предотвратившие осуществление этих планов названы «теми, кто осветил ту темную ночь» (*O karanlık geceyi aydınlatan herkes*). Президент цитирует строфу из стихотворения турецкого поэта Сезаи Каракоча, расширяющую этот символический образ: «Каждому человеку, не побежденному ночью (не поддавшемуся ночи), служит наградой утро, день и солнце» (*Geceye yenilmeyen her insana ödül olarak bir sabah, bir gündüz ve bir güneş vardır*).Так символ «ночь» в рассматриваемой речи олицетворяет собой и силы политического противника, осмелившегося на государственное преступление — свержение власти, и тот иной мир, который повстанцы хотели построить, разрушив существующий законный порядок. Тема памяти о павших в ходе этих событий проходит красной нитью через все выступление, президент вкрапляет пословицу в свою речь: «Сердца тех, кто забывает павших героев, усыхают» (*Şehitlerini unutanların yürekleri kurur*), прибегает к общетюркскому образу манкурта, человека, не помнящего своих корней, введенному в международный обиход киргизским писателем Чингизом Айтматовым. Переходя к современной экономической ситуации и актуальным проблемам, президент затрагивает вопрос покупки вооружений, сравнивая тех, кто выступает против проводимой властями политики, с лисой, которая «назвала виноград, до которого не смогла дотянуться, незрелым» (*tilki gibi, biliyorsunuz uzanamadığı üzüme ne dermiş, koruk*). Как мы видим, по своему характеру образы, очерченные политиком в этой речи, весьма доходчивы, ярки и зримы, основаны на известных фольклорных парадигмах.

Кратко охарактеризовав образность каждой из речей, мы видим, что в плане экспрессивности наиболее ярким и эмоциональным является выступление в аэропорту перед аудиторией с различными политическими взглядами, которую надо убедить в правоте своих воззрений и повести за собой. На другом полюсе стоит речь, произнесенная перед дипломатами, которые в силу своей профессии и служебных обязанностей должны проводить на международной арене политический курс, провозглашенный президентом, поэтому перед оратором не стоит психологическая задача завоевать аудиторию, требуется исключительно расставить акценты на важных пунктах актуальной повестки дня.

Подводя итоги проведенного сопоставления, приходим к следующим выводам: наиболее простой по структуре, со строгим подчинением метафорической образности политически обоснованным акцентам, с отсутствием обращений к Богу, невысокой степенью редукционизма, используемого для убеждения аудитории в правомерности предложенной трактовки международных проблем, является речь, обращенная к мировой общественности, произнесенная на пресс-конференции в рамках саммита «Большой двадцатки». Речь перед диплома-

тическими работниками характеризуется более разветвленной структурой, редким использованием религиозно окрашенной лексики, традиционной для всех выступлений президента метафорической образностью и умеренной экспрессивностью, средней степенью редукционизма, примененного исключительно в отношении внутренней политической борьбы. В то же время наиболее разветвленным по своей структуре с риторическими вопросами, многочисленными обращениями, лозунгами и призывами, стихотворными вставками является выступление в аэропорту перед народом, которое характеризуется большим количеством лексических устойчивых оборотов из религиозного дискурса, высокой степенью редукционизма и экспрессивности, яркой метафорической образностью с фольклорными корнями. Вместе с тем все рассмотренные речи содержат специфические черты, характеризующие данного оратора: тяготение к широкому использованию форм первого лица множественного числа в разных контекстах с различным смысловым наполнением, традиционные авторские формулы вступительного обращения к аудитории и в завершающей части, дифференцирующиеся по своей полноте в зависимости от аудитории, высокая частотность религиозно окрашенных лексических единиц, высокий эмоционально-экспрессивный градус, устоявшиеся метафорические образы, кочующие из речи в речь, обозначающие определенные реалии общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилова, М. В. Лингвистический анализ выступлений главы государства: тематика, направления и методы исследования / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Политическая наука. — 2017. — № 2. — С. 55—72.

2. Костюхин, А. А. Особенности функционирования арабских заимствований в политическом дискурсе современного турецкого языка / А. А. Костюхин. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы арабской филологии : сборник научных трудов. — Москва : МГИМО-Университет, 2018. — С. 275—279.

3. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — Вып. 2 (40). — С. 53—59.

4. Штанов, А. В. Образность как лингвистическая категория и ее выражение в турецком политическом дискурсе устного публичного выступления / А. В. Штанов, Е. Н. Белых. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2016. — Т. 20. — № 3. — С. 152—163.

5. Erdoğan, Recep Tayyip. 11.Büyükelçiler Konferansında Yaptıkları Konuşma / Erdoğan Recep Tayyip. — 06.08.2019. — URL: https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/107218/11-buyukelciler-konferansinda-yaptiklari-konusma- (date of access: 22. 02.2020). — Text : electronic.

6. Erdoğan, Recep Tayyip. Atatürk Havalimanında Halka Hitaplari / Erdoğan Recep Tayyip.— 15.07.2019. — URL: https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/107087/ataturk-havalimani-nda-halka-hitaplari (date of access: 22.02.2020). — Text : electronic.

7. Erdoğan, Recep Tayyip. G-20 Zirvesi Nedeniyle Bulunduğu Osaka'da Düzenlediği Basın Toplantısında Yaptıkları Konuşma / Erdoğan Recep Tayyip. — 29.06.2019. — URL: https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/106887/g-20-zirvesi-nedeniyle-bulundugu-osaka-da-duzenledigi-basin-toplantisinda-yaptiklari-konusma (date of access: 22.02.2020). — Text : electronic.

8. Güngör, Süleyman. Türk Siyasetinde Dil Kullanımı: Siyasal Parti Liderlerinin TBMM Grup Konuşmalarında Siyasal Söylem Analizi / Güngör Süleyman. — Text : electronic // Yasama Dergisi. — 2014. — № 26. — S. 65—88 // Yasama Derneği. Yasama Dergisi. — 2014. — URL: http://www.yasader.org/web/yasama_dergisi/2014/sayi26/65-88.pdf (date of access: 22.02.2020).

9. Kantar, Gökmen. Türk siyasetinde politik dil kullanımı: Recep Tayyip Erdoğan'ın 'AK Parti 1. Ve 3. olağan üstü kongrelerindeki konuşmalarının' içerik ve söylem analizi / Kantar Gökmen. — Text : unmediated // Balkan Journal of Soial Siences. ICOMEP 2017 Özel Sayı. — S. 103—122.

L. V. Sofronova
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *lvs877@gmail.com.*

Discursive and Stylistic Characteristics of Presidential Political Speeches Depending on their Addressee

ABSTRACT. *The article dwells on three speeches of the President of Turkey addressed to the international community, the Turkish diplomats and the Turkish people. The attention is paid to the difference of discursive, compositional and stylistic features of the speeches depending on the audience. The texts are considered from the point of view of their structure, expressiveness, metaphorical imagery, degree of reductionism, and use of religious lexical components. Analysis of political speeches makes it possible to single out their common features, as well as the distinguishing ones, typical of the specific style of a certain speaker. The author of the article has made the following conclusions. The speech addressed to the world community has a simple structure; its metaphorical imagery is strictly subordinate to politically justified emphases, there are no appeals to God, and it demonstrates a low degree of reductionism. The speech for diplomats is characterized by a more complicated structure, the rare use of religious vocabulary, the metaphorical imagery traditional for the speaker, mild expressiveness, and a moderate degree of reductionism. The speech addressed to the Turkish people has a sophisticated structure; it contains rhetorical questions, numerous appeals to the audience, slogans, and poetic quotations. It is also characterized by the presence of religious phraseology, a high degree of reductionism and expressiveness, and vivid metaphorical imagery and folklore allusions. The speaker's individual style is characterized by a wide use of the first-person plural pronoun and religious vocabulary and special greeting and leave-taking speech formulas, modified to suit the specific kind of audience.*

KEYWORDS: *political discourse; presidential speeches; political speeches; text structure; reductionism; religious vocabulary; expressivity; political rhetoric; linguistic personality; Turkish presidents; Turkish; politicians; personology*.

AUTHOR'S INFORMATION: *Sofronova Larisa Vladislavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia*.

FOR CITATION: *Sofronova, L. V.* Discursive and Stylistic Characteristics of Presidential Political Speeches Depending on their Addressee / L. V. Sofronova // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 110-118. — DOI XXXXXXXXXXX.

REFERENCES

1. Gavrilova, M. V. Linguistic Analysis of Speeches by the Head of State: Topics, Directions and Research Methods / M. V. Gavrilova. — Text : unmediated // Political Science. — 2017. — No. 2. — P. 55—72. [Lingvisticheskiy analiz vystupleniy glavy gosudarstva: tematika, napravleniya i metody issledovaniya / M. V. Gavrilova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya nauka. — 2017. — № 2. — S. 55—72]. — (In Rus.)

2. Kostyukhin, A. A. Features of the Functioning of Arab Borrowings in the Political Discourse of the Modern Turkish language / A. A. Kostyukhin. — Text : unmediated // Actual problems of Arabic philology: a collection of scientific papers. — Moscow : MGIMO-University, 2018. — P. 275—279. [Osobennosti funktsionirovaniya arabskikh zaimstvovaniy v politicheskom diskurse sovremennogo turetskogo yazyka / A. A. Kostyukhin. — Tekst : neposredstvennyy // Aktual'nye problemy arabskoy filologii : sbornik nauchnykh trudov. — Moskva : MGIMO-Universitet, 2018. — S. 275—279]. — (In Rus.)

3. Chudinov, A. P. Discursive Characteristics of Political Communication / A.P. Chudinov. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2012. — Issue. 2 (40). — P. 53—59. [Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii / A. P. Chudinov. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2012. — Vyp. 2 (40). — S. 53—59]. — (In Rus.)

4. Shtanov, A. V. Imagery as a Linguistic Category and its Expression in the Turkish Political Discourse of Oral Public Speaking / A. V. Shtanov, E. N. Belykh. — Text : unmediated // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics. — 2016. — V. 20. — No. 3. — P. 152—163. [Obraznost' kak lingvisticheskaya kategoriya i ee vyrazhenie v turetskom politicheskom diskurse ustnogo publichnogo vystupleniya / A. V. Shtanov, E. N. Belykh. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika. — 2016. — T. 20. — № 3. — S. 152—163]. — (In Rus.)

5. Erdoğan, Recep Tayyip. 11.Büyükelçiler Konferansında Yaptıkları Konuşma / Erdoğan Recep Tayyip. — 06.08.2019. — URL: https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/107218/11-buyukelciler-konferansinda-yaptiklari-konusma- (date of access: 22. 02.2020). — Text : electronic.

6. Erdoğan, Recep Tayyip. Atatürk Havalimanında Halka Hitaplari / Erdoğan Recep Tayyip.— 15.07.2019. — URL: https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/107087/ataturk-havalimani-nda-halka-hitaplari (date of access: 22.02.2020). — Text : electronic.

7. Erdoğan, Recep Tayyip. G-20 Zirvesi Nedeniyle Bulunduğu Osaka'da Düzenlediği Basın Toplantısında Yaptıkları Konuşma / Erdoğan Recep Tayyip. — 29.06.2019. — URL: https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/106887/g-20-zirvesi-nedeniyle-bulundugu-osaka-da-duzenledigi-basin-toplantisinda-yaptiklari-konusma (date of access: 22.02.2020). — Text : electronic.

8. Güngör, Süleyman. Türk Siyasetinde Dil Kullanımı: Siyasal Parti Liderlerinin TBMM Grup Konuşmalarında Siyasal Söylem Analizi / Güngör Süleyman. — Text : electronic // Yasama Dergisi. — 2014. — № 26. — S. 65—88 // Yasama Derneği. Yasama Dergisi. — 2014. — URL: http://www.yasader.org/web/yasama_dergisi/2014/sayi26/65-88.pdf (date of access: 22.02.2020).

9. Kantar, Gökmen. Türk siyasetinde politik dil kullanımı: Recep Tayyip Erdoğan'ın 'AK Parti 1. Ve 3. olağan üstü kongrelerindeki konuşmalarının' içerik ve söylem analizi / Kantar Gökmen. — Text : unmediated // Balkan Journal of Soial Siences. ICOMEP 2017 Özel Sayı. — S. 103—122.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 378.016:811.161.1
ББК Ш141.12-9-99 *ГСНТИ 16.31.51; 16.21.61* *Код ВАК 10.02.01, 10.02.20, 13.00.02*
DOI

Е. В. Дзюба
Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-3833-516X ☑

С. А. Еремина
Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1422-5740 ☑

☑ ***E-mail:*** *ev_dziuba@uspu.me; swegle@yandex.ru.*

Представление исторического прошлого и настоящего России в учебных материалах по русскому языку: зарубежный взгляд

АННОТАЦИЯ. *На материале учебников русского языка, подготовленных зарубежными авторами, выявляются языковые средства и способы включения в дидактические материалы информации об историческом прошлом и настоящем России. Среди наиболее частотных языковых средств презентации исторических фактов о нашей стране отмечаются имена собственные (онимы), в частности антропонимы (имена государственных деятелей, политических лидеров и идеологов — представителей разных исторических эпох), политонимы (наименования государств, политических движений, партий), хрононимы (названия исторических событий и эпох), геортонимы (наименования национальных праздников, связанных с историей России). Подчеркивается наличие оценочного контекста упомянутых в учебниках имен собственных, связанных с политическими событиями разных лет, отмечается идеологизированный характер учебников русского языка для иностранцев, изданных в XX веке (особенно в Западной Европе) и стремление к нейтрализации историко-политической составляющей учебных материалов, опубликованных за рубежом в XXI веке. Это позволяет выявить две стратегии представления исторического прошлого и настоящего России в учебных материалах: эксплицитная (прямая) и имплицитная (косвенная). Выявляются форматы косвенной презентации истории России в учебниках последних лет: исторические события освещаются посредством произведений разных видов искусства (словесного, музыкального, изобразительного).*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *образ России; стратегии презентаций; русский язык как иностранный; учебники русского языка; образовательный дискурс; исторические события; учебные материалы; методика преподавания русского языка; имена собственные; ономастика.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: elenacz@mail.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ерёмина Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: swegle@yandex.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Дзюба, Е. В.* Представление исторического прошлого и настоящего России в учебных материалах по русскому языку: зарубежный взгляд / Е. В. Дзюба, С. А. Еремина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 119-138. — DOI.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-013-00895 «Учимся понимать Россию: когнитивные стратегии формирования методического материала по русскому языку как иностранному».

ВВЕДЕНИЕ

Образовательный дискурс, как неотъемлемая часть общественной жизни, естественным образом испытывает влияние со стороны политики и идеологии, со стороны локальных и глобальных СМИ. Это всецело демонстрируют учебники русского языка, написанные зарубежными авторами в разные годы. Учебник иностранного языка (в том числе русского как иностранного) является важнейшим средством формирования системы знаний и представлений школьников и студентов не только о лексике и грамматике, но также о стране изучаемого языка. Нередко авторы даже тех учебников, которые имеют целью формирование знаний в области той или иной национальной языковой системы, так или иначе прибегают к использованию лингвострановедческой информации (например, при указании имен собственных, названий городов и улиц и под.). В этой связи возникает вопрос об отборе сведений о географии, истории, культуре, административном устройстве страны изучаемого языка, о традициях и повседнев-

© Дзюба Е. В., Еремина С. А., 2020

ном быте народа — носителя национального языка. Безусловно, этот вопрос поднимался многими исследователями, которые разработали ряд важнейших принципов, лежащих в основе теории и практики включения лингвострановедческой информации в учебные материалы по иностранному языку [Богдан URL; Верещагин, Костомаров 1990; Дождикова 2006; Миролюбова 1982; Походзей 2012; Сафонова 2014, 2018; Тер-Минасова 2000]. Следует, однако, подчеркнуть, что работ, посвященных анализу зарубежного опыта создания учебников русского языка как иностранного, чрезвычайно мало, в то время как вопросы формирования имиджа страны изучаемого языка в международном образовательном дискурсе приобретают сегодня все большую **актуальность.** В связи с этим появилось отдельное направление современной науки — лингводидактическая имагология, которая начала свое развитие наряду с имагологией филологической, культурологической, исторической, психологической. Это направление уже было заявлено в работе С. К. Милославской [Милославская 2012] под названием лингвопедагогической имагологии, но до настоящего времени оно не получило своего полного развития [см. об этом: Образ России… 2019]. Авторы данной работы предпочитают термин лингводидактическая имагология, в рамках данного направления проводится настоящее исследование.

ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ исторических и культурных фактов российской действительности, отобранных зарубежными авторами для учебников русского языка как иностранного, позволяет выявить содержательную и аксиологическую специфику взгляда иностранцев на российскую действительность, определить некоторые закономерности восприятия и рефлексии по отношению к нашей стране. Как правило, в учебниках этот взгляд реализуется через когнитивные установки (или когнитивные стратегии) автора учебных материалов о стране изучаемого языка [см. подробнее о когнитивных стратегиях: Дзюба 2019]. В формате научной статьи невозможно осветить весь спектр лингвострановедческой информации, представленной в зарубежных учебниках русского языка. В данной работе внимание сосредоточено на одном из аспектов — историческом: анализируются представленные в учебниках факты и персоналии исторического прошлого и настоящего России, отмечается аксиологическая составляющая учебных материалов, отобранных авторскими коллективами. Заметим, что понятие *история России* понимается в данном случае узко: рассматриваются только факты, имеющие социально-политическую, военную, идеологическую окраску; реалии, актуальные для разных сфер жизни общества, подобные полету Ю. А. Гагарина в космос, например, здесь не рассматриваются.

Цель исследования — выявить средства и способы презентации фактов исторического прошлого и настоящего России в зарубежных учебниках русского языка.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В силу специфики анализируемого материала работа носит комплексный характер: она опирается на терминологию ономастики (выявляются антропонимы, политонимы, хрононимы, геортонимы, инвентонимы, упомянутые в зарубежных учебниках русского языка), методологию когнитивно-дискурсивного анализа (отмечается социально-политический контекст антропонимов — «личностных идеологем» и иных номинаций, ставших знаками определенной исторической эпохи и идеологии и влияющих на когнитивное сознание изучающих иностранный язык), теорию и практику лингвострановедения (изучаются зарубежные учебники русского языка, рассмотренные в аспекте реконструкции когнитивных стратегий включения фактов исторического прошлого и настоящего России в лингводидактических материалах).

Материалом исследования послужили доступные авторам учебники русского языка, опубликованные в странах Восточной и Западной Европы, Китае, США в период с 70-х гг. XX в. по 2019 г.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Обусловленность содержания учебника спецификой целей и задач обучения

Очевидно, что историческое прошлое и настоящее страны изучаемого языка не является обязательной составляющей учебника. Аспектные дидактические материалы, нацеленные на формирование языковой компетентности в определенной области (деловая коммуникация на иностранном языке; туризм и заграничный отдых; профессиональные сферы и под.), как правило, не включают информации об истории страны изучаемого языка. Приведем некоторые примеры: чешский учебник «Договорились! Obchodujeme, podnikáme a komunikujeme v ruštině» [Kozlova a kolektiv 2004], адресованный старшим школьникам и студентам, изучающим русский язык, нацелен на формирование практических навыков в области

деловой коммуникации. Авторы подчеркивают, что в учебные материалы включаются сведения о российской экономике, политике, культуре, науке, но акцент делается именно на коммуникации в области торговли и предпринимательства. Темы занятий таковы: «*Знакомство*», «*Презентация фирмы*», «*Деятельность фирмы и ее структура*», «*Планирование и результаты деятельности*», «*Поиск деловых партнеров и торговые переговоры*», «*Служебные командировки и иные деловые поездки*», «*Частная жизнь и свободное время*». Очевидно, что профессионально ориентированные учебники не нацелены на отражение информации об истории страны изучаемого языка, этот аспект обычно выходит за рамки собственно учебной деятельности в сферу дополнительного или самообразования. Однако даже в таких учебниках можно получить сведения о некоторых политически и экономически значимых фактах российской истории: так, в цитируемом выше учебнике предлагается текст «Древняя дорога в будущее», в котором упоминается история создания «первой транссибирской железной магистрали» и приводятся сведения о подписании российско-чешского правительственного соглашения о строительстве новой железной дороги, которая обеспечит грузоперевозки между Россией и Чехией транзитом через Словакию и Польшу [Kozlova a kolektiv 2004: 287].

В иных учебниках русского языка — таких, которые нацелены на освоение только лексики и грамматики (системы языка) [см., например: Levine 1999, 2009; Загородный 2016 и др.], или так называемых «разговорниках», история России тоже не является главной темой, но и в этих пособиях так или иначе фигурируют факты российской истории. Учебник по разговорной речи для чехов «Govorite po-russki : ruská konverzace» [Brčáková, Arapova, Mistrová 2014] предлагает освоить речевое поведение в разных коммуникативных ситуациях: *знакомство*, *путешествие*, *ориентация в городе*, *встреча гостей*, *семейный досуг* и под. Описание исторических фактов здесь не предполагается, однако исторический контекст становится фоном разворачивающихся «учебных» событий. На уроке, посвященном экскурсии по Москве, читаем фрагмент диалога: *Экскурсовод: Добрый день, дорогие друзья! Я ваш экскурсовод. Меня зовут Виктор Иванович. Приветствую Вас в центре нашей столицы, на Красной площади. / Наташа: Она все еще Красная, не переименовали еще? / Экскурсовод: И не переименуют. Это ведь старинное название, оно не связано с революционной символикой. Красная в старину значило красивая* [Brčáková, Arapova, Mistrová 2014: 174]. При дальнейшем описании достопримечательностей Москвы фигурируют некоторые исторические объекты, ср.: *Мавзолей — гробница с телом В. И. Ленина и одновременно трибуна во время парадов и демонстраций*; *Театр на Таганке — театр, возникший в социалистические времена, воспринимавшийся как несколько оппозиционный; в нем работали Владимир Высоцкий, Юрий Любимов и др.*; *Краснопресненская — станция метро, около которой находится зоопарк и «Белый дом», административное здание русского правительства, пострадавшее во время октябрьских событий в 1993 г.* [Brčáková, Arapova, Mistrová 2014: 182].

В настоящее время за рубежом появляются комплексные учебники русского языка, которые направлены на формирование языковой и коммуникативной компетенций, но при этом они полностью игнорируют формирование представлений о России как стране изучаемого языка. Коммуникация в таких учебниках ограничивается обсуждением общечеловеческих проблем, или так называемых *витальных и цивилизационных ценностей* (см. о терминах подробнее: [Карасик 2018]). Так, авторы учебников «Rosyjski nie gryzie. Poziom A1-A2» [Sendhardt 2017] и «Rosyjski aktywnie! Trening na 200 sposobów. Poziom A2-B1» [Runowska, Sendhardt 2018] отдают предпочтение описанию исключительно социально-бытовых и психологических проблем: взаимоотношения с окружающими людьми, семья, работа, свободное время, здоровый образ жизни и др. Традиционную русскую историю и культуру они представили в первой книге (A1-A2) в виде нескольких иллюстраций с небольшим комментарием или вовсе без него: национальный костюм, памятник Петру и Февронии, русская изба, блины с икрой, ГУМ, МГУ, собор Василия Блаженного, Байкал, паровоз как символ Российских железных дорог, белый медведь. Во второй книге (A2-B1) лингвострановедческая информация не встречается вообще. Отказ от описания фактов русской истории и культуры, возможно, обусловлен современными тенденциями лингвистического образования, которое носит все более практико-ориентированный характер: формируется мнение, что для коммуникации (торговой, деловой, политической) нужен лишь язык, знать географию, историю, культуру страны изучаемого языка необязательно.

Следует, таким образом, отметить, что включение информации об истории страны изучаемого языка, безусловно, зависит от

целей и задач обучения, адресата (целевой аудитории), профессиональной или социальной ориентации учебного материала, от объема образовательной программы и многих других факторов. В этом смысле учебники иностранного языка можно разделить на две группы, условно назвав их либо *культуроцентричными*, или *этноцентричными* (сведения о лексике и грамматике передаются во взаимосвязи с лингвострановедческой информацией), либо *лингвоцентричными* (в таких учебниках сведения об истории и культуре страны изучаемого языка редуцируются).

Комплексный учебник по русскому языку (то есть такой, который нацелен на формирование всех значимых компетенций: языковой, коммуникативной, лингвострановедческой) является едва ли не единственным источником информации о стране изучаемого языка [подробнее об этом см.: Веснина 2019], поэтому в его текстовой структуре сведения об истории, культуре, административном устройстве страны, безусловно, необходимы. Обзору таких лингводидактических материалов посвящена следующая часть статьи.

2. Обзор зарубежных учебников, транслирующих факты советской/российской истории

Комплексные учебники иностранного языка (в том числе русского как иностранного), рассчитанные на значительные временные затраты при обучении, как правило, содержат некоторые сведения об истории страны изучаемого языка. В учебниках русского языка для иностранцев история России отражается в двух направлениях: описание современного состояния страны (что соответствует принципу историзма [Еремина 2019]; синхронный подход) и описание важных исторических событий прошлого с ориентацией на ценностную составляющую событий и образов значимых персоналий (диахронный/ретроспективный подход).

Очевидно, что учебники отражают состояние языка и реалии той эпохи, в которую создаются: по учебникам можно отследить динамику социальной, политической и идеологической жизни страны изучаемого языка. Так, в дидактических материалах, созданных в период СССР, весьма частотны номинации советских реалий — советизмы (см. о понятии советизмы: [Купина 2009: 39]), в том числе идеологемы [см. о понятии идеологемы как «языковой единицы, связанной с идеологическим денотатом»: Бахтин 1975; Купина 1995: 43, 2005: 91; Малышева 2009: 33; Чудинов 2007: 92]. Пособие «Le Russe sans peine», изданное в 1973 г. в Париже, активно включает такие советизмы: *Москва — столица СССР, Советский Союз, улица Горького, Дворец Съездов, Герой Советского Союза — лётчик-космонавт Титов, колхоз, Красная Армия, Советская армия* [Chérel, Benoist 1973]. Учебное пособие разных лет издания для переводчиков «Reading and Translating Contemporary Rassian» [Dewey, Mersereau 1977, 1989, 1994] активно включает номинации, обозначающие реалии советского времени, и транслирует социалистические постулаты и моральные принципы, ср.: *Маша — советская девушка*; *Академия Наук СССР*; *Создание Советским Союзом первого спутника имело большое значение для американцев*; *В Советском Союзе нельзя критиковать государство.* Учебник «Méthode 90 — Le russe en 90 Leçons et en 90 jours» [Bécourt, Borzic 1990] также тиражирует языковые маркеры социалистической эпохи, ср.: *Москва — столица СССР*, *праздник Великой Октябрьской социалистической революции*, *советские газеты*, *русский товарищ*, *съезд*, *Герои СССР*. Французский учебник «40 leçons pour parler russe» [Chicouène 1993], хотя и издан после распада СССР, включает значительное число единиц, маркирующих реалии Советской России, ср.: *Верховный Совет, РСФСР (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика)*, *КПСС (Коммунистическая партия Советского Союза)*, *ЦК (Центральный Комитет)*, *СССР (Союз Советских Социалистических Республик)*, «*— Куда вы едете? В США? — Нет, не в США, а в СССР (С.Н.Г.)*». Учебник «*Le mot et l'idée — révision vivante du vocabulaire russe*», изданный во Франции в 1993 г. [Goninaz, Grabovsky 1993], отражает изменения, происходящие в России после распада Советского Союза, ср.: «*В России ещё существуют колхозы и совхозы. Во главе колхоза стоит председатель*»; «*Москва — столица России. Российская Федерация состоит главным образом из России и Сибири*»; «*До революции 1917-го года Россия была империей, во главе которой был император (царь). После революции она вместе с другими союзными республиками (как Украина, Армения…) составная часть Союза Советских Социалистических Республик (СССР), который прекратил свое существование в 1991-ом г. Тогда республики бывшего СССР стали независимыми и образовали Содружество Независимых Государств (СНГ)*».

Пособие «Ruslan Ru 1. Cahier de l'étudiant pour accompagner le manuel» разных лет издания [Ruslan Limited — Editions anglaises 2002, 2004; Editions francaises 2003,

2006 www.ruslan.co.uk] содержит имена политических руководителей, начиная с эпохи перестройки: *Горбачёв, Ельцин, Путин*.

По представленной на страницах учебников информации нередко без труда можно определить историческую эпоху, в какую создавался учебник русского языка как иностранного. Отражение фактов социально-политической жизни в России в учебниках является свидетельством их чрезмерной идеологизации, что делает дидактические материалы весьма ограниченными в аспекте их хронологической актуальности (такие учебники быстро устаревают).

Следует отметить, что учебники русского языка как иностранного в отношении включения сведений об историческом прошлом и настоящем России можно разделить на следующие типы:

1) учебники, включающие информацию об истории страны в связи с происхождением и развитием языка (далее этот подход будет подробнее описан в разделе о форматах представления исторической информации);

2) учебники, включающие сведения об исторических событиях в связи с этнографическим описанием культуры народа, говорящего на этом языке (расширение границ влияния языка);

3) учебники, сочетающие информацию об истории происхождения нации — языка — культуры.

Интересным представляется подчинить анализу сами факты исторического прошлого и настоящего России, которые попадают в сферу интересов составителей учебников.

3. Средства включения исторических сведений в содержание учебников русского языка для иностранцев

3.1. Персоналии (антропонимы / личностные идеологемы). Одним из наиболее частотных средств включения информации об истории России в учебные материалы являются имена собственные (онимы), среди которых значительное место занимают наименования исторических персоналий (государственных деятелей, президентов, военачальников / полководцев и под.), являющихся «личностными идеологемами» [см. подробнее: Клушина 2008; Купина 1995; Малышева 2009], т. е. языковыми единицами, которые связаны с определенной идеологией и политической системой (политическим направлением, партией и т. д.), а также военными действиями, и которые стали знаками определенной исторической эпохи в России.

Перечислим наиболее частотные исторические персоналии с указанием источников, в которых они упоминаются, и приведем некоторые примеры текстов.

● **Юрий Долгорукий.** *Это Юрий Долгорукий, который основал Москву* [Азимов и др. 2017: 184; Липовска и др. 2004: 80].

● **Иван Грозный.** *Но в XV веке Москва, которая стала новым центром русских земель, начала освобождаться от татарской власти: великий князь московский* ***Иван III*** *отказался платить дань Казани. А его внук* ***Иван IV Грозный****, собрал большую армию и пошёл войной на Казань. В 1552 году он взял город и сделал Казань русским городом* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 96]; *В 1547 году в Успенском соборе Кремля великий князь Иван Грозный официально принял титул царя. С этого времени Кремль стал резиденцией русских царей* [Ненкова 2010: 110]. Имя Ивана Грозного упоминается также в других учебниках [Москалева и др. 2014: 239; Сосновки, Тульска-Будзяк 2014: 56; 217].

● **Минин и Пожарский** *(фотография памятника на Красной площади)* [Азимов и др. 2017: 186].

● **Григорий Распутин. —** *Ты знаешь, кто такой Григорий Распутин? — Знаменитый авантюрист…* [Москалева и др. 2014: 237].

● **Романовы — царская семья — родословная.** *…d'après l'ouvrage de V.A. Baliazine «Les mystères de la maison Romanov»* [Москалева и др. 2014: 97; Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 38].

● **Петр Первый** — одна из наиболее часто встречающихся на страницах европейских учебников персоналий [Brown 1996: 131; Dewey, Mersereau 1994: 61; Jouan-Lafont, Kovalenko 2006 : 64—65; Olszewska 2016: 90; Деянова-Атанасова и др. 2016: 43; Москалева и др. 2014: 255; Ненкова 2008: 51]: *История города тесно связана с именем царя Петра I, который прославился не только своей реформаторской деятельностью, но и как градостроитель* [Сосновски, Тульска-Будзяк 2014: 166], ср.: *Русский царь Петр Великий считал, что нужно строить новый порт на Балтийском море. Это город Санкт-Петербург, или Петербург, как его обычно называют. Это новое «окно в Европу» строили на реке Неве, где на острове уже стояла Петропавловская крепость. Петербург строился быстро. Для постройки города со всех концов России каждый год посылали тысячи крестьян. Они работали в холоде, постоянно шел дождь и дул ветер. Они стояли по колени в воде и грязи. Каждый год тысячи людей погибали от болезней, голода и непосильного труда* [Brown 1996: 131]. При этом авторам учебников успешно удается сочетать лексико-грамматический и лингвострановедческий материал. Эти сведения о Петре Первом и

строительстве Петербурга представлены в разделе «Прошедшее время глагола», авторы предлагают обучающимся не только прочитать текст и ответить на вопросы по его содержанию, но также выделить глаголы прошедшего времени, что позволяет представить исторические факты имплицитно.

● **Екатерина Первая.** *…Петр умер в 1725 году, и его вторая жена, царица Екатерина Первая, основала Академию Наук вскоре после смерти мужа. Говорят, что она не умела ни читать, ни писать по-русски* [Dewey, Mersereau 1994: 61].

● **Екатерина II.** *Екатерина II хотела сделать этот памятник символом…* [Москалева и др. 2014: 255]; *Часто происходили крестьянские восстания, например восстание казаков при Екатерине II* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 49]; *Эрмитаж был основан императрицей Екатериной Великой* [Ненкова 2008: 51].

● **А. В. Суворов** — в учебниках цитируются его афоризмы, ср.: *Широкий шаг ведёт к победе, а победа к славе* [Goninaz, Grabovsky 1993: 103].

● **Александр I.** *Справа ты видишь Зимний дворец, здесь цари жили зимой, когда холодно. Поэтому дворец называется «Зимний». Это Дворцовая площадь, здесь колонна в честь царя Александра I. Сейчас в Зимнем дворце находится музей «Эрмитаж»* [Москалева и др. 2014: 254].

● **Наполеон Бонапарт.** *1812 год, октябрь — декабрь. Отступление армии Наполеона Бонапарта* [Москалева и др. 2014: 232; Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 39].

● **Николай I.** *Новую войну для решения восточного вопроса Николай I предвидел и стал готовиться к ней сразу после поражения революции 1848 года* [Dewey, Mersereau 1994: 149]; имя упоминается также в учебнике [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 38]; *En 1894, lors de l'avènement au trône du dernier tsar de Russie Nicolas II, l'économie et la politique de la Russie sont puissantes* [Москалева и др. 2014: 50]; *Nicolas II et les membres de la famille Romanov ont ete canonises par l'Eglise orthodoxe comme martyrs executes par les bolcheviks. Nicolas II est une figure historique ambigue. Certains le considerent comme l'un des monarques russes les plus intelligents, contraint d'avoir dirige l'Empire dans une periode critique pour la Russie et l'Europe entiere. D'autres voient en lui un politicien faiblard, davantage preoccupe par ses affaires de famille que par les affaires d'Etat, qui aurait gache le potentiel economique, industriel et politique de la Russie en l'entrainant de maniere injustifiee dans* ***la Premiere Guerre Mondiale****; ce qui aurait fatalement entraine la revolution sanglante de 1917* [Москалева и др. 2014: 97].

● **Александр II.** *В 1861 году Александр II отменил крепостное право* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 49]; имя упоминается также в учебнике [Москалева и др. 2014: 96—97].

● **Александр III.** *При каком императоре (при какой императрице) это произошло? Александр III, Николай II, Екатерина II, Александр II — 1. Отмена крепостного права. 2. Восстание казаков. 3. Революция 1905 года. 4. Закладка Транссибирской магистрали. 5. Февральская революция* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 49].

● **Николай II.** *Tous les tsars, de Piere le Grand au dernier tsar de Russie Nicolas II, vivaient à Saint-Pétersbourg! Le tsar Nicolas II avait abdique et un gouvernement temporaire avait ete mis en place* [Москалева и др. 2014: 48, 65]; имя упоминается также в учебнике [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 49].

● **Великий князь Георгий Михайлович.** *Les pièces du précieux paquet avaient été ajoutées à la collection du grand-duc Georges Mikhailovitch, composée des pièces retrouvées après sa mort (les dues grands-ducs ont été fusillés par les bolcheviks en 1919)* [Москалева и др. 2014: 238].

● **Великий князь Николай Михайлович.** — *Все историки знают Николая Михайловича, потому что большевики убили его в 1919 году. Тогда Ленин сказал известные слова: «Революции не нужны историки». — Я не знал, что эти слова о великом князе Николае Михайловиче Романове. — Да. Эти слова о нём. И не только о нём. Революция — это всегда новая история* [Москалева и др. 2014: 236—237].

● **Шереметевы.** *С XVI по XIX век Шереметевы играли большую роль в истории России. В то время это была очень богатая семья. Борис Петрович Шереметев (1652—1719) был первый русский граф и фельдмаршал. Но после него Шереметьевы больше не занимались военными делами, они стали меценатами* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 48].

● **Ленин.** — *А Ленин и революция в 1917 году — это тоже здесь? — Невский проспект был главной улицей революции* [Москалева и др. 2014: 248]; *Ленин долго жил в эмиграции* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 40]; *Наша страна идет по указанному Лениным пути* [Dewey, Mersereau 1994: 141].

● **Маркс.** *В отличие от американских профессоров, все советские учёные хорошо знают произведения Маркса и Ленина*; *Учась по книгам Карла Маркса, мы получаем коммунистическое представление об истории* [Dewey, Mersereau 1994: 76, 140].

● **Энгельс.** *Советские историки об Аврааме Линкольне: В первый период гражданской войны Линкольн занимал колеблющуюся позицию, за что его критиковали К. Маркс и Ф. Энгельс, внимательно следившие за событиями в США* [Dewey, Mersereau 1994: 76, 105].

● **Авраам Линкольн.** *Советские историки о Аврааме Линкольне: Линкольн стремился установить дружеские отношения с Россией… После победы Линкольна на выборах Генеральный Совет Первого Интернационала по инициативе К. Маркса и Ф. Энгельса послал приветствие Линкольну* [Dewey, Mersereau 1994: 116].

● **Керенский.** *Россия стала республикой в феврале 1917-го года, но республиканское правительство во главе с Керенским существовало только несколько месяцев, до так называемой «Октябрьской» революции 1917-го года* [Dewey, Mersereau 1994: 110].

● **Троцкий.** *Большевик Троцкий формирует Красную армию, а царские генералы — Белую армию* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 43].

● **Гитлер.** *Много уже говорилось о роли русского народа, занимавшего ведущее место в борьбе против Гитлера* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 43].

● **Сталин.** *Мы принадлежим к новому поколению, а Гитлер и Сталин к старому* [Dewey, Mersereau 1994: 50]; *Много людей в СССР ненавидело Сталина* [Dewey, Mersereau 1994: 76,140]; *Со студенткой, так ненавидевшей Сталина, мы не говорили* [Dewey, Mersereau 1994: 108]; *В московском театре «Современник» идет спектакль «Полёт чёрной ласточки». В нём Игорь Кваша играет роль Сталина* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 112; Tall, Vlasikova 1996].

● **Хрущёв.** *Хрущёв критикует писателей, пишущих о событиях в Советском Союзе* [Dewey, Mersereau 1994: 130]; *Cette déclinaison concerne des noms comme: Крылов, Прокофьев, Хрущёв, Пушкин, Солженицын* [Melani 2013 : 55]; *План урока: 3. Никита Хрущев — новые типы домов в контексте борьбы с культом личности Сталина* [Сосновски, Тульска-Будзяк 2014: 56], см. также [Robin, Evans-Romaine, Shatalina 2012: 8].

● **Брежнев.** анекдот о брежневских временах [Brown 1994: 161].

● **Е. В. Тарле.** *В. П. Потёмкин о работах историка, академика АН СССР Е. В. Тарле «История дипломатии»* [Dewey, Mersereau 1994: 149].

● **Михаил Горбачёв.** *В СССР коммунистическая партия планирует экономику и всё контролирует в стране. После 1985 года Михаил Горбачёв демократизирует эту систему* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 43; Langran, Veshnyeva 2006: 37].

● **Ельцин.** *Ecrivez les noms des personnes: имя, отчество, et фамилия. (Certains seront répétés) Михаил — Лев — Борис — Антон — Владимир. Владимирович — Николаевич — Павлович — Сергеевич. Путин — Горбачёв — Толстой — Чехов — Ельцин* [Langran, Veshnyeva 2006: 37].

● **Путин.** *Ecrivez les noms en Russe. Чайковский — Гагарин — Нуриев — Путин — Толстой. а. le cosmonaut __ б. le politician __ в. l'écrivain __ г. le danseur __ д. le musician __ ; фотография Путина — une photo de Poutine* [Langran, Veshnyeva 2006: 8, 34]; *План урока. 4. Владимир Путин — власть и бизнес на примере комплекса «Деловая Москва»* [Сосновски, Тульска-Будзяк 2014: 56].

Как видно из приведенных примеров, авторы учебников довольно часто упоминают имена исторических деятелей в связи с описываемыми событиями. В учебнике «Голоса» для американской аудитории одна из первых тем — *Немного о себе* — представляет русские имена посредством презентации персоналий, среди которых, помимо деятелей культуры и писателей, есть известные политики: Александра Михайловна Коллонтай, Лев Давидович Троцкий, Михаил Сергеевич Горбачев, Никита Сергеевич Хрущев [Robin, Evans-Romaine, Shatalina 2012: 8].

В разделе «Биография» представлены описания жизни выдающихся личностей, среди которых и политические оппоненты сложившегося в те времена политического режима, ср.: ***Биография. Наши авторы.*** *ВОЙНОВИЧ Владимир Николаевич. Родился в 1932 г. в Душанбе. Много переезжал, в 1951—55 гг. служил в армии, учился в вечерней школе и полтора года в педагогическом институте. В армии начал писать стихи, потом он перешёл на прозу. Его первая повесть «Мы здесь живём» была опубликована в журнале «Новый мир» в 1961 г. В 1962 г. его приняли в Союз писателей. С 1966 г. принимал участие в движении за права человека. В 1969 и 1975 гг. вышел за границей его самый известный роман «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». В 1974 г. он был исключён из Союза писателей и в 1980 г. эмигрировал. Жил в Германии и в США. Его произведения публиковались за границей и в самиздате. Теперь он живёт в Москве и в Германии. В романах, повестях, рассказах, пьесах и фельетонах он критикует советскую систему. Его произведения «Иванькиада», «Шапка», «Москва 2042» и «Антисоветский Советский Союз» восходят к*

сатирическим традициям Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Булгакова [Robin, Evans-Romaine, Shatalina 2012: 374—375]; *Look up Sakharov in Wikipedia or read the thumbnail sketch below.* ***САХАРОВ Андрей Дмитриевич*** *(1921—89), физик-теоретик, общественный деятель. «Отец» водородной бомбы в СССР (1953). Опубликовал труды по магнитной гидродинамике, физике плазмы, управляемому термоядерному синтезу, астрофизике, гравитации. С конца 60-х по начало 70-х гг. один из лидеров правозащитного движения. После публикации работы «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968) Сахаров отстранён от секретных работ. В январе 1980 г. был сослан в г. Горький. Он возвращён из ссылки в 1986 г. В 1989 г. избран народным депутатом СССР. Нобелевская премия мира (1975)* [Robin, Evans-Romaine, Shatalina 2012: 383].

3.2. Политонимы (названия государств с точки зрения административно-политического устройства, наименования политических партий, движений и под.). Очевидно, что номинация страны изучаемого языка присутствует в учебниках, если речь идет о настоящем России (*СССР, РСФСР, Россия, Российская Федерация* — в зависимости от времени создания учебника); но авторы обращаются и к прошлому страны, упоминая *Киевскую Русь* [Алексиева и др. 2015: 55], *Царскую Россию*, *Российскую империю* [Сосновски, Тульска-Будзяк 2014: 153; Beyer, Thomas 1993: 62—63; Brown 1994: 199; Fleming, Kay 1998: 169; Tall, Vlasikova 1996 и мн. др.].

Некоторым фактам российской истории уделяется в зарубежных учебниках особое внимание. Так, в пособиях, изданных в 90-х гг. XX в., часто речь заходит о распаде СССР и формировании СНГ. В учебнике «Learn Russian the fast and fun way» предлагается карта СНГ с перечислением 11 стран-участниц (*Россия*, *Беларусь*, *Молдова*, *Украина*, *Армения*, *Азербайджан*, *Казахстан*, *Узбекистан*, *Туркменистан*, *Таджикистан*) и текст на английском языке с переводом ключевых политонимов (*СНГ*, *Республика*, *СССР*) о распаде СССР, создании СНГ и странах, не вошедших в СНГ (*Эстония*, *Латвия*, *Литва*, *Грузия*) [Beyer, Thomas 1993: 62—63].

Нередко упоминаются органы государственные власти (особенно советского периода), ср.: *Июньский пленум Центрального Комитета разоблачил и идейно разгромил антипартийную группу Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова, выступивших против ленинского курса, намеченного XX съездом партии* [Dewey, Mersereau 1994: 141]; *НКВД, МГБ, КГБ* [Brown 1994: 199].

Нечастотными, но имеющими место в некоторых из рассмотренных учебников являются политонимы, представляющие политические движения и партии (ср. упоминание факта о реорганизации ЛДПР в 1992 г. [Melani 2013: 28]).

3.3. Хрононимы (наименования исторических и социально значимых событий: войн, социальных катаклизмов, политических и/или социальных реформ и т. д.).

В зарубежных учебниках русского языка наиболее частотны следующие хрононимы:

● **Киевская Русь.** *На территории Киевской Руси пересылка вестей известна с древнейших времен. Киевская Русь была государством высокой культуры, с широкими экономическими связями. Предприимчивые русские купцы вели торговлю по всему миру. В Арабском халифате, Византии, Чехии, в Англии знали киевское оружие, пушнину, мед, резную кость. На Западе Русь славилась как государство ремесленников и торговцев. В конце IX века в Киевской Руси заложены основы русской почты — одной из старейших в Европе. Она возникла одновременно с почтовой службой Испании и Великобритании…* [Алексиева и др. 2015: 55]; *Dans la Russie de Kiev, les prêtres russes déforment involontairement le vieux-slave qui prend une forme particulière, appelée slavon russe* [Melani 2013: 10].

● **Татарское иго (1240—1480).** *…à l'époque du joug mongol [Татарское иго] (1240 — 1480), mots turco-tatars: лошадь [le cheval], чемодан [la valise], карман [la poche]* [Melani 2013: 10]; *Только в XV веке московский князь Иван III освободил русские земли от монголо-татарского ига* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 97]; *Татарское иго тяжело лежало на Руси* [Dewey, Mersereau 1994: 50—51].

● **Московское царство (государство) XV—XVI вв.** *После победы Московского царства над Казанью открылась для русских дорога на Восток, в холодную, но богатую Сибирь* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 97; Melani 2013: 10].

● **Завоевание Казанского ханства (Взятие Казани, 1552 г.).** *В 1552 году царь Иван Грозный взял Казань и построил каменный кремль из белого камня* [Москалева, Шахматова, Ам 2014: 269]; *Иван Грозный в XVI веке взял Казань и разрушил мечеть Кул-Шариф* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 97].

● **Смутное время (1606—1613).** *…à l'époque des troubles [Смутное время] (1606 — 1613), qui voit l'apogée de la puissance*

polonaise, emprunts polonais: замок [le château] [Melani 2013: 10].

● **Эпоха правления Петра I.** *…sous Piere I-er, vocabulaire technique* [Melani 2013 : 10]; [Dewey, Mersereau 1994: 61]; *Баженов жил во времена царя Петра I* [Москалева и др. 2014: 219].

● **Северная война.** *В 1700 году Пётр начал Северную войну* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 65].

● **Война 1812 года, Бородинское сражение.** *Во время Отечественной войны 1812 года на территории Бреста армия Наполеона встретила героическое сопротивление русской армии. Здесь на месте старого центра города в 1833 году решили построить крепость. Брестская крепость — памятник военной архитектуры XIX века* [Вариченко и др. 2019: 62]; *Он изучал время царя Александра I, изучал время Наполеона I и войну 1812 года* [Москалева и др. 2014: 281]; *В 1812 году Наполеон, подчинивший почти все страны Европы, объявил войну России. Армия Наполеона, включавшая 600 тысяч солдат, в три раза превосходила по численности русскую армию. Отступающая русская армия героически сопротивлялась. После проигранного под Смоленском сражения русскую армию возглавил полководец Кутузов, решивший дать подходившему к Москве Наполеону генеральное сражение. …сражение состоялось у села Бородино…* Далее в тексте говорится об оставленной Наполеону сожженной Москве и быстром отступлении французской армии, которую русские воины преследовали до самого Парижа. Текст заканчивается словами Наполеона: *Самое страшное из моих сражений — это то, которое я дал под Москвой* [Ненкова 2012: 59]; *Когда состоялась Бородинская битва и при каком русском императоре?* [Липовска и др. 2004: 55].

● **Декабристское восстание.** *Когда вспыхнуло восстание декабристов?* [Липовска и др. 2004: 55]; *Декабристы: Les Decembristes, nobles opposes a la monarchie absolue, qui organisèrent en 1825 un soulèvement contre le tsar* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 80].

● **Крымская война 1853—1856 гг.** *Крымская война сыграла огромную роль во внутренней истории России и в изменении ее международного положения в 19 в*. [Dewey, Mersereau 1994: 149].

● **Крепостное право** (XVI—XIX вв). **Отмена крепостного права:** *С XVI века по XIX век в России было крепостное право. Русские крестьяне принадлежали дворянам-помещикам* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 49].

● **Русско-турецкая война.** *В 1878 году при Александре II закончилась Русско-турецкая война. В знак признательности болгарский народ назвал его Царем-Освободителем* [Липовска и др. 2004: 55].

● **Эпоха Николая II (с 1894 г.**…**), Первая мировая война.** *En 1894, lors de l'avènement au trône du dernier tsar de Russie Nicolas II, l'économie et la politique de la Russie sont puissantes* [Москалева и др. 2014: 50]; *Nicolas II et les membres de la famille Romanov ont ete canonises par l'Eglise orthodoxe comme martyrs executes par les bolcheviks. Nicolas II est une figure historique ambigue. Certains le considerent comme l'un des monarques russes les plus intelligents, contraint d'avoir dirige l'Empire dans une periode critique pour la Russie et l'Europe entiere. D'autres voient en lui un politicien faiblard, davantage preoccupe par ses affaires de famille que par les affaires d'Etat, qui aurait gache le potentiel economique, industriel et politique de la Russie en l'entrainant de maniere injustifiee dans* ***la Premiere Guerre Mondiale*** *; ce qui aurait fatalement entraine la revolution sanglante de 1917* [Москалева и др. 2014: 97].

● **Революция 1905 г.** *Русская революция и авангард в искусстве. Начало двадцатого века. 1905 Первая русская революция* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 88].

● **Февральская революция — 27 февраля 1917 г.** *C'est justement ce 27 fevrier qu'eclaterent a Saint-Petersbourg les premieres revoltes, provoquees par le manque de pain. La gare de Finlande, ou grand-pere Jerome devait prendre son train, etait occupee par les manifestants* [Москалева и др. 2014: 65]; *Россия стала республикой в феврале 1917-го года, но республиканское правительство во главе с Керенским существовало только несколько месяцев, до так называемой «Октябрьской» революции 1917-го года* [Dewey, Mersereau 1994: 110].

● **Октябрьская Революция 1917 г.** *В 1917 году произошли две революции* [Jouan-Lafont V., Kovalenko F. 2006: 40]; *Военный флот состоит из разного рода военных судов. Броненосец «Потёмкин» и крейсер «Аврора» сыграли значительную роль в революционных событиях русской истории* [Goninaz, Grabovsky 1993: 100]; *La revolution de 1917* [[Melani 2013: 12]; *La révolution de 1917 conduit grand-père Jérôme à fuir la Russie* [Москалева и др. 2014: 16]; *республиканское правительство во главе с Керенским существовало только несколько месяцев, до так называемой «Октябрьской» революции 1917-го года* [Dewey, Mersereau 1994: 110].

● **Эмиграция** (с 1917 г.). *Сколько историй — весёлых и грустных — слышала маленькая Аня об этом доме в Москве! И о гим-*

назии, где училась прабабушка, и о революции, и об эмиграции во Францию… Миллионы русских людей, и не только аристократы и буржуа, эмигрировали из России из-за террора и репрессий [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 39—40]; *эмигрант* — émigrant [Chérel 1973: 18].

● **Репрессии, аресты.** *В тридцать четвертом году в Ленинграде начались репрессии* [Fleming, Kay 1998: 169].

● **Вторая мировая война.** *D'abord, ils ont eu la Revolution, ensuite la Seconde Guerre Mondiale, puis le rideau de fer et l'omnipresence du KGB, ensuite la Perestroika, et dans les annees 90 le putsch et le temps des troubles…* [Москалева и др. 2014: 11]; упоминается также в пособиях [Goninaz, Grabovsky 1993: 100; Melani 2013: 12 и др.].

● **Война 1941—1945 гг.** *В истории Брестской крепости было много войн. 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Жители города Бреста и защитники Брестской крепости мужественно сражались с врагами. Фашисты хотели очень быстро захватить крепость (за 8 дней). Но герои Брестской крепости почти месяц защищали ее. Хотя у русских солдат не было еды, не было воды, они днем и ночью боролись с врагом. Они все погибли, но не отдали крепость врагу. …8 мая 1956 года Брестская крепость получила звание «Брестская крепость-герой». В 1971 года здесь открыли мемориальный комплекс. Сюда приезжают люди из разных городов, республик и стран, чтобы узнать о мужестве и героизме защитников Брестской крепости. Каждый год 9 мая в День Победы здесь встречаются ветераны войны* [Вариченко и др. 2019: 62]; *Во время Великой Отечественной войны Беларусь была оккупирована фашистами. 1100 дней и ночей продолжалась оккупация. Враги разрушили почти все города и деревни. Недалеко от Минска (50 км) находится Хатынь. 22 марта 1943 года эту деревню фашисты сожгли вместе с жителями. В огне погибло 149 человек, из них 75 детей. Хатынь не единственная. 186 деревень вместе с людьми сгорели на белорусской земле. Погиб каждый третий житель республики* [Вариченко и др. 2019: 45]; *День Победы. Selon vous, pourquoi les peuples de Russie se souviennent-ils si longtemps de la Deuxième Ciuerre mondiale?* [Азимов и др. 2017: 164—165]; *9 mai: victoire de 1945 (День Победы). Férié* [Tokmakov, Bertrand 2011: 34].

● **Блокада Ленинграда (1941, 1942, 1943 гг.).** *В 1941, 1942 и 1943 годах Санкт-Петербург был чёрным. 900 дней немецкие солдаты стояли вокруг города, но не смогли взять его* [Москалева и др. 2014: 249]; *Во время Второй мировой войны немцы осадили Ленинград, но, несмотря на трёхлетнюю блокаду, не смогли его взять* [Goninaz, Grabovsky 1993: 102]; …*в июне сорок первого года началась война. Девятьсот дней, с сентября сорок первого года по январь сорок четвертого, продолжалась блокада Ленинграда. Люди умирали от голода. Как она (бабушка рассказчика) выжила во время войны, трудно представить!* [Fleming, Kay 1998: 169].

● **Битва под Сталинградом.** *Во время битвы под Сталинградом русские часто находились в безвыходном положении. Таким образом надо было бороться до конца* [Dewey, Mersereau 1994: 76].

● **Перестройка (с 1985 г.).** *«Я знаю, что „перестройка“, „гласность“, „колхоз“, „совхоз“» — эти слова были в СССРе, — poursuivit Jean.* [Москалева и др. 2014: 73]; *Depuis 1985 et la perestroika, la langue connaît une nouvelle phase de mutations importantes* [Melani 2013: 12]; *Общий язык с американцами, честно говоря, не всегда удается найти. Слишком различны интересы, хотя и имеешь дело со сверстниками. Одна из причин та, что американские студенты взрослеют очень поздно. … Свобода, демократия — сколько нас здесь упрекали в их отсутствии в Советском Союзе! Может быть, они во многом и правы, не зря же мы сейчас стараемся перестроиться. Сами же американцы просто помешаны на свободе, это у них, что называется, в крови. Ты волен делать что хочешь, когда хочешь и где хочешь. В общем, американская молодежь более непосредственна и раскованна, чем мы* (из журнала «Спутник») [Tall, Vlasikova 1996: 51].

● **Путч и 90-е гг.** *D'abord, ils ont eu la Revolution, ensuite la Seconde Guerre Mondiale, puis le rideau de fer et l'omnipresence du KGB, ensuite la* ***Perestroika****, et dans les annees 90 le* ***putsch et le temps des troubles****…* [Москалева и др. 2014: 11].

В некоторых учебниках также встречаются так называемые инвентонимы, которые трактуются как вариант хрононимов (под инвентонимами Т. П. Романова понимает «презентационные собственные имена событий социокультурной направленности (инвентов), выделяющиеся в составе ономастического поля на основании специфических особенностей объекта номинации», т. е. наименования национально-патриотических проектов (митинги, патриотические акции), культурно-массовых мероприятий (творческие встречи, фестивали, праздники частного значения), спортивно-оздоровительных про-

ектов (марафоны, чемпионаты, кроссы, соревнования), научно-технических и учебно-просветительских проектов (форумы, чтения, конкурсы), коммерческих и презентационно-имиджевых проектов (ярмарки, выставки)) [Романова 2020], ср.: *В этот день (9 мая) в России проходит общественная акция «Георгиевская ленточка». В рамках этой акции на улицах раздают оранжево-черные ленточки, которые можно прикрепить к одежде или повязать на руку, сумку или антенну автомобиля в знак памяти о героическом прошлом, как символ Победы и признания героизма фронтовиков* [Радкова и др. 2018: 130].

3.4. Геортонимы (наименования праздников, разновидность хрононимов, в данном случае — праздников, связанных с историческим прошлым и настоящим России).

В зарубежных учебниках, изданных в Белоруссии, Болгарии, Китае, Франции встречаются следующие номинации:

● **9 мая — День Победы.** *9 мая в России отмечают всенародный праздник — День Победы в Великой Отечественной войне, в которой народы Советского Союза боролись за свободу и независимость своей Родины против гитлеровской Германии и ее союзников. Для России Великая Отечественная война (1941—1945) — самая важная и решающая часть Второй мировой войны. День Победы отмечается в России очень торжественно, а проведение военных парадов 9 мая стало традицией. Улицы и площади украшают флагами. В честь праздника Победы проходят торжественные мероприятия и концерты. К памятникам боевой славы, мемориалам, братским могилам возлагают венки и цветы, выставляют почетные караулы… В крупных городах производится праздничный артиллерийский салют* [Радкова и др. 2018: 137]; Девятое мая упоминается также в других учебниках [Tokmakov, Bertrand 2011: 34; Jouan-Lafont, Kovalenko F. 2006 : 68]; только номинативно, при сопоставлении с 8 мая как датой окончания Второй мировой войны в Европе, встречается в учебнике, изданном в Польше [Pado 2019b: 71].

● **12 июня — День России.** *Еще в России отмечают День России (двенадцатое июня)…* [Радкова и др. 2017: 130]; а также в учебниках для франкофонов [Tokmakov, Bertrand 2011: 34; Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 68].

● **4 ноября — День национального единства.** Упоминается в учебниках [Tokmakov, Bertrand 2011: 34; Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 68]

● **7 ноября — День согласия и примирения / День годовщины Великой Октябрьской социалистической революции** [Tokmakov, Bertrand 2011: 34].

● **12 декабря — День Конституции Российской Федерации.** *Еще в России отмечают… День Конституции (двенадцатое декабря)…* [Радкова и др. 2017: 130], а также в пособиях [Tokmakov, Bertrand 2011: 34; Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 68].

В учебники русского языка как иностранного история России входит такими единицами, как антропонимы — личностные идеологемы, политонимы, хрононимы, геортонимы, инвентонимы. В. И. Супрун, рассматривающий русское ономастическое пространство как упорядоченную полевую структуру, подчеркнул, что «за антропонимами закрепляется центральное положение в именной системе». Исследователь отмечает: «Вся суть ономастики выражается в антропонимии; личное имя человека содержит в себе все семантические, стилистические, фреквентативные, деривационные, дистрибутивно-сочетаемостные возможности и реализации. Антропонимическая лексика имеет повышенную реакцию на фонетико-акцентуационное оформление, тонко отражает коммуникативно-прагматические пресуппозиции, выступает в качестве яркого национально-культурного показателя этноколлектива» [Супрун 2000: 17]. Изучение ономастического материала учебников русского языка в аспекте исторических номинаций всецело это подтверждает: имена великих князей, царей и императоров, политических лидеров и иных государственных деятелей, полководцев и военачальников и т. п., действительно, занимают важное место, через призму их личностного вклада в развитие России представляются русские имена, геополитические особенности страны изучаемого языка, строительство и достопримечательности русских городов и жизнь народа вообще. К ядерным единицам, которые употребляются в зарубежных учебниках русского языка, следовало бы отнести также хрононимы (включая геортонимы и инвентонимы): с этими именами соотносятся исторические эпохи и военно-политические события, которые авторы пособий считают значимыми в российской истории (это характерно для учебников, созданных в странах Восточной Европы). Периферийными являются политонимы, которые делают учебники наиболее идеологизированными, сосредоточенными на политической составляющей (особенно характерно для учебников, созданных в странах Западной Европы).

4. Форматы культуры, через которые транслируется информация об историческом прошлом и настоящем России в зарубежных учебниках русского языка

В зарубежных учебниках русского языка, изданных в последние годы, наблюдается тенденция к презентации фактов исторического прошлого России в завуалированном виде, имплицитно, посредством разных форматов культуры.

4.1. Язык / письменность. Исторические факты в ряде учебников (особенно написанных для славянских народов) транслируются через обращение к истории славянской письменности, развития русского и других славянских языков [Деянова-Атанасова 2016: 149; Ненкова 2011: 98; Pado 2019a: 10], ср.: ***День славянской письменности и культуры.*** *24 мая во всех славянских странах отмечается День славянской письменности и культуры. Этот праздник неразрывно связан с чествованием Святых Равноапостольных Кирилла и Мефодия, которые составили славянскую азбуку. … Труды этих великих просветителей стали общим достоянием всех славян, положили основу их нравственному и умственному развитию. Год за годом наши культуры обогащали и дополняли друг друга, к языковой общности славянских народов присоединилась духовная и культурная общность, давшая миру выдающихся ученых и деятелей искусства*… Далее в тексте повествуется о крещении Руси, создании славянской азбуки, о факте забвения праздника славянской письменности в годы советской власти и его восстановлении в 1986 г., о повсеместно проходящих Божественных литургиях, крестных ходах, выставках, концертах, которые проводятся в настоящее время в России в честь этого праздника [Ненкова 2011: 108].

4.2. Художественная литература (проза/поэзия). События исторического прошлого России описываются в формате произведений русской литературы.

● **И. С. Тургенев, «Накануне».** *Тургенев восхищался теми, кто посвятил свою жизнь освобождению родины, и сделал героем своего романа смелого и целеустремленного болгарского революционера Инсарова* [Радкова и др. 2018: 99].

● **К. Симонов, «Жди меня».** *Стихотворение создано в 1941 г. во время Второй мировой войны… Стихотворение вырезали из газетных передовиц и переписывали, посылали с фронта домой и из тыла на фронт* [Сосновски, Тульска-Будзяк 2014: 206].

● **Н. Угримов, «Земляки».** *Рассказ о встрече русского эмигранта первой волны и беженцев из фашистских лагерей в 1944 году* [Chérel, Benoist 1973: 392—412].

● **А. Твардовский, «Василий Тёркин».** *Ты лежишь ничком, парнишка Двадцати неполных лет. Вот сейчас тебе и крышка, Вот тебя уже и нет* [Goninaz, Grabovsky 1993: 103].

● **А. Толстой, «Русский характер».** Первый урок в пособии «Русский язык — 4» — 大学俄语 (新版), — названный «Русский характер», посвящен чтению, анализу и переводу рассказа, который повествует о танкисте — герое и настоящем мужчине, воевавшем в Великой Отечественной войне [Русский язык — 4 2011: 6—11].

● **Б. Васильев, «Мир восклицательный знак».** Учебник «Русский язык — 6» — 大学俄语 (版) 学生用书 6) — предлагает для анализа и перевода данный рассказ, авторы предлагают студентам порассуждать в ходе анализа текста о формировании положительного образа русской женщины, пережившей войну и сохранившей в душе «искру божию» [Русский язык — 6 2012].

4.3. Наука. Исторические факты передаются в тестах о научных достижения. Например, один из текстов учебника, предлагаемых для чтения болгарским школьникам, повествует о талантливейшем русском медике Николае Пирогове, который работал в Болгарии во время Русско-турецкой войны и делал сложнейшие операции раненым русским и болгарским солдатам [Деянова-Атанасова и др. 2016: 95].

4.4. Изобразительное искусство. Наиболее популярным форматом презентации исторического прошлого и настоящего России является изобразительное искусство, в частности — архитектурные сооружения и скульптурные произведения искусства (памятники, мемориалы и под.). Обычно информация о произведениях изобразительного искусства, свидетельствующих о событиях российской истории, представлена в разделе о путешествиях по России и снабжена фотографиями.

● **Московский Кремль — серия фото и текст.** *Московский Кремль — символ не только Москвы, но и всей России. Это большой архитектурный ансамбль, окруженный кирпичной стеной. В этот ансамбль входит 20 башен. Главная башня —* ***Спасская.*** *Она выходит на* ***Красную площадь.*** *Каждый час москвичи слышат бой курантов на часах Спасской башни. Это главные часы страны. В Кремле работает* ***Президент России и его администрация.*** *Но Кремль открыт для туристов, так как здесь находятся Соборная площадь со своими старинными соборами и Оружейная*

палата. Рядом со старинными соборами находится и современное здание из мрамора — ***Государственный Кремлёвский дворец.*** *В этом дворце проходят спектакли: оперные, балетные и концертные программы* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006]; *Кремль — сердце Москвы. Экскурсия по Кремлю. Московский Кремль давно стал символом не только Москвы, но и всей России. Кремль возвышается в самом центре столицы, на Боровицком холме. Словом «кремль» называли в Древней Руси центральную, укрепленную часть города. Вначале Московский Кремль был деревянным. Впервые он упоминается в летописи в двенадцатом веке. А два века спустя был построен первый каменный Кремль…* (далее представлены сведения о достопримечательностях Кремля — Успенском соборе, где Иван Грозный принял титул царя, и других памятниках истории: Зимний дворец, здание Сената, Арсенал, Царь-пушка, Царь-колокол, Большой Кремлевский дворец, здание Апартаментов, Оружейная палата, Государственный Кремлевский дворец) [Ненкова 2010: 110].

● **Фото памятника Петру Первому** и текст: ***Памятник Петру Великому не должен быть портретом — он должен стать символом.*** *Памятник Петру I (Первому) — это душа Санкт-Петербурга. Его сделал французский скульптор Этьен Фальконе. В Россию Фальконе пригласила Екатерина II (Вторая). Но первый вариант памятника не понравился Екатерине. В первом варианте памятника Петр I стоял на колонне. Это был царь-отец. Жители должны были уважительно поднимать шляпу, когда шли мимо памятника. «Памятник Петру Великому не должен быть портретом — он должен стать символом», — сказала Екатерина. Фальконе не мог найти образ и уже хотел ехать домой, во Францию, но однажды ночью он шёл по набережной реки Невы и увидел огромного коня. На коне сидел царь Пётр I. Царь крикнул: «Всё моё — и всё Бога!» В эту секунду Фальконе увидел коня уже на другом берегу. «Всё моё — и всё Бога!» — крикнул Пётр ещё раз и исчез. Волны на Неве были как на море. Дождь. Ветер. Холодно. Погода была ужасная. И Фальконе понял: Пётр — это не просто царь. Это человек с железным характером. Он построил город там, где никто не мог построить. Он победил на море и победил на земле. Он* ***построил новую Россию.*** *Утром Фальконе уже знал, что памятник будет нетрадиционным и необычным. Если смотреть на памятник в плохую погоду: когда идёт дождь или снег, когда сильный ветер, то можно увидеть живого Петра I. Памятник в эти минуты как живой. Пётр на коне — человек, который победил саму природу* [Москалева, Шахматова, Ам 2014: 254—255]; *В 1997 году поставили в Москве огромный памятник Петру Великому на Москве-реке. Памятник Петру в Петербурге сделал французский скульптор Фальконе. Он стоит на Сенатской площади. «Где же Даша? Она сказала, что будет ждать меня на вокзале у памятника Петру Первому». В 1991 году поставили в Петербурге новый памятник Петру. Император сидит в кресле* [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 69].

● **Московский Манеж.** *Originellement, le Manège, construit sous Alexandre I, était destiné au passage en revuedes troupes et à la realization des parades et des manoeuvres. «Манеж — это памятник войне 12-го года», — annonçait une plaque à l'entrée du bâtiment. Jean s'etonna: «C'est étrange qu'on ait donné un nom français à un monument qui célèbre la victoire de la Russie sur la France». Il était écrit au-dessus de l'entrée: ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ* [Москалева и др. 2014: 199].

● **Усадьбы Москвы.** Загородная усадьба русских великих князей и царей Коломенское; архитектурно-парковый ансамбль Царицыно — резиденция Екатерины II; усадьба Кусково — летняя резиденция графов Шереметевых [Ненкова 2010: 116].

● **Фотопортреты семьи Романовых** [Москалева и др.; Jouan-Lafont, Kovalenko 2006].

● **Фото памятника братьям Газдановым** «Журавли», погибшим на Великой Отечественной войне, и текст: ***День Победы.*** *Нас часто спрашивают: почему мы так долго помним войну? Мы отвечаем: потому что 20 миллионов жителей нашей страны не вернулись с войны 1941—1945 годов. Поэтому у нас много памятников солдатам. На Кавказе есть памятник. Семь белых птиц улетают в небо. Женщина смотрит на них. Кто она? Мать семи солдат. Семь братьев защищали Родину и погибли на войне. Каждую весну приходят сюда люди и приносят цветы* [Азимов и др. 2017].

● **Фото Красной площади и Кремля** и его основных исторических памятников (**Спасская башня Кремля, Вечный огонь, памятник Минину и Пожарскому, собор Василия Блаженного, Кремлевский дворец**). *— Что это? — Это Москва. Это Кремль* [Азимов и др. 2017]; а также в учебниках [Jouan-Lafont, Kovalenko; Ненкова 2006: 52—53].

● **Фото памятника Юрию Долгорукому** и текст: *Это Юрий Долгорукий, который основал Москв*у [Азимов и др. 2017].

● **Фото памятника «Родина-мать» в Волгограде** и текст: ***Как выбирали «Семь чудес» России?*** *В 2008 году газета «Известия», телеканал «Россия» и радиостанция «Маяк» организовали выборы семи «чудес страны». Через СМИ и Интернет были выбраны 7 чудес России. Три из них являются историческим наследием. …* ***Первое чудо…*** *В годы Великой Отечественной войны Мамаев курган стал местом кровопролития, Борьба за Мамаев курган длилась 135 суток. В мирное время в Волгограде открыли мемориал, посвященный памяти смелых защитников города* [Радкова 2018: 145].

● **Золотое кольцо России.** Фото достопримечательностей «Золотого кольца»: в тексте перечисляются города и главные памятники старорусской культуры (Суздаль, музеи деревянного зодчества, Спасо-Ефимиев монастырь, Суздальский кремль; Владимир и его Золотые ворота, Успенский собор во Владимире; Переславль-Залесский, Ярославль, церковь Иоанна Златоуста, церковь Ильи Пророка; Кострома, Ипатьевский монастырь; Ростов Великий, Ростовский кремль), ср.: *Сегодня нас встречает Владимир! В двенадцатом веке князь Владимир Мономах построил мощную крепость на берегу реки Клязьмы. Крепость была названа в честь основателя. Наследник Мономаха князь Юрий Долгорукий построил много крепостей в Суздальской земле. Он основал города Москва, Переславль-Залесский и др.* [Ненкова 2011: 84].

Помимо российских памятников истории, в учебниках описываются достопримечательности иных стран, бывших республик СССР. **Фото площади Победы в Минске** и текст: *На площади Победы у памятника горит Вечный огонь и лежат живые цветы. На площади, внизу под монументом, находится мемориальный зал, на стене которого вы можете прочитать имена 567 Героев Советского Союза, которые погибли во время освобождения республики, в том числе герои-белорусы, которые погибли на других фронтах. Среди них 11 женщин. 9 Мая в праздник Победы на этой площади встречаются ветераны войны…* [Вариченко и др. 2019: 54].

Изобразительное искусство: классическая живопись и иные жанры современного искусства (плакаты, обложки журналов). Зарубежные учебники русского языка, авторы которых включают лингвострановедческую информацию в структуру дидактических материалов, считают необходимым представить произведения русской живописи. При этом они довольно часто обращаются именно к реалистическому искусству, представляющему социальные стороны жизни и исторические события. На страницах учебников представлены следующие материалы:

● Репродукция (фото) картины Венецианова «На пашне. Весна» о крепостном праве и текст: *Это картина русского художника Венецианова. Он написал её в 1820 году. Она называется «На пашне. Весна» («Dans le champs laboré. Le printemps»). В картине говорится о жизни русских крестьян. Это очень известная картина* [Азимов и др. 2017: 173].

● Репродукция (фото) картины К. В. Лебедева «Продажа крепостных с аукциона» [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 49].

● Репродукция (фото) картины, изображающей строительство Кремля, и текст: *Это русские люди XV века, которые строили Кремль* [Азимов и др. 2017: 184].

● Репродукция (фото) картины А. Тояндер «Пётр I» [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 65].

● Репродукция (фото) картины, изображающей портрет Александра Даниловича Меньшикова, и текст: *А это Александр Данилович Меньшиков. Он был продавцом пирогов в Москве. А стал вторым человеком в России — правой рукой, помощником царя Петра I (Первого)* [Москалева и др. 2014: 177].

● Репродукции картин В. В. Верещагина и текст: *Художник Василий Васильевич Верещагин сочувствовал болгарскому народу и всячески поддерживал его в борьбе за освобождение и независимость. Когда весной 1877 года Верещагин узнал о начале русско-турецкой войны, он тотчас же присоединился к действующей армии в качестве военного художника. Вместе с отрядом генерала Скобелева он совершил переход через Балканы, участвовал в бою на Шипке у деревни Шейново и в третьем штурме Плевена. Все это время художник не переставал зарисовывать места сражений. Своим мужеством Верещагин поражал окружающих… Верещагин создал Балканскую серию картин. Серия включает около тридцати полотен, изображающих периоды русско-турецкой войны* [Радкова и др. 2018: 111].

● Обложка журнала «Театральные новые известия» с изображением одного из известных российских актеров в роли Сталина [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 112].

● Плакат о Сталине «О каждом из нас заботится Сталин в Кремле» [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 113].

4.5. Кинематограф также становится одним из актуальных форматов, представляющих события исторического прошлого России в зарубежных учебниках русского

языка. В дидактические материалы включаются описания произведений отечественного кинематографа о Гражданской войне, Великой Отечественной войне и др., ср.: *В октябре 1917 года Ленин и партия большевиков организуют революцию в Петрограде. Они национализируют фабрики и заводы. Начинается гражданская война. большевик Троцкий формирует Красную армию, а царские генералы — Белую армию. Эту историю иллюстрирует, например,* ***советский фильм «Чапаев»*** [Jouan-Lafont, Kovalenko 2006: 43]. На страницах некоторых учебников предлагается описание культового фильма 1957 г. «Летят журавли» Б. Чухрая, в котором главную роль сыграла Татьяна Самойлова [Алексиева 2015: 19; Chérel, Benoist 1973: 380], в одном из болгарских учебников презентуется фильм российско-белорусского производства «В июне 1941» с Сергеем Безруковым в главной роли (фильм о событиях начала Великой Отечественной войны на пограничной заставе снят по мотивам повести Олега Смирнова «Июнь») [Ненкова 2011: 69]. Сергей Безруков нередко становится персонажем зарубежных учебников русского языка. В цитируемом ранее учебнике описывается еще один фильм с участием этого актера — российский сериал «Бригада», ср.: *…это настоящий гангстерский эпос, в котором удалось подробно отразить десятилетие жизни после перестройки. «Бригада» дает представление о целой эпохе, и, к счастью, режиссеру удалось точно выстроить свое повествование на самых ярких моментах общественной, экономической, политической жизни России…* [Ненкова 2011: 64].

4.6. Музыка. Песенный материал естественным образом включается в методические материалы, направленные на изучение иностранных языков. Авторы некоторых учебников знакомят обучающихся с текстами песен военных лет, ср.: «*Темная ночь» — лирическая песня, написанная композитором Никитой Богословским и поэтом Владимиром Агатовым в 1943 году для фильма «Два бойца»… Главный герой фильма Аркадий Дзюбин в исполнении Марка Бернеса поет эту песню под гитару ночью, во время дождя, во фронтовой землянке с протекающей кровлей. Песня приобрела огромную популярность и стала одной из наиболее любимых и известных песен, созданных во время Великой Отечественной войны* [Сосновски, Тульска-Будзяк 2014: 206].

4.7. Артефакты — предметы быта как знаки национальной культуры и истории. Помимо традиционных (стереотипных) знаков русской культуры (*шапки-ушанки, валенки, самовары, блины*…), в учебниках появляются и такие артефакты, происхождение которых связано с историческими персоналиями. Так, в учебнике «С Россией на „ты“!» предлагается текст для чтения, в котором рассказывается история создания парфюмером Генри Брокаром аромата «Любимый букет императрицы», изготовленного специально для императорского двора к 300-летию дома Романовых и переименованного впоследствии в духи «Красная Москва» [Сосновски, Тульска-Будзяк 2014: 111—112].

ВЫВОДЫ

Информация об историческом прошлом России активно включается в учебники по русскому языку посредством богатого ономастического материала. Часто упоминаются антропонимы / личностные идеологемы (имена великих князей, царей и императоров, политических лидеров и иных государственных деятелей, полководцев и военачальников и т. п.; наиболее популярны следующие персоналии: *Петр Первый*, *Ленин*, *Сталин*), хрононимы, включая геортонимы и инвентонимы (номинации исторических эпох и военно-политических событий), политонимы (названия политических движений, партий и т. п., которые делают учебники наиболее идеологизированными, сосредоточенными на политической составляющей: *СССР*, *СНГ*, *Советская Россия*, *Царская Россия*). Однако эти факты становятся в учебниках не просто явлениями языка, но такими феноменами, которые потенциально несут аксиологический заряд, поскольку имеют исторический (политический, идеологический) контекст. Описание исторических персоналий, фактов и событий в учебниках является средством репрезентации прямой (эксплицитной) стратегии представления исторического прошлого и настоящего России.

Учебники, изданные в странах Восточной Европы, скорее лингвоцентричны, чаще они включают информацию об истории страны в связи с происхождением славянской письменности и развитием русского языка. Во многих из них факты собственно исторического прошлого редуцируются или представляются имплицитно, косвенно (посредством разных форматов культуры, т. е. произведений словесного, музыкального, изобразительного, кинематографического искусства). Если говорить собственно об истории России, то в этом плане выделяются пособия болгарских авторов: в их учебниках историческое прошлое страны изучаемого языка представлено событиями, которые объединяют болгарский и русский народы (ср., например, частотные упоминания Рус-

ско-турецкой войны в учебниках для болгарских школьников). Авторы учебников для франкофонов стремятся наиболее широко представить историческое прошлое России: Киевская Русь, «татарское иго», реформы Петра I и эпоха Просвещения, Бородинское сражение, революционные события разных лет, Великая Отечественная война, перестройка и постсоветская действительность — все эти факты находят отражение на страницах таких изданий. Учебники американских и британских авторов сосредоточены в большей степени на трагических событиях XX в. (репрессии, тоталитаризм, антисемитизм, Россия периода до перестройки и после) и на идеологической составляющей учебных материалов. Нельзя не заметить, таким образом, что зарубежные комплексные учебники русского языка, изданные во второй половине XX в. (особенно в западноевропейских странах), носят ярко выраженный политизированный характер. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров подчеркнули, что в учебниках после Великой Октябрьской социалистической революции «отмечается последовательная идеологизация всей содержательной стороны учебников, она коснулась и текстов, и лексической работы, и даже грамматических упражнений. Составители отечественных учебников старались не пропустить ни единой возможности показать иностранцам новую жизнь в СССР» [Верещагин, Костомаров 1990: 21]. Однако политический аспект оказывается весьма значимым и в зарубежных учебниках русского языка, даже тех, которые изданы в конце XX в. Западноевропейские учебники отличаются повышенной идеологизацией, в них не меньше политики и социалистических реалий, нежели в советских учебниках, хотя, конечно, оценочные коннотации совершенно иные.

В настоящее время часто повторяют: *без истории нет политики.* Зарубежные учебники русского языка, направленные на отражение фактов российской истории, демонстрируют и обратное. Подходы к отбору материала об историческом прошлом и настоящем России и стратегии его презентации (прямые или косвенные) нередко становятся для авторов средством выражения собственных идеологических установок и создания политической картины мира в сознании обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов, Э. Г. Начальный курс русского языка / Э. Г. Азимов, М Н. Вятютнев, Л. В. Фарисенкова, Р. Луайза Маминги. — Москва : Издательство ИКАР, 2017. — 272 с. — Текст : непосредственный.

2. Алексиева, Т. Я знаю на *отлично*. Русский язык для одиннадцатых классов с изучением русского языка как II иностранного. 12 класс / Т. Алексиева, О. Лазова, В. Милованова. — Болгария : КЛЕТ Болгария ООД, 2015. — 128 с. — Текст : непосредственный.

3. Бахтин, М. М. Слово в романе / М. М. Бахтин. — Текст : непосредственный // Вопросы литературы и эстетики. — Москва : Художественная литература, 1975.

4. Богдан, Н. А. Отбор и организация содержания обучения социокультурному компоненту английского языка / Н. А. Богдан. — Текст : электронный // Социальная сеть работников образования nsportal.ru. — 2016. — URL: https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/library/2016/11/27/otbor-i-organizatsiyasoderzhaniya-obucheniya (дата обращения: 12.05.2019).

5. Вариченко, Г. В. Русский язык как иностранный. Базовый уровень. А2 / Г. В. Вариченко, Е. В. Кишкевич, Ж. В. Проконина. — Минск : Аверсэв, 2019. — 96 с. — Текст : непосредственный.

6. Верещагин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — Москва : Русский язык, 1990. — 246 с. — Текст : непосредственный.

7. Веснина, Л. Е. Образ России в китайских учебных материалах по русскому языку как иностранному: аксиологический аспект / Л. Е. Веснина, И. В. Кирилова. — Текст : непосредственный // Филологический класс. — 2019. — №1 (55). — С. 83—88.

8. Деянова-Атанасова, А. Д. Руски език за 5 клас. Матрёшка / А. Д. Деянова-Атанасова, А. Д. Радкова, Х. А. Грозданова. — София : Просвета — София, 2016. — 158 с. — Текст : непосредственный.

9. Дзюба, Е. В. Когнитивные стратегии презентации образа России в международном образовательном дискурсе // Образ России в международном образовательном дискурсе : лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты : коллективная монография / Е. В. Дзюба, С. А. Еремина, В. Ю. Миков, И. С. Пирожкова, А. И. Суетина, О. В. Томберг . — Екатеринбург, 2019. — С. 49—71. — Текст : непосредственный.

10. Дождикова, Е. В. Методика отбора и организации культуроведческого материала с целью развития индивидуальной иноязычной культуры : 13.00.02 : дис. … канд. пед. наук / Е. В. Дождикова. — Липецк, 2006. — 185 с. — Текст : непосредственный.

11. Загородный, В. А. Сборник упражнений по грамматике русского языка / В. А. Загородный и др. — Сумы : Сумский гос. ун-т, 2016. — 107 с. — Текст : непосредственный.

12. Карасик, В. И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике : материалы Междунар. науч. конф. (Тяньцзинь, Тяньцзиньский университет иностранных языков, 16 нояб. 2018 г.). — Тяньцзинь, 2018. — С. 3—11.

13. Клушина, Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на мат-ле периодических изданий 2000—2008 гг.) : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Клушина Н. И. — Москва, 2008. — Текст : непосредственный.

14. Купина, Н. А. Советизмы: к определению понятия / Н. А. Купина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 2 (28). — С. 35—40.

15. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. — Екатеринбург ; Пермь : Изд-во Уральского ун-та, 1995. — 144 с. — Текст : непосредственный.

16. Купина, Н. А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи / Н. А. Купина. — Текст : непосредственный // Язык. Система. Личность. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2005. — С. 90—104.

17. Липовска, А. Руски език — самоучител в диалози / А. Липовска, Е. Цочева, Л. Гочева. — Велико Търново : АБАГАР, 2004. — 448 с. — Текст : непосредственный.

18. Ненкова, Т. ГОРИЗОНТ-1: Езикова система по руски език за I година на обучение в общеобразователни средни училища, профилирани средни училища и професионални гимназии. Русский язык / Т. Ненкова. — София : Велес, 2010. — 128 с. — Текст : непосредственный.

19. Ненкова, Т. ГОРИЗОНТ-2. Езикова система по руски език за II година на обучение в общеобразователни средни училища, профилирани средни училища и професионални

гимназии / Т. Ненкова. — Болгария : Велес, 2011. — 128 с. — Текст : непосредственный.

20. Ненкова, Т. ГОРИЗОНТ-3. Езикова система по руски език за III година на обучение в общеобразователни средни училища, профилирани средни училища и професионални гимназии. / Т. Ненкова. — Болгария : Велес, 2012. — 128 с. — Текст : непосредственный.

21. Ненкова, Т. Радуга. Русский язык: учебник для 5 класса / Т. Ненкова. — София : Велес, 2006. — 128. — Текст : непосредственный.

22. Ненкова, Т. Радуга. Русский язык: учебник для 6 класса / Т. Ненкова. — София : Велес, 2007. — 128. — Текст : непосредственный.

23. Ненкова, Т. Радуга. Русский язык: учебник для 7 класса / Т. Ненкова. — София : Велес, 2008. — 128. — Текст : непосредственный.

24. Малышева, Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е. Г. Малышева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 4 (30). — С. 32—40.

25. Милославская, С. К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России / С. К. Милославская. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 327 с. — Текст : непосредственный.

26. Москалева, Л. Вояж по-русски: интенсивный курс русского языка в виде приключенческого романа / Л. Москалева, Т. Шахматова, А. Ам. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2014. — 316 с. — Текст : непосредственный.

27. Образ России в международном образовательном дискурсе : лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты : коллективная монография / Е. В. Дзюба, С. А. Еремина, В. Ю. Миков, И. С. Пирожкова, А. И. Суетина, О. В. Томберг. — Екатеринбург, 2019. — С. 49—71. — Текст : непосредственный.

28. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — Москва : Наука, 1988. — 192 с. — Текст : непосредственный.

29. Походзей, Г. В. Формирование социокультурной компетенции специалиста в рамках социокультурного подхода в процессе внеаудиторной работы на иностранном языке / Г. В. Походзей. — Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. — 2012. — № 1. — С. 228—231.

30. Радкова, А. Д. Руски език за 6 клас. Матрешка / А. Д. Радкова, А. Д. Деянова-Атанасова, О. Е. Чубарова. — София : Просвета — София, 2017. — 150 с. — URL: http://bg.e-prosveta.bg/fulldemo/MuCZDLaqBt-887/124. — Текст : электронный.

31. Радкова, А. Д. Руски език за 7 клас. Матрёшка / А. Д. Радкова, А. Д. Деянова-Атанасова, Н. Н. Нечаева. — София : Просвета — София, 2018. — 150 с. — URL: http://bg.e-prosveta.bg/fulldemo/PV3YSxU8m5-812/264. — Текст : электронный (демо-версия).

32. Романова, Т. П. Инвентоним как рекламно-информативный тип имени собственного / Т. П. Романова. — Текст : электронный // Вопросы ономастики. — 2020. — № 2 (18). — URL: http://www.onomastics.ru/content/2020-t-18.

33. Сафонова, В. В. Соизучение языков и культур в зеркале мировых тенденций развития современного языкового образования / В. В. Сафонова. — Текст : электронный // Язык и культура. — 2014. — № 1 (25). — С. 123—141. — URL: http://journals.tsu.ru/language/&journal_page=archive&id=1042&article_id=10287.

34. Сафонова, В. В. Актуальные социокультурные проблемы методического проектирования учебной литературы для изучения русского языка как иностранного / В. В. Сафонова. — Текст : электронный // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2018. — № 41. — С. 214—226. — URL : https://vestnik.lunn.ru/arhiv-zhurnala/2018-god/vypusk-41-1-kvartal-2018-g/41-20/.

35. Сосновски, В. П. С Россией на «ты»! / В. П. Сосновски, М. Д. Тульска-Будзяк. — Москва : Русский язык. Курсы, 2014. — 224 с. — Текст : непосредственный.

36. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В. И. Супрун. — Волгоград : Перемена, 2000. — 172 с. — Текст : непосредственный.

37. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово/Slovo, 2000. — 264 с. — Текст : непосредственный.

38. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учебное пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2007. — 254 с. — Текст : непосредственный.

39. Becourt, M. Methode 90 — Le russe en 90 Lecons et en 90 jours / M. Becourt, J. Borzic. — Paris : Livre de Poche, 1990. — 464 p. — Text : unmediated.

40. Beyer, T. R. Learn Russian the fast and fun way: the activity kit that makes learninh quick and easy / T. R. Beyer. — New York : Barron's Educational Series, Inc., 1993. — 206 p. — Text : unmediated.

41. Brčáková, D. Govorite po-russki : ruská konverzace. Govorite po-russki : ruská konverzace / D. Brčáková, N. Arapova, V. Mistrová. — Voznice : Leda, 2014. — 216 s. — Text : unmediated. — (In Polish.)

42. Brown, N. J. Russian cours / N. J. Brown. — Hugo's Language Books Ltd., 1994. — 224 p. — Text : unmediated.

43. Dewey, H. W. Reading and Translating Contemporary RUSSIAN / H. W. Dewey, J. Jr. Mersereau. — Lincolnwood, Illinois USA : Passport Books, 1977, 1989, 1994. — Text : unmediated.

44. Fleming, S. L. Colloquial Russian : The Complete Course for Beginners / S. L. Fleming, S. E. Kay. — New York : Routledge, 1998. — 317 p. — Text : unmediated.

45. Chérel, A. Le Russe sans peine / A. Chérel, J.-P. Benoist. — Paris, 1973. — 522 p. — Text : unmediated.

46. Chicouène, M. 40 leçons pour parler russe / M. Chicouène. — Presses Pocket, 1993. — 317 p. — Text : unmediated.

47. Goninaz, M. Le mot et l'idée — révision vivante du vocabulaire russe / M. Goninaz, O. Grabovsky. — Paris : Éditions Ophrys, 1993. — 121 p. — Text : unmediated.

48. Jouan-Lafont, V. Reportage. Russe livre 1 / V. Jouan-Lafont, F. Kovalenko. — Paris : Belin, 2005. — 144 p. — Text : unmediated.

49. Jouan-Lafont, V. Reportage. Russe livre 2 / V. Jouan-Lafont, F. Kovalenko. — Paris : Belin, 2006. — 176 p. — Text : unmediated.

50. Kozlova, T. Договорились! Obchodujeme, podnikáme a komunikujeme v ruštině / T. Kozlova, M. Vavrečka, K. Lepilová, I. Kurlova, M. Kulgavčuk. — Plzeň : Fraus, 2004. — 274 s. — Text : unmediated. — (In Polish.)

51. Langran, J. Ruslan Russe 1. Cahier de l'étudiant pour accompagner le manuel / J. Langran, N. Veshnyeva. — Ruslan Limited, Editions anglaises 2002, 2004 ; Editions francaises 2003, 2006. — URL : www.ruslan.co.uk. — Text : electronic.

52. Levine, J. S. Russian grammar: 239 exercises with answers / J. S. Levibe ; by The McGraw-Hill Companies, Inc., 1999, 2009. — 348 p. — Text : unmediated.

53. Melani, P. GRAMMAIRE DU RUSSE (Licence 1) / ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА / P. Melani. — Bordeaux : Université Michel Montaigne, 2013. — 108 p. — Text : unmediated.

54. Olszewska, M. Rosyjski w 15 minut każdego dnia. Poziom A1-A2. Dla początkujących / M. Olszewska. — Warszawa, 2016. — 128 s. — Text : unmediated.

55. Pado, A. Beseda 1 podręcznik + CD / A. Pado. — Krakow : DRACO, 2019a. — 128 p. — Text : unmediated.

56. Pado, A. Beseda 2 podręcznik + CD / A. Pado. — Krakow : DRACO, 2019b. — 118 p. — Text : unmediated.

57. Русский язык 4. 大学俄语 （新版）, 2011. — 280 p. — Текст : непосредственный.

58. Русский язык 6. 大学俄语(新版)学生用书(6) 李向东 9787513516921 外语教, 2012. — 224 p. — Текст : непосредственный.

59. Robin, R. M. Golosa : a basic course in Russian : book 1 / R. Robin, K. Evans-Romaine, G. Shatalina. — PEARSON, 2012. — 426 p. — Text : unmediated.

60. Tall, E. LET'S TALK ABOUT LIFE! An Integrated Approach to Russian Conversation / E. Tall, V. Vlasikova. — USA, by John Wiley & Sons, Inc., 1996. — 274 p. — Text : unmediated.

61. Tokmakov, A. Tout le russe professionnel / A. Tokmakov, P. Bertrand. — Studyrama, 2011. — 428 p. — Text : unmediated.

E. V. Dziuba
Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3833-516X ☑

S. V. Eremina
Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-1422-5740 ☑

☑ ***E-mail:*** *ev_dziuba@uspu.me; swegle@yandex.ru.*

Interpretation of the Historical Past and the Present of Russia in Russian Language Teaching Materials: A View from Abroad

ABSTRACT. *This article reveals the linguistic means and ways of representing information about the historical past and the present of Russia in Russian textbooks written by foreign authors. Among the most frequent linguistic means presenting historical facts about our country are proper names (onyms), and specifically anthroponyms (names of statesmen, political leaders and ideologists – representatives of different historical epochs), politonyms (names of states, political movements and parties), chrononyms (names of historic events and epochs), geortonyms (names of national celebrations connected with the history of Russia). The authors emphasize the existence of an evaluative context in the proper names, mentioned in the textbooks, related to political events of different years. It is observed that the nature of the Russian language textbooks for foreigners published in the twentieth century (especially in Western Europe) is ideologized. The historical-political component of the educational materials published abroad in the twenty-first century is more neutral. It makes it possible to identify two strategies of presenting the historical past and the present of Russia in educational materials: explicit (direct) and implicit (indirect). The authors have discovered the formats of indirect presentation of the history of Russia in the textbooks of recent years: historical events are depicted through the works of different forms of art (verbal, musical, visual, etc.)*

KEYWORDS: *image of Russia; presentations strategies; Russian as a foreign language; textbooks of Russian; educational discourse; historic events; teaching materials; methods of teaching Russian; proper names; onomastics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Dziuba Elena Vyacheslavovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Cummunication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Eremina Svetlana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Intercultural Cummunication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Dziuba, E. V.* Interpretation of the Historical Past and the Present of Russia in Russian Language Teaching Materials: A View from Abroad / E. V. Dziuba, S. V. Eremina // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 119-138. — DOI.

ACKNOWLEDGMENTS. Research has been accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within scientific project No. 19-013-00895 «Learning to Understand Russia: Cognitive Strategies of Formation of Materials in Methods of Teaching Russian as a Foreign Language».

REFERENCES

1. Azimov, E. G. Primary Course of the Russian Language / E. G. Azimov, M. N. Vyatutnev, L. V. Farisenkova, R. Luiza Mamingi. — Moscow : IKAR Publishing House, 2017. — 272 p. — Text : unmediated. [Nachal'nyy kurs russkogo yazyka / E. G. Azimov, M N. Vyatyutnev, L. V. Farisenkova, R. Luayza Mamingi. — Moskva : Izdatel'stvo IKAR, 2017. — 272 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

2. Aleksieva, T. I Know Perfectly Well. Russian Language for Eleventh Grades with the Study of Russian as a Second Foreign Language. Grade 12 / T. Aleksieva, O. Lazova, V. Milovanova. — Bulgaria : CLET Bulgaria OOD, 2015. — 128 p. — Text : unmediated. [Ya znayu na otlichno. Russkiy yazyk dlya odinnadtsatykh klassov s izucheniem russkogo yazyka kak II inostrannogo. 12 klass / T. Aleksieva, O. Lazova, V. Milovanova. — Bolgariya : KLET Bolgariya OOD, 2015. — 128 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Bakhtin, M. M. Word in the Novel / M. M. Bakhtin. — Text : unmediated // Questions of Literature and Aesthetics. — Moscow : Fiction, 1975. [Slovo v romane / M. M. Bakhtin. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy literatury i estetiki. — Moskva : Khudozhestvennaya literatura, 1975]. — (In Rus.)

4. Bogdan, N. A. Selection and Organization of Teaching Content for the Sociocultural Component of the English Language / N. A. Bogdan. — Text : electronic // Social Network of Educators nsportal.ru. [Otbor i organizatsiya soderzhaniya obucheniya sotsiokul'turnomu komponentu angliyskogo yazyka / N. A. Bogdan. — Tekst : elektronnyy // Sotsial'naya set' rabotnikov obrazovaniya nsportal.ru]. — 2016. — URL: https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/library/2016/11/27/otbor-i-organizatsiyasoderzhaniya-obucheniya (date of access: 12.05.2019). — (In Rus.)

5. Varichenko, G. V. Russian as a Foreign Language. A basic level of A2 / G. V. Varichenko, E. V. Kishkevich, J. V. Prokonin. — Minsk : Aversev, 2019. — 96 p. — Text : unmediated. [Russkiy yazyk kak inostrannyy. Bazovyy uroven'. A2 / G. V. Varichenko, E. V. Kishkevich, Zh. V. Prokonina. — Minsk : Aversev, 2019. — 96 c. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

6. Vereshchagin, E. M. Language and Culture: Linguistic Studies in Teaching Russian as a Foreign Language / E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov. — Moscow : Russian Language, 1990. — 246 p. — Text : unmediated. [Yazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo / E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov. — Moskva : Russkiy yazyk, 1990. — 246 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

7. Vesnina, L. E. The Image of Russia in Chinese Educational Materials on Russian as a Foreign Language: Axiological Aspect / L. E. Vesnina, I. V. Kirilova. — Text : unmediated // Philological Class. — 2019. — No. 1 (55). — P. 83—88. [Obraz Rossii v kitayskikh uchebnykh materialakh po russkomu yazyku kak inostrannomu: aksiologicheskiy aspekt / L. E. Vesnina, I. V. Kirilova. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskiy klass. — 2019. — №1 (55). — S. 83—88]. — (In Rus.)

8. Deyanova-Atanasova, A. D. Russian language for 5th grade. Matryoshka / A. D. Deyanova-Atanasova, A. D. Radkov, H. A. Grozdanov. — Sofia : Enlightenment — Sofia, 2016. — 158 p. —

Text : unmediated. [Ruski ezik za 5 klas. Matreshka / A. D. Deyanova-Atanasova, A. D. Radkova, Kh. A. Grozdanova. — Sofiya : Prosveta — Sofiya, 2016. — 158 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Bulgarian.)

9. Dzyuba, E. V. Cognitive Strategies for Presenting the image of Russia in International Educational Discourse // The Image of Russia in International Educational Discourse: linguistic-cognitive and linguodidactic aspects : a collective monograph / E. V. Dzyuba, S. A. Eremina, V. Yu. Mikov, I. S. Pirozhkova, A. I. Suetina, O. V. Tomberg. — Ekaterinburg, 2019. — P. 49—71. — Text : unmediated. [Kognitivnye strategii prezentatsii obraza Rossii v mezhdunarodnom obrazovatel'nom diskurse // Obraz Rossii v mezhdunarodnom obrazovatel'nom diskurse : lingvokognitivnyy i lingvodidakticheskiy aspekty : kollektivnaya monografiya / E. V. Dzyuba, S. A. Eremina, V. Yu. Mikov, I. S. Pirozhkova, A. I. Suetina, O. V. Tomberg . — Ekaterinburg, 2019. — S. 49—71. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

10. Dozhdikova, E. V. Methodology for the Selection and Organization of Cultural Material for the Development of Individual Foreign Language Culture : 13.00.02 : thesis ... of Cand. of Ped. Sciences / E. V. Dozhdikova. — Lipetsk, 2006. — 185 p. — Text : unmediated. [Metodika otbora i organizatsii kul'turovedcheskogo materiala s tsel'yu razvitiya individual'noy inoyazychnoy kul'tury : 13.00.02 : dis. … kand. ped. nauk / E. V. Dozhdikova. — Lipetsk, 2006. — 185 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

11. Zagorodnyy, V. A. Collection of Exercises on the Grammar of the Russian Language / V. A. Zagorodny and others. — Sumy : Sumy State Univ., 2016. — 107 p. — Text : unmediated. [Sbornik uprazhneniy po grammatike russkogo yazyka / V. A. Zagorodnyy i dr. — Sumy : Sumskiy gos. un-t, 2016. — 107 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

12. Karasik, V. I. Values as Culturally Significant Landmarks of Behavior / V.I. Karasik. — Text : unmediated // Linguocultural values in linguistic consciousness and communicative practice: materials of the Intern. scientific conf. (Tianjin, Tianjin University of Foreign Languages, Nov 16, 2018). — Tianjin, 2018. — P. 3—11. [Tsennosti kak kul'turno znachimye orientiry povedeniya / V. I. Karasik. — Tekst : neposredstvennyy // Lingvokul'turnye tsennosti v yazykovom soznanii i kommunikativnoy praktike : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Tyan'tszin', Tyan'tszin'skiy universitet inostrannykh yazykov, 16 noyab. 2018 g.). — Tyan'tszin', 2018. — S. 3—11]. — (In Rus.)

13. Klushina, N. I. Intentional Categories of a Journalistic Text (on the material of periodicals 2000-2008) : synopsis of thesis ... of Dr. of Philol. Sciences / Klushina N. I. — Moscow, 2008. — Text : unmediated. [Intentsional'nye kategorii publitsisticheskogo teksta (na mat-le periodicheskikh izdaniy 2000—2008 gg.) : avtoref. dis. … d-ra filol. nauk / Klushina N. I. — Moskva, 2008. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. Kupina, N. A. Sovietism: on the Definition of a Concept / N. A. Kupina. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2009. — No. 2 (28). — P. 35—40. [Sovetizmy: k opredeleniyu ponyatiya / N. A. Kupina. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2009. — № 2 (28). — S. 35—40]. — (In Rus.)

15. Kupina, N. A. Totalitarian Language: Dictionary and Speech Reactions / N. A. Kupina. — Ekaterinburg ; Perm : Publishing House of the Ural University, 1995. — 144 p. — Text : unmediated. [Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii / N. A. Kupina. — Ekaterinburg ; Perm' : Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1995. — 144 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Kupina, N. A. Living Ideological Processes and Problems of the Culture of Speech / N. A. Kupina. — Text : unmediated // Language. System. Personality. — Ekaterinburg : Ural State Ped. Univ., 2005. — P. 90—104. [Zhivye ideologicheskie protsessy i problemy kul'tury rechi / N. A. Kupina. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk. Sistema. Lichnost'. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2005. — S. 90—104]. — (In Rus.)

17. Lipovska, A. Russian language — a self-instruction book in dialogs / A. Lipovska, E. Tsocheva, L. Gocheva. — Veliko Tarnovo : ABAGAR, 2004. — 448 p. — Text : unmediated. [Ruski ezik — samouchitel v dialozi / A. Lipovska, E. Tsocheva, L. Gocheva. — Veliko T"rnovo : ABAGAR, 2004. — 448 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Bulgarian.)

18. Nenkova, T. HORIZON-1: Language System in Russian for the First Year of Study in General Secondary Schools, Specialized Secondary Schools and Vocational High Schools. Russian Language / T. Nenkova. — Sofia : Veles, 2010. — 128 p. — Text : unmediated. [GORIZONT-1: Ezikova sistema po ruski ezik za I godina na obuchenie v obshcheobrazovatelni sredni uchilishcha, profilirani sredni uchilishcha i profesional'ni gimnazii. Russkiy yazyk / T. Nenkova. — Sofiya : Veles, 2010. — 128 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Bulgarian.)

19. Nenkova, T. HORIZON-2. Language System in Russian for the Second Year of Study in General Secondary Schools, Specialized Secondary Schools and Vocational High Schools / T. Nenkova. — Bulgaria : Veles, 2011. — 128 p. — Text : unmediated. [GORIZONT-2. Ezikova sistema po ruski ezik za II godina na obuchenie v obshcheobrazovatelni sredni uchilishcha, profilirani sredni uchilishcha i profesional'ni gimnazii / T. Nenkova. — Bolgariya : Veles, 2011. — 128 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Bulgarian.)

20. Nenkova, T. HORIZON-3. Language System in Russian for III Year of Study in General Secondary Schools, Specialized Secondary Schools and Vocational High Schools. / T. Nenkova. — Bulgaria : Veles, 2012. — 128 p. — Text : unmediated. [GORIZONT-3. Ezikova sistema po ruski ezik za III godina na obuchenie v obshcheobrazovatelni sredni uchilishcha, profilirani sredni uchilishcha i profesional'ni gimnazii. / T. Nenkova. — Bolgariya : Veles, 2012. — 128 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Bulgarian.)

21. Nenkova, T. Rainbow. Russian Language : textbook for grade 5 / T. Nenkova. — Sofia : Veles, 2006. — 128 p. — Text : unmediated. [Raduga. Russkiy yazyk: uchebnik dlya 5 klassa / T. Nenkova. — Sofiya : Veles, 2006. — 128. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

22. Nenkova, T. Rainbow. Russian Language : textbook for grade 6 / T. Nenkova. — Sofia : Veles, 2007. — 128 p. — Text : unmediated. [Raduga. Russkiy yazyk: uchebnik dlya 6 klassa / T. Nenkova. — Sofiya : Veles, 2007. — 128. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

23. Nenkova, T. Rainbow. Russian Language : textbook for grade 7 / T. Nenkova. — Sofia : Veles, 2008. — 128 p. — Text : unmediated. [Raduga. Russkiy yazyk: uchebnik dlya 7 klassa / T. Nenkova. — Sofiya : Veles, 2008. — 128. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

24. Malysheva, E. G. Ideologema as a Linguo-cognitive Phenomenon: Definition and Classification / E. G. Malysheva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2009. — No. 4 (30). — P. 32—40. [Ideologema kak lingvokognitivnyy fenomen: opredelenie i klassifikatsiya / E. G. Malysheva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2009. — № 4 (30). — S. 32—40]. — (In Rus.)

25. Miloslavskaya, S. K. Russian as a Foreign Language in the History of the Formation of the European Image of Russia / S. K. Miloslavskaya. — Moscow : Flinta : Science, 2012. — 327 p. — Text : unmediated. [Russkiy yazyk kak inostrannyy v istorii stanovleniya evropeyskogo obraza Rossii / S. K. Miloslavskaya. — Moskva : Flinta : Nauka, 2012. — 327 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

26. Moskaleva, L. Voyage in Russian: an Intensive Course of the Russian Language in the Form of an Adventure Novel / L. Moskaleva, T. Shakhmatova, A. Am. — St. Petersburg : Zlatoust, 2014. — 316 p. — Text : unmediated. [Voyazh po-russki: intensivnyy kurs russkogo yazyka v vide priklyuchencheskogo romana / L. Moskaleva, T. Shakhmatova, A. Am. — Sankt-Peterburg : Zlatoust, 2014. — 316 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

27. The Image of Russia in International Educational Discourse: Linguistic and Cognitive and Linguodidactic Aspects: a collective monograph / E. V. Dzyuba, S. A. Eremin, V. Yu. Mikov, I. S. Pirozhkova, A. I. Suetina, O. V. Tomberg. — Ekaterinburg, 2019. — P. 49—71. — Text : unmediated. [Obraz Rossii v mezhdunarodnom obrazovatel'nom diskurse : lingvokognitivnyy i lingvodidakticheskiy aspekty : kollektivnaya monografiya / E. V. Dzyuba, S. A. Eremina, V. Yu. Mikov, I. S. Pirozhkova, A. I. Suetina, O. V. Tomberg. — Ekaterinburg, 2019. — S. 49—71. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

28. Podol'skaya, N. V. Dictionary of Russian Onomastic Terminology / N. V. Podolskaya. — Moscow : Science, 1988. — 192 p. — Text : unmediated. [Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii / N. V. Podol'skaya. — Moskva : Nauka, 1988. — 192 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

29. Pokhodzey, G. V. Formation of the Sociocultural Competence of a Specialist in the Framework of a Sociocultural Approach in the Process of Extracurricular Work in a Foreign Language / G.V. Pokhodzey. — Text : unmediated // Pedagogical Education in Russia. — 2012. — No. 1. — P. 228—231. [Formirovanie sotsiokul'turnoy kompetentsii spetsialista v ramkakh sotsiokul'turnogo podkhoda v protsesse vneauditornoy raboty na inostrannom yazyke / G. V. Pokhodzey. — Tekst : neposredstvennyy // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. — 2012. — № 1. — S. 228—231]. — (In Rus.)

30. Radkova, A. D. Russian Language for 6th grade. Matryoshka / A. D. Radkova, A. D. Deyanova-Atanasova, O. E. Chubarova. — Sofia : Enlightment-Sofia, 2017. — 150 p. [Ruski ezik za 6 klas. Matreshka / A. D. Radkova, A. D. Deyanova-Atanasova, O. E. Chubarova. — Sofiya : Prosveta — Sofiya, 2017. — 150 s.]. — URL: http://bg.e-prosveta.bg/fulldemo/MuCZDLaqBt-887/124. — Text : electronic. — (In Bulgarian.)

31. Radkova, A. D. Russian language for 7th grade. Matryoshka / A. D. Radkova, A. D. Deyanova-Atanasova, N. N. Nechaeva. — Sofia : Enlightment - Sofia, 2018. — 150 p. [Ruski ezik za 7 klas. Matreshka / A. D. Radkova, A. D. Deyanova-Atanasova, N. N. Nechaeva. — Sofiya : Prosveta — Sofiya, 2018. — 150 s.]. — URL: http://bg.e-prosveta.bg/fulldemo/PV3YSxU8m5-812/264. — Text : electronic (demo-versiya). — (In Bulgarian.)

32. Romanova, T. P. Inventonym as an Advertising-Informative Type of Proper Name / T. P. Romanova. — Text : electronic // Questions of Onomastics. — 2020. — No. 2 (18). [Inventonim kak reklamno-informativnyy tip imeni sobstvennogo / T. P. Romanova. — Tekst : elektronnyy // Voprosy onomastiki. — 2020. — № 2 (18)]. — URL: http://www.onomastics.ru/content/2020-t-18. — (In Rus.)

33. Safonova, V. V. Co-study of Languages and Cultures in the Mirror of World Trends in the Development of Modern Language Education / V. V.Safonova. — Text : electronic // Language and Culture. — 2014. — No. 1 (25). — P. 123—141. [Soizuchenie yazykov i kul'tur v zerkale mirovykh tendentsiy razvitiya sovremennogo yazykovogo obrazovaniya / V. V. Safonova. — Tekst : elektronnyy // Yazyk i kul'tura. — 2014. — № 1 (25). — S. 123—141]. — URL: http://journals.tsu.ru/language/&journal_page=archive&id=1042&article_id=10287. — (In Rus.)

34. Safonova, V. V. Actual Sociocultural Problems of the Methodological Design of Educational Literature for the Study of Russian as a Foreign Language / V. V.Safonova. — Text : electronic // Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University n.a. N. A. Dobrolyubov. — 2018. — No. 41. — P. 214—226. [Aktual'nye sotsiokul'turnye problemy metodicheskogo proektirovaniya uchebnoy literatury dlya izucheniya russkogo yazyka kak inostrannogo / V. V. Safonova. — Tekst : elektronnyy // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova. — 2018. — № 41. — S. 214—226]. — URL : https://vestnik.lunn.ru/arhiv-zhurnala/2018-god/vypusk-41-1-kvartal-2018-g/41-20/. — (In Rus.)

35. Sosnovski, V. P. With Russia to the “You”! / V. P. Sosnowski, M. D. Tulsk-Budzyak. — Moscow : Russian Language Courses, 2014. — 224 p. — Text : unmediated. [S Rossiey na «ty»! / V. P. Sosnovski, M. D. Tul'ska-Budzyak. — Moskva : Russkiy yazyk. Kursy, 2014. — 224 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

36. Suprun, V. I. Onomastic Field of the Russian Language and its Artistic and Aesthetic Potential / V. I. Suprun. — Volgograd : Change, 2000. — 172 p. — Text : unmediated. [Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial / V. I. Suprun. — Volgograd : Peremena, 2000. — 172 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

37. Ter-Minasova, S. G. Language and Intercultural Communication : textbook / S. G. Ter-Minasova. — Moscow : Slovo / Slovo, 2000. — 264 p. — Text : unmediated. [Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya : ucheb. posobie / S. G. Ter-Minasova. — Moskva : Slovo/Slovo, 2000. — 264 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

38. Chudinov, A. P. Political Linguistics: a training manual / A.P. Chudinov. — Moscow : Flinta : Science, 2007. — 254 p. — Text : unmediated. [Politicheskaya lingvistika : uchebnoe posobie / A. P. Chudinov. — Moskva : Flinta : Nauka, 2007. — 254 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

39. Becourt, M. Methode 90 — Le russe en 90 Lecons et en 90 jours / M. Becourt, J. Borzic. — Paris : Livre de Poche, 1990. — 464 p. — Text : unmediated.

40. Beyer, T. R. Learn Russian the fast and fun way: the activity kit that makes learninh quick and easy / T. R. Beyer. — New York : Barron’s Educational Series, Inc., 1993. — 206 p. — Text : unmediated.

41. Brčáková, D. Govorite po-russki : ruská konverzace. Govorite po-russki : ruská konverzace / D. Brčáková, N. Arapova, V. Mistrová. — Voznice : Leda, 2014. — 216 s. — Text : unmediated. — (In Polish.)

42. Brown, N. J. Russian cours / N. J. Brown. — Hugo’s Language Books Ltd., 1994. — 224 p. — Text : unmediated.

43. Dewey, H. W. Reading and Translating Contemporary RUSSIAN / H. W. Dewey, J. Jr. Mersereau. — Lincolnwood, Illinois USA : Passport Books, 1977, 1989, 1994. — Text : unmediated.

44. Fleming, S. L. Colloquial Russian : The Complete Course for Beginners / S. L. Fleming, S. E. Kay. — New York : Routledge, 1998. — 317 p. — Text : unmediated.

45. Chérel, A. Le Russe sans peine / A. Chérel, J.-P. Benoist. — Paris, 1973. — 522 p. — Text : unmediated.

46. Chicouène, M. 40 leçons pour parler russe / M. Chicouène. — Presses Pocket, 1993. — 317 p. — Text : unmediated.

47. Goninaz, M. Le mot et l'idée — révision vivante du vocabulaire russe / M. Goninaz, O. Grabovsky. — Paris : Éditions Ophrys, 1993. — 121 p. — Text : unmediated.

48. Jouan-Lafont, V. Reportage. Russe livre 1 / V. Jouan-Lafont, F. Kovalenko. — Paris : Belin, 2005. — 144 p. — Text : unmediated.

49. Jouan-Lafont, V. Reportage. Russe livre 2 / V. Jouan-Lafont, F. Kovalenko. — Paris : Belin, 2006. — 176 p. — Text : unmediated.

50. Kozlova, T. Договорились! Obchodujeme, podnikáme a komunikujeme v ruštině / T. Kozlova, M. Vavrečka, K. Lepilová, I. Kurlova, M. Kulgavčuk. — Plzeň : Fraus, 2004. — 274 s. — Text : unmediated. — (In Polish.)

51. Langran, J. Ruslan Russe 1. Cahier de l'étudiant pour accompagner le manuel / J. Langran, N. Veshnyeva. — Ruslan Limited, Editions anglaises 2002, 2004 ; Editions francaises 2003, 2006. — URL : www.ruslan.co.uk. — Text : electronic.

52. Levine, J. S. Russian grammar: 239 exercises with answers / J. S. Levibe ; by The McGraw-Hill Companies, Inc., 1999, 2009. — 348 p. — Text : unmediated.

53. Melani, P. GRAMMAIRE DU RUSSE (Licence 1) / ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА / P. Melani. — Bordeaux : Université Michel Montaigne, 2013. — 108 p. — Text : unmediated.

54. Olszewska, M. Rosyjski w 15 minut każdego dnia. Poziom A1-A2. Dla początkujących / M. Olszewska. — Warszawa, 2016. — 128 s. — Text : unmediated. — (In Polish.)

55. Pado, A. Beseda 1 podręcznik + CD / A. Pado. — Krakow : DRACO, 2019a. — 128 p. — Text : unmediated. — (In Polish.)

56. Pado, A. Beseda 2 podręcznik + CD / A. Pado. — Krakow : DRACO, 2019b. — 118 p. — Text : unmediated. — (In Polish.)

57. Russian Language 4. —2011. — 280 p. — Text : unmediated. — (In Chinese.)

58. Russian Language 6. — 2012. — 224 p. — Text : unmediated. (In Chinese.)

59. Robin, R. M. Golosa : a basic course in Russian : book 1 / R. Robin, K. Evans-Romaine, G. Shatalina. — PEARSON, 2012. — 426 p. — Text : unmediated.

60. Tall, E. LET’S TALK ABOUT LIFE! An Integrated Approach to Russian Conversation / E. Tall, V. Vlasikova. — USA, by John Wiley & Sons, Inc., 1996. — 274 p. — Text : unmediated.

61. Tokmakov, A. Tout le russe professionnel / A. Tokmakov, P. Bertrand. — Studyrama, 2011. — 428 p. — Text : unmediated.

УДК 811.161.1'42:791.43
ББК Щ373(2) *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19*
DOI

Д. И. Иванов
Сианьский университет иностранных языков, Сиань, Китай
ORCID ID: 0000-0002-1492-0049 ☑

☑ ***E-mail:*** *Ivan610@yandex.ru.*

Пространство субъектных зон «Свои» и «Чужие» как феномен политического сознания персонажей (на материале кинотекста «Холодное лето пятьдесят третьего»)

АННОТАЦИЯ. *В статье на основе авторской модели изучения кинотекста, базирующейся на оригинальной теории когнитивно-прагматических программ (КПП), исследуется субъектная среда фильма «Холодное лето пятьдесят третьего». Субъектная среда кинотекста сегментируется на отдельные зоны с помощью политических маркеров. Особенности субъектной зоны «Свои» в целом зависят от функционирования базовой партийно-идеологической КПП, которая, с одной стороны, находится в постоянном поиске новых реальных/потенциальных врагов, с другой же, используя свой мощный мифологический потенциал как инструмент манипулятивного воздействия на сознание масс, продолжает активный поиск / «вербовку» новых адептов. Отношения в идеологически маркированной зоне «Свои» (определяющий маркер — «товарищ») построены не на искренности, честности и взаимном уважении, а на том, насколько слова и поступки «товарища» соответствуют установкам доминирующей КПП. Нормой оказываются скрытый конфликт и взаимная манипуляция. Внешний субъектно-ролевой статус личности нестабилен, зависит от установленного соответствия программе. По сути, каждый советский человек наделяется двойственным статусом (потенциальный «враг» / «товарищ»).*

Субъектно-ролевая зона «Чужие» складывается из двух со-противопоставленных групп: идеологические враги КПП (на основе маркеров «политический заключенный» / «враг народа») и уголовно-криминальные враги КПП (на основе маркеров «уголовник» / «урка»). Даже после физической изоляции «чужеродного» субъекта система продолжает проводить «когнитивную адаптацию» его сознания, поэтому в поиске новых инструментов и способов контроля сознания идеологического врага делает ставку на уголовно-криминальную среду. Система-источник и ее «криминальный» вариант обладают общими принципами моделирования и единой целевой направленностью (подавление, подчинение, манипуляция, когнитивная перекодировка сознания субъекта, который воспринимается самой программой как источник реальной/потенциальной опасности), используют схожие деструктивные инструментальные стратегии и имеют общего условного «врага».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *кинотексты; когнитивная лингвистика; субъектно-ролевые зоны; политический дискурс; российское киноискусство; кинофильмы; киногерои; свой — чужой.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Иванов Дмитрий Игоревич, кандидат филологических наук, доцент, профессор Института русского языка, Сианьский университет иностранных языков; 710128, КНР, Сиань, ул. Вэньюань Наньлу, кампус Чанань; e-mail: Ivan610@yandex.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Иванов, Д. И.* Пространство субъектных зон «Свои» и «Чужие» как феномен политического сознания персонажей (на материале кинотекста «Холодное лето пятьдесят третьего») / Д. И. Иванов // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 139-149. — DOI.

ВВЕДЕНИЕ

Кинотекст (семиотическое обозначение продукта киноискусства), будучи синтетическим образованием, может быть исследован с самых различных сторон: сюжет, ключевые кадры и планы, динамика пластических форм, само сообщение и т. д. Поскольку в гетерогенном языке кино «не существует кода, состоящего из узнаваемых и выделяемых единиц и способов их организации, который являлся бы общим для всех фильмов» [Слышкин, Ефремова 2004: 17], актуальны попытки предложить такое понимание кинотекста, которое отражало бы не отдельные жанровые или структурные особенности, а его концептуально-смысловое ядро. Это тем более важно, что «кино, как художественный феномен, <…> репрезентирует и целостность высшего порядка — духовную культуру, его породившую» [Лубашова 2008: 228], является носителем трансформированных, но узнаваемых социокультурных смыслов, в том числе так называемых «ментальных репрезентаций» (устойчивых социокультурных представлений в сознании человека). Данные смыслы настолько значимы, что уместно сравнение (пусть и весьма условное): «…кинематограф, как и социология, играет роль инструмента самопознания и самосовершенствования общества» [Мкртычева 2012: 113]. Сказанное в полной мере относится и к *политическому сознанию* (идет ли речь об *изображающем* авторе или *изображаемой* эпохе), но предварительно необходимо кратко пояснить, как связаны когниция (познание в широком смысле), полити-

© Иванов Д. И., 2020

ческое сознание (и политическая идеология) и текст искусства.

По точному выражению Т. ван Дейка, «познание — это „интерфейс“ между дискурсом и обществом» [Дейк 2013: 15], что делает логичным, например, исследование «дискурсивного воспроизводства злоупотребления властью» [Дейк 2013: 18] или когнитивной функциональности идеологий, управляющих социокультурными знаниями и идеосферой различных социальных групп. Поэтому важнейшей системообразующей чертой политического дискурса является «не его формально-языковая или функционально-жанровая сторона, а его содержательное наполнение» [Лю Хун 2017: 32], т. е. элементы *политического сознания* (политические знания, взгляды, установки). Эвристично в данном контексте широкое, не институциональное, понимание политического дискурса как «совокупности дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов 2003: 245—246].

Широкий «содержательный» подход дает возможность «оперировать понятием „политический дискурс“ при анализе любого речевого акта, в котором затрагиваются (прямо или опосредованно) „элементы политического сознания“: как дружеской беседы о политике или политически окрашенных комментариев интернет-пользователей, так, например, и стихотворения А. С. Пушкина „К Чаадаеву“ или поэме А. А. Блока „Двенадцать“» [Лю Хун 2017: 32]. В подобном случае «между политическим компонентом содержания текста и его собственно художественной стороной складываются сложные отношения, имеющие черты комплементарности и глубинной интеграции» [Лю Хун 2017: 34].

Главной целью, конституирующей сущность политического дискурса, «является борьба за власть, а значит, овладение ею, сохранение, осуществление, стабилизация и перераспределение» [Шейгал 2000: 35]. Соответственно «интенция борьбы за власть как специфическая характеристика политического дискурса создает предпосылки для реализации в нем манипулятивного воздействия» [Михалева 2009: 34] — уже просто в силу «узаконенности» в нем субъективной ангажированности и ценностных трансформаций, так или иначе направленных на агрессивное вытеснение, подмену мнений и самой точки зрения реципиента идеологией, центрирующей данный дискурс.

Когнитивно-дискурсивный (когнитивно-коммуникативный) план исследования позволяет увидеть воплощенное в том или ином тексте политическое сознание с гораздо большей мерой глубинного соответствия объекту анализа, нежели собственно «политологическое» понимание, поэтому предлагаемое в данной статье моделирование субъектной среды кинотекста базируется на достижениях когнитивных наук в их социокультурном измерении. Базовой теорией анализа является оригинальная авторская концепция когнитивно-прагматических программ (КПП), разработанная нами в ряде работ. КПП — это «опорная система когнитивно-прагматических установок (КПУ) (целевых, самоидентификационных (ролевых), инструментальных, оценочно-результативных), формирующаяся в пространстве когнитивного сознания отдельной личности / определенной социальной группы / нации / народа и выступающая в качестве концептуальной матрицы различной осмысленной деятельности, в том числе текстовой. Концепция КПП <…> исходит из целенаправленной „программируемости“ любой содержательной человеческой деятельности, которую можно семиотически прочесть как текст, и этим сводит воедино семиотический, когнитивный и „личностный“ (от сознания художника до сознания его персонажей) планы анализа» [Иванов, Лакербай 2020: 49].

Не останавливаясь на типологии кинотекстов с точки зрения доминирующей КПП [см.: Иванов 2019], мы обозначим лишь общий критерий выбора. Известный фильм А. Прошкина «Холодное лето пятьдесят третьего» (1987), художественно-игровой по жанру, с полным правом можно назвать идеологическим по типу воплощаемого сознания, по характеристикам субъектной среды. Картина раскрывает драму нашего недавнего прошлого с помощью реконструкции целостного в своей парадоксальности *политического сознания* человека сталинской эпохи; внешнее, условно-приключенческое, сюжетное действие имеет когнитивные мотивировки, составляющие концептуально-смысловое ядро кинотекста.

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ

Исходя из очевидной возможности сложного взаимопроникновения политического и художественного дискурсов, мы согласны с утверждением, что «политическая идея может реализовываться в пространстве художественного произведения на любом уровне», а не только «в ригидной, неразрывной связи с определенными персонажами» [Сунь Юйхуа 2017: 49]. Так, целый комплекс *идентификационных политических маркеров*

формирует общее дискурсивно-контекстуальное пространство кинотекста: от названия фильма и имен партийных вождей до политически оформленных статусов и ролей субъектов сюжетного действия.

Уже название фильма — это и особый тип идентификационного политического маркера, и общая концептуальная формула кинотекста. Первая его часть («пятьдесят третий год») отсылает к историческому контексту, вторая («холодное лето») — к аксиологическому. Специфика семантического взаимодействия этих компонентов основана на принципах: а) смешения реального (конкретные исторические факты и события) и мифологического (искаженные множественные, противоречащие друг другу проекции конкретных исторических фактов); б) частичного/полного неразличения истины и лжи, добра и зла, ужаса и радости (восторга), страха и надежды, веры и безверия, конструктивного патриотизма и тотального фанатизма; в) расслоения и разрушения «сущностного я» советского человека путем его «растворения» в пространстве ложных, искусственно созданных симулятивных самоидентификаций (деструктивных — изменник родины, политический заключенный, враг народа, троцкист-утопист, вредитель, чужеродный элемент, фашистский выкормыш, и т. д.; конструктивных — комсомолец, коммунист, передовик производства, ударник труда, герой социалистического труда, герой пятилетки, стахановец и т. д.).

Смерть И. Сталина и последовавшие вскоре события (амнистия заключенных ГУЛАГа, «разоблачение» Л. Берии) вызвали в обществе мощную, но неоднозначную интеллектуально-психологическую реакцию, в которой в разных комбинациях сочетаются горе, страх, растерянность, скорбь («холод») и робкая, почти фантастическая надежда («лето»). Показательны в этом плане, например, диалог участкового Манкова с капитаном рейда Фадеичем («**Манков:** Кореша позавчера похоронил. Воевали вместе. **Фадеич**: Скончался от ран? **Манков:** Урки зарезали… в подъезде… с дежурства шел. Форму взяли, наган — магазин грабанули — суки! С пальбой! Это они так амнистию празднуют <…> **Фадеич**: А какая амнистия-то? **Манков**: Ну весной — после смерти товарища Сталина — уголовникам же амнистия была. Берия дал. Я тогда ничего понять не мог — у народа такое горе, а всех урок на свободу… Органы с ног сбились… Кровью захлебываемся, мать твою!..») или диалог двух ссыльных («**Н. П. Старобогатов (Копалыч)**: Сережа, Берия Лаврентий Павлович — враг народа. Я не шучу — честное слово. <…> **С. Басаргин (Лузга)**: Думай — что ты несешь… **Н. П. Старобогатов (Копалыч)**: Клянусь, Сережа <…> Вы представляете, что это такое. Ведь это давно было ясно <…> Ведь столько невиновных… **С. Басаргин (Лузга)**: Нет… Сказки… Не может быть»).

«Невиновность» — понятие в рамках эпохи совершенно условное: «Принадлежность жертв террора к той или иной группе носила для машины террора важный, но второстепенный характер. Его цель <…> направлялась на все общество, на создание в нем специфической атмосферы» [Ахиезер 1999: 85].

Для характеристики субъектной среды кинотекста важно, что советский человек всё еще мифологически «заворожен» идеальной (утопической) моделью социалистического мироустройства, а его когнитивно-ментальное сознание искажено десятилетиями покорности, слепой веры и тотального страха. Как подчеркивал Э. Кассирер, «политические мифы действуют так же, как змея, парализующая кролика перед тем, как атаковать его. Люди <…> побеждены и покорены еще до того, как оказываются способными осознать, что же на самом деле произошло» [Кассирер 1990: 58].

Простые люди в этих условиях — всего лишь расходный материал, сырье, необходимое для продолжения тотальной войны, чудовищный смысл которой раскрывает сцена избиения уголовником Мухой политического заключенного Лузги («**Муха**: А, враги народа — троцкисты-утописты — вредители. То-то, я гляжу, хари гнусные (*бьет Лузгу головой в лицо, Лузга падает. Муха бьет его ногами*) (*переходит на крик*) Родину не любишь, да!…»). Объективность обвинения несущественна: все, кто сидел в лагерях по так называемой политической 58-й статье, в массовом сознании автоматически становились «троцкистами-утопистами», «вредителями», «предателями родины», шпионами иностранных разведок.

Введение в пространство кинотекста двух опорных прецедентно-персонифицированных маркеров: «И. Сталин» и «Л. Троцкий» (при всей значимости маркера «Л. Берия», он производен от маркера «И. Сталин») — обусловлено стремлением креативного субъекта (создателей кинотекста) вскрыть противоречивую, деструктивную, агрессивно-конфликтную внутреннюю природу доминирующей КПП. Каждый из представленных маркеров выглядит как условно самостоятельный оппозиционный концептуально-идеологический блок, формирующийся в структуре КПП и внешне раскалываю-

щий ее на два противоборствующих сектора. Однако обе вербализованные в пространстве кинотекста версии большевизма («сталинизм» и «троцкизм») имеют общий источник порождения (доминирующая КПП), в основе которого лежит принцип тотального революционного реакционизма (перманентный поиск / уничтожение реального / абстрактного противника). Эта КПП «живет», пока есть с чем «бороться». Когда условно реальный противник исчезает, она через субъектов-посредников (политического лидера — Сталин, Троцкий, Берия — и рядовых членов партии) начинает создавать искусственные очаги противостояния. В аморальной по своей природе внутриполитической «войне» с народом сталинский тоталитаризм уничтожает всех своих явных / скрытых / возможных «врагов», а инструментами в этой борьбе становятся — в том числе — криминальные элементы.

Субъектная среда кинотекста сегментируется на отдельные (но взаимосвязанные) зоны с помощью особого разряда политических (идеологических) маркеров, которые можно обозначить как *статусно-ролевые*. Это система концептуальных кодов, позволяющих определить статус и роль персонажа в пространстве кинотекста, а также выявить сами принципы организации субъектной среды, механизмы ее сегментации, статико-динамические особенности и причины (условия) изменения статуса субъектных-ролевых групп / отдельных субъектов.

СУБЪЕКТНАЯ ЗОНА «СВОИ»

Ведущую роль в сегментации субъектного пространства кинотекста играет маркер «товарищ», который маркирует особую субъектную зону — «Свои». Его семантическая насыщенность одновременно велика и вариативна (контекстуальна). Так, когда участковый Манков с лодки приветствует Фадеича («Привет товарищу, капитану рейда»), а тот отвечает покачиванием руки, перед нами встреча двух «товарищей», статус которых признан самой «системой». «Товарищ» здесь — это субъект, сознание и модель поведения которого полностью соответствуют доминирующей КПП. В другой же сцене (*вечером после боя С. Басаргин (Лузга) и Фадеич сидят за столом. Лидия Матвеевна наливает Лузге чай. Лузга достает ложку и раскалывает кусок сахара*. «**Фадеич**: Сильно тебя… Здорово задело. (*обращается к Лидии Матвеевне*) Покрепче, покрепче ему чай наливай. Давно такое белое не надевал. Слушай, Лузга… Ой, как тебя… товарищ… Вот тебя там спросят: как, мол, все было? А ты возьми и скажи: я, дорогие товарищи, выполнял указания капитана рейда…») статусный «товарищ» Фадеич *ситуативно* наделяет этим статусом ссыльного «врага народа», спасшего деревню от бандитов, и это означает не переход Лузги в зону «Свои», но некую возможность такого перехода в случае стечения определенных обстоятельств.

Зона «Свои» включает три взаимосвязанные субъектно-ролевые группы: 1) представители закона (две субъектно-ролевые инкарнации: начальник милиции Дмитрюк и участковый Манков); 2) гражданские должностные лица (управляющий факторией И. Зотов и капитан рейда Фадеич); 3) гражданские лица, не имеющие официальных должностей (Лидия Матвеевна, Шура, жена и сын Н. П. Старобогатова и др.).

Пространство зоны предельно динамизировано, границы пластичны и проницаемы. Эта особенность определяется спецификой функционирования базовой партийно-идеологической КПП, которая, с одной стороны, находится в постоянном поиске новых реальных/потенциальных врагов (устраняя их, она обеспечивает «безопасное» продолжение своего жизненного цикла), с другой же, используя свой мощный мифологический потенциал как инструмент манипулятивного воздействия на сознание масс, продолжает активный поиск / «вербовку» новых адептов. Попав в зону «Свои», они проходят адаптацию, «встраиваются» в коллективную идеологическую систему, становясь носителями КПП, пропагандистами, доносчиками, осведомителями (бдительный «товарищ» пытается «под дверью» подслушать, о чем будет говорить С. Басаргин (Лузга) с семьей репрессированного).

Статус субъектных единиц зоны крайне нестабилен, насколько бы верными «товарищами» они ни были. Так, капитан рейда Фадеич переживает очень неприятные минуты, чувствуя угрозу изменения своего статуса, когда Манков рассказывает ему, как они с Дмитрюком жгли портреты Берии. Верный адепт КПП, блокирующей его аналитические способности, Фадеич настолько парализован страхом, что впадает в своеобразный транс: глаза широко раскрыты, лицо словно деревенеет. И говорит («Дмитрюк — враг народа») как будто не живой человек, а своеобразная субъектно-механическая форма воплощения самой программы: голос механически безэмоционален, монотонен и не принадлежит говорящему. Попытка Манкова вырвать из журнала портрет Берии вызывает моментальное инстинктивно-автоматическое движение: Фадеич механически вскакивает и обеими руками хватает руку Манкова

(лицо при этом начинает подрагивать, а взгляд остается неподвижным). Фадеич смотрит и не видит, слушает и не слышит, хотя Манков доводит до него надежность источника информации («**Манков**: Ночью по радио сообщение было <…> **Фадеич**: Нет… (*со страхом хватает руку Манкова*) Я не оповещен… **Манков**: Я тебя оповестил… **Фадеич**: А по инструкции — кто имеет право портреты уничтожать?») — потому что в данный момент «мыслит», «говорит» и действует не живой человек, а защищающая себя КПП. Пока новая информация не подтверждена официально, *Фадеич-система* выступает для самого себя как защитник КПП и потенциальный обвинитель и Дмитрюка, и Манкова (их официальный статус в этот момент в сознании Фадеича как бы зыблется вместе с его собственным статусом: была ли «инструкция»? не «враги ли народа» Дмитрюк и Манков? а может, это провокация, проверка, не является ли он сам скрытым «врагом народа»?).

Отношения в идеологически маркированной зоне «Свои» построены не на искренности, честности и взаимном уважении, а на том, насколько слова и поступки «товарища» соответствуют установкам доминирующей КПП. Даже одно неосторожное слово, потенциально дискредитирующее КПП, порождает мгновенную негативную реакцию (подозрительность, страх, ненависть, агрессию), а друг и «товарищ» может моментально стать врагом. И если, например, «свой» Фадеич для Манкова не опасен (страх Фадеича направлен на себя), то скользкий управляющий факторией И. Зотов — другое дело. Он поднимает и прячет в карман вырванный из журнала и смятый Манковом портрет Берии (потенциальная улика), после чего начинается настоящая «игра нервов» («**И. Зотов:** Привез? (*Манков держит в руках машинку для стрижки волос. Зотов пытается взять ее. Манков медленно отводит руку в сторону. Манков поднимает руку с машинкой вверх. При этом Манков и Зотов начинают смеяться. Зотов пытается дотянуться до машинки*) **И. Зотов:** Ну, давай… (*Манков смеется еще сильнее*) **И. Зотов:** Ну, я же не достану. Ты же здоровый… **Манков:** Не достанешь…»). Это мимический и пластический (жестовый) поединок почти без слов, где показателем истинного (негативного) отношения к собеседнику и к происходящему в целом является смех. После того как Манков в ответ на провокации И. Зотова решает сказать ему о своей осведомленности («А ты бдительный мужик <…> И в кармане у тебя сильный факт…»), характер игры изменяется. Место смеха занимают скрытые угрозы («**Манков:** Ну, ты же знаешь, как эту бумажку использовать?.. **И. Зотов:** Да уж, не растеряюсь… **Манков:** Вот и я знаю…»).

Скрытый конфликт и взаимная манипуляция оказываются нормой в данной субъектной зоне, поскольку доминирующая КПП является мощным инструментом как «инстинкта самосохранения», так и самооправдания. Выразительна сцена, рисующая механизм действия последнего, — встреча вышедшего на свободу С. Басаргина (Лузги) с семьей погибшего в бою с уголовниками Н. С. Старобогатова (Копалыча).

Специфика их семейной ситуации состоит в том, что у них был предоставленный властью «выбор»: отречься от близкого человека, разорвать с ним все связи, признать справедливость предъявленных ему обвинений — или рискнуть поддержать его, пытаться доказать его невиновность. Но, даже проявив «классовую и идеологическую сознательность», родственник «врага народа» всё равно попадает под пристальное наблюдение других «рядовых» носителей программы. Он должен постоянно доказывать свою преданность «системе», в результате чего постепенно перестает верить даже самому себе, так как главным принципом его существования становится страх, в котором и ощущение своего предательства, и страх за свою жизнь. В итоге чувство собственной безопасности у морально и психологически затравленного родственника «врага народа» (и при этом, не забудем, носителя КПП) отождествляется с инстинктом самосохранения самой системы.

Вот почему так мучителен для жены и сына Н. П. Старобогатова диалог с С. Басаргиным: «**Сын:** Вы считаете, мы должны были пойти вслед за ним и исчезнуть… Как вы можете судить нас. Пришла записка. Тайная. Он требовал отречься. Я хотел, я собирался писать — Сталину, конечно. Вот… Но мама удержала. Мама решила, что он там лучше знает, как надо. Ведь ничего не было известно: почему? За что? Говорили что-то чудовищное… Мы, конечно, не верили, но… Так много людей только пропадало <…> Скажите, он невиновен? **С. Басаргин:** Нет…».

В мучительных самооправданиях семьи и коротком слове «нет» проявляется вся глубина исковерканности человеческого сознания. Слово «нет» произносит бывший политический заключенный, сумевший сохранить внутреннюю свободу и человеческое достоинство в нечеловеческих условиях, не поддавшийся деструктивной установке программы, изживший ее из себя. Именно поэтому для родных Н. П. Старобогатова сло-

во «нет» (смысл которого — «невиновен, и вы это знали») — не только приговор их самооправданию, но и прозрение, откровение, разрушающее «мифологический кокон» КПП, который сковал их сознание на многие годы.

В каждом жесте и движении сына Н. П. Старобогатова, старательно подбирающего «правильные» слова, пытающегося смотреть прямо, но отводящего глаза, ощутимо сильнейшее напряжение. Истинный смысл его слов: *как мы могли не поверить в это, у нас просто не было выбора, любой бы на нашем месте поступил так*. Здесь всё противоестественно: тот, кто не способен верить себе самому, кто лишен «сущностного я», просто не в состоянии верить или не верить другому / в другого, даже близкого ему человека. И только короткое «нет» блокирует привычный рефлекторно-автоматизированный механизм «самоконтроля» (а на деле контроля со стороны КПП): нервное напряжение спадает, сын обессиленно садится на край дивана, его плечи и голова опущены вниз. В молчании сына и матери — несказанное, но очевидное: «Слово „нет“ должен (должна) был(а) произнести я. Я же всё это знал(а). Я знал(а), что мой отец (муж) невиновен». Настоящий приговор был вынесен «любящей семьей», которая отреклась от «врага народа», поскольку даже в семье критерием различения «своего» и «чужого» («вражеского») оказалась доминирующая КПП, обретшая полную власть над сознанием и манипулировавшая им.

Мы видим, как КПП «встраивает» в сознание личности свой защитный механизм (*концептуально-смысловой интерпретационный фильтр*): при восприятии и интерпретации любой информации носитель КПП концентрирует свое внимание не на источнике информации и даже не на своем жизненном опыте, а пытается установить степень ее соответствия принципам доминирующей КПП. Поэтому подлинный субъектно-ролевой статус персонажей фильма определяется прежде всего доминирующей КПП и способностью личности (носителя программы) вырабатывать собственную позицию относительно нее.

Сам же внешний субъектно-ролевой статус личности нестабилен: каждый советский человек наделяется двойственным статусом (потенциальный «враг» / «товарищ»). Доказательством является появление в пространстве фильма двух формально противопоставленных друг другу сцен. В центре первой сцены — «товарищ» Зотов, который на самом деле легко сговорился с уголовниками и потом еще недоволен, что ему предлагают помочь с уборкой их трупов, и только приход перевязанного Лузги путает ему карты («**Лузга:** Гнида… Сука… (*переходит на крик. Фадеич и Лидия Матвеевна пытаюсь сдержать его*) Падаль! Всю мою жизнь!.. Всю мою жизнь!.. Из-за таких, как ты… (*Зотов испуганно прижимается к стене*) Такие, как ты, должны в лагерях сидеть! А вас в охрану ставят…»). В центре второй сцены — «враг народа» Лузга, который, как только спасает от смерти жителей деревни, ситуативно получает статус «товарищ» (см. выше).

СУБЪЕКТНАЯ ЗОНА «ЧУЖИЕ»

Каждая группа статусно-ролевых маркеров соотносится с определенной субъектно-ролевой группой кинотекста. На основе маркеров «политический заключенный» / «враг народа» образуется субъектно-ролевая группа *идеологические враги КПП.* В нее входят Лузга (С. Басаргин) и Копалыч (Н. П. Скоробогатов). На основе статусно-ролевых маркеров «уголовник» / «урка» формируется субъектно-ролевая группа *уголовно-криминальные враги КПП* (банда Барона). Данные группы взаимодействуют между собой и образуют особую субъектно-ролевую зону «Чужие».

Пространство этой субъектной зоны четко делится на два подпространства: 1) идеологические (политические) противники КПП; 2) уголовно-криминальные противники КПП. Здесь продолжают действовать и общие принципы функционирования КПП: *иерархичность*, *деструктивность*, *манипулятивность*, *конфликтность*, *мифологичность*, *догматизм.* Даже после физической изоляции «чужеродного» субъекта система продолжает проводить «когнитивную адаптацию» его сознания. Ей недостаточно просто «вырвать» человека из жизни, она стремится полностью его себе подчинить и превратить в «благонадежного» носителя КПП.

Дело в том, что человек в лагере постепенно начинает смотреть на жизнь своими глазами. Чем сильнее система (КПП) в лице лагерного/тюремного начальства и надзирателей («вертухаев») пытается воздействовать на сознание человека (побои, унижения, оскорбления, непосильный труд, холод, голод и т. д.), тем «чище» оно становится; физическое лишение свободы значительно повышает степень свободы внутренней (духовной).

Ощущая ослабление своего воздействия на сознание «чужеродных» элементов, система начинает искать новые внутренние способы и инструменты подавления личности. В основе этого процесса лежит изначально различная специфика оценки и идентификации субъектно-ролевых групп зоны

«Чужие»: деструктивно-разрушительная энергия КПП направлена прежде всего на подавление сознания политических «врагов». Здесь работает простой принцип: идеологический противник, инакомыслящий субъект, свободная личность («враг народа») значительно опаснее асоциального, аполитичного по своей природе уголовного элемента и должен быть уничтожен в первую очередь. Уголовник просто не способен серьезно угрожать КПП, у него совсем другая цель: стремление к «вольной», сытой, комфортной жизни вне общественного закона. Именно поэтому система относится к нему двояко. С одной стороны, это враг, которого нужно подавить, но враг «внешний», «второстепенный». Им достаточно легко манипулировать. С другой, уголовно-криминальная среда — это источник постоянной демонстрации силы и власти системы, которая, ограждая и защищая «рядовых» носителей КПП от посягательств уголовных элементов на их имущество, здоровье и жизнь, подтверждает свой универсально-конструктивный статус.

Поэтому в поиске новых инструментов и способов контроля сознания идеологического врага система делает ставку на уголовно-криминальную среду. Последняя при этом наделяется свойствами системы-источника и становится ее специфической копией, уголовно-криминальной проекцией, системой в системе. Уголовники, чувствуя условную лояльность со стороны КПП (администрация лагеря), постепенно начинают занимать доминирующее положение в лагерной среде и под пристальным «контролем» системы насаждать свои «законы». В результате субъектно-ролевая группа идеологических (политических) «врагов» КПП испытывает на себе двойное давление.

Система-источник (базовая КПП тоталитарного режима) и ее альтернативный вариант (уголовно-криминальная проекция базовой КПП) обладают общими принципами моделирования и единой целевой направленностью (подавление, подчинение, манипуляция, когнитивная перекодировка сознания субъекта, который воспринимается самой программой как источник реальной/потенциальной опасности). Кроме того, они используют схожие деструктивные инструментальные стратегии и имеют общего условного «врага». Они относятся друг к другу как инвариант к варианту — хотя формально противостоят друг другу. Здесь раскрывается общий механизм развития КПП догматического типа: степень гармонизации всех внутренних подсистем когнитивно-прагматических установок программы напрямую зависит от уровня ее внешней деструктивности. Соответственно, если уровень внешней деструктивности повышается, то возрастает и степень внутренней гармонизации всех ее подсистем. Одновременно с этим понижение уровня внешней деструктивности приводит к дисбалансировке внутренних подсистем КПП.

Яркий пример — сцена разговора Фадеича с Крюком и Бароном (главарем банды): **«Фадеич:** Нет вам отсюда дороги — суд да тюрьма. **Барон:** Почему нет? **Фадеич:** Потому, что вы вошли в конфликт с властью. **Крюк:** Власть нам амнистию дала. Нам всё списали и еще спишут. **Барон:** Что может твоя власть? Убить меня — так и я могу убить тебя и любого… Твоя власть что дала тебе — гроши. А я — я красиво живу. Я беру сколько надо и еще вдвое. Я красиво живу! (*переходит на крик*) А по тебе ходят. Ты подошвы лижешь! **Фадеич:** Я исполняю долг!..». Перед нами комплексная визуализация алогичного, целостного механизма взаимодействия системы-источника (базовая КПП) и системы-варианта (уголовно-криминальная проекция базовой КПП). Ключевое значение в данном контексте приобретают следующие структурно-смысловые элементы: а) субъектно-ролевые инкарнации КПП-источника (Фадеич); б) субъектно-ролевые инкарнации КПП-варианта (Барон, Крюк); в) маркеры внешнего противостояния КПП-источника и КПП-варианта, определяющие специфику их внутреннего единства (целостности).

Маркер 1. Гуманный и справедливый суд Советского государства («Нет вам отсюда дороги — суд да тюрьма <…> вы вошли в конфликт с властью»). КПП-источник противопоставляется бандитскому беспределу (КПП-вариант). Однако это искусственное противопоставление. Гуманизм и справедливость советской системы правосудия — мифоидеологическая иллюзия, «встроенная» системой в сознание каждого «рядового» носителя КПП с целью манипулятивного контроля над человеком. В ее основе лежат два основных принципа: а) слепая вера (органы государственной безопасности всегда работают четко и быстро, ошибки (ложные обвинения) исключены); б) тотальный страх (каждый человек является потенциальным объектом системы правосудия и в любой момент может быть осужден). Суд (трибунал) — это всего лишь деструктивный карательный инструмент системы. Объектом «карательного гуманизма» может стать любой человек независимо от статуса, занимаемой должности и заслуг перед государством. Метафорически эту систему можно назвать «слепым фильтром»,

работающим по принципу: если есть человек, значит есть и статья, по которой он может быть осужден.

Именно так были обвинены и осуждены по 58-й статье Лузга и Копалыч: «**Лузга** (*поворачивает голову и внимательно смотрит на Копалыча*): Не Лузга я. Басаргин Сергей. (*Копалыч улыбается и снимает шапку*) **Копалыч:** Очень приятно. Старобогатов Николай Павлович. *Английский шпион*. Инженер в прошлом — главный… **Лузга:** полковая разведка — капитан. *Попал в окружение. Бежал. Вышел к нашим. Один…* **Копалыч:** Дальше ясно… *Десять лет и поражение в гражданских правах…* **Лузга:** *И был я в этом плену меньше суток…*»; «**Копалыч:** Меня забрали в тридцать девятом… Был за границей, значит, шпион…».

Маркер 2. «Истинная» внешняя (физическая) и внутренняя (духовная) свобода советского человека (КПП-источник) противопоставляется тюремному заключению, пребыванию в лагере («Власть нам амнистию дала. Нам всё списали и еще спишут» — КПП-вариант). Формально каждый компонент оппозиции *физическая / духовная свобода — заключение* может рассматриваться как особый концептуально-смысловой код, определяющий сущностные характеристики одной из форм доминирующей КПП. Так, компонент «физическая/духовная свобода» соотнесен с базовой формой КПП (тоталитарно-репрессивная КПП), которая контролирует сознание «благонадежных», «свободных» граждан-«товарищей» Советского государства. Компонент «тюремное заключение / лагерь» генетически связан с модифицированной формой КПП (программа-вариант, уголовно-криминальная проекция КПП), контролирующей сознание «неблагонадежных» граждан, «врагов» советской власти, совершивших уголовное или политическое преступление. Зоной функционирования КПП-источника является идеальное Советское государство, основанное на принципах гуманизма, справедливости и равенства. В нем живут счастливые, свободные люди. КПП-вариант реализуется в пространстве тюрьмы, лагеря (ГУЛАГа), в котором изолированные от общества «чужеродные» элементы трудом и кровью искупают свою «вину перед родиной» и проходят специализированную программу идеологической и социальной «адаптации».

Это противопоставление — искусственно созданная самой же программой иллюзия, направленная на усиление своего манипулятивного потенциала. Мифологизированный конструктивный образ идеального Советского государства на самом деле един с деструктивным антимифом тюрьмы, лагеря (ГУЛАГа). Это даже не «государство» (ГУЛАГ) в государстве (СССР), а предельно обобщенная псевдореальность, в которой миф и антимиф сливаются в единое целое. Каждый советский человек рассматривается системой КПП (программой-источником / программой-вариантом) и как реальный / потенциальный «благонадежный» член советского общества, и как реальный / потенциальный «чужеродный» элемент.

Возникает парадоксальная ситуация: чем выше степень формального противопоставления «свободы» и тюрьмы (лагеря), тем глубже их смысловая целостность. Поэтому амнистия «от Берии» никак не отражается на истинном статусе и положении советского человека. Выходя из одного лагеря, контролируемого уголовно-криминальным вариантом КПП, человек автоматически попадает в другой лагерь (идеальное Советское государство), в котором действуют те же правила и законы (лагерная несвобода заменяется иллюзией свободы, псевдосвободой). Член банды уголовников Крюк совершенно прав, когда говорит о том, что им «всё списали и еще спишут». Именно поэтому амнистию нельзя рассматривать ни как акт исправления ошибок власти (КПП), ни как знак ее раскаяния, сочувствия к невинно осужденным людям, ни как желание вернуть человеку свободу.

Во-первых, степень «свободы» КПП определяется уровнем подавления (контроля) сознания рядового носителя КПП. Во-вторых, «свобода» воспринимается различными вариантами КПП как тотальная игра: программа-источник вступает в искусственное противостояние с программой-вариантом (сталинский репрессивный вариант программы «пытается уничтожить» уголовно-криминальную проекцию самой себя). В действительности цель этой игры состоит в том, чтобы определить, какой из вариантов программы сможет взять под свой контроль (подавить, уничтожить) большее количество носителей КПП. Программа работает так, что «победителем» себя ощущает превращенный в функцию обезличенный человек (носитель КПП), ведь именно его руками программа совершает все деструктивные действия.

Общий принцип этой игры метафорически можно представить в виде маятника. Повышение деструктивности одного из вариантов КПП сопровождается автоматическим ростом степени ее «свободы». В результате активизируется своеобразная «ответная реакция» со стороны альтернативного вариан-

та программы, который стремится восстановить равновесие и повысить уровень своей деструктивности и свободы (на этой игре-войне и строится сюжет).

В таких условиях «благонадежный» носитель КПП воспринимает «свободу» как особую форму подчинения доминирующей программе. Чем выше степень подчинения (снижение волевых, эмоционально-аналитических процессов), тем выше уровень «свободы». При этом основной формой проявления «свободы» становится разнонаправленная агрессия, имеющая два режима проявления: *скрытая агрессия* (слепая вера в универсальный статус КПП; тотальное недоверие к самому себе и другим «рядовым» носителям КПП; необоснованная подозрительность (каждый носитель КПП является реальным/потенциальным «врагом» системы); тотальный страх); *явная агрессия* (анонимное доносительство, «разоблачение заговоров против советской власти» и т. п.). Принципиально, что все эти действия воспринимаются носителем КПП как проявление высшей степени свободы личности.

Для тех же, кто формально носит статус «чужеродного» элемента, высшей формой «свободы» является открытая бесконтрольная агрессия — демонстрация своей физической силы. Основными формами выражения «свободы» в данном контексте становятся драки, убийства, унижения, оскорбления, насилие, воровство, грабеж.

Маркер 3. Безжалостная борьба власти с «чужеродными» элементами. «Высшая мера социальной справедливости» (расстрел), применяемая ко всем «врагам народа» и советской власти (КПП-источник), внешне противопоставляется жестоким убийствам, расправам уголовников («Так и я могу убить тебя и любого…» — КПП-вариант). Когда «высшим» проявлением «свободы» становятся бесконтрольные, беспричинные и бессмысленные акты агрессии, формируется единая, общая для всех видов доминирующей КПП (программы-источника / программы-варианта) деструктивная инструментально-операциональная стратегия, направленная на ликвидацию «особо опасных врагов» системы.

Важно, что эту фразу произносит не Фадеич (субъектно-ролевая инкарнация сталинско-репрессивного варианта КПП), а «вор в законе» Барон (субъектно-ролевая инкарнация уголовно-криминального варианта КПП). На данном этапе условно «побеждает» уголовно-криминальная проекция КПП, поэтому сама программа говорит от лица «вора в законе». Фадеич (сталинский репрессивный вариант КПП) растерянно молчит. Однако программа, которую он в данный момент представляет, сохраняет свою прежнюю функциональную активность. Не случайно фраза, произнесенная Бароном, начинается с таких слов: «Что может твоя власть? Убить меня…». Вопрос о законности (программа-источник) / незаконности (программа-вариант) убийства полностью нивелируется, снимается. Оба варианта программы «планируют» убийства не ради какой-то конкретной цели — убийство (преимущественно невиновных людей) превращено системой в универсальный инструмент бесконечного повышения счета тотально-деструктивной игры.

ВЫВОДЫ

Субъектная среда кинотекста сегментируется на отдельные зоны с помощью особого разряда политических (идеологических) маркеров, которые можно обозначить как статусно-ролевые. Отношения в идеологически маркированной зоне «Свои» (определяющий маркер — «товарищ») построены не на искренности, честности и взаимном уважении, а на том, насколько слова и поступки «товарища» соответствуют установкам доминирующей КПП. Нормой оказываются скрытый конфликт и взаимная манипуляция, поскольку доминирующая КПП является мощным инструментом как «инстинкта самосохранения», так и самооправдания. При восприятии и интерпретации любой информации носитель КПП концентрирует свое внимание не на источнике информации и даже не на своем жизненном опыте, а пытается установить степень ее соответствия принципам доминирующей КПП. Подлинный субъектно-ролевой статус персонажей фильма определяется прежде всего доминирующей КПП и способностью личности (носителя программы) вырабатывать собственную позицию относительно нее; внешний субъектно-ролевой статус личности нестабилен. В итоге каждый советский человек наделяется двойственным статусом (потенциальный «враг» / «товарищ»), и это касается даже «первичной ячейки общества» — семьи.

Субъектно-ролевая зона «Чужие» складывается из двух со-противопоставленных групп: идеологические враги КПП (на основе маркеров «политический заключенный» / «враг народа») и уголовно-криминальные враги КПП (на основе маркеров «уголовник» / «урка»). Даже после физической изоляции «чужеродного» субъекта система продолжает проводить «когнитивную адаптацию» его сознания, поэтому в поиске новых инструментов и способов контроля сознания идеологического врага делает ставку на уголов-

но-криминальную среду. Последняя при этом наделяется свойствами системы-источника (иерархичностью, деструктивностью, манипулятивностью, конфликтностью, мифологичностью, догматизмом) и постепенно становится ее специфической копией, уголовно-криминальной проекцией. Система-источник и ее «криминальный» вариант обладают общими принципами моделирования и единой целевой направленностью (подавление, подчинение, манипуляция, когнитивная перекодировка сознания субъекта, который воспринимается самой программой как источник реальной/потенциальной опасности), используют схожие деструктивные инструментальные стратегии и имеют общего условного «врага». При внешнем, формальном противопоставлении советская система правосудия и бандитский беспредел схожи. При этом их деструктивный характер взаимообусловлен: деструктивность КПП-источника порождает разрушительную агрессию КПП-варианта, и наоборот.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер, А. С. Мифология насилия в советский период (возможность рецидива) / А. С. Ахиезер. — Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. — 1999. — № 2. — С. 85—93.

2. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. — Москва : Эдиториал УРСС, 2003. — 360 с. — Текст : непосредственный.

3. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 344 с. — Текст : непосредственный.

4. Иванов, Д. И. Моделирование кинотекста: система статусно-ролевых политических маркеров / Д. И. Иванов. — Текст : непосредственный // Критика и семиотика. — 2019. — № 1. — С. 298—319.

5. Иванов, Д. И. Когнитивная гуманитарная семиотика: терминология. Аналитические портреты / Д. И. Иванов, Д. Л. Лакербай. — Иваново : ПрессСто, 2020. — 256 с. — Текст : непосредственный.

6. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер. — Текст : непосредственный // Вестник МГУ. Серия 7, Философия. — 1990. — № 2. — С. 58—65.

7. Лубашова, Н. И. Феномен кино в социокультурном пространстве / Н. И. Лубашова. — Текст : непосредственный // Аналитика культурологии. — 2008. — № 11. — С. 225—231.

8. Лю, Хун. Особенности реализации политического дискурса в художественном тексте: к постановке проблемы / Лю Хун. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 3 (63). — С. 31—41.

9. Михалева, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 256 с. — Текст : непосредственный.

10. Мкртычева, М. С. Кино как предмет социологического изучения: возможности и перспективы / М. С. Мкртычева. — Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 12. — С. 113—118.

11. Слышкин, Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. — Москва : Водолей Publishers, 2004. — 153 с.

12. Сунь, Юйхуа. Средства реализации политического дискурса в художественном пространстве романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» / Сунь Юйхуа. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 3 (63). — С. 47—55.

13. «Холодное лето пятьдесят третьего» (фильм, 1987) / реж. А. Прошкин ; киностудия «Мосфильм», творческое объединение «Жанр». — Видео.

14. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : моногр. / Е. И. Шейгал. — Москва ; Волгоград : Перемена, 2000. — 367 с.

D. I. Ivanov
Xi'an International Studies University, Xi'an, PRC
ORCID ID: 0000-0002-1492-0049 ☑

☑ ***E-mail:*** *Ivan610@yandex.ru.*

The Space of the Subject Zones “Own” and “Alien” as a Phenomenon of Political Consciousness of Characters (Based on «The Cold Summer of 1953» Screenplay)

ABSTRACT. *This article considers the subject environment of the film “The Cold Summer of 1953” using the author’s model of investigation of the text of a film based on the original theory of cognitive-pragmatic programs (CPPs). The subject environment of the screenplay is segmented into separate zones with the help of political markers. The peculiarities of the subject zone “Own” depend on the functioning of the basic partisan-ideological CPP, which, on the one hand, is in constant search for new real / potential enemies, and, on the other hand, is ever using its powerful mythological potential as a tool for manipulating the mass consciousness, and continues active search for / "recruitment" of new adepts. The relations within the ideologically marked zone “Own” (the determining marker — “Comrade”) are not built on sincerity, honesty, and mutual respect, but on the way the words and actions of the “comrade” correspond to the requirements of the dominant CPP. Hidden conflict and mutual manipulation turn out to be quite normal. The external subject-role status of the person is unstable and depends on the degree of compliance with the program. Actually, every Soviet person is endowed with a dual status (potential “enemy” / “comrade”).*

The subject-role zone “Alien” is made up of two mutually opposed groups: ideological enemies of the CPP (via the markers “political prisoner” / “enemy of the people”) and criminal enemies of the CPP (via the markers “criminal” / “scum”). Even after physical isolation of the “alien” subject, the system continues to carry out the “cognitive adaptation” of their consciousness. That is why, in search of new tools and ways to control the consciousness of the ideological enemy, the state system relies on the criminal environment. The source system and its “criminal” variant have common principles of modeling and target orientation (suppression, subordination, manipulation, cognitive recoding of the subject’s consciousness, who is treated by the program itself as a source of real / potential danger), and use similar destructive instrumental strategies and have a common conventional “enemy”.

KEYWORDS: *screenplays; cognitive linguistics; subject-role zones; political discourse; Russian cinema art; films; cinema characters; own — alien.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ivanov Dmitriy Igorevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Institute of Russian Studies, Xi'an International Studies University, Xi'an, PRC.*

FOR CITATION: *Ivanov, D. I.* The Space of the Subject Zones "Own" and "Alien" as a Phenomenon of Political Consciousness of Characters (Based on «The Cold Summer of 1953» Screenplay) / D. I. Ivanov // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 139-149. — DOI.

REFERENCES

1. Akhiezer A. S. Mythology of violence in the Soviet period (the possibility of relapse) // Social Sciences and modernity. 1999. No. 2. P. 85—93. [Mifologiya nasiliya v sovetskij period (vozmozhnost' recidiva) // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1999. № 2. S. 85—93]. — (In Rus.)

2. Baranov A. N. Introduction to Applied Linguistics. — Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 360 p. [Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku. M. : E'ditorial URSS, 2003. 360 s.]. — (In Rus.)

3. Dake T. A. van. Discourse and power: Representation of dominance in language and communication. — Moscow: Book house "LIBROKOM", 2013. 344 P. [Diskurs i vlast': Reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii / Per. s angl. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013. 344 s.]. — (In Rus.)

4. Ivanov D. I. Film Construct Modeling: A System of Status-Role Political Markers // Critique and Semiotics. 2019. No. 1. P. 298—319. [Modelirovanie kinoteksta: sistema statusno-rolevyx politicheskix markerov // Kritika i semiotika. 2019. № 1. S. 298—319]. — (In Rus.)

5. Ivanov D. I., Lakerbaj D. L. Cognitive humanitarian semiotics: Terminology. Analytical portraits. — Ivanovo : Presto, 2020. 256 p. [Kognitivnaya gumanitarnaya semiotika: Terminologiya. Analiticheskie portrety. Ivanovo : PressSto, 2020. 256 s.]. — (In Rus.)

6. Kassirer E'. Technique of modern political myths / / Vestnik MGU. Series 7. Philosophy. 1990. No.2. P. 58—65. [Texnika sovremennyx politicheskix mifov // Vestnik MGU. Seriya 7. Filosofiya. 1990. № 2. S. 58—65]. — (In Rus.)

7. Lubashova N. I. The phenomenon of cinema in the sociocultural space // Cultural Analytics. 2008. No. 11. P. 225—231. [Fenomen kino v sociokul'turnom prostranstve // Analitika kul'turologii. 2008. № 11. S. 225—231]. — (In Rus.)

8. Lyu Xun. Elements of political discourse in literary texts: problem statement // Political linguistics. 2017. No. 3 (63). P. 31—41. [Osobennosti realizacii politicheskogo diskursa v xudozhestvennom tekste: k postanovke problemy // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 3 (63). S. 31—41]. — (In Rus.)

9. Mixaleva O.L. Political discourse: Specifics of manipulative influence. — Moscow : Book house "LIBROKOM", 2009. 256 p. [Politicheskij diskurs: Specifika manipulyativnogo vozdejstviya. — M. : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 256 s.]. — (In Rus.)

10. Mkrtycheva M. S. Cinema as a subject of sociological study: opportunities and prospects // Theory and practice of social development. 2012. No. 12. P. 113—118. [Kino kak predmet sociologicheskogo izucheniya: vozmozhnosti i perspektivy // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2012. № 12. S. 113—118.]. — (In Rus.)

11. Slyshkin G. G., Efremova M. A. Film construct (the linguoculturological analysis experience). — Moscow : Vodolei Publishers, 2004. 153 p. [Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza). M.: Vodolej Publishers, 2004. 153 s.]. — (In Rus.)

12. Sun' Yujxua. Political discourse elements in M.A. Sholokhov's novel "And Quiet flows The Don" Political linguistics. 2017. No. 3 (63). P. 47—55. [Sredstva realizacii politicheskogo diskursa v xudozhestvennom prostranstve romana M. A. Sholoxova «Tixij Don» // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 3 (63). S. 47—55.]. — (In Rus.)

13. "The Cold Summer of 1953" (a 1987 Soviet film). Directed by Proshkin A. "Mosfilm" studio. "Zhanr" creative association. [«Xolodnoe leto pyat'desyat tret'ego» (fil'm, 1987). Rezh. A. Proshkin. Kinostudiya «Mosfil'm». Tvorcheskoe ob"edinenie «Zhanr»]. — (In Rus.)

14. Sheigal E. I. Semiotics of political discourse. Monograph. — Moscow; Volgograd : Peremena, 2000. 367 P. [Semiotika politicheskogo diskursa. Monografiya. Moskva; Volgograd : Peremena, 2000. 367 s.]. — (In Rus.)

УДК 81'27:39
ББК Ш100.62 *ГСНТИ 16.21.27; 16.21.29* *Код ВАК 10.02.19*
DOI

А. А. Минасян
Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *Anait-ar-minasyan@mail.ru.*

Политический дискурс как инструмент формирования менталитета этносоциума: лингвориторический подход (на примере Армении)

АННОТАЦИЯ. *В статье с позиций Сочинской лингвориторической (ЛР) школы охарактеризованы теоретико-методологические основы изучения политического дискурса как инструмента формирования мировоззренческих оснований менталитета совокупной языковой личности (ЯЛ) этносоциума, фактора, способствовавшего в том числе феномену «Бархатной революции» в Армении в 2018 г. В качестве иллюстративного материала приводятся результаты изучения армянского языка как отражения менталитета этноса в аспекте представленности микроконцептосферы «Россия, русские». Устанавливается, что характеризуемые традиционные дискурс-этимоны ЛР картины мира коллективной армянской ЯЛ, фиксирующие положительное отношение к дружественному государству, в полной мере сохранены в современном политическом дискурсе Армении революционной эпохи и постреволюционного периода и продолжают формировать менталитет совокупной ЯЛ этносоциума, в том числе благотворно влияя на языковое сознание подрастающих поколений. Отмечается роль СМИ в данном процессе: в условиях глобализации, цифровизации, информационного взрыва и массовой доступности технических средств коммуникации, менталитет общества в целом и отдельной личности подвергается особенно целенаправленным массированным динамическим воздействиям, внедрению в сознание совокупной ЯЛ данного этносоциума новых идеологических акцентов и ценностных иерархий. Репрезентация элементов традиционного мировидения и миропонимания, синтезируемых политиками — «сильными языковыми личностями-концептоносителями» — с новыми, революционными идеями, обеспечивает большую лояльность электората. Исследованный корпус лексем с корнем «ռուս-» (рус-) толкового словаря современного армянского языка позволил сделать вывод о лингвистической закрепленности опыта тесных сотруднических взаимоотношений русского и армянского народов в культурной, духовной, политической, социально-экономической сферах жизни на протяжении более трех столетий.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс; национальный менталитет; языковая личность; лингвориторическая картина мира; армянский язык; этносы; этнолингвистика; этносоциум.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Минасян Анаит Арутюновна, аспирант, Сочинский государственный университет; 354000, Россия, г. Сочи, ул. Пластунская, д. 94; e-mail: Anait-ar-minasyan@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Минасян, А. А.* Политический дискурс как инструмент формирования менталитета этносоциума: лингвориторический подход (на примере Армении) / А. А. Минасян // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 150-161. — DOI.

ВВЕДЕНИЕ

Представители разных народов, живущие в одном государстве в данный временной период, в лингвориторической (ЛР) парадигме объединяются не термином «коллективная языковая личность (ЯЛ) этноса», а «совокупная ЯЛ этносоциума» [Ворожбитова 2000: 119]. Проблема комплексного исследования политического дискурса как инструмента формирования мировоззренческих оснований менталитета коллективной ЯЛ этноса и совокупной ЯЛ этносоциума — одна из актуальных для филологии и, шире, гуманитарных наук.

Согласно концепции и программным установкам диссертационного исследования «Лингвориторика концептосферы политического дискурса 2010-х гг.: этносоциокультурные вариации (на материале российских и армянских СМИ)» [Ворожбитова, Минасян, 2019], нами изучается этносоциокультурная специфика политического дискурса Армении 2018—2019 гг. как революционного дискурс-ансамбля XXI в., на примере феномена «бархатной революции» 2018 г. и успешной предвыборной парламентской кампании оппозиционного лидера Н. Пашиняна, первого этапа его работы в должности Премьер-министра Республики Армения (РА), являющегося фактическим главой государства согласно Конституции РА (см. подробнее: [Минасян 2019]).

Собранный эмпирический материал, изобилующий наглядными примерами языковой практики функционирования политического дискурса в качестве ЛР инструментария формирования мировоззренческих оснований менталитета совокупной ЯЛ этносоциума современной Армении, способствовал нашему целенаправленному ретроспективному углублению в проблематику и специальному рассмотрению аспектов изучения армянского языка как отражения менталитета коллективной армянской ЯЛ в отношении России и русских.

© Минасян А. А., 2020

Цель статьи — продемонстрировать, в том числе, что характеризуемые примеры системы традиционных «дискурс-этимонов ЛР картины мира» [Ворожбитова 2000: 147] коллективной армянской ЯЛ, фиксирующие положительное отношение к дружественному Российскому государству и русским, в полной мере сохранены в современном политическом дискурсе Армении революционной эпохи, постреволюционного периода и продолжают формировать менталитет совокупной ЯЛ этносоциума, в том числе благотворно влияя на языковое сознание подрастающих поколений.

«МЕНТАЛИТЕТ» КАК БАЗОВОЕ ПОНЯТИЕ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

К понятию «менталитет» как к объекту исследований апеллируют философия, социология, история, культурология, психология, филология и другие гуманитарные науки, вкладывая в это понятие значения «мыслительные установки», «склад мышления», «картина мира», «мировоззрение», «мировидение», «культурный код», «национальный характер», «эфир культуры» и т. п. При этом само слово *менталитет (mentalite)* считается непереводимым [Полякова, Ромах 2004 URL]. Трактовки понятия «менталитет» несколько разнятся в различных областях знания, однако бесспорной признается роль менталитета как важнейшего социокультурного фактора, влияющего на поведение социума и индивида.

«Новая философская энциклопедия» электронной библиотеки Института философии РАН трактует понятия «**ментальность (менталитет)**» как глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное, а также относительно устойчивую совокупность установок и предположений индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом [Новая философская энциклопедия URL].

В политологии «менталитет» понимают как исторически сложившуюся, относительно устойчивую систему культурных, этнических, психологических, политических, когнитивных установок, предрасположенностей социентальной общности, не осознаваемых ею способов мировосприятия и оценивания социально-политической реальности [Полякова 1998: 32]. Менталитет как система установок и предрасположенностей детерминирует поведение человека в социуме и, в частности, в общественно-политической деятельности. Однако и сам менталитет, в свою очередь, детерминируется социально-экономическим, культурным бытием, образом жизни, изменяясь от эпохи к эпохе с общественным и индивидуальным сознанием [Полякова, Ромах 2004: URL].

В философии, социологии, этнологии ученые чаще всего понимают менталитет не как систему ценностей как таковую, а систему способов оценивания. При этом отмечается, что ценности определяют менталитет — как совокупность элементов сознания, содержащих оценочное отношение к действительности и, соответственно, оказывающих влияние на формирование системы ценностей [Там же] (см. также: [Анциферова, Ермаков 2016: 33]).

В философии основой менталитета, по мнению И. В. Емелькиной, является концепт, задающий своеобразную программу смыслов, регулирующих поведение людей. Концепт связан с ключевыми ценностями той или иной культуры и вместе с ними образует «многомерное ментальное пространство» [Емелькина 2011: 40].

В исследованиях представителей Сочинской лингвориторической школы менталитет трактуется как система разноуровневых представлений ЯЛ о мире и репертуар способов оперирования ими в процессе мышления, как совокупность ментальных установок, стереотипов мировосприятия, мировоззрения, мышления личности, обусловленная языковой картиной мира, которая, будучи иерархически организована в ценностном отношении, предстает в ЛР картине мира [Дружинина, Ворожбитова 2019: 64].

Специальному рассмотрению в ЛР парадигме подвергалась и специфика диалектического соотношения членов категориальной триады «*ментальность — менталитет — ментальное пространство*».

Ментальность трактуется как система устойчивых когнитивных реакций на уровне общественного языкового сознания, т. е. в тезаурусе коллективной ЯЛ, которые детерминируют также коллективные прагматикон и ассоциативную вербальную сеть, сложившиеся в данном этносоциуме. *Менталитет* характеризуется ценностями коллективной ЯЛ того или иного этносоциума и характерным для него набором целей (стратегические, тактические, жизнесодержащие, жизнеобеспечивающие). Соответственно *ментальное пространство* (рассматриваемое в работах Ж. Фоконье, М. Тернера и других ученых) понимается в качестве актуализированного в текущий культурно-исторический этап развития коллективной ЯЛ пересечения менталитета и ментальности в динамике социумных представлений [Берсенева, Ворожбитова 2019: 75].

В свете вышесказанного важными для понимания сущности менталитета, на наш

взгляд, являются следующие установочные положения:

– менталитет есть фундаментальная основа становления и функционирования коллективной ЯЛ этноса, совокупной ЯЛ этносоциума, (этно)социостратной ЯЛ, коллегиальной ЯЛ, групповой ЯЛ, индивидуальной ЯЛ, профессиональной ЯЛ и т. д.;

– менталитет есть консервативная, но переменная величина, изменяющаяся под внешними воздействиями на личность и социетальную общность. Однако изменение менталитета ввиду его специфики — глубинного уровня коллективного и индивидуального сознания — происходит чрезвычайно медленно.

ЯЗЫК И МЕНТАЛИТЕТ СОВОКУПНОЙ ЯЛ ЭТНОСОЦИУМА: ЛИНГВОРИТОРИКА ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Будучи системой способов оценивания мира, в том числе социально-политической реальности, в которой существует совокупная ЯЛ этносоциума на конкретном историческом этапе своего развития, менталитет имплицирован прежде всего в языке, а также в других семиотических системах и тесно связан с когнитивным восприятием политического дискурса социумом и образующими его этносами, социальными слоями и группами населения, отдельными личностями. В рамках нашего исследования важно понимание специфики принятия или отторжения коллективной ЯЛ этносоциума новых идей в процессе восприятия динамических элементов трансформаций сложившегося менталитета под воздействием целенаправленно конструируемых конгломератов ЛР средств, непрерывно и массированно транслируемых СМИ, зачастую в манипулятивном ключе, в рамках господствующих идеологий, в соответствии с интересами правящих элит.

Беспрецедентный рост значимости дискурсивных процессов, функционирующих в режиме коммуникационной синергетики в жизни мирового сообщества эпохи глобализации, необходимость поиска новых решений управленческого и политического характера, эффективных в информационном обществе, сделали политический дискурс важнейшим фактором, влияющим на адаптацию коллективных ЯЛ этносов и совокупных ЯЛ эносоциумов к новым, а порой и революционным политическим, социальным, экономическим реалиям, напрямую воздействуя на коллективную ментальность. ЛР парадигма выступает адекватной теоретико-методологической базой для всестороннего исследования механизмов влияния политического дискурса на менталитет совокупной ЯЛ этносоциума благодаря применению научно-терминологического инструментария, базирующегося на пересечении базовых категориальных рядов лингвистики и риторики, с учетом обилия частных дисциплин, выкристаллизовавшихся в их рамках. Это идеологические аспекты дискурсивного процесса — *Этос, Логос, Пафос, София*; уровни структуры ЯЛ — *вербально-семантический. лингвокогнитивный, мотивационный, синтезирующий*; риторические этапы универсального идеоречевого цикла «от мысли к слову» — *инвенция, диспозиция, элокуция, акцио*. Последняя тетрада отсылает к базовым механизмам реализации интегральной ЛР компетенции субъекта дискурсивных процессов, ЯЛ продуцента и реципиента (инвентивно-парадигматический, диспозитивно-синтагматический, элокутивно-экспрессивный, акциональный механизмы). С учетом тетрады механизмов психофизиологического обеспечения (ориентировочный, мнемонический, психориторический (обратная связь с адресатом), редакционно-рефлексивный механизмы), совокупность вышеперечисленных категорий лежит в основе 16-мерности 4 групп *универсальных ЛР параметров*, присущих любым речемыслительным феноменам. Это этосно-мотивационно-диспозитивно-ориентировочные, логосно-тезаурусно-инвентивно-психориторические, пафосно-вербально-элокутивно-мнемонические, софийно-синтезно-акционально-редакционные параметры любого текста, дискурса, произведения (рождающегося, по М. М. Бахтину, «на рубеже двух сознаний» [Бахтин 1976] субъектов коммуникативного процесса — автора и читателя, продуцента и реципиента (см. подробнее: [Ворожбитова 2018, 2019б]. Такой подход к анализу различных феноменов проявлений политического дискурса позволяет комплексно рассматривать его специфику, так как коммуникация в качестве синергетической совокупности мыслеречевых и речемыслительных продуктов есть не что иное, как единство идеологии, ее материального носителя — субъекта актуальных дискурсивных процессов, ЯЛ продуцента и реципиента, в том числе коллективного — и технологии собственно языкового, шире — ЛР воплощения.

Значительный исследовательский опыт в охарактеризованном выше ключе накоплен представителями Сочинской лингвориторической школы. Назовем, например, исследования, посвященные большевистскому дискурсу [Кегеян, Ворожбитова 2019] и, напротив, ниспровергающему идеологию большевизма дискурсу русских религиозных философов [Анистратенко, Ворожбитова, 2019];

периодизации советского дискурса, типологизации его ветвей как официолекта, реалиалекта, публиолекта [Vorozhbitova, Potapenko et al 2019]; экспрессии передовых статей газеты «Правда» эпохи Великой Отечественной войны [Ворожбитова, 2012; Хачецукова, Ворожбитова, 2019]; специфике официальной советской аргументативной стратегии и тактик, реализованных в том же корпусе статей [Протуренко, Ворожбитова, 2019]; идиодискурсу И. В. Сталина как персонифицированной «идеологической машине» «репродуктивного продуцента» догм марксистско-ленинской идеологии в состоянии полемической мобилизации [Vorozhbitova, Potapenko et al 2020] и др.

Политически окрашенный идеологический колорит имеют и исследования в сфере литературно-художественной коммуникации: ЛР анализ, с одной стороны, идиодискурса А. Гайдара как представителя «художественно-идеологического дискурса» (языковедческий коррелят литературоведческого понятия «литература социалистического реализма») [Субботина, Ворожбитова 2020], с другой — документально-художественного синтеза в дискурс-тексте А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» как альтернативного, антисоветского по своей идейной направленности [Киреева, Ворожбитова 2020].

ЛР призма изучения общественно-политического дискурса в революционный период социального развития [Ворожбитова 2019а] позволила исследовать раскол русского национального макродискурса в ситуации революционного кризиса в аспекте ЛР инструментария и механизмов трансформации языка и менталитета. Автор приходит к выводу, что «зарождение и вызревание большевистского дискурса исторически происходит в контекстуальных текстах русского терроризма второй половины XIX в. Именно они подготовили почву, „расчистили ментальное пространство“ для успешного построения новой ЛР картины мира» [Ворожбитова 2019в: 21]. Сквозь ЛР концептуальную призму проанализированы особенности дискурсивной самореализации большевистских вождей-идеологов как «языковых личностей-концептоносителей», продуцирующих дискурс-тексты с изложением основ революционного учения, призванного заново сформировать систему мировоззренческих установок, ценностно-эмоциональную сферу и в целом менталитет коллективной ЯЛ массового реципиента [Кегеян, Ворожбитова 2019].

В научной литературе используется также понятие **«отрицательный менталитет»,** под которым понимается механизм защиты личности от внутреннего контакта с чуждыми ему ценностными системами, идеями, образом жизни [Полякова 1998: 3]. Менталитет как относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида и совокупной ЯЛ этносоциума может превратиться в отрицательный менталитет в случае, если ценностные системы, идеи или образ жизни, репрезентируемые в рамках политического дискурса и демонстрируемые массовой аудитории, будут чуждыми для традиционного мировидения совокупной ЯЛ этносоциума на конкретном историческом этапе его развития. Именно такая особенность менталитета сознательно или на интуитивном уровне учитывалась продуцентами политического дискурса на протяжении истории цивилизации и ложилась в основу стратегий и тактик революций и серьезных общественных преобразований.

Такой наш вывод не противоречит результатам исследований А. А. Ворожбитовой, по мнению которой феномен русской революции, имея прежде всего речемыслительную природу, выступает в качестве внедренного в общественное языковое сознание ЛР конструкта, базирующегося на исходной для его генерирования системе ценностных ориентиров, этических постулатов и мировоззренческих установок. Однако, несмотря на альтернативность данного ценностного конгломерата, в нем имеется и ярко выраженное общее, общечеловеческое и общенациональное ядро. Именно наличие базового инварианта позволяет коллективной ЯЛ массового реципиента на основе приверженности уже известному, усвоенному на уровне картины мира, принять новое, революционное [Ворожбитова 2019а: 18].

Так как важнейшими признаками политического дискурса являются его волевая направленность и провокационно-манипулятивный характер, стратегии и тактики, реализуемые в том числе через языковые средства, «в той или иной степени содержат и провокационную, и манипулятивную составляющие, все направлены на то, чтобы сформировать или изменить картину мира адресата, транслировать ему авторскую точку зрения на лицо, событие или явление» [Руженцева 2004: 14]. Ментальное пространство дискурсивного пласта и корпуса текстов-репрезентантов предстает как конкретизированное сквозь призму тезауруса его продуцента в соответствии с актуальной авторской интенцией и коммуникативной сверхзадачей данного типа дискурса вербальное выражение общего духовно-мотивационного настроя коллективной ЯЛ, т. е. относительно целостной совокупности образов, идей, верований, «навыков духа», отражающей

представления о социально востребованной личности с учетом трактовок уроков истории, смысла жизни, добра и зла, должного, справедливого и других основополагающих человеческих ценностей в дискурс-универсуме данной эпохи и этнокультуры [Берсенева, Ворожбитова 2019: 75—76].

Все вышесказанное в очередной раз на новом уровне демонстрирует ведущую роль языка в социальных конфликтах [Vorozhbitova A., Streltsova et al 2019]. Изученные нами исследования демонстрируют, что мировоззренческие основания менталитета подвержены влиянию и целенаправленному воздействию политического дискурса, целью которого может быть подготовка совокупной ЯЛ этносоциума не только к эволюционным, но и к революционным переменам, так как традиционный менталитет может стать серьезным барьером на пути адаптации к новым условиям социально-политической жизни. Репрезентация традиционного миропонимания, мировидения, картины мира, умело синтезированная сильными ЯЛ-концептоносителями с новыми, революционными идеями, «помогает» адресатам-декодировщикам политического дискурса сформировать свое мнение относительно кого-либо или чего-либо, адаптироваться к новой действительности.

АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ И МЕНТАЛИТЕТА СОВОКУПНОЙ ЯЛ ЭТНОСОЦИУМА АРМЕНИИ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ И РУССКИХ

Как показали результаты исследования, в армянском революционном дискурсе 2018 г. одним из «базовых инвариантов», «дискурс-этимонов», обеспечивающих преемственность в трансформации ментального пространства совокупной ЯЛ этносоциума при революционной смене ЛР картины мира, несущих конструкций в закрепляемой оппозицией, а затем и новой властью иерархии ценностных суждений, выступила репрезентация концептов «Россия», «русские», в целом соответствующей микроконцептосферы.

Инициаторы ненасильственной смены власти в государстве представляли и представляют политические изменения в Республике Армения 2018 г. как «бархатную революцию». На наш взгляд, популяризация данного концепта имела своей целью в том числе дистанцирование как от классических кровавых революций прошлого, память о которых еще очень сильна в народе, так и от «цветных» революций на постсоветском пространстве, итогом которых стало ухудшение отношений с Россией. В отличие от последних, революционная элита Армении акцентирует свою приверженность политике интеграции с Россией; основной адресат такого посыла — население Армении и армянская диаспора в России. Идея продолжения курса на сохранение дружественных отношений с Россией, репрезентируемая в рамках политического дискурса, транслируемого СМИ данного периода, не вызвала внутреннего конфликта, а была воспринята совокупной ЯЛ этносоциума Республики Армения как нечто должное и логичное, так как является традиционной, укорененной в менталитете народа; в терминологии ЛР парадигмы, эти представления входят в состав базовых дискурс-этимонов ЛР картины мира коллективной ЯЛ армянского этноса, будучи укорененными в его языке и культуре.

Ретроспективное исследование показало, что концепты «Россия», «русские» появляются в армянской языковой картине мира, в ассоциативно-вербальной сети, тезаурусе и прагматиконе коллективной армянской ЯЛ в начале XVIII в. В этот период армянский язык зафиксировал и закрепил концепты «Россия» (*Ռուսաստան*), «русские» (*ռուսներ*) в системе основных лексем-репрезентантов: «русский язык» (*ռուսերեն*), «российский» (*ռուսական*), «русский (нац.)» (*ռուս*), «русификация» (*ռուսականացում*) и др. Специфика коннотативного спектра лексических репрезентаций исследуемых концептов в армянском языке сформировалась под влиянием исторических социально-политических событий, отраженных в художественной литературе, ставшей впоследствии классической, текстов, ставших прецедентными.

С начала XIX в. (в 1828 г. в результате русско-персидской войны часть исторической Армении входит в состав Российской империи) микроконцептосфера «Россия, русские» (*Ռուսաստան*, *ռուսներ*) в армянском языке активно развивается средствами массовой информации. В истории армянских СМИ в этом плане мы выделяем следующие основные периоды:

– период с 1828 по 1914 г. — вхождение Армении в состав Российской империи;

– период с 1915 по 1917 г. — геноцид армян в Османской империи;

– период с 1918 по 1922 г. — годы независимости Армении, война с Турцией за сохранение независимости и столкновения с Рабоче-крестьянской Красной армией (РККА);

– период с 1922 по 1986 г. — Армения является частью СССР как Армянская Советская Социалистическая Республика;

– период с 1987 по 1989 г. — Армения находится в составе СССР, но вступает в кро-

вавую фазу военного конфликта между все еще советскими народами — армянами и азербайджанцами;

– период с 1990 г. по 1991 г. — период юридического закрепления статуса независимого государства, независимости и поиск пути самостоятельного развития: 23 августа 1990 г. Верховный Совет Армянской ССР принял декларацию о независимости Армении; 23 сентября 1991 г. по результатам проведенного референдума Верховный Совет республики подтвердил независимость Армении.

Далее периодизацию истории армянского политического дискурса и СМИ Армении, на наш взгляд, целесообразно проводить синхронно со сменой правящих элит в республике и приходом к власти нового Президента — лидера:

– период с 11 ноября 1991 г. по 3 февраля 1998 г. — президентское правление Левона Тер-Петросяна;

– период с 9 апреля 1998 г. по 29 декабря 2008 г. — президентское правление Левона Кочаряна;

– период с 9 апреля 2008 г. по 9 апреля 2018 г. — президентское правление Сержа Саргсяна;

– период с марта по 8 мая 2018 г. — активная фаза «бархатной революции»;

– период с 8 мая 2018 г. — правление Никола Пашиняна в должности Премьер-министра Армении — фактического главы государства согласно поправкам к Конституции РА.

Такая периодизация истории армянских СМИ, безусловно, связана с историей армянского народа как коллективной ЯЛ, с формированием его менталитета и языковой картины мира. Отрезок времени с 1828 по 1922 г., пожалуй, самый драматичный в истории армянского народа, когда этнос боролся за свое выживание, потеряв в этой борьбе миллионы человеческих жизней. Армянская пресса активно отражала рефлексию этносоциума, аккумулировала политические взгляды и идеи о перспективах выживания и развития народа и сама детерминировала трансформацию в национальном менталитете коллективной армянской ЯЛ, в том числе инициировала процесс дифференциации на когнитивном ее уровне антитезисных ментальных пространств «свои» — «чужие». По мнению С. В. Лурье, именно в такой исторический отрезок времени формирования современной армянской картины мира ценностные доминанты, связанные с Россией, были настолько значимы, что на нее (Россию) был перенесен образ «покровителя»; образ России стал устойчивым компонентом моделей мира, позволяющих выживать народу в экстраординарных обстоятельствах [Лурье 2017: 208]. В целом в последующие периоды в ЛР картине армян сохранилось аналогичное восприятие образов России и русских, актуальное как для совокупной ЯЛ этносоциума Советской Армении, так и Республики Армении в XXI в. Отметим, что до 1922 г. адресат дискурса СМИ нами рассматривается как «коллективная ЯЛ армянского этноса», а в советский и современный периоды — как «совокупная ЯЛ этносоциума» Армении, согласно терминологической иерархии в ЛР парадигме, где «совокупная ЯЛ этносоциума» — представители разных коллективных ЯЛ этносов, живущие в одном государстве в данный исторический период.

Отражение мира в языке — это коллективное творчество народа, говорящего на нем; каждое новое поколение получает с родным языком полный комплект культуры, в котором уже заложены черты национального характера, мировоззрение, мораль и т. п. [Тер-Минасова 2008: 86]. Следовательно, специфику ставших традиционными на данном историческом этапе развития ментальных установок коллективной ЯЛ армянского этнолингвосоциума в отношении концептов «Россия», «русские» можно выявить на основе анализа корпуса лексем, репрезентирующих микроконцептосферу «Россия, русские» (*Ռուսաստան*, *ռուսներ*).

Обратимся к «Толковому словарю современного армянского языка» Э. Б. Агаяна [Агаян 1976: 1265—1266]. Корень *ռուս* (рус.) — морфема, несущая лексическое значение концептов «Россия» и «Русские», — представлен в словаре в 42 словоформах (далее перевод наш. — *А. М.*).

В первую очередь мы выделили корпус лексем с корнем *рус*-, не несущих каких-либо оценок, фиксирующих национальную принадлежность человека, предмета, объекта, явления, признака, процесса; они легко переводятся на другие языки с использованием эквивалентной лексики.

Ռուս — 1. сущ. — 1) *русский*, 2) *русская*; 2. прил. — *русский*.

Ռուսերեն — 1. сущ. — *русский язык*; 2. прил. *русский*.

Ռուսիզմ — сущ. — *русизм*.

Ռուսուհի — сущ. — *русская*.

Ռուսաց — прил. — *русский*.

Ռուսազգի — 1. сущ. — *русский по национальности*; 2. прил. — *русский*.

Ռուսաբան — 1. сущ. — 1) *русист*, 2) *автор, использующий в тексте русизмы*; 2. прил. — *богатый русизмами (о тексте)*.

Ռուսաբանություն — сущ. — 1) *русистика*; (*русизм*).

Ռուսագետ — 1. сущ. — *знаток русского языка*; 2. прил. — *владеющий русским языком*.

Ռուսագիտական — прил. — *свойственный знатоку русского языка*.

Ռուսագիտություն — сущ. — 1) *используется в значении русской филологии, русистики*, 2) *совокупность знаний по русскому языку*.

Ռուսական — прил. — *российский*.

Анализ словарного эмпирического материала позволил выделить корпус лексем, существование которых в современном армянском языке обусловлено историческими событиями, а именно тесными взаимоотношениями русского и армянского народов в культурной, духовной, политической, социальной, экономической сферах жизни на протяжении более трех столетий.

Эти сложные слова, созданные согласно правилам словообразования армянского языка, часто безэквивалентны, поэтому при переводе приходится заполнять лакуны, апеллируя к предложениям и словосочетаниям.

Ռուսադավան — 1. сущ. — 1) *нерусский, принявший православие*, 2. прил. 1) *принадлежащий к русской церкви (если речь идет не о русском)*.

Ռուսադավանություն — сущ. — *принадлежность к православию (используется при характеристике этнически не русского человека)*.

Ռուսախառն — прил. — *смешанный с русским (о речи)*.

Ռուսախոս — 1. сущ. — 1) *не русский, но использующий русский язык в качестве родного или в бытовом общении*, 2) *человек, владеющий русским языком*; 2. прил. — *говорящий на русском языке*.

Ռուսախոսություն — сущ. — *коммуникация на русском языке*.

Ռուսականանալ — гл. — 1) *принять российское подданство*, 2) *принять*

пророссийскую ориентацию.

Ռուսականացնել — гл. — 1) *дать русскую ориентацию*, 2) *русифицировать*.

Ռուսականացվել — гл. — *быть русифицированным*.

Ռուսականացում — сущ. — *русификация*.

Ռուսականություն — сущ. — 1) *нечто, что свойственно русским*, 2) *русская ориентация*.

Ռուսահաճո — прил. — *приятный русским*.

Ռուսահայ — сущ. — *армянин, живущий в России*.

Ռուսահայություն — сущ. — *армянство, живущее в России*.

Ռուսահպատակ — сущ. — *подданный России*; прил. — *подданный России*.

Ռուսահպատակություն — сущ. — *подданство России*.

Ռուսանալ — гл. — *стать русским*.

Ռուսանվեր — прил. — 1) *подаренный русским народом, Россией*, 2) *преданный русскому народу, России*.

Ռուսպես — нареч. — *как русский, похожий на русского*.

Ռուսվարի — нареч. — 1) *как русские*, 2) *по образцу русских*.

Ռուսատառ — прил. — *русскими буквами (речь идет об использовании русского алфавита при наборе армянского текста)*.

Ռուսացնել — гл. — *русифицировать, превратить в русского (русское)*.

Ռուսացվել — гл. — *русифицироваться, стать русским*.

Ռուսացում — сущ. — *русифицирование, становление русским*.

В словарном фонде армянского языка зафиксированы пять лексем, в составе которых кроме корня *ռուս* (*рус*) присутствует корень *սեր* (*любовь*).

Ռուսասեր — сущ. — *любящий Россию, русских*.

Ռուսասիրարարար — нареч. — *любя Россию и русский народ*.

Ռուսասիրական — прил. — *свойственно любящему русских и Россию*.

Ռուսասիրորեն — нареч. — *как любящий русских и Россию*.

Ռուսասիրություն — сущ. — *любовь к русским и России*.

В результате применения методики сплошной выборки лексем с корнем *ռուս-* (*рус-*) с наличием отрицательных коннотаций, с передачей значения отвержения, обнаружено всего две:

Ռուսատեցություն — сущ. — *русофобия*.

Ռուսատյաց — прил. — *русофобский*.

Отметим в плане акцентирования приоритетов внешнеполитической жизни армянского этноса, что в «Толковом словаре современного армянского языка» Э. Б. Агаяна, например, зафиксировано всего 6 лексем, репрезентирующих концептосферу «Румыния, румыны».

С позиций ЛР парадигмы, актуальное ментальное пространство в его параметрах, установках и предписаниях репрезентируется с помощью лингвистических и риторических средств в дискурс-универсуме, т. е. массиве текстов, продуцируемых и воспринимаемых коллективной ЯЛ этносоциума в данный культурно-исторический период, при этом источником изучения ментальности является любой текст, в большей степени —

аксиологически насыщенный «антропотекст», шире — «антроподискурс» [Берсенева, Ворожбитова 2019: 50]. В связи с этим, в продолжение исследования тезауруса «Толкового словаря современного армянского языка» как исходного лексикографического источника, мы планируем привлечь и другие словари и справочники, изучить паремиологический и фразеологический фонды армянского языка, а также выявить и классифицировать по универсальным ЛР параметрам, помимо собственно политических дискурс-текстов СМИ эпохи «бархатной революции» в РА, классические примеры, прежде всего прецедентные, в армянских художественных и публицистических текстах XVIII—XX вв.

В целом вербально-семантический и тезаурусный блоки словаря современного армянского языка, репрезентирующие микроконцептосферу «Россия, русские» (*Ռուսաստան*, *ռուսներ*) — это часть армянской национальной ЛР картины мира, того ментального пространства, которое формирует (и в котором формируется) совокупная ЯЛ этносоциума Республики Армения в настоящее время, в эпоху «бархатной революции» 2018 г. и постреволюционный период перехода на новый пусть развития. По мере освоения языковой личностью дискурс-универсума как общей для этносоциума ЛР картины мира происходит постижение концептуальной логосно-этосно-пафосной — в ее софийном синтезе — синархии эпохи и формирование личностно значимой иерархии смыслов и духовных ценностей. В терминологии ЛР парадигмы, лингвокогнитивный уровень структуры ЯЛ как носителя индивидуального языкового сознания (тезаурус) преломляет этноспецифическую ЛР картину мира в ее идеологической оболочке; на той же основе развивается ассоциативно-вербальная сеть и во многом — мотивационный уровень (прагматикон). Репрезентации в революционном дискурсе концептов «Россия» и «русские» в положительном контексте, как покровителя и дружественного народа, не вызвали отторжения у армянского этносоциума, прежде всего именно в идеологическом плане. Одна из причин в том, что в картине мира и мировоззрении армян категория союзничества всегда была центральной, а наличие союзника оставалось условием существования (см.: [Лурье 2017: 208]). Соответственно, исследуя феномен формирования и закрепления в ЛР картине мира армянского энтосоциума образов России и русских как покровителя и дружественного народа, на наш взгляд, прежде всего, надо отметить идеологические аспекты дискурсивного процесса — Этос, Логос, Пафос в их софийном синтезе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Менталитет как фундаментальная основа существования коллективной ЯЛ этноса, а в современных многонациональных государствах — совокупной ЯЛ этносоциума, состоящей из ряда коллективных ЯЛ этноса, в том числе титульной(-ых), относительно устойчив, однако на протяжении истории развития цивилизации продолжает меняться под воздействием исторического опыта народа, эволюционных и революционных преобразований уклада общественной жизни. Мировоззренческие основания менталитета подвержены влиянию и целенаправленному воздействию *политического дискурса*, детерминированного идеологическими позициями и интересами, с одной стороны, правящих элит и партий, с другой — оппозиционных социальных групп.

Как система способов оценивания мира менталитет имплицирован в языке, репрезентирован в продуктах речемыслительной деятельности, подвергается изменениям под воздействием внедряемых в коммуникативную практику общества новых концептов-идеологем, оппозиционной и революционной лексики, привлекательных лозунгов и тезисов. Адекватной теоретико-методологической базой для всестороннего исследования механизмов влияния политического дискурса на менталитет совокупной ЯЛ этносоциума выступает интегративная *ЛР парадигма.* Комплексное ЛР рассмотрение системы взаимовлияний «менталитет — язык» становится ключом к пониманию механизмов воздействия СМИ, в том числе манипулирующего, на формирование общественного мнения, на дискурсивные стратегии и тактики консолидации общества с помощью языковых средств, встроенных в риторические структуры, т. е. профессионально используемого с целью влияния на массы ЛР инструментария.

В условиях эпохи глобализации, цифровизации, информационного взрыва и массовой доступности технических средств коммуникации, менталитет общества в целом и отдельной личности подвергается особенно целенаправленным массированным динамическим воздействиям, внедрению в сознание совокупной ЯЛ данного этносоциума новых идеологических акцентов и ценностных иерархий. Репрезентация элементов традиционного мировидения и миропонимания, синтезируемых политиками — «сильными языковыми личностями-концептоносителями» — с новыми, революционными идеями, обеспечивает большую лояльность электората. Благодаря восприятию части новой информации в качестве привычных,

базовых дискурс-этимонов традиционной ЛР картины мира адресат-декодировщик политического дискурса быстрее формирует положительное мнение по тому или иному вопросу, легче адаптируется к новой действительности.

В ракурсе изучения армянского языка как отражения ментальности и менталитета совокупной ЯЛ этносоциума Армении по отношению к «Русскому миру» анализ эмпирического материала показал, что *микроконцептосфера* «*Россия, русские*» *(Ռուսաստան, ռուսներ)* — неотъемлемая часть армянской национальной ЛР картины мира и, следовательно, ментального пространства бытия и функционирования армянской ЯЛ. Исследованный корпус лексем с корнем ռուս- (*рус-*) толкового словаря современного армянского языка позволил сделать вывод о лингвистической закрепленности опыта тесных сотруднических взаимоотношений русского и армянского народов в культурной, духовной, политической, социальной-экономической сферах жизни на протяжении более трех столетий. Данная характеристика как типологическая черта менталитета совокупной ЯЛ этносоциума Республики Армения осталась мировоззренческой константой политического дискурса «бархатной революции» 2018 г. и остается таковой в постреволюционный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаян, Э. Б. Толковый словарь современного армянского языка / Э. Б. Агаян. — Ереван, 1976. — URL: http://www.nayiri.com (дата обращения: 22.05.2020). — Текст: электронный.

2. Анистратенко, И. В. Русский религиозно-философский дискурс начала XX века: лингвориторические параметры групповой языковой личности (на материале сборника «Из глубины» 1918 г.) : моногр. / И. В. Анистратенко, А. А. Ворожбитова. — Сочи : РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2019. — 176 с. — Текст: непосредственный.

3. Анциферова, И. В. К вопросу о сущности и содержании понятий «менталитет» и «ментальность»: содержательный и структурно-фунциональный аспекты / И. В. Анциферова, В. М. Ермаков // Этносоциум. — 2016 — № 2 (92). — С. 32—38. — URL: http://etnosocium.ru/etnosotsium-%E2%84%967-97-2016 (дата обращения: 24.05.2020). — Текст: электронный.

4. Бахтин, М. М. Проблема текста. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин. — Текст: непосредственный // Вопросы литературы. — 1976. — № 10. — С. 122—151.

5. Берсенева, О. Ю. Лингвориторическая организация психолого-прагматического дискурса (на материале популярных книжных серий о достижении успеха) : моногр. / О. Ю. Берсенева, А. А. Ворожбитова. — 3-е изд. — Москва : Флинта, 2019. — 194 с. — Текст: электронный.

6. Ворожбитова, А. А. Лингвориторика: основы речевого самосовершенствования : учеб. пособие по дисциплинам «Культура речи», «Русский язык и культура речи», «Русский язык, культура речи и делового общения», «Речевая коммуникация», «Риторика», «Педагогическая риторика» / А. А. Ворожбитова. — Сочи : РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2018. — 176 с. — Текст: непосредственный.

7. Ворожбитова, А. А. Лингвориторическая призма изучения общественно-политического дискурса в революционный период социального развития / А. А. Ворожбитова. — Текст : электронный // Modern engineering and innovative technologies. Issue 10 / Part 4. 2019а. — С. 15—19.

8. Ворожбитова, А. А. Основы лингвориторической парадигмы : учеб. пособие / А. А. Ворожбитова. — Сочи : РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2019б. — 176 с. — Текст: непосредственный.

9. Ворожбитова, А. А. Официальный дискурсивный фон исторического этапа Великой Отечественной войны: экспрессия Победы в лингвориторике «Правды» 1941—1945 гг. / А. А. Ворожбитова. — Текст : непосредственный // Былые годы. Российский исторический журнал. — 2012. — № 3 (25). — С. 76—81.

10. Ворожбитова, А. А. Русский национальный макродискурс: лингвориторический раскол в ситуации революционного кризиса / А. А. Ворожбитова. — Текст : электронный // Modern engineering and innovative technologies. — 2019в. — Issue 10. — Part 4. — С. 20—25.

11. Ворожбитова, А. А. Филолог-исследователь как профессиональная языковая личность: лингвориторический подход : учебное пособие для бакалавров, магистрантов, аспирантов филологических и педагогических направлений и профилей / А. А. Ворожбитова. — Сочи : РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2019г. — 176 с. — Текст : непосредственный.

12. Ворожбитова, А. А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты : 10.02.19 : дис. … д-ра филол. наук / Ворожбитова А. А. — Краснодар, 2000. — 763 с. — Текст: непосредственный.

13. Ворожбитова, А. А. Лингвориторика концептосферы политического дискурса конца 2010-х гг.: этносоциокультурные вариации (на материале российских и армянских СМИ) / А. А. Ворожбитова, А. А. Минасян. — DOI: 10.30890/2567-5273.2019-10-04-056. — Текст : электронный // Modern engineering and innovative technologies. — 2019. — Issue № 10. — Part 4. — С. 39—42.

14. Дружинина, В. В. Лингвориторические параметры идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А. Ф. Лосев) : моногр. / В. В. Дружинина, А. А. Ворожбитова. — 3-е изд. — Москва : Флинта, 2019. — 152 с. — Текст : электронный.

15. Емелькина, И. В. Российский менталитет: сущность, объем понятия и социальная роль : 09.00.11 : автореф. дис. … д-ра филос. наук : 09.00.11. / Емелькина И. В. — Москва, 2011. — 53 с. — Текст : непосредственный.

16. Кегеян, С. Э. Лингвориторические параметры политического дискурса (на материале текстов идеологов большевизма) : моногр. / С. Э. Кегеян, А. А. Ворожбитова. — 3-е изд. — Москва : Флинта, 2019. — 156 с. — Текст : электронный.

17. Киреева, Т. В. Документально-художественный синтез как дискурсивная стратегия литературной личности: лингвориторический подход (А. И. Солженицын, «Архипелаг ГУЛаг») : моногр. / Т. В. Киреева, А. А. Ворожбитова. — Сочи : РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2020. — 176 с. — Текст : непосредственный.

18. Лурье, С. В. Образ России и русских в современном армянском сознании / С. В. Лурье. — Текст : непосредственный // Историческая психология и социальная история. — 2017. — № 2. — С. 206—227.

19. Минасян, А. А. Лингвориторика концептосферы политического дискурса конца 2010-х гг.: этносоциокультурные вариации (на материале российских и армянских СМИ) / А. А. Минасян. — DOI 10.30890/2567-5273.2019-10-04-057. — Текст : электронный // Modern engineering and innovative technologies. — 2019. — Issue № 10. — Part 4. — С. 43—49.

20. «Новая философская энциклопедия» электронной библиотеки Института философии РАН. — URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH523b1a8f5f21f8487bc452 (дата обращения: 24.05.2020). — Текст : электронный.

21. Полякова, Т. А. Генезис понятия «менталитет» / Т. А. Полякова, Н. И. Ромах. — Текст: электронный // Аналитика культурологии. — 2004. — Вып. 2. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-ponyatiya-mentalitet/viewer (дата обращения: 24.05.2020).

22. Полякова, Т. М. Менталитет полиэтнического общества как фактор политического процесса в России : 23.00.02 : автореф. дис. … д-ра полит. наук / Т. М. Полякова. — Моск-

ва, 1998. — 67 с. — URL: https://www.dissercat.com/content/mentalitet-polietnicheskogo-obshchestva-kak-faktor-politicheskogo-protsessa-v-rossii (дата обращения: 24.05.2020). — Текст : электронный.

23. Протуренко, В. И. Советская аргументативная модель в передовых статьях газеты «Правда» периода Великой Отечественной войны : моногр. / В. И. Протуренко, А. А. Ворожбитова. — 3-е изд. — Москва : Флинта, 2019. — 140 с. — Текст: электронный.

24. Руженцева, Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в современном политическом дискурсе : монография / Н. Б. Руженцева ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004. — 294 с. — Текст : непосредственный.

25. Субботина, И. К. Языковая и литературная личность Аркадия Гайдара в лингвориторических параметрах советского дискурса : монография / И. К. Субботина, А. А. Ворожбитова. — Москва : Ай Пи Ар Медиа, 2020. — 206 с. — Текст : электронный.

26. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — 3-е издание. — Москва : Изд-во МГУ, 2008. — 352 с. — Текст : непосредственный.

27. Хачецукова, З. К. Лингвориторические параметры советского официального дискурса периода Великой Отечественной войны (на материале передовых статей газеты «Правда») : моногр. / З. К. Хачецукова, А. А. Ворожбитова. — Сочи : РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2019. — 176 с. — Текст : непосредственный.

28. Vorozhbitova, A. (2019). Discourse of Communism and Socialist linguistic personality: Rhetorical perspective / A. Vorozhbitova, S. Potapenko, L. Berezovskaya, E. Lebedeva, N. Kushko — Amazonia Investiga. — 2019. — No 8 (23). — P. 739—748. — URL: https://www.amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/view/929. — Text : electronic.

29. Vorozhbitova, A. Linguistic rhetoric of Soviet discourse: official vs personal register (J. Stalin — A. Dovzhenko) / A. Vorozhbitova, S. Potapenko, N. Khachaturova, Y. Khoruzhaya. — https://doi.org/10.34069/AI/2020.29.05.25. — Text : electronic //Amazonia Investiga. — 2020. — No 9 (29). — P. 224—233. — URL: https://www.amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/view/1388.

30. Vorozhbitova, A. The role and place of language in social conflict / A. Vorozhbitova, M. Streltsova, F. Urakova, Z. Nessipbayeva. — https://dx.doi.org/10.2991/mplg-ia-19. 2019.41. — Text : electronic // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. — Vol. 374 : International Conference on Man-Power-Law-Governance: Interdisciplinary Approaches (MPLG-IA 2019), Atlantic Press. — P. 204—207. — URL: https://www.atlantis-press.com/proceedings/mplg-ia-19/125925308.

A. A. Minasyan
Sochi State University, Sochi, Russia
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *Anait-ar-minasyan@mail.ru.*

Political Discourse as an Instrument of Formation of Mentality of a Multinational Society: Linguorhetorical Approach (On the Example of Armenia)

ABSTRACT. *The article characterizes theoretical-methodological foundations of investigation of political discourse as an instrument of formation of the worldview component of the mentality of the aggregate linguistic personality of the multinational society from the positions of the Sochi linguorhetorical scientific school. This factor also facilitated the phenomenon of the "Velvet Revolution" in Armenia in 2018. The results of learning the Armenian language as a reflection of the ethnos's mentality in terms of representation of the microconceptosphere "Russia, Russians" are included in the article as illustrative material. The author argues that the traditional discourse-etymons of the linguorhetorical worldview of the aggregate Armenian linguistic personality, fixing a positive attitude to a friendly state, have been fully preserved in the modern political discourse of Armenia of the epoch of revolution and during the post-revolutionary period and continue to form the mentality of the aggregate Armenian linguistic personality of the multinational society, exercising a positive influence upon the linguistic consciousness of the growing generation into the bargain. The article highlights the role of mass media in this process: under the conditions of globalization, digitalization, information surge and mass availability of technical means of communication, the social mentality in general and the mentality of each particular person are subject to massive purposive dynamic interventions and intrusion of new ideological emphases and value-based hierarchies in the consciousness of the total linguistic personality of the given multinational society. Representation of elements of the traditional worldview and world comprehension synthesized by the politicians – competent linguistic personalities and concept creators – with new revolutionary ideas ensures stronger loyalty of the electorate. The corpus of the lexemes with the root «ռուս-» (rus-) of the explanatory dictionary of the modern Armenian language allows the author to make a conclusion about the linguistic evidence of close relationships between the Russian and the Armenian peoples in the cultural, spiritual, political and socio-economic spheres of life for over more than three centuries.*

KEYWORDS: *political discourse; national mentality; linguistic personality; linguorhetorical worldview; Armenian language; ethnoses; ethnolinguistics; multinational society.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Minasyan Anait Arutyunovna, Post-Graduate Student of Sochi State University, Sochi, Russia.*

FOR CITATION: *Minasyan, A. A.* Political Discourse as an Instrument of Formation of Mentality of a Multinational Society: Linguorhetorical Approach (On the Example of Armenia) / A. A. Minasyan // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 150-161. — DOI.

REFERENCES

1. Agayan, E. B. Explanatory Dictionary of the Modern Armenian Language / E. B. Agayan. — Yerevan, 1976. [Tolkovyy slovar' sovremennogo armyanskogo yazyka / E. B. Agayan. — Erevan, 1976]. — URL: http://www.nayiri.com (date of access: 22.05.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

2. Anistratenko, I. V. Russian Religious and Philosophical Discourse of the Early Twentieth Century: Linguistic Parameters of a Group Linguistic Personality (based on the material from the collection "From the Depth" of 1918): monograph / I. V. Anistratenko, A. A. Vorozhbitova. — Sochi : RIC FSBEI HE "SSU", 2019. — 176 p. — Text : unmediated. [Russkiy religiozno-

filosofskiy diskurs nachala KhKh veka: lingvoritoricheskie parametry gruppovoy yazykovoy lichnosti (na materiale sbornika «Iz glubiny» 1918 g.) : monogr. / I. V. Anistratenko, A. A. Vorozhbitova. — Sochi : RITs FGBOU VO «SGU», 2019. — 176 s. — Tekst: neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Antsiferova, I. V. On the Essence and Content of the Concepts of “Mentality” and “Mentality”: Substantive and Structural-functional aspects / I. V. Antsiferova, V. M. Ermakov // Ethnosocium. — 2016 — No. 2 (92). — P. 32—38. [K voprosu o sushchnosti i soderzhanii ponyatiy «mentalitet» i «mental'nost'»: soderzhatel'nyy i strukturno-funtsional'nyy aspekty / I. V. Antsiferova, V. M. Ermakov // Etnosotsium. — 2016 — № 2 (92). — S. 32—38]. — URL: http://etnosocium.ru/etnosotsium-%E2%84%967-97-2016 (date of access: 24.05.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

4. Bakhtin, M. M. Text Problem. The Experience of Philosophical Analysis / M. M. Bakhtin. — Text : unmediated // Literature issues. — 1976. — No. 10. — P. 122—151. [Problema teksta. Opyt filosofskogo analiza / M. M. Bakhtin. — Tekst: neposredstvennyy // Voprosy literatury. — 1976. — № 10. — S. 122—151]. — (In Rus.)

5. Berseneva, O. Yu. Linguistic and Rhetorical Organization of Psychological and Pragmatic Discourse (based on popular book series on success) : monograph / O. Yu. Berseneva, A. A. Vorozhbitova. — 3rd ed. — Moscow : Flinta, 2019. — 194 p. — Text : electronic. [Lingvoritoricheskaya organizatsiya psikhologo-pragmaticheskogo diskursa (na materiale populyarnykh knizhnykh seriy o dostizhenii uspekha) : monogr. / O. Yu. Berseneva, A. A. Vorozhbitova. — 3-e izd. — Moskva : Flinta, 2019. — 194 s. — Tekst: elektronnyy]. — (In Rus.)

6. Vorozhbitova, A. A. Linguistics: the Basics of Speech Self-improvement: textbook on the disciplines “Speech Culture”, “Russian Language and Speech Culture”, “Russian Language, Speech and Business Communication Culture”, “Speech Communication”, “Rhetoric”, “Pedagogical Rhetoric” / A. A. Vorozhbitova. — Sochi : RIC FSBEI HE “SSU”, 2018. — 176 p. — Text : unmediated. [Lingvoritorika: osnovy rechevogo samosovershenstvovaniya : ucheb. posobie po distsiplinam «Kul'tura rechi», «Russkiy yazyk i kul'tura rechi», «Russkiy yazyk, kul'tura rechi i delovogo obshcheniya», «Rechevaya kommunikatsiya», «Ritorika», «Pedagogicheskaya ritorika» / A. A. Vorozhbitova. — Sochi : RITs FGBOU VO «SGU», 2018. — 176 s. — Tekst: neposredstvennyy]. — (In Rus.)

7. Vorozhbitova, A. A. Linguistic Prism of the Study of Socio-political Discourse in the Revolutionary Period of Social Development / A. A. Vorozhbitova. — Text : electronic // Modern Engineering and Innovative Technologies. Issue 10 / Part 4. 2019a. — P. 15—19. [Lingvoritoricheskaya prizma izucheniya obshchestvenno-politicheskogo diskursa v revolyutsionnyy period sotsial'nogo razvitiya / A. A. Vorozhbitova. — Tekst : elektronnyy // Modern engineering and innovative technologies. Issue 10 / Part 4. 2019a. — S. 15—19]. — (In Rus.)

8. Vorozhbitova, A. A. Fundamentals of the Linguistic Paradigm : textbook / A. A. Vorozhbitova. — Sochi : RIC FSBEI HE “SSU”, 2019b. — 176 p. — Text : unmediated. [Osnovy lingvoritoricheskoy paradigmy : ucheb. posobie / A. A. Vorozhbitova. — Sochi : RITs FGBOU VO «SGU», 2019b. — 176 s. — Tekst: neposredstvennyy]. — (In Rus.)

9. Vorozhbitova, A. A. The official Discursive Background of the Historical Stage of the Great Patriotic War: Expression of Victory in the Linguistics Rhetoric of Pravda 1941—1945. / A. A. Vorozhbitova. — Text : unmediated // Past Years. Russian Historical Journal. — 2012. — No. 3 (25). — P. 76—81. [Ofitsial'nyy diskursivnyy fon istoricheskogo etapa Velikoy Otechestvennoy voyny: ekspressiya Pobedy v lingvoritorike «Pravdy» 1941—1945 gg. / A. A. Vorozhbitova. — Tekst : neposredstvennyy // Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal. — 2012. — № 3 (25). — S. 76—81]. — (In Rus.)

10. Vorozhbitova, A. A. Russian National Macro-discourse: Linguistic Split in a Situation of Revolutionary Crisis / A. A. Vorozhbitova. — Text : electronic // Modern Engineering and Innovative Technologies. — 2019 — Issue 10. — Part 4. — P. 20—25. [Russkiy natsional'nyy makrodiskurs: lingvoritoricheskiy raskol v situatsii revolyutsionnogo krizisa / A. A. Vorozhbitova. — Tekst : elektronnyy // Modern engineering and innovative technologies. — 2019v. — Issue 10. — Part 4. — S. 20—25]. — (In Rus.)

11. Vorozhbitova, A. A. Philologist-researcher as a Professional Linguistic Personality: Linguistic Approach : a manual for bachelors, undergraduates, graduate students of philological and pedagogical areas and profiles / A. A. Vorozhbitova. — Sochi : RIC FSBEI HE “SSU”, 2019. — 176 p. — Text : unmediated. [Filolog-issledovatel' kak professional'naya yazykovaya lichnost': lingvoritoricheskiy podkhod : uchebnoe posobie dlya bakalavrov, magistrantov, aspirantov filologicheskikh i pedagogicheskikh napravleniy i profiley / A. A. Vorozhbitova. — Sochi : RITs FGBOU VO «SGU», 2019g. — 176 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

12. Vorozhbitova, A. A. Linguistic and Rhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects : 02.10.19 : doctoral thesis ... of Dr. of Philol. Sciences / Vorozhbitova A. A. — Krasnodar, 2000. — 763 p. — Text : unmediated. [Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty : 10.02.19 : dis. … d-ra filol. nauk / Vorozhbitova A. A. — Krasnodar, 2000. — 763 s. — Tekst: neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Vorozhbitova, A. A. Linguistic Rhetoric of the Conceptual Sphere of Political Discourse of the Late 2010s: Ethnosociocultural Variations (based on Russian and Armenian media) / A. A. Vorozhbitova, A. A. Minasyan. — DOI: 10.30890 / 2567-5273.2019-10-04-056. — Text: electronic // Modern engineering and innovative technologies. — 2019. — Issue No. 10. — Part 4. — P. 39—42. [Lingvoritorika kontseptosfery politicheskogo diskursa kontsa 2010-kh gg.: etnosotsiokul'turnye variatsii (na materiale rossiyskikh i armyanskikh SMI) / A. A. Vorozhbitova, A. A. Minasyan. — DOI: 10.30890/2567-5273.2019-10-04-056. — Tekst : elektronnyy // Modern engineering and innovative technologies. — 2019. — Issue № 10. — Part 4. — S. 39—42]. — (In Rus.)

14. Druzhinina, V. V. Linguistic and Rhetorical Parameters of the Idiostyle as an Expression of the Mentality of the Scientist's Linguistic Personality (A. F. Losev) : monograph / V. V. Druzhinina, A. A. Vorozhbitova. — 3rd ed. — Moscow : Flinta, 2019. — 152 p. — Text : electronic. [Lingvoritoricheskie parametry idiostilya kak vyrazhenie mentaliteta yazykovoy lichnosti uchenogo (A. F. Losev) : monogr. / V. V. Druzhinina, A. A. Vorozhbitova. — 3-e izd. — Moskva : Flinta, 2019. — 152 s. — Tekst : elektronnyy]. — (In Rus.)

15. Emel'kina, I. V. Russian Mentality: Essence, Scope of the Concept and Social Role : 09.00.11 : synopsis of doctoral thesis ... of Dr. of Philos. Sciences: 09.00.11. / Emelkina I. V. — Moscow, 2011. — 53 p. — Text : unmediated. [Rossiyskiy mentalitet: sushchnost', ob"em ponyatiya i sotsial'naya rol' : 09.00.11 : avtoref. dis. … d-ra filos. nauk : 09.00.11. / Emel'kina I. V. — Moskva, 2011. — 53 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Kegeyan, S. E. Linguistic and Rhetorical Parameters of Political Discourse (based on the texts of the ideologues of Bolshevism) : monograph / S. E. Kegeyan, A. A. Vorozhbitova. — 3rd ed. — Moscow : Flinta, 2019. — 156 p. — Text : electronic. [Lingvoritoricheskie parametry politicheskogo diskursa (na materiale tekstov ideologov bol'shevizma) : monogr. / S. E. Kegeyan, A. A. Vorozhbitova. — 3-e izd. — Moskva : Flinta, 2019. — 156 s. — Tekst : elektronnyy]. — (In Rus.)

17. Kireeva, T. V. Documentary-artistic Synthesis as a Discursive Strategy of the Literary Personality: a Linguistic Approach (A. I. Solzhenitsyn, “Gulag Archipelago”) : monograph / T. V. Kireeva, A. A. Vorozhbitova. — Sochi : RIC FSBEI HE “SSU”, 2020. — 176 p. — Text : unmediated. [Dokumental'no-khudozhestvennyy sintez kak diskursivnaya strategiya literaturnoy lichnosti: lingvoritoricheskiy podkhod (A. I. Solzhenitsyn, «Arkhipelag GULag») : monogr. / T. V. Kireeva, A. A. Vorozhbitova. — Sochi : RITs FGBOU VO «SGU», 2020. — 176 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

18. Lur'e, S. V. Image of Russia and Russians in the Modern Armenian Consciousness / S. V. Lurie. — Text : unmediated // Historical Psychology and Social History. — 2017. — No. 2. — P. 206—227. [Obraz Rossii i russkikh v sovremennom armyanskom soznanii / S. V. Lur'e. — Tekst : neposredstvennyy // Istoricheskaya psikhologiya i sotsial'naya istoriya. — 2017. — № 2. — S. 206—227]. — (In Rus.)

19. Minasyan, A. A. Linguistic Rhetoric of the Conceptual Sphere of Political Discourse of the Late 2010s: Ethnosociocultural Variations (based on Russian and Armenian media) / A. A. Minasyan. — DOI 10.30890 / 2567-5273.2019-10-04-057. —

Text: electronic // Modern engineering and innovative technologies. — 2019. — Issue No. 10. — Part 4. — P. 43—49. [Lingvoritorika kontseptosfery politicheskogo diskursa kontsa 2010-kh gg.: etnosotsiokul'turnye variatsii (na materiale rossiyskikh i armyanskikh SMI) / A. A. Minasyan. — DOI 10.30890/2567-5273.2019-10-04-057. — Tekst : elektronnyy // Modern engineering and innovative technologies. — 2019. — Issue № 10. — Part 4. — S. 43—49]. — (In Rus.)

20. "New Philosophical Encyclopedia" of the Electronic Library of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences [«Novaya filosofskaya entsiklopediya» elektronnoy biblioteki Instituta filosofii RAN]. — URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH523b1a8f5f21f8487bc452 (date of access: 24.05.2020). — Text : electronic.

21. Polyakova, T. A. Genesis of the Concept of "Mentality" / T. A. Polyakova, N. I. Romakh. — Text : electronic // Analytics of Cultural Studies. — 2004. — Vol. 2. [Genezis ponyatiya «mentalitet» / T. A. Polyakova, N. I. Romakh. — Tekst: elektronnyy // Analitika kul'turologii. — 2004. — Vyp. 2]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-ponyatiya-mentalitet/viewer (date of access: 24.05.2020). — (In Rus.)

22. Polyakova, T. M. The Mentality of a Multi-ethnic Society as a Factor in the Political Process in Russia : 23.00.02 : synopsis of doctoral thesis ... of Dr. of Political Sciences / T. M. Polyakova. — Moscow, 1998. — 67 p. [Mentalitet polietnicheskogo obshchestva kak faktor politicheskogo protsessa v Rossii : 23.00.02 : avtoref. dis. … d-ra polit. nauk / T. M. Polyakova. — Moskva, 1998. — 67 s.]. — URL: https://www.dissercat.com/content/mentalitet-polietnicheskogo-obshchestva-kak-faktor-politicheskogo-protsessa-v-rossii (date of access: 24.05.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

23. Proturenko, V. I. The Soviet Argumentative Model in Editorials of the Newspaper "Pravda" during the Great Patriotic War : monograph / V. I. Proturenko, A. A. Vorozhbitova. — 3rd ed. — Moscow : Flinta, 2019. — 140 p. — Text : electronic. [Sovetskaya argumentativnaya model' v peredovykh stat'yakh gazety «Pravda» perioda Velikoy Otechestvennoy voyny : monogr. / V. I. Proturenko, A. A. Vorozhbitova. — 3-e izd. — Moskva : Flinta, 2019. — 140 s. — Tekst: elektronnyy]. — (In Rus.)

24. Ruzhentseva, N. B. Discrediting Tactics and Techniques in Modern Political Discourse : monograph / N. B. Ruzhentseva ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2004. — 294 p. — Text : unmediated. [Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v sovremennom politicheskom diskurse : monografiya / N. B. Ruzhentseva ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2004. — 294 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

25. Subbotina, I. K. Linguistic and Literary Personality of Arkady Gaidar in the Linguistic Parameters of Soviet Discourse : monograph / I. K. Subbotina, A. A. Vorozhbitova. — Moscow : IP Media, 2020. — 206 p. — Text : electronic. [Yazykovaya i literaturnaya lichnost' Arkadiya Gaydara v lingvoritoricheskikh parametrakh sovetskogo diskursa : monografiya / I. K. Subbotina, A. A. Vorozhbitova. — Moskva : Ay Pi Ar Media, 2020. — 206 s. — Tekst : elektronnyy]. — (In Rus.)

26. Ter-Minasova, S. G. Language and Intercultural Communication / S. G. Ter-Minasova. — 3rd edition. — Moscow : Publishing House of Moscow State University, 2008. — 352 p. — Text : unmediated. [Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya / S. G. Ter-Minasova. — 3-e izdanie. — Moskva : Izd-vo MGU, 2008. — 352 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

27. Khachetsukova, Z. K. Linguistic and Rhetorical Parameters of the Soviet Official Discourse of the Great Patriotic War (based on leading articles of the newspaper Pravda) : monograph / Z. K. Khachetsukova, A. A. Vorozhbitova. — Sochi : RIC FSBEI HE "SSU", 2019. — 176 p. — Text : unmediated. [Lingvoritoricheskie parametry sovetskogo ofitsial'nogo diskursa perioda Velikoy Otechestvennoy voyny (na materiale peredovykh statey gazety «Pravda») : monogr. / Z. K. Khachetsukova, A. A. Vorozhbitova. — Sochi : RITs FGBOU VO «SGU», 2019. — 176 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

28. Vorozhbitova, A. (2019). Discourse of Communism and Socialist linguistic personality: Rhetorical perspective / A. Vorozhbitova, S. Potapenko, L. Berezovskaya, E. Lebedeva, N. Kushko — Amazonia Investiga. — 2019. — No 8 (23). — P. 739—748. — URL: https://www.amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/view/929. — Text : electronic.

29. Vorozhbitova, A. Linguistic rhetoric of Soviet discourse: official vs personal register (J. Stalin — A. Dovzhenko) / A. Vorozhbitova, S. Potapenko, N. Khachaturova, Y. Khoruzhaya. — https://doi.org/10.34069/AI/2020.29.05.25. — Text : electronic //Amazonia Investiga. — 2020. — No 9 (29). — P. 224—233. — URL: https://www.amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/view/1388.

30. Vorozhbitova, A. The role and place of language in social conflict / A. Vorozhbitova, M. Streltsova, F. Urakova, Z. Nessipbayeva. — https://dx.doi.org/10.2991/mplg-ia-19. 2019.41. — Text : electronic // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. — Vol. 374 : International Conference on Man-Power-Law-Governance: Interdisciplinary Approaches (MPLG-IA 2019), Atlantic Press. — P. 204—207. — URL: https://www.atlantis-press.com/proceedings/mplg-ia-19/125925308.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК Ш141.12-51-Ш141.12-55 *ГСНТИ 16.21.33; 16.31.61* *Код ВАК 10.02.19; 10.02.01*
DOI

А. Н. Баранов
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия
ORCID ID: — ☑

Л. А. Ерохина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *baranov_anatoly@hotmail.com; erokhinaludmila074@gmail.com.*

Унижение и оскорбление в дискурсивном измерении

АННОТАЦИЯ. *В статье обсуждаются различия юридического и естественно-языкового понимания категорий «унижение» и «оскорбление». Особое внимание уделено проблеме употребления данных семантических категорий в дискурсивном измерении, то есть их соотношению с понятиями «речевая стратегия» и «речевое действие». Материалом анализа стали определения Уголовного и Административного кодекса РФ, около тысячи контекстов объемом от одного предложения до небольшого текстового фрагмента, взятых из Национального корпуса русского языка, интернет-библиотеки «Google.books.ru», коммуникации Рунета, представленной в блогах, на форумах и в социальных сетях; с новостных интернет-сайтов. Помимо текстовых фрагментов, материалом для анализа послужили мультимедийные объекты — сцены из кинофильмов, в которых изображены ситуации унижения или оскорбления. В общем случае оскорбление — это одиночный речевой акт, а унижение — речевая стратегия, которая может реализоваться как в одиночном, так и в сложном речевом (и не только речевом) акте. Используя многочисленные оскорбления, субъект (или группа субъектов) может реализовать не стратегию оскорбления, а стратегию унижения, то есть окончательным результатом серии спланированных оскорблений все равно становится унижение. Во избежание возникновения коллизий в экспертной и судебной практике по делам об унижении достоинства и оскорблении необходимо, чтобы оба данных понятия (а не только оскорбление) получили определение в законе. При этом важно, чтобы данные определения не входили в существенные противоречия с употреблением соответствующих понятий в речевой практике носителей русского языка.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *унижения; оскорбления; судебная лингвистическая экспертиза; юридический дискурс; речевые стратегии; речевое поведение; русский язык; нормативно-правовые акты.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Баранов Анатолий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальной лексикографии, Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук; 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; e-mail: baranov_anatoly@hotmail.com.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ерохина Людмила Алексеевна, аспирант-экстерник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук; 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; e-mail: erokhinaludmila074@gmail.com.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Баранов, А. Н.* Унижение и оскорбление в дискурсивном измерении / А. Н. Баранов, Л. А. Ерохина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 162-170. — DOI.

ПРАВОВАЯ СТОРОНА УНИЖЕНИЯ И ОСКОРБЛЕНИЯ

Семантические категории унижения и оскорбления фигурируют как в сфере права, так и в наивном языковом сознании, отражаясь в лексике, синтаксисе и структуре дискурса. Соответствующие юридические понятия представлены, в частности, в диспозициях ст. 282 УК РФ (в случае привлечения лица к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года) и 20.3.1 КоАП РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), ст. 319 УК РФ («Оскорбление представителя власти»), ст. 336 УК РФ («Оскорбление военнослужащего») и ст. 5.61 КоАП РФ («Оскорбление», до 2012 г. — ст. 130 УК РФ), а также с марта 2019 г. — в ст. 20.1.3 КоАП РФ («Распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети „Интернет“, информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации»).

В ст. 5.61 КоАП РФ (до 2012 г. — ст. 130 УК РФ) оскорбление определяется «как унижение чести и достоинства другого лица,

© Баранов А. Н., Ерохина Л. А., 2020

выраженное в неприличной форме». При этом понятие унижения, будучи по логике законодателя родовым по отношению к оскорблению, в законе никак не определяется.

Более того, анализируя тексты комментариев к УК РФ, легко заметить, что их авторы не только по-разному интерпретируют понятие унижения (комментируя ст. 282 УК РФ), но и зачастую толкуют унижение через оскорбление: «…объективную сторону преступления могут составлять действия, состоящие в унижении достоинства отдельного лица или группы лиц по любому признаку из числа названных выше. Это может проявиться в пропаганде превосходства либо, наоборот, неполноценности граждан, а также в оскорблении человека по признакам его пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе» [Рарог 2019: 727].

ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ УНИЖЕНИЯ И ОСКОРБЛЕНИЯ

Различия в юридической трактовке категорий унижения и оскорбления усугубляются тем, что в сфере наивной логики (о понятии естественной логики см., в частности: [Лакофф 1985]), отраженной в естественном языке, унижение и оскорбление воспринимаются носителями языка совершенно по-другому. По семантике и по употреблению в дискурсе слова *оскорбление* и *унижение* (и соответствующие глаголы, а также другие формы того же словообразовательного гнезда) в современном русском языке не находятся в отношении «род — вид». В русском языке данными лексемами можно охарактеризовать гораздо более широкий класс ситуаций. Так, оскорблением с наивной, бытовой точки зрения можно назвать как ситуацию использования слов и выражений, имеющих неприличную форму, так и такие случаи, когда демонстрируется вызывающий жест, производится непристойное действие, когда игнорируются очевидные моральные нормы, что проявляется в поведении людей, но никак не подпадает под действие соответствующих статей КоАПа или УК РФ.

Для того чтобы изучить особенности функционирования указанных лексем в естественном языке, нами было проанализировано около тысячи контекстов объемом от одного предложения до небольшого текстового фрагмента, взятых из НКРЯ, интернет-библиотеки «Google.books.ru», коммуникации Рунета, представленной в блогах, на форумах и в социальных сетях; с новостных интернет-сайтов (более подробное изложение результатов этого исследования см.: [Баранов, Ерохина 2020]). Примеры из НКРЯ не отбирались случайным образом, а собирались методом сплошной выборки.

Материалом для анализа послужил корпус примеров, в которых носители языка в явном виде — в качестве метатекстового комментария [1] — квалифицируют соответствующий текстовый фрагмент как оскорбление и/или унижение. Анализируемые тексты относились к разговорному, художественному (рассматривались в том числе драматические произведения) и публицистическому функциональным стилям. Помимо текстовых фрагментов, материалом для анализа послужили мультимедийные объекты — сцены из кинофильмов, в которых изображены ситуации унижения или оскорбления.

Наряду с существенными различиями в семантике языковых проявлений рассматриваемых феноменов — элементов лексикона, обнаружились существенные различия в функционировании категорий унижения и оскорбления в дискурсе. Как известно, существуют коммуникативные интенции, которые реализуются преимущественно в виде отдельных речевых действий (речевых актов). К ним относятся, в частности, иллокуции вопроса, обещания, обязательства. Многие другие коммуникативные намерения чаще выражается посредством коммуникативных стратегий, т. е. «комплекса речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 1999: 54]. К интенциям такого рода относятся аргументация, оправдание, уговоры, пропаганда [2] и др.

Применительно к рассматриваемым категориям унижения и оскорбления по исследованному материалу можно сделать вывод, что в обычном случае **оскорбление** — это одиночный речевой акт, а **унижение** — речевая стратегия, которая может быть как одиночным, так и сложным речевым (и не только речевым) актом.

Например, в следующем фрагменте пьесы персонаж по имени Генри квалифицирует как ***унижение*** определенную линию поведения своего начальника, включающую как вербальные, так и невербальные проявления. По мнению говорящего, целью начальника было сделать его жизнь невыносимой:

(1)

ГЕНРИ. Вот-вот. Начальник стал унижать меня, причем открыто, при всех. Ставил под сомнение мою работу, грозил увольнением. Я сам подумывал о том, чтобы уйти, но не мог. Я привык к рабочему месту. Понимаете, миссис, для меня трудно что-то менять в жизни. А вдруг будет хуже?

ЭЛИЗА. Бедный сэр Генри.

ГЕНРИ. Я терпел. Говорил себе: «Подожди, когда-нибудь всё изменится». Но

ничего не менялось. Начальник, будто поставил себе цель: сделать мою жизнь на работе невыносимой. Особенно мне запомнился случай…

ЭЛИЗА. Какой, сэр? Расскажите.

ГЕНРИ. Как-то во время обеденного перерыва он подозвал меня и протянул конфету.

ЭЛИЗА. Конфету, сэр?

ГЕНРИ. Накануне у нас был «корпоратив», осталась коробка с шоколадным ассорти. И вот он достал конфету и сказал, чтобы я «служил».

ЭЛИЗА. Служили?

ГЕНРИ. Да, как дренированный песик, понимаете? [Костенко К. Баскервиль-холл, собака, точка].

Из приведенного примеры хорошо видно, что начальник героя пьесы ставил его в такие ситуации, в которых тот вынужден был вести себя как собака, выпрашивающая угощение хозяина, что очевидно унижает человеческое достоинство. При этом были и другие случаи, когда начальник предъявлял претензии к работе героя пьесы и обещал его уволить. Все это Генри называет унижением: *Начальник стал унижать меня, причем открыто, при всех*.

В то же время в другом примере, аргументируя свое нежелание становиться продавщицей, героиня говорит о том, что в детстве терпела **оскорбления** от продавцов, при этом подразумевается последовательность отдельных речевых действий (каждый поход в магазин — *всю мою жизнь*, как отмечает героиня пьесы):

(2)

А. А кто ссорится? Никто не ссорится. Ты будешь реализатором. По-новому. А по-старому — продавщицей.

Л. Я?..

А. Ну, а кто?

Л. Продавщицей?..

А. Ты что, и этого не умеешь?

Л. Нет!.. Я за прилавок не стану! Я всегда была — по другую сторону! И я — ни-ко-гда!..

С. (перебивает). Люся…

Л. (по секвенции). Я их всех ненавижу… Всю мою жизнь они меня оскорбляли… С малолетства до седых волос… Я в магазин — как на войну шла! Как они над людьми издевались!.. (С сильным чувством.) Продавщицы!.. [Коломенский М. Три старушки вечерком].

Действительно, в каждом случае продавцы были разные и они действовали, не сговариваясь, независимо друг от друга, то есть говорить о стратегии оскорбления в данном случае невозможно.

В связи с этим словосочетание *постоянные оскорбления* (множественное число) — это последовательность речевых актов, а *постоянное унижение* — стратегия:

(3)

Про тяжелую судьбу на чужбине рассказал нападающий «Фейеноорда» Робин ван Перси.

«В Англии я терпел постоянные оскорбления и издевательства. На каждом выездном матче слышал оскорбительные кричалки в свой адрес. Чувствовал негатив на протяжении всех 11 лет, проведенных в Англии <…>» [Спортивный интернет-сайт].

(4)

24-летняя Валерия решилась публично заявить, что командир принуждал ее к интимной связи. Постоянное унижение, грязные намеки и психологическое насилие она терпела почти год. «Говорил, что я должна делать ему хорошо, удовлетворять его в сексуальном плане. Пытался меня обнять, прижать к себе. За ногу погладить. За руки взять» [Новостной интернет-сайт].

В примере (3) субъекты оскорбления (авторы оскорбительных кричалок) — это разные лица, в то время как субъект унижения в примере (4) — это один человек, командир Валерии. Разумеется, и постоянно оскорблять может один человек, но он реализует в этом случае не стратегию оскорбления, а стратегию унижения, т. е. окончательный результат серии спланированных оскорблений все равно унижение (см. ниже разбор фильма Р. Быкова «Чучело»). Множественное оскорбление со стороны одного субъекта или группы субъектов — это инструмент для унижения. Например, в случае доведения до самоубийства, которое, согласно диспозиции ст. 110 УК РФ, может осуществляться путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего.

Известно, что речевые акты, наряду с иллокуцией (манифестируемой целью говорящего), характеризуются перлокуцией — воздействием высказывания на поведение, мысли и чувства адресата [Остин Дж. 1986: 22—29]. Отличия перлокутивного эффекта оскорбления и унижения также наглядно демонстрируют соответствующие примеры употреблений. В частности, упомянутый выше персонаж по имени Генри терпел унижающее его поведение начальника, не смел дать тому отпор, доведя себя в итоге до болезни и увольнения:

(5)

Я намекнул, что это гнусно: пользуясь экономической ситуацией в стране, заставлять человека выслуживаться, как собачку. Но он стал обвинять меня в том,

что я не понимаю шуток, что, будто бы, я всё слишком серьезно воспринимаю. Пришлось ему подыграть. И всё это при коллегах, у всех на виду… Позже один из сослуживцев посоветовал мне дать ему в морду. Но это было невозможно! Я — образованный человек, поймите. В моей семье не учили рукоприкладствовать. Я всегда полагал, что люди должны уметь договариваться, убеждать друг друга при помощи слов <…> Однажды я пришел на работу, сел за стол и, вместо того, чтобы, как всегда, взяться за бумаги и файлы, начал рассуждать: что для меня лучше: дать в морду или дальше терпеть унижения? И так я просидел около четырех часов подряд. Пока не подошел начальник и не поинтересовался, почему я не работаю. Тогда у меня случилась истерика, припадок… Увезли на «скорой» <…> После этого я вынужден был уволиться? [Костенко К. Баскервиль-холл, собака, точка].

То есть унижение имело в разобранном случае в качестве перлокутивного эффекта истерику, припадок и вызов «скорой помощи» для объекта унижения.

В то же время оскорбление, как правило, вызывает более быструю и более резкую реакцию, поэтому реализуется либо в виде последовательности отдельных речевых актов, либо в виде единственного речевого акта:

(6)

ГОЛОС ДИНЫ. Да отлипни сказала, псих!

ГОЛОС СТОРОЖА. За оскорбление, знаешь, что бывает? Стой, кому говорят! Я тут ответственный!

В мойку стремительно входит ДИНА с преследующим и пытающимся её остановить СТОРОЖЕМ .

ДИНА. (отталкивает Сторожа). Заткнись, зараза, пока я тебе… (Собравшимся.) Жируете, да?

ГОРБУШКА. Динка! Откуда плывёшь ? (Помогает ей отцепить руку Сторожа.) Ты чего взбесился сегодня, Шмоныч?

СТОРОЖ. Она при посторонних меня обозвала! [Иванов А. Человек вне сюжета].

(7)

Инженер: — Какая же ты сволочь!

Философ: — За оскорбление суда можно и ответить!

Инженер: — Можно подумать, что, не оскорбляя тебя, я могу рассчитывать на какое-то снисхождение!

Философ: — Это вряд ли… [Ковнир В. Здравствуй, дедушка Мороз].

ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ УНИЖЕНИЯ И ОСКОРБЛЕНИЯ В МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ

Наглядно реализация стратегии унижения может быть продемонстрирована на примере мультимодальных материалов, предполагающих использование различных сенсорных каналов. Сочетание визуального и аудиального ряда позволяет акцентировать внимание зрителя не только на речевом поведении персонажа, но и на определенных жестах, позах, физических действиях, особенностях интонации и др., использующихся при унижающем поведении. Несмотря на то, что игровое кино имеет дело с вымышленной реальностью, работа режиссера, актеров, сценариста, оператора нацелена на то, чтобы изобразить действительность достоверно, сделать ситуации, воплощенные на экране, узнаваемыми для зрителя и тем самым вызвать у него эмоциональный отклик. Поэтому игровые фильмы представляют собой интересный материал для анализа с точки зрения исследования феноменов оскорбления и унижения.

Так, в новелле «Напарник» из комедийного фильма «Операция „Ы“ и другие приключения Шурика» (1965, реж. Л. Гайдай) хулиган Федор (Федя) в исполнении актера Алексея Смирнова последовательно реализует стратегию унижения по отношению к работникам стройки, в первую очередь — к Шурику (Александр Демьяненко). В милицейском участке, где Федю приговаривают к 15 суткам исправительных работ за хулиганство, тот бросает в адрес Шурика: «*Студент!*» — указывая таким образом на молодой возраст, а также неуместную — даже в каком-то смысле предосудительную — интеллигентность и слабохарактерность своего оппонента, а также на его более низкий статус в представлениях Федора о социальном доминировании: главный в ситуации — тот, кто физически сильнее.

На стройке, когда выясняется, что Федору придется работать под руководством Шурика, тот не соглашается занять подчиненное положение. В ответ на приветственное обращение Шурика «*Ну, теперь поработаем!*» Федя с агрессией в интонации отвечает: «*Сработаемся*» — и далее демонстрирует собственное физическое превосходство, сгибая металлический прут, поднимая тяжелую батарею, раскалывая кирпич о колено и о голову. В данном случае, как и в последующем классическом диалоге *о несчастных случаях на стройке,* помимо стратегии унижения (демонстрации физического превосходства), реализуется стратегия устрашения. Далее Федор приказывает Шу-

рику: «*Пошли!*» — и первым начинает движение, демонстрируя таким образом, что отказывается воспринимать Шурика как своего начальника. При проходе через узкий дверной проем Федор не пропускает Шурика вперед, а нарочно протискивается одновременно с ним, толкая его и занимая собой бóльшую часть пространства (см. рис. 1).

Во время обеда, уплетая шашлык с шампура, Федор заявляет пьющему кефир Шурику: «*Кто не работает, тот ест. Учись, студент!*» — показывая таким образом свою бóльшую успешность, умение устроиться в жизни, позволяющее ему свысока поучать собеседника. Выражение гнева на лице Шурика и его физическая реакция (поперхнулся кефиром) показывают, что слова Федора задели его. Отдельно следует отметить, что первый раз свою нравоучительную реплику Федор произносит с набитым ртом так, что Шурик даже не может разобрать ее. Демонстративное нарушение постулатов общения Г. П. Грайса («Выражайся ясно») [Грайс Г. П. 1985: 217—237], правил поведения за столом также является частью унижающей стратегии Феди.

После обеда Федя предлагает Шурику воспитывать его: «*Давай бухти мне, как космические корабли бороздят Большой театр, а я посплю!*». Понятно, что требование воспитывать со стороны воспитуемого в адрес воспитателя, да еще и абсурдное пропозициональное содержание побуждения носят очевидно оскорбительный характер, представляя угрозу общественному лицу Шурика.

Стратегия поведения Феди меняется только в заключительной части фильма, когда Шурик берет над ним верх и мстит при помощи унизительной для Феди *разъяснительной работы.* В этой сцене расстановка ролей между персонажами меняется: Федя начинает обращаться к Шурику на Вы, в его статусной принадлежности подчеркивает не молодость и слабохарактерность, а гуманизм (*Шурик, Вы комсомолец? Это же не наш метод!*), предпринимаются попытки разжалобить (*Может, не надо, Шурик?*).

Таким образом, общая стратегия унижения в данном случае реализуется в последовательности актов оскорбления и собственно унижения.

Стратегия унижения часто передается художественными средствами в драматических кинокартинах. Так, в фильме «Чучело» (1983, реж. Р. Быков) по одноименной повести Владимира Железникова героиня Лена Бессольцева (в исполнении Кристины Орбакайте) подвергается унижению со стороны одноклассников. В психологии это явление носит название *буллинг* — «неоднократные агрессивные проявления (физическая агрессия, унижение, оскорбления, бойкот) одного или нескольких человек в группе в отношении неспособного противостоять им члена группы» [Гудзовская, Манухина, Проскурина 2017: 42]. На протяжении всего фильма одноклассники совершают разнообразные речевые и неречевые действия, унижающие достоинство Лены: обзывают ее (не только *чучелом*, но и *доносчицей*, *подлизой*, *ябедой*, *предательницей* и др.), зажимают в углу, бьют, кидают лицом на землю, высмеивают особенности внешности (*У нее рот до ушей, хоть завязочки пришей!*) и образ жизни ее дедушки (*Я тебе дам тряпочку, будешь, как твой дедушка, заплаточница*), передразнивают, отпускают издевательские шутки. Например, Шмакова (актриса Анна Толмачева) говорит Лене Бессольцевой: «*Передай дедушке, что мы его все поздравляем и что у него внучка, точно как он!*» При этом она поворачивается к Лене спиной и незаметно для нее комментирует ситуацию жестом, указывающим на сумасшествие — крутит пальцем у виска (см. рис. 2).

Рис. 1

Рис. 2

Не видя этого жеста, Лена интерпретирует сказанное как комплимент: «*Да, мы с дедушкой два сапога пара!*» — чем дает повод одноклассникам посмеяться над ее простодушием. В конце концов ребята объявляют Лене бойкот за якобы совершенное предательство, надевают ее платье на чучело и устраивают символическое сожжение «предателя».

Очевидно, что в данном случае реализуется именно стратегия унижения, по сюжету осуществлявшаяся на протяжении нескольких месяцев. Столь длительное унижение оказалось возможным, поскольку Лена долгое время не могла дать отпор одноклассникам и принимала их сторону, о чем она говорит дедушке, например, в следующей реплике: «*Ты думаешь, я бросилась на них с кулаками? Наоборот, я стала тебя стыдиться*». Точно так же и Шурик в описанном выше примере не мог оказать сопротивления Феде, поскольку их физические силы были неравны, и только хитростью смог переломить ситуацию и заставить Федю прекратить унижающее поведение.

Резюмируя, следует отметить, что в рассматриваемом примере стратегия унижения была реализована в отдельных актах вербального и невербального оскорбления и унижения Лены Бессольцевой. При этом школьники в этом случае действовали как коллективный субъект, т. е. договаривались о стратегии своего поведения по отношению к Лене. Это особенно наглядно демонстрирует, например, голосование за объявление бойкота.

В фильме «Горькая луна» («Bitter moon», 1992, реж. Р. Полански) персонаж по имени Оскар (Питер Койот) целенаправленно избирает стратегию унижающего поведения, чтобы избавиться от поднадоевшей любовницы Мими (Эммануэль Сенье): *В каждом человеке спрятан садист. Быстрее всего он выходит наружу, когда кто-то всецело зависит от вас. Она была согласна жить в аду, ну что ж, там станет так горячо, что она сама попросит выпустить ее*. Он изменяет ей с другими женщинами, не скрывая и подчеркивая это, называет ее другим именем, критикует приготовленную ей индейку, говоря, что она *не зафаршировала, а кремировала* ее и что он не будет пробовать, так как *жалеет зубного врача*. Сидя на вечеринке в окружении двух девушек, Оскар жестом подзывает Мими и отпускает антикомплименты ее внешности: *Мы любуемся твоей прической. Да, Сьюзан считает, что тебе очень идет, и я тоже. Не могу вспомнить только, что она мне напоминает. А, вспомнил, Риту, соседскую собаку. Постой-ка, что у тебя под глазами? Похоже на синяк. Точно, и нос блестит. Знаешь, я не спец по косметике, но я бы и то лучше намазал*.

В силу эмоциональной и финансовой зависимости от Оскара Мими не могла возразить и терпела его унижающее поведение. Сам Оскар заключал, что обидеть Мими было *так просто, что даже неинтересно, как из пушки по воробьям.* Ситуация переломилась, только когда статусно-ролевые отношения Оскара и Мими изменились: Оскар попал под машину, стал инвалидом, зависимым от Мими, которая начала мстить ему за пережитые унижения, реализуя, в свою очередь, другую стратегию унижения. Эта стратегия была основана на физической зависимости обездвиженного Оскара от Мими, которая могла оставить его одного на весь день дома так, что тот был вынужден мочиться под себя, или сделать ему укол грязным шприцем. На стратегический характер планирования унижения со стороны Мими указывают слова, которые она произнесла после операции Оскара: *Есть новость хорошая и есть плохая. Ты парализован ниже талии навсегда. <…> Это как раз хорошая, плохая та, что теперь я займусь тобой*.

Рис. 3

В фильме под названием «Унижение» («The Humbling», 2014, реж. Б. Левинсон) показана история отношений пожилого мужчины по имени Саймон (Аль Пачино) с молодой женщиной Пегин (Грета Гервиг), подвергающей того систематическим униженим. Пегин при любом удобном случае указывает на физическую немощность Саймона. Например, когда тот берет у нее тяжелый чемодан, но не справляется, надрывает спину и падает, героиня не помогает ему подняться, а продолжает гладить кошку, а потом сама поднимает чемодан со словами: «*Спасибо, что попытался помочь!*» Пересказывая телефонный разговор со своей матерью, Пегин с улыбкой говорит Саймону:

Теперь она постоянно вспоминает, как ты жалко выглядел у ветеринара. Ее новая любимая тема. Она часто использует слово «вялый». А потом говорит: «Он просто тень от человека, только тень». Это здорово, у нее появилось какое-то новое занятие. Думаю, ненависть к тебе придает смысл ее жизни.

То есть в данном случае унизительные характеристики Саймона преподносятся как чужая речь, но не оспариваются Пегин. Иными словами, Пегин рассматривает слова матери как нечто само собой разумеющееся и расцениваемое скорее положительно. Унизительное положение Саймона подчеркивается еще и при помощи визуального ряда: героиня произносит этот текст со второго этажа, а герой стоит внизу и смотрит на нее, задрав голову (см. рис. 3). Ср. концептуальную метафору по Дж. Лакоффу: верх — это хорошо, низ — это плохо [Лакофф Дж., Джонсон М. 1990: 389—396].

Выявленные различия в реализации категорий *оскорбления* и *унижения* в дискурсе могут быть связаны с тем, что оскорбление является в общем случае более эксплицитной формой проявления агрессии. Люди в норме склонны в большей степени реагировать на оскорбление, поэтому оскорбление, в отличие от унижения, не может осуществляться на протяжении длительного промежутка времени, хотя может использоваться в дискурсивной стратегии унижения.

Данный тезис подтверждается анализом как текстовых, так и мультимедийных объектов. Например, в эпизоде кинофильма «Операция „С Новым годом!“» (1996, реж. А. Рогожкин) между супругами Леной (Екатерина Дронова) и Лешей (Александр Лыков) состоялся следующий диалог:

— *Ну ты идиот! Ты просто наивный идиот! Ты в своей фирме так же дела ведешь? Кстати, и с бабами так же.*

— *Опять?*

— *Что опять?*

— *Опять из тебя дурь прет?*

— *Какая дурь?*

— *Дурь бабская из тебя, изо всех…*

— *Ну-ка иди сюда! Так! Какая дурь из меня прет?*

В данном случае реакция на оскорбительные слова наступает мгновенно со стороны обоих участников диалога, что превращает их общение в словесную перепалку. Реплика *Ну-ка иди сюда!* используется для усугубления конфликта. Ср. также почти речевую формулу *А ну, подойди сюда!*, где имеется в виду возможность физической угрозы. О дискурсивной стратегии применительно к рассматриваемому диалогу говорить трудно.

В фильме «Ищите женщину» (1982, реж. А. Сурикова) главная героиня по имени Алиса (Софико Чаурели) находит недопустимым обращение «*Моя милая*» со стороны полицейского Максимэна (Леонид Ярмольник) и называет его *наглецом*. Максимэн расценивает ее слова как оскорбление и говорит о грозящем за это наказании: *«Вот это уже оскорбление. При исполнении. Это по тарифу…* (снимает фуражку, чтобы посмотреть написанную на ней инструкцию) *Ну, здесь не написано, это два месяца тюрьмы, а может быть, и больше».* После этого

линия поведения Алисы меняется («Что *Вы меня пугаете? „Тариф, тариф, тариф“. Давайте сразу скажите: пожизненная каторга!*»).

То есть Максимэн, как представитель закона, мгновенно квалифицирует слова Алисы как оскорбление и говорит о грозящем за это наказании, а та в свою очередь, поняв, что совершила нечто предосудительное, меняет тактику речевого поведения и переходит к жалобам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правовые интерпретации, трактовки унижения и оскорбления обнаруживают очевидные пересечения с наивным, обыденным пониманием этих феноменов, но не тождественны им. В свою очередь, анализ языковых и речевых данных свидетельствует о существенных семантических отличиях категорий унижения и оскорбления, что выражается, в частности, в особенностях реализации этих феноменов в коммуникативных намерениях участников в дискурсе.

В общем случае оскорбление — это одиночный речевой акт, а унижение — речевая стратегия, которая может реализоваться как в одиночном, так и в сложном речевом (и не только речевом) акте. Весьма вероятна связь этого с тем, что оскорбление является более сильной формой проявления агрессии, более сильной угрозой социальному лицу адресата. Люди в обычном случае склонны в большей степени реагировать на оскорбление, поэтому оскорбление, в отличие от унижения, не может осуществляться на протяжении длительного промежутка времени, хотя может использоваться как составная часть в дискурсивной стратегии унижения. Используя многочисленные оскорбления, субъект (или группа субъектов) может реализовать не стратегию оскорбления, а стратегию унижения, т. е. окончательным результатом серии спланированных оскорблений все равно становится унижение.

Во избежание возникновения коллизий в экспертной и судебной практике по делам об унижении достоинства и оскорблении необходимо, чтобы оба данных понятия (а не только оскорбление) получили определение в законе. При этом важно, чтобы данные определения не входили в существенные противоречия с употреблением соответствующих понятий в речевой практике носителей русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Понятие «метатекст» в лингвистике стало активно использоваться после публикации работы [Вежбицка 1978].

[2]. Феномен пропаганды как дискурсивной практики рассматривается в работе: [Баранов, Паршин 2017].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А. Н. Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены / А. Н. Баранов, Л. А. Ерохина. — Текст : непосредственный // Теория и практика судебной экспертизы. — 2020. — Т. 15, № 1. — С. 20—28.
2. Баранов, А. Н. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин. — Текст : непосредственный // Теория и практика судебной экспертизы. — 2017. — Т. 12, № 2. — С. 53—65.
3. Вежбицка, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицка. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва, 1978. — Вып. 8 : Лингвистика текста. — С. 402—421.
4. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва, 1985. — Вып. 16. — С. 217—237.
5. Гудзовская, А. А. Школьный буллинг как отражение развития группового субъекта деятельности / А. А. Гудзовская, А. М. Манухина, А. А. Проскурина. — Текст : непосредственный // Социальные явления. — 2017. — № 1 (7). — С. 41—48.
6. Лакофф, Дж. Прагматика в естественной логике / Дж. Лакофф. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва, 1985. — Вып. 16. — С. 439—470.
7. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс ; Омск. гос. ун-т. — Омск, 1999. — 289 с. — Текст : непосредственный.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И Рарог. — 12-е изд. — Москва : Проспект, 2019. — 944 с. — Текст : непосредственный.
9. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Текст : непосредственный // Теория метафоры. — Москва, 1990. — С. 387—415.
10. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва, 1986. — Вып. 17. — С. 22—29.

A. N. Baranov
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3981-0073 ☑

L. A. Erokhina
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *Baranov_anatoly@hotmail.com; Erokhinaludmila074@gmail.com.*

Humiliation and Insult in Discourse

ABSTRACT. *The article discusses the difference between the legal and common linguistic understanding of the categories “humiliation” and “insult”. Special attention is paid to the problem of usage of these semantic categories in discourse, i.e. to their correlation with the notions “speech strategy” and “speech act”. The material under study includes the*

definitions from the Criminal and Administrative Code of the Russian Federation, about a thousand contexts ranging from one sentence to a short text fragment taken from the Russian National Corpus, Internet library "Google.books.ru", Runet communications published in blogs, forums and on social networking sites and from online news sites. Apart from text fragments, the material under analysis includes multimedia objects – scenes from movies depicting situations of humiliation or insult. In general, insult is a separate speech act, whereas humiliation is a speech strategy which can be realized both in a single and in a complex speech (and not only speech) act. By using various insults, the subject (or a group of subjects) can realize not the strategy of insult but the strategy of humiliation. It means that it is still humiliation that is the final result of a series of planned insults. In order to avoid conflicts in expert and forensic practices in cases of humiliation and insult, it is necessary that both these notions (and not only insult) be defined in the law. And it is also imperative that these definitions should not come into significant conflict with the use of the corresponding notions in the communicative practice of the Russian language speakers.

KEYWORDS: *humiliation; insult; forensic linguistic expertise; legal discourse; communication strategies; verbal behavior; Russian; normative-legal acts.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Baranov Anatoliy Nikolaevich, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Experimental Lexicography, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Erokhina Lyudmila Alekseevna, Post-Graduate Student, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Baranov, A. N.* Humiliation and Insult in Discourse / A. N. Baranov, L. A. Erokhina // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 162-170. — DOI.

REFERENCES

1. Baranov, A. N. Insult and Humiliation as Linguistic and Legal Phenomena / A. N. Baranov, L. A. Erokhina. — Text : unmediated // Theory and practice of forensics. — 2020. — V. 15, No. 1. — P. 20—28. [Oskorblenie i unizhenie kak yazykovye i pravovye fenomeny / A. N. Baranov, L. A. Erokhina. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. — 2020. — T. 15, № 1. — S. 20—28]. — (In Rus.)
2. Baranov, A. N. Category of Propaganda in the Linguistic Examination of the Text / A. N. Baranov, P. B. Parshin. — Text : unmediated // Theory and practice of forensics. — 2017. — V. 12, No. 2. — P. 53—65. [Kategoriya propagandy v lingvisticheskoy ekspertize teksta / A. N. Baranov, P. B. Parshin. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. — 2017. — T. 12, № 2. — S. 53—65]. — (In Rus.)
3. Vezhbitska, A. Metatext in the Text / A. Vezhbitska. — Text : unmediated // New in Foreign Linguistics. — Moscow, 1978. — Vol. 8 : Linguistics of the Text. — P. 402—421. [Metatekst v tekste / A. Vezhbitska. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — Moskva, 1978. — Vyp. 8 : Lingvistika teksta. — S. 402—421]. — (In Rus.)
4. Grays, G. P. Logic and Speech Communication / G. P. Grice. — Text : unmediated // New in Foreign Linguistics. — Moscow, 1985. — Issue 16. — P. 217—237. [Logika i rechevoe obshchenie / G. P. Grays. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — Moskva, 1985. — Vyp. 16. — S. 217—237]. — (In Rus.)
5. Gudzovskaya, A. A. School Bullying as a Reflection of the Development of a Group Subject of Activity / A. A. Gudzovskaya, A. M. Manukhina, A. A. Proskurina. — Text : unmediated // Social Phenomena. — 2017. — No. 1 (7). — P. 41—48. [Shkol'nyy bulling kak otrazhenie razvitiya gruppovogo sub"ekta deyatel'nosti / A. A. Gudzovskaya, A. M. Manukhina, A. A. Proskurina. — Tekst : neposredstvennyy // Sotsial'nye yavleniya. — 2017. — № 1 (7). — S. 41—48]. — (In Rus.)
6. Lakoff, J. Pragmatics in Natural Logic / J. Lakoff. — Text : unmediated // New in Foreign Linguistics. — Moscow, 1985. — Issue 16. — P. 439—470. [Pragmatika v estestvennoy logike / Dzh. Lakoff. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — Moskva, 1985. — Vyp. 16. — S. 439—470]. — (In Rus.)
7. Issers, O. S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech / O. S. Issers ; Omsk State Univ. — Omsk, 1999. — 289 p. — Text : unmediated. [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi / O. S. Issers ; Omsk. gos. un-t. — Omsk, 1999. — 289 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / resp. ed. A. I. Rarog. — 12th ed. — Moscow : Prospect, 2019. — 944 p. — Text : unmediated. [Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii / otv. red. A. I Rarog. — 12-e izd. — Moskva : Prospekt, 2019. — 944 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Lakoff, J. Metaphors We Lived by / J. Lakoff, M. Johnson. — Text : unmediated // Theory of Metaphor. — Moscow, 1990. — P. 387—415. [Metafory, kotorymi my zhivem / J. Lakoff, M. Dzhonson. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya metafory. — Moskva, 1990. — S. 387—415]. — (In Rus.)
10. Austin, J. The Word as an Action / J. Austin. — Text : unmediated // New in Foreign Linguistics. — Moscow, 1986. — Issue 17. — P. 22—29. [Slovo kak deystvie / Dzh. Ostin. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — Moskva, 1986. — Vyp. 17. — S. 22—29]. — (In Rus.)

УДК 81'42:81'34:343
ББК Ш105.51+Ш105.1 *ГСНТИ 16.31.61* *Код ВАК 10.02.19*
DOI

Э. В. Будаев
Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-2137-1364 ☑

☑ ***E-mail:*** *aedw@mail.ru.*

Из истории зарубежной судебной фонетики

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматриваются основные проблемы судебной фонетики, находящиеся в центре внимания зарубежных исследователей во второй половине XX — начале XXI в. К этим проблемам относятся вопрос о влиянии возраста на голос и определение возраста по аудиозаписи; зависимость достоверности идентификации голоса от пола слушающего и возможность определить, мужчине или женщине принадлежит звучащий голос; зависимость качества идентификации от длины аудиотекста; влияние факта знакомства свидетеля с голосом, анализируемым в ходе судебной экспертизы; способность к идентификации личности при использовании иностранного языка; зависимость качества идентификации от количества индивидуальных особенностей голоса («проблема моего брата»); проблема умышленного искажения речи с помощью технических средств, шепота, фальцета, назализации; влияние на особенности речи алкоголя, психических заболеваний, диалектных особенностей, иностранного языка; способность к идентификации голоса спустя различные периоды времени после первичного предъявления аудиотекста. Отдельным аспектом теоретических исследований и прикладных разработок в современной судебной фонетике за рубежом является вопрос создания технических и программных средств идентификации речи.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *судебная фонетика; юридическая лингвистика; идентификация голоса; судебная экспертиза; история зарубежной фонетики.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, Российский государственный профессионально-педагогический университет; 620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; e-mail: aedw@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Будаев, Э. В.* Из истории зарубежной судебной фонетики / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 171-181. — DOI.

Юридическая лингвистика, сформировавшаяся на пересечении языкознания и юриспруденции, относится к активно развивающимся направлениям современной науки [Александров 2003; Амосова и др. 2016; Бринев 2010; Будаев 2019; Будаев и др. 2017; Ворошилова, Чудинов 2018; Голев 2007; Чудинов, Ворошилова 2018; Хижняк 2011]. Интерес к этой сфере исследований вызван не только необходимостью разрешения теоретических проблем отношения языка и права, но и важным прикладным значением данной области для судебной практики. Не будет преувеличением сказать, что важнейшим импульсом для становления юридической лингвистики послужили проблемы судебной фонетики как в хронологическом аспекте, так и по тому месту, которое фонетические исследования занимали и занимают в юридической лингвистике.

В нашей предыдущей публикации [Будаев, Саввина 2019] были проанализированы факторы возникновения судебной фонетики за рубежом в середине XX в., рассмотрены значимые уголовные дела и судебные разбирательства, которые продемонстрировали необходимость возникновения судебной фонетики как самостоятельной области теоретических изысканий и прикладных исследований. В настоящем обзоре рассматриваются основные проблемы судебной фонетики, находящиеся в центре внимания зарубежных исследователей во второй половине XX в. — начале XXI в.

Хотя проблематика судебной фонетики и практика исследования сложились еще в середине XX в., сам термин «судебная фонетика» (Forensic Phonetics) возник гораздо позже. Только в 1990 г. вышла фундаментальная монография Г. Холлиена в области идентификации голоса «Acoustics of Crime: The New Science of Forensic Phonetics» [Hollien 1990], в названии которой автор заявил о возникновении судебной фонетики как новой научной дисциплины. В указанной монографии были детально рассмотрены самые разнообразные акустические аспекты речи, релевантные для расследования преступлений.

Как это часто бывает, наименование для нового научного направления появляется, когда накоплен определенный опыт изысканий в рассматриваемой области знаний. Бурный рост публикаций в области судебной фонетики пришелся на 1990-е гг., когда исследователи изучали широкий круг вопросов: возможности идентификации говорящего по акустическим параметрам [Nolan 1990], методы судебной фонетики [Heike 1990], проблемы привлечения экспертов-фонетис-

© Будаев Э. В., 2020

тов к судебным разбирательствам [Trengove 1990], предыдущий опыт использования фонетики в судебных процессах [Baldwin 1990] и др.

В судебной практике экспертам приходится работать с несколькими аудиозаписями, гипотетически принадлежащими одному человеку, но созданными в разные периоды его жизни. Соответственно среди проблем, интересовавших фонетистов во второй половине XX в., выделяется вопрос об определении характера влияния возраста на голос, а также сопутствующая проблема — определение возраста по аудиозаписи [Endress et al. 1971; Higgens, Saxman 1991; Hoit, Hixon 1989; Hollien, Schwartz 2000; Klasmeyer, Sendlmeier 2000; Oyer, Deal 1985; Ptacek, Sander 1966; Ramig 1983; Ramig, Ringel 1983; Sapienza, Dutka 1996; Shipp, Hollien 1969; Xue, Deliyski 2001].

На рубеже тысячелетий суммирующим трудом в данной области стала монография С. Линвиль [Linville 2001], в которой рассмотрены акустические характеристики голоса в корреляции с возрастными изменениями (изменениями гортани, нейромышечного контроля, дыхания, скорости артикуляции). Отдельное внимание С. Линвиль уделила вопросам перцепции голоса, претерпевшего возрастные изменения, а также влияния на голос фармакологических препаратов, профессиональных и эндокринных факторов.

Помимо возрастного фактора, исследователей привлекала проблема зависимости достоверности идентификации голоса от гендерного признака слушателя [Clifford 1980; Hollien, Schwartz 2000; Thompson 1985; Yarmey 1995; Yarmey, Matthys 1992]. Одни исследователи отдавали предпочтение в способности к идентификации голоса женщинам, другие — мужчинам, третьи не обнаруживали каких-либо различий. Так как гендерные особенности фиксировались на уровнях, близких к статистической погрешности, или на небольших для статистического анализа выборках, в судебной лингвистике устоялось мнение, что значимых различий между женщинами и мужчинами в данном аспекте нет.

В гендерном ракурсе существует еще один вопрос: насколько легко слушатель может определить, мужчине или женщине принадлежит звучащий голос [Bachorowski, Owren 1996; Lass et al. 1976]. Эта задача может оказаться не такой простой, как кажется на первый взгляд. В последние годы во многих странах мира получило широкую популярность телешоу «Voice» (в русской версии «Голос»), в котором даже профессиональные певцы иногда ошибаются при определении пола конкурсанта, поющего у них за спиной. Подробные затруднения фиксируются экспериментаторами в области судебной фонетики. В большинстве случаев слушатели без труда определяют пол говорящего благодаря частоте колебаний голосовых связок, манере речи, тембральным особенностям. Вместе с тем возникают затруднения при идентификации пола при прослушивании речи народов, у которых типичные частоты мужских и женских голосов сильно пересекаются [Hollien 2002]. Подобные затруднения могут возникнуть и при анализе речи транссексуалов, которые подстраивают свой голос под манеру новоприобретенного пола [Bralley et al. 1978; Spencer 1988; Wolfe et al. 1990]. Интересные данные были получены рядом исследователей, пришедших к выводу о том, что точным индикатором пола говорящего могут служить особенности артикуляции согласных или даже только фрикативных звуков [Coleman, Lass 1980; Ingemann 1968; Schwartz 1968]. Вместе с тем данная проблема играет вспомогательную роль при решении главной задачи — идентификации личности.

Большинство публикаций в области аудиальной идентификации посвящено анализу особенностей речи говорящего и их корреляции с процессом идентификации. Вместе с тем немаловажен вопрос об опыте аудиальной идентификации у слушателя. В исследовании О. Кестера [Köster 1981] было обнаружено, что с задачами подобного рода фонетисты справляются лучше, чем студенты-филологи, хотя в эксперименте использовались голоса людей, хорошо знакомых обеим группам испытуемых. Схожие результаты были получены при сопоставлении результатов немецких фонетистов, имевших опыт судебных экспертиз, и обычных носителей немецкого языка [Schiller, Köster 1998].

Существенную роль в судебной фонетической экспертизе играет такой показатель, как длина текста. Когда американского президента Авраама Линкольна спросили, какой длины у него ноги, он ответил, что достаточной для того, чтобы дотянуться до земли. Нельзя предугадать, какая длина аудиотекста будет достаточна для идентификации личности, а какая нет. Интуитивно понятно, что чем длиннее текст, тем больше вероятность успеха идентификации личности при проведении экспертизы. В частности, экспериментаторами было показано, что при увеличении продолжительности предъявления речи с 3 до 8 минут увеличивается качество идентификации [Yarmey 1995]. Согласно

требованиям федерального управления уголовной полиции ФРГ (Bundeskriminalamt), аудиозапись речи должна быть не короче 30 секунд, если планируется использовать данную речь для идентификации личности [Künzel 1995].

Еще один важный аспект, с которым приходится считаться судебным экспертам на практике, — качество аудиозаписи. В действительности эксперты нередко имеют дело с текстами, исследование которых осложнено целым рядом факторов, среди которых множество голосов, шепот, посторонние шумы, нетипичный тембр (например, фальцет) и т. д. В таких обстоятельствах идентификация даже хорошо знакомого голоса затруднена [Carbonell et al. 1965; LaRiviere 1972]. Не меньшие трудности возникают при высоком уровне шума или ограниченности ширины полосы пропускания (диапазона частот, выраженного разностью между самой высокой и самой низкой частотой), хотя в распоряжении экспертов существует специальное оборудование, способное частично нивелировать действие шумовых помех [Hollien 2002].

В судебной фонетике также учитывается фактор знакомства свидетеля с хозяином анализируемого голоса, хотя нет четких границ между понятиями *familiar* (знаком), *very familiar* (хорошо знаком), *barely familiar* (едва знаком). В данной проблемной плоскости экспериментаторы решают целый ряд задач: оценить, насколько важен факт знакомства свидетеля с голосом, анализируемым в ходе судебной экспертизы; выявить, насколько это знакомство резистентно к факторам намеренного искажения голоса; определить, изменится ли эта способность к идентификации личности при использовании иностранного языка.

В частности, в исследовании [Hollien et al. 1982] слушателям предъявляли аудиотексты с голосами 10 мужчин, записанные в состоянии покоя, стресса (вызванного электрическим шоком) и намеренного искажения голоса. Слушатели были разделены на три группы. Первая группа была хорошо знакома с хозяевами голосов. Во вторую вошли опытные фонетисты, не знакомые с предъявляемыми голосами. Третью группу составили люди, которые не только не слышали прежде предъявляемые голоса, но и не понимали язык, на котором обладатели этих голосов говорили.

Результаты эксперимента выявили различия между всеми группами слушателей. Представители первой группы легко идентифицировали говорящих во всех трех случаях. Слушатели второй и третьей группы значительно реже осуществляли успешную идентификацию голоса, при этом наихудшие показатели были у третьей группы. Если слушателям, знакомым с носителями голосов, не составило труда выполнить поставленную задачу в усложненных условиях, показания такого рода, полученные в оптимальных условиях, обладают высоким уровнем достоверности. Однако возникает вопрос, что считать «хорошим знакомством». По данным Г. Холлиена, в судебной практике сложилось представление о том, что «хорошим знакомством» считается регулярный контакт с испытуемым на протяжении двух лет [Hollien 2002: 31].

Другой аспект, который оказывает существенное влияние на точность идентификации, — уникальность голоса говорящего. Голос, обладающий небольшим количеством отличительных (идиосинкретических) черт, будет менее узнаваемым, чем тот, в котором обнаруживаются яркие индивидуальные особенности [Orchard, Yarmey 1995; Papcun et al. 1989; Künzel 2000; Schmidt-Nielsen, Stern 1985; Yarmey 1991]. Например, затруднительно замаскировать такую особенность речи, как шепелявость.

Немалую проблему в этом отношении представляют похожие голоса. Известный судебный фонетист Г. Холлиен назвал этот аспект проблемой «моего брата», описывая случай из своей экспертной практики, иллюстрирующий значение анализа уникальности голоса при идентификации личности [Hollien 2002].

Г. Холлиен так описывает этот показательный случай. Все началось, когда пара семей в США начала конфликтовать друг с другом. Одна из семей была еврейской, а другая — нет. Когда члены еврейской семьи начали получать по телефону реальные угрозы, которые имели форму антисемитской риторики, они вызвали полицию. Потерпевшие опознали звонившего по голосу как главу враждебной им семьи. Это обвинение подтверждалось тем фактом, что в речи подозреваемого было несколько довольно уникальных черт, которые можно было услышать в речи звонившего. Соответственно, его арестовали и предъявили обвинение. Однако подозреваемый человек был непреклонен в утверждении своей невиновности. Он признал, что его голос похож на тот, что звучит на аудиозаписи телефонных звонков, но настаивал на том, что сам он никуда не звонил. Его позиции не придавали большого значения, поскольку большинство лиц, обвиняемых в преступлении, заявляют, что не совершали инкриминируемых им правонарушений. Обвиняемый на-

стоял на проведении судебной экспертизы, которую поручили Г. Холлиену.

Как вспоминает эксперт, когда он первый раз услышал аудиозапись, то сразу заметил две отличительные черты речи — необычные искажения некоторых согласных и нетипичные просодические особенности в паузировании. Первая мысль, которая посетила эксперта, заключалась в том, что обвиняемый просто выбрасывает деньги на ветер, если заказывает экспертизу в таком очевидном случае. Однако работа была продолжена и, к своему собственному удивлению, эксперт стал обнаруживать черты, отличающие голос обвиняемого от голоса на пленке. Закончив экспертизу, Г. Холлиен пришел к выводу, что сравниваемые голоса принадлежат разным людям. В итоге лингвисту на суде пришлось в деталях объяснять нюансы фонетической экспертизы, аргументируя свою позицию. Во время обеденного перерыва в судебном заседании Г. Холлиен покинул место для дачи свидетельских показаний и направился к адвокату обвиняемого. Неожиданно эксперт услышал голос, который он анализировал на аудиозаписи. Оглянувшись, он заметил, что подсудимого окружали члены его семьи и один из них что-то обсуждал с обвиняемым. Г. Холлиен машинально произнес: «Это же голос человека, который делал телефонные звонки!» Заявление прозвучало достаточно громко, чтобы его услышали находившиеся в зале суда. Голос принадлежал брату потерпевшего, недавно освободившемуся из психиатрической лечебницы. Как позже выяснилось, он звонил членам еврейской семьи с угрозами, желая «помочь» своей семье в существующем конфликте.

Следующим фактором, с которым сталкиваются судебные фонетисты, является умышленное искажение речи. Это один из наиболее сложных для анализа аспектов. Самой разрушительной формой «маскировки голоса» является искажение речи с помощью технических устройств, которые способны уничтожать такие базовые для экспертизы данные, как фундаментальная частота (F0), акустические и артикуляционные особенности гласных формантов и даже временные показатели речи. Специальное исследование применения подобных устройств показало, что классическая экспертиза в таких случаях бесполезна [Manning, Hollien 1992]. Единственной хорошей новостью является то, что использование технических средств легко распознать.

Другой тип маскировки, который может резко ухудшить процедуру экспертизы, — использование шепота [Reich, Duke 1979; Orchard, Yarmey 1995; Yarmey 1995]. Шепот также устраняет или уменьшает информацию об основной частоте (F0), амплитуде голосовых колебаний, качестве тонов и, в меньшей степени, просодии и временных показателях. Сравнивать шепот с полногласной речью довольно сложно, потому что шепот способен изменить любые показатели, на которые опирается эксперт.

Исследователи маскировки голоса едины во мнении, что любая попытка искажения голоса мешает процессу идентификации, хотя и в разной степени [Endress et al. 1971; Hirson, Duckworth 1995; Hollien et al. 1982; Künzel 2000; McGlone et al. 1977; Molina deFigueiredo, deSouza Britto 1996; Reich 1981; Saslove, Yarmey 1980]. В частности, А. Рейч и Дж. Дьюк изучили перцептивные эффекты различных типов маскировки и пришли к выводу, что наиболее разрушительный эффект оказывала искусственная назализация голоса [Reich, Duke 1979]. Вместе с тем это относилось к случаям идентификации голоса незнакомого человека. Если же речь шла о голосе знакомого человека, то в 80 % случаев идентификация была успешной. Однако искажение сразу нескольких параметров приводило к резкому ухудшению идентификации даже со стороны слушателей, хорошо знакомых с говорящим [Masthoff 1996].

Подобные наблюдения лингвистов ставили вопросы о способах борьбы с маскировкой голоса. Было обнаружено, что люди обычно могут определить, когда оратор говорит естественно, а когда пытается замаскировать голос [Reich 1981]. Также судебная практика показала, что попытки маскировки голоса не получили широкого распространения в криминальной среде, но если преступник прибегал к этому способу, то делал это более успешно в коротких отрезках речи. Маскировать голос на протяжении долгого времени крайне сложно, поэтому любой длинный отрезок речи может содержать как искаженную, так и аутентичную информацию.

Другими аспектами, привлекавшими внимание исследователей аудиальной идентификации, являются наличие или отсутствие стрессовой ситуации в момент предъявления аудиотекста [Aarts 1984; Atwood, Hollien 1986; Hollien 1980; Hollien et al. 1982, 1987; Horvath 1982; Reeves 1980; Van der Car 1980], влияние на голос алкоголя [Chin, Pisoni 1997; Künzel et al. 1992; Hollien, Martin 1996] и курения [Braun 1996], различия в идентификации голоса свидетелем и жертвой преступления [Künzel 1994], воздействие на голос психиатрического фактора [Diamond 1981] или определенного диа-

лекта как в супрасегментном [Hanley, Snidecor 1967], так и в сегментном аспектах [Künzel 1994, 1995; Nolan 1983]. Примечательно, что иностранный акцент не влияет на успешность идентификации голоса [Goldstein et al. 1981], а вот речь на иностранном языке значительно снижает показатели успешной идентификации [Köster et al. 1995].

Значительное место в 80—90-х гг. XX в. занимали исследования, восходящие к пионерским работам Ф. Мак-Гихи. Были проведены многофакторные эксперименты по изучению способности к идентификации голоса спустя различные периоды времени после первичного предъявления аудиотекста [Bull, Clifford 1984; DeJong 1998; Hollien 1996; Hollien, et al. 1983; Künzel 1994; Saslove, Yarmey 1980; Yarmey 1995].

Ньютону принадлежит метафорическая фраза о том, что он видел дальше других только потому, что стоял на плечах гигантов. В первые десятилетия XXI в. исследователи в области судебной фонетики продолжили развивать фундаментальные направления данной научной области, заложенные в XX в. Так, по-прежнему большой интерес вызывает проблема намеренного искажения голоса преступником. Современные исследования в этой области можно разделить на четыре группы в зависимости от типа изучаемого искажения.

К первой группе относятся исследования искажений фонации: использование шепота, фальцета и так называемого скрипучего голоса, при котором голосовые связки вибрируют как в модальном голосе, но с меньшим напряжением [Ahmadi et al. 2008; Alves et al. 2012; Bartle, Dellwo 2015; Evans, Foulkes 2009; Künzel 2000; Smith et al. 2017; Yarmey et al. 2001; Zhang, Hansen 2011]. Вторая группа исследований посвящена искажениям просодических характеристик: высоты тона, интонации, скорости речи [Dellwo et al. 2012; Leemann et al. 2014]. Интерес ученых из третьей группы направлен на изучение модификаций, возникающих в результате введения в ротовую полость инородных предметов или особых приемов произнесения слов, ведущих к подобным эффектам [Gil, San Segundo 2013; Horga 2002; Llamas et al. 2008]. Наконец, четвертая группа включает в себя публикации, в которых анализируются модификации, возникающие в результате подражания иностранной речи, попыток говорить с иностранным акцентом [Zhang, Tan 2008; Simpson, Grawunder 2008].

Зарубежные специалисты сходятся во мнении, что самым сложным для идентификации типом искажений являются изменения фонации. В этой связи решение сложностей экспертизы видится в создании корпусов речевых модификаций. Подобные корпусы созданы на примере китайского языка [Zhang, Morrison 2011], британского [Nolan et al. 2009] и шотландского вариантов английского языка [Watt, Yurkova, 2007], а также испанского [San Segundo et al. 2013], швейцарского немецкого [Dellwo et al. 2012], немецкого [Neuhauser 2011] и финского языков [Hautamäki et al. 2017].

Хорошо известна процедура визуального опознания, при которой подозреваемых выстраивают в один ряд, среди которых находится предполагаемый преступник. В судебной фонетике используется схожая процедура — аудиальное опознание. Свидетелю предъявляются голоса подозреваемых, а также посторонние голоса, которые в разной степени должны быть близки к голосам подозреваемых по определенным параметрам. Несмотря на схожесть визуального и аудиального опознания, между ними есть существенная разница, которая обусловлена различиями в механизмах обработки и оценки информации, поступающей через зрительный и слуховой анализатор человека. Различаются способы оценки и хранения этой информации, степень искажения информации под воздействием чувства страха, а также способности отдельных людей к идентификации данных определенного типа.

Аудиальное опознание считается эффективным методом, если оно проводится людьми, сведущими в фонетике. Также для получения достоверного результата количество посторонних голосов (foil voices) должно варьироваться в диапазоне от 5 до 8. Вместе с тем современные исследователи полностью отказались от популярного во второй половине XX в. мнения о том, что аудиальное опознание столь же достоверный метод идентификации преступника, как и визуальное опознание [Hollien 2002].

Таким образом, ведущим направлением современной судебной фонетики является многоаспектный анализ проблемы идентификации личности по голосу. Данное направление получило в зарубежной науке название *акустико-перцептивной* или *слухо-перцептивной идентификации говорящего* (Aural-perceptual Speaker Identification).

В 2002 г. вышла еще одна монография Г. Холлиена [Hollien 2002], целью которой, по словам автора, было примирение между инженерами, работающими в сфере акустики, и лингвистами. Первые традиционно считают, что лингвистам недостает знаний в математике и технических характеристиках оборудования, вторые указывают на недостаток у «технарей» понимания психологиче-

ских и фонетических особенностей проводимых экспериментов. Ирония заключается в том, что те и другие правы, поэтому на практике этим двум группам профессионалов не обойтись друг без друга. Совмещая анализ лингвистических и технических аспектов фонетической экспертизы, Г. Холлиен выделил пять основных сфер применения судебной фонетики: улучшение качества речи на аудиозаписи, идентификация пленки, декодирование речи, идентификация голоса и анализ речевого поведения.

При этом важнейшая проблема во взаимодействии лингвистов и технических специалистов в условиях возрастающей нагрузки на судебных экспертов — автоматизация отдельных аспектов акустической экспертизы, с одной стороны, с привлечением технических средств, а с другой — путем разработки специального программного обеспечения. Среди примеров подобных разработок на стыке лингвистики и технических наук можно упомянуть программу SAUSI (сокращение от semi-automatic speaker identification system — полуавтоматическая система идентификации говорящего), в создании которой принимали участие профессиональные судебные фонетисты и технические специалисты [Hollien 2002].

В завершение отметим, что современные коммерческие компании нередко предлагают платные услуги по аудиальной идентификации личности, основанной на «биометрике голоса» (voice biometrics) и «инновационных» методах, которые являются коммерческой версией хорошо известных в судебной лингвистике исследовательских процедур в сфере SPID.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, А. С. Введение в судебную лингвистику / А. С. Александров. — Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2003. — 419 с. — Текст : непосредственный.

2. Амосова, Т. В. Конвергенция юридических и лингвистических методов в сравнительном правоведении: юридическая компаративистская лингвистика / Т. В. Амосова, А. В. Юрковский, Е. А. Юрковская. — Текст : непосредственный // Вопросы российского и международного права. — 2016. — № 9. — С. 96—107.

3. Бринев, К. И. Лингвистические теории и лингвистические экспертные исследования: проблема взаимосвязи юридической и теоретической лингвистики / К. И. Бринев. — Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. — 2010. — № 1. — С. 179—187.

4. Будаев, Э. В. Зарубежная юридическая лингвистика: генезис дисциплины / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1. — С. 122—126.

5. Будаев, Э. В. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы : монография / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Н. Б. Руженцева ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2017. — 201 с. — Текст : непосредственный.

6. Будаев, Э. В. Судебная фонетика: становление дисциплины / Э. В. Будаев, Л. Ю. Саввина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 164—170.

7. Голев, Н. Д. Самоопределение юридической лингвистики в России / Н. Д. Голев. — Текст : непосредственный // Юрислингвистика. — 2007. — № 8. — С. 7—13.

8. Хижняк, С. П. Основы юридической лингвистики / С. П. Хижняк. — Саратов : Саратовская гос. акад. права, 2011. — 124 с. — Текст : непосредственный.

9. Чудинов, А. П. Судебная лингвистика как научное направление: исследование конфликтной коммуникации / А. П. Чудинов, М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2018. — № 4 (70). — С. 182—184.

10. Aarts, N. W. The Effect of Listener Stress on Perceptual Speaker Identification / N. W. Aarts. — Gainesville : University of Florida, 1984. — 92 p. — Text : unmediated.

11. Ahmadi, F. Analysis-by-synthesis method for whisper-speech reconstruction / F. Ahmadi, I. V. Mcloughlin, H. R. Sharifzadeh. — Text : unmediated // Proceedings of IEEE Asia Pacific Conference Circuits and Systems. — 2008. — P. 1280—1283.

12. Alves, H. Disguised voices: a perceptual experiment. Paper presented at 3rd European Conference of the International Association of Forensic Linguistics / H. Alves, M. Fernández Trinidad, J. Gil Fernández, P. Infante, J. M. Lahoz, C. Pérez Sanz, E. San Segundo. — Oporto, 15—18 October 2012. — Text : unmediated.

13. Atwood, W. Stress Monitoring by Polygraph for Research Purposes / W. Atwood, H. Hollien. — Text : unmediated // Polygraph. — 1986. — Vol. 15. — P. 47—56.

14. Bachorowski, J. Acoustic Correlates of Talker Sex and Individual Talker Identity Are Present in a Short Vowel Segment Produced in Running Speech / J. Bachorowski, M. Owren. — Text : unmediated // Acoust. Soc. Am., 1999. — Vol. 106. — P. 1054—1063.

15. Baldwin, J. R. The Case of “J”, an Early Example of Forensic Phonetics / J. R. Baldwin. — Text : unmediated // Texte zu Theorie und Praxis forensischer Linguistik. — Tubingen : Max Niemeyer Verlag, 1990. — P. 503—514.

16. Bartle, A. Auditory Speaker Discrimination by Forensic Phoneticians and Naive Listeners in Voiced and Whispered Speech / A. Bartle, V. Dellwo. — Text : unmediated // International Journal of Speech, Language and the Law. — 2015. — Vol. 22, n. 2. — P. 229—248.

17. Bralley, R. Evaluation of Vocal Pitch in Male Transsexuals / R. Bralley, G. Bull, C. Gore, M. Edgerton. — Text : unmediated // Comm. Disord. — 1978. — Vol. 11. — P. 443—449.

18. Braun, A. Age Estimation by Different Listener Groups / A. Braun. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 1996. — Vol. 3. — No 1. — P. 65—73.

19. Bull, R. Earwitness Voice Recognition Accuracy / R. Bull, B. R. Clifford. — Text : unmediated // Eyewitness Testimony: Psychological Perspectives / G. L. Wells, E. Loftus (eds). — Cambridge : Cambridge University Press, 1984. — P. 92—123.

20. Carbonell, J. R. Speaker Identification by a Matching-From-Samples Technique / J. R. Carbonell, K. N. Stevens, C. E. Williams, B. Woods. — Text : unmediated // J. Acous. Soc. Am. — 1965. — Vol. 40. — P. 1205—1206.

21. Chin, S. B. Alcohol and Speech / S. B. Chin, D. B. Pisoni. — Text : unmediated. — New York : Academic Press, 1997. — 376 p.

22. Clifford, B. R. Voice Identification by Human Listeners: On Earwitness Reliability / B. R. Clifford. — Text : unmediated // Law Human Behaviour. — 1980. — Vol. 4. — P. 373—394.

23. Coleman, R. Effect of Prior Exposure to Stimulus Material on Identification of Speaker's Sex, Height and Weight / R. Coleman, N. Lass. — Text : unmediated // Perceptual Motor Skills. — 1980. — Vol. 52. — P. 619—622.

24. DeJong, G. Earwitness characteristics and speaker identification accuracy : PhD dissertation / G. DeJong. — Gainesville : University of Florida, 1998. — 274 p. — Text : unmediated.

25. Dellwo, V. Speaker Idiosyncratic Rhythmic Features in the Speech Signal / V. Dellwo, A. Leemann, M.-J. Kolly. — Text : unmediated // Proceedings of Interspeech. — Portland (OR), USA, 2012. — P. 1584—1587.

26. Diamond, B. L. The Relevance of Forensic Psychiatric Evaluations / B. L. Diamond. — Text : unmediated // Speech Evaluation in Psychiatry / U. K. Darby (ed.). — New York : Grune and Stratton, 1981. — P. 243—252.

27. Endress, W. Voice Spectrograms as a Function of Age, Voice Disguise and Voice Imitation / W. Endress, W. Bambach,

G. Flösser. — Text : unmediated // The Journal of the Acoustical Society of America. — 1971. — Vol. 49. — P. 1842—1848.

28. Evans, I. Speaker Identification in Whisper : Paper presented at International Association for Forensic Phonetics and Acoustics conference / I. Evans, P. Foulkes. — University of Cambridge, UK, 2009. — Text : unmediated.

29. Gil, J. El disimulo de la cualidad de voz en fonética judicial: un estudio perceptivo para un caso de hiponasalidad / J. Gil, E. San Segundo. — Text : unmediated // Panorama de la Fonética Española Actual / ed. by M. Penas Ibanez. — Madrid : Arco, Librosp, 2013. — P. 321—364.

30. Goldstein, A. Recognition Memory for Accented and Unaccented Voices / A. Goldstein, P. Knight, K. Bailis, J. Conover. — Text : unmediated // Bull. Psychonomic Soc. — 1981. — Vol. 17. — P. 217—220.

31. Hanley, T. D. Some Acoustic Similarities Among Languages / T. D. Hanley, J. Snidecor. — 1967. Phonetica. — Vol. 17. — P. 141—148.

32. Hautamäki, R. G. Acoustical and Perceptual Study of Voice Disguise by Age Modification in Speaker Verification / R. G. Hautamäki, M. Sahidullah, V. Hautamäki, T. Kinnunen // Speech Communication. — 2017. — Vol. 95. — P. 1—15.

33. Heike, G. Stimmenvergleichsgutachten — Probleme und Methoden der forensischen Phonetik am Beispiel einer Fallstudie / G. Heike. — Text : unmediated // Texte zu Theorie und Praxis forensischer Linguistik. — Tubingen : Max Niemeyer Verlag, 1990. — S. 481—490.

34. Higgens, M. A Comparison of Selected Phonatory Behaviors of Healthy Aged and Young Adults / M. Higgens, J. Saxman. — Text : unmediated // JSHR. — 1991. — Vol. 34. — P. 1000—1010.

35. Hirson, A. Forensic Implications of Vocal Creak as Voice Disguise / A. Hirson, M. Duckworth. — Text : unmediated // BEIPHOL, Stud. Forensic Phonet. — 1995. — Vol. 64. — P. 67—76.

36. Hoit, J. Speech Breathing in Women / J. Hoit, K. Hixon, M. Altman, W. Morgan. — Text : unmediated // JSHR. — 1989. — Vol. 32. — P. 353—365.

37. Hollien, H. Acoustics of Crime: The New Science of Forensic Phonetics / H. Hollien. — New York : Plenum Press, 1990. — 370 p. — Text : unmediated.

38. Hollien, H. Consideration of Guidelines for Earwitness Lineups / H. Hollien. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 1996. — Vol. 3. — P. 14—23.

39. Hollien, H. Forensic Voice Identification / H. Hollien. — New York : Academic Press, 2002. — 240 p. — Text : unmediated.

40. Hollien, H. Vocal Indicators of Psychological Stress / H. Hollien. — Text : unmediated // Forensic Psychology and Psychiatry / F. Wright, C. Bahn, R. W. Rieber (eds). — New York : New York Academy of Sciences, 1980. — P. 47—72.

41. Hollien, H. Criminal Identification Comparison: Aural vs. Visual Identification Resulting from a Simulated Crime / H. Hollien, G. Bennett, M. P. Gelfer. — Text : unmediated // Journal of Forensic Sciences. — 1983. — Vol. 25. — P. 208—221.

42. Hollien, H. Data on Psychological Stress Evaluators and Voice Lie Detection / H. Hollien, L. L. Geison, J. W. Hicks. — Text : unmediated // Journal of Forensic Sciences. — 1987. — Vol. 32. — P. 405—418.

43. Hollien, H. Perceptual Identification of Voices under Normal, Stress and Disguised Speaking Conditions / H. Hollien, W. Majewski, E. T. Doherty. — Text : unmediated // Journal of Phonetics. — 1982. — Vol. 10. — P. 139—148.

44. Hollien, H. Conducting Research on the Effects of Intoxication on Speech / H. Hollien, C. A. Martin. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 1996. — Vol 3, No 1. — P. 107—128.

45. Hollien, H. Aural-Perceptual Speaker Identification: Problems with Noncontemporary Samples / H. Hollien, R. Schwartz. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 2000. — Vol. 7. — P. 199—211.

46. Horga, D. The Influence of Bite-blocks on Continuous Speech Production / D. Horga. — Text : unmediated // Phonetics and its Applications / A. Braun, H. R. Masthoff (eds.). — Stuttgart : Steiner, 2002. — P. 143—152.

47. Horvath, F. Detecting Deception: the Promise and the Reality of Voice Stress Analysis / F. Horvath. — Text : unmediated // Journal of Forensic Sciences. — 1982. — Vol. 27. — P. 340—351.

48. Ingemann, F. Identification of the Speaker's Sex from Voiceless Fricativtes / F. Ingemann. — Text : unmediated // J. Acoust. Soc. Am. — 1968. — Vol. 44. — P. 1142—1144.

49. Klasmeyer, G. Voice and emotional states / G. Klasmeyer, W. Sendlmeier. — Text : unmediated // Voice Quality Measurement / R. Kent, M. Ball (eds.). — San Diego : Singular Thomson Learning, 2000. — P. 339—357.

50. Köster, J. P. Auditive Sprecherkennug bei Experten und Naiven / J. P. Köster. — Text : unmediated // Festschrift Wangler. — Hamburg : Helmut Buske, 1981. — Vol. 52. — P. 171—180.

51. Köster, O. The Influence of Native- language Background on Speaker Recognition / O. Köster, N.O. Schiller, H. J. Künzel. — Text : unmediated // Proc. 13th Int. Congr. Phonetic Sei. — Stockholm, 1995. — Vol. 4. — P. 306—309.

52. Künzel, H. Effects of Voice Disguise on Fundamental Frequency / H. Künzel. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 2000. — Vol. 7. — P. 149—179.

53. Künzel, H. Field Procedures in Forensic Speaker Recognition / H. Künzel. — Text : unmediated // Festschrift for J. D. O'Connor / J. Lewis (ed.). — London : Routledge, 1995. — P. 68—84.

54. Künzel, H. On the Problem of Speaker Identification by Victims and Witnesses / H. Künzel. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 1994. — Vol. 1. — P. 45—58.

55. Künzel, H. Einfluß von Alkohol auf Stimme und Sprache / H. Künzel, A. Braun, U. Eysholdt. — Heidelberg : Kriminalistik Verlag, 1992. — 117 S. — Text : unmediated.

56. LaRiviere, C. L. Some Acoustic and Perceptual Correlates of Speaker Identification / C. L. LaRiviere. — Text : unmediated // Dissertation Abstracts International. — 1972. — Vol. 32 (12-A). — P. 7116.

57. Lass, N. Speaker Sex Identification from Voiced, Whispered and Filtered Isolated Vowels / N. Lass, K. Hughes, M. Bower, L. Waters, V. Bourne. — Text : unmediated // Acoust. Soc. Am. — 1976. — Vol. 59. — P. 675—678.

58. Leemann, A. Speaker-individuality in Suprasegmental Temporal Features: Implications for Forensic Voice Comparison / A. Leemann, M. Kolly, V. Dellwo. — Text : unmediated // Forensic Science International. — 2014. — Vol. 238. — P. 59—67.

59. Linville, S. E. Vocal Aging, Singular Thomson Learning / S. E. Linville. — San Diego : Singular Thomson Learning, 2001. — 320 p. — Text : unmediated.

60. Llamas, D. Effects of Different Types of Face Coverings on Speech Acoustics and Intelligibility / D. Llamas, P. Harrison, D. Donnelly, D. Watt. — Text : unmediated // York Papers in Linguistics. — 2008. — Vol. 9. — P. 80—104.

61. Manning, W. H. Effects of a Voice Disguise Device / W. H. Manning, P. A. Hollien. — Text : unmediated // American Academy Forensic Science. — New Orleans, 1992. — No 108 (A).

62. Masthoff, H. A Report on a Voice Disguise Experiment / H. Masthoff. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 1996. — Vol. 3. — P. 160—167.

63. McGlone, R. E. Acoustic Analysis of Voice Disguise Related to Voice Identification / R. E. McGlone, P. A. Hollien, H. Hollien. — Text : unmediated // Proc. Intern. Conf. on Crime Countermeasures. — Oxford, 1977. — P. 31—35.

64. Molina, de Figueiredo R. M. A Report on the Acoustic Effects of One Type of Disguise / R. M. Molina de Figueiredo , Britto H. de Souza. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 1996. — Vol. 3. — P. 168—175.

65. Neuhauser, S. FAIC — Foreign Accent Imitation Corpus / S. Neuhauser. — 2011. — URL: http://www.personal.uni-jena.de/~x0nesa/faic.html. — Text : electronic.

66. Nolan, F. The Limitations of Auditory-Phonetic Speaker Identification / F. Nolan. — Text : unmediated // Texte zu Theorie und Praxis forensischer Linguistik. — Tubingen : Max Niemeyer Verlag, 1990. — P. 457—480.

67. Nolan, F. The Phonetic Bases of Speaker Recognition / F. Nolan. — Cambridge : Cambridge University Press, 1983. — 221 p. — Text : unmediated.

68. Nolan, F. The DyViS Database: Style-controlled Recordings of 100 Homogeneous Speakers for Forensic Phonetic Research / F. Nolan, K. McDougall, G .de Jong, T. Hudson. — Text : unmediated // The International Journal of Speech, Language and the Law. — 2009. — Vol. 16.1. — P. 31—57.

69. Orchard, T. The Effects of Whispers, Voice-Sample Duration and Voice Distinctiveness on Criminal Speaker Identification / T. Orchard, A. Yarmey. — Text : unmediated // Appl. Cogn. Psychol. — 1995. — Vol. 9. — P. 249—260.
70. Oyer, E. Temporal Aspects of Speech and the Aging Process / E. Oyer, L. Deal. — Text : unmediated // Folia Phoniatrica. — 1985. — Vol. 37. — P. 109—112.
71. Papcun, G. Long-term Memory for Unfamiliar Voices / G. Papcun, J. Kreiman, A. Davis. — Text : unmediated // Acoust. Soc. Am. — 1989. — Vol. 85. — P. 913—925.
72. Ptacek, P. Age Recognition from Voice / P. Ptacek, E. Sander. — Text : unmediated // JSHR. — 1966. — Vol. 9. — P. 273—277.
73. Ramig, L. Effects of Physiological Aging on Vowel Spectral Noise / L. Ramig. — Text : unmediated // Journal of Gerontology. — 1983. — Vol. 38. — P. 223—225.
74. Ramig, L. Effects of Physiological Aging on Selected Acoustic Characteristics of Voice / L. Ramig, R. Ringel. — Text : unmediated // JSHR. — 1983. — Vol. 26. — P. 22—30.
75. Reeves, T. E. Audio-Stress Analysis — A Means of Truth Verification in Forensic Practice / T. E. Reeves. — Text : unmediated // Medical Trail Technique Quarterly. — 1980. — Vol. 26. — P. 430—455.
76. Reich, A. Detecting the Presence of Vocal Disguise in the Male Voice / A. Reich. — Text : unmediated // Acoust. Soc. Am. — 1981. — Vol. 69. — P. 1458—1461.
77. Reich, A. R. Effects of Selective Vocal Disguises upon Speaker Identifiation by Listening / A. R. Reich, J. E. Duke. — Text : unmediated // Journal of the Acoustical Society of America. — 1979. — Vol. 66. — P. 1023—1028.
78. San Segundo, E. CIVIL Corpus: Voice Quality for Speaker Forensic Comparison / E. San Segundo, H. Alves, M. Fernández Trinidad. — Text : unmediated // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — 2013. — P. 587—593.
79. Sapienza, C. M. Glottal Airflow Characteristics of Women's Voice Production along an Aging Continuum / C. M. Sapienza, J. Dutka. — Text : unmediated // JSHR. — 1996. — Vol. 39. — P. 322—328.
80. Saslove, H. Long-term Auditory Memory: Speaker Identification / H. Saslove, A. Yarmey. — Text : unmediated // Journal of Applied Psychology. — 1980. — Vol. 45. — P. 111—116.
81. Schiller, N. O. The Ability of Expert Witnesses to Identify Voices: A Comparison Between Trained and Untrained Listeners / N. O. Schiller, O. Köster. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 1998. — Vol. 5. — P. 1—9.
82. Schmidt-Nielsen, A. Identification of Known Voices as a Function of Familiarity and Narrow-band Coding / A. Schmidt-Nielsen, K. Stern. — Text : unmediated // Acoust. Soc. Am. — 1985. — Vol. 77. — P. 658—663.
83. Schwartz, M. F. Identification of Speaker Sex from Isolated Voiceless Fricatives / M. F. Schwartz. — Text : unmediated // Acoust. Soc. Am. — 1968. — Vol. 43. — P. 1178—1179.
84. Shipp, T. Perception of the Aging Male Voice / T. Shipp, H. Hollien. — Text : unmediated // JSHR. — 1969. — Vol. 12. — P. 703—71.
85. Simpson, A. P. Intraoral Pressure Variation in Nasal-plosive and Plosive-plosive Sequences in German / A. P. Simpson, S. Grawunder. — Text : unmediated // Proc. 8th International Seminar on Speech Production. — Strasbourg, 2008. — P. 125—128.
86. Smith, I. Speaker Identification in Whisper / I. Smith, P. Foulkes, M. Soskuthy. — Text : unmediated // Let. Hoje. — 2017. — Vol. 52. — N. 1. — P. 5—14.
87. Spencer, L. Speech Characteristics of Male-to-Female Transsexuals / L. Spencer. — Text : unmediated // Folia Phoneatrica. — 1988. — Vol. 40. — P. 31—42.
88. Thompson, C. Voice Identification: Speaker Identifiability and Correction of the Record Regarding Sex Effects / C. Thompson. — Text : unmediated // Human Learning. — 1985. — Vol. 4. — P. 19—27.
89. Trengove, G. Expert Evidence in a Scottish Sheriff Court / G. Trengove. — Text : unmediated // Texte zu Theorie und Praxis forensischer Linguistik. — Tubingen : Max Niemeyer Verlag, 1990. — P. 491—502.
90. Car, D. H. Van der. A Description and Analysis of the Operation and Validity of the Psychological Stress Evaluator / D. H. Van der Car, J. Greaner, N. Hibler, C. D. Speelberger, S. Bloch. — Text : unmediated // Journal of Forensic Sciences. — 1980. — Vol. 25. — P. 174—188.
91. Watt, D. Voice Onset Time and the Scottish Vowel Length Rule in Aberdeen English / D. Watt, J. Yurkova. — Text : unmediated // Proceedings of the 16th International Congress of Phonetic Sciences. — Saarbrücken, 2007. — P. 1521—1524.
92. Wolfe, V. Intonation and Fundamental Frequency in Male-to-Female Transsexuals / V. Wolfe, D. Ratusnik, F. Smith, G. Northrop. — Text : unmediated // Speech Hear. Disord. — 1990. — Vol. 55. — P. 43—50.
93. Xue, S. A. Effects of Aging on Selected Acoustic Voice Parameters: Preliminary Normative Data and Educational Implications / S. A. Xue, D. Deliyski. — Text : unmediated // Educational Gerontology. — 2001. — Vol. 21. — P. 159—168.
94. Yarmey, A. D. Earwitness Speaker Identification / A. D. Yarmey. — Text : unmediated // Psychology, Public Policy, Law. — 1995. — Vol. 1. — P. 792—816.
95. Yarmey, A. D. Voice Identification Over the Telephone / A. D. Yarmey. — Text : unmediated // J. Appl. Social Psychol. — 1991. — Vol. 21. — P. 1868—1876.
96. Yarmey, A. D. Voice Identification of an Abductor / A. D. Yarmey, E. Matthys. — Text : unmediated // Appl. Cogn. Psychol., 1992. — Vol. 6. — P. 367—377.
97. Yarmey, A. D. Commonsense Beliefs and the Identification of Familiar Voices / A. D. Yarmey, A. L. Yarmey, M. J. Yarmey, L. Parliament. — Text : unmediated // Applied Cognitive Psychology. — 2001. — Vol. 15 (3). — P. 283—299.
98. Zhang, C. Whisper-island Detection Based on Unsupervised Segmentation with Entropy-based Speech Feature Processing / C. Zhang, J. H. Hansen. — Text : unmediated // IEEE Transactions on Audio, Speech, and Language Processing. — 2011. — Vol. 19, n. 4. — P. 883—894.
99. Zhang, C. Forensic Database of Audio Recordings of 68 Female Speakers of Standard Chinese / C. Zhang, G. S. Morrison. — 2011. — URL: http://databases.forensic-voice-comparison.net. — Text : electronic.
100. Zhang, C. Voice Disguise and Automatic Speaker Recognition / C. Zhang, T. Tan. — Text : unmediated // Forensic Science International. — 2008. — Vol. 175. — P. 118—122.

E. V. Budaev
Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-2137-1364 ☑

☑ ***E-mail:*** *aedw@mail.ru.*

From the History of Foreign Forensic Phonetics

ABSTRACT. *The paper deals with the main issues of foreign forensic phonetics in the mid 20th — early 21st centuries. These issues include the question of the influence of age upon voice and the identification of age via listening to an audio record; the dependence of the reliability of voice identification on the sex of the listener and the ability to identify the speaker's sex; the dependence of the quality of identification on the length of the audio text; the influence of the fact of the witness's acquaintance with the voice analyzed during forensic examination; the ability to identify a person speaking a foreign language; the dependence of the quality of identification on the number of individual characteristics of the voice ("my brother's problem); the problem of intentional voice disguise (distortion) with the help of technical means, whisper, falsetto, na-*

salization; the influence of alcohol, mental illness, dialectal features and a foreign language on the characteristics of speech; the ability to identify the voice after various periods of time after the initial presentation of the audio text. The issue of development of technical and software tools for speech identification forms a separate aspect of theoretical research and applied studies in modern forensic phonetics.

KEYWORDS: *forensic phonetics; legal linguistics; voice identification; forensic expertise; history of foreign phonetics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages, Theory and Methods of Teaching, Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Budaev, E. V.* From the History of Foreign Forensic Phonetics / E. V. Budaev // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 171-181. — DOI.

REFERENCES

1. Aleksandrov, A. S. Introduction to Forencis Linguistics / A. S. Alexandrov. — Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod Law Academy, 2003. — 419 p. — Text : unmediated. [Vvedenie v sudebnuyu lingvistiku / A. S. Aleksandrov. — Nizhniy Novgorod : Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2003. — 419 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

2. Amosova, T. V. Convergence of Legal and Linguistic Methods in Comparative Jurisprudence: Legal Comparative Linguistics / T. V. Amosova, A. V. Yurkovsky, E. A. Yurkovskaya. — Text : unmediated // Issues of Russian and International Law. — 2016. — No. 9. — P. 96—107. [Konvergentsiya yuridicheskikh i lingvisticheskikh metodov v sravnitel'nom pravovedenii: yuridicheskaya komparativistskaya lingvistika / T. V. Amosova, A. V. Yurkovskiy, E. A. Yurkovskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. — 2016. — № 9. — S. 96—107]. — (In Rus.)

3. Brinev, K. I. Linguistic Theories and Linguistic Expert Studies: the Problem of the Relationship of Legal and Theoretical Linguistics / K. I. Brinev. — Text : unmediated // Siberian Journal of Philology. — 2010. — No. 1. — P. 179—187. [Lingvisticheskie teorii i lingvisticheskie ekspertnye issledovaniya: problema vzaimosvyazi yuridicheskoy i teoreticheskoy lingvistiki / K. I. Brinev. — Tekst : neposredstvennyy // Sibirskiy filologicheskiy zhurnal. — 2010. — № 1. — S. 179—187]. — (In Rus.)

4. Budaev, E. V. Forensic Linguistics Abroad: Establishment of the Subject / E. V. Budaev. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 122—126. [Zarubezhnaya yuridicheskaya lingvistika: genezis distsipliny / E. V. Budaev. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2019. — № 1. — S. 122—126]. — (In Rus.)

5. Budaev, E. V. The Evolution of Linguistic Expertise: Methods and Techniques : monograph / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, N. B. Ruzhentseva ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2017. — 201 p. — Text : unmediated. [Evolyutsiya lingvisticheskoy ekspertizy: metody i priemy : monografiya / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, N. B. Ruzhentseva ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2017. — 201 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

6. Budaev, E. V. Forensic Phonetics: Genesis of a Discipline / E. V. Budaev, L. Ya. Savvina. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 164-170. — DOI 10.26170/pl19-06-21. [Sudebnaya fonetika: stanovlenie distsipliny / E. V. Budaev, L. Yu. Savvina. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2019. — № 6 (78). — S. 164—170]. — (In Rus.)

7. Golev, N. D. Self-determination of Forensic Linguistics in Russia / N. D. Golev. — Text : unmediated // Jurislingistics. — 2007. — No. 8. — P. 7—13. [Samoopredelenie yuridicheskoy lingvistiki v Rossii / N. D. Golev. — Tekst : neposredstvennyy // Yurislingvistika. — 2007. — № 8. — S. 7—13]. — (In Rus.)

8. Khizhnyak, S. P. Fundamentals of Forensic Linguistics / S. P. Khizhnyak. — Saratov : Saratov State Acad. of Rights, 2011. — 124 p. — Text : unmediated. [Osnovy yuridicheskoy lingvistiki / S. P. Khizhnyak. — Saratov : Saratovskaya gos. akad. prava, 2011. — 124 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

9. Chudinov, A. P. Forensic Linguistics as a Scientific Field: Conflict Communication Study / A. P. Chudinov, M. B. Voroshilova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2018. — No 4 (70). — P. 182—184. [Sudebnaya lingvistika kak nauchnoe napravlenie: issledovanie konfliktnoy kommunikatsii / A. P. Chudinov, M. B. Voroshilova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2018. — № 4 (70). — S. 182—184]. — (In Rus.)

10. Aarts, N. W. The Effect of Listener Stress on Perceptual Speaker Identification / N. W. Aarts. — Gainesville : University of Florida, 1984. — 92 p. — Text : unmediated.

11. Ahmadi, F. Analysis-by-synthesis method for whisper-speech reconstruction / F. Ahmadi, I. V. Mcloughlin, H. R. Sharifzadeh. — Text : unmediated // Proceedings of IEEE Asia Pacific Conference Circuits and Systems. — 2008. — P. 1280—1283.

12. Alves, H. Disguised voices: a perceptual experiment. Paper presented at 3rd European Conference of the International Association of Forensic Linguistics / H. Alves, M. Fernández Trinidad, J. Gil Fernández, P. Infante, J. M. Lahoz, C. Pérez Sanz, E. San Segundo. — Oporto, 15—18 October 2012. — Text : unmediated.

13. Atwood, W. Stress Monitoring by Polygraph for Research Purposes / W. Atwood, H. Hollien. — Text : unmediated // Polygraph. — 1986. — Vol. 15. — P. 47—56.

14. Bachorowski, J. Acoustic Correlates of Talker Sex and Individual Talker Identity Are Present in a Short Vowel Segment Produced in Running Speech / J. Bachorowski, M. Owren. — Text : unmediated // Acoust. Soc. Am., 1999. — Vol. 106. — P. 1054—1063.

15. Baldwin, J. R. The Case of "J", an Early Example of Forensic Phonetics / J. R. Baldwin. — Text : unmediated // Texte zu Theorie und Praxis forensischer Linguistik. — Tubingen : Max Niemeyer Verlag, 1990. — P. 503—514.

16. Bartle, A. Auditory Speaker Discrimination by Forensic Phoneticians and Naive Listeners in Voiced and Whispered Speech / A. Bartle, V. Dellwo. — Text : unmediated // International Journal of Speech, Language and the Law. — 2015. — Vol. 22, n. 2. — P. 229—248.

17. Bralley, R. Evaluation of Vocal Pitch in Male Transsexuals / R. Bralley, G. Bull, C. Gore, M. Edgerton. — Text : unmediated // Comm. Disord. — 1978. — Vol. 11. — P. 443—449.

18. Braun, A. Age Estimation by Different Listener Groups / A. Braun. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 1996. — Vol. 3. — No 1. — P. 65—73.

19. Bull, R. Earwitness Voice Recognition Accuracy / R. Bull, B. R. Clifford. — Text : unmediated // Eyewitness Testimony: Psychological Perspectives / G. L. Wells, E. Loftus (eds). — Cambridge : Cambridge University Press, 1984. — P. 92—123.

20. Carbonell, J. R. Speaker Identification by a Matching-From-Samples Technique / J. R. Carbonell, K. N. Stevens, C. E. Williams, B. Woods. — Text : unmediated // J. Acous. Soc. Am. — 1965. — Vol. 40. — P. 1205—1206.

21. Chin, S. B. Alcohol and Speech / S. B. Chin, D. B. Pisoni. — Text : unmediated. — New York : Academic Press, 1997. — 376 p.

22. Clifford, B. R. Voice Identification by Human Listeners: On Earwitness Reliability / B. R. Clifford. — Text : unmediated // Law Human Behaviour. — 1980. — Vol. 4. — P. 373—394.

23. Coleman, R. Effect of Prior Exposure to Stimulus Material on Identification of Speaker's Sex, Height and Weight / R. Coleman, N. Lass. — Text : unmediated // Perceptual Motor Skills. — 1980. — Vol. 52. — P. 619—622.

24. DeJong, G. Earwitness characteristics and speaker identification accuracy : PhD dissertation / G. DeJong. — Gainesville : University of Florida, 1998. — 274 p. — Text : unmediated.

25. Dellwo, V. Speaker Idiosyncratic Rhythmic Features in the Speech Signal / V. Dellwo, A. Leemann, M.-J. Kolly. — Text : unmediated // Proceedings of Interspeech. — Portland (OR), USA, 2012. — P. 1584—1587.

26. Diamond, B. L. The Relevance of Forensic Psychiatric Evaluations / B. L. Diamond. — Text : unmediated // Speech Evaluation in Psychiatry / U. K. Darby (ed.). — New York : Grune and Stratton, 1981. — P. 243—252.

27. Endress, W. Voice Spectrograms as a Function of Age, Voice Disguise and Voice Imitation / W. Endress, W. Bambach, G. Flösser. — Text : unmediated // The Journal of the Acoustical Society of America. — 1971. — Vol. 49. — P. 1842—1848.

28. Evans, I. Speaker Identification in Whisper : Paper presented at International Association for Forensic Phonetics and Acoustics conference / I. Evans, P. Foulkes. — University of Cambridge, UK, 2009. — Text : unmediated.

29. Gil, J. El disimulo de la cualidad de voz en fonética judicial: un estudio perceptivo para un caso de hiponasalidad / J. Gil, E. San Segundo. — Text : unmediated // Panorama de la Fonética Española Actual / ed. by M. Penas Ibanez. — Madrid : Arco, Librosp, 2013. — P. 321—364.

30. Goldstein, A. Recognition Memory for Accented and Unaccented Voices / A. Goldstein, P. Knight, K. Bailis, J. Conover. — Text : unmediated // Bull. Psychonomic Soc. — 1981. — Vol. 17. — P. 217—220.

31. Hanley, T. D. Some Acoustic Similarities Among Languages / T. D. Hanley, J. Snidecor. — 1967. Phonetica. — Vol. 17. — P. 141—148.

32. Hautamäki, R. G. Acoustical and Perceptual Study of Voice Disguise by Age Modification in Speaker Verification / R. G. Hautamäki, M. Sahidullah, V. Hautamäki, T. Kinnunen // Speech Communication. — 2017. — Vol. 95. — P. 1—15.

33. Heike, G. Stimmenvergleichsgutachten — Probleme und Methoden der forensischen Phonetik am Beispiel einer Fallstudie / G. Heike. — Text : unmediated // Texte zu Theorie und Praxis forensischer Linguistik. — Tubingen : Max Niemeyer Verlag, 1990. — S. 481—490.

34. Higgens, M. A Comparison of Selected Phonatory Behaviors of Healthy Aged and Young Adults / M. Higgens, J. Saxman. — Text : unmediated // JSHR. — 1991. — Vol. 34. — P. 1000—1010.

35. Hirson, A. Forensic Implications of Vocal Creak as Voice Disguise / A. Hirson, M. Duckworth. — Text : unmediated // BEIPHOL, Stud. Forensic Phonet. — 1995. — Vol. 64. — P. 67—76.

36. Hoit, J. Speech Breathing in Women / J. Hoit, K. Hixon, M. Altman, W. Morgan. — Text : unmediated // JSHR. — 1989. — Vol. 32. — P. 353—365.

37. Hollien, H. Acoustics of Crime: The New Science of Forensic Phonetics / H. Hollien. — New York : Plenum Press, 1990. — 370 p. — Text : unmediated.

38. Hollien, H. Consideration of Guidelines for Earwitness Lineups / H. Hollien. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 1996. — Vol. 3. — P. 14—23.

39. Hollien, H. Forensic Voice Identification / H. Hollien. — New York : Academic Press, 2002. — 240 p. — Text : unmediated.

40. Hollien, H. Vocal Indicators of Psychological Stress / H. Hollien. — Text : unmediated // Forensic Psychology and Psychiatry / F. Wright, C. Bahn, R. W. Rieber (eds). — New York : New York Academy of Sciences, 1980. — P. 47—72.

41. Hollien, H. Criminal Identification Comparison: Aural vs. Visual Identification Resulting from a Simulated Crime / H. Hollien, G. Bennett, M. P. Gelfer. — Text : unmediated // Journal of Forensic Sciences. — 1983. — Vol. 25. — P. 208—221.

42. Hollien, H. Data on Psychological Stress Evaluators and Voice Lie Detection / H. Hollien, L. L. Geison, J. W. Hicks. — Text : unmediated // Journal of Forensic Sciences. — 1987. — Vol. 32. — P. 405—418.

43. Hollien, H. Perceptual Identification of Voices under Normal, Stress and Disguised Speaking Conditions / H. Hollien, W. Majewski, E. T. Doherty. — Text : unmediated // Journal of Phonetics. — 1982. — Vol. 10. — P. 139—148.

44. Hollien, H. Conducting Research on the Effects of Intoxication on Speech / H. Hollien, C. A. Martin. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 1996. — Vol 3, No 1. — P. 107—128.

45. Hollien, H. Aural-Perceptual Speaker Identification: Problems with Noncontemporary Samples / H. Hollien, R. Schwartz. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 2000. — Vol. 7. — P. 199—211.

46. Horga, D. The Influence of Bite-blocks on Continuous Speech Production / D. Horga. — Text : unmediated // Phonetics and its Applications / A. Braun, H. R. Masthoff (eds.). — Stuttgart : Steiner, 2002. — P. 143—152.

47. Horvath, F. Detecting Deception: the Promise and the Reality of Voice Stress Analysis / F. Horvath. — Text : unmediated // Journal of Forensic Sciences. — 1982. — Vol. 27. — P. 340—351.

48. Ingemann, F. Identification of the Speaker's Sex from Voiceless Fricativtes / F. Ingemann. — Text : unmediated // J. Acoust. Soc. Am. — 1968. — Vol. 44. — P. 1142—1144.

49. Klasmeyer, G. Voice and emotional states / G. Klasmeyer, W. Sendlmeier. — Text : unmediated // Voice Quality Measurement / R. Kent, M. Ball (eds.). — San Diego : Singular Thomson Learning, 2000. — P. 339—357.

50. Köster, J. P. Auditive Sprecherkennug bei Experten und Naiven / J. P. Köster. — Text : unmediated // Festschrift Wangler. — Hamburg : Helmut Buske, 1981. — Vol. 52. — P. 171—180.

51. Köster, O. The Influence of Native- language Background on Speaker Recognition / O. Köster, N.O. Schiller, H. J. Künzel. — Text : unmediated // Proc. 13th Int. Congr. Phonetic Sei. — Stockholm, 1995. — Vol. 4. — P. 306—309.

52. Künzel, H. Effects of Voice Disguise on Fundamental Frequency / H. Künzel. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 2000. — Vol. 7. — P. 149—179.

53. Künzel, H. Field Procedures in Forensic Speaker Recognition / H. Künzel. — Text : unmediated // Festschrift for J. D. O'Connor / J. Lewis (ed.). — London : Routledge, 1995. — P. 68—84.

54. Künzel, H. On the Problem of Speaker Identification by Victims and Witnesses / H. Künzel. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 1994. — Vol. 1. — P. 45—58.

55. Künzel, H. Einfluß von Alkohol auf Stimme und Sprache / H. Künzel, A. Braun, U. Eysholdt. — Heidelberg : Kriminalistik Verlag, 1992. — 117 S. — Text : unmediated.

56. LaRiviere, C. L. Some Acoustic and Perceptual Correlates of Speaker Identification / C. L. LaRiviere. — Text : unmediated // Dissertation Abstracts International. — 1972. — Vol. 32 (12-A). — P. 7116.

57. Lass, N. Speaker Sex Identification from Voiced, Whispered and Filtered Isolated Vowels / N. Lass, K. Hughes, M. Bower, L. Waters, V. Bourne. — Text : unmediated // Acoust. Soc. Am. — 1976. — Vol. 59. — P. 675—678.

58. Leemann, A. Speaker-individuality in Suprasegmental Temporal Features: Implications for Forensic Voice Comparison / A. Leemann, M. Kolly, V. Dellwo. — Text : unmediated // Forensic Science International. — 2014. — Vol. 238. — P. 59—67.

59. Linville, S. E. Vocal Aging, Singular Thomson Learning / S. E. Linville. — San Diego : Singular Thomson Learning, 2001. — 320 p. — Text : unmediated.

60. Llamas, D. Effects of Different Types of Face Coverings on Speech Acoustics and Intelligibility / D. Llamas, P. Harrison, D. Donnelly, D. Watt. — Text : unmediated // York Papers in Linguistics. — 2008. — Vol. 9. — P. 80—104.

61. Manning, W. H. Effects of a Voice Disguise Device / W. H. Manning, P. A. Hollien. — Text : unmediated // American Academy Forensic Science. — New Orleans, 1992. — No 108 (A).

62. Masthoff, H. A Report on a Voice Disguise Experiment / H. Masthoff. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 1996. — Vol. 3. — P. 160—167.

63. McGlone, R. E. Acoustic Analysis of Voice Disguise Related to Voice Identification / R. E. McGlone, P. A. Hollien, H. Hollien. — Text : unmediated // Proc. Intern. Conf. on Crime Countermeasures. — Oxford, 1977. — P. 31—35.

64. Molina, de Figueiredo R. M. A Report on the Acoustic Effects of One Type of Disguise / R. M. Molina de Figueiredo, Britto H. de Souza. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 1996. — Vol. 3. — P. 168—175.

65. Neuhauser, S. FAIC — Foreign Accent Imitation Corpus / S. Neuhauser. — 2011. — URL: http://www.personal.uni-jena.de/~x0nesa/faic.html. — Text : electronic.

66. Nolan, F. The Limitations of Auditory-Phonetic Speaker Identification / F. Nolan. — Text : unmediated // Texte zu Theorie und Praxis forensischer Linguistik. — Tubingen : Max Niemeyer Verlag, 1990. — P. 457—480.

67. Nolan, F. The Phonetic Bases of Speaker Recognition / F. Nolan. — Cambridge : Cambridge University Press, 1983. — 221 p. — Text : unmediated.

68. Nolan, F. The DyViS Database: Style-controlled Recordings of 100 Homogeneous Speakers for Forensic Phonetic Research / F. Nolan, K. McDougall, G .de Jong, T. Hudson. — Text : unmediated // The International Journal of Speech, Language and the Law. — 2009. — Vol. 16.1. — P. 31—57.
69. Orchard, T. The Effects of Whispers, Voice-Sample Duration and Voice Distinctiveness on Criminal Speaker Identification / T. Orchard, A. Yarmey. — Text : unmediated // Appl. Cogn. Psychol. — 1995. — Vol. 9. — P. 249—260.
70. Oyer, E. Temporal Aspects of Speech and the Aging Process / E. Oyer, L. Deal. — Text : unmediated // Folia Phoniatrica. — 1985. — Vol. 37. — P. 109—112.
71. Papcun, G. Long-term Memory for Unfamiliar Voices / G. Papcun, J. Kreiman, A. Davis. — Text : unmediated // Acoust. Soc. Am. — 1989. — Vol. 85. — P. 913—925.
72. Ptacek, P. Age Recognition from Voice / P. Ptacek, E. Sander. — Text : unmediated // JSHR. — 1966. — Vol. 9. — P. 273—277.
73. Ramig, L. Effects of Physiological Aging on Vowel Spectral Noise / L. Ramig. — Text : unmediated // Journal of Gerontology. — 1983. — Vol. 38. — P. 223—225.
74. Ramig, L. Effects of Physiological Aging on Selected Acoustic Characteristics of Voice / L. Ramig, R. Ringel. — Text : unmediated // JSHR. — 1983. — Vol. 26. — P. 22—30.
75. Reeves, T. E. Audio-Stress Analysis — A Means of Truth Verification in Forensic Practice / T. E. Reeves. — Text : unmediated // Medical Trail Technique Quarterly. — 1980. — Vol. 26. — P. 430—455.
76. Reich, A. Detecting the Presence of Vocal Disguise in the Male Voice / A. Reich. — Text : unmediated // Acoust. Soc. Am. — 1981. — Vol. 69. — P. 1458—1461.
77. Reich, A. R. Effects of Selective Vocal Disguises upon Speaker Identifiation by Listening / A. R. Reich, J. E. Duke. — Text : unmediated // Journal of the Acoustical Society of America. — 1979. — Vol. 66. — P. 1023—1028.
78. San Segundo, E. CIVIL Corpus: Voice Quality for Speaker Forensic Comparison / E. San Segundo, H. Alves, M. Fernández Trinidad. — Text : unmediated // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — 2013. — P. 587—593.
79. Sapienza, C. M. Glottal Airflow Characteristics of Women's Voice Production along an Aging Continuum / C. M. Sapienza, J. Dutka. — Text : unmediated // JSHR. — 1996. — Vol. 39. — P. 322—328.
80. Saslove, H. Long-term Auditory Memory: Speaker Identification / H. Saslove, A. Yarmey. — Text : unmediated // Journal of Applied Psychology. — 1980. — Vol. 45. — P. 111—116.
81. Schiller, N. O. The Ability of Expert Witnesses to Identify Voices: A Comparison Between Trained and Untrained Listeners / N. O. Schiller, O. Köster. — Text : unmediated // Forensic Linguistics. — 1998. — Vol. 5. — P. 1—9.
82. Schmidt-Nielsen, A. Identification of Known Voices as a Function of Familiarity and Narrow-band Coding / A. Schmidt-Nielsen, K. Stern. — Text : unmediated // Acoust. Soc. Am. — 1985. — Vol. 77. — P. 658—663.
83. Schwartz, M. F. Identification of Speaker Sex from Isolated Voiceless Fricatives / M. F. Schwartz. — Text : unmediated // Acoust. Soc. Am. — 1968. — Vol. 43. — P. 1178—1179.
84. Shipp, T. Perception of the Aging Male Voice / T. Shipp, H. Hollien. — Text : unmediated // JSHR. — 1969. — Vol. 12. — P. 703—71.
85. Simpson, A. P. Intraoral Pressure Variation in Nasal-plosive and Plosive-plosive Sequences in German / A. P. Simpson, S. Grawunder. — Text : unmediated // Proc. 8th International Seminar on Speech Production. — Strasbourg, 2008. — P. 125—128.
86. Smith, I. Speaker Identification in Whisper / I. Smith, P. Foulkes, M. Soskuthy. — Text : unmediated // Let. Hoje. — 2017. — Vol. 52. — N. 1. — P. 5—14.
87. Spencer, L. Speech Characteristics of Male-to-Female Transsexuals / L. Spencer. — Text : unmediated // Folia Phoneatrica. — 1988. — Vol. 40. — P. 31—42.
88. Thompson, C. Voice Identification: Speaker Identifiability and Correction of the Record Regarding Sex Effects / C. Thompson. — Text : unmediated // Human Learning. — 1985. — Vol. 4. — P. 19—27.
89. Trengove, G. Expert Evidence in a Scottish Sheriff Court / G. Trengove. — Text : unmediated // Texte zu Theorie und Praxis forensischer Linguistik. — Tubingen : Max Niemeyer Verlag, 1990. — P. 491—502.
90. Car, D. H. Van der. A Description and Analysis of the Operation and Validity of the Psychological Stress Evaluator / D. H. Van der Car, J. Greaner, N. Hibler, C. D. Speelberger, S. Bloch. — Text : unmediated // Journal of Forensic Sciences. — 1980. — Vol. 25. — P. 174—188.
91. Watt, D. Voice Onset Time and the Scottish Vowel Length Rule in Aberdeen English / D. Watt, J. Yurkova. — Text : unmediated // Proceedings of the 16th International Congress of Phonetic Sciences. — Saarbrücken, 2007. — P. 1521—1524.
92. Wolfe, V. Intonation and Fundamental Frequency in Male-to-Female Transsexuals / V. Wolfe, D. Ratusnik, F. Smith, G. Northrop. — Text : unmediated // Speech Hear. Disord. — 1990. — Vol. 55. — P. 43—50.
93. Xue, S. A. Effects of Aging on Selected Acoustic Voice Parameters: Preliminary Normative Data and Educational Implications / S. A. Xue, D. Deliyski. — Text : unmediated // Educational Gerontology. — 2001. — Vol. 21. — P. 159—168.
94. Yarmey, A. D. Earwitness Speaker Identification / A. D. Yarmey. — Text : unmediated // Psychology, Public Policy, Law. — 1995. — Vol. 1. — P. 792—816.
95. Yarmey, A. D. Voice Identification Over the Telephone / A. D. Yarmey. — Text : unmediated // J. Appl. Social Psychol. — 1991. — Vol. 21. — P. 1868—1876.
96. Yarmey, A. D. Voice Identification of an Abductor / A. D. Yarmey, E. Matthys. — Text : unmediated // Appl. Cogn. Psychol., 1992. — Vol. 6. — P. 367—377.
97. Yarmey, A. D. Commonsense Beliefs and the Identification of Familiar Voices / A. D. Yarmey, A. L. Yarmey, M. J. Yarmey, L. Parliament. — Text : unmediated // Applied Cognitive Psychology. — 2001. — Vol. 15 (3). — P. 283—299.
98. Zhang, C. Whisper-island Detection Based on Unsupervised Segmentation with Entropy-based Speech Feature Processing / C. Zhang, J. H. Hansen. — Text : unmediated // IEEE Transactions on Audio, Speech, and Language Processing. — 2011. — Vol. 19, n. 4. — P. 883—894.
99. Zhang, C. Forensic Database of Audio Recordings of 68 Female Speakers of Standard Chinese / C. Zhang, G. S. Morrison. — 2011. — URL: http://databases.forensic-voice-comparison.net. — Text : electronic.
100. Zhang, C. Voice Disguise and Automatic Speaker Recognition / C. Zhang, T. Tan. — Text : unmediated // Forensic Science International. — 2008. — Vol. 175. — P. 118—122.

Воркачев С. Г. Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 182—188.

УДК 811.161.1'42:39
ББК Ш141.12-55+Ш141.12-006.24 *ГСНТИ 16.21.47* *Код ВАК 10.02.19*
DOI

С. Г. Воркачев
Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: 0000-0002-6290-2582 ☑

☑ ***E-mail:*** *svork@mail.ru; vorkachevsergei@yandex.ru.*

Лингвокультурный концепт «мздоимство» в юридическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. *На материале текстов юридического дискурса исследуется мздоимство как один из значимых концептов русской лингвокультуры. Устанавливается «формула взятки», совпадающая со скриптом сделки — последовательностью ситуаций подкупа должностного лица (обязательные стороны сделки: активный участник (взяткодатель) — лицо, заинтересованное в услуге; пассивный участник (получатель взятки) — лицо, обладающее какими-либо распорядительными полномочиями; факультативный участник, посредник). Устанавливаются семантические признаки мздоимства как должностного преступления. Понятийная структура взятки в достаточной полноте семантических признаков отражается прежде всего в лексикографических источниках энциклопедического характера, дефиниционная семантика взятки присутствует в текстах юридического дискурса. В границах родовой семантической области идеи воздаяния взятка как подкуп должностного лица противостоит подарку по признакам корыстной мотивации и прямого умысла. В качестве предмета взятки как незаконной выгоды имущественного характера выступают деньги и ценные бумаги, вещи, а также выгоды и услуги имущественного характера, предоставляемые безвозмездно, но подлежащие оплате. На сегодняшний день действия неимущественного характера не могут быть предметом взятки, однако включение в перечень предметов взятки нематериальных услуг уже обсуждается в прессе и в юридическом экспертном сообществе. Основным отличием семантического состава мздоимства в юридическом дискурсе от всех прочих его дискурсных представлений выступает присутствие в нем признаков, связанных с квалификацией преступного деяния: установлением степени его общественной опасности и тяжести вины его субъекта.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *мздоимство; взятки; взяточничество; коррупция; лингвокультурные концепты; юридический дискурс; семантические признаки; лингвокультурология; русский язык.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, Кубанский государственный технологический университет; 350072, Россия, г. Краснодар, ул. Московская, д. 2; e-mail: svork@mail.ru; vorkachevsergei@yandex.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Воркачев, С. Г.* Лингвокультурный концепт «мздоимство» в юридическом дискурсе / С. Г. Воркачев // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 182-188. — DOI.

Взятка в России имеет глубокие корни и, можно сказать, в каком-то смысле определяет специфику общественного и государственного устройства нашей страны. О запрете принимать «тайные посулы» шла речь еще в Псковской и Новгородской судных грамотах (XIV—XV век), а уже в XIX в. министр юстиции граф В. Н. Панин, оформляя дарственную на дом для дочери, лично вручил нужному чиновнику «подарок» (см.: [Взятка URL]). Взятка обогатила современный русский язык такими лексическими единицами, как «взяткоемкость», «коррупционная составляющая» и «откат».

Как представляется, мздоимство вполне «вписывается» в число значимых концептов русской лингвокультуры, о чем свидетельствуют его «номинативная плотность» — синонимический ряд лексических единиц, передающих понятие должностного подкупа, насчитывает где-то три десятка единиц (см.: [Воркачев 2020: 227]), а также богатство образных ассоциаций слова «взятка» (см.: [Воркачев 2020: 315—318]) и его оценочный характер.

Лингвокультурный концепт — многомерное семантическое образование, в котором выделяется несколько качественно отличных составляющих (см.: [Воркачев 2011: 67—68]), в числе которых, конечно, присутствует понятийная, включающая в себя совокупность общих и существенных признаков класса объектов, позволяющих отделить этот класс от других классов внутри соответствующей родовой области. Эта составляющая может быть извлечена как из словарных толкований членов лексического ряда, посредством которых вербализуется этот концепт, так и из «обработанного продукта» — дефиниций, содержащихся в научном дискурсе (см.: [Воркачев 2017а: 17—18; 2018: 148]).

В когнитивистских терминах «формула взятки» практически совпадает со скриптом сделки — последовательностью ситуаций подкупа должностного лица, включающей предварительную договоренность, осуществление услуги и передачу вознаграждения. Описать этот скрипт по сути означает установить, кто, кому, что, за что, как и когда передает, плюс дать оценку и квалификацию этого деяния. Так, обязательными сторонами этой сделки выступают активный участ-

© Воркачев С. Г., 2020

ник (взяткодатель) и пассивный (получатель взятки), факультативным участником — посредник. Активный участник — это лицо, заинтересованное в услуге, которую ему может предоставить пассивный участник — лицо, обладающее какими-либо распорядительными полномочиями. Факту взятки в обязательном порядке предшествует ее обещание («посул»), вознаграждение за услугу может осуществляться в любой — материальной и нематериальной — форме как до, так и после выполнения этой услуги. Дача и получение взятки оцениваются как уголовно наказуемые деяния и квалифицируются в зависимости от их тяжести.

Конечно, в лексике естественного языка в принципе откладываются все взгляды человека на мир, все научные прозрения и заблуждения: «любой язык — это медаль, которую отчеканила история» (Ривароль), из словаря, приложив известные усилия, можно извлечь практически все научные теории и концепции. Тем не менее понятийную составляющую лингвокультурного концепта целесообразнее всего извлекать из «обработанного продукта» — дефиниций, содержащихся в научных текстах: монографиях, статьях, отраслевых терминологических словарях (см.: [Воркачев 2013: 105; 2017а: 17]), естественно, в том случае, когда описываемый концепт уже попал в фокус исследовательского интереса какой-либо науки. Там эта составляющая представлена наиболее детально, а ее языковое воплощение терминологизовано.

Понятийная структура взятки в достаточной полноте семантических признаков отражается прежде всего в лексикографических источниках энциклопедического характера, в частности, она представлена в статье «взяточничество» энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона (см.: [Брокгауз, Эфрон 1892, т. 6: 213—216]). Совершенно естественно, дефиниционная семантика взятки присутствует в текстах юридического дискурса: в юридических словарях и справочниках, в сводах законов и комментариях и разъяснениях к ним, в научных трудах по юриспруденции.

Юридический дискурс выделяется на основе содержательного, тематического принципа, его тема задается определенными базовыми концептам, на основе которых разворачиваются коммуникативные события, составляющие этот дискурс (см.: [Воркачев, Воркачева 2019: 18]), к числу которых, безусловно, относятся концепты «закон» и «правосудие».

В соответствии с субъектным подходом в составе юридического дискурса выделяются такие составляющие, как участники (агенты и клиенты), цель, хронотоп, ценности, коммуникативные стратегии, жанры и дискурсивные формулы (см.: [Карасик 2015: 259]). Участники юридического дискурса — это, с одной стороны, правоохранительные институты и их представители, с другой — правонарушители, а его цели и ценности определяются помимо нахождения истины еще и задачами социального возмездия и профилактики нарушения закона, откуда в число признаков взятки включается понятие квалификации — определения степени вины и тяжести наказания.

В большинстве специализированных российских лексикографических источников в качестве родовой семантической области взяточничества определяется коррупция как использование государственными служащими и представителями органов государственной власти занимаемой ими должности, служебных прав и властных полномочий для незаконного обогащения (см.: [ЭЮС 1999: 153; Сухарев 1999: 474; Тихомирова, Тихомиров 2009: 478]). Единого состава преступления коррупция не образует: помимо взяточничества, в нее входят злоупотребление служебным положением, превышение должностных полномочий, служебный подлог, протекционизм, незаконное участие в предпринимательской деятельности и пр. В то же самое время отмечается, что общепринятое толкование коррупции отсутствует, и в части справочных юридических документов она определяется также как сращивание государственных структур со структурами преступного мира в сфере экономики (см.: [Барихин 2005: 266; Азрилиян 2007: 313]).

«Взятка» как словарная статья в юридических лексикографических источниках встречается достаточно редко (см.: [Азрилиян 2007: 39—40]), в них присутствует главным образом статья «взяточничество» как собирательный термин, охватывающий два либо три самостоятельных должностных преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: дачу взятки, получение взятки и посредничество во взяточничестве (см.: [БЮЭ 2005: 88; Барихин 2005: 72]).

Нужно заметить, что даже в специальной справочной литературе термины «взятка» и «взяточничество» зачастую не различаются (см.: [Тихомирова, Тихомиров 2009: 123]) или даже «обращаются»: «Взятка — *предоставление* должностным лицам лично или через посредников каких-либо материальных ценностей взамен совершения этим должностным лицом незаконных действий

или действий в нарушение установленных процедур в интересах взяткодателя» и «Взяточничество — *вознаграждение* (или предложение вознаграждения), выражающееся в передаче денег, ценных вещей или услуг государственным служащим… с целью достижения выгодной договоренности…» [Азрилиян 2007: 39—40].

Субъектом взятки выступает должностное лицо любого уровня, ее объектом — не интерес частных лиц, а нормальная деятельность органов государственной власти, государственной службы и органов местного самоуправления — интерес публичный (см.: [Брокгауз, Эфрон 1892, т. 6: 213—214; БЮЭ 2005: 88]). Формально, с внешней стороны взятка весьма сходна с договором дарения или незаконным договором подряда, где заказчиком услуги является взяткодатель, а подрядчиком — взяткополучатель (см.: [Взятка URL]).

Нужно заметить, что особых отличий в общем понимании взятки и взяточничества в общей лексикографии и юридическом дискурсе нет: это все то же использование служебного положения для личного обогащения.

В границах родовой семантической области идеи воздаяния (см.: [Воркачев 2020]) взятка как подкуп должностного лица противостоит подарку по признакам корыстной мотивации и прямого умысла: главным признаком отличия взятки от дарения выступает безвозмездность, исключающая какое-либо встречное представление субъекта, определяющее возмездный обмен благами, выгодами и преимуществами (см.: [Вязгина URL]).

Другим, не менее важным признаком взятки выступает прямой умысел: взяткобратель сознает, что он получает незаконную имущественную выгоду за совершение или несовершение действий в пользу взяткодателя (см.: [Получение взятки URL]), что вытекает из их предварительной договоренности (см.: [Взятка URL]), без наличия каковой передаваемые ценности рассматриваются как подарок, получатель которого может быть привлечен лишь к дисциплинарной ответственности и то только в том случае, если стоимость подарка превышает 3000 рублей (ст. 575 ГК РФ).

По своей цели взятки подразделяются на ускоряющие ход дела в интересах взяткодателя, его тормозящие и прямой подкуп — покупку не услуги, а самого служащего, чтобы тот, пребывая на своей должности и внешне соблюдая полную лояльность службе, на деле действовал в интересах взяткодателя (см.: [Взятка URL]).

Как уже говорилось, современное уголовное законодательство РФ предусматривает два самостоятельных преступления, связанных со взяточничеством: получение взятки (ст. 290 УК) и дача взятки (ст. 291 УК). Отдельная статья «посредничество во взяточничестве», присутствовавшая в советском УК 1960 года, в российский УК не перешла, зато в нем появилась статья «коммерческий подкуп» (ст. 204 УК РФ), в которой речь идет о передаче и получении материальных ценностей или услуг имущественного характера, но только лицу или лицом, выполняющим управленческие функции в негосударственной — коммерческой или иной организации. Взятка и коммерческий подкуп совпадают в своих существенных признаках, пожалуй, с единственным отличием в том, что уголовное преследование в случае последнего осуществляется исключительно по заявлению той организации, которой нанесен ущерб (см.: [Коммерческий подкуп URL; Кузнецова 2003: 22]).

В качестве предмета взятки как незаконной выгоды имущественного характера выступают деньги и ценные бумаги, вещи, а также выгоды и услуги имущественного характера, предоставляемые безвозмездно, но подлежащие оплате: туристические путевки, билеты, квартиры, ремонт, оплата и прощение долгов, освобождение от уголовной ответственности, занижение стоимости передаваемого имущества, уменьшение арендных платежей и пр. (см.: [Получение взятки URL; Взятка URL]). На сегодняшний день действия неимущественного характера (выдача положительной характеристики, рекомендация, положительный отзыв в прессе, кумовство, выдача дипломов, оказание сексуальных услуг, «накрытие полян», дарение «борзых щенков» и пр.) не могут быть предметом взятки, однако включение в перечень предметов взятки нематериальных услуг уже обсуждается в прессе и в юридическом экспертном сообществе (см.: [Барова 2017]).

По форме получения и способу вручения различаются два основных вида взятки: явная (открытая), состоящая в непосредственном получении должностным лицом предмета взятки, и завуалированная, облеченная во внешне законные формы: передача денег в долг, проигрыш в карты, совместительство, выплаты по договору, незаслуженные премии и пр. (см.: [Получение взятки URL; Взятка URL]).

В свою очередь, встречная услуга со стороны должностного лица может состоять в действиях (бездействии), входящих в служебные полномочия этого лица, в способствовании таким действиям либо в общем покровительстве или попустительстве по службе (см.: [Получение взятки URL]), где

протекционизм выступает в форме необоснованного продвижения по службе, выдачи незаслуженных премий и других поощрений и прочего, а попустительство выражается в непресечении неправомерных или преступных действий подчиненного, нереагировании на прогулы, на приход на работу в состоянии опьянения и пр. (см.: [Получение взятки URL]).

Взятка считается взяткой независимо от времени ее получения — до или после совершения действия или бездействия, выступает ли она в виде взятки-подкупа или взятки-вознаграждения (благодарности).

И, наконец, признаком, отличающим взятку от другого преступного деяния — мошенничества, выступает в юридическом дискурсе наличие у взяткобрателя реальной возможности оказать проплаченную услугу — выполнить обещание: получение должностным лицом взятки за действия, которые он не мог осуществить из-за отсутствия у него служебных полномочий, квалифицируется как мошенничество (см.: [Взятка URL]).

Основным отличием семантического состава взятки в юридическом дискурсе от всех прочих ее дискурсных представлений выступает присутствие в нем признаков, связанных с квалификацией преступного деяния: установлением степени его общественной опасности и тяжести вины его субъекта.

Тогда в число квалифицированных, отягчающих вину видов взятки попадают: 1) получение взятки лицом, занимающим государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, а также главой органа местного самоуправления; 2) получение взятки за неправомерные действия, которые не вытекали из служебных полномочий взяткобрателя или совершались вопреки интересам службы, либо неправомерные действия, содержащие в себе признаки преступления или иного правонарушения (см.: [БЮЭ 2005: 88]).

В числе же особо квалифицированных видов служебного подкупа в УК РФ оказываются: 1) получение взятки группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; 2) неоднократность ее получения; 3) вымогательство взятки; 4) крупный размер взятки (ч. 4 ст. 190 УК).

Отдельной статьей в УК РФ (ст. 274) идет провокация взятки: попытка передачи должностному лицу без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или услуг имущественного характера с целью создания искусственных доказательств получения взятки (см.: [Получение взятки URL]).

Семантический прототип взятки, созданный по данным юридического дискурса, очевидно, будет выглядеть следующим образом.

Взятка — это криминальное деяние, состоящее в передаче по предварительной договоренности частным лицом каких-либо ценностей или выгод должностному лицу в обмен на встречные услуги, связанные со служебными полномочиями последнего вне зависимости от времени получения взятки. Она всегда имеет корыстную мотивацию, может принимать явную и скрытую форму и заключается в действиях (бездействии), входящих в служебные полномочия должностного лица, в способствовании таким действиям либо в общем покровительстве по службе. Взятка получает квалификацию в зависимости от степени ее общественной опасности, когда в число обстоятельств, отягчающих вину ее субъекта, попадают государственная должность ее получателя; действия, не вытекающие из служебных полномочий взяткобрателя либо содержащие в себе признаки преступления; получение взятки группой лиц; неоднократность ее получения; вымогательство взятки и ее крупный размер.

Сопоставление понятийных признаков взятки в юридическом дискурсе с признаками, присутствующими в ее лексикографическом представлении (см.: [Воркачев 2019]), со всей очевидностью свидетельствуют о количественном и качественном превосходстве «обработанного семантического продукта». В то же самое время такие существенные в дефиниционном отношении черты служебного подкупа, как прямой умысел и предварительная договоренность, правомерность и неправомерность действий должностного лица, отражены в «исторической памяти» современных лексических единиц и, как в случае справедливости (см.: [Воркачев 2009]), могут быть восстановлены в результате «палеонтологического» анализа. Так, умысел и предварительная договоренность участников взятки некогда были отражены во «внутренней форме» имени «посул», к правомерности действий должностного лица отправляло «мздоимство», а к неправомерности этих действий — «лихоимство».

Подведем итоги.

«Формула взятки» — это последовательность ситуаций подкупа должностного лица, включающая предварительную договоренность, осуществление услуги и передачу вознаграждения. Понятийная структура взятки в достаточной полноте семантических признаков отражается прежде всего в лексикографических источниках энциклопедического характера, дефиниционная семантика взятки присутствует в текстах юридического

дискурса. «Взятка» как словарная статья в юридических лексикографических источниках встречается достаточно редко, в них присутствует главным образом статья «взяточничество» как собирательный термин, охватывающий два либо три самостоятельных должностных преступления: дачу взятки, получение взятки и посредничество во взяточничестве. Субъектом взятки выступает должностное лицо любого уровня, ее объектом — не интерес частных лиц, а нормальная деятельность органов государственной власти, государственной службы и органов местного самоуправления — интерес публичный. Формально, с внешней стороны взятка весьма сходна с договором дарения или незаконным договором подряда, где заказчиком услуги является взяткодатель, а подрядчиком — взяткополучатель. В границах родовой семантической области идеи воздаяния взятка как подкуп должностного лица противостоит подарку по признакам корыстной мотивации и прямого умысла. В качестве предмета взятки как незаконной выгоды имущественного характера выступают деньги и ценные бумаги, вещи, а также выгоды и услуги имущественного характера, предоставляемые безвозмездно, но подлежащие оплате. На сегодняшний день действия неимущественного характера не могут быть предметом взятки, однако включение в перечень предметов взятки нематериальных услуг уже обсуждается в прессе и в юридическом экспертном сообществе. Основным отличием семантического состава взятки в юридическом дискурсе от всех прочих ее дискурсных представлений выступает присутствие в нем признаков, связанных с квалификацией преступного деяния: установлением степени его общественной опасности и тяжести вины его субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азрилиян, А. Н. Юридический словарь / А Н. Азрилиян. — Москва : Институт новой экономики, 2007. — 1152 с. — Текст : непосредственный.

2. Барихин, А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь / А. Б. Барихин. — Москва : Книжный мир, 2005. — 720 с. — Текст : непосредственный.

3. Барова, Е. От гаража до гарнитура: чем еще кроме денег берут взятки отечественные коррупционеры?/ Е. Барова. — Текст : непосредственный // АиФ. — 2007. — № 24. — С. 8.

4. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь : в 86 т. (82 т. и 4 доп.) / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. — Санкт-Петербург : Типо-литография И. А. Эфрона, 1890—1907. — Текст : непосредственный.

5. БЮЭ 2005 = Большая юридическая энциклопедия. — Москва : Эксмо, 2005. — 688 с. — Текст : непосредственный.

6. Взятка. — URL : http://www.refbank.ru/up/67/up67.html (дата обращения: 01.01.2020). — Текст : электронный.

7. Воркачев, С. Г. «Палеонтология правды»: значимостная составляющая лингвокультурной идеи справедливости в русском языке / С. Г. Воркачев. — Текст : непосредственный // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия: Филология. — 2009. — № 1. — С. 76—85.

8. Воркачев, С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития / С. Г. Воркачев. — Текст : непосредственный // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2011. — Т. 70, № 5. — С. 64—74.

9. Воркачев, С. Г. Семиотика лингвокультурного концепта / С. Г. Воркачев. — Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2013. — № 2. — С. 103—107.

10. Воркачев, С. Г. Lumen naturale: аксиология интеллекта в языке / С. Г. Воркачев. — Москва : Флинта : Наука, 2017. — 296 с. — Текст : непосредственный.

11. Воркачев, С. Г. Imago verbi: опыт семантического портретирования имени / С. Г. Воркачев. — Москва : Флинта, 2017а. — 287 с. — Текст : непосредственный.

12. Воркачев, С. Г. Образ слова: к семантическому портрету имени / С. Г. Воркачев. — Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2018. — № 1. — С. 145—150.

13. Воркачев, С. Г. Концепт «мздоимство» в лексикографическом представлении / С. Г. Воркачев. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2019. — № 5. — С. 66—73.

14. Воркачев, С. Г. Какою мерою мерите: идея воздаяния в лингвокультуре / С. Г. Воркачев. — Москва : Флинта, 2020. — 372 с. — Текст : непосредственный.

15. Воркачев, С. Г. Дискурс и его типология в российской лингвистике / С. Г. Воркачев, Е. А. Воркачева. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2019. — № 3. — С. 73—79.

16. Вязгина, Я. А. Обычный подарок или взятка? / Я. А. Вязгина. — URL: http://syu.ru/articles/2010/12/4726.html (дата обращения: 05.10.2019). — Текст : электронный.

17. Карасик, В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы / В. И. Карасик. — Волгоград : Парадигма, 2015. — 432 с. — Текст : непосредственный.

18. Коммерческий подкуп. — URL: http://konspekt.biz/index.php?text=48529 (дата обращения: 02.11.2019). — Текст : электронный.

19. Кузнецова, И. А. Ответственность за коммерческий подкуп : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Кузнецова И. А. — Москва, 2003. — 25 с. — Текст : непосредственный.

20. Получение взятки. — URL: http://ref.repetiruem.ru/referat/poluchenie-vzjatki (дата обращения: 02.12.2019). — Текст : электронный.

21. Сухарев, А. Я. Российская юридическая энциклопедия / А. Я. Сухарев. — Москва : Инфра-М, 1999. — 1110 с. — Текст : непосредственный.

22. Тихомирова, Л. В. Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров. — Москва : Изд. Тихомирова М. Ю., 2009. — 1088 с. — Текст : непосредственный

23. ЭЮС 1999 = Энциклопедический юридический словарь. — Москва : Инфра-М, 1999. — 368 с. — Текст : непосредственный.

S. G. Vorkachev
Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6290-2582 ☑

☑ ***E-mail:*** *svork@mail.ru; vorkachevsergei@yandex.ru.*

Linguocultural Concept of "Bribery" in Juridical Discourse

ABSTRACT. *The article explores bribery as one of the significant concepts of the Russian linguoculture on the material of the texts of juridical discourse. The article reconstructs the "formula of the bribe" resembling the script of a business deal – the sequence of situations of giving a bribe to an official (the obligatory parties of the deal: an active participator (briber) – a person interested in the action; a passive participator (bribe receiver) – a person with certain powers; an optional participator, an intermediary). The article determines the semantic features of bribery as malfeasance. In a quite significant number of semantic features, the conceptual structure of the bribe is reflected primarily in lexicographical sources of encyclopedic nature. The definitional semantics of the bribe can be found in the texts of juridical discourse. Within the boundaries of the generic semantic area of bribery, the bribe as subornation of an official opposes the gift in terms of mercenary motivation and direct intent. Money and securities, valuable things and gains and services of material nature provided free of charge and not subject to payment can function as an object of the bribe as an unlawful material gain. Today, actions of non-material nature cannot be considered objects of a bribe, but the need to include non-material services in the list of bribe objects is being discussed in the press and by the legal expert community. The main difference of the semantic composition of bribery in juridical discourse from its all other discursive manifestations consists in the presence of specific features associated with qualification of the crime: determination of the degree of its public danger and severity of guilt of its subject.*

KEYWORDS: *bribery; bribes; corruption; linguocultural concepts; juridical discourse; semantic features; linguoculturology; Russian.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Vorkachev Sergey Grigor'evich, Doctor of Philology, Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia.*

FOR CITATION: *Vorkachev, S G.* Linguocultural Concept of "Bribery" in Juridical Discourse / S. G. Vorkachev // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 182-188. — DOI.

REFERENCES

1. Azrilijan, A. N. Legal Dictionary / A. N. Azrilian. — Moscow : Institute of the New Economy, 2007. — 1152 p. — Text : unmediated. [Juridicheskij slovar' / A N. Azrilijan. — Moskva : Institut novoj jekonomiki, 2007. — 1152 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
2. Barihin, A. B. Big Legal Encyclopedic Dictionary / A. B. Barikhin. — Moscow : Book World, 2005. — 720 p. — Text : unmediated. [Bol'shoj juridicheskij jenciklopedicheskij slovar' / A. B. Barihin. — Moskva : Knizhnyj mir, 2005. — 720 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
3. Barova, E. From the Garage to the Headset: What Else Besides Money Do Domestic Corrupt Officials Take Bribes? / E. Barova. — Text : unmediated // AiF. — 2007. — No. 24. — P. 8. [Ot garazha do garnitura: chem eshhe krome deneg berut vzjatki otechestvennye korrupcionery?/ E. Barova. — Tekst : neposredstvennyj // AiF. — 2007. — № 24. — S. 8]. — (In Rus.)
4. Brokgauz, F. A. Encyclopedic Dictionary: 86 volumes (82 volumes and 4 additional) / F. A. Brokgauz, I. A. Efron. — St. Petersburg : Tipolithography of I. A. Efron, 1890—1907. — Text : unmediated. [Jenciklopedicheskij slovar' : v 86 t. (82 t. i 4 dop.) / F. A. Brokgauz, I. A. Jefron. — Sankt-Peterburg : Tipo-litografija I. A. Jefrona, 1890—1907. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
5. Big Legal Encyclopedia. — Moscow : Eksmo, 2005. — 688 p. — Text : unmediated. [Bol'shaja juridicheskaja jenciklopedija. — Moskva : Jeksmo, 2005. — 688 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
6. Bribe. [Vzjatka]. — URL : http://www.refbank.ru/up/67/up67.html (date of acces: 01.01.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
7. Vorkachev, S. G. "Paleontology of Truth": a Significant Component of the Linguocultural Idea of Justice in the Russian Language / S. G. Vorkachev. — Text : unmediated // Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University. Series: Philology. — 2009. — No. 1. — P. 76—85. [«Paleontologija pravdy»: znachimostnaja sostavljajushhaja lingvokul'turnoj idei spravedlivosti v russkom jazyke / S. G. Vorkachev. — Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Serija: Filologija. — 2009. — № 1. — S. 76—85]. — (In Rus.)
8. Vorkachev, S. G. Russian Linguocultural Conceptology: Current Status, Problems, Development Vector / S. G. Vorkachev. — Text : unmediated // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. A series of Literature and Language. — 2011. — Vol. 70, No. 5. — P. 64—74. [Rossijskaja lingvokul'turnaja konceptologija: sovremennoe sostojanie, problemy, vektor razvitija / S. G. Vorkachev. — Tekst : neposredstvennyj // Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. — 2011. — T. 70, № 5. — S. 64—74]. — (In Rus.)
9. Vorkachev, S. G. Semiotics of the Linguocultural Concept / S. G. Vorkachev. — Text : unmediated // Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University. — 2013. — No. 2. — P. 103—107. [Semiotika lingvokul'turnogo koncepta / S. G. Vorkachev. — Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. — 2013. — № 2. — S. 103—107]. — (In Rus.)
10. Vorkachev, S. G. Lumen Naturale: Axiology of Intelligence in Language / S. G. Vorkachev. — Moscow : Flinta : Science, 2017. — 296 p. — Text : unmediated. [Lumen naturale: aksiologija intellekta v jazyke / S. G. Vorkachev. — Moskva : Flinta : Nauka, 2017. — 296 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
11. Vorkachev, S. G. Imago Verbi: the Experience of Semantic Portraiture of a Name / S. G. Vorkachev. — Moscow : Flinta, 2017a. — 287 p. — Text : unmediated. [Imago verbi: opyt semanticheskogo portretirovanija imeni / S. G. Vorkachev. — Moskva : Flinta, 2017a. — 287 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
12. Vorkachev, S. G. Image of the Word: to the Semantic Portrait of a Name / S. G. Vorkachev. — Text : unmediated // Bulletin of Pyatigorsk State University. — 2018. — No. 1. — P. 145—150. [Obraz slova: k semanticheskomu portretu imeni / S. G. Vorkachev. — Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2018. — № 1. — S. 145—150]. — (In Rus.)
13. Vorkachev, S. G. The Concept of "Bribery" in the Lexicographic Representation / S. G. Vorkachev. — Text : unmediated // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. — 2019. — No. 5. — P. 66—73. [Koncept «mzdoimstvo» v leksikograficheskom predstavlenii / S. G. Vorkachev. — Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. — 2019. — № 5. — S. 66—73]. — (In Rus.)
14. Vorkachev, S. G. By What Measure: the Idea of Retribution in Linguistic Culture / S. G. Vorkachev. — Moscow : Flinta,

2020. — 372 p. — Text : unmediated. [Kakoju meroju merite: ideja vozdajanija v lingvokul'ture / S. G. Vorkachev. — Moskva : Flinta, 2020. — 372 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

15. Vorkachev, S. G. Discourse and Its Typology in Russian Linguistics / S. G. Vorkachev, E. A. Vorkacheva. — Text : unmediated // Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics. — 2019. — No. 3. — P. 73—79. [Diskurs i ego tipologija v rossijskoj lingvistike / S. G. Vorkachev, E. A. Vorkacheva. — Tekst : neposredstvennyj // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki. — 2019. — № 3. — S. 73—79]. — (In Rus.)

16. Vjazgina, Y. A. Ordinary Gift or a Bribe? / Y. A. Vyazgin. [Obychnyj podarok ili vzjatka? / Ja. A. Vjazgina]. — URL: http://syu.ru/articles/2010/12/4726.html (date of access: 05.10.2019). — Text : electronic.

17. Karasik, V. I. Language Spiral: Values, Signs, Motives / V. I. Karasik. — Volgograd : Paradigm, 2015. — 432 p. — Text : unmediated. [Jazykovaja spiral': cennosti, znaki, motivy / V. I. Karasik. — Volgograd : Paradigma, 2015. — 432 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

18. Commercial Bribery. [Kommercheskij podkup]. — URL: http://konspekt.biz/index.php?text=48529 (date of access: 02.11.2019). — Text : electronic.

19. Kuznecova, I. A. Responsibility for Commercial Bribery : synopsis of thesis ... of Cand. of Legal Sciences / Kuznetsova I. A. — Moscow, 2003. — 25 p. — Text : unmediated. [Otvetstvennost' za kommercheskij podkup : avtoref. dis. … kand. jurid. nauk / Kuznecova I. A. — Moskva, 2003. — 25 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

20. Receiving of a Bribe. [Poluchenie vzjatki]. — URL: http://ref.repetiruem.ru/referat/poluchenie-vzjatki (date of access: 02.12.2019). — Text : electronic.

21. Suharev, A. Ja. Russian Legal Encyclopedia / A. Ya. Sukharev. — Moscow : Infra-M, 1999. — 1110 p. — Text : unmediated. [Rossijskaja juridicheskaja jenciklopedija / A. Ja. Suharev. — Moskva : Infra-M, 1999. — 1110 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

22. Tihomirova, L. V. Legal Encyclopedia / L. V. Tihomirova, M. Yu. Tihomirov. — Moscow : Publishing. Tikhomirova M. Yu., 2009. — 1088 p. — Text : unmediated [Juridicheskaja jenciklopedija / L. V. Tihomirova, M. Ju. Tihomirov. — Moskva : Izd. Tihomirova M. Ju., 2009. — 1088 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

23. Encyclopedic Law Dictionary. — Moscow : Infra-M, 1999. — 368 p. — Text : unmediated. [Jenciklopedicheskij juridicheskij slovar'. — Moskva : Infra-M, 1999. — 368 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

УДК 811.161.1'42
ББК Ш141.12-51 *ГСНТИ 16.21.33; 16.31.61* *Код ВАК 10.02.01*
DOI

О. В. Зуга
Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-2675-4818 ☑

☑ ***E-mail:*** *ozuga@rambler.ru.*

Проблемы восприятия и интерпретации сочинительных конструкций с союзами *и, или* в законодательных актах Российской Федерации

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена анализу сочинительных конструкций с союзами «и», «или» в законодательных актах Российской Федерации. На примере статей Уголовного и Гражданского кодексов показаны трудности восприятия и интерпретации рассматриваемых конструкций; предложены возможные способы устранения языковой неточности или ошибки. Так, в некоторых случаях замена союза «и» (даже при правильном его использовании) на союз «или» существенно облегчит процесс восприятия и интерпретации юридической нормы (ст. 30 УК РФ); в некоторых случаях замена союза «и» на союз «или» устранит двусмысленность (ст. 64 УК РФ); в некоторых — например, при использовании союза «или» — правильное согласование сказуемого с однородными подлежащими устранит грамматическую ошибку в тексте закона (ст. 62 УК РФ) и др. Анализ различных типов сочинительных конструкций в законодательных актах показал, что востребованными при их интерпретации в первую очередь оказываются традиционные методы грамматического анализа, устанавливающие структурно-семантические отношения компонентов предложения; описание сочинительных отношений в конкретном контексте невозможно вне характеристики семантики соединяемых ими компонентов. Материалы статьи могут быть использованы для проведения дальнейших исследований по данной проблематике, при написании законодательных и иных официальных документов, а также при разработке методических рекомендаций по лингвистической экспертизе законопроектов.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *лингвистическая экспертиза; законодательные акты; сочинительные конструкции; русский язык; российское законодательство; нормативно-правовые акты.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Зуга Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент, кафедра русского языка, теоретической и прикладной лингвистики, Удмуртский государственный университет; 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1; e-mail: ozuga@rambler.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Зуга, О. В.* Проблемы восприятия и интерпретации сочинительных конструкций с союзами *и*, *или* в законодательных актах Российской Федерации / О. В. Зуга // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 189-197. — DOI.

— А кем ты будешь, когда вырастешь? — спросил Пелле.
— Растолстею и буду писать книги, как дядя Мелькер.
Пелле удивленно вскинул брови.
— Но ведь папа не толстый!
— Разве я это говорю?
— Как же, ты сказала, — поддакнула Стина.
— Ты что, глухая? — спросила Чёрвен.
— Я сказала, что буду писать книги, как дядя Мелькер, и что растолстею, но одно другого не касается.

Астрид Линдгрен. Мы — на острове Сальткрока

Существует немало работ, посвященных исследованию функционирования сочинительных конструкций в русском языке. Достаточно активно исследовались вопросы синтаксиса сочинительных конструкций, не раз поднимался вопрос о функциональной семантике сочинительных союзов. Материалом для исследований служили источники разных типов: старославянские тексты, диалектные записи, тексты художественной литературы, факты современного русского языка и др. [Николаева 1997; Ерещенко 2001; Урысон 2005; Санников 2008; Гаврилова 2015; Ковтуненко 2016].

В настоящее время сочинительные конструкции привлекают внимание ученых в связи с использованием их в языке права, точнее в законодательных актах Российской Федерации (см., например: [Чернышова 2007; Чернышова 2004; Судебная лингвистика 2015]). Проблемы, связанные с неоднозначным пониманием и интерпретацией законодательных актов, обусловлены, в частности, синтаксическим строением фраз. Именно поэтому особое внимание анализу конструкций с союзами *и/или* уделяется в рекомендациях по лингвистической экспертизе законопроектов [Лингвистические реко-

© Зуга О. В., 2020

мендации… 2013: 15]. Тем не менее до сих пор в процессе правовой коммуникации (часто для разрешения речевых конфликтов в судебных и досудебных разбирательствах) возникают ситуации, когда понимание смысла правовой нормы, зафиксированной в законодательных актах, невозможно без ее дополнительного анализа, для которого все чаще привлекаются специалисты в области русского языка.

В научной литературе, словарях и грамматиках русского языка у соединительного союза *и* зафиксировано множество значений. В. А. Белошапкова и некоторые другие исследователи разделяют точку зрения А. М. Пешковского, согласно которой союз *и* обозначает «чистую конъюнкцию», не осложненную дополнительными компонентами значения (цит. по [Санников 2008: 287]). Т. М. Николаева указывает на то, что основная функция союза *и* — передача одного большого события как цельного через дополнительное его разбиение на существующие пропозиции. Частными случаями такого представления событий является *одновременность* происходящих действий, ситуаций (*Люди спали, были беспомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила их*) или *последовательность* более дробных событий: представляемое большое событие может выглядеть как протекающее во времени (*Это успокаивает его, и он спускается дальше*) [Николаева 1997: 19—21].

БАС, кроме одновременности и последовательности, выделяет и другие значения: причинно-следственное (*Душно стало в сакле, я и вышел на воздух*), условно-следственное (*Публика должна осознать свои права на литературу, и тогда литература неуклонно пойдет вперед*); сопоставительно-противительное (*Он хотел встать с дивана, и не мог, хотел говорить слово — и язык не повиновался ему*); результативное (*Готовлюсь нежным быть, а свижусь — и простыну*) (цит. по [Санников 2008: 284—286]).

Н. С. Валгина, признавая тот факт, что предложения с союзом *и* могут иметь разнообразные значения, указывает, какими именно средствами эти значения передаются в контексте: «…значение одновременности передается путем использования совпадающих видо-временных форм глаголов-сказуемых (хотя формы вида могут и не совпадать), особой перечислительной информации и некоторых лексических средств…» [Валгина 1991: 296].

Мы придерживаемся точки зрения тех ученых, которые, признавая большой семантический потенциал и широкие синтаксические возможности союза *и* [Ерещенко 2001: 11], считают, что в сочинительных предложениях с союзом *и* все значения (кроме причинно-следственного) выражаются не союзом *и*, а другими средствами — лексическим составом, интонацией, порядком следования компонентов, их морфологическими характеристиками (ср. пары: *Он сел и запел* vs. *Он запел и сел*; *Он сел и запел* [последовательность] vs. *Он сидел и пел* [одновременность] [Санников 2008: 286, 289]); что проблема описания сочинительного союза «и» не может быть раскрыта вне характеристики семантики соединяемых им компонентов, так как это не знаменательное слово, а служебное и определить совокупность его семантических реализаций, которые могут быть включены в его словарные дефиниции, можно лишь описав всю совокупность возможных синтаксических употреблений, это элемент синтаксиса, и рассматривать синтаксическую структуру вне синтаксической конструкции невозможно [Ерещенко 2001: 26; Гаврилова 2015: 71 и др.].

Материалом для нашего исследования послужили статьи Уголовного и Гражданского кодексов Российской Федерации, имеющие в своем составе разнообразные семантико-синтаксические отношения, оформленные союзами *и* и *или*.

Пример 1

«**Статья 30 УК РФ.** Приготовление к преступлению и покушение на преступление. 2. Уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям».

Нетрудно заметить, что союз *и* присутствует не только в тексте статьи, но и в ее заголовке. Так как подобные конструкции (заголовки, названия, надписи и под.) не имеют признака предикативности, не содержат значения бытия (события), выполняют функцию называния (наименования), следовательно, выступая лишь в качестве логического *и*, союз выполняет в них функцию «чистой соединительности (конъюнкции)».

Проанализируем вторую часть статьи: «2. Уголовная ответственность наступает за приготовление только к *тяжкому и особо тяжкому преступлениям*» (выделено нами. — *О. З.*).

Комментируя эту норму, юристы обращают внимание на то, что «при буквальном толковании это правило интерпретируется следующим образом: уголовная ответственность предусмотрена за одновременное приготовление лица к совершению двух преступлений — тяжкого и особо тяжкого. Использование распространительного толкования

позволяет применять это правило, когда виновное лицо готовилось к совершению какого-либо одного преступления — тяжкого или особо тяжкого» [Сверчков, Шавлюк 2018: 268].

В приведенном контексте союз *и* употребляется для соединения двух слов, обозначающих однородные в определенном отношении признаки, и указывает на то, что перечисление данных признаков полностью исчерпано и не может быть продолжено далее. Собственно сочинительный союз *и* фиксирует одинаковую (смысловую и синтаксическую) отнесенность соединенных им компонентов (определений) к третьему (определяемому существительному) (см. об этом: [Валгина 1991: 237]). «Осознание человеком различных предметов, признаков, явлений объективной действительности как подобных друг другу, как одинаковых в каком-то отношении приводит к их выражению в языке как равноценных, равносоотнесенных с чем-то общим. Способом передачи сходства является сочинительная связь. Сходство предполагает не только подобие, но и различие» [Ерещенко 2001: 33]. Сходство анализируемых сочиненных членов заключается в их функции определения, в наличии у них общей семы — *тяжкое*, различие — в степени тяжести (*тяжкое — особо тяжкое*).

Основной семантический признак, положенный в основу классификации сочинительных союзов, — это отношение к реальной действительности, а именно реальность / нереальность / возможность описываемых событий. По этому признаку соединительные и противительные союзы, которые указывают на то, что *утверждение соответствует действительности относительно обоих конъюнктов*, противопоставляются разделительным, которые указывают на то, что утверждение может ей (действительности) соответствовать относительно обоих членов, но в реальности соответствует только относительно одного. Ср. *красивая и глупая* (соединительный союз), *красивая, но глупая* (противительный союз) vs. *красивая или глупая* (разделительный союз) [Проект корпусного описания грамматики 2011]. Об этом же [Русский язык 1998: 526; Санников 2008: 179]: в соединительных конструкциях оба описываемых события имеют место (*Плачет и поет; Плачет, но поет; Плачет, а поет*). Следовательно, в анализируемой конструкции существительное *преступление* (в тексте закона — *преступления*) описано двумя определениями — *тяжкое* и *особо тяжкое*, — и оба признака соответствуют действительности, о чем свидетельствует соединительный союз *и*. Очевидно, именно такие отношения имеет в виду автор одного из учебников по технике юридического письма, описывая их следующим образом: союз *и* означает *одновременное* наличие тех признаков, которые им соединены [Шугрина 2011: 53]. На наш взгляд, рассматривать сочинительные отношения двух определений вне синтаксической конструкции в целом неправильно, так как однородные компоненты могут при одних и тех же средствах выражения их связи поразному относиться друг к другу с точки зрения их семантики [Ерещенко 2001: 5]. В одних случаях они могут быть связаны отношениями соединения, а в других — суммирования. Так, предложение *Нарыли очень много глубоких и больших ям* можно понимать двояко: 1) одни ямы большие, другие глубокие — здесь *и* показатель суммирования; 2) одни и те же ямы большие и глубокие — здесь *и* показатель соединения компонентов [Ерещенко 2001: 42—43].

Согласно предложенному подходу, анализируемый фрагмент *ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям* может иметь двоякое толкование: 1) есть тяжкие и есть особо тяжкие преступления — при отношениях суммирования; 2) одно и то же преступление является тяжким и особо тяжким — соединение признаков в одном объекте, отношения соединения. Так как второе толкование алогично (одно и то же преступление не может быть одновременно и тяжким, и особо тяжким), следовательно, речь идет о существовании двух явлений — есть тяжкие преступления, а есть особо тяжкие преступления. На это указывает и грамматическая форма определяемого существительного (*преступлениям*): форма мн. ч. подчеркивает наличие нескольких предметов [Розенталь 2001: 260; Валгина 1991: 235]. Это же отмечала Т. В. Леонтьева: форма мн. ч. используется при необходимости подчеркнуть наличие двух разных предметов или явлений (ср.: *очищающий и тонизирующий лосьон — очищающий и тонизирующий лосьоны*; *торговый и одновременно развлекательный центр — торговый и развлекательный центры*) [Леонтьева 2014: 129]. См. пример выше *красивая и глупая*. Смысл этой конструкции будет зависеть от выбора формы существительного, ср.: красивая и глупая девочка — красивая и глупая девочки. В первом случае девочка одновременно и красивая, и глупая, а во втором описываются разные девочки.

Таким образом, из приведенной юридической нормы не следует, что названные признаки — *тяжкое* и *особо тяжкое* — яв-

ляются кумулятивными, т. е. должны соблюдаться в совокупности (*тяжкое + особо тяжкое* одновременно); правонарушением является 1) приготовление к тяжкому преступлению, 2) приготовление к особо тяжкому преступлению.

Анализ приведенной юридической нормы еще раз доказал тезис о том, что «семантическая структура любого служебного слова складывается из совокупности лексического наполнения частей и синтаксической конструкции, в которой оно употребляется. Здесь тесно переплетаются его лексико-морфологические и синтаксические отношения. Синтаксическое окружение — это не только актуализатор слова „и“, а непосредственное проявление его семантики» [Ерещенко 2001: 26].

Одновременно с этим мы не можем не согласиться с предложением относительно анализируемой нами юридической нормы, высказанным в [Сверчков, Шавлюк 2018: 268]: «Для того чтобы устранить возможность неверной интерпретации рассматриваемой правовой нормы, законодателю надлежит использовать в её формулировке разделительный союз („или“, „либо“) вместо союза „и“». Использование союза *или*, который указывает на возможность выбора только одного из понятий [Валгина 1991: 237; Русская грамматика 2005, т. 2: 169], действительно может облегчить процесс восприятия и интерпретации текста закона. На это указывает и комментарий к анализируемой статье: «Уголовная ответственность возможна лишь за приготовление к тяжкому и (*читай: или*) особо тяжкому преступлению (ч. 2 коммент. статьи)» [Уголовный кодекс РФ 2020] (выделено нами. — *О. З.*). Отметим только, что при замене союза *и* на союз *или* поменяется и форма определяемого существительного, так как согласно [Розенталь 2001: 259; Леонтьева 2014: 129; Валгина 1991: 235] при наличии между определениями противительных, разделительных и сопоставительных союзов определяемое существительное ставится в форме ед. ч. (*песчаная или глинистая почва; не каменный, а деревянный мост*). Иными словами, вместо формы множественного числа *преступлениям* необходимо будет использовать форму единственного числа существительного: уголовная ответственность наступает за приготовление только к *тяжкому или особо тяжкому преступлению*.

Пример 2

«**Статья 64 УК РФ.** Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. 1. *При наличии исключительных обстоятельств*, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, *и других обстоятельств*, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, *а равно при активном содействии* участника группового преступления раскрытию этого преступления *наказание может быть назначено ниже низшего предела*, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, или суд может назначить более мягкий вид наказания…» [Уголовный кодекс РФ 2020].

Члены сочинительной конструкции *При наличии исключительных обстоятельств и других обстоятельств* связаны отношениями суммирования, т. е. существуют два вида обстоятельств: 1) *исключительные обстоятельства*, 2) *другие обстоятельства*. В предложении есть еще и третий член сочинительного ряда — *активное содействие*. На наличие разных явлений указывает повторяющееся существительное *обстоятельств* и то, что каждый из однородных членов распространен обособленным причастным оборотом, т. е. имеет свой признак.

Согласно комментарию к этой статье, достаточным для снижения пределов назначения наказания является соблюдение лишь одного из перечисленных событий: «необходимо зафиксировать наличие по крайней мере одного из двух условий: а) исключительных обстоятельств дела или б) активного содействия участника группового преступления раскрытию этого преступления» [Уголовный кодекс РФ 2020]. Следовательно, союз *и* в анализируемой статье закона должен быть заменен на союз *или*, так как именно он, как уже было отмечено, указывает на возможность выбора только одного из понятий.

Пример 3

«Статья 62 УК РФ. Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств. 1. *При наличии смягчающих обстоятельств*, предусмотренных пунктами „и“ и (или) „к“ части первой статьи 61 настоящего Кодекса, *и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер* наказания *не могут* превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса. 2. В случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве *при наличии смягчающих обстоятельств*, предусмотренных пунктом „и“ части первой ста-

тьи 61 настоящего Кодекса, *и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер* наказания *не могут* превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса» [Уголовный кодекс 2020].

Союз *и* между однородными членами *при наличии смягчающих обстоятельств и отсутствии отягчающих обстоятельств* указывает на перечисление условий, каждое из которых должно быть выполнено. Ср.: «…при перечислении условий, из которых достаточно выполнение лишь одного, не допускается использование союза *и*; при перечислении условий, все их которых должны быть выполнены, не допускается использование союза *или*» [Судебная лингвистика 2015: 88]. Об этом же свидетельствует и комментарий к анализируемой норме: «2. По смыслу закона коммент. статья подлежит применению *при наличии* хотя бы одного из перечисленных в названных пунктах *смягчающих обстоятельств*. *Важно вместе с тем, чтобы отсутствовали отягчающие обстоятельства* (названные в ст. 63), наличие которых делает невозможным ссылку на ст. 62» [Уголовный кодекс 2020].

Здесь обращает на себя внимание союз *или*, при использовании которого допущена грамматическая ошибка: «1. …*срок или размер* наказания *не могут* превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания…»; «2. … *срок или размер* наказания *не могут* превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания…»

В приведенных контекстах союз *или* указывает на то, что законодателем предусмотрен выбор формы наказания: наказание может быть назначено либо в виде лишения свободы на определенный срок, либо в денежном эквиваленте (*размере*). Сказуемое в таких случаях должно иметь форму единственного (*не может*), а не множественного числа (*не могут*). Ср.: «Если между однородными подлежащими стоят разделительные союзы, показывающие, что в данный момент действует только один субъект, то сказуемое согласуется с ближайшим из подлежащих: *Прежний страх или мгновенный испуг уже через минуту кажется и смешным, и странным, и непонятным*» [Розенталь 2001: 248]. Это же правило зафиксировано в лингвистических рекомендациях по лингвистической экспертизе законопроектов: при наличии в предложении однородных подлежащих или однородных дополнений, используемых в единственном числе и связанных разделительным союзом (*или*, *либо*), сказуемое ставится в единственном числе, определение — во множественном числе («*Застройщик или* технический *заказчик обязан* предоставить такому лицу…»). Пример неверного согласования главных членов предложения: «Если *поставщик или покупатель* не *воспользовались* правами…» — надо: «Если *поставщик или покупатель* не *воспользовался* правами…» [Лингвистические рекомендации… 2013: 14].

Пример 4

«**ГК РФ. Статья 152.1.** Охрана изображения гражданина. 1. *Обнародование и дальнейшее использование* изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) *допускаются* только с согласия этого гражданина».

Вопрос заключается в том, следует ли из приведенной юридической нормы, что названные условия — обнародование и использование изображения гражданина — являются кумулятивными, т. е. должны соблюдаться в совокупности (обнародование + дальнейшее использование = правонарушение), или для фиксации правонарушения достаточно выполнения одного из условий: а) правонарушением является обнародование изображения гражданина без его согласия; б) правонарушением является использование изображения гражданина без согласия.

Обращает на себя внимание лексема *дальнейшее*, описываемая в толковых словарях следующим образом: *дальнейший* ‘происшедший или происходящий вслед за чем-либо; последующий’ [Большой толковый словарь]. Следовательно, союз *и* в анализируемом контексте указывает на последовательность двух действий, причем второе действие (*использование изображения*) возможно только после наступления первого (*обнародование изображения*): сначала *обнародование*, потом — *дальнейшее использование*. Ср. аналогичные примеры из других нормативных правовых актов:

1. Ст. 137 Жилищного кодекса РФ: «Права товарищества собственников жилья: 3) *получать* в пользование либо получать или приобретать в общую долевую собственность собственников помещений в многоквартирном доме *земельные участки для* осуществления жилищного строительства, *возведения* хозяйственных и иных *построек и их дальнейшей эксплуатации*».

Дальнейшая эксплуатация не возможна без возведения.

2. Статья 50 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. «Порядок отбывания наказания в виде ограничения свободы: е) необходимость решения следующих вопросов при трудоустройстве: *явка* в органы службы занятости населения *для регистрации и дальнейшего взаимодействия* с этими органами в целях поиска подходящей работы либо регистрации в качестве безработного, если в установленных судом пределах территории отсутствуют соответствующие органы службы занятости населения».

Дальнейшее взаимодействие предполагает сначала регистрацию.

3. Статья 177 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. «Отсрочка отбывания наказания осужденным: 7. Уголовно-исполнительная инспекция *ставит* осужденного *на учет и в дальнейшем осуществляет контроль* за его поведением».

4. Статья 178.1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. «Отсрочка отбывания наказания осужденным, признанным в установленном порядке больным наркоманией, и контроль за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания: 4. Уголовно-исполнительная инспекция *ставит осужденного на учет и в дальнейшем осуществляет контроль* за его поведением и прохождением им курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации».

Без постановки на учет не возможен контроль.

Получается, что в анализируемой нами норме (ст. 152.1 ГК РФ) названные условия — обнародование и использование изображения гражданина — являются кумулятивными, т. е. должны соблюдаться в совокупности (обнародование + дальнейшее использование = правонарушение).

Рассмотрим судебную практику.

Ситуация 1. Согласно [Кассационное определение судебной коллегии…], судом было установлено, что *Максимова Е. В.* принимала участие в 4 фотосессиях, организованных ответчицей. В устном порядке она *дала согласие на размещение своих фотографий в методическом пособии в небольшом объеме для узкого круга людей*, занимающихся техникой наращивания волос и плетением афрокосичек. *Однако согласия на обнародование (опубликование)* своего фотографического изображения, в том числе на размещение *в сети Интернет* на сайте «Ювента», истица ни в устной, ни в письменной форме *ответчику не давала*… При таких обстоятельствах, *судом сделан правомерный* и мотивированный *вывод* о том, что ответчиком были нарушены личные неимущественные права истца Максимовой Е. В., связанные с *незаконным размещением ее фотографий на сайте компании* «Ювента», в связи с чем взыскана компенсация морального вреда.

Ситуация 2. Согласно [Апелляционное определение от 8 февраля 2013…], и на обложке, и на странице 7 помещено изображение истицы. Истица своего согласия на *использование ее изображения* (фотографии) в указанном печатном издании не давала. Поскольку ответчик неправомерно использовал изображение истицы без ее согласия, он нарушил ее неимущественное право и причинил ей моральный вред, который подлежит возмещению.

Приведенные примеры из судебной практики показывают, что для фиксации правонарушения достаточно выполнения одного из условий: а) правонарушением является обнародование изображения гражданина без его согласия (ситуация 1); б) правонарушением является использование изображения гражданина без согласия (ситуация 2).

Следует ли из этого, что союз *и* в анализируемой статье закона должен быть заменен союзом *или*? У нас нет однозначного ответа на этот вопрос, так как при смене союза остается нерешенным вопрос о том, как интерпретировать в тексте закона лексему *дальнейшее*, а ведь, как известно, «ни одно слово в тексте юридического документа не может быть лишним или лишенным смысла» [Судебная лингвистика 2015: 90].

Таким образом, проблемы, которые возникают на стыке языка и права, достаточно сложны и требуют дальнейших теоретических разработок. Анализ нескольких типов сочинительных конструкций в Уголовном и Гражданском кодексах Российской Федерации показал, что востребованными при их интерпретации в первую очередь оказываются традиционные методы грамматического анализа конструкции, устанавливающие структурно-семантические отношения компонентов предложения. Далее, по нашему мнению, целесообразно подвергнуть анализу более широкий материал (большее количество контекстов), который, возможно, позволит сформулировать более полные рекомендации по анализу и использованию сочинительных конструкций в юридических, в частности законодательных, текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 8 февраля 2013 г. по делу N 11-1434. — URL: https://www.drive2.ru/b/944374/ (дата обращения: 20.03.2020). — Текст: электронный.

2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов // Справочно-информационный портал «Гра-

мота.ру — русский язык для всех». — URL: http://gramota.ru/ (дата обращения: 26.04.2020). — Текст : электронный.

3. Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. — Москва : Высшая школа, 1991. — 432 с. — Текст : непосредственный.

4. Гаврилова, Г. Ф. О семантике и функциональных потенциях сочинительных союзов / Г. Ф. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2015. — Т. 14. — Вып. 9 : Филология. — С. 71—77.

5. Ерещенко, М. В. Конструкции со служебным словом «И» и их разновидности в современном русском языке : специальность 10.02.01 «Русский язык» : дис. … канд. филол. наук / Ерещенко М. В. — Ростов-на-Дону, 2001. — 150 с. — Текст : непосредственный.

6. Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Красноярского краевого суда от 07 сентября 2011 года по делу № 33-8697/2011 А-57 // Судебные решения РФ: единая база данных судебных решений судов общей юрисдикции Российской Федерации. — URL: http://old.xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/print/580791 (дата обращения: 13.02.2020). — Текст : электронный.

7. Ковтуненко, И. В. Сочинительные союзы в контрастивном аспекте: семантика, функции, прагматика (на материале русского и французского языков) : моногр. / И. В. Ковтуненко ; ред. Г. Ф. Гаврилова. — Ростов-на-Дону, 2016. — 126 с. — Текст : непосредственный.

8. Леонтьева, Т. В. Документная лингвистика : учеб. пособие / Т. В. Леонтьева. — Москва : Флинта : Наука, 2014. — 256 с. — Текст : непосредственный.

9. Лингвистические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов. — Москва : Издание Государственной Думы, 2013. — 40 с. — Текст : непосредственный.

10. Николаева, Т. М. Сочинительные союзы *а, но, и*: история, сходства и различия / Т. М. Николаева. — Текст : непосредственный // Славянские сочинительные союзы / Российская академия наук. — Москва, 1997. — С. 3—24.

11. Проект корпусного описания русской грамматики / рук. проекта В. А. Плунгян. — 2011. — URL: https://bit.ly/2UYDVWk (дата обращения: 10.04.2020). — Текст : электронный.

12. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика / Д. Э. Розенталь. — Москва : ОНИКС 21 век : Мир и образование, 2001. — 381 с. — Текст : непосредственный.

13. Русская грамматика: научные труды / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; Е. А. Брызгунова и др. — Москва, 2005. — Т. 2. — 712 с. — Текст : непосредственный.

14. Русский язык : энциклопедия. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова Российской академии наук ; гл. ред. Ю. Н. Караулов. — Изд-е 2-е, перераб. и доп. — Москва : Дрофа, 1998. — 703 с. — Текст : непосредственный.

15. Санников, В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — 624 с. — Текст : непосредственный.

16. Сверчков, В. В. Актуальные вопросы языкового выражения уголовно-правовых норм в связи с необходимостью их распространительного и ограничительного толкования / В. В. Сверчков, В. Б. Шавлюк. — Текст : непосредственный // Язык. Право. Общество : сборник статей V Международной научно-практической конференции / под общ. ред. О. В. Барабаш. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. — С. 266—268.

17. Судебная лингвистика : моногр. / О. Н. Матвеева [и др.]. — Барнаул : Концепт, 2015. — 310 с. — Текст : непосредственный.

18. Уголовный кодекс РФ. 2020. Актуальная редакция с Комментариями по состоянию на 27.01.2020. — URL: http://ukodeksrf.ru/ch-1/rzd-2/gl-6/st-30-uk-rf (дата обращения: 25.03.2020). — Текст : электронный.

19. Урысон, Е. В. Материалы к семантическому описанию русского слова *и* / Е. В. Урысон. — Текст : непосредственный // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН ; отв. ред В. Н. Топоров. — Москва : Языки славянских культур, 2005. — С. 374—390.

20. Чернышова, Т. В. «…Недоимка признается безнадежной и списывается…» (анализ пункта 1 статьи 59 Части 1 Налогового кодекса РФ) / Т. В. Чернышова. — Текст : непосредственный // Юрислингвистика. — 2007. — № 8. — С. 451—460. — Текст : непосредственный.

21. Чернышова, Т. В. Особенности взаимодействия естественного и юридического языка в юридической практике (конструкция на основе сочинительной связи с союзом *и* как объект лингвистической экспертизы) / Т. В. Чернышова. — Текст : непосредственный // Юрислингвистика. — 2004. — С. 75—84. — Текст : непосредственный.

22. Шугрина, Е. С. Техника юридического письма / Е. С. Шугрина. — Москва : Дело, 2011. — 272 с. — Текст : непосредственный.

O. V. Zuga
Udmurt State University, Izhevsk, Russia
ORCID ID: 0000-0002-2675-4818 ☑

☑ ***E-mail:*** *ozuga@rambler.ru.*

Problems of Comprehension and Interpretation of Coordinating Constructions with the Conjunctions *и* and *или* in Legislative Acts of the Russian Federation

ABSTRACT. *The article deals with analysis of coordinating constructions with the conjunctions "и" (and) and "или" (or) in the legislative acts of the Russian Federation. The problems with perception and interpretation of the constructions under analysis are demonstrated on the material of the articles of the Criminal and the Civil Codes. The article outlines the ways to avoid or correct linguistic inaccuracies or mistakes. For example, in some cases, the replacement of the conjunction "и" (even when it is used correctly) by the conjunction "или" considerably facilitates perception and interpretation of the legal norm (Criminal Code of the Russian Federation, art. 30); in some cases replacement of the conjunction "и" by the conjunction "или" eliminates ambiguity of the legal norm (Criminal Code of the Russian Federation, art. 64); sometimes, for example, when the conjunction "или" is used, correct coordination of the predicate with homogeneous subjects eliminates a grammar mistake in the text of the law (Criminal Code of the Russian Federation, art. 62), etc. The analysis of various types of coordinating constructions in legislative acts has shown that the traditional methods of grammatical analysis establishing the structural-semantic relationships between the sentence components are highly demanded for their interpretation in the first place; the description of coordinating relationships in a specific context is impossible without the characteristic of the semantics of the components connected by them. The article materials may be used for further research in this area, for the preparation of legislative and other official documents and for the development of guidelines in the methods of linguistic examination of bills.*

KEYWORDS: *linguistic expertise; legislative acts; coordinating constructions; Russian; Russian law; normative-legal acts.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Zuga Oksana Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian, Theoretical and Applied Linguistics, Udmurt State University, Izhevsk, Russia.*

FOR CITATION: *Zuga, O. V.* Problems of Comprehension and Interpretation of Coordinating Constructions with the Conjunctions *и* and *или* in Legislative Acts of the Russian Federation / O. V. Zuga // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 189-197. — DOI.

REFERENCES

1. The appellate determination of the judicial board for civil cases of the Moscow City Court of February 8, 2013 in the case N 11-1434. — URL: https://www.drive2.ru/b/944374/ (date of access: 20/03/2020). — Text : electronic. [Apellyacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Moskovskogo gorodskogo suda ot 8 fevralya 2013 g. po delu N 11-1434 [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.drive2.ru/b/944374/ (data obrashcheniya: 20.03.2020). — Tekst : elektronnyj.].— (In Rus.)

2. The large explanatory dictionary of the Russian language. — Text : electronic / Ch. ed. S. A. Kuznetsov // Reference and information portal GRAMOTA.RU — Russian language for everyone. URL: http://gramota.ru/ (date of access: 26/04/2020). [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznecov // Spravochno-informacionnyj portal GRAMOTA.RU — russkij yazyk dlya vsekh]. — (In Rus.)

3. Valgina N. S. Syntax of the modern Russian language. — Moscow : Higher School, 1991. — 432 p. — Text : direct. [Valgina N. S. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka. — M.: Vysshaya shkola, 1991. — 432 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

4. Gavrilova G. F. On semantics and functional potentials of coordinate conjunctions. — Text : unmediated // Bulletin of Novosib. State University. — Series: History, Philology. — 2015. — Vol. 14. — Issue. 9: Philology. — P. 71—77. [Gavrilova G. F. O semantike i funkcional'nyh potenciyah sochinitel'nyh soyuzov. — Tekst : neposredstvennyj // Vestn. Novosib. gos. un-ta. — Seriya: Istoriya, filologiya. — 2015. — T. 14. — Vyp. 9: Filologiya. — S. 71—77]. — (In Rus.)

5. Ereschenko M. V. Syntactic constructions with the conjunction "I" and their variants in modern Russian : scientific specialty 10.02.01 «Russian language»: the dissertation … cand. filol. of sciences / M. V. Ereshenko. — Rostov-on-Don, 2001. — 150 c. — Text : unmediated. [Ereshchenko M. V. Konstrukcii so sluzhebnym slovom «I» i ih raznovidnosti v sovremennom russkom yazyke : special'nost' 10.02.01 «Russkij yazyk»: dis. … kand. filol. nauk / M. V. Ereshchenko. — Rostov-na-Donu, 2001. — 150 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

6. The cassation ruling of the judicial board for civil cases of the Krasnoyarsk Regional Court of September 7, 2011 in the case No. 33-8697 / 2011 A-57. — Text : electronic // Judicial decisions of the Russian Federation: a single database of judicial decisions of courts of general jurisdiction of the Russian Federation. — URL: http://old.xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/print/580791 (date of access: 13/02/2020). [Kassacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Krasnoyarskogo kraevogo suda ot 07sentyabrya 2011 goda po delu № № 33-8697/2011 A-57. — Tekst : elektronnyj // Sudebnye resheniya RF: edinaya baza dannyh sudebnyh reshenij sudov obshchej yurisdikcii Rossijskoj Federacii. — URL: http://old.xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/print/580791 (data obrashcheniya: 13.02.2020)]. — (In Rus.)

7. Kovtunenko I. V. Coordinate conjunctions in a contrasting aspect: semantics, functions, pragmatics (based on Russian and French languages): monograph / ed. G. F. Gavrilova. — Rostov-on-Don, 2016. — 126 c. — Text : unmediated. [Kovtunenko I. V. Sochinitel'nye soyuzy v kontrastivnom aspekte: semantika, funkcii, pragmatika (na materiale russkogo i francuzskogo yazykov): monografiya / red. G. F. Gavrilova. — Rostov n/Donu, 2016. — 126 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

8. Leontyeva T. V. Document linguistics: a training manual. — Moscow : Flinta : Science, 2014. — 256 p. — Text : unmediated. [Leont'eva T. V. Dokumentnaya lingvistika: ucheb. posobie. — M.: Flinta : Nauka, 2014. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

9. Linguistic recommendations for the linguistic examination of bills. — Moscow : Publication of the State Duma, 2013. — 40 p. — Text : unmediated. [Lingvisticheskie rekomendacii po lingvisticheskoj ekspertize zakonoproektov. — M.: Izdanie Gosudarstvennoj Dumy, 2013. — 40 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

10. Nikolaeva T. M. Coordinate conjunctions а, но (but), и (and): history, similarities and differences. — Text : unmediated // Slavic coordinating conjunctions / the Russian Academy of Sciences. — Moscow, 1997. — Pp. 3—24. [Nikolaeva T. M. Sochinitel'nye soyuzy a, no, i: istoriya, skhodstva i razlichiya. — Tekst : neposredstvennyj // Slavyanskie sochinitel'nye soyuzy / Rossijskaya akademiya nauk. — M., 1997. — S. 3—24.]. — (In Rus.)

11. The draft corpus description of Russian grammar. — Text : electronic / project Manager V. A. Plungyan. 2011. — URL: https://bit.ly/2UYDVWk (date of access: 10/04/2020). [Proekt korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki. — Tekst : elektronnyj / ruk. proekta V. A. Plungyan. 2011. — URL: https://bit.ly/2UYDVWk (data obrashcheniya: 10.04.2020)]. — (In Rus.)

12. Rosenthal D. E. Handbook of the Russian language. Practical styling. — Moscow : ONIX 21th Century Publishing House: Peace and Education, 2001. — 381 p. — Text : unmediated. [Rozental' D. E. Spravochnik po russkomu yazyku. Prakticheskaya stilistika. — M.: Izdatel'skij dom «ONIKS 21 vek»: Mir i obrazovanie, 2001. — 381 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

13. Russian grammar: scientific works / Russian Academy of Sciences. Russian Language Institute V. V. Vinogradova; E. A. Bryzgunova and others. — Moscow, 2005. — Vol. 2. — 712 p. — Text : unmediated. [Russkaya grammatika: nauchnye trudy / Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova; E. A. Bryzgunova i dr. — M., 2005. — T. 2. — 712 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

14. Russian language. Encyclopedia. 2nd ed., rev. and add. / Institute of Russian Language named after V. V. Vinogradov of the Russian Academy of Sciences; ch. ed. Yu. N. Karaulov. — Moscow : Publishing House "Drofa", 1998. — 703 p. — Text : unmediated. [Russkij yazyk. Enciklopediya. Izd-e 2-e, pererab. i dop. / In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova Rossijskoj Akademii nauk; gl. red. YU. N. Karaulov. — M.: Izdatel'skij dom «Drofa», 1998. — 703 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

15. Sannikov V. Z. Russian syntax in semantic-pragmatic space. — Moscow : Languages of Slavic cultures, 2008. — 624 p. — Text : unmediated. [Sannikov V. Z. Russkij sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve. — M.: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2008. — 624 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

16. Sverchkov V. V., Shavlyuk V. B. Actual issues of the linguistic expression of criminal law in connection with the need for their widespread and restrictive interpretation. — Text : unmediated // Language. Right. Society. Digest of articles of the 5th International scientific and practical conference / under the general ed. O. V. Barabash. — Penza: Publishing house of PSU, 2018. — Pp. 266—268. [Sverchkov V. V., Shavlyuk V. B. Aktual'nye voprosy yazykovogo vyrazheniya ugolovno-pravovyh norm v svyazi s neobhodimost'yu ih rasprostranitel'nogo i ogranichitel'nogo tolkovaniya. — Tekst : neposredstvennyj // YAzyk. Pravo. Obshchestvo. Sbornik statej V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod obshch. red. O. V. Barabash. — Penza: izd-vo PGU, 2018. — S. 266—268]. — (In Rus.)

17. Judicial linguistics: monograph / O. N. Matveeva [et al.]. — Barnaul : Concept, 2015. — 310 p. — Text : unmediated. [Sudebnaya lingvistika: monografiya / O. N. Matveeva [i dr.]. — Barnaul: Koncept, 2015. — 310 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

18. The Criminal Code of the Russian Federation 2020. The current version with Comments as of 01/27/2020. — Text : electronic. — URL: http://ukodeksrf.ru/ch-1/rzd-2/gl-6/st-30-uk-rf (date of access: 25/03/2020). [Ugolovnyj kodeks RF 2020. Aktual'naya redakciya s Kommentariyami po sostoyaniyu na 27.01.2020. — Tekst : elektronnyj. — URL: http://ukodeksrf.ru/ch-1/rzd-2/gl-6/st-30-uk-rf (data obrashcheniya: 25.03.2020)]. — (In Rus.)

19. Uryson E. V. Materials for the semantic description of the Russian word и (and). — Text : direct // Language. Personality. Text: Digest of articles dedicated to the 70th anniversary of T. M. Nikolaeva / Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; exec. ed. V. N. Toporov. — Moscow : Languages of Slavic cultures, 2005. — P. 374—390. [Uryson E. V. Materialy k semanticheskomu opisaniyu russkogo slova i. — Tekst : neposredstvennyj // YAzyk. Lichnost'. Tekst: Sb. st. k 70-letiyu T. M. Nikolaevoj / In-t slavyanovedeniya RAN; otv. red V. N. Toporov. — M.: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2005. — S. 374—390]. — (In Rus.)

20. Chernyshova T. V. "… The arrears are recognized as hopeless and liquidated …" (analysis of paragraph 1 of Article 59 of Part 1 of the Tax Code of the Russian Federation) // Jurislinguistics. 2007. — № 8. — Pp. 451—460. — Text : unmediated. [CHernyshova T. V. «…Nedoimka priznaetsya beznadezhnoj i spisyvaetsya…» (analiz punkta 1 stat'i 59 CHasti 1 Nalogovogo kodeksa RF) // YUrislingvistika. 2007. — № 8. — S. 451—460. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

21. Chernyshova T. V. Features of the interaction of natural and legal languages in legal practice (syntactic construction based on a composing connection with the conjunction и (and) as an object of linguistic examination) // Jurislingistics. — 2004. — P. 75—84. — Text : unmediated. [Chernyshova T. V. Osobennosti vzaimodejstviya estestvennogo i yuridicheskogo yazyka v yuridicheskoj praktike (konstrukciya na osnove sochinitel'noj svyazi s soyuzom i kak ob"ekt lingvisticheskoj ekspertizy) // YUrislingvistika. — 2004. — S. 75—84. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

22. Shugrina E. S. Technique of legal writing. — Moscow : Delo, 2011. — 272 p. — Text : unmediated. [SHugrina E. S. Tekhnika yuridicheskogo pis'ma. — M.: Delo, 2011. — 272 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

УДК 81'38:81'42
ББК Ш105.51+Ш105.55 *ГСНТИ 16.21.07; 16.21.29; 16.21.33; 16.21.51* *Код ВАК 10.02.19*
DOI

Э. А. Салихова
Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9570-1763 ☑

☑ ***E-mail:*** *salelah12@yandex.ru.*

Лингвоэкспертная диагностика степени «оскорбительности» лексических единиц, вовлеченных в правовой дискурс

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена рассмотрению понятий «оскорбительность» и «оскорбление» и их репрезентации в конфликтных текстах. Автор касается вопросов, встающих перед экспертом при проведении лингвистической экспертизы, указана необходимость учета прагматических факторов, в целом экстралингвистической ситуации при анализе факта оскорбления. Актуальность темы обусловлена необходимостью углубленного изучения взаимодействия различных толкований оскорбительности, создающих трудности в квалификации правовой нормы «оскорбление». Исследователи-лингвисты, анализирующие материалы СМИ (в частности, журналистские тексты, официальные, личные письма и обращения и другие продукты речевой деятельности) с лингвоэкспертной позиции, часто сталкиваются с определенным кругом проблем при установлении в том или ином слове негативной (оскорбительной) окраски. Кроме того, недостаточность арсенала лингвистических методов проведения экспертизы по делу об оскорблении порождает необходимость использования комплексного рассмотрения конфликтного текста с позиций и психолингвистики, и когнитивистики, и лингвопрагматики. Несмотря на многочисленные научные и научно-методические исследования в области судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, единой методики по сей день не разработано. Статья призвана продолжить дискуссию по перечисленным вопросам, которая важна для четкого понимания обозначенных аспектов в этой сфере. Приводится аргументация объективной необходимости продолжения исследований в этой области. Автор надеется на востребованность материала публикации при написании лингвистических исследований / экспертиз.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *диагностика оскорблений; лингвопрагматические методы; негативная оценка; оскорбительность; оскорбления; правовой дискурс; конфликтные тексты.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Салихова Эльвина Ахнафовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языковой коммуникации и психолингвистики, Уфимский государственный авиационный технический университет; 450008, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, 12, к. 1-301; e-mail: salelah12@yandex.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Салихова, Э. А.* Лингвоэкспертная диагностика степени «оскорбительности» лексических единиц, вовлеченных в правовой дискурс / Э. А. Салихова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 198-208. — DOI.

В лингвоэкспертной методологии укоренилось мнение о том, что без четко сформулированной научной основы решения проблемы «оскорбительности» в праве исследовательский поиск в данном направлении обречен на столкновение с расхождениями в трактовке маркеров оскорбления — юридических, лингвистических, психологических, психолингвистических и пр. Построенное на научных основах исследование позволяет объективировать судебные решения и тем самым повысить роль судебной системы в формировании правового государства.

Нередко лингвист-исследователь, занимающийся изучением продуктов речевой деятельности, вовлеченных в правовое поле, оказывается в плену неоднозначно трактуемых языковых понятий и правовых дефиниций. К сожалению, часто встречаемые терминологические и понятийные расхождения компенсируются допустимыми в экспертизах «языковыми формами» или толкованиями правовых норм.

В настоящее время проблема оскорбительности и речевого оскорбления не получила однозначного решения по нескольким объективным причинам: игнорируется то влияние, которое оказывает *jus naturāle* и благодаря которому меняется понимание оскорбления как прежде всего вербальной агрессии, направленной против индивида [Брусенская, Куликова 2017].

Общепринятая лингвоэкспертная формула «оскорбления» — это «умаление чести и достоинства лица, выраженное в *неприличной* форме» [Бринев 2016: 56—57], «*негативная оценка* личности», т. е. оскорбление, как правило, связывается а) с использованием единиц особого инвективного лексикона; б) с социальной оценкой речевого акта оскорбления, которая «логически не выводима и эвристически не соотнесена с семантическим наполнением диспозиции правовой нормы» [Кусов 2011: 16].

Общепризнанным считается, что предметом экспертизы материалов по делам об оскорблении являются лингвистические при-

© Салихова Э. А., 2020

знаки унижения и неприличной формы выражения, имеющие значение для уголовного, гражданского дела или дела об административном правонарушении; объектом — высказывание как продукт речевой деятельности, реализованный в устной или письменной форме, имеющий смысловое содержание и коммуникативную цель. Основная задача специалиста сводится к выявлению в тексте лингвистических признаков унижения и неприличной формы его выражения. К задачам судебной лингвистической экспертизы по делу об оскорблении специалисты относят: 1) выявление нарушения правила легитимности в общении — «соответствует ли способ и канал коммуникативной трансляции языкового кода уровню порога стилистической оправданности»; 2) установление события достоверности коммуникативной перверсии: конфликтное высказывание содержит мнение или утверждение (юридический факт); 3) констатация юридического события перверсивной достаточности: а) уголовно-правовая норма — неприличная форма, гражданско-правовая норма — порочащий характер сведений (правовой критерий), б) определение степени коммуникативной прозрачности речевого портрета языковой личности (лингвистический критерий), т. е. способности информации влиять на социальную привлекательность лица, подвергшегося вербальной перверсии [Шабанов 2010: 176].

В научной литературе привлекают внимание следующие выделенные подходы в проведении лингвистической экспертизы по конфликтным текстам (см. подробнее: Г. В. Кусов [2011]): 1) описание намерений автора, представляющее интерес в рамках теории речевого акта, так как данная методика не несет никакой правовой нагрузки, поскольку лингвистическая экспертиза является средством доказывания по уголовным или гражданским делам в рамках ст. 80 УПК РФ или ст. 79-87 ГПК РФ; 2) анализ приемов и способов, ведущих к оскорблению, характеристика «наиболее частотных ходов тактик нанесения обиды, издевки и оскорбления»; 3) изучение совокупности этнических, психологических, моральных и этических составляющих концепта «оскорбление», опирающееся на общую концептуальную модель оскорбления, основанную на нормах морали, этики, поведения человека в обществе.

В судебной практике оскорбление переквалифицировано из преступления (уголовное право) в деликт (гражданское право). Лингвоюридический инструментарий не совершенен, а методы диагностики оскорбления в полном объеме не систематизированы. В исследовательское поле юрислингвистики попадают проблемы разграничения таких понятий, как «оценка» и «оскорбление», «факт» и «мнение», а также соотношение интерпретации и истинности [Брусенская, Куликова 2017].

Диагностика оскорбления через анализ негативной оценки личности, как показывает опыт ученых из лаборатории юрислингвистики (г. Барнаул и др.), практика ГЛЭДИС, выявляет такие составляющие оскорбительности, как уровень нанесенного обидой психического вреда и описание морального вреда; намерение адресанта оскорбить, что для рассматриваемой категории в праве не так существенно. Полагают, что последнее связано с весьма ограниченной в законе компенсацией морального вреда.

Мы наблюдаем все усиливающийся спрос на такие рекомендации, которые помогли бы избежать правовых рисков. СМИ регулярно поставляют конфликтные тексты, следовательно, нужны превентивные меры. Одной из задач обеспечения речевой безопасности на сегодня является эффективная защита не только физического лица, но и организации, ее имиджа, равно как и надлежащая защита руководства и сотрудников (персонала) учреждения от негативной информации в их адрес со стороны средств массовой информации.

С экспертно-аналитической точки зрения конфликтогенную зону современного медиапространства можно квалифицировать, с одной стороны, как фрагмент социально-дискурсивного поля, который отражает происходящие в нем «коммуникативные битвы и схватки», чьи участники (журналисты — авторы публикаций, в том числе «заказных», и их герои) как субъекты сетевой социально-культурной системы, нарушая нормы речевого поведения, в последующем выступают как истцы/ответчики в судебных процессах (по защите чести, достоинства и деловой репутации — ст. 152 ГК РФ или по клевете и оскорблению — ст. 129, 130 УК РФ). С другой стороны, современные СМИ — это лингвоэкологическая среда, обладающая публичностью. Признаки последней выявляются экспертами в публикуемой информации — спорном тексте. Безусловно, журналист отображает тесно увязанную с развитием экономических, социально-политических отношений и новаций динамику общества. СМИ, излагая некоторые сведения, информацию, оказывают существенное воздействие на тот или иной объект своего внимания, на оценочное отношение общества к этому объекту, на его репутацию и т. п. Информация, как известно, может быть положительной, отри-

цательной и нейтральной. Информация отрицательная (негативная) — сведения, которые содержат отрицательные характеристики лица — юридического или физического, поступков физического лица с точки зрения здравого смысла, морали («неписаного закона») или с правовой точки зрения. Информация, отрицательно характеризующая лицо с правовой точки зрения, содержит *негативную оценку* в той мере, в какой это может быть понятно любому дееспособному гражданину, не обладающему специальными познаниями в сфере права. Негативный информационный повод в СМИ всегда имеет свои особенности: цели, тематику, форму, жанры и т. п. Появление любого негативного материала исключает случайность. Материализовавшийся негативный материал СМИ — это результат спланированной или спонтанной, злонамеренной или объективной, событийной или аналитической акции в адрес субъекта/объекта публикации.

Судебная практика показывает, что в лингвистическом исследовании (экспертизе) важно раскрывать признаки оскорбительности, отображающие прямые индексы оскорбления. К таковым относится *социальная оценка*. Оскорбление — это «не негативная характеристика отдельной личности, это отрицание ценности „чести и достоинства“ конкретного индивида как общечеловеческого достояния, общечеловеческой ценности» [Кусов 2011: 18].

Одной из необходимых характеристик социальной нормы является императивность. Эта категория обозначает следующее: не соответствующее правилу социальное поведение вызывает негативную социальную оценку, поскольку социальные нормы, включая в себя различные предписания, в совокупности образуют сферу дóлжного. Вынося свою оценку тем или иным явлениям, событиям или людям, человек придерживается именно этих предписаний. По этой причине негативная лексика придает имиджу личности высокую степень непривлекательности, ведь дана отрицательная социальная оценка. Иными словами, наложена своего рода «печать» официального отлучения и общественного отторжения [Там же]. Мы можем говорить о том, что языковые единицы с негативным значением включены в социальную оценку личности семантикой коллективного осуждения. В таком аспекте рассуждения оскорбление — это не только оценка по шкале «хорошо — плохо», но и своего рода публичный общественный отказ личности пользоваться гарантированными социумом правами и привилегиями, обеспечивающими устойчивость социального статуса человека. Разумеется, подобное покушение на общественное признание приводит к тому, что может пострадать социальная устойчивость индивида и его «реноме» как оскорбленного человека.

Таким образом, оскорбление всегда социально, поскольку это качество причиняемого социального вреда. В таком понимании «оскорбление — это причинение обиды чувствам самокритичной личности, не допускающей определения ее социальной значимости ниже порога восприятия общепринятых форм приличия» [Кусов 2011: 20].

При юридической квалификации оскорбления подлежат оценке: а) определение социальных ценностей, которым наносится ущерб (определяется вид общественных отношений); б) способы и приемы оскорбления. Для юриста важна составляющая, которая квалифицирует то или иное деяние, в то время как для специалиста-лингвиста центральными вопросами при исследовании продуктов речевой деятельности на предмет наличия/отсутствия признаков оскорбления являются вопрос о форме передачи информации (приличная/неприличная), а также вопрос о ее (информации) адресованности конкретному лицу. На экспертизу предоставляются печатные и устные тексты, а также фразы, слова, словосочетания, установленные в ходе судебного разбирательства.

В языке лингвистики формула оскорбления выглядит примерно следующим образом: «Это языковое явление можно / нельзя рассматривать как оскорбление, потому что X обладает / не обладает такими-то свойствами», в языке юриспруденции — «Этот факт квалифицируем как оскорбление, поскольку он обладает следующими признаками… Относительно конкретной нормы такой-то признак несуществен, а потому должна применяться эта, а не другая норма или санкция». Одной из важных задач является юридическая регламентация обсценной лексики. Правовая квалификация таких единиц в публичном выступлении, медийном материале и т. п. в качестве оскорбительного — задача, требующая обязательного применения лингвистических (психолингвистических, прагмалингвистических и пр.) познаний не только в случаях использования инвектив или камуфляжа унижающих честь и достоинство физического лица / деловой репутации юридического лица высказываний, но и в случаях их прямого и однозначного толкования, включая тексты, иллюстрированные изобразительными (карикатурами, рисунками, мемами) средствами или элементами компьютерной графики, видео-, фонограммами и т. д.

Обратимся к конкретному примеру из лингвоэкспертной практики.

Анализу подвергался текст статьи, в заголовке которой «Большой хапок: кому и как уходит имущество Башкирии…» неоднозначное в среде лингвистов толкование в содержательном контексте всего опубликованного материала вызвало слов «хапок». Мнения разделились. Поскольку словосочетание «*большой хапок*» используется в заголовочной части текста, выполняющей функцию обозначения социальной проблемы, в сочетании с элементами высказывания «кому и как уходит имущество Башкирии», «схема организованных связей и ролей в отчуждении имущества Башкирии» оно получает отрицательную коннотацию и изменяет модальность высказывания. Констатирующий характер заголовка и используемая в подзаголовочной части аллюзия (*В обывательском сознании распространена мысль, что приватизация эпохи первоначального капитала, сравнимая с разграблением государственного достояния, характерна для 90-х годов. Однако текущие процессы в нашей республике со свойственными им примитивными схемами говорят об обратном. „Прихватизация“ Башкирии с ее классическими чертами участия чиновников, силовиков и бандитскими методами, похоже, активно реализуется у нас в последние годы. А следы ведут к самым высоким министерским и правительственным кабинетам*) ориентируют читателя на негативное восприятие тех, кому «уходит имущество», кто играет особые «роли в отчуждении имущества Башкирии», нацеливает на критические размышления в заданном автором публикации направлении.

«Хапок» — производное от глагола «хапнуть» — «разг. 1. Быстро схватить. 2. Взять, присвоить незаконным образом (обычно о нетрудовых доходах или чужом имуществе)» [Словарь русского языка 1999]. Один из тематических блоков статьи построен на критическом описании образа руководства обозначенного в статье учреждения, которое, не подчиняясь Госкомтрансу РБ, нарушает законодательство. Выразительные средства (сравнение с бандитскими методами девяностых, жесткие эпитеты, метафоры и пр.) помогают создать и укрепить в сознании читателя образ чиновника из схемы организованных связей и ролей в отчуждении республиканской собственности. В контексте пресуппозиции приводятся авторские мнения и оценки деятельности организации, что потенциально предопределяет негативное отношение читателей к действиям и поступкам не только главных персонажей статьи, но и организации, которые не хотят работать согласно принятым этическим нормам и стандартам управленческой деятельности. В текстах нескольких публикаций по этой теме присутствует подробное описание выявленных автором организованных связей и конкретизация лиц, выполняющих определенные роли в незаконном отчуждении имущества Башкирии, что свидетельствует об инвективности контекста и дискредитационном характере статей.

Для юридической квалификации высказывания как оскорбительного необходимым признаком является неприличная форма. Однако инвективы — очень большой класс слов, как входящих в литературный язык, так и находящихся за его пределами [Матвеева 2013]. К инвективам в широком их толковании в том числе относятся [Понятия чести, достоинства и деловой репутации… 2004]: 1) констатирующие номинацию лица, обозначающие негативную с точки зрения общества деятельность; 2) слова и сочетания, в самих значениях которых содержится негативная оценка деятельности, занятий, поведения кого-либо; 3) слова, обозначающие действия или качества, свойства кого-либо или чего-либо и пр. С этой точки зрения лингвистов, пытающихся показать, что такая инвектива в контексте способна раскрыть свой оскорбительный потенциал в той степени, что начинает страдать имидж организации или самооценка, самоуважение личности, обвиняют в обыденном понимании оскорбления, в недостаточной компетентности. В конечном итоге цель лингвистического исследования сводится к подтверждению сугубо юридической квалификации оскорбления, хотя именно суд на основе полученных заключений должен определить (в частности, в рамках защиты чести в порядке, предусмотренном статьей 152 ГК РФ), в какой степени правомерно потерпевший чувствует себя оскорбленным. Истец должен объяснить, на чем основано испытываемое им чувство оскорбленности (обиды), какие его права нарушены. Толкование нормы закона об оскорблении свидетельствует о том, что унижение чести и достоинства возможно и средствами, не имеющими неприличную форму (статья 5.61 «Оскорбление» в Кодексе РФ об административных правонарушениях).

Некоторые специалисты отрицают оскорбительный характер слова «хапок», ссылась на разные лексиографические определения, чтобы показать отсутствие помет, являющихся формальными показателями отнесения/неотнесения языковой единицы к группе оскорбительной оценки личности. Безусловно, лингвист должен и

обязан опираться в своем исследовании на имеющиеся словарные дефиниции и содержащиеся в них пометы. Тем не менее существует еще один аспект в описании феномена оскорбления. Нельзя не согласиться с утверждением профессора, заведующего лабораторией юрислингвистики и документоведения Кемеровского госуниверситета, главного редактора журнала «Юрислингвистика» Н. Д. Голева: «Категория инвективности — сложнейшая лингвистическая проблема. Лексический ее выход — наиболее поверхностный. Текстовое (и тем более рече-ситуативное) разворачивание инвективного фрейма — задача более сложная, так как здесь сопрягается множество факторов, некоторые из которых относятся к имплицитным сферам речи» [Голев 1999: 18]. Текстовый подход (отметим, что слово «текстовый» в данном случае мы употребляем не терминологически, а с тем, чтобы показать его противопоставленность подходу, в котором базовой единицей анализа является слово) представлен вариантами стилистического анализа и деятельностно-прагматического.

Отнесение слова «хапок» к разряду единиц, «могущих ущемлять честь, умалять достоинство и наносить вред репутации характеризуемых лиц, если факты, излагаемые в обосновании оценок, оказываются вымышленными» обусловлено причислением этой единицы к третьей группе «слов и выражений, обозначающих *действия* или качества, свойства *кого-либо* или чего-либо» [Культура русской речи 2007: 209; Понятия чести, достоинства и деловой репутации 2004]. В этих известных для филологов источниках отмечается, что использование таких единиц в сфере публичного и формализованного публичного (СМИ, а также деловое, научное, профессионально-техническое и т. п.) общения может рассматриваться как оскорбление.

Не принимается во внимание, что слово «хапок» входит в заголовок статьи «Большой хапок: *кому* и *как* уходит имущество Башкирии…» и выполняет субъектно-уточняющее и конкретизирующее значение — «кому» (читатель расположен узнать из текста статьи, кто конкретно «хапает», какие лица) и «как» (узнать, каким образом «хапает» — о способах присвоения и воровства). Давая оценку действиям героев публикации, на уровне заголовка автор дает им обобщенную характеристику, поскольку причисляет их к классу «социально неодобряемых лиц» [Культура русской речи 2007: 209]. Это обстоятельство также является одним из диагностических признаков оскорбления. Оскорбительными, или порочащими честь и достоинство человека, считаются также негативно-оценочные высказывания оскорбительного характера. При этом негативные оценочные высказывания, как и любые оценочные высказывания, не могут рассматриваться с точки зрения достоверности, то есть соответствия передаваемой ими информации действительности, «так как являются выражением личного мнения, взглядов. Они недопустимы лишь в том случае, если используются бранные слова, а также конструкции с оскорбительным переносным значением или оскорбительной эмоциональной окраской. Как правило, в словарях такие единицы помечены маркерами „грубое“, „бранное“» [СОДЭКС URL]. Основная задача лингвиста-эксперта, как отмечалось, в результате проведения исследования заключается в установлении наличия грубой лексики; наличия контекста, в котором оскорбительный характер этой лексики актуализируется; адресованности к конкретному лицу; ее публичном использовании [Стернин 2015].

Отглагольное слово «хапок» не имеет неприличной (нецензурной) формы, но выражаемое им значение противоречит правилам речевого поведения, принятым в обществе, содержит сему «незаконного присвоения». Значения лексем с негативным компонентом, по классификации, относятся к классу так называемых «инвективно нежестких» языковых средств — лексем или их сочетаний, которые составляют группу грубой лексики, способной в публичном контексте реализовать свой оскорбительный потенциал [Бринев 2009: 100]. «Хапок» — слово из перечня единиц наряду с «вор», «мошенник» и подобными, могущими носить в адресации к лицам и их действиям с обобщенной отрицательной оценкой оскорбительный для них характер. Эти слова находятся на противоположной стороне шкалы инвективности по сравнению, например, с «инвективно жесткими» — нецензурными, бранными словами лишь по степени оказания «перлокутивного эффекта», т. е. того воздействия, которое данное высказывание оказывает на адресата.

В настоящее время в лингвистической экспертологии не вызывает сомнений наличие одной абсолютной нормы по отношению к языковым средствам, а именно: в русской речевой культуре негативно ценным (неприличным) считается употребление обсценных (нецензурных) слов и выражений, а также форм, содержащих ненормативность (выходящую за пределы норм литературного языка). Употребление последних оценивается как неприличное по критерию лингвистической квалификации оскорбления как формы

речевого поведения, и в данном случае не является важным, в какой языковой форме (обсценной, просторечной или литературной) было выражено оскорбление [Голев: https://lektsii.org/8-7121.html].

Специальные лингвистические знания нужны именно тогда, когда семантика сказанного или написанного текста неочевидна, смысловое содержание речевого факта требует уяснения, необходимо выявить прагматику текста, его стилистическую или эмоционально-экспрессивную окраску. Экспертное исследование «актуально, когда контекст не снимает языковой неопределенности, не позволяет однозначно эксплицировать смысл слова или высказывания» [Галяшина URL].

Решение вопросов словесного оскорбления, защиты чести и достоинства сопряжено, как указывалось выше, с немалыми трудностями, проистекающими из их юрислингвистической и лингвоюридической неразработанности. Даже в простейших случаях, когда требуется дать квалификацию инвективности отдельного слова, эксперт не имеет другой возможности для объективного (законного) обоснования своего мнения, кроме как обоснования с опорой на лингвистические источники, прежде всего на пометы толкового словаря. Тем не менее «филологический словарь не призван выполнять юридическую функцию», не «имеет законного права» быть основанием следственных и судебных решений [Голев 1999: 53]. Автор словаря в данном отношении слишком волен, пометы в словаре слишком прихотливы и приблизительны, чтобы выполнять роль правового документа. Лингвист, разумеется, не может не отстаивать права автора речевого произведения (текста статьи) на творческое отношение к языку (на переносное употребление слова, смену его стилистического регистра и т. п., в том числе диапазона инвективности), но, видимо, должна быть разработана и определенная «техника безопасности» использования слова (и в первую очередь инвективного), которое, как известно, есть еще и сильное оружие, способное унизить человека. Перспективным в этом смысле представляется обоснование классификаций обсценных слов по степени инвективности.

Известно, какую большую роль в квалификации речевых поступков играет оценка их мотивов. Автор изощренного оскорбления практически всегда может уйти от ответственности, сославшись на то, что он не то имел в виду, что его не так поняли. Такой способ поведения реализует приемы «непрямого воздействия на слушателя или читателя, когда идеи, которые необходимо внушить ему, не высказываются прямо, а навязываются ему исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами». К таким приемам относится, в частности, воздействие при помощи речевых импликатур. Он состоит в том, что «внушаемое утверждение прямо не содержится в тексте, но вытекает из содержащихся в нем утверждений как речевая импликатура. Это дает возможность автору текста при необходимости „отпереться“ от имплицируемого утверждения…» [Голев 1999: 54].

В дополнение к своим рассуждениям хотелось бы выделить еще один немаловажный момент: глаголы типа «тащить», «хапнуть», «запихивать» и их производные в своих первичных значениях нейтральны и лишены каких-либо негативных коннотаций. Их объединяет наличие указания на *количественную оценку* в основном значении (см. «большой (хапок)» — «1. Значительный по размерам, величине и силам…» в [Ожегов 1989: 48]). Подобные глаголы предполагают действие, требующее затрат сил и времени: ср., например, «тащить» используется, когда речь идет о тяжелых предметах; «хапнуть» — о большом и ценном, о выгодном и незаконном. Специалист-филолог из Института русского языка им. А. С. Пушкина М. Я. Гловинская отмечает, что эти глаголы и отглагольные производные используются не буквально, а гиперболически, т. е. когда затрачиваемые усилия выходят за границы нормы, эта гиперболичность придает высказыванию *неявную агрессивность* [Гловинская 2004: 71—72]. Как правило, в гиперболическом употреблении такие слова передают *скрытое агрессивное отношение* к адресату [Апресян 2003: 34]. Интересно отметить, что для имплицитного выражения используются иные языковые средства: ср. основное агрессивное значение слова «идиот» и маргинальное медико-терминологическое значение этого же слова. Имплицитно агрессивные слова, напротив, имеют отрицательные коннотации. Если исходить из установленной семантически-имплицитной характеристики слова «хапок» (как производного от глагола «хапнуть»), то его можно отнести к средствам выражения речевой агрессии, грубости. Под «речевой (вербальной) агрессией» понимают форму «речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [Русский язык и культура речи 2008: 132]; «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности»; манеру речи, оскорбляющую «самолюбие, дос-

тоинство» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003: 340]. Речевая агрессия может быть направлена как на прямое оскорбление собеседника, так и на «формирование негативного отношения аудитории к какому-либо третьему лицу» [Русский язык и культура речи 2008: 133], явлению действительности» (см. подробный обзор по данной теме в работах нижегородских филологов: [Щеникова, Вологина 2014: 250—251]).

Проявление явной или скрытой речевой агрессии в текстах публицистического стиля еще раз показывает дискредитационную направленность материала, который, во-первых, изначально нацелен на формирование общественного мнения и, во-вторых, воспринимается многими носителями языка как образцовый, т. е. формирует в сознании наших современников представление о языковой и речевой норме.

Упоминаемая в многочисленных рекомендациях по проведению подобных экспертиз «Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении» [Изотова, Кузнецов, Плотникова 2016] и подобные публикации, конечно, должны учитываться в работе специалистов с учетом новых разработок в языковедении, текстологии и стилистике текста. Предлагаемый в указанной и некоторых других «Методиках…» подход — лексикоцентрический (см., в частности, схему-алгоритм выявления признаков неприличной формы слова/фразеологизма на с. 97), исключающий принципы текстоцентрического подхода. Признается, что эти два подхода представляют собой два различных аспекта в описании одного и того же предмета. В рамках второго подхода анализируемые речевые действия, о чем говорилось выше, в совокупности составляют речевой поступок конфликтогенного характера. Однако далеко не всякие речевые действия становятся речевым поступком. Речевой поступок — это намеренно созданное письменное/устное высказывание, отражающее нравственную позицию коммуниканта (автора статьи), цель которого — воздействовать на адресата (читателя) в ситуации общения — письменной формы коммуникации (повлиять на мнение, на его отношение к чему-либо или кому-либо, на принятие им решения и т. п.).

Конфликт в общеупотребительной трактовке подразумевает столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе коммуникации (в том числе письменной и в разных жанрах — статьи, переписки, разоблачительной статьи, жалоб и пр.) по поводу несовпадающих интересов, мнений, коммуникативных намерений, которые выявляются в ситуации устного/письменного общения. Речевой конфликт имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться соответствующими средствами языка и речи. Такие речевые действия пишущего/говорящего — субъекта речи (автора статей) определяют речевое поведение других участников коммуникации — субъектов (героев публикации) и адресанта (читателя) информации. Первые, осознавая, что указанные речевые действия направлены против их интересов, предпринимают ответные речевые действия и поступки, выражая отношение к предмету речи посредством составления и подачи исков в суды, жалобы и пр. Вторые могут выражать свое отношение через поддержку (восхищение/отрицание, отзывы в аккаунтах, лайки и комментарии на порталах газеты) одного из участников коммуникации или оставаться толерантными и безразличными. Эта противонаправленная интеракция и есть речевой/коммуникативный конфликт [Муравьева 2002].

Выводы лингвистических экспертиз отражают не только то, какой текст содержит негативные компоненты, имеющие оскорбительный характер и могущие ущемлять честь и достоинство человека, деловую репутацию организации, но и описывают саму ситуацию использования языковых средств — другими словами, то речевое событие, которое имело место в действительности и называется в лингвистике словом «оскорбление».

Нет никаких оснований, как считают экспертологи, помимо собственно лингвистических, что связаны с отсутствием описания оскорбления, «исключать квалификацию конкретного речевого поведения как оскорбления» [Бринев 2009: 82]. Как описано в «Методиках проведения судебной лингвистической экспертизы» и справочной литературе, юрист оценивает при этом не термин «оскорбление», а то, что произошло, и оценивает произошедшую ситуацию юридически, решая вопрос о том, достаточно ли тех признаков, которые были выявлены лингвистом.

Экспертиза назначается не для того, чтобы дать оценку лексическим средствам, а с целью определения того, какой урон они представляют в «активированном виде», т. е. имеют ли отрицательные последствия в форме речевого акта для лица / для учреждения, в адрес которого они используются или характеризуют его. К сожалению, в имеющемся формате вопросов для проведения исследований по унижению чести и достоинства человека, деловой репутации организа-

ции, по мнению Г. В. Кусова, происходит явная подмена предмета доказывания по причине того, что «в русской лингвокультуре отсутствие мелиоративной оценки уже есть „негативная оценка личности“» [Кусов 2011: 18]. Такая логическая ошибка придает отпечаток субъективности экспертному заключению.

Во избежание субъективности в экспертизах подобного рода считаем необходимым исследование подобных текстов как продуктов речевой деятельности проводить комплексно — с дополнительным применением особого психолингвистического методического инструментария и специальных лингвопрагматических процедур. Необходим вероятностный прогноз воздействия конфликтного текста на аудиторию, которая формирует репутационный статус физического лица или предприятия. Необходимо понимание намерений автора, а также его мотивов. Важными компонентами являются характеризующие и определительные признаки вербальных моделей (предложений, слов, текста целиком) и сопровождающих текст аудио- или визуальных образов. Именно эти недостающие компоненты восполняет комплексная лингвистическая и психолингвистическая экспертиза [Рогожникова 2018]. В лингвистической экспертизе могут отсутствовать те единицы анализа (например, имеющиеся речевые импликатуры — скрытые смыслы, которые воздействуют на аудиторию в заданном автором направлении; экспрессивная составляющая сложного (поликодового. креолизованного) текста и мн. др.), которые объективно характеризовали бы влияние конфликтного текста или отдельных предложенных для рассмотрения фраз на читательскую/зрительскую аудиторию. В связи с появлением новых объектов исследования (например, сообщения в сети «Твиттер», СМС-сообщения, доменные имена, никнеймы, сопровождающие печатный текст карикатуры, аудио- и видеотексты и др.), а также с видоизменением традиционных объектов (трансформации письменного текста в текст «Живого журнала» или блога, дискурс социальных сетей) происходит процесс укрупнения рода судебной лингвистической экспертизы в самостоятельный класс [Соколова 2015: 69—70]. Интеграция и дифференциация специальных знаний в области лингвистики позволяют характеризовать ее как изменяющуюся категорию, на что неоднократно указывала Е. И. Галяшина [Галяшина URL]. Внутри класса судебной лингвистической экспертизы происходит формирование отдельных родов и видов в соответствии с особенностями объектов, экспертных задач и используемых при их решении специальных знаний. По нашему мнению, отнесение психолингвистической экспертизы, имеющей специфический исследовательский инструментарий, к подвиду лингвистической некорректно, так как сужает круг исследуемых объектов и искажает характер специальных знаний эксперта-речеведа. Любая терминологическая дифференциация и усложнение научного аппарата, как и усложнение методологии исследования, обычно свидетельствует о развитии теории и позволяет более точно выразить научные оттенки лингвоюридической практики, объединить язык и право на глубинном уровне. Для этого также важно изменить формат адресованных специалисту вопросов, исключающих исследовательскую субъективность и обеспечивающих достаточность признаков, по которым юрист квалифицирует ситуацию как деяние, которое в юриспруденции называется словом «оскорбление».

Расширение контекста лингвистического в исследованиях по делам об оскорблении, его направленность на внешнюю прагматическую ситуацию с учетом специфики когнитивных процессов, а также психолингвистических, психологических, социокультурных правил и стратегий понимания и порождения речи обусловлены не только значимостью названных явлений, но и кардинальными изменениями социального заказа в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, В. Ю. Имплицитная агрессия в языке / В. Ю. Апресян. — Текст : непосредственный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. — Москва, 2003. — С. 32—35.

2. Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : моногр. / К. И. Бринев ; под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул, 2009. — Текст : непосредственный.

3. Бринев, К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе / К. И. Бринев. — Москва : Либроком, 2016. — Текст : непосредственный.

4. Бредемайер, К. Искусство словесной атаки: практическое руководство : пер. с нем. / К. Бредемайер. — Москва : Альпина Бизнес Букс, 2005. — Текст : непосредственный.

5. Брусенская, Л. А. Квалификация оскорбления в контексте правовой культуры / Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова. — Текст : непосредственный // Правовая культура. — 2017. — № 4 (31). — С. 43—50.

6. БТСРЯз = Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл.ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : РАН, ИЛИ : Норинт, 2007. — Текст : непосредственный.

7. Галяшина, Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза в гражданском судопроизводстве: востребованность и компетенции / Е. И. Галяшина. — URL: http://отрасли-права.рф/article/18841 (дата обращения: 03.03.2020). — Текст : электронный.

8. Гловинская, М. Я. Гипербола как прием и оправдание речевой агрессии / М. Я. Гловинская. — Текст : непосредственный // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. — Москва, 2004. — С. 69—76.

9. Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н. Д. Голев. — Текст : непосредственный //

Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. — Барнаул, 1999. — С. 11—58.

10. Голев, Н. Д. Проблемы экспертной квалификации неприличной формы / Н. Д. Голев. — URL: https://lektsii.org/8-7121.html (дата обращения: 03.03.2020). — Текст : электронный.

11. Грачев, М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза / М. А. Грачев. — Москва : Флинта, 2016. — Текст : непосредственный.

12. Изотова, Т. М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении / Т. М. Изотова, В. О. Кузнецов, А. М. Плотникова. — Текст : непосредственный // Теория и практика судебной экспертизы. — 2016. — № 1. — С. 92—98.

13. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : ЛКИ, 2008. — Текст : непосредственный.

14. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / под ред. проф. М. В. Горбаневского. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Юридический мир, 2006. — Текст : непосредственный.

15. Кара-Мурза, Е. С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики / Е. С. Кара-Мурза. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 1 (27). — С 47—73.

16. Кукушкина, О. В. Теоретические и методологические основы психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму / О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж. — Москва, 2011. — Текст : непосредственный.

17. Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — Москва : Наука, 2007. — Текст : непосредственный.

18. Кусов, Г. В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: развитие современной теории и практики / Г. В. Кусов. — Текст : непосредственный // Российский судья. — 2011. — № 9. — С. 15—19.

19. Матвеева, Н. О. Оскорбление — унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме / Н. О. Матвеева. — 2013. — 22 авг. — URL: http://lingva-expert.ru/expert_says/notes_experts/ob-oskorblenii-matveeva-o-n/ (дата обращения: 11.03.2020). — Текст : электронный.

20. Муравьева, Н. В. Язык конфликта / Н. В. Муравьева. — Москва, 2002. — Текст : непосредственный.

21. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Русский язык, 1989. — Текст : непосредственный.

22. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы : для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. проф. М. В. Горбаневского. — Москва : Медея, 2004. — Текст : непосредственный.

23. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Москва : Медея, 2004. — Текст : непосредственный.

24. Рогожникова, Т. М. Суггестивность вербальных моделей в психолингвистическом контексте / Т. М. Рогожникова. — Текст : непосредственный // Теория языка и межкультурная коммуникация. — Курск, 2018. — № 1 (28).

25. Русский язык и культура речи / под ред. В. И. Максимова, А. В. Голубевой. — Москва, 2008. — Текст : непосредственный.

26. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — Москва : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999. — URL: https://kartaslov.ru/значение-слова/хапнуть (дата обращения: 11.03.2020). — Текст : электронный.

27. СОДЭКС : сайт МГЮА им. Кутафина. — URL: http://sodeks.ru/public/f11.htm (дата обращения: 11.03. 2020). — Текст : электронный.

28. Соколова, Т. П. Неймингoвая экспертиза как новый род лингвистической экспертизы / Т. П. Соколова. — Текст : непосредственный // Язык и право. — Москва, 2015. — С. 69—77.

29. Стернин, И. А. Оскорбление и оскорбительное словоупотребление: проблемы разграничения в лингвистической экспертизе текста / И. А. Стернин. — 2015. — 6 апр. — URL: http://lingva-expert.ru/articles/Oskorblenie-oskorbitelnoe-slovoupotreblenie/ (дата обращения: 11.03.2020). — Текст : электронный.

30. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва, 2003. — Текст : непосредственный.

31. Судебно-психологическая экспертиза. Психолого-лингвистическая экспертиза материалов экстремистской направленности : учебно-методическое пособие / сост. Л. З. Подберезкина, Е. Ю. Федоренко. — Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2012. — Текст : непосредственный.

32. Шабанов, М. М. Особенности проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении / М. М. Шабанов. — Текст : непосредственный // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки. — 2010. — № 2. — С. 175—179.

33. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования / Е. В. Шелестюк. — Челябинск : Энциклопедия, 2008. — Текст : непосредственный.

34. Щеникова, Е. В. Средства речевой агрессии в публицистике Захара Прилепина / Е. В. Щеникова, Е. В. Вологина. — Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 6. — С. 249—256.

E. A. Salikhova
Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9570-1763 ☑

☑ ***E-mail:*** *salelah12@yandex.ru.*

Linguistic Expertise of the Degree of “Insulting Potential” of Lexical Units Used in Legal Discourse

ABSTRACT. *The article deals with the concepts of “insulting potential” and “insult” and their representation in conflict-ridden texts. The author tries to answer the questions which an expert faces when conducting a linguistic expertise and states the necessity to take into account pragmatic factors, as well as the extralinguistic situation as a whole, when analyzing the fact of insult. The urgency of the topic can be attributed to the need for an in-depth study of the interaction of various definitions of offensiveness, creating difficulties in qualifying the legal norm “insult”. Linguists-researchers analyzing media materials (for example, journalistic texts, official letters, personal letters and messages, and other textual materials) from the position of linguistic expertise often encounter a certain range of problems when establishing a negative (insulting) coloring in a certain word. In addition, the deficit of the arsenal of linguistic methods of conducting expertise in the case of an insult makes it necessary to carry out a comprehensive examination of the conflict-ridden text from the point of view of psycholinguistics, cognitive science and linguo-pragmatics. In spite of numerous works in the field of theory and practice of forensic*

linguistic expertise in cases of insult, no unified methodology has been developed to this day. The article is expected to continue the scientific discussion of these issues, which is imperative for a clear understanding of the issues touched upon in this study. The author hopes the publication material may be used by those conducting linguistic studies or examinations. The author argues it is necessary to continue research in this sphere and hopes her study will be demanded by the colleagues.

KEYWORDS: *diagnostics of insult; linguo-pragmatic methods; negative evaluation; insulting potential; insults; legal discourse; conflict-ridden texts.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Salikhova El'vina Akhnafovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Verbal Communication and Psycholinguistics, Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia*.

FOR CITATION: *Salikhova, E. A.* Linguistic Expertise of the Degree of "Insulting Potential" of Lexical Units Used in Legal Discourse / E. A. Salikhova // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 198-208. — DOI XXXXXXXXXXXXXXX.

REFERENCES

1. Apresyan, V. Yu. Implicit Aggression in the Language / V. Yu. Apresyan. — Text : unmediated // Computer Linguistics and Intellectual Technologies. — Moscow, 2003. — P. 32—35. [Implitsitnaya agressiya v yazyke / V. Yu. Apresyan. — Tekst : neposredstvennyy // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. — Moskva, 2003. — S. 32—35]. — (In Rus.)

2. Brinev, K. I. Theoretical Linguistics and Judicial Linguistic Expertise : monograph / K. I. Brinev ; under the editorship of N. D. Golev. — Barnaul, 2009. — Text : unmediated. [Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza : monogr. / K. I. Brinev ; pod red. N. D. Goleva. — Barnaul, 2009. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Brinev, K. I. Handbook of Forensic Linguistic Examination / K. I. Brinev. — Moscow : Librocom, 2016. — Text : unmediated. [Spravochnik po sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize / K. I. Brinev. — Moskva : Librokom, 2016. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

4. Bredemayer, K. The Art of Verbal Attack: A Practical Guide : transl. from German / K. Bredemayer. — Moscow : Alpina Business Books, 2005. — Text : unmediated. [Iskusstvo slovesnoy ataki: prakticheskoe rukovodstvo : per. s nem. / K. Bredemayer. — Moskva : Al'pina Biznes Buks, 2005. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

5. Brusenskaya, L. A. Qualification of Insult in the Context of Legal Culture / L. A. Brusenskaya, E. G. Kulikova. — Text : unmediated // Legal Culture. — 2017. — No. 4 (31). — P. 43—50. [Kvalifikatsiya oskorbleniya v kontekste pravovoy kul'tury / L. A. Brusenskaya, E. G. Kulikova. — Tekst : neposredstvennyy // Pravovaya kul'tura. — 2017. — № 4 (31). — S. 43—50]. — (In Rus.)

6. BTSRYaz = Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / comp. and the main editor S. A. Kuznetsov. — St. Petersburg : RAS, Inst. of Russian language : Norint, 2007. — Text : unmediated. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl.red. S. A. Kuznetsov. — Sankt-Peterburg : RAN, ILI : Norint, 2007. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

7. Galyashina, E. I. Judicial Linguistic Examination in Civil Proceedings: Demand and Competencies / E. I. Galyashina. — URL: http://industry-prava.rf/article/18841 (date of access: 03.03.2020). — Text : electronic. [Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza v grazhdanskom sudoproizvodstve: vostrebovannost' i kompetentsii / E. I. Galyashina. — URL: http://otrasli-prava.rf/article/18841 (data obrashcheniya: 03.03.2020). — Tekst : elektronnyy]. — (In Rus.)

8. Glovinskaya, M. Ya. Hyperbola as a Method and Justification of Speech Aggression / M. Ya. Glovinskaya. — Text : unmediated // Concealed meanings. Word. Text. The culture. — Moscow, 2004. — P. 69—76. [Giperbola kak priem i opravdanie rechevoy agressii / M. Ya. Glovinskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura. — Moskva, 2004. — S. 69—76]. — (In Rus.)

9. Golev, N. D. Legal Aspect of Language in Linguistic Coverage / N. D. Golev. — Text : unmediated // Jurislingistics-1. Problems and prospects. — Barnaul, 1999. — P. 11—58. [Yuridicheskiy aspekt yazyka v lingvisticheskom osveshchenii / N. D. Golev. — Tekst : neposredstvennyy // Yurislingvistika-1. Problemy i perspektivy. — Barnaul, 1999. — S. 11—58]. — (In Rus.)

10. Golev, N. D. Problems of Expert Qualifications of Indecent Form / N. D. Golev. [Problemy ekspertnoy kvalifikatsii neprilichnoy formy / N. D. Golev]. — URL: https://lektsii.org/8-7121.html (date of access: 03.03.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

11. Grachev, M. A. Forensic Linguistic Expertise / M. A. Grachev. — Moscow : Flinta, 2016. — Text : unmediated. [Sudebno-lingvisticheskaya ekspertiza / M. A. Grachev. — Moskva : Flinta, 2016. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

12. Izotova, T. M. Methodology for Conducting Judicial Linguistic Examination in Cases of Insult / T. M. Izotova, V. O. Kuznetsov, A. M. Plotnikova. — Text : unmediated // Theory and Practice of Forensics. — 2016. — No. 1. — P. 92—98. [Metodika provedeniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy po delam ob oskorblenii / T. M. Izotova, V. O. Kuznetsov, A. M. Plotnikova. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. — 2016. — № 1. — S. 92—98]. — (In Rus.)

13. Issers, O. S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech / O.S. Issers. — Moscow : LCI, 2008. — Text : unmediated. [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi / O. S. Issers. — Moskva : LKI, 2008. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. How to Conduct a Linguistic Examination of a Controversial Text? Memo for Judges, Media Lawyers, Lawyers, Prosecutors, Investigators, Interrogators and Experts / ed. prof. M. V. Gorbanevsky. — 2nd ed., rev. and add. — Moscow : Legal World, 2006. — Text : unmediated. [Kak provesti lingvisticheskuyu ekspertizu spornogo teksta? Pamyatka dlya sudey, yuristov SMI, advokatov, prokurorov, sledovateley, doznavateley i ekspertov / pod red. prof. M. V. Gorbanevskogo. — 2-e izd., ispr. i dop. — Moskva : Yuridicheskiy mir, 2006. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. Kara-Murza, E. S. Linguistic Examination as a Procedure of Political Linguistics / E. S. Kara-Murza. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2009. — No. 1 (27). — P. 47—73. [Lingvisticheskaya ekspertiza kak protsedura politicheskoy lingvistiki / E. S. Kara-Murza. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2009. — № 1 (27). — S 47—73]. — (In Rus.)

16. Kukushkina, O. V. Theoretical and Methodological Foundations of Psychological and Linguistic Expertise in Cases Related to Countering Extremism / O. V. Kukushkina, Yu. A. Safonova, T. N. Sekerazh. — Moscow, 2011. — Text : unmediated. [Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu / O. V. Kukushkina, Yu. A. Safonova, T. N. Sekerazh. — Moskva, 2011. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

17. Culture of Russian Speech : Encyclopedic Dictionary Handbook / ed. by L. Yu. Ivanov, A.P. Skovorodnikov, E.N. Shiryaev et al. — Moscow : Science, 2007. — Text : unmediated. [Kul'tura russkoy rechi : entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik / pod red. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryaeva i dr. — Moskva : Nauka, 2007. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

18. Kusov, G. V. Judicial Linguistic Examination of "Insults": the Development of Modern Theory and Practice / G.V. Kusov. — Text : unmediated // Russian Judge. — 2011. — No. 9. — P. 15—19. [Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza «oskorbleniya»: razvitie sovremennoy teorii i praktiki / G. V. Kusov. — Tekst : neposredstvennyy // Rossiyskiy sud'ya. — 2011. — № 9. — S. 15—19]. — (In Rus.)

19. Matveeva, N. O. Insult — Humiliation of Honor and Dignity, Expressed in Indecent Form / N. O. Matveeva. — 2013. — Aug. 22. [Oskorblenie — unizhenie chesti i dostoinstva, vyrazhennoe v neprilichnoy forme / N. O. Matveeva. — 2013. —

22 avg.]. — URL: http://lingva-expert.ru/expert_says/notes_experts/ob-oskorblenii-matveeva-o-n/ (date of access: 11.03.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

20. Murav'eva, N. V. Language of Conflict / N. V. Muravyova. — Moscow, 2002. — Text : unmediated. [Yazyk konflikta / N. V. Murav'eva. — Moskva, 2002. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

21. Ozhegov, S. I. Dictionary of the Russian Language / S. I. Ozhegov ; under the editorship of N. Yu. Shvedova. — Moscow : Russian language, 1989. — Text : unmediated. [Slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov ; pod red. N. Yu. Shvedovoy. — Moskva : Russkiy yazyk, 1989. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

22. Memo on the Appointment of a Forensic Linguistic Examination: for Judges, Investigators, Investigators, Prosecutors, Experts, Lawyers and Legal Advisers / ed. prof. M. V. Gorbanevsky. — Moscow : Medea, 2004. — Text : unmediated. [Pamyatka po voprosam naznacheniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy : dlya sudey, sledovateley, doznavateley, prokurorov, ekspertov, advokatov i yuriskonsul'tov / pod red. prof. M. V. Gorbanevskogo. — Moskva : Medeya, 2004. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

23. The Concepts of Honor, Dignity and Business Reputation: Controversial Media Texts and the Problems of Their Analysis and Assessment by Lawyers and Linguists / ed. A. K. Simonov and M. V. Gorbanevsky. — Ed. 2nd, rev. and add. — Moscow : Medea, 2004. — Text : unmediated. [Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: spornye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami i lingvistami / pod red. A. K. Simonova i M. V. Gorbanevskogo. — Izd. 2-e, pererab. i dop. — Moskva : Medeya, 2004. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

24. Rogozhnikova, T. M. Suggestion of Verbal Models in a Psycholinguistic Context / T. M. Rogozhnikova. — Text : unmediated // Theory of Language and Intercultural Communication. — Kursk, 2018. — No. 1 (28). [Suggestivnost' verbal'nykh modeley v psikholingvisticheskom kontekste / T. M. Rogozhnikova. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. — Kursk, 2018. — № 1 (28)]. — (In Rus.)

25. Russian Language and Culture of Speech / ed. V. I. Maksimova, A. V. Golubeva. — Moscow, 2008. — Text : unmediated. [Russkiy yazyk i kul'tura rechi / pod red. V. I. Maksimova, A. V. Golubevoy. — Moskva, 2008. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

26. Dictionary of the Russian Language: in 4 Volumes / RAS, Institute of Linguistics research ; under the editorship of A.P. Evgenieva. — 4th ed., stereotype. — Moscow : Russian Language : Printing resources, 1999. — Text : electronic. [Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / RAN, In-t lingvistich. issledovaniy ; pod red. A. P. Evgen'evoy. — 4-e izd., ster. — Moskva : Russkiy yazyk : Poligrafresursy, 1999]. — URL: https://kartaslov.ru/znachenie-slova/khapnut' (date of access: 11.03.2020). — (In Rus.)

27. SODEX: Moscow State Law Academy named after Kutafina. [SODEKS : sayt MGYuA im. Kutafina]. — URL: http://sodeks.ru/public/f11.htm (date of access: 11.03.2020). — Text : electronic.

28. Sokolova, T. P. Naming Expertise as a New Kind of Linguistic Expertise / T. P. Sokolova. — Text : unmediated // Language and Law. — Moscow, 2015. — P. 69—77. [Neymingovaya ekspertiza kak novyy rod lingvisticheskoy ekspertizy / T. P. Sokolova. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk i pravo. — Moskva, 2015. — S. 69—77]. — (In Rus.)

29. Sternin, I. A. Insult and Abusive Word Usage: Problems of Delimitation in the Linguistic Examination of the Text / I. A. Sternin. — 2015. — Apr 6. [Oskorblenie i oskorbitel'noe slovoupotreblenie: problemy razgranicheniya v lingvisticheskoy ekspertize teksta / I. A. Sternin. — 2015. — 6 apr.]. — URL: http://lingva-expert.ru/articles/Oskorblenie-oskorbitelnoe-slovoupotreblenie/ (date of access: 11.03.2020). — Text : electronic.

30. Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language / ed. M. N. Kozhina. — 2nd ed., rev. and add. — Moscow, 2003. — Text : unmediated. [Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoy. — 2-e izd., ispr. i dop. — Moskva, 2003. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

31. Forensic Psychological Examination. Psychological and Linguistic Examination of Extremist Materials: a teaching aid / comp. L. Z. Podberezkina, E. Yu. Fedorenko. — Krasnoyarsk : Siberian Federal University, 2012. — Text : unmediated. [Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza. Psikhologo-lingvisticheskaya ekspertiza materialov ekstremistskoy napravlennosti : uchebno-metodicheskoe posobie / sost. L. Z. Podberezkina, E. Yu. Fedorenko. — Krasnoyarsk : Sibirskiy federal'nyy un-t, 2012. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

32. Shabanov, M. M. Features of Conducting Judicial Linguistic Examination in Cases of Insult / M. M. Shabanov. — Text : unmediated // Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Social Sciences. — 2010. — No. 2. — P. 175—179. [Osobennosti provedeniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy po delam ob oskorblenii / M. M. Shabanov. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Obshchestvennye nauki. — 2010. — № 2. — S. 175—179]. — (In Rus.)

33. Shelestyuk, E. V. Speech Exposure: Ontology and Research Methodology / E. V. Shelestyuk. — Chelyabinsk : Encyclopedia, 2008. — Text : unmediated. [Rechevoe vozdeystvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya / E. V. Shelestyuk. — Chelyabinsk : Entsiklopediya, 2008. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

34. Shchenikova, E. V. Means of Speech Aggression in Journalism of Zakhar Prilepin / E. V. Schenikova, E. V. Vologina. — Text : unmediated // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. — 2014. — No. 6. — P. 249—256. [Sredstva rechevoy agressii v publitsistike Zakhara Prilepina / E. V. Shchenikova, E. V. Vologina. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. — 2014. — № 6. — S. 249—256]. — (In Rus.)

УДК 349.3; 81'42
ББК Ш105.51+С9 *ГСНТИ 16.41.21* *Код ВАК 12.00.05; 10.02.00; 10.02.19*
DOI

Е. А. Токарева
Уральский институт управления РАНХ и ГС при Президенте, г. Екатеринбург, Россия
ORCID ID: — ☑

А. И. Золотайко
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-9513-7987 ☑

☑ ***E-mail:*** *easilkina@mail.ru; liani@list.ru.*

Вопросы терминологии в законодательстве об обеспечении пособиями семей с детьми

АННОТАЦИЯ. *В настоящей статье предлагается обзор терминологических единиц, отражающих сущность и специфику права на социальное обеспечение. Авторами рассматривается вопрос о подходах к классификации пособий по видам и правовым институтам в зависимости от их целевого назначения, источников, периодичности и других оснований. Уделяется внимание способам словообразования при наименовании различных видов социального обеспечения в зарубежных странах для выявления характеристик их функционирования в юридическом дискурсе. Авторы отмечают, что разнообразие способов словообразования в разных языках способствует максимальному раскрытию семантики терминов и обеспечению их адекватного понимания. Также подчеркивается, что во многих государствах наименования видов социального обеспечения в краткой форме отражают их сущность и назначение, а применяемый вид страхования напрямую зависит от сферы деятельности застрахованного лица, что отражается в наименовании каждого из видов обеспечения. На взгляд авторов, целесообразно остановиться на едином обобщающем, классифицирующем, родовом по отношению к отдельным видам пособий термине «государственные пособия в связи с материнством и детством». Подобная формулировка способна оказать положительное влияние на формирование терминологии права социального обеспечения.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *юридический дискурс; социальное обеспечение; социальные пособия; пособия по болезни; семейные пособия; социальное страхование.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Токарева Екатерина Алексеевна, доцент кафедры трудового и социального права, Уральский институт управления РАНХ и ГС при Президенте; 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: easilkina@mail.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Золотайко Анастасия Игоревна, преподаватель кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России; 620017, Россия, Екатеринбург, ул. Корепина, 66; e-mail: liani@list.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Токарева, Е. А.* Вопросы терминологии в законодательстве об обеспечении пособиями семей с детьми / Е. А. Токарева, А. И. Золотайко // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 209-214. — DOI.

ВВЕДЕНИЕ

Терминология права социального обеспечения обладает важным свойством: она способна упорядочивать, структурировать законодательство за счет лексических связей между правовыми понятиями. Многообразие терминологических единиц дает возможности для оптимальной классификации понятий права социального обеспечения по правовым институтам, однако так происходит не всегда. В. Ш. Шайхатдинов отмечает, что различные классификации пособий в праве социального обеспечения, в том числе подразделение их по институтам, не вполне обоснованны, так как пособия различных видов существенно отличаются друг от друга по целям, условиям и основаниям предоставления, способам определения их размеров, по источникам финансирования, а также по периодичности выплат. При этом справедливым представляется вывод В. Ш. Шайхатдинова о том, что различные виды пособий в праве социального обеспечения обозначают не один вид обеспечения, а несколько [Шайхатдинов 1986: 122]. Это обусловлено тем, что термин «„пособие“ к данным видам обеспечения применяется условно, в силу того что в науке российского права социального обеспечения не найдены термины, которые бы соответствовали природе и функциям каждого из названных видов социального обеспечения» [Шайхатдинов 1986: 122]. В связи с этим заслуживают внимания способы словообразования при обозначении различных видов социальных пособий в зарубежных странах, где при помощи различных языковых единиц достигается более обоснованное разделение видов обеспечения по правовым институтам. При этом следует учитывать особенности лингвокультурологического, политического и

© Токарева Е. А., Золотайко А. И., 2020

юридического характера. В данном ключе целесообразно обратиться к некоторым аспектам юридической лингвистики, которая наряду с некоторыми другими (политическая лингвистика, медиалингвистика, этнолингвистика и проч.) возникла на рубеже двух «классических» гуманитарных наук [Чудинов 2012: 7]: юриспруденции и лингвистики. С точки зрения дискурсологии это лингвистика, обращенная к юридической коммуникации, связанная с изучением юридического дискурса сквозь призму лингвистической методологии и с помощью лингвистического аппарата. Соответственно необходимо знание не только основ и особенностей юридических систем тех или иных стран, но и специфики их языковой репрезентации и терминологического аппарата. Так, английский язык «обслуживает» юридические системы Великобритании, США, а немецкий — ФРГ, Швейцарии, Австрии. При этом лингвистическая эквивалентность юридических понятий часто не достижима [Щепотина, Рыжкова 2016: 132—135].

НОМИНАЦИИ ПОСОБИЙ ПО БОЛЕЗНИ

В данной работе предлагается рассмотрение номинаций различных видов социального обеспечения и их дифференциация по правовым институтам. Например, пособие по болезни в Болгарии называется «парично обезщетение за времена нетрудоспособност», в Венгрии — «táppenz», в ФРГ — «Krankengeld» (в сочетании с другими видами обеспечения, в частности, с лечением (лечебным уходом) — «Heilbehandlung», медицинской и стоматологической помощью — «ärztliche und zahnärztliche Behandlung», лекарствами — «Arzneimittel», уходом на дому — «häusliche Krankenpflege» и больничным уходом — «Behandlung in Krankenhäusern» [Grill, Reip: 126], услугами по лечебному уходу — «die Leistungen der Krankenbehandlung»), в Чехии — «nemocenské». В США, Великобритании, Австралии и ряде других англоязычных стран данное пособие именуется «sick leave», что в дословном переводе означает «отпуск/уход по болезни» или физическому состоянию, препятствующему полноценному осуществлению рабочих обязанностей [Cambridge Dictionary URL]. Доминирующими способами номинации для немецких юридических терминосистем является словосложение, для английских — конверсия (переход слова из одной части речи в другую).

НОМИНАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ПОСОБИЙ

В Болгарии семейные пособия называются «добавки на деца», в Венгрии — «családi pótlék», в ФРГ — «Staatliche Kinderzuschlag», родительское пособие — «Elterengeld» (аналог российского ежемесячного пособия по уходу за ребенком: согласно Закону ФРГ «Об охране материнства», один из родителей имеет право на отпуск по уходу за ребенком (das Elternzeit) до достижения ребенком трехлетнего возраста [Gril, Reip 2010: 47]), пособие на ребенка — «Kinderngeld» [Eichenhofer 2010: 272], в Австрии пособие по уходу за детьми получило название «Kinderbetreuungsgeld», в Чехии пособие на ребенка называется «pribavky na dìti» [Шайхатдинов 1986: 123]. Пособие на жилье в ФРГ — «Wohngeld» [Eichenhofer 2010: 280], пособие по случаю смерти — «Sterbegeld» [Grill, Reip 2010: 126]. Превалирующее число представленных номинаций образовано аффиксальным способом и словосложением. В США, Великобритании и Австралии выплаты по семейным обстоятельствам носят следующие номинации, образованные конверсивно: «maternity leave» (отпуск по уходу за ребенком, осуществляемому матерью), «paternity leave» (отпуск по уходу за ребенком, осуществляемому отцом), «parental leave» (отпуск по уходу за ребенком, осуществляемому обоими родителями) или «adoption leave» (отпуск по уходу за усыновленным ребенком). Примечательна в данном ключе выраженная гендерная специфика данных терминов. Более тщательное рассмотрение их особенностей позволяет выявить следующие характеристики: пособия и отпуск отцу или матери длительностью в 52 недели (26 основного отпуска, 26 дополнительного) в США и Великобритании предоставляются на равной и обязательной основе (при этом работник имеет право досрочного выхода на свое рабочее место). В Австралии приоритет отдается матери, как основному лицу, несущему ответственность за уход и здоровье новорожденного. Следует отметить, что в некоторых штатах США вопрос об оплате и длительности отпуска зависит от законодательства штата и политики работодателя, в связи с чем может варьироваться. «Parental leave», или родительской отпуск, подразумевает 1—2 оплачиваемых недели, предоставляемых для одного из супругов, продолжающего работать и не находящегося в длительном отпуске по уходу. Отпуск по усыновлению (или уходом за ребенком, появившимся посредством суррогатного материнства) приравнивается к обычному и включает все те же 52 недели и обязательную оплату. В Великобритании работник в связи с любым из перечисленных отпусков (кроме дополнительного родительского) также имеет право на повышение заработной платы, накапливаемые дни отгулов и

возможность вернуться на прежнее рабочее место [Gov.uk URL]. Таким образом, во многих государствах наименования видов социального обеспечения в краткой форме отражают их сущность и назначение.

НОМИНАЦИИ ВИДОВ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

В отношении регулирования социального страхования показателен пример ФРГ. Конкретный вид страхования зависит от профессии застрахованного лица, а также продолжительности его страхового стажа. К важнейшим видам социального страхования относятся пенсионное страхование для наемных работников и лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой (Rentenversicherung); обеспечение служащих (Beamtenversorgung); корпоративное обеспечение по возрасту в соответствии с коллективным договором (betriebliche Alterversorgung), профессиональное обеспечение (включая обслуживание) для лиц свободных профессий — врачей, аптекарей, архитекторов, адвокатов, нотариусов и др. (berufsständische Versorgung), а также частное страхование жизни (private Lebensversicherung) [Eichenhoffer 2010: 158—170]. К значимым видам социального страхования в США относятся те, что обеспечиваются на государственном («OASDHI — Old-Age, Survivors, Disability, and Health Insurance Program» — федеральная программа по обеспечению выплат по достижении пенсионного возраста (65—67 лет), по потере кормильца, инвалидности и медицинскому страхованию [ThisMatter.com URL]) и местном уровне, распространяющемся на работодателей в зависимости от законодательства штата. Включает «Workers Compensation» (компенсацию для работников), «Unemployment Insurance» (страхование от безработицы), «Disability Insurance» (страхование на случай травм на рабочем месте), «Employment Practices Liability Insurance» (страхование ответственности, вытекающей из трудовых отношений) [Nasdaq.com URL]. Таким образом, следует отметить, что применяемый вид страхования напрямую зависит от сферы деятельности застрахованного лица, что отражается в наименовании каждого из видов обеспечения. Представленные примеры образованы аффиксально, посредством словосложения и аббревиатур.

ПОДХОДЫ К ТИПОЛОГИЗАЦИИ ВИДОВ ПОСОБИЙ

Используемый в науке и отрасли права, посвященных социальному обеспечению, термин «пособие» относится ко всем выплатам, имеющим такое наименование, с определенной долей условности. Поэтому В. Ш. Шайхатдинов вполне обоснованно пишет о том, что «классификация пособий по видам зависимости от их целевого назначения, источников, периодичности и других оснований может быть оправдана только в учебных целях. Когда же требуется подразделение видов пособий как основа для построения правовых институтов, а затем подразделений нормативных актов, такая классификация принята быть не может» [Шайхатдинов 1986: 123]. Блок социальных пособий не может быть выделен в подотрасль права социального обеспечения, поскольку не образует общей части, генерального института, а составляет всего лишь часть ядра предмета отрасли, а в правовом регулировании различных пособий отсутствуют сколько-нибудь значительные нормы общего характера, общие субъекты и принципы обеспечения [Шайхатдинов 1986: 123—124]. Пособия представляют собой денежные выплаты, назначаемые гражданам ежемесячно, периодически либо единовременно в установленных законом случаях с целью возмещения утраченного заработка либо оказания дополнительной материальной помощи [Буянова, Кобозева, Кондратьева 2013: 188]. Термин «пособие» древнерусской этимологии, происходит от слова *пособъ*, что означает *помощь* [Шанский, Боброва 2014: 188], поэтому сам термин «пособие» вполне удачен для обозначения подобных выплат «вспомогательного» характера, которые призваны материально «пособить» (немного помочь) лицу, имеющему право на данный вид обеспечения, а не обеспечить его полностью, становясь для него основным (единственным) источником средств к существованию. Данная позиция разделяется М. О. Буяновой, С. И. Кобзевой, З. А. Кондратьевой, которые приходят к выводу, что пособия в отличие от пенсии, которая выступает постоянным и основным источником средств к существованию, «являются помощью, временно заменяющей утраченный заработок или служащей дополнением к основному источнику средств к существованию (заработку или пенсии)» [Буянова, Кобозева, Кондратьева 2013: 188]. Для социальных пособий объединяющими признаками являются: 1) денежная форма; 2) назначаемость органами, осуществляющими социальное обеспечение. Данные признаки недостаточно специфичны для того, чтобы объединить неоднородные нормы о социальных пособиях в один правовой институт.

Однако следует отметить, что в праве социального обеспечения России существует тенденция к объединению отдельных ви-

дов социальных пособий для целей нормативно-правовой регламентации по принципу родственных социальных рисков и страховых случаев. Так, например, Федеральным законом РФ от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» предусмотрено 8 видов государственных пособий в связи беременностью, рождением и воспитанием детей: 1) пособие по беременности и родам; 2) единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности; 3) единовременное пособие при рождении ребенка; 4) ежемесячное пособие по уходу за ребенком; 5) ежемесячное пособие на ребенка; 6) единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью; 7) единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву; 8) ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву. С точки зрения формальной логики не каждая беременная женщина (например, вставшая на учет в медицинских организациях в срок беременности до 12 недель либо беременная жена призывника) уже относится к гражданам, *имеющим* детей. Отсюда вытекает закономерный вопрос: либо законодатель сознательно установил, что беременная женщина может именоваться «семьей, воспитывающей детей», либо пособие предоставляется, если женщина уже воспитывает детей, рожденных (усыновленных) ранее? Налицо терминологический дефект в номинации целой группы социальных пособий, и его можно исключить, используя в качестве термина, обобщающего указанные виды пособий, в названии Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» термин «государственные пособия в связи с материнством и детством».

В этой связи позитивен пример правового регулирования данных пособий в Республике Беларусь. В соответствии со ст. 3 Закона Республики Беларусь от 29 декабря 2012 г. № 7-З «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей» [pravo.by URL], указанные пособия сгруппированы в три категории: *пособия по материнству* (пособие по беременности и родам, пособие женщинам, ставшим на учет в государственных организациях здравоохранения до 12-недельного срока беременности), *семейные пособия* (в связи с рождением ребенка; по уходу за ребенком до 3 лет; пособие на детей старше 3 лет отдельным категориям семей; пособие на ребенка в возрасте до 18 лет, инфицированного вирусом иммунодефицита человека; пособие по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет), *пособия по временной нетрудоспособности по уходу за ребенком* (пособия по временной нетрудоспособности по уходу за больным ребенком либо детьми-инвалидами). Такая группировка видов обеспечения представляется вполне обоснованной, поскольку учитывает общие признаки субъектов и случаи обеспечения.

Другой подход к классификации социальных пособий, заслуживающий внимания, предложен законодателем Казахстана. В соответствии с Законом Республики Казахстан от 28 июня 2005 г. № 63 «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [Adilet.zan.kz URL], государственные пособия семьям, имеющим детей, предоставляются в виде единовременного государственного пособия в связи с рождением ребенка; ежемесячного государственного пособия по уходу за ребенком по достижении им возраста 1 года; и ежемесячного государственного пособия на детей до 18 лет, при этом предоставление выплат женщинам в связи с беременностью и родами регулируется иными нормативно-правовыми актами.

ВЫВОДЫ

На основании предложенного материала представляется возможным сделать следующие заключения:

- Номинации видов социального обеспечения в подавляющем количестве образованы словосложением, аффиксальным способом и с помощью аббревиатур, что позволяет добиться максимального раскрытия семантики термина и обеспечить его адекватное понимание.
- Во многих государствах наименования видов социального обеспечения в краткой форме отражают их сущность и назначение.
- Применяемый вид страхования напрямую зависит от сферы деятельности застрахованного лица, что отражается в наименовании каждого из видов обеспечения.

На взгляд авторов, целесообразно остановиться на едином обобщающем, классифицирующем, родовом по отношению к отдельным видам пособий термине *государственные пособия в связи с материнством и детством*, что оказало бы положительное влияние на формирование терминологии права социального обеспечения.

Указанное предложение соответствует Методическим рекомендациям Государственной думы Федерального собрания от 6 августа 2013 г. «По лингвистической экспертизе законопроектов» [Garant.ru URL]. В частности, в разделе, посвященном языку и сти-

лю законопроекта, приводятся единые рекомендации по подготовке законопроектов к их рассмотрению Государственной думой. Сутью таких рекомендаций являются требования к соблюдению логики изложения правовых норм, отсутствию явных и скрытых противоречий; точности использования юридических и других специальных терминов; соблюдению стиля законодательных актов, в первую очередь определенности, ясности, краткости правовых норм.

ИСТОЧНИКИ

1. Закон Республики Беларусь от 29 декабря 2012 года № 7-З «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей». — URL: http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11200007&p1=1 (дата обращения: 16.03.2020). — Текст : электронный.

2. Закон Республики Казахстан от 28 июня 2005 года № 63 «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей». — URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000063 (дата обращения: 16.03.2020). — Текст : электронный.

3. Методические рекомендации Государственной Думы Федерального Собрания от 6 августа 2013 г. «По лингвистической экспертизе законопроектов» // Гарант.ру. — URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70363040/ (дата обращения: 11.03.2020). — Текст : электронный.

4. Sick Leave // Cambridge Doctionary.org. — URL: https://dictionary.cambridge.org/sick-leave (date of access: 13.03.2020). — Text : electronic.

5. Adoption Leave // Gov.uk. — URL: https://www.gov.uk/adoption-pay-leave (date of access: 13.03.2020). — Text : electronic.

6. Four Types of Insurance To Cover Your Employees // Nasdaq.com. — URL: https://www.nasdaq.com/articles/four-types-insurance-cover-your-employees-2017-07-19 (date of access: 13.03.2020). — Text : electronic.

7. Social Security // ThisMatter.com. — URL: https://thismatter.com/money/insurance/social-security.htm (date of access: 13.03.2020). — Text : electronic.

ЛИТЕРАТУРА

8. Буянова, М. О. Право социального обеспечения : учебное пособие / М. О. Буянова, С. И. Кобзева, З. А. Кондратьева. — Москва : Кронус, 2016. — 480 с. — Текст : непосредственный.

9. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 256 с. — ISBN 978-5-89349-897-4 (Флинта), ISBN 978-5-02-033358-1 (Наука). — URL: http://znanium.com/catalog/product/490457 (дата обращения: 14.03.2020). — Текст : электронный.

10. Щепотина, Е. В. Национально-культурные аспекты перевода юридического текста / Е. В. Щепотина, Е. А. Рыжкова. — Текст : непосредственный // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2016 г.). — Москва : Буки-Веди, 2016. — С. 132—135.

11. Шайхатдинов, В. Ш. Теоретические проблемы советского права социального обеспечения / В. Ш. Шайхатдинов. — Свердловск, 1986. — 156 с. — Текст : непосредственный.

12. Шанский, Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. — Москва, 2004. — 400 с. — Текст : непосредственный.

13. Grill, W. Einfuhrung in das Arbeits- und Sozialrecht: Lehrbuch und Aufgabensammlung / W. Grill, H. Reip. — Troisdorf, 2010. — 144 p. — Text : unmediated.

14. Eichenhofer, E. Sozialrecht / E. Eichenhofer. — Tübingen, 2010. — 316 p. — Text : unmediated.

E. A. Tokareva
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: — ☑

A. I. Zolotaiko
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-9513-7987 ☑

☑ ***E-mail:*** *easilkina@mail.ru.ru; liani@list.ru.*

Issues of Terminology in the Legislation on Providing Social Benefits for Families with Children

ABSTRACT. *The article provides an overview of terminological units that make up the essence and specificity of the right to social security. The authors consider the question of approaches to the classification of allowances by type and legal institution, depending on their purpose, sources, frequency and other grounds. Attention is paid to the word formation methods when naming various types of social security in foreign countries to identify the characteristics of their functioning in legal discourse. The authors note that the variety of word formation methods in different languages contributes to a maximum disclosure of the semantics of the terms and ensures their adequate understanding. It is also emphasized that in many states, the names of types of social security briefly reflect their essence and purpose, and the type of insurance used directly depends on the scope of activity of the insured person, which is reflected in the name of each type of security. In the authors' opinion, it is advisable to dwell on a single generalizing, classifying, generic term with respect to certain types of benefits "state benefits in connection with motherhood and childhood". This wording can have a positive impact on the formation of the terminology of the social security law.*

KEYWORDS: *legal discourse; social security; social benefits; illness benefits; family allowances; social security.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Tokareva Ekaterina Alekseevna, Associate Professor, Department of Labor and Social Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Zolotaiko Anastasiya Igorevna, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Tokareva, E. A.* Issues of Terminology in the Legislation on Providing Social Benefits for Families with Children / E. A. Tokareva, A. I. Zolotaiko // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 209-214. — DOI XXXXXXXXXX.

MATERIALS

1. The Law of the Republic of Belarus dated December 29, 2012 No. 7-Z “On state benefits to families raising children”. [Zakon Respubliki Belarus' ot 29 dekabrya 2012 goda № 7-Z «O gosudarstvennykh posobiyakh sem'yam, vospityvayushchim detey»]. — URL: http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11200007&p1=1 (date of access: 16.03.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

2. The Law of the Republic of Kazakhstan dated June 28, 2005 No. 63 “On state benefits to citizens with children”. [Zakon Respubliki Kazakhstan ot 28 iyunya 2005 goda № 63 «O gosudarstvennykh posobiyakh grazhdanam, imeyushchim detey»]. — URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000063 (date of access: 16.03.2020). — Text : electronic.

3. Methodical Recommendations of the State Duma of the Federal Assembly of August 6, 2013 “On the linguistic examination of draft laws” // Garant.ru. [Metodicheskie rekomendatsii Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya ot 6 avgusta 2013 g. «Po lingvisticheskoy ekspertize zakonoproektov» // Garant.ru]. — URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70363040/ (date of access: 11.03.2020). — Text : electronic.

4. Sick Leave // Cambridge Doctionary.org. — URL: https://dictionary.cambridge.org/sick-leave (date of access: 13.03.2020). — Text : electronic.

5. Adoption Leave // Gov.uk. — URL: https://www.gov.uk/adoption-pay-leave (date of access: 13.03.2020). — Text : electronic.

6. Four Types of Insurance To Cover Your Employees // Nasdaq.com. — URL: https://www.nasdaq.com/articles/four-types-insurance-cover-your-employees-2017-07-19 (date of access: 13.03.2020). — Text : electronic.

7. Social Security // ThisMatter.com. — URL: https://thismatter.com/money/insurance/social-security.htm (date of access: 13.03.2020). — Text : electronic.

REFERENCES

8. Buyanova, M. O. Social Security Law : a textbook / M.O. Buyanova, S.I. Kobzeva, Z. A. Kondratyev. — Moscow : Cronus, 2016. — 480 p. — Text : unmediated. [Pravo sotsial'nogo obespecheniya : uchebnoe posobie / M. O. Buyanova, S. I. Kobzeva, Z. A. Kondrat'eva. — Moskva : Kronus, 2016. — 480 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

9. Chudinov, A. P. Political Linguistics : Textbook / A. P. Chudinov. — 4th ed. — Moscow : Flinta : Science, 2012. — 256 p. — ISBN 978-5-89349-897-4 (Flinta), ISBN 978-5-02-033358-1 (Science). [Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / A. P. Chudinov. — 4-e izd. — Moskva : Flinta : Nauka, 2012. — 256 s. — ISBN 978-5-89349-897-4 (Flinta), ISBN 978-5-02-033358-1 (Nauka)]. — URL: http://znanium.com/catalog/product/490457 (date of access: 14.03.2020). — Text : electronic.

10. Shchepotina, E. V. National-cultural Aspects of the Translation of a Legal Text / E. V. Shchepotina, E. A. Ryzhkova. — Text : unmediated // Philology and Linguistics in Modern Society: materials of the IV Intern. scientific conf. (Moscow, June 2016).— Moscow : Buki-Vedi, 2016. — P. 132—135. [Natsional'no-kul'turnye aspekty perevoda yuridicheskogo teksta / E. V. Shchepotina, E. A. Ryzhkova. — Tekst : neposredstvennyy // Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve : materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, iyun' 2016 g.). — Moskva : Buki-Vedi, 2016. — S. 132—135]. — (In Rus.)

11. Shaykhatdinov, V. Sh. Theoretical Problems of Soviet Social Security Law / V. Sh. Shaikhatdinov. — Sverdlovsk, 1986. — 156 p. — Text : unmediated. [Teoreticheskie problemy sovetskogo prava sotsial'nogo obespecheniya / V. Sh. Shaykhatdinov. — Sverdlovsk, 1986. — 156 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

12. Shanskiy, N. M. School Etymological Dictionary of the Russian Language. The Origin of Words / N. M. Shansky, T. A. Bobrova. — Moscow, 2004. — 400 p. — Text : unmediated. [Shkol'nyy etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Proiskhozhdenie slov / N. M. Shanskiy, T. A. Bobrova. — Moskva, 2004. — 400 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Grill, W. Einfuhrung in das Arbeits- und Sozialrecht: Lehrbuch und Aufgabensammlung / W. Grill, H. Reip. — Troisdorf, 2010. — 144 p. — Text : unmediated.

14. Eichenhofer, E. Sozialrecht / E. Eichenhofer. — Tübingen, 2010. — 316 p. — Text : unmediated.

УДК 811.161.1'42
ББК Ш141.12-51 *ГСНТИ 16.21.21* *Код ВАК 10.02.19*
DOI

А. Ю. Хоменко
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
ORCID ID: 0000-0003-3564-6293 ☑

Е. Р. Бенькович
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
ORCID ID: — ☑

Д. И. Гайнутдинова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
ORCID ID: — ☑

Л. Р. кызы Гасанова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
ORCID ID: — ☑

А. А. Костина
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
ORCID ID: — ☑

З. О. Мазунина
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
ORCID ID: — ☑

А. С. Николаева
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
ORCID ID: — ☑

Е. В. Пимонова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *akhomenko@hse.ru; erbenkovich@edu.hse.ru; digaynutdinova@edu.hse.ru; lrgasanova@edu.hse.ru; aakostina_1@edu.hse.ru; zomazunina@edu.hse.ru; asnikolaeva_1@edu.hse.ru; evpimonova_1@edu.hse.ru.*

Автоматическая обработка текста и лингвистическое моделирование как способы решения проблем атрибуционной лингвистики

АННОТАЦИЯ. *В настоящей работе речь пойдет об апробации интегративной методики атрибуционного анализа текста на русском языке, основанной на соединении результатов интерпретативного исследования материала и объективации этих результатов посредством математической статистики. Исследование построено по следующему алгоритму: 1) автоматическое извлечение из текста параметров, описывающих идиостиль с точки зрения прагматикона, тезауруса и лексикона автора; 2) поиск традиционных стиметрических текстовых данных; 3) присвоение веса каждому параметру; 4) построение математических моделей сравниваемых текстов; 5) сравнение математических моделей с целью выявления уровня их корреляции между собой. Поиск параметров, описывающих модель авторского идиостиля, ведется на основании подхода к тексту как к продукту деятельности конкретной языковой личности. Языковая личность автора описывается с позиции подхода Ю. Н. Караулова. Автоматическое извлечение предустановленных параметров осуществляется с помощью алгоритмов, сконструированных на ЯП Python. Для апробации алгоритма использованы тексты нежанровой художественной прозы разной тематики с заведомо известным авторством: «Наши» С. Д. Довлатова и «Обертон» В. П. Астафьева. Исследованием доказана работоспособность разработанной методики.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *текстовая атрибуция; языковая личность; автоматическая обработка текста; математические модели; русский язык.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Хоменко Анна Юрьевна, старший преподаватель, департамент прикладной лингвистики и иностранных языков, стажер-исследователь, лаборатория теории и практики систем поддержки принятия решений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Б. Печерская д.25/12, каб. 310; эксперт-лингвист, эксперт-авторовед, эксперт-фоноскопист, Центр экспертизы и оценки «ЕСИН», г. Нижний Новгород, г. Москва; e-mail: akhomenko@hse.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Бенькович Елена Романовна, студентка факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Б. Печерская д.25/12, каб. 310; e-mail: erbenkovich@edu.hse.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Гайнутдинова Диана Ильдаровна, студентка факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Б. Печерская д.25/12, каб. 310; e-mail: digaynutdinova@edu.hse.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Гасанова Лейла Рафиг кызы, студентка факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Б. Печерская д.25/12, каб. 310; e-mail: lrgasanova@edu.hse.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Костина Алина Анатольевна, студентка факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Б. Печерская д.25/12, каб. 310; e-mail: aakostina_1@edu.hse.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Мазунина Зоя Олеговна, студентка факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Б. Печерская д.25/12, каб. 310; e-mail: aakostina_1@edu.hse.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Николаева Ангелина Сергеевна, студентка факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Б. Печерская д.25/12, каб. 310; e-mail: asnikolaeva_1@edu.hse.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Пимонова Елена Владимировна, студентка факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Б. Печерская д.25/12, каб. 310; e-mail: evpimonova_1@edu.hse.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Хоменко, А. Ю.* Автоматическая обработка текста и лингвистическое моделирование как способы решения проблем атрибуционной лингвистики / А. Ю. Хоменко, Е. Р. Бенькович, Д. И. Гайнутдинова, Л. Р. кызы Гасанова, А. А. Костина, З. О. Мазунина, А. С. Николаева, Е. В. Пимонова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 215-224. — DOI.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-31-27001 (19-312-90022).

Проблема атрибуции текста в современной лингвистике становится все более актуальной. Атрибуционная лингвистика со времен Л. Кэмпбелла [Campbell 1867] и В. Лютославского [Lutoslawski 1897] на Западе и Н. А. Морозова [Морозов 1916] в России всегда шла двумя параллельными путями: путем стилеметрии [Mendenhall 1887; Mosteller, Wallace 1964; Захаров 2000; Merriam 2003; Labbe, Labbe 2001; Juola, Sofko, Brennan 2006; Мартыненко 2015; Litvinova, Seredin, Litvinova, etc., 2017; Wright 2017; Karlgren, Esposito, Gratton, etc. 2018 и пр.] и путем качественного анализа текста [Вул 1973, 2007; Горошко 2003; Комиссаров 2001; McMenamin 2002; Галяшина 2003; Coulthard 2004 и пр.]. На современном этапе развития исследовательского поля две эти ветви интегрируются неохотно, а если и интегрируются, то их координация происходит посредством объяснения стилеметрических данных с точки зрения традиционной квалификативной лингвистики: объяснение длины предложения как отражения уровня компетенций автора в письменной речи [Степаненко 2017: 19—20], объяснение n-грамм как косвенной экспликации грамматических текстовых реалий [Захаров, Хохлова 2008: 41—42]. Безусловно, этот путь продуктивен, а все вероятности конкретного текста являются одновременно и вероятностями языка как системы идиолектов. Тем не менее данный путь всегда будет ограничен невозможностью создать достаточно полную модель языковой личности автора: анализ одного или нескольких аспектов идиостиля едва ли может репрезентировать языковую личность в полном объеме и всесторонне. Представляется логичным путь исследования глубинных синтаксических структур как базы для сравнения моделей индивидуальных авторских стилей. Разработкой данного направления занимается санкт-петербуржская школа прикладной лингвистики [Марусенко 1990; Родионова 2008 и пр.]. Данный подход, безусловно, работоспособен, но его реализация возможна, с одной стороны, только на объемных текстах, с другой — она очень трудоемка и сложна в техническом отношении. Более просто реализуемым выглядит подход, основанный на интеграции анализа традиционных стилостатистических параметров (длин слов и предложений, наиболее частотных n-грамм, служебных слов и POS-tags) и анализа авторских идиосинкразем, в основном ошибок разного рода, предложенный, например, М. Коппелом и Дж. Шлером [Koppel, Schler 2003].

На современном этапе существует острая необходимость интеграции качественного и количественного анализа в атрибуции. Становится все более очевидным, что построение моделей авторских идиостилей лишь на основании традиционных стилостатистических данных не может в полной мере удовлетворить атрибуционную лингвистику, в особенности лингвистику судебную. Для судебного авторoведения в соответствии с законодательством РФ использование только статистических методов анализа вообще является недопустимым в силу отсутствия у эксперта-авторoведа глубоких познаний в области математической статистики, теории вероятности, big data [Приказ от 27 декабря 2012 года N 237; Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ] и методических основ

© Хоменко А. Ю., Бенькович Е. Р., Гайнутдинова Д. И., Гасанова Л. Р. кызы, Костина А. А., Мазунина З. О., Николаева А. С., Пимонова Е. В., 2020

судебного автороведения [Рубцова, Ермолаева, Безрукова и др. 2007].

Примат именно интегративного подхода к решению задач текстовой атрибуции обусловлен возможностями, которые предоставляет междисциплинарность исследований. Методы интерпретативной лингвистики выявляют информацию об авторских компетенциях в традиционном понимании (тезаурус личности, ее прагматикон, уровни владения компетенциями письменной речи), а стилостатистика дает возможность сделать результаты интерпретативного анализа объективными. Более того, такой подход к анализу текста в теории должен быть универсальным и решать задачи атрибуции как в научных целях, так и в прагматических, в том числе судебных. Одновременно он должен решать проблему атрибуции текстов малого объема.

Настоящее исследование выдвигает концепцию прототипа программного обеспечения, основанную, с одной стороны, на анализе авторских компетенций с точки зрения структурированной языковой личности по Ю. Н. Караулову [Караулов 1987] и С. М. Вулу [Вул 1973, 2007], а с другой — на объективации качественных исследовательских данных количественными. При этом традиционный анализ языковой личности осуществляется не вручную, а с помощью текстомайнинга. Такой подход дает возможность максимально автоматизировать процесс атрибуции и при этом получить достоверные результаты.

Алгоритм анализа начинается с того, что группа экспертов определяет на основании анализа теоретического материала ряд параметров языковой личности, которые заведомо в той или иной степени должны идентифицировать авторский идиостиль и одновременно могут быть извлечены из текста автоматически с минимальным предпроцессингом. Речь идет о том, что данные параметры должны быть относительно универсальны для любого текста и их должно быть легко извлекать, используя некоторые предустановленные правила и минимальную текстовую обработку, осуществляемую не вручную экспертом (ручная разметка, выравнивание текстов и пр.), а автоматически (токенизация, присвоение pos-tags). Итак, приведенным выше условиям удовлетворили следующие параметры:

1) реализация прагматикона личности на синтаксическом уровне: вводные слова и конструкции, эксплицирующие субъективную модальность; конструкции со словами «большинство/меньшинство», целевые, выделительные и сравнительные обороты, репрезентирующие уровень освоения автором компетенций письменной речи и его отношение к действительности; синтаксические сращения, дающие представление в том числе о функциональной стилистической отнесенности текста; сравнительные придаточные, глагольные односоставные предложения, эксплицирующие репрезентацию действительности в текстовом материале; обращения;

2) описание тезауруса личности: в данный раздел были включены наиболее частотные сочетания слов, которые описывают грамматико-семантические особенности текста; ключевые лексемы текста; экспликаты аксиологических текстовых доминант дихотомии «свой/чужой»;

3) вербально-семантический уровень авторского лексикона: частеречная отнесенность слов текста (количество глаголов, прилагательных, существительных и прочих частей речи), сложные слова полуслитного написания; модальные частицы, междометия, наличие/отсутствие модального постфикса «-то», предпочтительные слова-интенсификаторы.

Обработка текстов осуществлялась при помощи ЯП Python. На этапе предпроцессинга тексты разделяются на предложения с помощью стандартной библиотеки NLTK с уточнением использования русской модели для обработки текстов, тексты подвергаются токенизации, словам текста присваиваются частеречные теги с грамматическими характеристиками с помощью Pymorthy2.

Для анализа синтаксических структур были прописаны правила, основанные на pos-tags, как то, например: экспликаты субъективной модальности (вводные слова): 1)__,Prnt,__ 2)<начало предложения> Prnt,__ со списком вводных слов; целевые обороты: *с целью/из расчёта* + INFN; глагольные односоставные предложения, например, определенно-личные: есть VERB в 1per или 2per в sing или plur в pres или futr в indc, нет подлежащего, то есть нет: NOUN или NPRO в nomn в sing или plur NUMR + NOUN7 в nomn в sing или plur много/мало/несколько + NOUN8 в gent/ gent2 в sing или plur у + NOUN NPRO в gent/ gent2 в sing или plur NOUN или NPRO в datv в sing или plur и пр.

Настоящие формулы были протестированы на обширном текстовом материале (учебные тексты для РКИ объемом 4000 предложений). Для поиска заданных грамматических моделей использовались регулярные выражения (модуль Re).

Этот же алгоритм поиска осуществляется при отборе параметров, имеющих морфологическую отнесенность, например, модального постфикса «-то»: POST-то, кроме

NPRO, NPRO в nomn, gent, datv, accs. ablt, loct, voct, gen1, gen2, acc2, loc1, loc2 в sing или plur, APRO в nomn, gent, datv, accs. ablt, loct, voct, gen1, gen2, acc2, loc1, loc2 в sing или plur. После извлечения указанной морфолого-синтаксической информации из текстов реализуется подсчет абсолютной частоты встречаемости каждого признака, затем абсолютные частоты переводятся в относительные, что позволяет сравнивать тексты разных объемов. Подсчет ipm (instance per million) для лексического материала проводится стандартным способом: количество употреблений лексемы в тексте, поделенное на объем текста и умноженное на 1 миллион. Для синтаксических параметров количество каждого параметра делится на количество предложений в тексте.

Установление наиболее частотных сочетаний слов для текстов осуществляется после описанного выше предпроцессинга, при подсчете также учитывается отсутствие слова в списке стоп-слов из модуля NLTK, кириллическое написание и длина слова более 2 символов. В результате при сравнении двух текстов для каждого формируется список наиболее частотных сочетаний слов, числовой метрикой для которых также служит ipm.

Ключевые лексемы определяются с помощью алгоритма логарифмического правдоподобия при сравнении интересующего текста с референтным корпусом большого объема (использовался корпус «Opencorpora», URL: *http://opencorpora.org*, дата обращения: 08.02.2020, объемом на дату обращения 1 540 034 слова). В результате для каждого текста получаем список ключевых слов с числовой экспликацией значения меры логарифмического правдоподобия (loglikelihood score, или LL). В конечный список включаются лишь слова со значением LL более 50.

При анализе ключевых лексем и наиболее частотных сочетаний слов из полученных списков удаляются сочетания с личными именами и именами собственными, поскольку данные лексемы маркируют не собственно особенности авторских идиостилей, а тематическую отнесенность текстов.

Под экспликатами аксиологических текстовых доминант групп «свой/чужой» в настоящем исследовании понимается дисперсия местоимений «я-/мы-группы», «ты-/они-группы», т. е. ведется подсчет местоимений всех разрядов в прямых и косвенных падежах по соответствующим группам.

Под словом-интенсификатором подразумевается лексема, используемая для определения степени семантической категории интенсивности. Чаще всего говорят о наречиях-интенсификаторах, круг их хоть и велик, но ограничен (*очень*, *сильно*, *адски* — из современного дискурса). Тем не менее категория интенсивности не исчерпывается исключительно наречным наполнением, например: *Какая красота!* — в данном случае интенсификатором служит местоимение *какая*. Так, в исследовании был создан свод правил для поиска структур с интенсификаторами; в список интенсификаторов входят как наречия с некоторыми грамматическими ограничениями (авторы не осуществляют поиск структур, где наречие не эксплицирует категорию интенсивности, например, является частью составного именного сказуемого: *Он чувствует себя хорошо*), так и некоторые прилагательные и местоимения в соответствующих грамматических конструкциях, как то: ADJ «настоящий» в nomn, accs в sing или plur + NOUN: *настоящий бардак.* Метрикой для каждого найденного слова в конечной модели служит ipm. Для поиска интенсификаторов в данном случае предпроцессинг осуществлялся модулем для токенизации Razdel (URL: *https://github.com/natasha/razdel*, дата обращения:10.02.2010), использующим правила. При тестировании он показал лучшие результаты, чем инструменты токенизации NLTK.

Для каждого текста исследователи также определили ряд традиционных стилеметрических параметров: среднюю длину слова, среднюю длину предложения и количество предложений объемом более 8 слов, т. е. длинных предложений.

Далее все полученные данные сводятся в две математические модели, которые сравниваются между собой посредством коэффициента корреляции Пирсона, доказывающего или опровергающего гипотезу H_0 о том, что автором двух сравниваемых текстов является одно лицо. Эти математические модели в некотором объеме описывают авторские индивидуальные стили, посему если стили разные, модели должны иметь статистически значимые различия, которые отражаются на отношениях между параметрами. Релевантность применения коэффициента корреляции Пирсона для сравнения математических моделей авторских идиостилей описана, например, в исследовании [Радбиль, Маркина 2019]. Исходя из экспериментальных данных и теоретического осмысления настоящей метрики, представляется, правда, что коэффициент будет однозначно эффективен для текстов большого объема, не менее 20 000 слов, но неясно его «поведение» на текстах малого объема.

Итак, для проверки работоспособности предложенного выше алгоритма и доказа-

тельства постулата об эффективности интегративной методики текстовой атрибуции авторы проанализировали два текста нежанровой художественной прозы объемом более 20 000 слов с заведомо известным авторством и разной тематической отнесенностью: 1) С. Д. Довлатов — «Наши» (1983 г.), объем — 21 230 слов; 2) В. П. Астафьев — «Обертон» (1996 г.), объем — 26 070 слов. При этом гипотеза H_0 заключается в том, что автором двух текстов является одно лицо; H_1 — авторы двух текстов — разные лица (соответствует действительности). Математические модели идиостилей, реализуемых в текстах, представлены в таблице 1.

Таблица 1*

Математические модели идиостилей С. Д. Довлатова и В. П. Астафьева

Идентификационные параметры	С. Д. Довлатов, «Наши», относительная частота, в единицах измерения	В. П. Астафьев, «Обертон», относительная частота, в единицах измерения
I. Прагматикон личности		
Вводные слова	2186,421	3626,943
Конструкции с «большинство/меньшинство»	76,71653	47,10316
Целевые, выделительные и сравнительные обороты	6379,585	14492,75
Синтаксические сращения	230,1496	0
Сравнительные придаточные	14354,07	13285,02
Глагольные односоставные предложения	122807	824879,2
II. Тезаурус личности		
1) частотные сочетания слов		
весь ещё	306,8661	0
здоровый тело	0	188,4126
тело соответствующий	0	188,4126
соответствующий дух	0	188,4126
именно это	0	188,4126
это учить	0	188,4126
2) ключевые лексемы текста		
я	842,01	1258,28
ты	277,14	334,18
сортировка	149,51	0
девка	130,22	0
хата	110,93	0
начальник	82,24	0
домой	60,33	58,03
мать	58,49	182,96
командир	50,39	0
дядя	0	486,66
дед	0	352
брат	0	330,23
тётка	0	287,39
отец	0	206,95
сказать	0	186,17
мы	0	70,85
пить	0	65,66
думать	0	57,65
водка	0	53,64
любить	0	50,95
3) экспликаты аксиологических текстовых доминант групп «свой/чужой»		
Свой	0,0297	0,0406
Чужой	0,0184	0,0322
Я	0,0211	0,0286
Мы	0,0038	0,0063
Ты	0,0047	0,0057
Он	0,0064	0,0208
Она	0,0078	0,0084
Они	0,0042	0,0029

Окончание таблицы 1

Идентификационные параметры	С. Д. Довлатов, «Наши», относительная частота, в единицах измерения	В. П. Астафьев, «Обертон», относительная частота, в единицах измерения
III. Вербально-семантический уровень авторского лексикона:		
1) частеречная отнесенность слов текста		
Предлоги	119025,7	22609,51
Прилагательные	103644	28026,38
Существительные	301841,2	79886,95
Глаголы	134292,3	43805,93
Местоимения-существительные	64096,66	20301,46
Союзы	97314,92	16721,62
Инфинитив	22132,72	4145,078
Наречие	58688,15	16344,8
Числительные	2685,079	2637,777
2) слова-интенсификаторы		
Больно	115,0748	0
вовсе+не	115,0748	0
Довольно	38,35827	282,6189
Едва	153,4331	94,20631
Изрядно	38,35827	0
Какой	1035,673	188,4126
Настоящий	76,71653	94,20631
Невероятный	38,35827	47,10316
Страшно	76,71653	0
Сущий	38,35827	0
Так	997,3149	94,20631
Абсолютно	0	47,10316
3) иные морфолого-лексические характеристики		
Модальные частицы	8937,476	9185,115
Модальный постфикс «-то»	3759,11	1695,714
Междометия	1074,031	423,9284
Модальные частицы	8937,476	9185,115
Междометия	1074,031	423,9284
Сложные слова полуслитного написания	1572,689	471,0316
IV. Традиционные стилеметрические параметры		
Предложения, превышающие 8 слов	77086,66	1207,729
Средняя длина предложения	13,96	6,49
Средняя длина слова	5,36	5,54

* В статье модель приведена не полностью для сохранения эргономики публикации. В модели элиминирован полный список ключевых слов и интенсификаторов.

Конечные математические модели имеют 137 параметров сравнения. Коэффициент корреляции Пирсона для сравниваемых моделей равен 0,395, что, безусловно, говорит о различном авторстве двух текстов, поскольку, чем ближе коэффициент корреляции к 1, тем более сходны модели, соответственно, авторские стили. По экспериментальным данным, чтобы признать тексты принадлежащими одному автору, коэффициент корреляции должен быть выше 87 % [Радбиль, Маркина 2019: 164].

Итак, следует отметить, что интегративная методика, основанная на использовании подходов интерпретативной и когнитивной лингвистики в совокупности с методами традиционной стилеметрии, безусловно, дает свои результаты. В настоящей статье было продемонстрировано, что интерпретативную часть анализа не обязательно должен делать специалист собственноручно, выделение идентификационных критериев можно автоматизировать, причем важно, что имеется возможность автоматизировать процесс без предварительной ручной обработки текстов и без применения синтаксических парсеров. Эта особенность важна для создания прототипа программного обеспечения, которое можно было бы применять в том числе для решения задач судебной лингвистики, поскольку эксперт-авторовед не всегда обладает необходимыми знаниями в области корпусной лингвистики, статистики и пр. Интеграция всех модулей анализа, описанных выше, в одну программную оболочку сделает возможным автоматизацию некоторых частей, а возможно, и полностью атрибуционного анализа. Важно, что данный ал-

горитм показал свою эффективность также и на текстах меньшего объема и иной функционально-стилистической отнесенности: сходный анализ был проведен для текстов корпоративной русскоязычной переписки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вул, С. М. Криминалистическое исследование признаков письменной речи / С. М. Вул. — Киев, 1973. — 44 с. — Текст : непосредственный.

2. Вул, С. М. Судебно-авторoведческая идентификационная экспертиза: методические основы : методическое пособие / С. М. Вул. — Харьков : ХНИИСЭ, 2007. — 64 с. — Текст : непосредственный.

3. Галяшина, Е. И. Основы судебного речеведения / Е. И. Галяшина. — Москва, 2003. — 236 с. — Текст : непосредственный.

4. Горошко, Е. И. Судебно-авторoведческая классификационная экспертиза: проблемы установления пола автора документа / Е. И. Горошко. — Текст : непосредственный // Теория и практика судебной экспертизы и криминалистики. — Харьков : Право, 2003. — Вып. 3. — С. 221—226.

5. Захаров, В. Н. Программа систем поддержки атрибуции текстов статей Ф. М. Достоевского / В. Н. Захаров ; соавт.: А. А. Леонтьев, А. А. Рогов, Ю. В. Сидоров. — Текст : непосредственный // Труд / ПетрГУ. — Петрозаводск, 2000. — Вып. 9. — С. 113—122. — (Сер. «Прикладная математик и информатика»).

6. Захаров, В. П. Статистический метод выявления коллокаций / В. П. Захаров, М. В. Хохлова. — Текст : непосредственный // Языковая инженерия: в поиске смыслов : доклады семинара «Лингвистические информационные технологии в Интернете» : XI Всероссийская объединенная конференция «Интернет и современное общество». — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. — С. 40—54.

7. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 264 с. — Текст : непосредственный.

8. Комиссаров, А. Ю. Криминалистическое исследование письменной речи : учеб. пособие / А. Ю. Комиссаров. — Москва : ЭКЦ МВД России, 2000. — 126 с. — Текст : непосредственный.

9. Мартыненко, Г. Я. Стилеметрия: возникновение и становление в контексте междисциплинарного взаимодействия / Г. Я. Мартыненко. — Текст : непосредственный // Структурная и прикладная лингвистика : межвуз. сб. / под ред. А. С. Герда и И. С. Николаева. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. — Вып. 11. — С. 9—28.

10. Марусенко, М. А. Атрибуция анонимных и псевдонимных литературных произведений методами распознавания образов / М. А. Марусенко. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. — 164 с. — Текст : непосредственный.

11. Морозов, Н. А. Лингвистические спектры: средство для отличения плагиатов от истин. произведений того или др. известного авт. / Н. А. Морозов. — Петроград : Тип. Имп. Акад. наук, 1916. — 42 с. — URL: http://www.textology.ru/library/book.aspx?bookId=1&textId=3 (дата обращения: 05.07.2019). — Текст : электронный.

12. Приказ от 27 декабря 2012 года N 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» (с изменениями на 13 сентября 2018 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.07.2019). — Текст : электронный.

13. Радбиль, Т. Б. Вероятностно-статистические модели в производстве авторoведческой экспертизы русскоязычных текстов / Т. Б. Радбиль, М. В. Маркина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 156—166.

14. Родионова, Е. С. Методы атрибуции художественных текстов / Е. С. Родионова. — Текст : непосредственный // Структурная и прикладная лингвистика : межвуз. сб. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. — Вып. 7 / под ред. А. С. Герда. — С. 118—127.

15. Рубцова, И. И. Комплексная методика производства авторoведческих экспертиз : методические рекомендации / И. И. Рубцова, Е. И. Ермолаева, А. И. Безрукова и др. — Москва : ЭКУ МВД России, 2007. — 192 с. — Текст : непосредственный.

16. Степаненко, А. А. Гендерная атрибуция текстов компьютерной коммуникации: статистический анализ использования местоимений / А. А. Степаненко. — DOI 10.17223/15617793/415/3. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 415. — С. 17—25.

17. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. — 2001. — N 256 от 31 дек. — URL: https://base.garant.ru/12123142/ (дата обращения: 03.07.2019). — Текст : электронный.

18. Campbell, L. The Sophisties and Polilicus of Plato / L. Campbell. — Oxford : Clarendon, 1867. — 170 p. — Text : unmediated.

19. Coulthard, M. Author identification, idiolect, and linguistic uniqueness / M. Coulthard. — Text : unmediated // Applied Linguistics. — 2004. — No 24 (4). — P. 431—447.

20. Juola, P. A Prototype for Authorship Attribution Studies / P. Juola, J. Sofko, P. Brennan. — Text : electronic // Literary and Linguistic Computing. — 2006. — Vol. 21. — Iss. 2. — 1 June. — P. 169—178. — URL: https://doi.org/10.1093/llc/fql0 (date of access: 05.07.2019).

21. Karlgren, J. Authorship Profiling Without Using Topical Information—Notebook for PAN at CLEF, 2018 / J. Karlgren, L. Esposito, Ch. Gratton, P. Kanerva. — URL: https://pdfs.semanticscholar.org/ee57/5920182cdc6de1337f71b07a25e830022459.pdf?_ga=2.139547835.909834531.1562339431-1809262388.1562339431 (date of access: 05.07.2019). — Text : electronic.

22. Koppel, M. Exploiting Stylistic Idiosyncrasies for Authorship Attribution / M. Koppel, J. Schler. — Text : unmediated // Proceedings of IJCAI'03 Workshop on Computational Approaches to Style Analysis and Synthesis. — 2003. — No 69. — P. 72—80.

23. Labbe, C. Inter-Textual Distance and Authorship Attribution / C. Labbe, D. Labbe. — Text : unmediated // Corneille and Molière. Journal of Quantitative Linguistics. — Taylor & Francis (Routledge), 2001. — No 8 (3). — P. 213—231.

24. Litvinova, T. Gender identification in Russian written texts / T. Litvinova, P. Seredin, O. Litvinova, O. Zagorovskaya. — Text : electronic // XLinguae. — 2017. — Vol. 10. — Iss. 3. — P. 176—183. — URL: http://xlinguae.eu/files/XLinguae3_2017_14.pdf (date of access: 05.07.2019).

25. Lutoslawski, W. The origin and growth of Plato's logic / W. Lutoslawski. — London, 1997. — 613 p. — Text : unmediated.

26. McMenamin, G. R. Forensic Linguistics: advances in forensic stylistics / G. R. McMenamin. — 2002. — 331 p. — Text : unmediated.

27. Mendenhall, T. The characteristic curves of composition / T. Mendenhall. — Text : unmediated // Science. — 1987. — No 9. — P. 237—249.

28. Merriam, T. An Application of Authorship Attribution by Intertextual Distance in English / T. Merriam. — Text : unmediated // Corpus. — 2003. — N 2. — P. 142—168.

29. Mosteller, F. Applied Bayesian and Classical Inference: The Case of the Federalist Papers / F. Mosteller, D. L. Wallace. — Addison-Wesley, Reading, MA, 1984. — Text : unmediated.

30. Wright, D. Using word n-grams to identify authors and idiolects: A corpus approach to a forensic linguistic problem / D. Wright. — Text : electronic // International Journal of Corpus Linguistics. — 2017. — 22 (2). — P. 212—241. — URL: https://core.ac.uk/download/pdf/84587040.pdf (date of access: 05.07.2019).

A. Yu. Khomenko
National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia
ORCID ID: 0000-0003-3564-6293 ☑

E. R. Ben'kovich
National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia
ORCID ID: — ☑

D. I. Gaynutdinova
National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia
ORCID ID: — ☑

L. R. kyzy Gasanova
National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia
ORCID ID: — ☑

A. A. Kostina
National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia
ORCID ID: — ☑

Z. O. Mazunina
National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia
ORCID ID: — ☑

A. S. Nikolaeva
National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia
ORCID ID: — ☑

E. V. Pimonova
National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *akhomenko@hse.ru; erbenkovich@edu.hse.ru; digaynutdinova@edu.hse.ru; lrgasanova@edu.hse.ru; aakostina_1@edu.hse.ru; zomazunina@edu.hse.ru; asnikolaeva_1@edu.hse.ru; evpimonova_1@edu.hse.ru.*

Automatic Text Processing and Linguistic Modeling as Instruments for Solving Problems of Text Attribution

ABSTRACT. *This paper focuses on the approbation of an integrative method of attribution text analysis in Russian, based on a combination of the results of an interpretive study of the material and objectification of these results through mathematical statistics. The study has been conducted according to the following algorithm: 1) automatic extraction of text parameters describing the idiostyle from the point of view of the author's pragmaticon, thesaurus, and lexicon; 2) automatic search for traditional stylometric text data (length of sentences, words, etc.); 3) weight assignment to each parameter; 4) creation of mathematical models of compared texts; 5) comparison of mathematical models in order to identify the level of their correlation with each other. The search for parameters describing the authors' individual style is carried out on the basis of the approach to the text as a product of a specific language personality. The author's language personality is described according Yu. N. Karaulov's approach. Automatic extraction of predefined parameters is performed using the algorithms designed in Python. To test the algorithm, texts of non-genre fiction of different themes and obviously known authorship were used: «Nashi» by S.D. Dovlatov and «The Overtone» by V.P. Astaf'iev. The study proves the efficiency of the methodology developed.*

KEYWORDS: *text attribution; linguistic personality; automatic text processing; mathematical models; Russian.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Khomenko Anna Yur'evna, Senior Lecturer, Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, Assistant Researcher of the Laboratory of the Theory and Practice of the Systems of Support in Making Decisions, National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia; Expert-Linguist, Copyright Expert, Expert in Phonoscopy, Center for Expertise and Evaluation "ESIN", Nizhniy Novgorod, Moscow.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ben'kovich Elena Romanovna, Student of the Humanities Faculty, National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gaynutdinova Diana Il'darovna, Student of the Humanities Faculty, National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gasanova Leyla Rafig kyzy, Student of the Humanities Faculty, National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kostina Alina Anatol'evna, Student of the Humanities Faculty, National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Mazunina Zoya Olegovna, Student of the Humanities Faculty, National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Nikolaeva Angelina Sergeevna, Student of the Humanities Faculty, National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Pimonova Elena Vladimirovna, Student of the Humanities Faculty, National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia.*

FOR CITATION: *Khomenko, A. Yu.* Automatic Text Processing and Linguistic Modeling as Instruments for Solving Problems of Text Attribution / A. Yu. Khomenko, E. R. Ben'kovich, D. I. Gaynutdinova, L. R. kyzy Gasanova, A. A. Kostina, Z. O. Mazunina, A. S. Nikolaeva, E. V. Pimonova // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 215-224. — DOI.

ACKNOWLEDGMENTS. Research has been accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within scientific project No. 19-31-27001 (19-312-90022).

REFERENCES

1. Vul, S. M. Forensic Investigation of Signs of Writing. — Kiev, 1973. [Kriminalisticheskoe issledovanie priznakov pis'-men¬noy rechi. — Kiev, 1973]. — (In Rus.)

2. Vul, S.M. Forensic Attribution Identification Examination: Methodological Basics: Methodological Manual. — Kharkov, Kharkov Scientific Research Institute of Forensic Expertise, 2007. 64 p. [Sudebno-avtorovedcheskaya identifikacionnaya ekspertiza: metodicheskie osnovy: Metodicheskoe posobie — Kharkov, Khar'kovskij nauchno-issledovatel'skij institut sudebnyh ekspertiz, 2007. 64 s.] — (In Rus.)

3. Galyashina, E. I. Basics of judicial speech — Moscow, 2003. 236 p. [Osnovy sudebnogo rechevedeniya, Moskva, 2003. 236 s.] — (In Rus.)

4. Goroshko, E. I. Forensic classification examination: problems of establishing the gender of the document author. Theory and practice of forensics examination — Har'kov, Pravo, Vol. 3, 2003. Pp. 221-226. [Sudebno-avtorovedcheskaya klassifikacionnaya ekspertiza: problemy ustanovleniya pola avtora dokumenta], [Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy i kriminalistiki — Har'kov, Pravo, Vyp. 3, 2003. S. 221-226.] — (In Rus.)

5. Zaharov V. P., Hohlova M. V. Statistical method for collocations detection, XI All-Russian Joint Conference «Internet and Modern Society» — St. Petersburg, 2008. pp. 40-54. [tatisticheskij metod vyyavleniya kollokacij. // Yazykovaya inzheneriya: v poiske smyslov: Doklady seminara «Lingvisticheskie informacionnye tekhnologii v Internete»: XI Vserossijskaya ob"edinennaya konferenciya «Internet i sovremennoe obshchestvo»: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2008. — S. 40-54.] — (In Rus.)

6. Zaharov, V. N. The program of supporting systems for the attribution of articles by F. M. Dostoevsky // Trud, Petrozavodsk, Vol. 9, ser. Applied Mathematics and Computer Science, 2000, pp.113-122. [Programma sistem podderzhki atribucii tekstov statej F. M. Dostoevskogo // Trud / PetrGU. — Petrozavodsk, 2000. — Vyp. 9. Ser. «Prikladnaya matematik i informatika». — S.113-122. — Soavt.: Leont'ev A. A., Rogov A. A., Sidorov YU. V.] — (In Rus.)

7. Karaulov, Yu. N. The Russian Language and the Language Personality — Moscow, Nauka, 1987. 264 p. [Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' — Moskva, Nauka, 1987. 264 s.] — (In Rus.)

8. Komissarov, A. Yu. Forensic study of written language — Moscow, Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000. 126 p. [Kriminalisticheskoe issledovanie pis'mennoj rechi: ucheb. Posobie— Moskva, Ministerstvo vnutrennih del, 2000. 126 s.] — (In Rus.)

9. Martynenko, G. Ya. Stylometry: emergence and formation in the context of interdisciplinary interaction // Structural and applied linguistics. Vol. 11: Intercollegiate Compendium. Sat, St. Petersburg, St. Petersburg University, 2015. Pp. 9 — 28. [Stilemetriya: vozniknovenie i stanovlenie v kontekste mezhdisciplinarnogo vzaimodejstviya. Strukturnaya i prikladnaya lingvistikaVyp. 11: mezhvuz. sb. / pod red. A. S. Gerda i I. S. Nikolaeva. — SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2015. — 304 s. S. 9 — 28.] — (In Rus.)

10. Marusenko, M. A. Attribution of Anonymous and Pseudonymous Texts as a Typical Pattern Recognition Problem // Historiography and Source Study of National History. — St. Petersburg, 2003. Vol. 3. [Atributsiya anonimnykh i psevdonimnykh tekstov kak tipichnaya zadacha raspoznavaniya obrazov // Istoriografiya i isto¬chnikovedenie otechestvennoy istorii. — SPb, 2003. Vyp. 3]. — (In Rus.)

11. Morozov, N. A. Linguistic Specters: a means for distinguishing of plagiarism and original works for famous authors — Petrograd, Type of Imp. Acad. Sciences, 1916. 42 p. [Lingvisticheskie spektry: sredstvo dlya otlicheniya plagiatov ot istin. proizvedeniy togo ili dr. izvestnogo avt. — Petrograd : tip. Imp. Akad. nauk, 1916. 42 s.] URL:http://www.textology.ru/library/book.aspx?bookId=1&textId=3 (accessed: 05.07.2019).

12. Order of December 27, 2012 N 237 «On approval of the List of types of forensic examinations performed in federal budgetary forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia, and the List of expert specialties for which the right to independently conduct forensic examinations in federal budgetary judicial expert institutions of the Ministry of Justice of Russia» [Electronic resource] [Prikaz ot 27 dekabrya 2012 goda N 237 «Ob utverzhdenii Perechnya rodov (vidov) sudebnyh ekspertiz, vypolnyaemyh v federal'nyh byudzhetnyh sudebno-ekspertnyh uchrezhdeniyah Minyusta Rossii, i Perechnya ekspertnyh special'nostej, po kotorym predstavlyaetsya pravo samostoyatel'nogo proizvodstva sudebnyh ekspertiz v federal'nyh byudzhetnyh sudebno-ekspertnyh uchrezhdeniyah Minyusta Rossii»] URL: www.pravo.gov.ru (accessed: 07.02.2020).

13. Radbil', T. B. Probabilistic-Statistical Models in Conducting Authoring Expertise of Russian Texts // Political Linguistics, Vol. 2 (74). 2019. Pp. 156-166. [Veroyatnostno-statisticheskie modeli v proizvodstve avtorovedcheskoj ekspertizy russko-yazychnyh tekstov // Politicheskaya lingvistika, Vyp. 2 (74). 2019. S. 156-166.] — (In Rus.)

14. Rodionova, E. S. Linguistic Methods of Attribution and Dating of Literary Works (to the Problem "Moliere / Corneille") [Electronic resource] : synopsis of doctoral thesis of Cand. Philol. Scinces, 2008. [Lingvisticheskie metody atributsii i datirovki literaturnykh proizvedeniy (k probleme «Mol'er — Kornel'») : avtoref. dis. … kand. filol. nauk, 2008]. URL: http://epir.ru/pragmat!/projects/corneille/files/autoreferat.pdf (accessed: 07.03. 2019). — (In Rus.)

15. Rubtsova I. I., Ermolaeva E. I., Bezrukova A. I. et al. Integrated methodology for the production forensic authorship examinations: Methodological recommendations — Moscow, Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. 192 p. [Kompleksnaya metodika proizvodstva avtorovedcheskih ekspertiz: Metodicheskie rekomendacii. — Moskva, Ministerstvo vnutrennih del Rossii, 2007. 192 s.] — (In Rus.)

16. Stepanenko A. A. Gender attribution in social network communication: the statistical analysis of pronouns frequency // Tomsk State University Journal, Vol. 415, 2017. Pp. 17—25 [Gendernaya atribuciya tekstov komp'yuternoj kommunikacii: statisticheskij analiz ispol'zovaniya mestoimenij // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, N 415, 2017. Ss. 17—25], DOI: 10.17223/15617793/415/3. — (In Rus.)

17. Federal Law of May 31, 2001 N 73-ФЗ «On State Forensic Science Activities in the Russian Federation» [Electronic resource] // Russian newspaper, N 256 of December 31, 2001. [Federal'nyj zakon ot 31 maya 2001 g. N 73-FZ «O gosudarstvennoj sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii» Rossiyskaya Gazeta, N 256 3.12. 2001], URL: https://base.garant.ru/12123142/ (accessed: 07.03.2019). — (In Rus.)

18. Campbell, L. The Sophisties and Polilicus of Plato / L. Campbell. — Oxford : Clarendon, 1867. — 170 p. — Text : unmediated.

19. Coulthard, M. Author identification, idiolect, and linguistic uniqueness / M. Coulthard. — Text : unmediated // Applied Linguistics. — 2004. — No 24 (4). — P. 431—447.

20. Juola, P. A Prototype for Authorship Attribution Studies / P. Juola, J. Sofko, P. Brennan. — Text : electronic // Literary and Linguistic Computing. — 2006. — Vol. 21. — Iss. 2. — 1 June. — P. 169—178. — URL: https://doi.org/10.1093/llc/fql0 (date of access: 05.07.2019).

21. Karlgren, J. Authorship Profiling Without Using Topical Information—Notebook for PAN at CLEF, 2018 / J. Karlgren, L. Esposito, Ch. Gratton, P. Kanerva. — URL: https://pdfs.semanticscholar.org/ee57/5920182cdc6de1337f71b07a25e830022459.pdf?_ga=2.139547835.909834531.1562339431-1809262388.1562339431 (date of access: 05.07.2019). — Text : electronic.

22. Koppel, M. Exploiting Stylistic Idiosyncrasies for Authorship Attribution / M. Koppel, J. Schler. — Text : unmediated // Proceedings of IJCAI'03 Workshop on Computational Approaches to Style Analysis and Synthesis. — 2003. — No 69. — P. 72—80.

23. Labbe, C. Inter-Textual Distance and Authorship Attribution / C. Labbe, D. Labbe. — Text : unmediated // Corneille and Molière. Journal of Quantitative Linguistics. — Taylor & Francis (Routledge), 2001. — No 8 (3). — P. 213—231.

24. Litvinova, T. Gender identification in Russian written texts / T. Litvinova, P. Seredin, O. Litvinova, O. Zagorovskaya. — Text : electronic // XLinguae. — 2017. — Vol. 10. — Iss. 3. — P. 176—183. — URL: http://xlinguae.eu/files/XLinguae3_2017_14.pdf (date of access: 05.07.2019).

25. Lutoslawski, W. The origin and growth of Plato's logic / W. Lutoslawski. — London, 1997. — 613 p. — Text : unmediated.

26. McMenamin, G. R. Forensic Linguistics: advances in forensic stylistics / G. R. McMenamin. — 2002. — 331 p. — Text : unmediated.

27. Mendenhall, T. The characteristic curves of composition / T. Mendenhall. — Text : unmediated // Science. — 1987. — No 9. — P. 237—249.

28. Merriam, T. An Application of Authorship Attribution by Intertextual Distance in English / T. Merriam. — Text : unmediated // Corpus. — 2003. — N 2. — P. 142—168.

29. Mosteller, F. Applied Bayesian and Classical Inference: The Case of the Federalist Papers / F. Mosteller, D. L. Wallace. — Addison-Wesley, Reading, MA, 1984. — Text : unmediated.

30. Wright, D. Using word n-grams to identify authors and idiolects: A corpus approach to a forensic linguistic problem / D. Wright. — Text : electronic // International Journal of Corpus Linguistics. — 2017. — 22 (2). — P. 212—241. — URL: https://core.ac.uk/download/pdf/84587040.pdf (date of access: 05.07.2019).

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 378.016:811.581'38
ББК Ш171.1-9-5 *ГСНТИ 16.21.27; 16.01.21* *Код ВАК 10.02.19*
DOI

Ли Сыци
Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1438-5306 ☑

☑ ***E-mail:*** *459526706@qq.com.*

Изучение политической коммуникации в Китае

АННОТАЦИЯ. *Политическая лингвистика — это отрасль лингвистики, образованная на стыке лингвистики и политологии, активно развивающаяся в Китае. В ней рассматриваются закономерности и стратегии использования языка в процессе политической коммуникации. Политическая коммуникация — это процесс общения между участниками политической деятельности. Изучение теории и практики политической коммуникации важно для студентов и аспирантов, поскольку будет способствовать лучшему пониманию, анализу и продуцированию (в том числе в процессе перевода на другие языки) соответствующих текстов. В статье раскрывается определение политической коммуникации и ее типичные особенности (ритуальность и информативность; институциональность и особые личностные характеристики; соотношение эзотеричности и доступности, редукционизма и полноты информации, стандартности и экспрессивности, диалогичности и монологизма, агрессивности и толерантности; особенности выражения оценки), а также современное состояние развития исследований политической коммуникации в Китае. В свете теоретических аспектов рассмотрения языка и лингвокультурных особенностей обсуждаются подходы к преподаванию политической коммуникации в китайских вузах. Основные подходы методики: когнитивный (сконцентрирован на процессе представления, хранения, обработки, интерпретации и производства знаний; самое популярное направление — анализ политической метафоры); дискурсивный (политический текст рассматривается в контексте политической ситуации во взаимосвязи с другими текстами, с учетом целей автора, политических взглядов и личностных качеств); лингвокультурологический (выявляются национально-культурные особенности текстов); риторический (акцент на эффективности коммуникации, средствах убеждения и манипуляции; популярное направление — создание риторических портретов политиков); семиотический (сконцентрирован на рассмотрении семиотически осложненных текстов, текстов с совмещением разных семиотических кодов).*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая лингвистика; политическая коммуникация; методика преподавания политической коммуникации; китайский язык; китайские вузы; лингвокультурология.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ли Сыци, аспирант, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; Китай; e-mail:459526706@qq.com.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Ли Сыци.* Изучение политической коммуникации в Китае / Ли Сыци // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 225-230. — DOI.

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Рассмотрение специфики политической коммуникации как деятельности или особого процесса, протекающего в политической сфере, необходимо начать с определения содержания термина «коммуникация». Данное понятие получило много определений, но до сих пор оно остается дискуссионным. Во многом это связано с эволюцией смысла самого термина «коммуникация» и изменением практики словоупотребления.

Слово «коммуникация» (от лат. commūnicātiō) означает «связь», «сообщение». Современные специалисты называют коммуникацией совместную деятельность по кодированию, передаче и восприятию информации. В коммуникации участвуют две стороны: адресант и адресат. Политическая коммуникация — это процесс общения между участниками политической деятельности. Основной способ передачи политической информации — вербальный, т. е. с использованием языка, однако существуют и невербальные средства передачи политически важной информации (изображения, символы, мимика, жесты, позы и др.).

2. ТИПОВЫЕ СВОЙСТВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Субъектом деятельности в политической коммуникации является как гражданин, так и представитель политического объединения или государственного органа.

Речь политика должна обладать множеством, казалось бы, противоречащих друг другу качеств. Она должна быть понятна всем, и в то же время некоторые ее детали должны заметить и интерпретировать только «посвященные». Политик должен говорить именно так, как требует его статус и ситуация, и вместе с тем выражать собственную позицию.

Изучение закономерностей политической коммуникации позволяет выделить следую-

© Ли Сыци, 2020

щие ее типовые свойства [см.: Современная политическая коммуникация 2009: 42—57].

1. Ритуальность и информативность.

Политические тексты должны быть максимально информативными, реализовывать коммуникативную функцию, передавать новую информацию, однако результатом политического общения является ритуал, т. е. композиция текста характеризуется фиксированной формой и отсутствием новизны содержания.

2. Институциональность и личностный характер.

Политическая коммуникация в основном институциональна. Это означает, что общение происходит не столько между конкретными людьми, сколько между представителями одного социального института и представителями другого социального института, или «гражданами», или «избирателями». Каждый социальный институт имеет определенные стандарты поведения. Язык политика также имеет свои индивидуальные особенности, которые делают его язык более живым. Социальные институты определяют строгую систему критериев целенаправленного поведения в определенных ситуациях, которые отличаются от личностного общения.

3. Эзотеричность и общедоступность.

Представляется, что политические тексты должны быть максимально доступными адресату. Политики постоянно говорят о своей близости к людям и выражают свои интересы. Однако на самом деле многие политические тексты являются более или менее эзотеричными. Эзотерический характер коммуникации проявляется в его доступности только для специалистов, для людей, способных ощутить его скрытый смысл и подтекст, для которых важно не только то, что говорит политик, но и то, о чем он умалчивает.

4. Редукционизм и полнота информации в политическом тексте.

Редукционизм является естественной чертой политической коммуникации. Политическая речь предназначена для массового адресата. Степень редукционизма во многом зависит от типа текста, автора, адресата и политической ситуации. При этом политический текст должен обладать такой чертой, как полнота, позволяющая аудитории полностью понять его смысл.

5. Стандартность и экспрессивность.

Экспрессивность высказываний подразумевает максимальное использование выразительных средств, что делает текст интересным для адресата, придает тексту эстетический смысл. Стандартный характер высказываний гарантирует, что они доступны широкому кругу читателей и слушателей.

6. Диалогичность и монологичность.

Современные политические тексты часто строятся и воспринимаются как диалоги с другими людьми. Политическая речь носит диалогический характер, она ориентирована не столько на самовыражение, сколько на влияние.

7. Явная и скрытая оценочность.

Политическая коммуникация содержит не только информацию, но и оценку рассматриваемой реальности. Оценка в политическом дискурсе может быть выражена в прямой или скрытой форме.

8. Агрессивность и толерантность.

Политическая деятельность характеризуется постоянной диалектической агрессивностью, решительной борьбой за свои идеи и толерантностью, толерантностью к идеям и действиям политических союзников и противников.

3. РАЗВИТИЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В КИТАЕ

1. Состояние изучения политической лингвистики в Китае

Изучение политической лингвистики в Китае началось гораздо позже, чем в других странах. Сделать политический язык предметом междисциплинарного изучения политологии и лингвистики предложил Чэнь Чанвэнь в 1993 г. [Chen Changwen 1993]. Однако анализ взаимовлияния политических и лингвистических феноменов стал оказываться в поле зрения ученых в Китае только в начале 2000-х гг., когда начали изучаться связанные с политической лингвистикой теории, предлагаться определения терминов и теории, структурирующие соответствующие дисциплины.

Чэнь Чанвэнь считает, что «политическая речь—это процесс использования языка для политических целей, реализация политических намерений субъекта посредством речевых действий, которые слушают, говорят, читают и пишут, это языковая практика политического сознания, которая изобретает новые слова, изменяет семантику, квалифицирует ссылки, реконструирует контекст, создает языковые табу и переосмысливает политическое наследие, сохраненное языком, до тех пор, пока не будет создана целая языковая система самовыражения» [Chen Changwen 1993]. Большинство отечественных ученых определяют политический язык с функциональной точки зрения как «язык, используемый политическими субъектами в политической деятельности для обмена политической информацией, включая вербальный и невербальные коды» [Hu Yayun 2002], а также пишут, что «политиче-

ский язык — это форма языка, используемая участниками политической деятельности для достижения определенной цели», подчеркивая: «Политический язык обычно относится к выражению устного языка, текст которого также называется политическим дискурсом» [Wang Handong, Hu Huatao 2006].

На этой основе ученые выделяют категории политического языка и описывают его функции. Со структурной и функциональной точки зрения Мамин разделяет политический язык на четыре типа: убеждающий, юридический, административный и транзитный [Mamin 2006]. Ху Яюнь считает, что политический язык имеет следующие функции: политическая функция распространения информации (передача четкого сообщения, передача неявного смысла, рассуждение, передача символического значения, выражение общественного мнения), функция постановки темы (контроль распространения информации), интерпретации и связи (интерпретация и вымышленная реальность, контроль определений, контроль ожиданий), поведенческой манипуляции (прямое обращение, возбуждение или стабилизация эмоций, замена поведения, символическая прибыль) и политической идентификации [Hu Yayun 2002].

С 2000 г. китайские ученые начали изучать политическую лингвистику, и спустя 10 лет, в течение которых специалисты гуманитарных и социальных наук проводили теоретические и практические исследования, политическая лингвистика в Китае перешла на качественно новый этап, достигнув значительного развития. С 2010 г. последовательным изучением политической лингвистики занимаются китайские русисты; можно упомянуть работы таких специалистов, как Лу Тинтин (2010, 2016), Сунь Юйхуа (2015, 2016), Ян Кэ (2011, 2012, 2013, 2016) и др.

В 2011 г. Лу Тинтин в монографии «Конструирование дисциплины в политической лингвистике» представила систематический и всесторонний обзор направлений политической лингвистики в соответствии с концепцией А. П. Чудинова, ведущего деятеля уральской школы российской политической лингвистики. В 2012 г. Ян Кэ и Го Ли совместно перевели учебник «Современная политическая лингвистика». Это был первый перевод российского учебника по политической лингвистике на китайский язык. Автор этой книги детально рассмотрел современное состояние политической лингвистики в России, методы исследования политической лингвистики и политических метафор. В 2015 г. Сунь Юйхуа, Пэн Вэньчжао и Лю Хун обобщили теорию политической лингвистики, опубликовав работу «Лингвистические теории и методы политической лингвистики». В 2016 г. Лу Тинтин обобщила современное состояние, тенденции и проблемы изучения политического языка в стране и за рубежом, а также провела исследование жанров русского политического дискурса и преимуществ использования в нем политической метафоры, что заложило прочную основу для изучения политической лингвистики в отечественном научном сообществе. В 2017 г. в Даляньском университете иностранных языков состоялся семинар «Восток и Север: 3-я Международная конференция по политической лингвистике», на котором ученые обсудили такие темы, как «Политический дискурс в региональном сотрудничестве между Китаем и Россией в регионах Северо-Восточной Азии», «Когнитивные аспекты политического дискурса», а также дальнейшее использование междисциплинарного подхода к изучению политического дискурса. В апреле 2018 г. на факультете иностранных языков и литературы Пекинского педагогического университета состоялся третий форум «Язык, общество и идеология», на котором ученые обсудили вопросы взаимосвязи идеологии и языка. В июне 2018 г. Даляньский университет иностранных языков провел конференцию «Язык и власть: мировая политическая лингвистика», на которую были приглашены известные отечественные и зарубежные эксперты и ученые, чтобы обсудить различные аспекты взаимодействия языка и власти, в том числе теоретические проблемы построения политической лингвистики; исследования политического дискурса с точки зрения междисциплинарного подхода; особенности китайского языка внешней пропаганды. В ноябре 2019 г. в Центре изучения иностранных языков и образования Пекинского университета иностранных языков состоялся 11-й национальный семинар по когнитивной лингвистике.

2. Состояние преподавания политической коммуникации в Китае

В течение многих лет мы накопили большой опыт в преподавании русского языка, и уровень специалистов по русскому языку постоянно повышается. С улучшением китайско-российских отношений перед студентами стоит задача не только овладеть базовыми знаниями русского языка, но и изучить культуру, политику, экономику и другие сферы. Поэтому преподавание русского языка меняется с учетом социального заказа, и мы стремимся воспитывать специалистов высокого уровня.

В Китае изучение политического языка началось в конце XX в. и получило широкое

развитие в первом десятилетии XXI в. Сегодня активный интерес к языку политики проявляют представители целого ряда научных дисциплин и иных сфер деятельности — лингвисты, политологи, социологи, психологи, журналисты, исследователи массовой коммуникации, специалисты в области дискурс-анализа и др. В работах китайских ученых выделяются следующие основные направления рассмотрения политической лингвистики: обзорное и теоретическое исследование, изучение политической метафоры, изучение общественно-политической лексики, исследование политических текстов, исследование речи политических лидеров.

В настоящее время, несмотря на то что все больше и больше ученых занимаются политической лингвистикой, в малых университетах Китая преподавание политической лингвистики характеризуется следующими чертами: 1) политическая лингвистика является современной дисциплиной и еще не популяризирована в Китае; 2) преподаватели русского языка в китайских университетах не полностью освоили теоретические основы политической лингвистики и соответствующие методы обучения; 3) отсутствует практика преподавания соответствующих дисциплин.

3. Методика преподавания политической коммуникации в Китае

I. Когнитивный подход

Когнитивистика в основном сосредоточена на процессе представления, хранения, обработки, интерпретации и производства знаний. Для когнитивного подхода характерно выявление причин и последствий ситуации субъектом политического действия, акцентирование внимания на проявлениях целенаправленной деятельности, ценностных ориентаций и др. Преимуществом когнитивного подхода является возможность реконструировать ментальные схемы, основанные на содержательных аспектах текста публики. Данный подход имеет большое значение для изучения эффективного речевого взаимодействия различных политических сил, так как позволяет выявить особенности мышления представителей политических институтов в определенный исторический период. Когнитивный анализ политического дискурса проводится с помощью изучения фреймов, концептов и метафорических моделей. В настоящее время применение данного подхода демонстрируют ученые из Хэйлунцзянского университета, изучающие политическую метафору и добившиеся определенных результатов.

II. Дискурсивный подход

Использование дискурсивного подхода к изучению политических текстов является важным принципом современной политической лингвистики. При этом политический текст рассматривается в контексте политической ситуации в его взаимосвязи с другими текстами, с учетом целей автора, политических взглядов и личностных качеств, а также специфики восприятия текста различными аудиториями. Дискурс является неотъемлемой частью общественных отношений, потому что, с одной стороны, он формирует эти отношения, а с другой — сам формируется ими.

III. Лингвокультурологический подход

В данном случае политический текст рассматривают как особый культурный феномен и раскрывают особенности интерпретации политических событий и процессов в художественных текстах. С этой точки зрения вопросы политической лингвистики изучают ученые Даляньского университета иностранных языков.

IV. Риторический подход

Под риторикой понимается наука об эффективности речевой коммуникации в обществе, способах и правилах установления контакта и ведения общения, а также наука о социальных аспектах коммуникации. Основные направления риторических исследований — изучение специфики русского политического красноречия, риторических средств убеждения, обмана и манипуляций; современной риторической культуры в политической сфере; создание риторических портретов политических деятелей, моделирование системы аргументации, приемов целесообразной и убеждающей речи, характерной для политической профессиональной сферы.

V. Семиотический подход

Данный метод применяется при анализе политической карикатуры, иллюстраций, плаката, видеоролика и др. Привлекательность этих текстов для исследователей обусловлена огромным потенциалом воздействия и широким распространением в СМИ, а также ориентацией современного общества на многоканальный способ представления информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическая лингвистика — популярное направление в современной лингвистике. В Китае исследование политической лингвистики еще находится на начальном этапе. Хотя все больше и больше ученых обращаются к исследованиям соответствующей сферы, методы преподавания политической коммуникации еще не получили широкого распространения и повсеместного практического применения. Следует надеяться, что их использование в будущем получит широкое распространение в Китае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев, Э. В. Методология политической лингвистики / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. — С. 33—56.
2. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — Текст : непосредственный.
3. Капинос, В. И. Культура речи / В. И. Капинос. — Текст : непосредственный // Методика развития речи на уроках русского языка / под ред. Т. А. Ладыженской. — 2-е изд. — Москва, 1997.
4. Львов, М. Р. Словарь-справочник по методике преподавания русского языка / М. Р. Львов. — Москва, 1999. — Текст : непосредственный.
5. Современная политическая коммуникация : учеб. пособие / отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. — 292 с.
6. Сунь Юйхуа. Языковая политика и политический язык: теория и методика политической лингвистики / Сунь Юйхуа, Пэн Вэньчжао, Лю Хун. — Текст : непосредственный // Иностранные языки и их преподавание. — Далянь, 2015. — № 1 (280).
7. Федоренко, Л. П. Принципы и методы обучения русскому языку : пособие для студ. пед. институтов / Л. П. Федоренко. — Москва, 1964. — Текст : непосредственный.
8. Чудинов, А. П. Политическая коммуникация / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — Текст : непосредственный.
9. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — Текст : непосредственный.
10. Ян Кэ. Исследование политической коммуникации в Китае / Ян Кэ. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 3 (37).
11. Ян Кэ. Исследование русского политического языка в китайской русистике / Ян Кэ. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2 (48).
12. Chen Changwen. Zhengzhi yuyan lun lungang / Chen Changwen. — Text : unmediated // Sichuan daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban). — 1993. — No 3. = 陈昌文.政治语言论纲[J].四川大学学报(哲学社会科学版),1993年第03期
13. Hu Yayun. Shi xi zhengzhi yuyan de gongneng / Hu Yayun. — Text : unmediated // Xinyang shifan xueyuan xuebao (zhexue shehui kexue ban). — 2002. — No 4. = 胡亚云.试析政治语言的功能[J].信阳师范学院学报(哲学社会科学版),2002年第04期
14. Mamin. Zhengzhi xiangzheng: zuowei yiyihe jiazhi chanshi de gongneng fenxi / Mamin. — Text : unmediated // Liaodong xueyuan xuebao (shehui kexue ban). — 2006. — No 3. = 马敏.政治象征:作为意义和价值阐释的功能分析[J]. 辽东学院学报(社会科学版),2006年03期
15. Wang Handong. Lun meijie zhengzhi yuyan de yanjiu — cong “Bali saoluan” de xinwen baodao shuokaiqu/ Wang Handong, Hu Huatao // Xueshujie. — 2006. — No 4. = 王瀚东,胡华涛.论媒介政治语言的研究—从“巴黎骚乱”的新闻报道说开去[J].学术界,2006年04期

Li Siqi
Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-1438-5306 ☑

☑ ***E-mail:*** *459526706@qq.com.*

Political Communication Studies in China

ABSTRACT. *Political linguistics is a branch of linguistics on the borderline between linguistics and politology, actively developed in China today. It studies the regularities and strategies of the use of language in the process of political communication. Political communication presupposes a process of communication between the participants of political activity. Investigation of the theory and practice of political communication is important for graduate and post-graduate students, because it can facilitate better understanding, analysis and production (specifically in the process of translation into other languages) of the corresponding texts. The article dwells on the definition of political communication and its typical features (ritual and informative character; institutionalism and special personal characteristics; correlation of esotericism and free access, reductionism and holisticity of information, neutrality and expressivity, dialogue and monologue, aggression and tolerance; peculiarities of evaluation expression), as well as on the current state of political communication research development in China. In the light of theoretical aspects of consideration of language and linguocultural peculiarities, the article discusses the approaches to teaching political communication in Chinese higher education institutions. The main methods within the methodology are: cognitive (focusing on the process of presentation, storage, processing, interpretation and production of knowledge; the most popular area – analysis of political metaphor); discursive (political text is analyzed in the context of the political situation in interconnection with other texts, taking into account the author’s purposes, political views and personality traits); linguoculturological (dealing with the national-cultural peculiarities of texts); rhetorical (with emphasis on the communication efficiency and the means of convincing and manipulation; the most popular area – creation of rhetorical portraits of politicians); semiotic (concentrates on the study of semiotically complicated texts and texts combining various semiotic codes).*

KEYWORDS: *political linguistics; political communication; methods of teaching political communication; Chinese; Chinese higher education institutions; linguoculturology.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Li Siqi, Post-Graduate Student, Urals State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia; China.*

FOR CITATION: *Li, Siqi.* Political Communication Studies in China / Li Siqi // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 225-230. — DOI.

REFERENCES

1. Budaev, E. V. Methodology of Political Linguistics / E. V. Budaev. — Text : direct // Foreign Political Linguistics : textbook / E.V. Budaev, A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2006. — P. 33—56. [Metodologiya politicheskoy lingvistiki / E. V. Budaev. — Tekst : neposredstvennyy // Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / E. V. Budaev, A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2006. — S. 33—56]. — (In Rus.)

2. Baranov, A. N. Introduction to Applied Linguistics / A. N. Baranov. — Moscow : Editorial URSS, 2001. — Text : unmediated. [Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku / A. N. Baranov. — Moskva : Editorial URSS, 2001. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Kapinos, V. I. Culture of Speech / V. I. Kapinos. — Text : unmediated // Technique for the Development of Speech in the Lessons of the Russian Language / ed. T. A. Ladyzhenskaya. — 2nd ed. — Moscow, 1997. [Kul'tura rechi / V. I. Kapinos. — Tekst : neposredstvennyy // Metodika razvitiya rechi na urokakh russkogo yazyka / pod red. T. A. Ladyzhenskoy. — 2-e izd. — Moskva, 1997]. — (In Rus.)

4. L'vov, M. R. Dictionary-guide on the Methodology of Teaching the Russian Language / M. R. Lvov. — Moscow, 1999. — Text : unmediated. [Slovar'-spravochnik po metodike prepodavaniya russkogo yazyka / M. R. L'vov. — Moskva, 1999. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

5. Modern Political Communication : textbook / resp. ed. A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2009. — 292 p. [Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya : ucheb. posobie / otv. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2009. — 292 s.]. — (In Rus.)

6. Sun Yuhua. Language Politics and Political Language: Theory and Technique of Political Linguistics / Sun Yuhua, Peng Wenzhao, Liu Hong. — Text : unmediated // Foreign Languages and Their Teaching. — Dalian, 2015. — No. 1 (280). — (In Chinese.)

7. Fedorenko, L. P. Principles and Methods of Teaching the Russian Language: a Manual for the Students of Ped. Institutes / L.P. Fedorenko. — Moscow, 1964. — Text : unmediated. [Printsipy i metody obucheniya russkomu yazyku : posobie dlya stud. ped. institutov / L. P. Fedorenko. — Moskva, 1964. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

8. Chudinov, A. P. Political Communication / A. P. Chudinov. — Moscow : Flinta : Science, 2006. — Text : unmediated. [Politicheskaya kommunikatsiya / A. P. Chudinov. — Moskva : Flinta : Nauka, 2006. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

9. Sheygal, E. I. Semiotics of Political Discourse / E. I. Sheigal. — Moscow : Gnosis, 2004. — Text : unmediated. [Semiotika politicheskogo diskursa / E. I. Sheygal. — Moskva : Gnozis, 2004. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

10. Yang Ke. A Study of Political Communication in China / Yang Ke. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2011. — No. 3 (37). [Issledovanie politicheskoy kommunikatsii v Kitae / Yan Ke. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2011. — № 3 (37)]. — (In Rus.)

11. Yan Ke. The Study of Russian Political Language in Chinese Russian Studies / Yang Ke. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2014. — No. 2 (48). [Issledovanie russkogo politicheskogo yazyka v kitayskoy rusistike / Yan Ke. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2014. — № 2 (48)]. — (In Rus.)

12. Chen Changwen. Zhengzhi yuyan lun lungang / Chen Changwen. — Text : unmediated // Sichuan daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban). — 1993. — No 3. — (In Chinese.)

13. Hu Yayun. Shi xi zhengzhi yuyan de gongneng / Hu Yayun. — Text : unmediated // Xinyang shifan xueyuan xuebao (zhexue shehui kexue ban). — 2002. — No 4. — (In Chinese.)

14. Mamin. Zhengzhi xiangzheng: zuowei yiyihe jiazhi chanshi de gongneng fenxi / Mamin. — Text : unmediated // Liaodong xueyuan xuebao (shehui kexue ban). — 2006. — No 3. — (In Chinese.)

15. Wang Handong. Lun meijie zhengzhi yuyan de yanjiu — cong “Bali saoluan” de xinwen baodao shuokaiqu/ Wang Handong, Hu Huatao // Xueshujie. — 2006. — No 4. — (In Chinese.)

УДК 811.111'42
ББК Ш143.21-51 *ГСНТИ 16.41.21* *Код ВАК 10.02.04*
DOI

И. В. Палашевская
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия
ORCID ID: — ☑

С. Д. М. Аль-Саммаррайе
Тикритский университет, Ирак
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *irina_777@volsu.ru; suhadsss@yahoo.com.*

Репрезентация травматических событий афроамериканской истории в текстовом пространстве культуры США

АННОТАЦИЯ. *Философами и историками отмечается, что для современного общества характерно изменение отношения к прошлому, выражающееся в критике официальных версий истории, восстановлении следов уничтоженного прошлого, развитии мемориальных мероприятий, открытии доступа к архивам и юридическом сведении счетов с прошлым. Актуальность данного явления исследователи связывают прежде всего с исчезновением живого воспоминания поколений очевидцев тяжелейших в истории человечества преступлений, а также с процессами медиатизации памяти, развитием информационных технологий. В статье рассматриваются способы символического моделирования травматических исторических событий, связанных с расовым бесправием и террором, в культуре США. Анализируются примеры метонимической реконструкции и метафорического кодирования прошлого, образно-символические формы передачи памяти другим поколениям, направленные на коллективное сопереживание и признание экстремального насилия.*

В качестве источников исследуются фотографии и почтовые открытки (Without Sanctuary: Lynching Photography in America); описываются содержательные, синтагматические и прагматические характеристики данных свидетельств массового террора. Приводятся примеры их трансформации в арт-практиках современного изобразительного искусства, а также интермедиальные референции к ним в политическом медиадискурсе, художественной литературе, кинематографе, экспозиционных текстах памятных мест и городском пространстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *культурная память; политические метафоры; метонимия; художественные тексты; документальные фотографии; кинотексты; расовое бесправие; афроамериканцы; лингвокультурология; исторические события.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Палашевская Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германской и романской филологии, Волгоградский государственный университет; 400062, Россия, Волгоград, пр. Университетский, 100; e-mail: irina_777@volsu.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Аль-Саммаррайе Сухад Джасим Мохаммед, преподаватель литературы англоязычных стран, кафедра английского языка, Гуманитарно-педагогический колледж, Тикритский университет; 009642, Ирак, Тикрит, ул. Тикрит-Мосил, к-л Аль-Кадиссия, Саллахалдин; e-mail: suhadsss@tu.edu.iq; соискатель кафедры германской и романской филологии, Волгоградский государственный университет; 400062, Россия, Волгоград, пр. Университетский, 100; e-mail: suhadsss@yahoo.com.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Палашевская, И. В.* Репрезентация травматических событий афроамериканской истории в текстовом пространстве культуры США / И. В. Палашевская, С. Д. М. Аль-Саммаррайе // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 231-240. — DOI.

ВВЕДЕНИЕ

Как заметил французский историк П. Нора (Pierre Nora), с середины 1970-х гг. общество вступило в эпоху всемирного торжества памяти, глубокого изменения отношения к прошлому, что находит выражение в критике официальных версий истории, восстановлении следов уничтоженного прошлого, развитии мемориальных мероприятий, открытии доступа к архивам и юридическом сведении счетов с прошлым [Нора 2005]. Актуальность данного явления исследователи связывают прежде всего с исчезновением личных воспоминаний поколений очевидцев тяжелейших в истории человечества преступлений [Ассман 2004: 11—12], а также с процессами медиатизации памяти, развитием информационных технологий, обеспечивающих выведение трагических событий из зоны забвения, формирование социально значимых представлений и конкурирующих точек зрения на историю, различных версий понимания прошлого.

Память как феномен культуры, объединяющая основа коллективной идентичности стала предметом многочисленных научных исследований, выполняемых с позиций коллективной психологии и теории травмы [Leys 2000; Caruth 1996; Alexander et al. 2004; Eyerman 2001], истории и социологии культуры [Assmann (J.) 2004; Nora 2005], истории изобразительного искусства и фотографии

© Палашевская И. В., Аль-Саммаррайе С. Д. М., 2020

[Bourdieu et al. 1990; Sontag 1978, 2014], журналистики, литературоведения и лингвистики [Лотман 2001; Красных 2012; Erll 2011; LaCapra 2013; Kitch 2002 и др.].

Лингвистически релевантным в изучении трагических событий прошлого представляется исследование процессов их языкового конструирования как коллективно разделяемых представлений, выявление способов репрезентации дотекстовых эмоциональных переживаний, формирования эмпатии к пострадавшим в текстах культуры, в широком понимании текста как формы фиксации культурной памяти. Рассматривая культурную память как «надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых», Ю. М. Лотман отмечает, что «пространство культуры — пространство общей памяти, т. е. пространство, в пределах которого общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы» [Лотман 2001: 673].

Согласно Я. Ассману, культурная память 1) связывает поколения, разделенные временем (в отличие от «живой коммуникативной памяти», исчезающей вместе со своими носителями), 2) направлена на фиксированные моменты в прошлом, 3) не повседневна, объективируется в символических образах и повторяющихся ритуалах (связывающих языковой текст с голосом, жестом, ритмом, действом и коллективным участием); ее главное отличие от коммуникативной памяти состоит в оформленности и ритуальности ситуаций, в которых она проявляется [Ассман 2004: 20—62]. «Для культурной памяти важна воссозданная в воспоминании история (миф), которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее» [Там же: 55]. Культура с данных позиций комплекс обеспечивающего коллективную идентичность знания, объективированного в символических образах (фигурах — в словесном искусстве, скульптуре, орнаменте, живописи) [Там же: 95]. Символические образы, предназначенные для коммуникации коллективного переживания прошлого в текстовом пространстве культуры, аксиогенны, в них выражена позиция общности [Там же: 41]. Вырабатываемые культурой, они создают эстетические и этические каноны репрезентации прошлого, запускают процессы говорения, конструирования дискурса о травматических событиях в необходимом ключе, актуальном для настоящего.

1. ПРОШЛОЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ

Такие исторические травмы, как расизм, рабство и эксплуатация африканцев на Американском континенте, последствия экстремального насилия, оказались сегодня в центре публичного диалога в США. По ту сторону Атлантики репрезентация афроамериканского прошлого становится все более заметным культурным проектом, что выражается в постепенном распространении определенных сюжетов, образов, мотивов в различных сферах художественной культуры, интенсификации разнообразных типов межтекстовых диалогических отношений, от интекстовых включений, использования цитат и культурно-исторических аллюзий до трансформации и имитации текстов, их перекодировки, интермедиальных референций на основе символических образных форм.

При этом «культурная память противостоит времени, она сохраняет прошедшее как пребывающее: актуальные для настоящего момента тексты высвечиваются памятью, а не актуальные не исчезают, а переживают „как бы забвение“» [Лотман 2001: 674], так как несут на себе печать жестокого и унизительного прошлого, о чем поколения очевидцев предпочитали не вспоминать (в речах американских политиков афроамериканское прошлое называют *a dark chapter in US history* ‘темной главой истории США’, *stain on our country's history* ‘пятном на истории страны’, *the family secret of America* ‘семейной тайной Америки’, *the partially hidden phantom of a past* ‘полусокрытым призраком’, *deep-seated issues in America* ‘глубинными проблемами Америки’).

Примерами выведения трагичных прецедентов из забвения в традиционном взаимодействии медийных искусств могут служить такие популярные, обладающие культурной значимостью в формировании образа рабства тексты, как сериал «Roots» [2016] — ремейк одноименного сериала (1977) по мотивам романа А. Хейли [Haley 1976] и романа Г. Курлендера «The African» [Courlander 1967]; фильм «Amistad» [1997] С. Спилберга о борьбе захваченных в плен с целью продажи в рабство жителей Сьерра-Леоне и книга Х. Джонса «Mutiny on the Amistad» [Jones 1987]; киноистория Н. Паркера «Birth of a Nation» [2016] с прецедентным названием расистского фильма Д. Гриффита (1915), являющаяся его развенчивающим ироничным переосмыслением; история отмщения Кв. Тарантино «Django Unchained» [2012] — постмодернистский вестерн, насыщенный пародийными образами-клише, отсылающими, в частности, к плантационным романам о рабстве с патерналистским сюжетом. В качестве примера художественного высказывания, охватывающего более поздние исторические события, можно привести фильм «Just Mercy» [2019], основой для сценария которого послужила автобиография Б. Сти-

венсона [Stevenson 2014], посвятившего свою практику адвоката и общественного деятеля борьбе против дискриминации и расового неравенства в системе уголовного правосудия, пожизненного заключения без права досрочного освобождения (для подростков), смертной казни как права на убийство, лежащего в основе политики устрашения афроамериканцев. Следует заметить, что благодаря деятельности основанной и возглавляемой Б. Стивенсоном общественной организации «Инициативы равного правосудия» (Equal Justice Initiative) в Монтгомери (Алабама) в 2018 г. был открыт мемориальный комплекс мира и справедливости (The National Memorial for Peace and Justice), экспозиции которого тематически посвящены жертвам трансатлантической черной торговли, рабства, линчевания и террора, унижения законами о расовой сегрегации, полицейского насилия, презумпции вины и тюремного заключения. Мемориальный комплекс использует сквозные образы и исторические межконтинентальные сюжетные сцепления (например, скульптурные инсталляции Кваме Акото-Бамфо (Kwame Akoto-Bamfo) «Nkyinkyyim» на территории мемориала и в Гане (Nuhalenya, Ada), а также скульптура К. Сёрнас (Claera Sornas) «Memory for the Slaves» (1998, Каменный город, Занзибар)), интексты-цитаты из речей политиков и художественной литературы (романов Т. Моррисон и Э. Александер). Реконструируя механизм межконтинентальной индустрии похищения, транспортировки и эксплуатации людей, мемориал играет важную роль в репрезентации рабства и насилия как социальной катастрофы, по своей травмогенности и масштабам приравниваемой к геноцидам и войнам.

Примером репрезентации социальной катастрофы через индивидуальную трагедию жертвы может служить кинодрама С. Маккуина «Twelve Years a Slave» [2013] — экранизация автобиографических воспоминаний Соломона Нортапа, похищенного в Вашингтоне в 1841 и освобожденного в 1853 г. [Northup 1859]. Фокусировка внимания на психологических последствиях рабства и террора характеризует произведения Т. Моррисон. Так, роман «Beloved» (1987) [Morrison 2004] раскрывает глубинный мир нанесенной травмы как переживания, вызывающего непереносимую психическую боль; травмогенные события прошлого здесь передаются через неконтролируемые персонажами воспроизведения травматических событий, запускаемые внешними или внутренними стимулами-триггерами (звуками, запахами, телесными ощущениями и т. д.).

Для современных художественных текстов, освещающих конфликты на пересечении расизма и рабовладения, характерен отказ от романтизации прошлого, схематических однозначных персонажей, демонстрация жестокости, насилия и боли, наличие сквозных образов. При этом «новые тексты создаются не только в настоящем срезе культуры, но и обнаруживается в ее прошлом» [Лотман 2001: 675], в результате открытия неизвестных историй, неопубликованных рукописей, затерянных артефактов в литературной археологии, их спасения от забвения (например, опубликование пролежавшего 58 лет в сейфе романа писательницы Харпер Ли «Go Set a Watchman» [Lee H. 2015]).

Афроамериканское прошлое из состояния умалчивания переводится также в процесс политического говорения и переосмысления истории. Интеллектуальная полемика о выплате репараций потомкам пострадавших от бесправия и террора, развернувшаяся во время слушаний в конгрессе США в октябре 2019 г., строилась вокруг этических концептов вины (ее признания или отрицания), бремени коллективной ответственности и притязаний, (не)возможности построения этнической идентичности на негативной памяти [The Guardian. 06.19.2019]. В дискурсивных процессах актуализизации трагических событий истории, значимых для современных политических и культурных практик, происходит продвижение и отстаивание определенных ментальных репрезентаций травматического прошлого, его допустимой артикуляции (в официальной терминологии), символической объективации и этики прагматического использования в различных сферах общения. Наглядным примером может служить борьба против эвфемизации событий, связанных с рабством («sugarcoating slavery»), например, замены терминов *enslaved people* ‘порабощенные’ или *kidnapped individuals* ‘похищенные’ на *workers* ‘рабочие’ при создании учебников по истории, а также бурная негативная реакция общественности на употребление Д. Трампом в «Twitter» лексемы *lynching* для характеристики инициируемой в отношении него представителями Демократической партии процедуры импичмента [People. 10.22.2019]. В американской культуре сохраняется мощная эмоциональная нагруженность данной лексемы. Являясь именем прецедентных событий и политических тактик пропаганды идеологии ненависти и устрашающего воздействия на афроамериканскую часть населения США, она ассоциируется прежде всего с дискурсом предводителей и защитников лин-

чевателей (*the historic discourse of lynching*; *the kind of rhetoric that leaders of lynch mobs and pro-lynching advocates historically used*) [Ashraf H. A. Rushdy 2020], связана с комплексами устойчивых представлений, которые составляют ядро культурной памяти.

2. ТРАНСФОРМАЦИИ ФОТОСВИДЕТЕЛЬСТВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ АРТ-ПРАКТИКАХ

Основными источниками образов трагических событий служат архивные материалы, прежде всего фотосвидетельства. Мы обратились к онлайн-архиву фотоснимков линчеваний (*Without Sanctuary: Lynching Photography in America*), составленному Д. Алленом.

Как отмечает С. Сонтаг, фотография позволяет быстро воспринять то или иное событие и в компактной форме его запомнить. Лаконичная запись, личное свидетельство о реальности способно «охарактеризовать, а не просто зафиксировать самые отвратительные реалии гораздо четче, чем любые сложные повествования» [Сонтаг 2014: 20—22]. В условиях информационно-технологических возможностей современного общества это свидетельство ориентировано на неограниченную воспроизводимость, тиражирование, циркулирование в сетевой медиасреде. Вследствие широкого распространения фотосвидетельства насилия выполняют функцию «шоковых образов-клише», которые используются в качестве общеизвестных визуальных высказываний и интертекстовых включений для репрезентации прошлого в текстовом поле американской культуры.

Как знаковое высказывание, фотография может быть рассмотрена в содержательном, синтагматическом и прагматическом измерениях. Содержательные характеристики фокусируют внимание на том, что фотографируется, синтагматические — на способах текстопостроения снимка, прагматические — на интерпретации изображения как адресованного зрителю, с учетом социокультурного контекста. Ряд фотографий, собранных в качестве свидетельств массового насилия и террора в отношении афроамериканцев, в первой трети XX в. тиражировались и использовались как почтовые открытки (например, фотография *Charred corpse of Jesse Washington suspended from utility pole May 16, 1916, Robinson, Texas* (Gelatin silver print. Real photo postcard) ‘Обгоревший труп Джесси Вашингтона, подвешенный к столбу, 16 мая 1916 года, Робинсон, Техас’ (Желатино-серебряная фотопечать. Почтовая открытка — фотоизображение реального события)). Превращаясь в почтовую открытку — «открытое письмо», фотография становится семиотически осложненным текстом, в котором вербальный компонент (комментарий на оборотной стороне: *This is the Barbeque we had last night. My is to the left with a cross over it. Your son Joe. — Это барбекю у нас вчера вечером. Я слева у столба с крестом. Твой сын Джо*) поддерживает семантику изображения, акцентируя тональность события как праздничного, увеселительного (*barbecue, coon cooking*). Изображение и сопровождающая его надпись кодируют существовавшие культурные модели интерпретации событий и одновременно модели генерирования или подавления эмоциональной реакции при их восприятии (как зритель должен реагировать на эти изображения, какие эмоции он должен или не должен переживать).

Объектив, как правило, фокусируется на группе людей, которые позируют перед камерой или смотрят на изуродованное тело повешенного. Указательный жест, как и взгляд человека, обращенный на совершенные толпой жестокости — продолжение эмоции презрения, «социального отвращения к другому и его отрицание». На известном снимке Л. Бейтлера *The lynching of Thomas Shipp and Abram Smith* (Marion, Indiana, August 7, 1930. Gelatin silver print. Real photo postcard) ‘Линчевание Т. Шиппа и А. Смита’ (Марион, Индиана, 7 августа 1916 года. Желатино-серебряная фотопечать. Почтовая открытка — фотоизображение реального события), в отличие от случайно схваченных объективом взглядов, указательный жест (остенсив) коммуникативен, позирующий адресует его зрителю, демонстрируя способ осуществления насилия, когда мишенью становится афроамериканец. Данный жест означает также требование того, чтобы зритель подчинился тем же конвенциям, тем же нормам отношения к происходящему и мишени-референту.

Жестокая публичная пытка служила ритуалом возвышения и укрепления связей белой общности, семейных связей, которые, как замечает П. Бурдье, обычно интенсифицируются в праздники [Bourdieu 1990: 21]. Одинаковое направление взглядов и расположение индивидов демонстрирует сплоченность и единство группы в демонстрации расового превосходства. Само тело жертвы при этом становится осязаемым признаком власти и торжества доминирования. Медиатизация жестоких актов такого рода служила прежде всего цели утверждения этой безграничной власти.

Анализируя особенности фотографического поведения людей разных социальных

групп, П. Бурдье писал, что фотографии значимых церемониальных событий схватывают поведение, которое социально одобрено и социально регулируемо, несет печать торжественности. «Ничто не может быть сфотографировано, кроме того, что должно быть сфотографировано» [Bourdieu 1990: 23—24]. С данных позиций, такого рода события сфотографированы, потому что они воспроизводят образ группы, желаемый для нее самой. Отсюда фотография рядом с линчеванным, посылаемая матери, стремление быть видимым, демонстрирует социальный успех ее сына, а также является инструментом ее приобщения к происходящему.

Фотографию участия в социально значимом событии обычно сохраняют, она становится семейной фотографией, которая передается от поколения к поколению. Семейная память таким образом дополняется визуальной реликвией, передающей память. С позиции интерпретации фотографий важных событий как семейных реликвий интерес вызывает работа американского художника Керри Джеймса Маршалла *Heirlooms and Accessories* ‘Фамильные реликвии и аксессуары’ [Marshall 2002], выполненная в технике художественной струйной печати на бумаге и представляющая собой трансформацию снимка Л. Бейтлера (Marion, Ind. Aug. 1930). Создав эффект выцветшей от времени фотографии, на которой событие практически не экспонируется, но контурно узнаваемо, Маршалл оставляет отчетливыми изображения трех женских лиц, поместив их в ободки открытых медальонов на цепях. Посредством перифраза с дополнением в виде детали-комментария к исходному тексту-фотографии художник подчеркивает, что событие прошлого и связанные с ним идеологические представления актуализируются через визуальные семейные реликвии, связывающие поколения людей.

Как отмечает Ю. М. Лотман, под влиянием новых кодов, которые используются для дешифровки текстов, отложившихся в памяти культуры, происходит смещение акцентуации элементов структуры текста [Лотман 2001: 675]. В рассматриваемом случае акцент смещается с жертвы на линчевателей. Сегодня культурное и политическое содержание подобных снимков основывается на тезисе о коллективной вине поколений белых американцев за совершенные зверства или пассивную причастность к ним. Отсюда массовое неприятие широкого экспонирования изображений, служащих способом установления коллективной идентичности преступника, в особенности экспансия визуальной материи данной тематики (роспись стен, проекции на здания и т. п.) в пространство городской среды. Так, возмущение американской общественности вызвала муральная роспись, выполненная по эскизам Дэвида Пауэрса «American Nocturne» [Powers 2007] и интегрированная в пространство городского парка в Элджине (Elgin), штате Иллинойс. Работа представляет собой вариацию фотографии Бейтлера (Marion, Ind. Aug. 1930), исключает изображение жертв, расположена фронтально к другой работе Д. Пауэрса «Parade», на которой изображен духовой оркестр. Таким образом, пространство коммуникации, состоящее из двух структурных элементов, подчиненных целому, воссоздает историческое событие насилия в конкретном месте и выполняет роль публичного напоминания о прошлом. Оказываясь между двумя изображениями, посетители парка становятся невольными зрителями событий частично скрытого прошлого, которые были частью обыденной жизни, воскресных прогулок в парке. Заимствованный у Бейтлера элемент, таким образом, служит точкой сцепления семантико-композиционной структуры нового текста-пространства.

В 2016 г. после всплеска негодования части общественности (обнаружившей сходство текстов) «Американский ноктюрн» был снят с публичного обозрения и помещен на хранение [Chicago Reader. 07.20.2016]. «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить…, а что подлежит забвению» [Лотман 2001: 675]. Изображения, образующие общую память коллектива, в современном социокультурном и политическом контексте генерируют новые смыслы, которые не всеми принимаются.

3. СИМВОЛИЗАЦИЯ ТРАВМАТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КИНО

Как отмечает Р. Рорти, боль «не лингвистична», жертвы жестокости мало проявляют себя в языковом пространстве. Именно поэтому нет такой вещи, как «голос угнетенных» (*voice of the oppressed*) или «язык жертв» (*language of the victims*). Выразить в словах переживаемую ими ситуацию должен кто-то другой [Rorty 1989: 94]. В силу этого в художественной литературе и кинематографе актуален поиск средств и способов текстопостроения травмы, преодоления невозможности ее вербальной репрезентации (…*every mention of her past life hurt. Everything in it was painful or lost* [Morrison 2004: 58] — *… каждое упоминание о ее прошлой жизни причиняло боль. Многое в ее прошлом болезненно отзывалось или было навсегда утрачено*). Среди множества спосо-

бов моделирования страдания можно выделить ряд наиболее распространенных.

1. Мимесис речи травмированных жертв, перенесение симптомов постравматических состояний на «тело текста», что выражается, в частности, в фрагментарности повествования, сломах прямолинейного нарратива, пропуске значимых событий или действий. Травма, «разрывающая» ход жизни, отражается в «разрывах» рассказа о жизни: *Saying more might push them both to a place they couldn't get back from. He would keep the rest where it belonged: in that tobacco tin buried in his chest where a red heart used to be. Its lid rusted shut. He would not pry it loose now in front of this sweet sturdy woman, for if she got a whiff of the contents it would shame him* [Morrison 2004: 72—73]. — *Его рассказ дальше мог утянуть их туда, откуда возврата нет. Остальное он оставит там, где оно должно быть: в той жестяной коробке для табака, у себя в груди, где раньше было красное сердце…* В эти разрывы рассказа, символизирующие болезненную психологическую рану, «проваливаются» наиболее травматические моменты жизни, которые не поддаются коммуникации, которыми не принято делиться и которые, объединяя опыт многих людей, являются чертой коллективной идентичности.

2. Фокусировка на детали, объектах действительности, имеющих отношение к событию или ассоциирующихся с ним и вызывающих сильный эмоциональный отклик, связанный с прошлым, формирующий коллективную память. Образы прошлого в данном случае моделируются на основе метонимических, смежных ассоциативных связей вещи, места и события. Так, например, в произведении Р. Райта «Between the World and Me» [Wright 1935] линчевание человека реконструируется через номинации следов события (*sooty details of the scene* 'обгоревших фрагментов сцены') в окружающей действительности. Служа ключами к восстановлению сюжета, следы именуются, приобретают языковую форму. Рассказчик находит в лесу обугленный пень, разорванные конечности веток, тонкие вены сожженных листьев (*a charred stump, torn tree limbs, tiny veins of burnt leaves, and a scorched coil of greasy hemp*), останки тела (*white bones upon a cushion of ashes*), разбросанные предметы одежды: брошенный башмак, галстук, разорванную в клочья рубашку, шляпу и затвердевшие от черной крови брюки (*a vacant shoe, an empty tie, a ripped shirt, a lonely hat, and a pair of trousers stiff with black blood*). Контрастируют с данными описаниями перечисляемые предметы, оставленные толпой линчевателей: оторвавшиеся пуговицы, обгоревшие спички, окурки сигар и сигарет, скорлупа арахиса, фляжка из-под выпитого джина, тюбик красной помады (*butt-ends of cigars and cigarettes, peanut shells, a drained gin-flask, and a whore's lipstick*), лужи разлитой смолы, клочки слипшихся перьев, въевшийся в это место запах бензина (*scattered traces of tar, restless arrays of feathers, and the lingering smell of gasoline*). Очевидна референция к групповым фотопортретам на фоне трупа, соединяющим пытку и праздничное собрание в одну сцену.

Текст события структурируется за счет включения следов-презентем в связные последовательности действий (*The gin-flask passed from mouth to mouth, cigars and cigarettes glowed …And a thousand faces swirled around me… — фляга с джином передавалась от одного рта к другому, сигары и сигареты тлели … И тысячи лиц кружились вокруг меня…*). Сцена строится на контрастном и динамичном монтаже номинаций действий и объектов. Культурную значимость несет в себе сам способ воспроизведения события, основанный на эмпатическом повторении, вчувствовании в переживание Другого. Райт стирает границу между жертвой и рассказчиком. Отклик на переживания Другого переходит в переживание собственных нестерпимых мук, говорящий превращается в жертву повторяющегося жестокого зрелища, и его тело становится теми останками, которые он обнаружил в лесу. Переживание из прошлого, таким образом, вживляется в настоящее внутреннего отклика.

3. Метафорическое кодирование. Открывая возможность передачи внутренних переживаний, состояний сознания и физической боли, метафора выполняет прикрывающую функцию в культуре памяти о трагических событиях. Так, например, лирический текст А. Мееропоя (Л. Аллана) «Bitter Fruit», положенный им на мелодию джазового свинга (произведение получило известность под названием «Strange Fruit» в исполнении Б. Холидей [O'Dell http]), использует фитоморфный метафорический код страдания: странные источающие кровь черные плоды на деревьях, горький урожай (*Southern trees bear a strange fruit / Blood on the leaves and blood at the root … …. a strange and bitter crop*). Данный образ кодирует вид обугленных тел как части привычных «пасторальных сцен» из жизни Юга (*The bulging eyes and the twisted mouth / Pastoral scene of the gallant south*).

Аллюзии на «Strange fruit» и его перифразы встречаются в более поздних произведениях, например в сборнике стихов

Т. Кларк «I Can't Talk About the Trees Without the Blood»: лирический текст «The Ayes Have It» упоминает деревья на Юге США, хранящие истории о странных плодах: *the trees in the South have strange fruit histories / the roots are deep red, tangled and gnarled…* [Clark 2018].

Образ дерева пыток и смерти является сквозным для целого ряда художественно-литературных и экранных форм. Так, в балладе П. Л. Данбара «The Haunted Oak» [Dunbar 1913: 219—220] высохшее и почерневшее дерево рассказывает трагическую историю линчевания: *I am burned with dread, I am dried and dead, / From the curse of a guiltless man … — Я сгорело от ужаса, высохло и почернело, / От проклятия невиновного человека* [Dunbar 1913: 220].

В лирической миниатюре «A Portrait in Georgia from Cane» [Toomer 1923] линчевания, практикуемые белой общиной Джорджии, вписаны в женский портрет, отражающий травматическую природу памяти: «…заплетенные волосы-ветки, извитые в петлю веревки линчевателя» (*Hair-braided chestnut, coiled like a lyncher's rope)*, «…губы — шрамы или разгорающиеся искры» (*Lips-old scars, or the first red blisters*), «хрупкое белое тело как оставшийся пепел от сожженной черной плоти» (*And her slim body, white as the ash of black flesh after flame*).

В романе Т. Моррисон «Beloved» (1987) символику страданий несет дерево, высеченное на спине Сэт: *I got a tree on my back and a haint in my house* [Morrison 2004: 15] — *У меня дерево на спине и призрак в доме*. Шрамы уподобляются *chokecherry tree* 'удушающему дереву', родиной которого принято считать Северную Америку, рабовладельческий штат Вирджиния (*Prunus Virginiana* 'Виргинская черемуха'): *It's a tree… A chokecherry tree. See, here's the trunk — it's red and split wide open … and this here's the parting for the branches. You got a mighty lot of branches. Leaves, too, … Your back got a whole tree on it. In bloom* [Morrison 2007: 79]. — *Это же дерево… Виргинская черемуха. … Вот ствол — багровый, широко расщепленный… а здесь он ветвится. У тебя много веток. А это листья… На твоей спине целое дерево. В цвету.*

Незрелые плоды этого дерева ядовиты из-за содержащихся в них цианистых соединений. Дерево в романе символизирует распространенный способ террора и умерщвления. Перенесенное на спину в виде шрамов, оно становится знаком коллективной идентичности.

В развязке фильма режиссера Н. Паркера «Birth of a Nation» [2016] изображение деревьев с повешенными отсылает к фото и литографическим изображениям линчеваний начала XX в., сделанным в Кентукки («Taken from death», Lynching at Russelville, Logan County, Kentucky, July 31, 1908. Lithographed postcard), Северной Каролине («The corpses of five African American males…», Salisbury, North Carolina. August 6, 1906. Gelatin silver print. Real photo postcard) и других штатах и округах Америки [withoutsanctuary.org]. Движение камеры между деревьями имитирует проход через зал Памяти (MASS Design Group) мемориального комплекса в Монтгомери, где восемьсот прикрепленных к потолку шестифутовых плит с выгравированными надписями тысяч имен символизируют тела погибших от линчевания и расового террора. В парке комплекса находится поле с идентичными памятными плитами, ожидающими, чтобы их установили в округах, которые они представляют, в знак публичного коллективного признания трагедии и раскаяния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня можно наблюдать разрастание текстового поля внутренне перекликающихся произведений о трагичном афроамериканском прошлом в художественной культуре США. Проблема языковой объективации блокируемого негативного опыта, шоковых переживаний, объединивших миллионы людей, решается с помощью метонимических реконструкций событий, непрямого наименования, языка метафор и символов. Образные репрезентации исторического прошлого служат ассоциативными точками сборки единого текстового пространства культурной памяти. Они выступают трансляторами ценностно-смысловых интерпретаций трагических прецедентов, направлены на формирование мощного эмоционального отклика, расширение границ воспоминаемого. Особую роль в этом процессе играют современные визуальные арт-репрезентации травматических событий в городском пространстве, открывающие трагичность прошлого случайному зрителю.

ИСТОЧНИКИ

1. Amistad (film) / direct. S. Spielberg. — USA: DreamWorks SKG, 1997. Color. 152 min. — Video.

2. Clark, T. I Can't Talk About the Trees Without the Blood / T. Clark. — Pittsburg : University of Pittsburg Press, 2018. — 128 p. — Text : unmediated.

3. Courlander, H. The African / H. Courlander. — New York : Crown Publishers, 1967. — 311 p. — Text : unmediated.

4. Django Unchained (film) / direct. Q. Tarantino. — NYC, New York : The Weinstein Company, 2012. Color. 165 min. — Video.

5. Dunbar, P. L. The Haunted Oak / P. L. Dunbar. — Text : electronic // The Complete Poems of P. L. Dunbar. — New York : Dodd, Mead & Company, 1913. — 289 p. — URL: https://archive.org/details/completepoemsofp00dunbrich (date of access: 25.03.2020).

6. Haley, A. Roots; The Saga of an American Family / A. Haley. — New York : Doubleday & Company, 1976. — 587 p. — Text : unmediated.

7. Jones, H. Mutiny on the Amistad: The Saga of a Slave Revolt and Its Impact on American Abolition, Law, and Diplomacy /

H. Jones. — New York : Oxford University Press, 1987. — 271 p. — Text : unmediated.

8. Just Mercy (film) / direct. D. D. Cretton. — USA : Gil Netter Productions, Outlier Society, Warner Bros. Pictures, 2019 (Mill Valley Film Festival). Color. 137 min. — Video.

9. Lee, H. Go Set a Watchman / H. Lee. — New York : Harper Collins, 2015. — 278 p. — Text : unmediated.

10. Marshall, K. J. Heirlooms and Accessories / K. J. Marshall // Smart museum of Art, The Univ. of Chicago. — URL: http://smartcollection.uchicago.edu/people/750/kerry-james-marshall (date of access: 24.03.2020). — Text. Image : electronic.

11. Morrison, T. Beloved / T. Morrison. — New York : A Division of Random House, 2004. — 278 p. — Text : unmediated.

12. Northup, S. Twelve years a slave. Narrative of Solomon Northup, a citizen of New-York, kidnapped in Washington city in 1841, and rescued in 1853, from a cotton plantation near the Red River in Louisiana / S. Northup ; edit. Wilson D. — New York : C.M. Saxton, 1859. — 336 p. — URL: https://archive.org/details/twelveyearsslave00nort/page/n15/mode/2up. — Text : electronic.

13. O'Dell, C. Strange Fruit — B. Holiday / C. O'Dell. — URL: https://www.loc.gov/static/programs/national-recording-preservation-board/documents/StrangeFruit (date of access: 24.03.2020). — Text. Image : electronic.

14. Stain of Slavery: Congress Debates Reparations […] // The Guardian. — June 19, 2019. — URL: https://www.theguardian.com/world/2019/jun/19/reparations-ta-nehisi-coates-cory-booker-congress-debate (date of access: 24.03.2020). — Text : electronic.

15. Stevenson, B. Just Mercy: A Story of Justice and Redemption / B. Stevenson. — New York : Spiegel & Grau, 2014. — 368 p. — Text : unmediated.

16. The Birth of a Nation / direct. N. Parker. — USA : BRON Studios [et al.], 2016 (Sundance Film Festival). Color. 119 min. 43 sec. — Video.

17. Toomer, J. A Portrait in Georgia from Cane [1923] / J. A. Toomer. — URL: https://www.americanpoems.com/poets/jean-toomer/a-portrait-in-georgia (date of access: 26.03.2020). — Text : electronic.

18. Roots (TV series) / direct. Ph. Noyce, M. Van Peebles, T. Carter, B. Beresford. — USA : A+E Studios production, 2016. Color. 90 min. — Video.

19. Trump Faces Immediate Backlash […] // People. — Oct. 22, 2019. — URL: https://people.com/politics/donald-trump-calls-impeachment-lynching-twitter (date of access: 20.03.2020). — Text : electronic.

20. Twelve years a slave (film) / direct. S. McQueen — USA : Summit Entertainment [et al.], 2013 (Telluride Film Festival). Color. 134 min. — Video.

21. Without Sanctuary: Lynching Photography in America. — URL: https://withoutsanctuary.org (date of access: 25.03.2020). — Text. Image : electronic.

22. Wright, R. Between the World and Me [1935] / R. Wright. — URL: https://www.edhelper.com/poetry/Between_the_World_and_Me_by_Richard_Wright.htm (date of access: 24.03.2020). — Text : electronic.

23. A controversial Elgin mural […] // Chicago Reader. — July 20, 2016. — URL: https://www.chicagoreader.com/chicago/american-nocturne-elgin-mural-lynching-photograph/Content?oid=22902865 (date of access: 20.03.2020). — Text. Image : electronic.

ЛИТЕРАТУРА

24. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с. — Текст : непосредственный.

25. Красных, В. В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации / В. В. Красных. — Текст : непосредственный // Вестник ЦМО МГУ. — 2012. — № 3. — С. 67—73.

26. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2001. — 703 с. — Текст : непосредственный.

27. Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора. — Текст : электронный // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2—3. — URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html.

28. Сонтаг, С. Смотрим на чужие страдания / С. Сонтаг ; пер. с фр. В. П. Голышева. — Москва : Ад Маргинем, 2014. — 96 с. — Текст : непосредственный.

29. Alexander, J. C. Toward a Theory of Cultural Trauma / J. C. Alexander. — Text : unmediated // Cultural trauma and collective identity / J. C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen, N. J. Smelser, P. Sztompka. — Berkeley : Univ. of California Press, 2004. — P. 1—30.

30. Bourdieu, P. Photography: A Middle-Brow Art / P. Bourdieu, L. Boltanski, R. Castel, J.-Cl. Chamboredon, D. Schnapper ; transl. Sh. Whiteside. — Cambridge : Polity Press, 1990. 215 p. — Text : unmediated.

31. LaCapra, D. History, literature, critical theory / D. LaCapra. — Ithaca ; London : Cornell Univ. Press, cop. 2013. — 237 p. — Text : unmediated.

32. Caruth, C. Unclaimed experience: trauma, narrative, and history / C. Caruth. — Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press, 1996. — 176 p. — Text : unmediated.

33. Erll, A. Memory in culture / A. Erll ; transl. S. B. Young. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2011. — 209 p. — Text : unmediated.

34. Eyerman, R. Cultural trauma: slavery and the formation of African American identity / R. Eyerman. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001. — 316 p. — Text : unmediated.

35. Leys, R. Trauma: A Genealogy / R. Leys. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 2000. — 318 p. — Text : unmediated.

36. Kitch, C. Anniversary Journalism, Collective Memory, and the Cultural Authority to Tell the Story of the American Past / C. Kitch. — Text : unmediated // Journal of Popular Culture. — 2002. — 36 (1). — P. 44—67.

37. Rorty, R. Contingency, irony, and solidarity / R. Rorty. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1989. — 201 p. — Text : unmediated.

38. Rushdy, Ashraf H. A. Donald Trump and the Discourse of Lynching / H. A. Ashraf Rushdy. — Text : electronic // Yale Univ. Press Blog. — January 30, 2020. — URL: http://blog.yalebooks.com/2020/01/30/donald-trump-and-the-discourse-of-lynching/ (date of access: 24.03.2020).

I. V. Palashevskaya
Volgograd State University, Volgograd, Russia
ORCID ID: — ☑

S. J. M. Al-Sammarraie
Tikrit University, Iraq
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *irina_777@volsu.ru; suhadsss@yahoo.com.*

Representation of African American Traumatic Historic Events in the USA Culture Texts Space

ABSTRACT. *Philologists and historians argue that it is typical of the modern society to change attitude to the past, which is manifested in criticism of the official versions of the history, restoration of the traces of the annihilated past, development of memorial events, opening access to archives and juridical settling scores with the past. The urgency of this phe-*

nomenon is attributed by the authors of the article, first of all, to the disappearance of living memory of the generations of witnesses of the most terrible crimes in the history of mankind, and to the processes of mediatization of memory and development of information technologies. The article deals with the methods of modeling of traumatic events related to Afro-American slavery and racial terror, in the US culture. The authors analyze examples of metonymic reconstruction and metaphorical coding of the past, symbolic imagery forms of translating memory to other generations, aimed at collective empathy and recognition of extreme violence.

The study uses archival materials — photographs and postcards (Without Sanctuary: Lynching Photography in America) with focus on content, syntagmatic and pragmatic characteristics of these pieces of evidence of mass terror. Special attention is given to the transformations of these images by artistic practices in modern visual art, as well as intermedia references to them in political media discourse, fiction, cinema, memorial places and urban space.

KEYWORDS: *cultural memory; political metaphors; metonymy; fiction texts; documentary photos; screenplays; racial inequality; African Americans; linguoculturology; historic events.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Palashevskaya Irina Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Germanic and Romance Philology, Volgograd State University, Volgograd, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Al-Sammarraie Suhad Jasim Mohammed, Lecturer in English Literature, English Departement, College of Education for Humanities, Tikrit University, Iraq.*

FOR CITATION: *Palashevskaya, I. V.* Representation of African American Traumatic Historic Events in the USA Culture Texts Space / I. V. Palashevskaya, S. J. M. Al-Sammarraie // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 231-240. — DOI.

MATERIALS

1. Amistad (film) / direct. S. Spielberg. — USA: DreamWorks SKG, 1997. Color. 152 min. — Video.
2. Clark, T. I Can't Talk About the Trees Without the Blood / T. Clark. — Pittsburg : University of Pittsburg Press, 2018. — 128 p. — Text : unmediated.
3. Courlander, H. The African / H. Courlander. — New York : Crown Publishers, 1967. — 311 p. — Text : unmediated.
4. Django Unchained (film) / direct. Q. Tarantino. — NYC, New York : The Weinstein Company, 2012. Color. 165 min. — Video.
5. Dunbar, P. L. The Haunted Oak / P. L. Dunbar. — Text : electronic // The Complete Poems of P. L. Dunbar. — New York : Dodd, Mead & Company, 1913. — 289 p. — URL: https://archive.org/details/completepoemsofp00dunbrich (date of access: 25.03.2020).
6. Haley, A. Roots; The Saga of an American Family / A. Haley. — New York : Doubleday & Company, 1976. — 587 p. — Text : unmediated.
7. Jones, H. Mutiny on the Amistad: The Saga of a Slave Revolt and Its Impact on American Abolition, Law, and Diplomacy / H. Jones. — New York : Oxford University Press, 1987. — 271 p. — Text : unmediated.
8. Just Mercy (film) / direct. D. D. Cretton. — USA : Gil Netter Productions, Outlier Society, Warner Bros. Pictures, 2019 (Mill Valley Film Festival). Color. 137 min. — Video.
9. Lee, H. Go Set a Watchman / H. Lee. — New York : Harper Collins, 2015. — 278 p. — Text : unmediated.
10. Marshall, K. J. Heirlooms and Accessories / K. J. Marshall // Smart museum of Art, The Univ. of Chicago. — URL: http://smartcollection.uchicago.edu/people/750/kerry-james-marshall (date of access: 24.03.2020). — Text. Image : electronic.
11. Morrison, T. Beloved / T. Morrison. — New York : A Division of Random House, 2004. — 278 p. — Text : unmediated.
12. Northup, S. Twelve years a slave. Narrative of Solomon Northup, a citizen of New-York, kidnapped in Washington city in 1841, and rescued in 1853, from a cotton plantation near the Red River in Louisiana / S. Northup ; edit. Wilson D. — New York : C.M. Saxton, 1859. — 336 p. — URL: https://archive.org/details/twelveyearsslave00nort/page/n15/mode/2up. — Text : electronic.
13. O'Dell, C. Strange Fruit — B. Holiday / C. O'Dell. — URL: https://www.loc.gov/static/programs/national-recording-preservation-board/documents/StrangeFruit (date of access: 24.03.2020). — Text. Image : electronic.
14. Stain of Slavery: Congress Debates Reparations […] // The Guardian. — June 19, 2019. — URL: https://www.theguardian.com/world/2019/jun/19/reparations-ta-nehisi-coates-cory-booker-congress-debate (date of access: 24.03.2020). — Text : electronic.
15. Stevenson, B. Just Mercy: A Story of Justice and Redemption / B. Stevenson. — New York : Spiegel & Grau, 2014. — 368 p. — Text : unmediated.
16. The Birth of a Nation / direct. N. Parker. — USA : BRON Studios [et al.], 2016 (Sundance Film Festival). Color. 119 min. 43 sec. — Video.
17. Toomer, J. A Portrait in Georgia from Cane [1923] / J. A. Toomer. — URL: https://www.americanpoems.com/poets/jean-toomer/a-portrait-in-georgia (date of access: 26.03.2020). — Text : electronic.
18. Roots (TV series) / direct. Ph. Noyce, M. Van Peebles, T. Carter, B. Beresford. — USA : A+E Studios production, 2016. Color. 90 min. — Video.
19. Trump Faces Immediate Backlash […] // People. — Oct. 22, 2019. — URL: https://people.com/politics/donald-trump-calls-impeachment-lynching-twitter (date of access: 20.03.2020). — Text : electronic.
20. Twelve years a slave (film) / direct. S. McQueen — USA : Summit Entertainment [et al.], 2013 (Telluride Film Festival). Color. 134 min. — Video.
21. Without Sanctuary: Lynching Photography in America. — URL: https://withoutsanctuary.org (date of access: 25.03.2020). — Text. Image : electronic.
22. Wright, R. Between the World and Me [1935] / R. Wright. — URL: https://www.edhelper.com/poetry/Between_the_World_and_Me_by_Richard_Wright.htm (date of access: 24.03.2020). — Text : electronic.
23. A controversial Elgin mural […] // Chicago Reader. — July 20, 2016. — URL: https://www.chicagoreader.com/chicago/american-nocturne-elgin-mural-lynching-photograph/Content?oid=22902865 (date of access: 20.03.2020). — Text. Image : electronic.

REFERENCES

24. Assman, Ya. Cultural Memory: writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity / Ya. Assman ; transl. from German by M. M. Sokolskaya. — Moscow : Languages of Slavic Culture, 2004. — 368 p. — Text : unmediated. [Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti / Ya. Assman ; per. s nem. M. M. Sokol'skoy. — Moskva : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. — 368 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
25. Krasnykh, V. V. Culture, Cultural Memory and Linguistic Culture: Their Main Functions and role in Cultural Identification / V. V. Krasnykh. — Text : unmediated // Bulletin of TsMO MSU. — 2012. — No. 3. — P. 67—73. [Kul'tura, kul'turnaya pamyat' i lingvokul'tura: ikh osnovnye funktsii i rol' v kul'turnoy identifikatsii / V. V. Krasnykh. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik TsMO MGU. — 2012. — № 3. — S. 67—73]. — (In Rus.)
26. Lotman, Yu. M. Semiosphere / Yu. M. Lotman. — St. Petersburg : Art-SPb, 2001. — 703 p. — Text : unmediated. [Semiosfera / Yu. M. Lotman. — Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPb, 2001. — 703 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
27. Nora, P. World Celebration of Memory / P. Nora. — Text : electronic // Inviolable Stock. — 2005. — No. 2—3. [Vsemirnoe

torzhestvo pamyati / P. Nora. — Tekst : elektronnyy // Neprikosnovennyy zapas. — 2005. — № 2—3]. — URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html. — (In Rus.)

28. Sontag, S. We Look at the Suffering of Others / S. Sontag ; transl. from Fr. by V.P. Golysheva. — Moscow : Ad Marginem, 2014. — 96 p. — Text : unmediated. [Smotrim na chuzhie stradaniya / S. Sontag ; per. s fr. V. P. Golysheva. — Moskva : Ad Marginem, 2014. — 96 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

29. Alexander, J. C. Toward a Theory of Cultural Trauma / J. C. Alexander. — Text : unmediated // Cultural trauma and collective identity / J. C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen, N. J. Smelser, P. Sztompka. — Berkeley : Univ. of California Press, 2004. — P. 1—30.

30. Bourdieu, P. Photography: A Middle-Brow Art / P. Bourdieu, L. Boltanski, R. Castel, J.-Cl. Chamboredon, D. Schnapper ; transl. Sh. Whiteside. — Cambridge : Polity Press, 1990. 215 p. — Text : unmediated.

31. LaCapra, D. History, literature, critical theory / D. LaCapra. — Ithaca ; London : Cornell Univ. Press, cop. 2013. — 237 p. — Text : unmediated.

32. Caruth, C. Unclaimed experience: trauma, narrative, and history / C. Caruth. — Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press, 1996. — 176 p. — Text : unmediated.

33. Erll, A. Memory in culture / A. Erll ; transl. S. B. Young. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2011. — 209 p. — Text : unmediated.

34. Eyerman, R. Cultural trauma: slavery and the formation of African American identity / R. Eyerman. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001. — 316 p. — Text : unmediated.

35. Leys, R. Trauma: A Genealogy / R. Leys. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 2000. — 318 p. — Text : unmediated.

36. Kitch, C. Anniversary Journalism, Collective Memory, and the Cultural Authority to Tell the Story of the American Past / C. Kitch. — Text : unmediated // Journal of Popular Culture. — 2002. — 36 (1). — P. 44—67.

37. Rorty, R. Contingency, irony, and solidarity / R. Rorty. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1989. — 201 p. — Text : unmediated.

38. Rushdy, Ashraf H. A. Donald Trump and the Discourse of Lynching / H. A. Ashraf Rushdy. — Text : electronic // Yale Univ. Press Blog. — January 30, 2020. — URL: http://blog.yalebooks.com/2020/01/30/donald-trump-and-the-discourse-of-lynching/ (date of access: 24.03.2020).

УДК 81.572'27
ББК Ш171.1-006.2 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19*
DOI

Сяо Цзинъюй
Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, КНР
ORCID ID: — ☑

Ян Кэ
Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, КНР
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *najia0802@163.com; mashayang1963@aliyun.com.*

Экология языка в странах Балтии: взгляд китайских русистов

АННОТАЦИЯ. *В настоящее время страны Балтии (Латвия, Литва и Эстония) имеют исторически обусловленные непростые отношения с Россией. Это проявляется во многих значимых сферах, одной из которых является языковая политика. На основании рассмотрения особенностей политики в странах Балтии в статье анализируется состояние языковой экологии (то, насколько сохраняется языковое многообразие) этих стран, в том числе специфика социального положения русского языка. Характеризуются основные периоды разнонаправленной языковой политики в рассматриваемом регионе в течение XX века: жесткая русификация в период Российской империи и последующая кратковременная либерализация; утверждение высшего правового статуса национальных языков в период независимости; русификация в первый этап существования советской власти — с 1940 по 1941; двуязычие до периода распада Советского Союза, преимущественное использование русского языка во многих сферах деятельности; провозглашение национальных языков единственными государственными в ходе становления современных суверенных государств. В XX веке страны Балтии стали своеобразными полигонами по использованию различных типов языковой политики, социальные позиции национальных языков в них многократно и существенно изменялись. Анализируются принимавшиеся в данных государствах в последнее время законы о языке, их соответствие законодательным нормам ЕС, социальное положение русскоговорящего меньшинства. Для обеспечения баланса в регулировании состояния языковой экологии при формулировании приоритетов языковой политики следует прежде всего учитывать закономерности языкового развития и взаимодействия языков; необходимо также отказаться от узкого национализма, на что страны Балтии должны обратить особое внимание. Русский язык, который играл значительную роль в этих регионах в советское и досоветское время, вправе продолжать выполнять важные коммуникативные функции там и в будущем.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *языковая экология; языковая политика; языковая ситуация; социолингвистика; русский язык; китайская русистика.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Сяо Цзинъюй, профессор Института европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; 510420, Китай, пров. Гуандун, г. Гуанчжоу, пр-т Байюньдадао, 2; e-mail: najia0802@163.com.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ян Кэ, кандидат филологических наук, профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; 510420, Китай, пров. Гуандун, г. Гуанчжоу, пр-т Байюньдадао, 2; e-mail: mashayang1963@aliyun.com.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Сяо Цзинъюй.* Экология языка в странах Балтии: взгляд китайских русистов / Сяо Цзинъюй, Ян Кэ // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 241-247. — DOI.

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья подготовлена при поддержке гранта «Innovation School Project in Higher Education of Guangdong, China» (№ GWTP-YJ-2015-04: «Экология русского языка в странах вдоль „Пояса и пути“»).

I. ВВЕДЕНИЕ

Как известно, в настоящее время страны Балтии (Латвия, Литва и Эстония) имеют непростые межгосударственные отношения с Россией, что обусловлено советским и досоветским периодами их истории. В начале XX в. они были провинциями царской империи, боролись за независимость в периоды Октябрьской революции и Первой мировой войны, в 1940 г. были присоединены к Советскому Союзу, а после его распада вернулись к независимости. Исторические пути этих трех стран в XX в. весьма сходны. По происхождению языка титульной нации Эстония стоит особняком: латышский и литовский языки являются близкородственными и составляют балтийскую группу индоевропейской языковой семьи; эстонский же принадлежит к финно-угорской группе уральской семьи. Латинская письменность применяется во всех трех языках. Литовский считается одним из индоевропейских языков, наиболее хорошо сохранившихся с древнейших времен. В составе балтийской группы сегодня представлены только латышский и литовский (ещё один — прусский язык — исчез в конце XVIII в.). Длительное время данные языки бытовали в условиях славянского и германского лингвокультурного окру-

© Сяо Цзинъюй, Ян Кэ, 2020

жения; русский и немецкий языки оказали определенное влияние на их словарный состав и структуру. Изменения в языке во многом зависят от окружающей языковой и культурной среды и от межъязыковых контактов.

В советское время немало людей из других регионов СССР мигрировало в республики Прибалтики, что в некоторой степени изменило их демографическую структуру. Численность населения этих стран, принадлежащего к титульным нациям, в Эстонии сократилась с 88,0 % до 61,3 % (к 1989 г.), в Латвии — с 77 % до 52 %. В Литве сложилась принципиально иная ситуация: данный показатель почти не изменился, составив соответственно 80,6 % и 79,6 %. Демографические изменения закономерно привели к изменениям в структуре пользователей языка: местные жители начали осваивать русский язык, а небольшое количество русскоговорящих приезжих стало изучать местные языки. Русский был основным языком Советского Союза. Были открыты местные русские школы, и дети тех, кто не являлся носителем местного языка, могли учиться в школах с преподаванием предметов на титульном языке, но часто предпочитали первые. В русских школах не преподавали в обязательном порядке местные языки, однако для школ с преподаванием на местных языках курс русского был обязательным, что вело к так называемому двуязычию, при котором в действительности приоритетное положение занимал русский язык. В такой ситуации представители титульных наций должны были владеть русским языком. Например, в Эстонии русский язык стал средством официального общения в организациях и учреждениях, в том числе административных. Существовало требование использования русского языка при подаче диссертаций. Владение русским было обязательным условием для получения профессиональной квалификации или вступления в КПСС. В общем, русский язык использовался как основной или единственный во многих отраслях и структурах, таких как финансовая система, госбюджет, статистика, аэропорты, энергетика, военная промышленность, транспорт, армия, специальные службы. После распада Советского Союза страны Балтии вновь обрели независимость. Политические и лингвистические характеристики новых государств менялись, в том числе в связи с тем, что титульные этносы теперь составляют языковое большинство.

Современные страны Балтии очень отличаются от советских прибалтийских республик. В советское время массовые миграционные процессы превратили их в полиэтнические регионы: русский стал доминирующим официальным языком, а местные языки переместились на сравнительно скромные позиции — в основном они использовались в неофициальном, обиходно-бытовом общении; их функциональная сфера в коммуникативном пространстве Прибалтики неуклонно сокращалась. Структура и культура общества, сформировавшиеся в советский период, затем подверглись радикальным изменениям. Тем не менее они продолжают оказывать существенное влияние на социальную жизнь современных стран Балтии, в том числе в аспекте взаимоотношений языков и государственной языковой политики.

II. ЯЗЫКОВАЯ ЭКОЛОГИЯ СТРАН БАЛТИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ МЕНЯЮЩЕЙСЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Языковая политика тесно связана с изменениями в жизни общества. С точки зрения языковой экологии языковая политика обусловлена спецификой социально-культурной среды функционирования языка (языков); влияет на характер коммуникативного пространства общества, на взаимоотношения сосуществующих в нем языков. Так, на фоне официального вступления Эстонии и Латвии в ЕС и НАТО жесткая языковая политика этих стран привела к серьезным последствия: подверглась осуждению дискриминация русского и русскоговорящего меньшинства, ЕС направила в данные страны несколько делегаций для проверки реальной ситуации и формирования экспертного заключения о социальных позициях языков, гражданских правах населения и планах социальной интеграции. От руководства ЕС исходило не только одобрение сложившейся ситуации, но и рекомендации и даже предупреждения.

На протяжении XX в. в странах Балтии сменилось по меньшей мере шесть типов языковой политики: 1) жесткая русификация в период Российской империи и последующая кратковременная либерализация; 2) утверждение высшего правового статуса национальных языков в период независимости; 3) русификация в первый этап существования советской власти — с 1940 по 1941 г.; 4) продолжительный период навязывания немецкого языка в качестве главного официального; 5) двуязычие с приоритетным положением русского языка вплоть до распада Советского Союза в 1991 г.; 6) провозглашение национальных языков единственными государственными в ходе становления современных суверенных государств.

Можно сказать, что балтийские страны в XX в. стали лингвополитическими полигонами, на территории которых многократно и существенно изменялись социальные позиции национальных языков.

В едином многонациональном СССР русский как главный официальный язык был общепринятым средством общения. Вплоть до 1990-х гг. он оставался важнейшими средством приобщения к культурным ценностям, получения высшего образования. Владение русским языком обеспечивало возможность социального роста, продвижения по карьерной лестнице, миграции на территории всего СССР. Всё это вкупе с очень высокой степенью экономической интеграции всех республик и составляло основу функционирования русского языка как средства межнационального общения [Самсонов 2006: 68]. После развала Советского Союза в государствах Балтии сложилась новая языковая ситуация, которая прежде всего характеризуется правовым закреплением статусов титульных и нетитульных языков [Там же: 67]. Эта ситуация усложнилась после обретения балтийскими странами независимости в 1991 г. Когда они восстановили суверенитет, проблемы языковой политики стали одними из основных в их общественной жизни и политике. Данная проблематика тесно связано с вопросами политической, международной и языковой экологии. Международное сообщество часто чувствительно относится к тем или иным мерам языковой политики, живо реагирует на них. В обсуждаемой сфере вполне возможны разного рода недоразумения и даже «преднамеренные» недоразумения [Ozolins 1999].

Конкретные особенности языковой политики в каждой из рассматриваемых стран создают индивидуальную ситуацию, набор лингвополитических мер и инструментов в них неодинаковы. В Литве число нелитовцев очень невелико, и, как правило, они хорошо понимают литовский язык. По этой причине они интегрированы в современное литовское общество. Литовский язык был официально провозглашен государственным в декабре 1988 г. Стандарты национальной языковой политики, принятые парламентом Литвы в 2003 г., отражают стратегию развития литовского языка: они ориентированы на поддержку его высшего юридического статуса посредством усиления его позиций в жизни общества, в частности в системе образования. В Литве предъявляются различные требования к уровню владения литовским языком для представителей разных профессий. Например, от сиделок и нянь требуется самый низкий уровень знания языка, медсестры и полицейские должны иметь средний уровень, а преподаватели и врачи обязаны достигнуть продвинутого уровня [Hogan-Brun, U. Ozolins, M. Ramonienė, M. Rannut 2008]. В Эстонии и Латвии иностранцы, желающие стать натурализованными гражданами, должны соответствовать определенным требованиям в плане владения государственным языком. В Эстонии, несмотря на то, что в школах и вузах русский язык как первый, основной, изучает лишь крайне ограниченное число людей и вне школьной и вузовской сфер они предпочитают эстонский и английский, русский язык всё еще используется как средство межнационального общения внутри страны и за рубежом, доминирует в контактах с представителями государств СНГ — с 1998 г. в эстонских школах возобновлено изучение русского языка как иностранного с 6 класса [Самсонов 2006: 72]. В Латвии Закон о государственном языке устанавливает основные правила использования языков в стране; он определяет латышский язык в качестве единственного государственного, тем самым объявляя русский язык иностранным. В реальной общественной жизни сегодня английский является первым и обязательным иностранным языком, а русский — вторым или третьим.

Власти в странах Балтии требуют использования национальных языков во всех общественных местах, всемерно укрепляют систему образования на национальных языках, поощряют применение национальных языков в публичных вывесках, сферах СМИ, издательской деятельности и официальном общении. Однако это не значит, что русский язык полностью утратил свой прежний статус в этих странах.

Реальность такова, что структуры ЕС вмешиваются в языковую политику правительств стран Балтии по той причине, что данные страны хотят быть полноценными членами ЕС. В Эстонии Закон об иммиграции и Закон о гражданстве были приняты в 1995 г., и эти законы создали серьезную напряженность в обществе. В Латвии широкое беспокойство вызвал тот факт, что поправке Латвии к Закону о гражданстве в 1998 г. предшествовало согласие ЕС. Подобное вмешательство ЕС не регламентировано международными правовыми стандартами, а скорее демонстрирует политическую решимость ускорить процесс ассимиляции бывшей советской Прибалтики в современной Европе. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе признает связь между языком и гражданством. При этом, надеясь, что процесс натурализации ускорится, она понимает также, что языковые способ-

ности людей не могут быть ускоренно изменены, поэтому выступает против жестких требований по использованию государственного языка в частном бизнесе.

Несмотря на это, новый Закон о языке, принятый парламентом Латвии в 1999 г., по-прежнему содержит положения об использовании государственного языка в частном бизнесе. После того, как президент страны наложил на Закон вето, в него были внесены некоторые изменения, включая положение, согласно которому ограничения на использование языка должны обеспечивать сбалансированность прав и интересов частных учреждений, организаций и компаний [Poleshchuk URL].

Эстония также применила аналогичный подход в 2000 г., изменив свои касающиеся использования языка законы с почти теми же формулировками, что и в Латвии. Однако языковыми требованиями, предъявляемыми к перечисленным в Законе отраслям и сферам так называемых «законных общественных интересов», была недовольна Европейская комиссия. Эстонский Закон о языке формально отвечает стандартам европейских организаций, но в действительности главным является вопрос о том, как интерпретировать неоднозначное слово «законные общественные интересы». С 2018 г. Министерство образования и науки Эстонии направило в различные ведомства на согласование новую Программу развития эстонского языка, важнейшей целью которой является формирование желания, умения и способности каждого гражданина Эстонии пользоваться эстонским языком во всех сферах жизни, а также владеть иностранными языками. В составляемой на следующие десять лет программе с подзаголовком «Язык создает ценности» речь идет об эстонском как родном и как иностранном языке, об эстонском языке за рубежом и, в отличие от предыдущей версии, об изучаемых в Эстонии иностранных языках [Вокруг новой стратегии развития эстонского языка разгораются страсти 2018].

Таким образом, мнение о серьезном влиянии языковой политики стран Балтии на их языковую экологию правомерно.

III. НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Сегодня в рассматриваемых трех странах на Балтийском побережье русский стал иностранным языком национального меньшинства, оставаясь при этом языком межэтнического общения. Это привело к резкому ослаблению позиций русского языка в системе образования и в целом ухудшению современного состояния и перспектив социального статуса русского языка в странах Балтии. Развитие информационных технологий и сетевых технологий и их использование в науке, образовании и повседневной жизни привели к тому, что русский язык не только переплетается с большим количеством сетевых языков, но и становится своего рода «гибридным языком», насыщенным разнообразными проявлениями влияния английского. В странах Балтии почти все государственные чиновники понимают русский язык; например, сотрудники судебных органов могли бы говорить по-русски, тем более что многие из них не могут использовать так называемый официальный язык.

Следует констатировать, что на протяжении десятилетий в странах Балтии наблюдалось мощное советское влияние. В результате русский язык там стал «малым языком», при этом освоенным большинством жителей. В настоящее время представители разных этнических групп всё более охотно используют русский язык. Так, в Эстонии, согласно самооценке, от 60 % до 70 % неэстонских граждан не могут сдать экзамен по эстонскому языку, и количество людей, сдающих экзамен, меньше, чем ожидалось. Как заявил глава языкового отдела Министерства образования Пирет Кяртнер, власти страны стремятся создать такое положение дел, при котором на эстонском языке можно было бы учиться по всем специальностям на первой и второй университетских ступенях (бакалавриат и магистратура) [Вокруг новой стратегии развития эстонского языка разгораются страсти 2008], так как больным вопросом является нехватка преподавателей эстонского языка: уровень владения государственным языком среди иноязычных жителей страны растет не так быстро, как власти того хотели бы [Там же]. В связи с этим было отмечено, что ситуация с эстонским языком, по данным опросов, не слишком ясна и число людей, сдавших экзамен по эстонскому языку, не может по-настоящему отразить реальное состояние языковой интеграции [Siiner 2006].

Примечательно, что большинство русскоговорящих резидентов не возражает против требований к ним выучить местный официальный язык. Легитимность государственных языков и языковой аспект политики в отношении гражданства ими в основном поддерживаются. Русскоговорящие жители Прибалтики в целом не чувствуют угрозы. С точки зрения социолингвистики важно, что их отношения с автохтонным населением характеризуются взаимной толерантностью; русский до сих пор используется в повседневной жизни, в школах и вузах, в СМИ,

в издательской сфере и в учреждениях культуры [Ozolins 1999].

В то же время резко возросло число русскоговорящих, освоивших официальный язык страны. Русское и русскоговорящее меньшинство, оставшееся в балтийских государствах, — группа не единая, а сильно дифференцированная. Серьезных внутренних конфликтов не было. В центре внимания правительственной работы в странах Балтии находится укрепление системы преподавания государственных языков; так, в Эстонии значительно увеличен объем преподавания эстонского языка в средних школах с обучением на русском языке. Отдельная важная задача — обучение государственным языкам взрослых. В целом в странах Балтии реальная языковая экологическая схема такова, что функциональная сфера русского языка сокращается, национальные языки ценятся, английский становится все более популярным. Таким образом, языковая экология стран Балтии характеризуется сосуществованием русского и местного языков, а также плавным распространением английского языка.

Язык является носителем культуры, а также инструментом деятельности в различных сферах, таких как политика и экономика. Можно утверждать, что языковая экология стран Балтии отражает их специфические социальные и культурные реалии, очевидным образом является результатом языкового планирования в данных странах. В процессе языкового планирования их правительства активно ссылаются на Общие европейские рамки для определения стандартов и методов обучения собственным национальным языкам в качестве второго языка, а также для определения стандартов и методов обучения иностранным языкам. По плану, дети начинают изучать второй язык и иностранный язык в начальной школе на основе программы обучения «1 + 2», то есть «второй язык и иностранный язык в дополнение к официальному языку». Балтийские страны усилили обучение иностранным языкам, особенно английскому. И, несмотря на то, что русский язык, став иностранным, потерял часть силы и влияния, он продолжает широко использоваться в коммерческой сфере.

В связи с политическими изменениями исторического масштаба решение обсуждаемых проблем и задач в странах Балтии сильно политизировано. Языковая политика используется в качестве политического средства для национальной интеграции. Законы о языках не игнорируют языковые способности и интересы жителей, мобилизуют различные группы и играют определенную роль в перераспределении прав. Язык не только символизирует национальную идентичность, но и отражает значимость независимости личности. Тем не менее необходимо отметить, что развитие языка характеризуется определенным имманентными закономерностями, многие языковые изменения происходят очень медленно (иногда в течение ряда веков), их результат могут проявиться в отдаленном будущем. В то же время данный процесс неизбежно подвержен социальным, политическим, культурным влияниям. Любое языковое планирование, если оно не учитывает закономерностей развития языка или опирается на узконационалистическую идейную базу, в конечном счете непременно приведет к дисбалансу языковой экологии. Страны Балтии должны обращать внимание и на эти факторы. В связи с этим русский язык, как наиболее крупный язык в истории Прибалтики, принципиально не может исчезнуть там всего за несколько десятилетий. Более того: он вправе продолжать выполнять важные коммуникативные функции в странах Балтии и в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вокруг новой стратегии развития эстонского языка разгораются страсти // Учительская газета. — 2018. — 9 февр. — URL: https://rus.ohtuleht.ee/857475/vokrug-novoi-strategii-razvitiya-estonskogo-yazyka-razgorayutsya-strasti (дата обращения: 08.09.2019). — Текст : электронный.

2. Григорян, Э. Динамика современных языковых ситуаций / Э. Григорян. — Текст : непосредственный // Русская речь. — 1996. — № 2. — С. 46.

3. Гунаев, Е. А. Этническая идентификация: правовые аспекты / Е. А. Гунаев. — Текст : непосредственный // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2013. — № 2. — С. 81—85.

4. Самсонов, Н. Г. Русский язык в странах СНГ и Балтии / Н. Г. Самсонов. — Текст : непосредственный // Вестник Северо-Восточного федерального университета. — 2006. — Т. 3, № 2. — С. 67—73.

5. Chandler, David. The OSCE and the internationalisation of national minority rights / David Chandler. — Text : unmediated // Ethnicity and democratisation in the new Europe / Karl Cordell (ed). — London : Routledge, 1999.

6. Chinn, J. The question of citizenship in the Baltics / Jeff Chinn, Lise A. Truex. — Text : unmediated // Journal of Democracy. — 1996. — No 7 (1). — P. 133—147.

7. Cooper, R. Language planning and social change / R. Cooper. — Cambridge : Cambridge University Press, 1989. — Text : unmediated.

8. Deets, T. Reconsidering East European minority policy: Liberal theory and European norms / Timothy Deets. — Text : unmediated // East European Politics and Societies. — 2002. — No 16 (1). — P. 30—54.

9. Druviete, I. Linguistic human rights in the Baltic States / Ina Druviete. — Text : unmediated // International Journal of the Sociology of Language. — 1997. — No. 127. — P. 161—186.

10. European Commission. Regular report on Estonia's progress towards accession / European Commission. — Brussels : Commission of the European Communities, 2002. — URL: http://europa.eu.int/comm/ enlargement/report2002/ee_en.pdf. — Text : electronic.

11. Hogan-Brun, G. Language politics and practices in the Baltic States / G. Hogan-Brun, U. Ozolins, M. Ramonienė, M. Rannut // Language Planning and Policy in Europe / R. Kaplan, R. Baldauf, Jr. (eds.). — Clevedon, UK : Multilingual Matters

Ltd., 2008. — Vol. 3 : The Baltic States, Italy, and Ireland. — P. 31—192.

12. Hogan-Brun, Gabrielle & Ramonienė, Meilutė (2003). Emerging language and education policies in Lithuania. / Gabrielle Hogan-Brun, Meilutė Ramonienė. — Text : unmediated // Language Policy. — 2003. — No 2 (1). — P. 27—45.

13. Ozolins, U. Between Russian and European hegemony: current language policy in the Baltic States / U. Ozolins. — Text : unmediated // Current Issues in Language & Society. — 1999. — No 6. — P. 6—47.

14. Poleshchuk, V. Estonia, Latvia and the European commission: Changes in language regulation 1999—2001. Section 2, Article 2 / V. Poleshchuk. — URL: http://www.eumap.org/articles/content/40/402. — Text : electronic.

15. Siiner, M. Planning Language Practice: A Sociolinguistic Analysis of Language Policy in Post-Communist Estonia / M. Siiner. — Text : unmediated. — DOI 10.1007/s10993-006-9004-9 // Language Policy. — 2006. — No 5 (2). — P. 161—186.

Xiao Jingyu
Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China
ORCID ID: — ☑

Yang Ke
Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *najia0802@163.com; mashayang1963@aliyun.com.*

Ecology of Language in the Baltic Countries: A View of Chinese Specialists in Russian Studies

ABSTRACT. *At present, the Baltic states (Latvia, Lithuania and Estonia) have history-based complicated relationships with Russia. This is reflected in many significant spheres, and specifically in language policy. On the basis of observations of the peculiarities of language policy in the Baltic states, the article analyzes the state of language ecology (i.e. how language diversity is preserved) of these countries, including the specificity of the social position of the Russian language. The article characterizes the main periods of various kinds of language policy in the region under consideration during the 20th century: strict Russification during the period of the Russian Empire and the following short-time liberalization; adoption of the highest legal status of the national languages during independence; Russification during the first stage of Soviet power – from 1940 to 1941; bilingualism up to the time of the Soviet Union disintegration, preferential use of the Russian language in many spheres of activity; proclamation of the national languages as only state languages in the course of formation of the modern sovereign states. In the 20th century, the Baltic states turned into certain test grounds of using various types of language policy; the social positions of the national languages have been frequently and radically changed. The article analyzes the laws on language adopted in these countries recently, their compliance with the legislative norms of the EU, and the social position of the Russian speaking minority. In order to ensure balance in the regulation of the state of language ecology while forming the language policy priorities, it is necessary to take into account, first of all, the regularities of language development and interaction between the languages; it is also necessary to give up narrow nationalism, which should be a special issue for the Baltic countries. The Russian language, which plaid a significant role in these regions during the Soviet and pre-Soviet time has the right to continue to perform important communication functions there in the future as well.*

KEYWORDS: *language ecology; language policy; language situation; sociolinguistics; Russian; Russian Studies in China.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Xiao Jingyu, Professor of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yang Ke, Candidate of Philology, Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.*

FOR CITATION: *Xiao, Jingyu*. Ecology of Language in the Baltic Countries: A View of Chinese Specialists in Russian Studies / Xiao Jingyu, Yang Ke // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 241-247. — DOI ZZZZZZZZZZZZZZZZZZZZ.

ACKNOWLEDGMENTS. Research has been accomplished with financial support of the Grant «Innovation School Project in Higher Education of Guangdong, China» (№ GWTP-YJ-2015-04: «Russian Language Ecology in the Countries of the Belt and Road Initiative»).

REFERENCES

1. Passion Flares Up Around a New Development Strategy for the Estonian Language // Teacher's Newspaper. — 2018. — Feb 9. [Vokrug novoy strategii razvitiya estonskogo yazyka razgorayutsya strasti // Uchitel'skaya gazeta. — 2018. — 9 fevr.]. — URL: https://rus.ohtuleht.ee/857475/vokrug-novoi-strategii-razvitiya-estonskogo-yazyka-razgorayutsya-strasti (date of access: 08.09.2019). — Text : electronic. — (In Rus.)

2. Grigoryan, E. Dynamics of Modern Language Situations / E. Grigoryan. — Text : unmediated // Russian speech. — 1996. — No. 2. — P. 46. [Dinamika sovremennykh yazykovykh situatsiy / E. Grigoryan. — Tekst : neposredstvennyy // Russkaya rech'. — 1996. — № 2. — S. 46]. — (In Rus.)

3. Gunaev, E. A. Ethnic Identification: Legal Aspects / E. A. Gunaev. — Text : unmediated // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. — 2013. — No. 2. — P. 81—85. [Etnicheskaya identifikatsiya: pravovye aspekty / E. A. Gunaev. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN. — 2013. — № 2. — S. 81—85]. — (In Rus.)

4. Samsonov, N. G. Russian Language in the CIS and Baltic Countries / N. G. Samsonov. — Text : unmediated // Bulletin of the North-Eastern Federal University. — 2006. — V. 3, No. 2. — P. 67—73. [Russkiy yazyk v stranakh SNG i Baltii / N. G. Samsonov — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta. — 2006. — T. 3, № 2. — S. 67—73]. — (In Rus.)

5. Chandler, David. The OSCE and the internationalisation of national minority rights / David Chandler. — Text : unmediated // Ethnicity and democratisation in the new Europe / Karl Cordell (ed). — London : Routledge, 1999.

6. Chinn, J. The question of citizenship in the Baltics / Jeff Chinn, Lise A. Truex. — Text : unmediated // Journal of Democracy. — 1996. — No 7 (1). — P. 133—147.

7. Cooper, R. Language planning and social change / R. Cooper. — Cambridge : Cambridge University Press, 1989. — Text : unmediated.

8. Deets, T. Reconsidering East European minority policy: Liberal theory and European norms / Timothy Deets. — Text : unmediated // East European Politics and Societies. — 2002. — No 16 (1). — P. 30—54.

9. Druviete, I. Linguistic human rights in the Baltic States / Ina Druviete. — Text : unmediated // International Journal of the Sociology of Language. — 1997. — No. 127. — P. 161—186.

10. European Commission. Regular report on Estonia's progress towards accession / European Commission. — Brussels : Commission of the European Communities, 2002. — URL: http://europa.eu.int/comm/ enlargement/report2002/ee_en.pdf. — Text : electronic.

11. Hogan-Brun, G. Language politics and practices in the Baltic States / G. Hogan-Brun, U. Ozolins, M. Ramonienė, M. Rannut // Language Planning and Policy in Europe / R. Kaplan, R. Baldauf, Jr. (eds.). — Clevedon, UK : Multilingual Matters Ltd., 2008. — Vol. 3 : The Baltic States, Italy, and Ireland. — P. 31—192.

12. Hogan-Brun, Gabrielle & Ramonienė, Meilutė (2003). Emerging language and education policies in Lithuania. / Gabrielle Hogan-Brun, Meilutė Ramonienė. — Text : unmediated // Language Policy. — 2003. — No 2 (1). — P. 27—45.

13. Ozolins, U. Between Russian and European hegemony: current language policy in the Baltic States / U. Ozolins. — Text : unmediated // Current Issues in Language & Society. — 1999. — No 6. — P. 6—47.

14. Poleshchuk, V. Estonia, Latvia and the European commission: Changes in language regulation 1999—2001. Section 2, Article 2 / V. Poleshchuk. — URL: http://www.eumap.org/articles/content/40/402. — Text : electronic.

15. Siiner, M. Planning Language Practice: A Sociolinguistic Analysis of Language Policy in Post-Communist Estonia / M. Siiner. — Text : unmediated. — DOI 10.1007/s10993-006-9004-9 // Language Policy. — 2006. — No 5 (2). — P. 161—186.

УДК 811.581'23:811.581'27:811.581'33
ББК Ш171.1-006.23+Ш171.1-4 *ГСНТИ 16.21.29; 16.31.02* *Код ВАК 10.02.19; 10.02.21*
DOI

Хуан Тяньдэ
Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *tiande-88@yandex.ru.*

О возможности создания психолингвистического словаря китайских политических терминов

АННОТАЦИЯ. *В статье обсуждаются возможности создания психолингвистического словаря современных китайских политических терминов на основе ассоциативных экспериментов и семантической интерпретации их результатов. В настоящее время словари подобного типа создаются на материале русского языка (в 2018—2019 годах была опубликована серия «Психолингвистический толковый словарь русского языка»). Проанализированы семантические и функциональные свойства китайских политических терминов, выявлены их важнейшие особенности. Национально-специфичные китайские политические термины относятся к лексико-фразеологическому фонду, который отражает уникальную политическую систему КНР, особенности политической и культурной жизни Китая («一国两制 / Одна страна — две системы», «中国梦 / китайская мечта»). Представлен опыт психолингвистического исследования термина «一带一路 / Один пояс и один путь» в качестве конкретного материала для обсуждения концепции психолингвистического словаря политической терминологии. Отмечены достоинства и недостатки работы, нацеленной на создание данного словаря. Подобный словарь позволит вскрыть глубинную семантику терминов, уточнить содержание традиционных лексикографических источников, выявить культурные коннотации единиц, представить языковую картину политической жизни Китая и отразить динамику политического имиджа Китая. Названы и некоторые проблемы: отсутствует стандартный метод семантической интерпретации; вызывает трудности составление предложений с семантическими характеристиками, соответствующими значениям терминологических единиц.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая терминология; психолингвистические словари; языковое сознание; психолингвистика; политические термины; китайский язык; лексикография; ассоциативные эксперименты; метод семантической интерпретации.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Хуан Тяньдэ, кандидат филологических наук, научный сотрудник факультета русского языка Института европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; 510420, Китай, пров. Гуандун, пр-т Байюньдадао, 2; e-mail: tiande-88@yandex.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Хуан Тяньдэ.* О возможности создания психолингвистического словаря китайских политических терминов / Хуан Тяньдэ // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 248-254. — DOI XXXXXXXX.

БЛАГОДАРНОСТИ.
本文系中国国家社科基金项目《汉俄语言意识对比研究及联想数据库建设》(项目批准号：18BYY234)的阶段性成果, 2018-2022。Исследование выполнено при поддержке гранта Китайского гуманитарного научного фонда (КГНФ) «Сопоставительное исследование китайско-русского языкового сознания и создание ассоциативного тезауруса» (№ 18BYY234), 2018—2022.

1. ВВЕДЕНИЕ

Психолингвистические исследования занимают очень важное место как в российском, так и в мировом языкознании. Воронежской психолингвистической школой создан «Психолингвистический толковый словарь русского языка» (2018—2019). Проведение ассоциативных экспериментов и применение метода семантической интерпретации дают возможность выявить психологически реальные значения слов. Как отмечает И. А. Стернин, «выявление психологически реального значения слова экспериментальным путем, комплексом психолингвистических экспериментов со словом — наиболее эффективный и надежный путь установления психолингвистического значения» [Стернин 2010: 59].

И. А. Стернин разграничил лексикографические и психолингвистические значения, впервые представив опыт словаря нового типа — психолингвистического толкового словаря [Стернин 2010: 57—63; 2012: 174—183; 2016: 194—208]. М. С. Саломатина охарактеризовала проблемы и перспективы разработки основ психолингвистического толкового словаря и предложила методику психолингвистического описания значения слова [Саломатина 2011: 107—109]. А. В. Рудакова осуществила системное исследование теоретических и прикладных проблем психолингвистической лексикографии и рассмотрела возможности создания психолингвистических словарей русского языка [Рудакова 2014: 182; 2015: 138—141]. Указан-

© Хуан Тяньдэ, 2020

ные исследования сформировали прочную теоретическую базу для создания «Психолингвистического толкового словаря русского языка».

В результате восьмилетних теоретических исследований, сбора и анализа экспериментальных данных в 2018—2019 гг. была издана серия лексикографических работ: «Психолингвистический толковый словарь русского языка» (выпуски 1, 2, 3); «Собственные имена» (2018), выпуск 5 — «Автомобили» (2019), выпуск 6 — «Частотная лексика» (2019) и выпуск 8 — «Синонимы» (2019) [см.: Публикации Центра коммуникативных исследований ВГУ URL]. Данный словарь, основанный на ассоциативных экспериментах и семантических интерпретациях, содержит контексты с определенными семантическими характеристиками, позволяющие выявлять особенности психологически реальных значений слов, ассоциативных значений слов. Эти особенности отражают своеобразие языкового сознания носителей русского языка. Семантическая сторона данного словаря богаче, живее, интереснее и многообразнее, чем словарей традиционных. В целом можно утверждать, что теоретические основы «Психолингвистического толкового словаря русского языка» носят системный характер, методы связанных с его созданием исследований эффективны, а содержание и результаты этих исследований обладают высокой научной ценностью. К сожалению, до сих пор китайские ученые малознакомы с данным направлением, в Китае не создано подобного психолингвистического толкового словаря китайского языка. Цель настоящей статьи — определить принципиальные возможности создания «Психолингвистического словаря современных китайских политических терминов».

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

С момента начала политики реформ и открытости (1978) в Китае достигнуты большие успехи в сферах политики, экономики, культуры и др. Международный статус и международное влияние КНР продолжают расти. После XIX съезда Коммунистической партии Китая (2017) Центральный комитет во главе с Си Цзиньпином предложил новую политическую терминологию, обладающую китайской спецификой. Новые терминологические единицы вызвали широкий отклик в международном сообществе.

2.1. Понятие «политический термин с китайской спецификой»

Политические термины, обладающие китайской спецификой, относятся к лексико-фразеологическому фонду, который отражает уникальную политическую систему КНР, особенности политической и культурной жизни Китая. Как правило, данные единицы представлены в выступлениях государственных деятелей, программах и отчетах правительства, политических документах; они используются для выражения политических идей, взглядов, позиций, решений. Например: 一国两制 / *Одна страна — две системы*, 中国梦 / *китайская мечта*, 一带一路 / *Один пояс и один путь*, 小康社会 / *среднезажиточное общество*, 精准扶贫 / *оказание помощи нуждающимся*, 人类命运共同体 / *единая судьба человечества* и т. п. В 2018 г. в Шанхае официально запущена многоязычная платформа с материалами XIX съезда Коммунистической партии Китая [см.: Многоязычная платформа XIX съезда Коммунистической партии Китая URL]. Интернет-портал содержит китайские, английские, немецкие, русские, японские, французские, испанские, арабские и португальские текстовые данные. При помощи компьютера или мобильного телефона пользователь может ввести ключевые слова на любом из этих девяти языков и получить соответствующие фрагменты текстов на остальных восьми языках. Запуск этого многоязычного параллельного корпуса призван содействовать популяризации идей и решений XIX съезда КПК в стране и за рубежом, а также распространению новейших достижений марксизма в Китае.

2.2. Основные особенности китайских политических терминов

Яркая политическая окраска, выражение политических установок КНР. Новая политическая терминология отражает принципы и приоритеты политики страны на данном историческом этапе, некоторые термины отражают политические цели и установки КНР, что выделяет их в терминологическом фонде. Например, политический термин 钓鱼岛 можно перевести с китайского на русский только как «остров Дяоюйдао» (с китайского на английский — 钓鱼岛/ Diaoyu Island), других вариантов перевода нет. Это обусловлено необходимостью отчетливо обозначить китайскую политическую позицию в соответствующем территориальном споре между КНР и Японией.

Глубокие культурные коннотации. Председатель Си Цзиньпин выдвинул принцип 为政以德 / *заниматься политикой на основе нравственности*, содержащийся в древнекитайском трактате «Лунь юй»: «Правитель должен заниматься политикой исходя из нравственных ориентиров, чтобы за-

воевать сердца людей, кроме того, он должен заниматься самоанализом, усиливать самодисциплину, совершенствовать свой нравственный облик, чтобы влиять на людей и воспитывать их».

Широкий охват внеязыковой действительности. Китайская политическая терминология охватывает широкий круг феноменов, отражает все аспекты общественно-политической жизни современного Китая, показывает динамично развивающийся имидж страны. Политические термины в отчете XIX съезда КПК называют реалии политической, экономической, военной, дипломатической, образовательной, культурной и других важнейших сфер жизни китайского общества. Например: 全面深化改革 / *всестороннее углубление реформ*, 精准扶贫 / *оказание помощи нуждающимся*, 军民融合 / *военно-гражданская интеграция*, 人类命运共同体 / *единая судьба человечества*, 双一流 / *двойное первоклассное положение* (об университетах), 文化软实力 / *мягкая сила культуры*. Различные стороны уникальной политической системы Китая были охарактеризованы с применением этих терминов, что дало соответствующий политический эффект.

Четкое ощущение времени. Немецкий лингвист В. фон Гумбольдт указывал, что «благодаря словообразовательной способности, язык может непрерывно генерироваться и восстанавливаться» [Гумбольдт 2011]. Китайский ученый Хуан Вэй полагает, что «политический термин также следует универсальному закону развития языка. Новый политический термин всегда следует за изменяющейся ситуацией в стране и за рубежом и сопровождается полной реализацией стратегии управления страной и политических идей правителей» [Хуан Вэй 2017]. Отчет XIX съезда КПК отражает тенденции времени и отвечает ожиданиям людей, в нем содержится целый ряд политических терминов, образно характеризующих социально-политические реалии новой эпохи, например, выражения 打虎 / *бить тигров*, 拍蝇 / *хлопать мух*, 猎狐 / *охотиться на лис* связаны с мерами антикоррупционной политики; 同呼吸 / *дышать с народом одним дыханием*, 共命运 / *делить с ним одну судьбу*, 心连心 / *жить одними думами* показывают стиль управления большой страной и выражают древнюю мудрость. Все данные термины при этом политически актуальны, злободневны, несут четкий отпечаток нынешнего времени.

Лаконичность, обобщенность и эстетическая привлекательность. В китайской политической терминологии широко представлены аббревиатуры. Они передают значительные объемы политической информации и являются современными лингвистическими средствами. Аббревиация способствует структурному упрощению сегментов политических текстов, слова-аббревиатуры обозначают определенные компоненты политических концепций. При этом сокращения связаны и с эстетическим аспектом текста: с древних времен китайцы обращали внимание на целое, не упуская из вида детали. Например, выражение 三严三实 / *три строгости и три честности* — лаконичное обобщенное представление этического принципа «строгое самосовершенствование, строгое применение власти и строгая самодисциплина; честность в планировании дела, честность в созидательной работе и честность в обращении с людьми». Кроме того, в сокращениях проявляется также стремление к «сбалансированной красоте», свойственное традиционной китайской эстетике («форма лаконичная, значение глубокое»).

3. СОЗДАНИЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ КИТАЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Политический термин 一带一路 / Один пояс и один путь, введенный в международное обращение в 2010-х гг. руководством Китайской Народной Республики, стал названием геополитической и геоэкономической инициативы КНР по объединению проектов «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Данное выражение впервые было употреблено Председателем КНР Си Цзиньпином в ходе его визитов в Казахстан и Индонезию осенью 2013 г. (подробнее об этом см.: [Один пояс и один путь // Википедия]). Мы выбрали этот термин для проведения ассоциативного эксперимента в целях уточнения возможностей создания психолингвистических словарей китайских политических терминов.

3.1. Ассоциативный эксперимент

Цель. Целью исследования является выявление современных китайских политических терминов, что призвано способствовать повышению качества перевода с китайского на иностранные языки. Говорящие на них смогут более точно понимать китайские политические термины, благодаря чему будут лучше представлять себе китайскую общеполитическую ситуацию. Исследование находится в русле работ, содействующих распространению китайской культуры в мире и — в конечном счете — превращению ее в одну из глобальных культур.

Таблица. Ассоциативное поле термина «一带一路 / Один пояс и один путь» (2019)

经济/ *экономика* **3;** 习近平 / *Си Цзиньпин*; 合作共赢 / взаимовыгодное сотрудничество; 丝绸之路 / *Великий шёлковый путь*; 沙漠 / *пустыня*; 好 / *хорошо* **2**; 起源于丝绸之路 / *восходить к Великому шёлковому пути*; 海上丝绸之路和丝绸之路 / *Морской Шёлковый пут и Великий шёлковый путь*; 丝绸 / *шёлк*; 沿线国家 / страны линии «пояса и пути»; 中国 / *Китай*; 俄罗斯 / *Россия*; 欧亚 / Евразия; 政策 / *политика*; 外交 / *дипломатия*; 战略 / *стратегия*; 国家政策 / *государственная политика*; 长远 / *перспективный*; 很长 / *далёкий*; 历史悠久 / *иметь долгую историю*; 一代人的长征路 / *Великий поход одного поколения*; 中外经贸交流的桥梁 / *мост внешней торговли между Китаем и Западом*; 沟通中西 / *связи между Китаем и Западом*; 很多国家合作 / *сотрудничество со многими странами*; 商业带 / *торговая зона*; 开发 / *развивать*; 经济发展 / *развитие экономики*; 经济协调发展 / *скоординированное развитие экономики*; 推动中亚地区发展 / *способствовать развитию Центральной Азии*; 共同发展 / *совместное развитие*; 共同 / *совместность*; 互利共赢 / *взаимная выгода и взаимный выигрыш*; 全球共荣 / *глобальное процветание*; 引领世界 / *мировой лидер*; 展现中国志向 / *показать намерения Китая*; 国际包容开放 / *международная открытость*; 多元开放 / *множественная открытость*; 包容的 / *толерантно*; 可爱 / *привлекательность*; 宏伟 / *величественность*; 创新 / *новация*; 创造性 / *созидательность*; One Belt One Road **1;** 50 + 6 + 35 + 0.

Испытуемые. Студенчество — та часть молодежи, которая получает образование в колледжах и университетах; в определенном смысле можно считать его эталонной группой для проведения исследования. В свободном ассоциативном эксперименте (САЭ) приняли участие 50 испытуемых — студенты Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (КНР), в том числе 10 мужчин и 40 женщин. Подавляющее большинство испытуемых — студенты бакалавриата (90 % от общего числа), остальные — магистранты.

Материал. Материал исследования составили данные анкетирования в рамках САЭ. В качестве единицы-стимула использовалось выражение 一带一路 / *Один пояс и один путь*.

Метод и ход исследования. Был применен метод свободного ассоциативного эксперимента, проводившегося путем письменного анкетирования в учебной аудитории. Экспериментатор объяснял испытуемым цель, задачи, требования и метод проведения исследования. От испытуемых требовалось по прочтении выражения-стимула написать первую пришедшую на ум реакцию. Допускалось реагировать отдельным словом любой части речи, словосочетанием или предложением. На запись реакции отводилось не более 10 секунд. Одному стимулу должна была соответствовать одна реакция. Эксперимент был проведен в мае 2019 года, всего было заполнено 50 анкет, все они были признаны валидными.

Результаты. В целях получения наглядных и объективных результатов собранные данные были статистически обработаны с помощью программы Microsoft Excel 97-2003 (см. таблицу).

В таблице цифра после слова — частотность реакции; в последовательности «50 + 6 + 35 + 0» 50 — общее число реакций, 6 — показатель частотности реакций, встретившихся больше двух раз, 35 — показатель частотности единичных реакций, 0 — показатель отсутствия реакции.

3.2. Семантическая интерпретация и модель словаря

Анализ данного ассоциативного поля методом семантической интерпретации позволяет выделить различные семантические связи между его компонентами и на этой основе разработать модель статьи психолингвистического словаря современных китайских политических терминов. Приведем пробную статью такого психолингвистического словаря для выражения 一带一路 / *Один пояс и один путь*:

经济 / экономика 15 (经济 / *экономика* **3**; 中外经贸交流的桥梁 / *мост внешней торговли между Китаем и Западом*; 沟通中西 / *связи между Китаем и Западом*; 很多国家合作 / *сотрудничество во многих странах*; 商业带 / *торговая зона*; 开发 / *развивать*; 经济发展 / *развитие экономики*; 经济协调发展 / *скоординированное развитие экономики*; 推动中亚地区发展 / *способствовать развитию Центральной Азии*; 共同发展 / *совместное развитие*; 共同 / *совместность*; 互利共赢 / *взаимная выгода и взаимный выигрыш*; 全球共荣 / *глобальное процветание* 1).

Пример: “一带一路”促进全球经济可持续发展 / «„Один пояс и один путь“ способствует устойчивому развитию мировой экономики».

好 / **хорошо 11** (好 / *хорошо* **2**; 展现中国志向 / *показать намерения Китая*; 国际包容开放 / *международная открытость*; 引领世界 / *мировой лидер*; 多元开放 / *множественная открытость*; 包容的 / *толерантно*; 可爱 / *привлекательность*; 宏伟 / *величественность*; 创新 / *новация*; 创造性 / *созидательность* 1).

Пример: “一带一路”建设是一个多元开放的合作过程 / «Строительство „Одного пояса и одного пути“ — открытый во всех отношениях процесс сотрудничества».

合作共赢 / **взаимовыгодное сотрудничество 9** (合作共赢 / *взаимовыгодное сотрудничество* **2** ; 很多国家合作 / *сотрудничество во многих странах*; 共同发展 / *совместное развитие*; 互利共赢 / *взаимная выгода и взаимный выигрыш*; 全球共荣 / *глобальное процветание*; 推动中亚地区发展 / *способствовать развитию Центральной Азии*; 共同 / *совместность*; 沟通中西 / *связи между Китаем и Западом*).

Пример: 中外共建“一带一路”，主要体现在合作的基础上实现共赢 / «Китай и зарубежные страны совместно строят „Один пояс и один путь“, что находит отражение главным образом в получении взаимной выгоды на основе сотрудничества».

丝绸之路 / **Великий шёлковый путь 8** (丝绸之路 / *Великий шёлковый путь* **2**; 起源于丝绸之路 / *восходить к Великому шёлковому пути*; 海上丝绸之路和丝绸之路 / *Морской Шёлковый путь и Великий шёлковый путь*; 丝绸 / *шёлк*; 沙漠 / *пустыня*; 沟通中西 / *связи между Китаем и Западом*).

Пример: “一带一路”借用古代丝绸之路的历史符号 / «„Один пояс и один путь“ — использование исторических символов древнего Шёлкового пути».

政策 / **Политика 6** (习近平 / *Си Цзиньпин*; 政策 / *политика*; 外交 / *дипломатия*; 战略 / *стратегия*; 国家政策 / *государственная политика* 1).

Пример: 2013年9月7日，习近平在出访中亚国家期间，首次提出共建“丝绸之路经济带” / «7 сентября 2013 года в ходе визитов в страны Центральной Азии Си Цзиньпин впервые предложил совместно построить „Экономический пояс Шелкового пути“».

沿线国家 / **страны линии «пояса и пути» 5** (沿线国家 / *страны линии «пояса и пути»*; 中国 / *Китай*; 俄罗斯 / *Россия*; 欧亚 / *Евразия*; 沟通中西 / *связи между Китаем и Западом* 1).

Пример: “一带一路”战略可为沿线国家和地区带去新的合作机遇和发展前景 / «Стратегия „Один пояс и один путь“ может обеспечить странам линии „пояса и пути“ новые возможности сотрудничества и перспективы развития».

长远 / **перспективный 4** (长远 / *перспективный*; 很长 / *далёкий*; 历史悠久 / *иметь долгую историю*; 一代人的长征路 / *Великий поход одного поколения* 1).

Пример: “一带一路”倡议具有长远视野 / «Инициатива „Один пояс и один путь“ носит долгосрочный характер».

Не актуально: One Belt One Road **1**.

Подобный психолингвистический словарь современных китайских политических терминов пока не создан. Однако, как нам представляется, обсуждаемый вариант данного словаря будет теоретически значим и практически полезен по следующим причинам.

1. Словарь поможет описать и проанализировать глубинные слои семантики политических терминов, выявить их компоненты.
2. На основе анализа материала китайские и изучающие китайский язык иностранные студенты в полной мере овладеют политическими терминами.
3. Словарь будет способствовать пониманию культурных коннотаций этих терминов.
4. Поскольку китайская политическая терминология касается разных политически значимых явлений, она участвует в создании языковой картины политической жизни Китая.
5. Вследствие исторически обусловленных семантических изменений политическая терминология может отразить динамичный политический имидж Китая. Как указывает И. А. Стернин, словарь рассматриваемого типа «дает возможность реально представить языковое сознание народа, объяснить направления возможного семантического развития слова, выявить возможности его восприятия в контекстах разных типов, объяснить особенности его контекстуальной реализации, конкретно и наглядно представить особенности отражения в слове социальной действительности и национального менталитета» [Стернин 2010: 62—63].

В процессе разработки проблематики, связанной с созданием таких словарей, возникают следующие принципиальные трудности.

1. Отсутствует единый тип семантической характеристики термина, способ семантической интерпретации зависит от конкретного термина; нужно создать исследовательскую группу для обсуждения проблем семантической интерпретации терминологии.

2. Процессы выбора испытуемых, проведения экспериментов, семантической интерпретации их результатов и словарной презентации полученных данных требуют значительного времени.

3. Наиболее сложная задача — составление предложений, семантически соответствующих терминам. При этом необходимо учитывать, во-первых, семантические характеристики предложения, во-вторых, степень его структурной сложности.

4. ВЫВОДЫ

В настоящей статье предпринята попытка определить возможности создания психолингвистического словаря современных китайских политических терминов на основе ассоциативного эксперимента и семантической интерпретации. На наш взгляд, предлагаемая идея психолингвистического словаря имеет реальные перспективы: такой поход к изучению политической терминологии дает возможность вскрыть глубинную семантику единиц, способствует «наталкиванию» на их понимание, выявлению их психологически реальных значений — значений, сформировавшихся в сознании отдельного носителя языка, группы, этноса в целом в определенный период их существования. Результаты обсуждаемого психолингвистического исследования могут быть полезны для изучения китайского языка иноговорящими и для традиционной лексикографии. Таким образом, данное научное направление, развивающееся на стыке психолингвистики и политической лингвистики, обладает как теоретической, так и прикладной ценностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода / В. фон Гумбольдт. — Пекин : Коммерческая пресса, 2011. — С. 86—93. = 洪堡特. 论人类语言结构的差异及其对人类精神发展的影响 // 北京：商务印书馆，2011. С. 86—93. — Текст : непосредственный.

2. Многоязычная платформа XIX съезда Коммунистической партии Китая. — URL: http://document.shisu.edu.cn/home/ (дата обращения: 25.07.2019). — Текст : электронный.

3. Один пояс и один путь // Википедия. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Один_пояс_и_один_путь (дата обращения: 16.07.2019). — Текст : электронный.

4. Публикации Центра коммуникативных исследований ВГУ. — URL: https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/digest.html (дата обращения: 01.07.2019). — Текст : электронный.

5. Рудакова, А. В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии : моногр. / А. В. Рудакова. — Воронеж : Истоки, 2014. — 184 с. — Текст : непосредственный.

6. Рудакова, А. В. О возможностях создания психолингвистических словарей русского языка / А. В. Рудакова. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 10 (52). — С. 138—141.

7. Рудакова, А. В. Психолингвистический толковый словарь русского языка / А. В. Рудакова, С. В. Коваленко, И. А. Стернин. — Воронеж : РИТМ, 2018. — Вып. 1 : Собственные имена. — 134 с. — Текст : непосредственный.

8. Рудакова, А. В. Психолингвистический толковый словарь русского языка / А. В. Рудакова, С. В. Коваленко, И. А. Стернин. — Воронеж : РИТМ, 2018. — Вып. 2 : Антропонимы. — 127 с. — Текст : непосредственный.

9. Рудакова, А. В. Психолингвистический толковый словарь русского языка / А. В. Рудакова, С. В. Коваленко, И. А. Стернин. — Воронеж : РИТМ, 2018. — Вып. 3 : Антропонимы. — 107 с. — Текст : непосредственный.

10. Саломатина, М. С. От ассоциативного эксперимента к психолингвистическому толковому словарю: перспективы и трудности / М. С. Саломатина. — Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». — 2011. — № 2 (54). — С. 107—109.

11. Стернин, И. А. К разработке психолингвистического толкового словаря / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. — 2010. — № 2 (12). — С. 57—63. — Текст : непосредственный.

12. Стернин, И. А. Проблемы создания психолингвистического толкового словаря русского языка / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. — Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. — 2012. — № 2 (16). — С. 174—183.

13. Стернин, И. А. Психолингвистический эксперимент и описание семантики слова / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. — Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. — 2016. — № 1 (27). — С. 194—208.

14. Стернин, И. А. Психолингвистический толковый словарь русского языка / И. А. Стернин, Э. В. Шаламова. — Воронеж : РИТМ, 2019. — Вып. 5 : Наименования автомобилей. — 33 с.

15. Хуан, Вэй. Исследование языковых характеристик китайских политических терминов и стратегий их перевода на английский язык / Хуан Вэй. — Текст : непосредственный // Вестник Чунцинского технологического университета. Серия «Социальная наука». — 2017. — № 3. — С. 119—124. = 黄蔷.中国政治术语的语言特征及英译策略研究 // 重庆理工大学学报（社会科学），2017. № 3. С. 119—124.

16. Чэнь, Ланьлань. Анализ перевода новой китайской политической лексики в эпоху мобильного интернета / Чэнь Ланьлань. — Текст : непосредственный // Вестник Хубэйского заочного университета. — 2018. — № 5. — С. 167—171. = 陈兰兰. 移动互联网时代汉语政治新词汇的 翻译探析 // 湖北函授大学学报. 2018. № 5. С. 167—171.

Huang Tiande
Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *tiande-88@yandex.ru.*

On the Possibilities of Creating a Psycholinguistic Dictionary of Chinese Political Terms

ABSTRACT. *The article discusses the conditions for the creation of a psycholinguistic dictionary of modern Chinese political terms on the basis of associative experiments and semantic interpretation of their results. At present, such dictionaries are being compiled on the material of the Russian language (in 2018-2019, a series of "Psycholinguistic Russian Explan-*

atory Dictionary" was published). The article analyzes the semantic and functional properties of Chinese political terms and reveals their most significant peculiarities. The national-specific Chinese political terms refer to the lexico-phraseological corpus which reflects the unique political system of the PRC, especially the peculiarities of the political and cultural life of China («一国两制 / One country, two systems», «中国梦 / the Chinese dream»). The author describes the experience of a psycholinguistic study of the term «一带一路 / One belt – one road» as concrete material for discussion of the concept of the psycholinguistic dictionary of political terms. The article highlights the advantages and the disadvantages of the work aimed at creation of the given dictionary. Such a dictionary can reveal the deep semantics of the terms, specify the meaning of the traditional Chinese lexicographic sources, explore the cultural connotations of the terminological units, represent the linguistic picture of the political life of China and reflect the dynamics of the political image of the country. The article also names certain problems: there is no standard method of semantic interpretation; there are difficulties with making up sentences with the semantic characteristics corresponding to the meanings of the terminological units.

KEYWORDS: *political terminology; psycholinguistic dictionaries; linguistic consciousness; psycholinguistics; political terms; Chinese; lexicography; associative experiments; method of semantic interpretation.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Huang Tiande, PhD in Philology, Research fellow of the Faculty of the Russian Language at the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.*

FOR CITATION: *Huang, Tiande.* On the Possibilities of Creating a Psycholinguistic Dictionary of Chinese Political Terms / Huang Tiande // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 248-254. — DOI.

ACKNOWLEDGMENTS. Research has been accomplished with financial support of the Chinese Humanitarian Science Foundation «A Comparative Study of the Chinese-Russian Linguistic Consciousness and Creation of the Associative Thesaurus» (№ 18BYY234), 2018—2022.

REFERENCES

1. Humboldt, V. von. About the Difference in the Structure of Human Languages and its Influence on the Spiritual Development of the Human Race / V. von Humboldt. — Beijing : Commercial Press, 2011. — P. 86—93. — Text : unmediated. — (In Chinese.)

2. Multilingual Platform of the XIX Congress of the Communist Party of China. [Mnogoyazychnaya platforma XIX s"ezda Kommunisticheskoy partii Kitaya]. — URL: http://document.shisu.edu.cn/home/ (date of access: 25.07.2019). — Text : electronic. — (In Rus.)

3. One Belt and One Way // Wikipedia. [Odin poyas i odin put' // Vikipediya]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Odin_poyas_i_odin_put' (date of access: 16.07.2019). — Text : electronic. — (In Rus.)

4. Publications of the Center for Communication Studies of Voronezh State University. [Publikatsii Tsentra kommunikativnykh issledovaniy VGU]. — URL: https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/digest.html (date of access: 01.07.2019). — Text : electronic. — (In Rus.)

5. Rudakova, A. V. Theoretical and Applied Problems of Psycholinguistic Lexicography : monograph / A. V. Rudakova. — Voronezh : Sources, 2014. — 184 p. — Text : unmediated. [Teoreticheskie i prikladnye problemy psikholingvisticheskoy leksikografii : monogr. / A. V. Rudakova. — Voronezh : Istoki, 2014. — 184 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

6. Rudakova, A. V. About the Possibilities of Creating Psycholinguistic Dictionaries of the Russian Language / A. V. Rudakova. — Text : unmediated // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. — 2015. — No. 10 (52). — P. 138—141. [O vozmozhnostyakh sozdaniya psikholingvisticheskikh slovarey russkogo yazyka / A. V. Rudakova. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — 2015. — № 10 (52). — S. 138—141]. — (In Rus.)

7. Rudakova, A. V. Psycholinguistic Dictionary of the Russian Language / A. V. Rudakova, S. V. Kovalenko, I. A. Sternin. — Voronezh : RHYTHM, 2018. — Issue 1 : Proper names. — 134 p. — Text : unmediated. [Psikholingvisticheskiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / A. V. Rudakova, S. V. Kovalenko, I. A. Sternin. — Voronezh : RITM, 2018. — Vyp. 1 : Sobstvennye imena. — 134 c. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

8. Rudakova, A. V. Psycholinguistic Dictionary of the Russian Language / A. V. Rudakova, S. V. Kovalenko, I. A. Sternin. — Voronezh : RHYTHM, 2018. — Issue 2: Anthroponyms. — 127 p. — Text : unmediated. [Psikholingvisticheskiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / A. V. Rudakova, S. V. Kovalenko, I. A. Sternin. — Voronezh : RITM, 2018. — Vyp. 2 : Antroponimy. — 127 c. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

9. Rudakova, A. V. Psycholinguistic Dictionary of the Russian Language / A. V. Rudakova, S. V. Kovalenko, I. A. Sternin. — Voronezh : RHYTHM, 2018. — Issue 3: Anthroponyms. — 107 p. — Text : unmediated. [Psikholingvisticheskiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / A. V. Rudakova, S. V. Kovalenko, I. A. Sternin. — Voronezh : RITM, 2018. — Vyp. 3 : Antroponimy. — 107 c. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

10. Salomatina, M. S. From an Associative Experiment to a Psycholinguistic Explanatory Dictionary: Prospects and Difficulties / M. S. Salomatina. — Text : unmediated // Bulletin of Voronezh State University. Series "Philology. Journalism". — 2011. — No. 2 (54). — P. 107—109. [Ot assotsiativnogo eksperimenta k psikholingvisticheskomu tolkovomu slovaryu: perspektivy i trudnosti / M. S. Salomatina. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya. Zhurnalistika». — 2011. — № 2 (54). — S. 107—109]. — (In Rus.)

11. Sternin, I. A. To the Development of a Psycholinguistic Explanatory Dictionary / I. A. Sternin // Questions of Psycholinguistics. — 2010. — No. 2 (12). — P. 57—63. — Text : unmediated. [K razrabotke psikholingvisticheskogo tolkovogo slovarya / I. A. Sternin // Voprosy psikholingvistiki. — 2010. — № 2 (12). — S. 57—63. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

12. Sternin, I. A. Problems of Creating a Psycholinguistic Explanatory Dictionary of the Russian Language / I. A. Sternin, A. V. Rudakova. — Text : unmediated // Questions of Psycholinguistics. — 2012. — No. 2 (16). — P. 174—183. [Problemy sozdaniya psikholingvisticheskogo tolkovogo slovarya russkogo yazyka / I. A. Sternin, A. V. Rudakova. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy psikholingvistiki. — 2012. — № 2 (16). — S. 174—183]. — (In Rus.)

13. Sternin, I. A. Psycholinguistic Experiment and Description of the Semantics of the Word / I. A. Sternin, A. V. Rudakova. — Text : unmediated // Questions of Psycholinguistics. — 2016. — No. 1 (27). — P. 194—208. [Psikholingvisticheskiy eksperiment i opisanie semantiki slova / I. A. Sternin, A. V. Rudakova. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy psikholingvistiki. — 2016. — № 1 (27). — S. 194—208]. — (In Rus.)

14. Sternin, I. A. Psycholinguistic Dictionary of the Russian Language / I. A. Sternin, E. V. Shalamova. — Voronezh : RHYTHM, 2019. — Issue 5: Names of cars. — 33 p. [Psikholingvisticheskiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / I. A. Sternin, E. V. Shalamova. — Voronezh : RITM, 2019. — Vyp. 5 : Naimenovaniya avtomobiley. — 33 c.]. — (In Rus.)

15. Huang, Wei. Study of the Linguistic Characteristics of Chinese Political Terms and Strategies for their Translation into English / Huang Wei. — Text : unmediated // Bulletin of the Chongqing University of Technology. Series "Social Science". — 2017. — No. 3. — P. 119—124. — (In Chinese.)

16. Chen, lanlan. Analysis of the Translation of New Chinese Political Vocabulary in the Era of Mobile Internet / Chen Lanlan. — Text : unmediated // Bulletin of the Hubei Correspondence University. — 2018. — No. 5. — (In Chinese.)

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'27
ББК Ш106.23 *ГСНТИ 16.01.09* *Код ВАК 10.02.01, 10.02.19*
DOI

К. Х. Рахимжанов
Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина, Нур-Султан, Казахстан
ORCID ID: 0000-0001-7777-7297 ☑

М. К. Акошева
Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина, Нур-Султан, Казахстан
ORCID ID: 0000-0001-8393-309X ☑

☑ ***E-mail:*** *kanatzhan57@mail.ru; akmar2809@mail.ru.*

Персоналии в науке: к 60-летию профессора З. К. Темиргазиной

АННОТАЦИЯ. *В статье представлен краткий анализ научной деятельности, обзор основных трудов доктора филологических наук, профессора З. К. Темиргазиной. Описан ее вклад в изучение категории оценки, семантического синтаксиса, теории речевой коммуникации, освещены результаты в области исследования языкового манипулирования в политическом дискурсе, гендерных аспектов языка. Показана ее роль в формировании на протяжении двух десятилетий лингвоаксиологической научной школы в Казахстане. Кроме теоретических проблем, ученый занимается и прикладными задачами языкознания, в частности, внедрением полиязычного образования в средних школах Казахстана, развитием функциональной грамотности учащихся средствами русского языка. В работах, посвященных изучению второго языка, автор уделяет особое внимание вопросам формирования лингвокультурологической компетенции, национальной идентичности, влияния языка-доминанты в языковой компетенции транслингва на фонетическую систему второго языка и другим аспектам. Целый ряд работ профессора посвящен любимому предмету изучения и преподавания — синтаксису современного русского языка, в которых автор раскрывает механизмы смыслового и поверхностного синтаксирования в процессе порождения высказываний, обращает внимание на использование функционально-семантического подхода в преподавании этого раздела языкана, семантический и прагматический аспекты предложений.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *лингвоаксиология; научные школы; политический дискурс; гендерная лингвистика; научная деятельность; научные исследования; политическая лингвистика.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Рахимжанов Канат Хисматович, кандидат филологических наук, доцент кафедры казахского и русского языков, Гуманитарный факультет, Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина; 010011, Казахстан, г. Нур-Султан, пр-т Женис, 62; e-mail: kanatzhan57@mail.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Акошева Маржан Касымовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры казахского и русского языков, Гуманитарный факультет, Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина; 010011, Казахстан, г. Нур-Султан, пр-т Женис, 62; e-mail: akmar2809@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Рахимжанов, К. Х.* Персоналии в науке: к 60-летию профессора З. К. Темиргазиной / К. Х. Рахимжанов, М. К. Акошева // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 255-261. — DOIXXXXXXXXXXXXXX.

2020 год — юбилейный для профессора Зифы Какбаевны Темиргазиной, и, как всегда, год для нее полон новых идей, новых научных планов.

Профессор Темиргазина — известный казахстанский ученый-русист, внесший вклад в современное языкознание своими разработками в области категории оценки, семантического синтаксиса, речевой коммуникации.

Путь в науку для З. К. Темиргазиной, окончившей филологический факультет Павлодарского педагогического института, не был простым, но ее решение посвятить себя языкознанию было продуманным и осознанным, в полной мере отвечало ее интересу к науке, ее солидной лингвистической эрудиции, критическому складу ума, незаурядным исследовательским способностям, постоянному стремлению к профессиональному самосовершенствованию.

Свою педагогическую деятельность З. К. Темиргазина начала в сельской школе Павлодарской области, в систему вузовского преподавания пришла в 1987 г., начинала с должности преподавателя кафедры русского языка Павлодарского пединститута и прошла нелегкий путь от ассистента до профессора.

С 1990 г. З. К. Темиргазина обучалась в аспирантуре при КазПИ им. Абая в г. Алматы (Алма-Ата) и в 1993 г. досрочно защитила кандидатскую диссертацию по функциональному синтаксису на тему «Конструктивные свойства предложно-падежной словоформы «с+твор.п.» как компонента предложения в современном русском языке», а в 1999 г. — докторскую диссертацию «Оценочные высказывания в современном рус-

© Рахимжанов К. Х., Акошева М. К., 2020

ском языке». Научным консультантом докторской диссертации была Татьяна Андреевна Колосова (Новосибирский государственный университет), выдающийся синтаксист, автор трудов по теории семантического синтаксиса. Докторская диссертация З. К. Темиргазиной, наряду с трудами таких лингвистов, как Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, Н. А. Лукьянова, способствовала выделению лингвистической аксиологии в самостоятельное научное направление. В дальнейшем аксиологическая лингвистика как исследовательский подход стала применяться в рамках этнолингвистики, лингвокультурологии, политической лингвистики, при анализе социального дискурса. Профессора Темиргазину по праву можно считать одним из основателей лингвистической аксиологии как отдельной научной дисциплины в отечественной и российской науке. «Ценностный подход — основополагающий в изучении взаимосвязи языка и культуры; а своеобразие аксиологической системы определяет специфику культуры, описание которой проводится с помощью анализа свободной и текстовой сочетаемости слов, их ассоциативных связей на материале представительного корпуса текстов и др. Именно в русле этого интересного и актуального лингвистического направления написана …коллекция избранных работ известного казахстанского ученого доктора филологических наук профессора З. К. Темиргазиной, научного руководителя Павлодарской лингвоаксиологической школы», — так пишет о двухтомнике ученого «Избранные работы по лингвистике» [Темиргазина 2010] профессор Е. А. Красина, оценивая этот труд как «многоаспектное объективированное исследование, масштабность и фундаментальность которого вполне очевидны» [Красина 2013: 117]. Российский исследователь обращает внимание на научную новизну монографии: «На сегодняшний день существует немало работ, посвященных изучению оценки как самостоятельной категории языка. Однако данная публикация выделяется из общего ряда, поскольку автор сосредоточил внимание не на описании средств и способов выражения оценочности на лексическом, фразеологическом или словообразовательном уровнях, уже достаточно … изученных, а на рассмотрении оценочной семантики в синтаксическом строе языка, посвятив свое монографическое исследование анализу семантико-прагматического плана оценочных предложений современного русского языка» [Красина 2013: 118]. Следует отметить, что не менее значим и второй том «Лингвистическая аксиология. Прагматика. Психолингвистика», в котором представлены другие работы лингвоаксиологического направления, а также труды по отдельным аспектам лингвопрагматики и психолингвистики.

Научная и педагогическая деятельность З. К. Темиргазиной тесно связана с Павлодарским государственным педагогическим университетом. Именно здесь, в Павлодаре, сложился коллектив молодых преподавателей и студентов, который в скором будущем вырос в научную школу лингвоаксиологии и прагматики. Зифа Какбаевна и ее ученики за время существования школы реализовали несколько исследовательских грантовых проектов, опубликовали более 1000 научных трудов. Под ее научным руководством подготовлено 20 кандидатских диссертаций, 1 докторская, из них 10 диссертаций защищены в российских вузах: Уральском государственном педагогическом университете, Тюменском государственном университете, Тобольской педагогической академии. В настоящее время ученики профессора — кандидаты и доктора наук, доктора PhD — трудятся в разных уголках страны и за ее пределами, продолжая развивать основные научные идеи своего наставника. «Темиргазинская» лингвоаксиологическая школа обогатила казахстанскую и зарубежную лингвистику работами не только в области аксиологии, но и в области общей и контрастивной семантики и прагматики, концептологии, межкультурной коммуникации.

Профессор Темиргазина — автор 230 научных работ, среди которых 6 монографий, 10 учебных пособий, электронные учебники, двухтомное собрание научных трудов. А четыре учебных пособия, справедливо получивших статус «классических», — «Образ человека в русской ценностной картине мира» [Темиргазина 2002], «Современные лингвистические теории в отечественной и зарубежной лингвистике» [Темиргазина 2009], «Оценочные высказывания в современном русском языке» [Темиргазина 1999а], «Лингвоэстетическая оценка внешнего облика человека в русской и казахской картинах мира» [Темиргазина, Каирова 2013] — переиздавались много раз, в том числе в 2015 г. в издательстве «Флинта».

Труды профессора отличаются блестящим стилем изложения, точностью и четкостью формулировок, строгой логикой, прекрасным научным слогом, тонким владением научно-понятийным аппаратом и умением излагать просто и доступно сложнейшие теоретические вопросы современного языкознания. Они выходили в свет на 4 языках (русском, казахском, английском, немецком) во многих странах мира: России, Японии,

Украине, Словакии, Великобритании, Беларуси (Белоруссии), Индии, Болгарии, Германии, Польше, США и др. Профессор Темиргазина — один из самых цитируемых казахстанских лингвистов.

Она разрабатывает и читает сложнейшие теоретические курсы для магистрантов и докторантов: «Философия языка», «Семиотика», «Методология лингвистических исследований», «Лингвистическая прагматика», «Психолингвистика»; выступает в качестве приглашенного лектора в Российском университете дружбы народов (РФ, г. Москва), Витебском государственном университете им. П. Машерова (Республика Беларусь).

Фундаментальные исследования З. К. Темиргазиной получили высокую оценку российской лингвистической общественности в рецензиях и обзорах, написанных видными московскими учеными Е. А Красиной [Красина 2013], В. П. Синячкиным, Г. Т. Хухуни [Синячкин, Хухуни 2013].

В монографии «Лингвокультурная специфика концептуализации обонятельных и вкусовых ощущений в русской языковой картине мира (в сопоставлении с казахской и английской)» [Темиргазина 2014а] автор исследует лингвокультурные представления о вкусах и запахах, образующих отдельную концептуальную сферу знаний, полученных на основе сенсорно-перцептивного опыта людей, на который наслаиваются культурные стереотипы представителей определенной лингвокультуры. Содержательный компонент представлений человека о вкусе и запахе отражает культурное своеобразие их объективации в языке. В монографии наряду с когнитивным выделен и аксиологический аспект понятий вкуса и запаха как результатов оценочной категоризации.

Значительный вклад внесен ученым и в развитие гендерной лингвистики. В 2013 г. под ее редакцией была издана коллективная монография с международным авторским коллективом «Гендерная лингвистика», в которой рассматривается гендерный параметр человеческой личности, проявляющийся в языке, речи и коммуникации. Неоспоримыми достоинствами коллективного труда также являются разнообразие и тщательная изученность теоретических источников, ясность и четкость видения проблемы, богатейший иллюстративный материал, целостность осмысления и описания языковых аспектов в рамках гендерного подхода. Как отмечают В. П. Синячкин, Г. Т. Хухуни: «Обладая безусловной актуальностью, новизной, теоретической и практической значимостью, монография представляет собой значительный вклад в развитие гендерной лингвистики на всем постсоветском пространстве» [Синячкин, Хухуни 2013: 120].

Хотя основной спектр научных интересов ученого лежит в области теоретического языкознания — от категории оценки до речевой коммуникации, она в соответствии с потребностями времени занимается и прикладными проблемами, в первую очередь внедрением полиязычного образования в средних школах Казахстана. Под руководством З. К. Темиргазиной был выполнен ряд научно-исследовательских проектов, касающихся разработки электронных учебников по биологии на английском языке для средних школ с русским и казахским языками обучения. Теоретико-методологическое обоснование полиязычного образования представлено в работах ученого-педагога по лингводидактике, изданных за рубежом [Temirgazina, Khamitova, Kaparov, Abramova 2015; Temirgazina, Khamitova, Orazalinova 2016; Temirgazina, Bahtikireyeva, Sinyachkin, Akosheva 2016; Temirgazina, Bahtikireyeva, Sinyachkin 2017; Темиргазина 2017; Temirgazina, Akosheva, Shakaman, Shaharman, Kurmanova, Kairova 2019]. В них представлена научно-методическая концепция учебников для школ, внедряющих полиязычное образование, рассмотрены проблемы эквивалентного перевода биологической терминологии на казахском, русском, английском языках.

В работах, посвященных изучению второго языка, автор уделяет особое внимание вопросам формирования лингвокультурологической компетенции [Темиргазина 2001], национальной идентичности [Темиргазина 2005], влияния языка-доминанты в языковой компетенции транслингва на фонетическую систему второго языка [Темиргазина 2020] и др. По мнению профессора, «языки в процессах транскультурации и транслингвизма являются в определенной степени проницаемыми. На наш взгляд, это касается содержательных сторон языка и речи, которые способны к порождению новых дискурсов: лексики, грамматики, синтаксиса, словообразования. Фонетический уровень как строительный материал для содержательных единиц не должен быть задетым в процессе транслингвизма, ибо в этом случае речь уже не может идти о транслингвизме как непротивоборствующей тенденции в контактном сосуществовании двух языков и культур» [Темиргазина 2020: 41].

Целый ряд работ профессора посвящен любимому предмету изучения и преподавания — синтаксису современного русского языка, в которых автор раскрывает механизмы смыслового и поверхностного синтак-

сирования в процессе порождения высказываний [Темиргазина 1997], обращает внимание на использование функционально-семантического подхода в преподавании этого раздела языкознания [Темиргазина 1998а], семантический и прагматический аспекты предложений [Темиргазина 1999б]. Большим подспорьем в работе учителей-русистов и преподавателей вузов являются учебные пособия «Синтаксис осложненного предложения» [Темиргазина 1998б], «Синтаксический анализ словосочетания и предложения» [Темиргазина 2019а], «Сборник упражнений и заданий по формированию функциональной грамотности на уроках русского языка» [Темиргазина, Тимченко, Мелехова, Харламова 2016].

С 2002 г. по настоящее время З. К. Темиргазина — член различных диссертационных советов: в Евразийском национальном университете им. Л. Гумилева (г. Нур-Султан), в Северо-Казахстанском университете (г. Петропавловск), в Карагандинском государственном университете им. Букетова. В 2006—2007 гг. работала членом экспертного совета по филологии и искусствоведению Комитета по контролю в сфере образования и науки МОН РК.

В качестве члена международной редколлегии она участвует в работе авторитетных российских журналов, входящих в Перечень ВАК РФ: «Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика» (г. Москва), «Жанры речи» (Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского), «Неофилология» (Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина), а также казахстанского журнала «Вестник Карагандинского университета. Серия „Филология“», включенного в перечень изданий, рекомендованных Министерством образования и науки РК.

Она поддерживает регулярные научные связи с коллегами из Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург), из Российского университета дружбы народов, из Витебского государственного университета имени П. Машерова. Исследовательский интерес к проблемам политической коммуникации, политической лингвистики, в частности к способам и средствам языкового манипулирования в речи политиков и журналистов стал основой прочного научного сотрудничества ученого с екатеринбургской школой политической лингвистики и коммуникации, возглавляемой видным российским ученым, профессором А. П. Чудиновым. Зифа Какбаевна вместе со своими учениками принимает активное участие в ежегодных научных конференциях УрГПУ [Темиргазина 2013б; Темиргазина 2014б; Темиргазина 2016; Темиргазина, Акошева 2017; Темиргазина 2018; Темиргазина 2019б]. В диссертационном совете этого вуза под председательством А. П. Чудинова защитили в последние годы свои кандидатские диссертации ее ученики: Л. В. Фанакова, М. С. Бачурка, Ж. Омашева.

Плодотворная научная деятельность ученого-педагога по достоинству отмечена правительственными наградами — Указом Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева от 7 декабря 2010 г. она награждена медалью «Ерең еңбегі үшін» («За трудовое отличие»), нагрудным знаком Министерства образования и науки «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан» (2004), Почетными грамотами МОН РК (2000, 2018); в 2012 г. ей присуждены звание «Лучший преподаватель вуза» и грант МОН РК.

В 2018 г. Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) вручила ученому медаль А. С. Пушкина «За большие заслуги в распространении русского языка».

Говоря о профессоре Зифе Какбаевне, мы, ее ученики, в первую очередь вспоминаем доброжелательную атмосферу сотрудничества, сотворчества, которая царила на кафедре, на конференциях, многочисленных семинарах, на которых выступали приглашенные ею мэтры лингвистики: Г. Е. Крейдлин (г. Москва), Л. П. Дронова (г. Томск), У. М. Бахтикиреева (г. Москва), Н. Ж. Шаймерденова (г. Астана). И как приятно было слышать от них: «Так вы ученики профессора Темиргазиной?!» — и понимать, что это имя для нас как пропуск в любые двери в научном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гендерная лингвистика : коллективная монография / под ред. З. К. Темиргазиной. — Павлодар, 2013. — 584 с. — Текст : непосредственный.

2. Красина, Е. А. Рецензия на «Избранные работы по лингвистике» (в 2-х тт. — Павлодар, Издательство «ЭКО», 2010) З. К. Темиргазиной / Е. А. Красина. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2013. — № 3. — С. 115—119.

3. Синячкин, В. П. Рецензия на коллективную монографию «Гендерная лингвистика» (Павлодар, Издательство «ЭКО», 2010. 656 с.) / В. П. Синячкин, Г. Т. Хухуни. — Текст : непосредственный // Филологические науки. — Москва, 2013. — № 1. — С. 118—120.

4. Темиргазина, З. К. Механизмы смыслового и поверхностного синтаксирования в процессе порождения оценочных высказываний / З. К. Темиргазина. — Текст : непосредственный // Вестник КазГУ. Серия филологическая. — 1997. — № 15. — С. 101—105.

5. Темиргазина, З. К. Функционально-семантический подход в преподавании синтаксиса / З. К. Темиргазина. — Текст : непосредственный // Русский язык и литература в казахской школе. — 1998а. — № 1. — С. 19—24.

6. Темиргазина, З. К. Синтаксис осложненного предложения : учебно-методическое пособие / З. К. Темиргазина. — Павлодар, 1998б. — 42 с. — Текст : непосредственный.

7. Темиргазина, З. К. Оценочные высказывания в русском языке : монография / З. К. Темиргазина. — Павлодар, 1999а. — 272 с. — Текст : непосредственный.

8. Темиргазина, З. К. Семантический и прагматический аспекты предложений / З. К. Темиргазина. — Текст : непосредственный // Русистика в Казахстане: проблемы, традиции, перспективы. — Алматы : КазГУ, 1999б. — С. 155—157.

9. Темиргазина, З. К. Формирование лингвокультурологической компетенции студентов, изучающих второй язык / З. К. Темиргазина. — Текст : непосредственный // Материалы междунар. научн. конф. — Караганда, 2001. — Вып. 1. — С. 99—100.

10. Темиргазина, З. К. Образ человека в русской ценностной картине мира: спецкурс для магистрантов языковых специальностей : учебное пособие / З. К. Темиргазина. — Павлодар : ЭКО, 2002. — 92 с. — Текст : непосредственный.

11. Темиргазина, З. К. Современные лингвистические теории в отечественной и зарубежной лингвистике : учеб. пособие / З. К. Темиргазина. — Павлодар : НПФ «ЭКО», 2002. — 140 с. ; 3-е изд., доп. — Павлодар : ПГПИ, 2009. — 134 с. — Текст : непосредственный.

12. Темиргазина, З. К. Родной язык и национальная идентичность / З. К. Темиргазина. — Текст : непосредственный // Проблемы социальных и гуманитарных наук в современном образовательном пространстве : материалы междунар. научн. конф. — Павлодар, 2005. — С. 9—11.

13. Темиргазина, З. К. Избранные работы по лингвистике: в 2 т. Т. I. Лингвистическая аксиология. Оценочные высказывания в русском языке. — Павлодар : ЭКО, 2010. — 310 с.; Т. II. Лингвистическая аксиология. Прагматика. Психолингвистика. — Павлодар : ЭКО, 2010. — 338 с. — Текст : непосредственный.

14. Темиргазина, З. К. Лингвоэстетическая оценка внешнего облика человека в русской и казахской картинах мира / З. К. Темиргазина, М. К. Каирова. — Москва : Флинта, 2013а. — 220 с. — Текст : непосредственный.

15. Темиргазина, З. К. Некоторые приемы языкового манипулирования в современном казахстанском политическом дискурсе / З. К. Темиргазина. — Текст : непосредственный // Политическая коммуникация: материалы международной научной конференции / Урал. гос. пед. ун-т. —Екатеринбург, 2013б. — С. 325—331.

16. Темиргазина, З. К. Лингвокультурная специфика концептуализации обонятельных и вкусовых ощущений в русской языковой картине мира (в сопоставлении с казахской и английской) / З. К. Темиргазина. — Павлодар : ПГПУ, 2014а. — 114 с. — Текст : непосредственный.

17. Темиргазина, З. К. Новостной субдискурс как составная часть политического дискурса / З. К. Темиргазина. — Текст : непосредственный // Политическая коммуникация : материалы междунар. науч. конф. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014б. — С. 243—246.

18. Темиргазина, З. К. «Сны разума» в казахстанском политическом медиадискурсе / З. К. Темиргазина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 68—74.

19. Темиргазина, З. К. Сборник упражнений и заданий по формированию функциональной грамотности на уроках русского языка / З. К. Темиргазина, Т. М. Тимченко, Т. Д. Мелехова, Л. А. Харламова. — Павлодар : ПГПИ, 2016. — 64 с. — Текст : непосредственный.

20. Темиргазина, З. К. Когнитивно-языковое моделирование образа чужого в казахстанском медиадискурсе / З. К. Темиргазина, М. К. Акошева. — Текст : непосредственный // Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия : материалы междунар. науч.-практ. конф. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2017. — С. 178—180.

21. Темиргазина, З. К. Зооморфная модель метафоризации в русской и казахской зоологической терминологии / З. К. Темиргазина. — Текст : непосредственный // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. — 2017. — Т. 3. — № 1 (9). — С. 5—9.

22. Темиргазина, З. К. Манипулятивный потенциал метафорических моделей в казахстанском политическом дискурсе / З. К. Темиргазина. — Текст : непосредственный // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация : материалы междунар. науч. конф. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2018. — С. 254—257.

23. Темиргазина, З. К. Синтаксический анализ словосочетания и предложения : учебное пособие / З. К. Темиргазина. — Павлодар : ПГПУ, 2019а. — 142 с. — Текст : непосредственный.

24. Темиргазина, З. К. Модальные значения как эффективное средство языкового воздействия в речи политиков / З. К. Темиргазина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019б. — № 6 (78). — С. 44—50. — DOI 10.26170/pl19-06-05.

25. Темиргазина, З. К. Насколько далеко заходит процесс гибридизации языков в транслингвальной ситуации? / З. К. Темиргазина. — Текст : непосредственный // Полилингвальность и транскультурные практики. — 2020. — Т. 17. — № 1. — С. 39—44.

26. Temirgazina, Z. Scientific and methodological bases of creating electronic textbooks on Biology in the English language / Z. Temirgazina, G. Khamitova, C. Kaparov, A. Abramova. — Text : unmediated // Biosciences, Biotechnology Research Asia. — 2015. — Vol. 12. — N3.

27. Temirgazina, Z. Didactic Features Of a Learner's English-Russian Dictionary of Biology Development / Z. Temirgazina, G. Khamitova, K. Orazalinova. — Text : unmediated // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. — 2016. — 7 (2). — P. 317—326.

28. Temirgazina, Z. K. Cognitive Mechanism of Metaphorization in Zoological Terms / Z. K. Temirgazina, U. M. Bahtikireyeva, V. P. Sinyachkin, M. K. Akosheva. — Text : unmediated // American Journal of Applied Sciences. — 2016. — Vol. 13, Issue 12. — P. 1385—1393.

29. Temirgazina, Z. K. Artifacts as a source of russian and kazakh Zoological terms / Z. K. Temirgazina, U. M. Bahtikireyeva, V. P. Sinyachkin. — Text : unmediated // Information. — 2017. — Vol. 20, No.4 (A), April. — P. 2325—2336.

30. Temirgazina, Z. Metaphors in Anatomical Terminology / Z. Temirgazina, M. Akosheva, Y. Shakaman, A. Shaharman, Z. Kurmanova, M. Kairova. — Text : unmediated // Space and Culture, India. — 2019. — Vol. 7. — No. 1. — P. 143—153.

K. H. Rakhimzhanov
S. Seifullin Kazakh Agro Technical University, Nur-Sultan, Kazakhstan
ORCID ID: 0000-0001-7777-7297 ☑

M. K. Akosheva
S. Seifullin Kazakh Agro Technical University, Nur-Sultan, Kazakhstan
ORCID ID: 0000-0001-8393-309X ☑

☑ ***E-mail:*** *kanatzhan57@mail.ru; akmar2809@mail.ru.*

Personalities in Science: To the 60th Anniversary of the Birth of Professor Z. K. Temirgazina

ABSTRACT. *The article contains a brief analysis of scientific activity and an overview of the main scientific works of Doctor of Philology, Professor Z. K. Temirgazina. The article describes her contribution to the study of the category of evaluation, semantic syntax, and theory of speech communication and highlights the results in the field of investigation of linguis-*

tic manipulation in political discourse and gender-related aspects of language. The authors demonstrate her role in the formation of the linguoaxiological scientific school in Kazakhstan for over two decades. Apart from the theoretical issues, the scholar also deals with the applied tasks of linguistics, and specifically, with the implementation of multilinguistic education in the secondary schools of Kazakhstan and with the development of functional literacy of schoolchildren by means of the Russian language. In her works devoted to second language learning, the author pays special attention to the questions of formation of the linguoculturological competence, national identity, influence of the language-dominant on the phonetic system of the second language in the linguistic competence of the bilingual student and to other problems. A whole series of works focus on the favorite object of research and teaching – syntax of the modern Russian language, in which the author reveals the mechanisms of semantic and surface pattern formation in the process of utterance generation and turns his attention to the use of the functional-semantic approach in teaching this aspect of language and to the semantic and pragmatic aspects of the sentence.

KEYWORDS: *linguoaxiology; scientific schools; political discourse, gender linguistics; scientific activity; scientific research; political linguistics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Rakhimzhanov Kanat Khismatovich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Kazakh and Russian Languages, Faculty of Humanities, S. Seifullin Kazakh Agro Technical University, Nur-Sultan, Kazakhstan.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Akosheva Marzhan Kasymovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Kazakh and Russian Languages, Faculty of Humanities, S. Seifullin Kazakh Agro Technical University, Nur-Sultan, Kazakhstan.*

FOR CITATION: *Rakhimzhanov, K. H.* Personalities in Science: To the 60th Anniversary of the Birth of Professor Z. K. Temirgazina / K. H. Rakhimzhanov, M. K. Akosheva // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 255-261. — DOI.

REFERENCES

1. Gender Linguistics : Collective Monograph / ed. Z. K. Temirgazina. — Pavlodar, 2013. — 584 p. — Text : unmediated. [Gendernaya lingvistika : kollektivnaya monografiya / pod red. Z. K. Temirgazinoy. — Pavlodar, 2013. — 584 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

2. Krasina, E. A. Review of "Selected Works on Linguistics" (in 2 vols. — Pavlodar, EKO Publishing House, 2010) Z. K. Temirgazina / E. A. Krasina. — Text : unmediated // Bulletin of RUDN. Theory of Language. Semiotics. Semantics. — 2013. — No. 3. — P. 115—119. [Retsenziya na «Izbrannye raboty po lingvistike» (v 2-kh tt. — Pavlodar, Izdatel'stvo «EKO», 2010) Z. K. Temirgazinoy / E. A. Krasina. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik RUDN. Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. — 2013. — № 3. — S. 115—119]. — (In Rus.)

3. Sinyachkin, V. P. Review of the Collective Monograph "Gender Linguistics" (Pavlodar, Publishing House "EKO", 2010. 656 pp.) / V. P. Sinyachkin, G. T. Khukhuni. — Text : unmediated // Philological Sciences. — Moscow, 2013. — No. 1. — P. 118—120. [Retsenziya na kollektivnuyu monografiyu «Gendernaya lingvistika» (Pavlodar, Izdatel'stvo «EKO», 2010. 656 s.) / V. P. Sinyachkin, G. T. Khukhuni. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. — Moskva, 2013. — № 1. — S. 118—120]. — (In Rus.)

4. Temirgazina, Z. K. Mechanisms of Semantic and Superficial Syntaxing in the Process of Generating Evaluative Statements / Z. K. Temirgazina. — Text : unmediated // Bulletin of Kazakh State University. Philological Series. — 1997. — No. 15. — P. 101—105. [Mekhanizmy smyslovogo i poverkhnostnogo sintaksirovaniya v protsesse porozhdeniya otsenochnykh vyskazyvaniy / Z. K. Temirgazina. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik KazGU. Seriya filologicheskaya. — 1997. — № 15. — S. 101—105]. — (In Rus.)

5. Temirgazina, Z. K. Functional-semantic Approach in Teaching Syntax / Z. K. Temirgazina. — Text : unmediated // Russian Language and Literature in the Kazakh School. — 1998a. — No. 1. — P. 19—24. [Funktsional'no-semanticheskiy podkhod v prepodavanii sintaksisa / Z. K. Temirgazina. — Tekst : neposredstvennyy // Russkiy yazyk i literatura v kazakhskoy shkole. — 1998a. — № 1. — S. 19—24]. — (In Rus.)

6. Temirgazina, Z. K. Syntax of a Complicated Sentence: Teaching Aid / Z. K. Temirgazina. — Pavlodar, 1998b. — 42 p. — Text : unmediated. [Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya : uchebno-metodicheskoe posobie / Z. K. Temirgazina. — Pavlodar, 1998b. — 42 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

7. Temirgazina, Z. K. Evaluation Statements in Russian : monograph / Z. K. Temirgazina. — Pavlodar, 1999a. — 272 p. — Text : unmediated. [Otsenochnye vyskazyvaniya v russkom yazyke : monografiya / Z. K. Temirgazina. — Pavlodar, 1999a. — 272 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

8. Temirgazina, Z. K. Semantic and Pragmatic Aspects of Sentences / Z. K. Temirgazina. — Text : unmediated // Russian Studies in Kazakhstan: problems, traditions, prospects. — Almaty : KazGU, 1999b. — P. 155—157. [Semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty predlozheniy / Z. K. Temirgazina. — Tekst : neposredstvennyy // Rusistika v Kazakhstane: problemy, traditsii, perspektivy. — Almaty : KazGU, 1999b. — S. 155—157]. — (In Rus.)

9. Temirgazina, Z. K. Formation of Linguocultural Competence of Students Studying a Second Language / Z. K. Temirgazina. — Text : unmediated // Materials of the International scientific conf. — Karaganda, 2001. — Vol. 1. — P. 99—100. [Formirovanie lingvokul'turologicheskoy kompetentsii studentov, izuchayushchikh vtoroy yazyk / Z. K. Temirgazina. — Tekst : neposredstvennyy // Materialy mezhdunar. nauchn. konf. — Karaganda, 2001. — Vyp. 1. — S. 99—100]. — (In Rus.)

10. Temirgazina, Z. K. The Image of a Person in the Russian Value Picture of the World: a Special Course for Undergraduates in Language Specialties: a Training Manual / Z. K. Temirgazina. — Pavlodar : IVF, 2002. — 92 p. — Text : unmediated. [Obraz cheloveka v russkoy tsennostnoy kartine mira: spetskurs dlya magistrantov yazykovykh spetsial'nostey : uchebnoe posobie / Z. K. Temirgazina. — Pavlodar : EKO, 2002. — 92 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

11. Temirgazina, Z. K. Modern Linguistic Theories in Domestic and Foreign Linguistics : textbook / Z. K. Temirgazina. — Pavlodar : NPF ECO, 2002. — 140 p. ; 3rd ed., ext. — Pavlodar : PSPI, 2009. — 134 p. — Text : unmediated. [Sovremennye lingvisticheskie teorii v otechestvennoy i zarubezhnoy lingvistike : ucheb. posobie / Z. K. Temirgazina. — Pavlodar : NPF «EKO», 2002. — 140 s. ; 3-e izd., dop. — Pavlodar : PGPI, 2009. — 134 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

12. Temirgazina, Z. K. Native Language and National Identity / Z. K. Temirgazina. — Text : unmediated // Problems of social and human sciences in the modern educational space: materialsi of nternational scientific conf. — Pavlodar, 2005. — P. 9—11. [Rodnoy yazyk i natsional'naya identichnost' / Z. K. Temirgazina. — Tekst : neposredstvennyy // Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve : materialy mezhdunar. nauchn. konf. — Pavlodar, 2005. — S. 9—11]. — (In Rus.)

13. Temirgazina, Z. K. Selected Works on Linguistics: in 2 Volumes T. I. Linguistic Axiology. Evaluation Statements in Russian. — Pavlodar : IVF, 2010. — 310 p .; V. II. Linguistic Axiology. Pragmatics. Psycholinguistics. — Pavlodar : IVF, 2010. —

338 p. — Text : unmediated. [Izbrannye raboty po lingvistike: v 2 t. T. I. Lingvisticheskaya aksiologiya. Otsenochnye vyskazyvaniya v russkom yazyke. — Pavlodar : EKO, 2010. — 310 s.; T. II. Lingvisticheskaya aksiologiya. Pragmatika. Psikholingvistika. — Pavlodar : EKO, 2010. — 338 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. Temirgazina, Z. K. Lingvoesthetic Assessment of the External Appearance of a Person in Russian and Kazakh Pictures of the World / Z. K. Temirgazina, M. K. Kairova. — Moscow : Flinta, 2013a. — 220 p. — Text : unmediated. [Lingvoesteticheskaya otsenka vneshnego oblika cheloveka v russkoy i kazakhskoy kartinakh mira / Z. K. Temirgazina, M. K. Kairova. — Moskva : Flinta, 2013a. — 220 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. Temirgazina, Z. K. Some Techniques of Language Manipulation in Modern Kazakhstani Political Discourse / Z. K. Temirgazina. — Text : unmediated // Political Communication: materials of an international scientific conference / Ural State Ped. Univ. —Ekaterinburg, 2013b. — P. 325—331. [Nekotorye priemy yazykovogo manipulirovaniya v sovremennom kazakhstanskom politicheskom diskurse / Z. K. Temirgazina. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya kommunikatsiya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013b. — S. 325—331]. — (In Rus.)

16. Temirgazina, Z. K. Linguocultural Specificity of the Conceptualization of Olfactory and Taste Sensations in the Russian Language Picture of the World (in comparison with Kazakh and English) / Z. K. Temirgazina. — Pavlodar : PSPU, 2014a. — 114 p. — Text : unmediated. [Lingvokul'turnaya spetsifika kontseptualizatsii obonyatel'nykh i vkusovykh oshchushcheniy v russkoy yazykovoy kartine mira (v sopostavlenii s kazakhskoy i angliyskoy) / Z. K. Temirgazina. — Pavlodar : PGPU, 2014a. — 114 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

17. Temirgazina, Z. K. News Sub-discourse as an Integral Part of Political Discourse / Z. K. Temirgazina. — Text : unmediated// Political Communication : materials of international scientific conf. / Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2014b. — P. 243—246. [Novostnoy subdiskurs kak sostavnaya chast' politicheskogo diskursa / Z. K. Temirgazina. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya kommunikatsiya : materialy mezhdunar. nauch. konf. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2014b. — S. 243—246]. — (In Rus.)

18. Temirgazina, Z. K. “Dreams of Reason” in the Kazakhstan Political Media Discourse / Z. K. Temirgazina. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2016. — No. 4 (58). — P. 68—74. [«Sny razuma» v kazakhstanskom politicheskom mediadiskurse / Z. K. Temirgazina. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 4 (58). — S. 68—74]. — (In Rus.)

19. Temirgazina, Z. K. Collection of Exercises and tasks on the Formation of Functional Literacy in the Lessons of the Russian Language / Z. K. Temirgazina, T. M. Timchenko, T. D. Melekhova, L. A. Kharlamova. — Pavlodar: PSPI, 2016. — 64 p. — Text : unmediated. [Sbornik uprazhneniy i zadaniy po formirovaniyu funktsional'noy gramotnosti na urokakh russkogo yazyka / Z. K. Temirgazina, T. M. Timchenko, T. D. Melekhova, L. A. Kharlamova. — Pavlodar : PGPI, 2016. — 64 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

20. Temirgazina, Z. K. Cognitive-language Modeling of the Image of an Alien in the Kazakhstan Media Discourse / Z. K. Temirgazina, M. K. Akosheva. — Text : unmediated // One belt — one way. Linguistics of interaction: materials of international scientific-practical conf. / Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2017. — P. 178—180. [Kognitivno-yazykovoe modelirovanie obraza chuzhogo v kazakhstanskom mediadiskurse / Z. K. Temirgazina, M. K. Akosheva. — Tekst : neposredstvennyy // Odin poyas — odin put'. Lingvistika vzaimodeystviya : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2017. — S. 178—180]. — (In Rus.)

21. Temirgazina, Z. K. Zoomorphic Model of Metaphorization in Russian and Kazakh Zoological Terminology / Z. K. Temirgazina. — Text : unmediated // Bulletin of the Tambov University. Series: Philology and Cultural Studies. — 2017. — V. 3. — No. 1 (9). — P. 5—9. [Zoomorfnaya model' metaforizatsii v russkoy i kazakhskoy zoologicheskoy terminologii / Z. K. Temirgazina. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki i kul'turologiya. — 2017. — T. 3. — № 1 (9). — S. 5—9]. — (In Rus.)

22. Temirgazina, Z. K. Manipulative Potential of Metaphorical Models in Kazakhstan's Political Discourse / Z. K. Temirgazina. — Text : unmediated // Learning to Understand Russia: Political and Mass Media Communication : materials of international scientific conf. / Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2018. — P. 254—257. [Manipulyativnyy potentsial metaforicheskikh modeley v kazakhstanskom politicheskom diskurse / Z. K. Temirgazina. — Tekst : neposredstvennyy // Uchimsya ponimat' Rossiyu: politicheskaya i massmediynaya kommunikatsiya : materialy mezhdunar. nauch. konf. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2018. — C. 254—257]. — (In Rus.)

23. Temirgazina, Z. K. Syntactic Analysis of Phrases and Sentences: a Training Manual / Z. K. Temirgazina. — Pavlodar : PSPU, 2019a. — 142 p. — Text : unmediated. [Sintaksicheskiy analiz slovosochetaniya i predlozheniya : uchebnoe posobie / Z. K. Temirgazina. — Pavlodar : PGPU, 2019a. — 142 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

24. Temirgazina, Z. K. Modal Meanings as an Effective Means of Linguistic Influence in the Speech of Politicians / Z. K. Temirgazina. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2019b. — No. 6 (78). — P. 44—50. — DOI 10.26170 / pl19-06-05. [Modal'nye znacheniya kak effektivnoe sredstvo yazykovogo vozdeystviya v rechi politikov / Z. K. Temirgazina. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2019b. — № 6 (78). — S. 44—50. — DOI 10.26170/pl19-06-05]. — (In Rus.)

25. Temirgazina, Z. K. How Far does the Process of Hybridization of Languages Go in the Translingual Situation? / Z. K. Temirgazina. — Text : unmediated // Multilingualism and Transcultural Practices. — 2020. — V. 17. — No. 1. — P. 39—44. [Naskol'ko daleko zakhodit protsess gibridizatsii yazykov v translingval'noy situatsii? / Z. K. Temirgazina. — Tekst : neposredstvennyy // Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki. — 2020. — T. 17. — № 1. — S. 39—44]. — (In Rus.)

26. Temirgazina, Z. Scientific and methodological bases of creating electronic textbooks on Biology in the English language / Z. Temirgazina, G. Khamitova, C. Kaparov, A. Abramova. — Text : unmediated // Biosciences, Biotechnology Research Asia. — 2015. — Vol. 12. — N3.

27. Temirgazina, Z. Didactic Features Of a Learner’s English-Russian Dictionary of Biology Development / Z. Temirgazina, G. Khamitova, K. Orazalinova. — Text : unmediated // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. — 2016. — 7 (2). — P. 317—326.

28. Temirgazina, Z. K. Cognitive Mechanism of Metaphorization in Zoological Terms / Z. K. Temirgazina, U. M. Bahtikireyeva, V. P. Sinyachkin, M. K. Akosheva. — Text : unmediated // American Journal of Applied Sciences. — 2016. — Vol. 13, Issue 12. — P. 1385—1393.

29. Temirgazina, Z. K. Artifacts as a source of russian and kazakh Zoological terms / Z. K. Temirgazina, U. M. Bahtikireyeva, V. P. Sinyachkin. — Text : unmediated // Information. — 2017. — Vol. 20, No.4 (A), April. — P. 2325—2336.

30. Temirgazina, Z. Metaphors in Anatomical Terminology / Z. Temirgazina, M. Akosheva, Y. Shakaman, A. Shaharman, Z. Kurmanova, M. Kairova. — Text : unmediated // Space and Culture, India. — 2019. — Vol. 7. — No. 1. — P. 143—153.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.
2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.
3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.
4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.
5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.
6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.
7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки
Научные направления:
10.01.10 «Журналистика (филологические науки)»
10.02.01 «Русский язык»
10.02.04 «Германские языки»
10.02.19 «Теория языка»
10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285
Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич
E-mail: ap_chudinov@mail.ru
Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна
Телефон: 8-922-6128661
E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технология и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования** (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

● Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).

● Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

● Фамилия, имя, отчество автора полностью.
● Ученая степень, звание, должность.
● Полное и точное место работы автора.
● Подразделение организации.
● Открытый идентификатор автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте *https://orcid.org*).
● Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5—10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.100—2018. Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно, Т. В. К логике социальных наук / Т. В. Адорно. — Текст : непосредственный // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76—86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett. — DOI 10.1300/ J120v27n58 08. — Text : unmediated // The Reference Librarian. — 1997.— Vol. 3. — № 58. — P. 75—85.

Корнилов, В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе / В. И. Корнилов. — Текст : непосредственный // Теплофизика и аэромеханика. — 2006. — Т. 13. — № 3. — С. 369—385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы / А. Ю. Кузнецов. — Текст : непосредственный // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — Москва : Научный мир, 2003. — С. 340—342.

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Тарасова, В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов / В. И. Тарасова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2006. — 412 с. — Текст : непосредственный.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича ; Сарат. гос. ун-т. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. — 199 с. — Текст : непосредственный.

Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : ИНФРА-М, 2006. — 494 с. — Текст : непосредственный.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов, В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке : специальность 05.25.05 «Информационные системы и процессы» : автореф. дис. … канд. техн. наук / Глухов Виктор Алексеевич ; Институт научной информации по общественным наукам Рос. акад. наук. — Новосибирск, 2000. — 18 с. — Место защиты : Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН. — Текст : непосредственный.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин, В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : дис. … канд. полит. наук / Фенухин Владимир Иванович ; Московский гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. — Москва, 2002. — 162 с. — Текст : непосредственный.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — Москва : ИМЭМО, 2007. — 39 с. — Текст : непосредственный.

ПАТЕНТЫ

Патент № 2122745 Российская Федерация, МПК GO2B23/12, GO2B26/06. Оптико-электронный аппарат : заявл. 02.07.1996 : опубл. 27.11.1998 / Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. ; заявитель ВНЦ «ГОИ им. С. И. Вавилова». — 1 з. п. ф-лы : ил. — Текст : непосредственный.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы : сб. ст. Первой межрегион. конф / [редкол.: д-р ист. наук А. Е. Леонтьев (отв. ред.) и др.]. — Ярославль : Ярославский музей-заповедник : Музей-заповедник «Рост. Кремль», 2003. — 350 с. — Текст : непосредственный.

Марьинских, Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) / Д. М. Марьинских. — Текст : непосредственный // Экология ландшафта и планирование землепользования : тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. — С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. библиотека, Центр правовой информации. — [Санкт-Петербург], 2005— . — URL: http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/ (дата обращения: 18.01.2007). — Текст : электронный.

Логинова, Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей / Л. Г. Логинова. — Текст : электронный // Образование: исследовано в мире : междунар. науч. пед. интернет-журн. — 2003. — 21 нояб. — URL: http://www.oim.ru/reader.asp?nomer= 366 (дата обращения: 17.04.2007).

Российская национальная библиотека : официальный сайт. — Санкт-Петербург, 1998— . — Обновляется в течение суток. — URL: http://www.nrl.ru/ (дата обращения: 20.02.2007). — Текст : электронный.

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html (дата обращения: 17.10.2008).

Лэтчфорд, Е. У. С Белой армией в Сибири / Е. У. Лэтчфорд ; пер.: В. Крупник. — Текст : электронный // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака : сайт. — URL: http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2020. ВЫПУСК 3 (81)

Адрес редакции:
620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.
Адрес учредителя:
620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет
Адрес издателя:
620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.
Подписано в печать 18.06.2020. Формат 60x84/8.
Дата выхода в свет: 07.06.2020.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. — 17,9. Усл. печ. л. — 18,3. Тираж 500 экз. Заказ 5023.
Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.me